РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ИМЕНИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

(КУНСТКАМЕРА)

АЛГЕБРА РОДСТВА

♦

РОДСТВО

СИСТЕМЫ РОДСТВА

СИСТЕМЫ ТЕРМИНОВ РОДСТВА

♦

Выпуск 6

Санкт–Петербург
2001

Cogito ergo progigno

Г.В. Дзибель

Феномен родства:

Пролегомены к иденетической теории

Санкт–Петербург
2001

ББК 63.5
А 45

Ответственный редактор

В.А.Попов

Рецензенты:

П.Л.Белков, Н.М.Гиренко, К.И.Поздняков

Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы
А45 терминов родства. Вып. 6: **Г.В.Дзибель. Феномен родства. Пролегомены к иденетической теории.** – СПб.: Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, 2001. – 470 с.

В книге закладываются основы новой научной дисциплины – иденетики, основанной на синтезе этнологического и лингвистического подходов к феномену родства. В результате типологического анализа категорий пола, возраста, поколения и генеалогических линий в системах родства выявляются кросс-культурные принципы идентификации коммуникативно значимых элементов окружающего мира и их исторические трансформации. Предлагается принципиально новая модель исторической типологии систем терминов родства, в которой интегрированы и стадиально атрибутированы существующие модели классификации родственников. Реконструируется протосистема терминов родства *Homo sapiens*. Исторические трансформации систем терминов родства и ареальная дистрибуция типологических единиц сопоставляются с мифологическими мотивами и социальными институтами. Демонстрируется реальность интеграции иденетики и генетики в единую систему познания процессов популяционного воспроизводства.

Издание осуществлено при финансовой поддержке ЗАО «Фирма “ГИРО”», ООО «Вест-Энд»

и Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
по проекту № 01–06–87083
РФФИ

© МАЭ РАН, 2001
© Дзибель Г.В., 2001
© Попов В.А. (отв.ред.), 2001
© Харитонова А.Ю. (худож. оформл.), 2001

А 0505000000
Без объявления
ISBN 5-88431-033-1

«На сегодняшний день нет никаких оснований полагать, что великая загадка родства, предложенная Морганом более века назад, нашла свое удовлетворительное разрешение».

Элизабет Тукер
Предисловие 1997 г. к «Системам родства и свойства человеческой семьи» Л.Г.Моргана

«Ошибкой и, вероятно, жестокой ошибкой является сведение терминологий родства к родству и браку, к социальным категориям или кровнородственным отношениям. Конечно, они содержат в себе отсылку к таким вещам; но вместе с тем имеют и более важные предикаты, игнорирование которых уводит нас в ложный мир объяснений и интерпретаций связей между вещами – будь то люди, животные, боги, силы природы или неодушевленные предметы».

Джоанна Оверинг
«Назову-ка я его сегодня мамой»

«Человек – это и его предки и его потомки, и их множество и их единство».

Сильвио Фанти
«Микропсихоанализ»

«Мы не наследуем землю от наших предков, а заимствуем ее у наших детей».

Антуан де Сент-Экзюпери
«Земля людей»

ПРЕДИСЛОВИЕ ЭГО

Предлагаемая читателю книга представляет собой опыт разработки нового научного направления – иденетики. Иденетика – область системных эмпирических исследований поведения биологических особей

как взаимных знаков (сообщающихся коммуникантов). Строящаяся на теоретическом и практическом материале этнолингвистики, когнитивной антропологии, семиотики и этносоциологии родства, она призвана исследовать процесс идентификации системой (человеком, социумом) коммуникативно-активных элементов окружающей ее социальной и природной среды. Под «коммуникативно-активными элементами» подразумеваются не только человеческие особи, но и потенциально любой действительный или воображаемый объект, если он сообщает субъекту свойство или сознание активности в отношении себе подобных.

Философски осмысленная в свете феноменологической онтологии М.Хайдеггера, социокибернетики Н.Лумана, философского литературоведения М.М.Бахтина и драматургической социологии Э.Гофмана иденетика задумана как общественно-научная параллель генетики индивидуального и популяционного уровней. Если генетика в самом общем виде исследует процесс воспроизводства биологических особей, то иденетика изучает *процесс воспроизводства человеческих «я»*. Ключевым понятием иденетики является *эпистенция*. Возникший в ходе параллельного переосмысления философской концепции экзистенции, как присущего только человеку способа быть (т.е. мыслить свое существование), общей концепции эволюции и круга этносоциологических понятий «экзогамия», «эндогамия» и «эпигамия», этот термин несет в себе иденетическое понимание родства как такого отношения между человеком и окружающей средой, при котором человек мыслит не категориями, а себе подобными особями, и не размножает себе подобные организмы, а является средством воспроизводства своей собственной среды обитания (осмысляемой философией под рубрикой «бытие») как совокупности структур преемственности между его предками и его потомками. В рамках иденетики человек мыслится не как биологический вид, а как экологическая система (ср.: ноосфера В.И.Вернадского), для которой размножение является не структурной реальностью, а одной из функций общественного взаимодействия. В системе *Homo sapiens* размножаются не единичные особи, а поколения особей.

В последние годы генетической наукой было установлено, что человек делит с высшими приматами порядка 97–98,5% своего генного состава. Такое тесное родство на уровне наследственных биологических признаков находится в парадоксальном несоответствии с отсутствием достоверных свидетельств в пользу филогенетической близости между такими качествами человеческого сообщества, как язык, культура, интеллект, и поведением животных родственников человека. Задачей иденетики является определение видового метаязыка (*иденома*) как модели порождения уникальных человеческих фенотипов, т.е. не систем передачи наследственной (генной) информации, а систем передачи информации о (фенотипической) изменчивости или систем *изменяющей информации*. Если генетика в самом общем виде исследует процесс воспроизводства биологических особей, то иденетика видит свою цель в *описании процесса воспроизводства человеческих «я»*. Общая генетико-иденетическая теория происхождения человека позволит, как кажется, всестороннее согласовать процессы эгогенеза, этно-

генеза и антропогенеза в рамках единой теоретической модели и постичь природу поведенческих расхождений между человеком и животными видами. Методологическая перспектива выявления иденома *Homo sapiens* видится в синтезе формальных и интерпретационных подходов к «системам (терминов) родства» как эгоцентричным (в настоящей работе – эгомерным, эгоцентрирующим, эгогенерирующим) поведенческим и информационным системам. Спектр формальных взглядов на системы родства (СР) и системы терминов родства (СТР) охватывает историко-филологические, структурно-лингвистические и логико-алгебраические исследования терминов и категорий родства (см. подробнее: [286]). К интерпретационным подходам следует отнести этнологические, юридические, социобиологические и психоаналитические традиции изучения социальных и психологических факторов, диктующих «стратегии родственной близости» на индивидуальном и групповом уровнях. Первейшей задачей иденетики является нейтрализация исторически обусловленного расхождения между языковедческой проблематикой установления фонетических, грамматических и этимологических характеристик терминов родства (ТР) конкретных языков и этносоциологической ориентацией на выявление синхронной и диахронной природы категориальных связей в СТР. ТР занимают в языке особое место: они заключают в себе онтологию языка и, соответственно, иденетика относится к лингвистике и семиотике как генетика относится к биологии.

Материалом для реализации иденетической программы изучения феномена родства служит база данных, включающая в себя более 1000 терминологий родства (ТР), наряду с другими видами социальной классификации. Обращение к СТР является, по моему мнению, единственно приемлемым способом интеграции указанных подходов, коль скоро и этнографы, и лингвисты оперируют при изучении родства общим материалом. Интеграцию лингвистики и этносоциологии родства предполагается осуществить, с одной стороны, посредством построения многокомпонентной исторической типологии принципов классификации лиц, считающихся в конкретных обществах родственниками, и реконструкции основ такой классификации для раннечеловеческого общества, а с другой – путем выявления положения ТР в морфологической, семантической, синтаксической и прагматической системах языка и наблюдением за формальными и семантическими характеристиками ТР в языках индоевропейской семьи – языковой общности, обладающей одной из самых древних письменных традиций и наиболее глубоко изученной наукой (см.: [288; 289]).

Общепринятого обозначения ТР как элемента лексики с традиционным формантом *-оним* не существует. Термины «патроним», «патронимика», употребляемые А.П.Дульзоном [308, с. 102; 309], неприемлемы в силу того, что «патроним» имеет долгую историю употребления в качестве синонима «отчества», а патронимией называется конкретный социальный институт. Термин «геноним», используемый дагестанскими лингвистами [9], не удобен потому, что, во-первых, у других авторов он фигурирует в качестве обобщенного названия имен

родоплеменных объединений [526, с. 5], а во-вторых, термин «ген» имеет биологическое содержание и, как следствие, вызывает посторонние ассоциации. Введенное В.А.Поповым обозначение «соционим» [691, с. 60] (также: [495, с. 286; 497, с. 68; 339]) является нейтральным способом описания социальной номенклатуры первобытности (первичной формации), соотношение которой с современными европейскими представлениями о реальном родстве как родстве преимущественно биологическом нельзя считать однозначным.

В настоящей работе используются понятия *иденотив*, *иденоним*, *идея* и *идема*. Термин *иденотив* применяется по отношению к одному из элементов комплекса семиологических классов, который включает местоимения, числительные, соматонимы, фенонимы (личные имена)[1], апеллятивы и различные антропонимические группы, в том числе «имена родства»; и рассматривается как система представления в языке субъект-объектного поля связей. *Иденоним* – это термин родства как лексическая единица. Форма этого термина, с одной стороны, подчеркивает нейтральность родства в отношении к связям по «крови», с другой – снимает жесткое противопоставление между социальными связями в рамках первичной и вторичной формаций и, наконец, содержит указание на существование на всех этапах развития человеческого общества специального лексического класса, служащего целям идентификации агентивных условий коммуникации и отличающегося таким свойством, как эгомерность («эгоцентричность» в традиционной этносоциологической терминологии). Термин *идема* отражает бытие ТР как особой категории знаков, порождающих одни референты за счет уничтожения других. Термин *идея*, в согласии с его исходным платоновским смыслом и со смыслом, которое Э.Гуссерль вкладывал в понятие «эйдос», передает значение единства иденонима и присущей ему категории, данной как видимое, слышимое, осязаемое присутствие. Соответственно, идея – это вид иденонима («что» родства), а идема – это род иденонима («кто» родства). Примечательно также, что индоевропейские языки последовательно разграничивают личностное и предметное знание (ср. рус. *знать* и *ведать*, польск. *znać* и *wiedzeć*, нем. *kennen* и *wissen*, фр. *connaitre* и *savoir*), причем формы личностной гносеологии (ср. греч. *γιγνώσκω τόν 'άνδρα* «знать людей») восходят к ПИЕ **genos-* «род, родство» (см, например: [711а; 884]), а формы предметной эпистемологии – к ПИЕ **weid-* «видеть». Другой комплекс понятий, входящий в теоретический аппарат иденетики, включает в себя такие категории, как *генотип*, *фенотип*, *иден, иденофакт*, *иденотип*, *гнейротип*. *Генотип* особи составляет набор молекул ДНК, сформировавшийся в результате редупликации, рекомбинации, модификации и селекции родительских генов. *Фенотип* представляет собой эмпирически данный уникальный набор биохимических, физических и поведенческих признаков, лишь частично определяемый индивидуальным генотипом. Все фенотипические признаки, значимые для пары или более лиц предлагается именовать *иденами*. Совокупность иден пары или группы лиц составляет *иденотип*, организованный триадой «относительный пол – относительный возраст – относительное поколение». Иде-

нотип предполагает взаимодействие между, по крайней мере, двумя фенотипами и характеризует *иденофакт*. Иденофакт – это сугубо индивидуальное отношение между двумя субъектами, оформляемое в культуре как «родственное» независимо от того, является это родство генетически исчисляемым или нет. *Гнейротип* (неологизм, построенный на игре греческих слов *genos*, *gnosis* и *neiros*) представляет собой систему нервных образований, обеспечивающих восприятие, обработку, передачу, хранение и воспроизведение человеком информации о самом себе и себе подобных.

Соответственно, различаются *терминология(и)*, или *номенклатура(ы), родства* (ТР) как искусственно конструируемое исследователем для целей формального фонетического, синтаксического и семантического анализа множество иденонимов конкретного языка; *система(ы) терминов родства* (СТР) как реальная система классификации идей родства, бытующая в коллективе, и *космос родства* (КР) как социальный организм воспроизводства индивидуальных «я», состоящий из идем как мельчайших слагаемых личностной самости и объединяющий материальность языковых знаков и знаковость самих индивидов. Представляется, что термин «космос» в состоянии передать синтетическое единство родства как системы, родства как текста, родства как саморазвивающегося социального организма и родства как человеческого бытия, акцентируя не искусственное противопоставление биологического и социального родства, а единство семиотики и онтологии в круговороте рождения, взросления (инициации, становления) и смерти; и указывая на ключевую роль символики родства в первобытной и религиозной космологии (см., например: [1565]), а также в этимологии многих философских концепций. Понятие «космос родства» призвано конкретизировать такие получившие широкое (рас)хождение идеи, как «система родства», «система терминов родства», «социальный организм родства», «социальный организм популяционного воспроизводства» (см. АР. Вып. 1–4). Термин «космос» происходит от греч. *κόσμος*, обладающим выгодно широким, но определенным набором значений: «порядок, строение, устройство, государственный строй, правовое устройство, надлежащая мера, мировой порядок, мироздание, мир, наряд, украшение, краса». В мифологической, раннефилософской и современной научнофизической традициях *κόσμος* передает идею целостной, всеобъемлющей, упорядоченной и гармоничной вселенной, понятие о которой оказалось затемненным функциональной дифференциацией общественно-научного знания (ср.: [880; 924а]). Важным компонентом понятия *κόσμος* является представление о специфической знаковой связи между частью и целым (телесным, личностным и социальным микрокосмом и вселенским макрокосмом). Противопоставленнный хаосу, космос состоит с ним одновременно в глубокой внутренней связи, обеспечивающей, по Ф.Ницше, «вечное возвращение» созидательного и разрушительного начал, освобождающей понятие родства от привычных узкосемейных ассоциаций и превращающей его в меру общеантропологического познания и «пароль» в сферу человеческого бытия. Исходя из понимания КР как онтологического семиозиса, стандартные лингвистические и логические понятия употребляются в

работе с добавлением приставки *пра-*: например, *прасубъект*, *праречевой акт*, *праграмматика*, *праморфология*, *прародительный падеж*, родство как *праестественный язык* и др. Эта приставка, философский смысл которой восходит к понятию *Urpräsenz* у Э.Гуссерля как данного мне преинтенционального присутствия меня самого в каждый момент настоящего и к хайдеггеровской идее «отступания назад» от сущего с целью восприятия его как целостности, а ближайшей параллелью которой является употребление Ж.Деррида префикса *archi-* (< греч. *arkhe* «основополагающий принцип») в таком словоупотреблении, как *archi-écriture* «ветхое письмо» и др., передает смысл КР как предначертывающего систему языка, систему речи, систему мифа и систему логики и стоящего в основании широкого междисциплинарного синтеза.

Книга состоит из введения, четырех частей и заключения. Во введении раскрывается междисциплинарность феномена родства как предмета научного познания. Часть I посвящена изложению истории изучения СТР в рамках этносоциологического, этнолингвистического и историко-типологического подходов. Особое внимание уделяется развитию научных представлений о соотношении терминологических структур, с одной стороны, и когнитивных и социальных структур – с другой; в этой связи предлагается углубленный анализ интерпретаций таких терминологических форм, как взаимная терминология родства, модели кроу-омаха, скользящий счет поколений, кумулятивная терминология родства. В Части II обосновывается важность феномена родства для философского дискурса Новейшего времени, раскрывается сущность родства как категории фундаментальной онтологии и проводится мысль о том, что существующие общие теории языка не позволяют дать адекватное описание иденонимического семиозиса. Соответственно, излагается иденетический подход к естественному языку и впервые предлагается системное описание коммуникативного статуса иденонимов. Затрагивается вопрос о необходимости перехода в рамках философии языка от «философии собственного имени» и «философии речевых индексов» к «философии иденонима». Часть III представляет собой описание типологических аспектов СТР (праграмматическая, праморфологическая и прасемантическая типологии). В рамках прасемантической типологизации предлагается опыт реконструкции категориальной структуры прото-СТР *Homo sapiens* (протосистемы, к которой восходят все эмпирические системы и которая бытовала, условно говоря, до расселения человеческих групп по ойкумене) и опытная методология этимологической реконструкции на примере индоевропейских иденонимов. В Части IV дается иденетическое толкование феномена этноса и природы языкового родства, обосновывается тезис об этногенетическом субстрате прасемантической типологии СТР и устанавливается ряд предварительных соответствий между элементами прасемантической типологии, с одной стороны, и некоторыми социокультурными институтами (реинкарнационный комплекс, адопционный комплекс и пр.) и синтагматической типологией мифологических мотивов – с другой.

Названия этнических общностей даются по лингвистическому классификатору «Этнолог» (г. Остин, Техасский летний институт лингвистики, 1996, издание 13, под редакцией Б. Граймс) (www.sil.org/ethnologue) и каталогу Н.Тиндейла (1974) по австралийским аборигенам (www.samuseum.sa.gov.au/tindale/tindaletribes/about.htm). При описании значений иденонимов используется буквенный код, предложенный Ю.И.Левиным и основанный на комбинации простейших отношений родства «родитель» (Р), «дитя» (Д) и «супруг» (С), а также точки отсчета «эго» (Э) с показателями пола (м, ж) и возраста (+, -). В такой записи категория родства «отец» выглядит как Рм, «брат матери» – как ДмРРж, «младшая сестра отца» – как -ДжРРм, «старший брат» для говорящего мужчины – как +ДмРЭм, «сын старшего брата» – как Дм+ДмР, «сын брата старше говорящего» – как +ДмДмР и т.д. (см.: [519]). При воспроизведении фонетики слов соблюдалась нотация оригинальных текстов (в связи с этим формы, взятые из старых источников, могут расходиться с современным фонетическим каноном для данного языка) за исключением тех случаев, когда фонетическая запись по техническим причинам не могла быть повторена полностью. Знаком «ʔ» в тексте обозначается глоттальная смычка; в койсанских формах ○ означает губной щелчок, ǂ – нёбный щелчок, | – зубной щелчок, ǁ – латеральный щелчок, ! – церебральный (палатально-нёбный) щелчок (в соответствии с нотационной системой, принятой в [1115]).

ВВЕДЕНИЕ: ФЕНОМЕН РОДСТВА КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

1.1. Генос и гнозис: от христианства к наукам о человеке

Если попытаться извлечь общий корень из противоречивых исследований таких ведущих философов науки, как Т.Кун, П.Фейерабенд и К.Поппер, то историю научной мысли можно представить как парадоксальное взаимодействие процесса поступательного накопления социальных знаний и парадигматических революций. Христианский постулат о единосущности трех божественных ипостасей – Бога-Отца, Бога-Сына и Святого Духа был ключевым моментом в становлении новой религиозной системы. Эпоха Возрождения повлекла за собой переоценку телесного естества человека, в результате чего католическая троица приобрела земные очертания, и мистическое триединство получило новое истолкование в виде «святого семейства». Проникновение фигуры природного отца Христа в живописные темы, ранее рисовавшие пасторальную идиллию Девы Марии и новорожденного Спасителя, шло параллельно с бурным экономическим ростом Европы и распространением европейцев по отдаленным областям ойкумены. Эпоха Нового времени ознаменовалась утратой церковью своей роли посредника между семьей и божественным миром, и семья оказалась вовлеченной в новые для нее отношения с государством.

Идеологией нарождавшейся буржуазной общественной сферы стала научная мысль. Европейская история Нового времени стала восприниматься как просветленный уход от семейно-родовых традиций (*Gemeinschaft*) в сторону общества свободных личностей, изъявляющих свою волю, примиряющих свои интересы и объясняющих окружающий их всех *однородный* мир в терминах формальной логики (*Gesellschaft*). Развитие геологии и географии ускорило переворот в представлениях европейцев о пространственно-временной онтологии человеческого существования и устранило господствовавшую библейскую хронологию, описывавшую историю человечества в два этапа: от сотворения мира, образования первого триединства и создания «первой семьи» и от рождения Христа, образования второго триединства и создания «второй семьи» (ср.: [2122]).

В этой атмосфере в центре внимания научной мысли оказался феномен, прежде скрытый в тайниках европейской семьи и христианского вероучения. Этот феномен – родство. Эпоха Просвещения и выросшие из нее (без верификации через посткантовскую философию) конкретные науки о человеке сформировали взгляд на человека как продуцируемого *геносом*, который уводит его, в конечном итоге, в животное царство, и наделенного *гнозисом* как особым способом адаптации к окружающему миру.

В 1859 г. выходит в свет труд Ч.Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение избранных пород в борьбе за существование» [1218], ставшей источником одной из крупнейших

научных систем современности – эволюционизма. В нем Ч.Дарвин провозгласил тезис, которому было суждено стать главным водоразделом между научной и религиозной метафизикой. Таинство творения было заменено на родство по происхождению (*descent*), названное той «потаенной связью», которая связывает человека с живой природой.

В 1865 г. чешский монах и ученый Г.Мендель публикует свои работы, посвященные разработке методов изучения наследования признаков живыми организмами, заложив тем самым фундамент новой отрасли биологической науки – генетики. От Ч.Дарвина, Г.Спенсера и Г.Менделя, в конечном итоге, ведет свое начало *социобиологическая парадигма* родства, объясняющая процесс рождения форм социального поведения из субстанций генной наследственности и эволюционным детерминированием психологических реакций потомков на социальную среду предков, или, иначе, механизм выживания родительских генов в популяциях потомков (см., например: [1058]). В 1869–1870 гг. соотечественник Ч.Дарвина Дж.Макленнан выдвинул теорию, по которой религия рождается из тотемизма, или ложного представления о родстве между человеком и животными (см.: [1696]). Ирония этого соположения теорий состоит в том, что наука оказалась связанной с религией сложными отношениями «родства» по истине: ложность религии стала истинностью науки, но истинность последней попала в опасную зависимость от истории первой. Фактически обнажилась проблема языкового знака: «творение» может означать «родство», а «родство» – «творение»; антонимы обнаруживают свойства синонимов, если соблюдается условие неразделимости участников «коммуникации» – Бога, Человека и Природы. Сработал неизвестный К.Марксу закон отрицания означающего, по которому отрицаемое становится означаемым, а отрицающее становится означающим. Теология и антропология разошлись в языке описания своих *свойств* как объектов (эпистемология), но тесно сошлись в метаязыке представления своего *родства* как субъектов (онтология). Расхождение понятийных языков порождает их интегративное качество – праязык, который есть система терминов их родства.

Несколько ранее, в 1836 г., В. фон Гумбольдт опубликовал свой трактат «О различии в строении человеческого языка и его влияние на духовное развитие человеческого рода» [260]. В нем он сформулировал свое видение языка как «порождения» духом формы своего выражения. И опять мы сталкиваемся с родством теперь уже в немецкой форме *Geschlecht* («род, поколение») и в контексте истории различий «творений духа» состоящих в родстве людей. Развивавшаяся в те времена сравнительная лексикография и индоевропеистика особое внимание уделяли записи и сопоставлению «элементарной лексики» и прежде всего ТР. Например, список В.Лейбница, явившийся основой для лексикографических опытов П.Палласа, Т.Джефферсона, сэра У.Джоунса, открывшего в 1786 г. родство греческого, санскрита и латинского языков, и А.Кэмбелла, доказавшего в 1816 г. родство дравидийских языков и впервые записавшего особенности дравидийской ТР, содержал в числе значимых *propinquitates*

& aetates иденонимы *pater*, *mater*, *avus*, *filius*, *filia*, *frater*, *soror*, *patruus*, *maritus*, *uxor* (см.: [1415; 2123]).

В 1848 г. в России славянофил Ф.И.Буслаев посвятил несколько глав своей магистерской диссертации «О влиянии христианства на славянский язык» этимологическому анализу терминологии общественного быта в славянских языках [153]. Ф.И.Буслаев выделил в истории славянских языков две эпохи – мифологическую и христианскую. Он пришел к заключению, что, во-первых, происхождение всех славянских ТР можно объяснить через сопоставление их с санскритскими терминами («санскрит остается источником объяснению слов, по преимуществу имеющих смысл родства»), а во-вторых, конкретные значения исторически преобразуются в отвлеченные, а термины семейного быта имеют тенденцию превращаться в слова, обозначающие более широкие общественные связи. Причиной распада родовых связей и выделения семьи, по его мнению, послужило распространение среди славян христианства.

В подобном же ключе было написано более обстоятельное исследование П.А.Лавровского «Коренное значение в названиях родства у славян», увидевшее свет в 1867 г. [508]. П.А.Лавровский попытался выделить исконные значения русских ТР, показать на примере славянских языков механизм изменения значения слов, служащих в языке обозначением родственных отношений, с течением времени и зависимость этих изменений от ломки социальных институтов. Работы Ф.И.Буслаева и П.А.Лавровского послужили основой для формирования *историко-филологической традиции* анализа ТР как определенного класса лексики конкретного языка и реконструкции их праязыковых форм и значений[2].

В этот же период православной церковью стало уделяться специальное внимание утверждению порядка брачных связей и в связи с этим – определению характера самого родства. В серии работ, посвященных этой теме, ключевое место занимает исследование протоиерея И.Скворцова, опубликованное в нескольких номерах «Руководства для сельских пастырей» за 1861 г. [786]. И.Скворцов остановился на видах родства («духовное», «кровное», «физическое», «юридическое» и др.), привел подробную таблицу русской ТР и сравнил современную ему ТР с некоторыми древнерусскими терминами [786, с. 79, 208]. Более полное сопоставление было произведено позднее священниками С.Григоровским [253, с. 31; 254] и В.П.Сахаровым [751].

1.2. «Системы родства и свойства человеческой семьи»

В 1857 и 1859 гг. вышли в свет предварительные публикации американского юриста Л.Г.Моргана под названием «Законы родства по происхождению у ирокезов» [1768] и «Системы родства краснокожей расы» [1769], за которыми, в 1871 г., последовал обобщающий труд «Системы родства и свойства человеческой семьи» [1773]. Л.Г.Морган обратил внимание на то, что при назывании родственников ирокезы-сенека руководствуются принципами, отличными от тех, которые

цивилизованному европейцу кажутся очевидными и единственно возможными. Европеец назовет брата своей матери и брата своего отца «дядей», а отцом будет считать только своего непосредственного родителя. Между тем, у ирокезов принято одним термином называть отца и его брата, а брата матери выделять особым термином. Л.Г.Морган полагал, что Лига ирокезов как политическая структура представляла собой просто усложненную форму ирокезской ТР [1768]. В дальнейшем выяснилось, что ирокезский способ группировки родственников составляет вовсе не случайность, а закономерность, встречающуюся у разных племен американского континента. Проанализировав собранный материал по индейцам, Л.Г.Морган сделал важный вывод:

«Хотя она [ТР индейцев. – Г.Д.] и отличается сложностью и своеобразием, но основывается на четких идеях, которые находятся между собой в таких разумных и определенных отношениях, что образуют *систему*» [1769, с. 1; выделено мной. – Г.Д.].

Л.Г.Морган расширил масштабы своего исследования и через корреспондентов собрал ТР этнических общностей Полинезии, Азии и Европы. Помимо ирокезского способа группировки родственников, стал известен «малайский» вариант, также сильно отличающийся от ТР европейских обществ; и «эскимосский», не похожий ни на ирокезскую терминологию, ни на малайскую, ни на европейскую. Л.Г.Морган обнаружил сходство между ирокезской и тамильской ТР и, назвав выявленный тип «турано-гановским» (второе слово происходит от названий стрелы и лука у сенека), интерпретировал это обстоятельство как свидетельство азиатского происхождения индейцев. Он поделил известные ему номенклатуры (всего 6 типов) на две глобальные категории – «классификационные» (*classificatory*) и «описательные» (*descriptive*): первые обнаруживаются исключительно в «индо-американском» мире, вторые – в «индо-европейском». Первые способствуют «концентрации крови» и исторически предшествуют вторым, которые возникли с появлением частной собственности и приводят к «рассеиванию крови»; но и те, и другие объясняются общим происхождением народов, у которых они обнаруживаются [1773, с. 13].

Таким образом, Л.Г.Морган вышел за пределы традиционной для его времени лексикографии и принялся выявлять «органические формы» [1773, с. V-VI] ТР как частей системы. В естественном языке оказались слова, которые не просто изредка и по отдельности меняют свои значения, прямолинейно реагируя на случайности объективного мира, а участвуют в едином семантическом процессе, который охватывает все глобальное многообразие языков. Осознавая значение открытых им закономерностей для исторической филологии, но писал в предисловии к «Системам родства и свойства человеческой семьи»:

«Поразительные результаты сравнительной филологии и эффективность тех методов, которыми она как научная дисциплина руководствуется, позволяли надеяться, что в конечном итоге ей удастся распределить все народы земли по семьям, имеющим такие же четкие границы, как арийская и семитская. Не исключено, правда, что конечный набор этих семей будет значительно превышать число известных на сегодняшний день. Когда эта работа филологов будет завершена, останется без ответа вопрос о том, можно ли на материалах языка установить родство между двумя и более семьями. Такой результат вполне

вероятен, однако до сих пор ни один анализ языка – каким бы тонким и глубоким он ни был – не был в состоянии преодолеть барьер, разделяющий арийский и семитский языки (а ведь это языки наилучшим образом изученные) и вскрыть те процессы, которые повлекли за собой их выделение из общего источника. В своем нынешнем состоянии они радикально отличаются друг от друга. Именно знание той роли, которую играют системы родства и свойства для решения этого животрепещущего вопроса, заставило предпринять исследование, результаты которого изложены в данной книге» [1773, с. V-VI].

Как показывают новейшие исследования (см.: [1296; 1297; 1298]), моргановское понимание родства обнаруживает хитрое сплетение концепции воплощенного в слове юридического кодекса и религиозной по своему происхождению идеи животворящей божественной субстанции, общей для людей и животных. Этим объясняется сходство моргановских «таблиц родства» и схем расположения бобровых хаток, которые он рисовал в своем малоизвестном натуралистском исследовании по этологии американского бобра [1771]. Л.Г.Морган полагал, что и люди, и животные наделены в одинаковой мере способностью к осмысленной коммуникации (в том числе и межпоколенной); только бобры мыслят хатками, которые образуют своего рода семантические системы, и общаются на «языке» каналов и плотин, а люди мыслят себе подобными, тоже организуют их в системы и общаются при помощи звуков. По мысли Л.Г.Моргана, именно осмысленная коммуникация среди бобров позволила им, как и индейцам, колонизовать весь американский континент. Сходство коммуникативного поведения людей и животных мыслилась Л.Г.Морганом как *общее происхождение* природного свойства целеполагания и витальной силы из единого трансцендентального источника.

Юридические правила брака, имеющиеся в человеческом обществе, определяют правила передачи этой животворящей субстанции следующим поколениям, перегораживая потоки крови подобно тому, как бобры перегораживают речные потоки плотинами. Передаваемые из поколения в поколение по пролегающим через естественный язык «каналам крови» [1773, с. XXII], они сохраняют отпечатки прохождения человеческим обществом различных стадий развития и в чем-то напоминают юнговские архетипы. Примечательно, что понимание языка, сложившееся у Л.Г.Моргана в ходе исследование им СР и во многом повторяющее его понимание генеалогического родства, предвосхищает соссюровский тезис о произвольности языкового знака и непреложности связи означаемого и означающего для носителей конкретного языка[3]. Ср.:

«Их [систем родства. – Г.Д.] использование и сохранение вверено всем без исключения лицам, которые говорят на общем языке, а их каналом передачи является кровь» [1773, с. 15].

Идея отставания языка от социальной эволюции проистекала из убеждения Л.Г.Моргана, что превратности среды обитания вызывают в человеческой душе (*mind*) скоростной поток вполне осознанных образов, тогда как человеку требуется время прежде, чем он сможет осмыслит свой опыт посредством дискретных фонетических элементов (*consciousness*) (см.: [1297]). ТР являлась для Л.Г.Моргана средоточием этих «элементов памяти и опыта» [1773, с. XXII], которые позволяют перешагнуть границы языка и постичь как древние этапы истории

народов (уже не просто языков!), так и общие для живой природы принципы осмысленного и коммуникативного поведения. В определенной мере можно сказать, что смысл, который изначально вкладывал в изучение родства один из «отцов» антропологии, состоял в осуществлении своеобразного психоанализа всемирной истории как восхождения по опорной оси мироздания и снятия кардинального для иудео-христианства противопоставления древа познания, доставшегося человеку, и древа жизни, оставшегося у Бога[4].

Согласно Т.Тротманну [2122, с. 147-178], только под влиянием своего близкого друга, пресвитерианского священника Дж.Макилвейна, автора инструкции по чтению и интерпретации Библии «Древо познания добра и зла» (1847), знакомого с европейским эволюционизмом и историко-филологическими исследованиями и увлеченного поисками в районе оз. Верхнего следов библейского потопа, Л.Г.Морган переключился с проблемы глобального этногенеза на проблему интерпретации «органических форм» родства с точки зрения «гипотетической истории» восхождения человеческого общества от промискуитета и дикости к юридически нормированным половым связям и цивилизации (см.: [609]). Научный метод Л.Г.Моргана сформировал исследовательскую парадигму, которая на протяжении без малого 150 лет составляет существо *этносоциологической программы* изучения феномена родства.

1.3 Психоанализ и марксизм в «эдиповом» клубке

В конце XIX – начале XX вв. к филологическим, этносоциологическим и биологическим вариациям на тему «родства» присоединился *психоанализ*. Возникший на стыке психологии и медицины, психоанализ приобрел автономную эпистемологию именно благодаря привлечению его основателем, австрийским психиатром З.Фрейдом, феномена родства в облике теории «эдипова комплекса» (см.: [1326; 1236]). Суть этой концепции заключается в том, что каждый ребенок испытывает сексуальное влечение к родителю противоположного пола и ненависть к родителю одного с ним пола. Перейдя со временем в сферу бессознательного, этот конфликт оказывает подспудное влияние на психическую жизнь индивида и служит причиной возникновения неврозов [932, с. 212-213]. В обнаженном виде действие этого феномена З.Фрейд видел в первобытной культуре [929]. Известны его попытки обнаружить следы действия «эдипова комплекса» в творчестве и психической жизни выдающихся людей (см., например: [932; 928]). Та же концепция легла в основу трактовки З.Фрейдом проблемы генезиса религиозных воззрений (см.: [932; 933]). На практике особенность психоаналитического метода состоит в воссоздании врачом и пациентом этой «ситуации родства», в результате чего

> «больной, высвобождая все свои подспудные желания, неосознанные мысли, грезы и мечты, постепенно вживается в этот смутный для него самого материал и в этом процессе повторяет в обратном порядке свое восхождение по возрастным ступеням» [193, с. 735] [5].

Если клиническая практика классического психоаналитика сводится к нескольким часовым сессиям в неделю, то в рамках разработанной

итальянским психиатором С.Фанти (1919–1997) методики *микропсихоанализа* (см., например: [912; 913]) продолжительность терапевтического сеанса значительно увеличилась: анализируемый предается изложению своих вольных ассоциаций в присутствии аналитика ежедневно на протяжении 3-4 часов. В дополнении к этим материалам микропсихоаналитик изучает генеалогическое древо пациента, его личные фотографии, планы домов, в которых он жил, и другие «мелочи», способные пролить свет на структуру бессознательной жизни анализируемого. В теории микропсихоанализа, наиболее последовательно осуществляющего синтез психических и соматических явлений, многие фрейдовские идеи подверглись принципиальному пересмотру. Бессознательное (т.е., согласно З.Фрейду, «само психическое») перестало быть всеобъемлющей антитезой сознания и было переосмыслено как промежуточное звено в цепочке субъектных структур, связывающих сознание с инстинктивным и энергетическим субстратом человека.

Соответственно, в центре внимания микропсихоаналитика оказались концепции 1) *пустоты* как постоянно действующей, нейтральной по своей энергетической природе, «связи между разными уровнями психического разложения и их содержанием» [913, с. 33]; 2) *попытки* как элементарной динамической единицы, являющейся случайным и относительно уникальным продуктом столкновения энергетических колебаний пустоты [912, с. 13; 913, с. 55 и далее]; и 3) *явления* как совокупности попыток. Согласно С.Фанти, человек наследует от родителей через гены «относительно специфический набор возможностей попыток», отражающий наборы попыток всех предков по материнской и отцовской линиям [912, с. 69; 913, с. 52]. Революционным для общей теории психоанализа является положение С.Фанти о том, что родители оказывают второстепенное влияние на психосексуальное развитие ребенка и, в виду того, что они суть не более чем «экраны» своих собственных родителей, в действительности ребенок оказывается вовлечен в «эдипов клубок» со своими дедами и бабками [912, с. 318-320]. Признание психоанализом факта «естественной эмпатии» между внуками и внучками, с одной стороны, и дедами и бабками – с другой, выражающейся, в частности, в феноменах ретроградных и антероградных двойников (т.е. субъективно воспринимаемого или объективного сходства между родственниками +2 поколения и супругом человека), замалчивании персональной информации о родственниках +2 поколения во время психоаналитических сеансов и пр., является конкретным шагом этой области навстречу этносоциологии родства, которую давно привлекали различные культурные вариации (например, реинкарнация, деление коллектива на так называемые «брачные классы», называние внуков именами дедов и бабок и т.п.) на тему принципа, названного А.Рэдклифф-Брауном «слиянием чередующихся (альтернативных) поколений» (см. подробнее 5.1.).

Своеобразие психоанализа по сравнению с другими научными направлениями, обращающихся к проблематике родства, состоит в привлечении психологии взаимоотношений ребенка с его ближайшим

социальным окружением к проблеме процесса построения личности (эгогенеза) и определение сущности этого окружения как субъектоцентрической системы отношений. Как известно, З.Фрейд выделил три составляющие человеческой личности, названные им «Супер-Эго», «Эго» и «Оно». Супер-эго, неоторжимо связанное с самосознанием индивида, выражает, тем не менее, внеположенные, с точки зрения Эго и Оно, интересы, а именно мораль «Другого». В теории коллективного бессознательного К.Юнга важное место занимают архетипы родственной близости: «Отец», «Мать» и «Ребенок» (см., например: [1540; 2067]). Э.Берн, основываясь на идеях З.Фрейда и К.Юнга, описывает структуру личности как единство феноменального «Я» и трех социальных функций – «Ребенок», «Родитель» и «Взрослый» (см.: [107]).

Социобиологи усматривают соответствия между семейными архетипами К.Юнга и такими эволюционными принципами, как родственный альтруизм, родительское участие в жизни детей, конфликт родителей и детей, уклонение от опасности и т.д. (см.: [2170]). Наблюдается существенный параллелизм между фрейдовской идеей Супер-эго и социобиологической концепцией «расширенного фенотипа», т.е. влияние на поведение человека стратегий выживания родительских генов (см.: [1624]). На этом основании был предложен интересный вывод о том, что биологическая эволюция касается исключительно выживания генетической программы, но не репродуктивного благополучия фенотипа носителя последней [2157, с. 409][6].

Взаимопроникновение социобиологических и психоаналитических концепций позволяет по-новому истолковать место фрейдизма в системе гуманитарного знания. Описанный З.Фрейдом постнатальный конфликт можно представить как конфликт между воспроизводительными силами ребенка (либидо) и воспроизводственными отношениями между ним и родителями, с одной стороны, и между родителями – с другой. Возникающая при такой формулировке «эдипова комплекса» перекличка с политико-экономическим учением К.Маркса неслучайна. Применение марксистской интерпретации истории как противоборства между общественными группировками, определяемыми по их отношению к средствам производства, к «архаическим» обществам отличало этнографическую науку в социалистической Восточной Европе, а на Западе проявилось в работах М.Годелье, К.Мейассу, Д.Лэбби, Т.Тэрнера и др. Одни исследователи сохраняют стандартную марксистскую логику, видя в «идеологии родства» кодификацию/мистификацию реальных отношений экономического производства (см., например: [740, с. 168; 1117, с. 144; 2032, с. 46-47]), другие определяют родство как *доминирующий* фактор в структуре производства, *детерминируемый*, в свою очередь, экономикой (см.: [1543]). Заметна тенденция рассматривать «идеологию родства» как набор символов, организующих как производство, так и воспроизводство, и, будучи подчиненными своей собственной «мистической рациональности», противящихся зависимости от экономического базиса [1117, с. 88, 137, 144]; а половозрастную структуру в архаических обществах в качестве прототипа классовой структуры

индустриального мира [1732; 2032]. На примере бразильских каяпо, Т.Тэрнер попытался показать, что экономика (не домашнее хозяйство!) в европейском понимании этого слова у аборигенных групп отсутствует, тогда как родство, или отношения по воспроизводству и социализации, играет у них роль, функционально сопоставимую с ролью экономики в индустриальных обществах. В качестве курьезной параллели с марксистской темой Т.Тэрнер предложил интерпретацию межпоколенных отношений власти у каяпо как получение «дедами» прибавочного продукта в виде «внуков». Наличие у человека внуков, к производству которых он сам не имеет прямого отношения, переводит его в социально привилегированный класс старейшин, позволяющий осуществлять управление другими членами домохозяйства и дающий ему решающий голос в общедеревенских вопросах [2133; 2136]. Таким образом, политическая экономия оказывается не внеположенной социальным отношениям и конституирующей их извне, – как доказывала восточно-европейская марксистская антропология, – а имманентно присутствующей, в своем зародышевом состоянии, в структуре родственных отношений.

Скрытая встроенность «эдипова комплекса» в структуру экономического процесса, который К.Маркс избрал в качестве предиката ретроспективного и прогностического анализа общественного бытия и социальнопсихологический смысл которого конвертировал в суггестивную силу своей модели посредством концепции «отчуждения» человека от средств производства, заставляет задуматься о возможной мистификации предиката «родство» посредством предиката «экономика» в структуре марксовского мышления. Если рождение дарвинизма ознаменовалось заменой идеологии творения идеологией происхождения при замене Бога на Природу в качестве субъекта и сохранении Человека в роли объекта, то становление теоретического марксизма сопровождалось установлением тождества предикатов творения и производства при смещении категории субъекта с Бога на Человека, а категории объекта с Человека и Природы на Бога и Природу. Троякая комплементарность биологического эволюционизма Ч.Дарвина, исторического материализма К.Маркса и психоанализа З.Фрейда высвечивает общий метафизический субстрат, из которого черпали свою теоретическую энергию эти исследователи и который можно определить как воспроизводство человека человеком и их взаимотворение в качестве субъекта и объекта. Иными словами, марксистская теория может претендовать на центральное место в общей системе интерпретации социальной эволюции только в том случае, если понимать тезис об *экономике как социальном процессе* в смысле, противоположном его пониманию у самого К.Маркса, а именно не как детерминацию любых социальных отношений производственными, а как тождественность производственных отношений социальным в исторически гетерогенной системе воспроизводства человеческих популяций.

В контексте противоборства между старой религиозной идеологией и нарождавшимся комплексом наук о человеке, феномен родства стал удоб-

ным полем примирения конфликтующих эпистемологий. «Родство», «системы родства» и «термины родства» получили функцию знака, посредством которого метафизика, порожденная религиозной верой, была скрещена с конкретно-историческими обстоятельствами той эпохи, а конечный продукт этого скрещивания «закодирован» и передан по наследству новому поколению мыслителей. Генетика стала фундаментальной онтологией биологии, психоанализ попытался поставить на онтологическую основу психологию, а «системы родства» на долгие годы стали существом антропологии. **Феномен родства оказался в центре поля наук о человеке, маркируя ту сферу этнологии, которая принадлежит биологии; ту сферу биологии, которая принадлежит социологии; ту сферу социологии, которая принадлежит психологии; ту сферу психологии, которая принадлежит лингвистике; и, наконец, ту сферу лингвистики, которая принадлежит этнологии.**

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА РОДСТВА В АНТРОПОЛОГИИ И ЛИНГВИСТИКЕ: ПРОБЛЕМЫ, МЕТОДЫ, КРИТИКА

2. Феномен родства как этносоциологическая проблема

2.0. Хитросплетение истоков феномена родства как объекта научного познания и его изначальная междисциплинарность сказались на восприятии трудов Л.Г.Моргана современниками. Дж.Макленнан первым заявил, что «классификационные» СР не определяют никакие права и обязанности, а являются «кодификацией форм вежливости и этикетного обращения в ситуациях общения» [1697, с. 366]. К.Штарке поддержал его, отметив, что «номенклатуры основываются вовсе не на связях по рождению, и их развитие целиком и полностью определяется формальным принципом взаимности» [2063, с. 186-187]. Э.Вестермарк считал, что «в самих терминах нет ничего, что указывало бы на связи по крови» и «первоначально термины родства были всего лишь формами обращения, употреблявшиеся с учетом пола, возраста и внешних социальных факторов, значимых для отношения между говорящим и тем, к кому он обращается» [2183, с. 85, 539] (см. также: [1675, с. 113]).

Б.Малиновский, напротив, видел в наследии Л.Г.Моргана, эффективно введенном в полевую практику британских антропологов в начале XX в. У.Риверсом, своего рода насилие над «плотью и кровью, сексуальной страстью и материнской любовью», т.е. сферой «самых сокровенных интересов человека», со стороны «формул, символов, почти уравнений» [1705, с. 19].

Этносоциологическая парадигма изучения феномена родства исходит из общего тезиса об отражении в СТР «реальных родственных отношений» [228] и развивается от поиска конкретных форм социальной организации (форм брака, семьи, правил наследования, иерархии социальных единиц и т.п.), определяющих облик ТР, до выведения «социологических универсалий» [970, с. 144]. После возрождения моргановского наследия в начале XX в. британским антропологом У.Риверсом распространение получил взгляд на ТР как на источник информации об отдельных социальных институтах, которые вносят «искривления» в ровное пространство генеалогического родства. При этом, если для Л.Г.Моргана это были формы брака, существовавшие в обществе на предыдущих этапах его развития, то для У.Риверса [1939, с. 27, 34; 1940, с. 70, 191], Э.Сэпира [1976], Р.Лоуи [1662, с. 33-34; 1672, с. 104-105, 107-108; 1663, с. 37], Э.Гиффорда [1359], А.Лессера [1630; 1631], Б.Агински [1038; 1039; 1039а] и др. – формы брака, реально бытовавшие в период функционирования СР. У.Риверсом, Р.Лоуи, М.Фортесом [1314, с. 271] и Д.А.Ольдерогге [651; 652; 653] велся поиск детерминантов ТР среди таких социальных факторов, как правила наследования.

В британской структурно-функциональной антропологии ТР рассматривались как отражение структур поведения внутри и между социальными группами типа линидж, возрастной класс, группа сиблингов и кодифицировавшая нормы наследования имущества и статуса и участия групп индивидов, связанных представлением об общем происхождении, в слаженном функционировании всего общественного организма (см., например: [1904; 1288; 1316; 1317; 1566; 1567; 1919; 1178; 1037; 1325; 1388]). Функционализм внедрил в антропологическое сознание представление о родстве в традиционном обществе как о тотальной общественной структуре, а о десценте (происхождении от известного или забытого предка) как о своего рода метафизической суперфункции, связывающей индивидов в единое социальное целое. Наиболее отчетливо этот взгляд на феномен родства представлен в концепции «империи родства» (*kinship polity*) М.Фортеса:

«В этой “империи” сфера родства, построенная путем обобщения и экстраполяции семейных норм и институтов, в основе которой лежит минимальный набор признанных генеалогических отношений, составляет не только ядро бинарных межличностных оппозиций, но и сеть политических и юридических отношений» [1316, с. 118].

2.1. Начиная с К.Леви-Стросса, наметился постепенный дрейф эпистемиологического аппарата исследований СТР в направлении 1) построения моделей родственных структур как систем классификации явлений окружающего мира, наряду с этнобиологическими, цветовыми и прочими системами обозначения; 2) интерпретации СТР как культурной идеологии, управляющей психологией и социологией человеческого поведения; и 3) выявления культурно-специфических систем ценностной ориентации человека в окружающем его социальном мире, в рамках которой осуществляются индивидуальные и групповые стратегии определения круга родственников и достижения человеком культурно-обусловленных практических целей. В знаменитой формулировке К.Леви-Стросса,

«Система родства состоит не из объективных родственных или кровнородственных связей между индивидами; она существует только в сознании людей, это произвольная система представлений, а не спонтанное развитие фактического положения дел» [1638, с. 310; 516, с. 51][7].

Первичное осмысление К.Леви-Строссом полевого материала, собранного им в ходе экспедиций в верховья р. Шингу, заставило его предположить, что у бразильских индейцев отношение между братом жены и мужем сестры является не просто определенной социальной связью и определенным типом отношения по родству, а мощным оператором преобразования семейного в космическое, локального в глобальное, внутреннего во внешнее, родственного в политическое и т.п. [1634]. Выдвинув брачный альянс на первый план как механизм порождения структур родства[8], К.Леви-Стросс взорвал монолитное здание «десцентной» идеологии британского функционализма. ТР и правила брака рассматривались им как туземные теории (воспринимаемые носителями культуры как факты), и задачей структурного анализа СТР он видел в создании метатеории, высвечивающей общие принципы построения различных туземных теорий. Терминологические структуры как средства упорядочивания объективного мира существуют и меняются постольку, поскольку они управляются отношениями между прошлым,

настоящим и будущим состояниями брачного обмена и выражают связанные с брачным обменом права и обязанности членов коллектива.

Однако, следует заметить, что за формальным отрицанием функционализма у К.Леви-Стросса стояла емкая процедура перекодировки «структур родства» в «структуры сознания». Ведь еще в 1940 г. А.Рэд-клифф-Браун определял «структуру родства» (а по ее модели и любую общественную структуру) как состоящую из «неопределенного числа двоичных противопоставлений» [1902, с. 3]. Модели брачного обмена выступают у К.Леви-Стросса в той же роли универсальных ментальных структур, что и бинарные оппозиции в его модели мифа. Системы же родства обладают сиюминутной практической функцией для носителей культуры; в отличие от мифа, управляемого символико-алгебраической функцией, которая содержит отсылку обратно к самому мифу, СТР не являются закрытыми системами и малоинформативны относительно общих структур сознания. Взяв идею структуры как сети бинарных оппозиций из сферы родства, К.Леви-Стросс перенес ее без особых изменений в область надстройки, обнаружил в мифе и брачных правилах, но не смог увидеть ее там, откуда фактически и взял. Выдвинув структурализм в качестве прямой альтернативы феноменологии [1643, с. 58], он реализовал процесс, который феноменология видит в каждом акте познания, а именно «скрытую подстановку» (Э.Гуссерль) повседневной реальности вещей в трансцендентальный мир идей.

2.2. Э.Лич, в своем ницшеанском отрицании социальной метафизики функционализма и когнитивной метафизики французского структурализма выдвинул тезис о многообразии осознаваемых членами общества «идиом родства» («туземных теорий» К.Леви-Стросса), сочетание которых вскрывает потестарный характер реальных родственных отношений и взаимопереплетение которых охватывает множество соседствующих этнических групп [1617].

Представление о СТР как отражающей либо отдельные социальные институты, либо общие принципы организации общества, либо глубинные структуры сознания было названо «рефлексионистским» подходом [1693] и раскритиковано как умаляющее эффективность терминологических структур в построении реальной системы поведения родственников. Н.Ялман отмечал, что, если взять конкретную ситуацию, то терминологические категории будут определять поведение, а не наоборот [2213]. В своем обширном исследовании ланкийских СТР он высказал предположение, что структурные принципы, имманентно заложенные в СТР, реализуются в нескольких региональных разновидностях социальной организации [2212]. Р.Маккинли предложил альтернативный подход, ассоциированный им с таким направлением в западной социологии, как «социология знания» (*sociology of knowledge*). Английский исследователь рассматривает СТР как идеологию, при помощи которой носители культуры в каждой ситуации общения разрешают социальные противоречия [1693; 1694]. Дж.Максвелл свел несколько типов СТР индейцев Равнин («матригавайский», «кроу» и «ирокезский») к функции поддержания социальной солидарности в

условиях изменения социальной и экологической обстановки [1724]. Р. да Матта на основании изучения СТР индейцев-же пришел к выводу, что СТР служит «техникой разрешения противоречий между домашней и общественной сферами [общества]», систематизируя и интегрируя все разнообразие бытовых и церемониальных взаимодействий [1721, с. 130].

В рамках марксистской антропологии Р.Мёрфи выдвинул противоположную точку зрения: СТР *скрывает* от носителей культуры реальную социальную структуру и служит для элиты общества средством управления поведением членов группы [1795][9].

Данное направление в изучении СР, явившись негативной реакцией на функционализм, само представляло собой разновидность функционализма с инверсией причинно-следственных связей (см.: [1071; 971; 1076]). Вместе с тем, поставив во главу угла не объективированные социальные институты, якобы сообщающие индивиду его социальный статус, а понятия роли, морали и системы ценностей, оно сделало акцент на более тонкую взамозависимость между терминологией и социальными отношениями. СТР является частью системы общественных ценностей: она сообщает социальному отношению, которое имеется в виду при употреблении термина, моральное значение посредством тактической манипуляции контекстом [1116]. Проблема имманентности идеологии лингвистической структуре, поставленная представителями этого направления в изучении СР, получила отражение в концепции метапрагматики М.Сильверстина, нацеленной на отслеживание в языке форм отражения степени осмысленности для говорящего его собственного поведения (см.: [2034; 2035; 1924]).

2.3. К концу 1960-х гг. «системы родства» стали осознаваться антропологами как «скучное и напыщенное клише» [1813, с. 51]. Д.Шнайдер настойчиво доказывал К.Леви-Строссу то, что «родство», как и ранее раскритикованный последним «тотемизм», является «опухолью» на понятийном «теле» антропологии и упрекнул Л.Г.Моргана в изобретении «пустого предмета» исследования [2000]. Наиболее явственно выдуманность проблемы «родства» проявилась для Д.Шнайдера в концепции полифункциональности линиджа, выдвинутой М.Фортесом (см.: [1317]) и впоследствии развитой К.Мейассу в теорию «линиджного способа производства» (см.: [1732]). Согласно М.Фортесу, африканский сегментарный линидж выполнял функцию одновременно корпоративной религиозной группы (поклонение предкам), политической структуры и самостоятельной экономической единицы. Д.Шнайдер рассматривал эту ситуацию, как демонстрирующую отсутствие необходимо родственного характера у этой социальной группировки и видел в окружающем ее «ореоле» родства сугубо символическое значение. Таким образом, он попытался сделать с СР то же, что К.Леви-Стросс сделал с мифом и не смог сделать с СР, т.е. представить их как «глобальный», по выражению Д.Шнайдера, феномен, раскрывающий общие принципы символического представления человеком своего поведения по поводу сущностно различных аспектов своего сущест-

вования. В работе С.Тамбиа по «дравидийской системе родства», опубликованной в 1965 г., впервые прозвучал термин «фикция» (в смысле сиюминутно сделанного, а не априорно заданного), который в дальнейшем стал расхожим клише герменевтической антропологии: СР – это культурная фикция, предоставляющая в руки деятеля план социального поведения, но допускающая значительную свободу в истолковании своих предписаний [2090]. В 1972 г. на ежегодной конференции Американского этнологического общества Л.Жемпль сделал крамольное заявление о том, что у изучаемых им эскимосов о. Белчер, связанных плотной сетью брачных, адопционных, именных, дружеских, экономических альянсов, «единственной фиктивной системой является система генеалогического родства» [1413, с. 75].

Герменевтическое направление, развитое в 1970–1980-х гг. в общеантропологическом ракурсе К.Гёрцем (см.: [1349]) и положенное в основу феминистской критики антропологии (см., например: [1354; 2076; 1800]), исходит из традиционного для американской антропологии интереса к понятию культуры. Рассматривая культуру как всеохватывающую «паутину значений» (К.Гёрц), сотканную человеком для понимания и согласования общественного поведения, сторонники герменевтического подхода обращают особое внимание на исторический контекст, изучение которого позволяет, с одной стороны, интерпретировать символическое поведение с позиции носителей самой культуры и создание «густого описания» («*thick description*») интересующей культуры, а с другой – исследовать процесс производства самого антропологического знания.

Смысл техники «густого описания» заключается в имплицитном разрывании всех привычных для антропологии соответствий между получаемой информацией (устной, письменной, визуальной) об исследуемой культуре и реальными общественными процессами, протекающими в этой культуре. Соотношение между ними признается не детерминированным антропологической теорией, не мотивированной «туземной моделью», но и не произвольным по отношению к обеим; а *неопределенным* и требующим повторного дознания посредством согласования знаний антрополога и мнений носителей культуры. Означающее перестает быть конвенциональным представлением означаемого, которое можно считывать с языка культуры; их взаимное соответствие становится проблемой, которая разрешается не путем опроса информанта и не на основе рассуждений исследователя, а путем их совместного истолкования (см. особо: [1292, с. 1-2]). Описание культуры «сгущается» благодаря насыщению его правдой совместного бытия и диалогического общения между исследователем и деятелем и, тем самым, превращается в «эмпирическую философию».

В духе деконструктивизма Ж.Деррида, критика антропологического Писания (в этом плане *de-scription* обнаруживает параллель с *de-construction*) призвана выявлять серию «опорных метафор», на которых базируются антропологические тексты (у Л.Г.Моргана ими будут «родство», «кровь», «генеалогическое древо», «индейцы» и т.п.). Эти

интенсивные символы осмысливаются как непосредственно выражающие глубинный культурно-исторический контекст создания текста и интерпретируются в свете их насыщенного контекстуальными связями смысла.

Понятие культуры как метафоры единства предмета антропологического познания в герменевтической антропологии, в отличии от старого понятия «систем родства», передает идею открытой системы, включающей в себя другие открытые системы, не состоящие друг с другом в какой-либо структурной зависимости. По сути дела, это набор функциональных символов, связи между которыми определяются всякий раз превратностями социальных отношений. Вместе с тем, в герменевтических исследованиях ощущается скрытое отношение к родству как к историческому субстрату антропологической теории, исподволь центрирующему пространство культурных символов, т.е. закрывающему его изнутри. Само понимание культуры как семиотической «паутины» воскрешает в памяти название одной из монографий М.Фортеса «Паутина родства у талленси» [1313] и превращает «культуру» герменевтической антропологии в метафору «родства» структурно-функциональной антропологии. Так, если в 1968 г. Д.Шнайдер предложил определять содержание идиомы родства как «диффузную, устойчивую во времени солидарность» [1998]; то в 1975 г. Г.Визерспун представил «интенсивную, диффузную, устойчивую во времени солидарность» в качестве локуса наиболее мощных символов культуры [2207, с. 13-14]. Р.Уогнер раскрывает предмет антропологического знания как исторически протяженное «мировоззрение», связывающее в единый клубок «сопричастности» (*solicitude*, *relatedness through sharing*) элементы социальности, для которых различие между символическим и физическим несущественно [2163, с. 626-627]. Феминистская теория предлагает объединить проблематику родства с проблематикой пола и поставить продукт их синтеза, именуемого «натурализующей волей»[10], в «центр внимания антропологической теории» [1354, с. 1]. В одном из последних крупных исследований по социокультурной герменевтике родственных отношений родство понимается в духе Б.Малиновского не как «жесткое архитектурное сооружение, через которое чередой проходят поколения», а «как форма поэтики,... сеть сокровенных устремлений (*deep seated longings*), пребывающих в состоянии текучей изменчивости» [2125, с. 7][11].

3. Феномен родства как этнолингвистическая проблема

3.0. Формально-семантическое направление в изучении СТР испытало в 1950–1960-х гг. настоящий «бум», оформившись в конце концов в самостоятельную отрасль этнолингвистики – «этнографическую семантику», «новую этнографию», «метатеорию когнитивной культуры», *«ethnoscience»* (см.: [1444; 1257; 2182; 1191; 2079; 1838]). Оно послужило реакцией на неспособность «рефлексионистских» исследований построить общую теорию порождения этих конфигураций и было проникнуто идеями Э.Сэпира и Б.Уорфа о том, что каждому языку соответствуют определенные

нормы мышления и поведения [848, с. 36, 193; 905]. Примечательно в этой связи то, что так называемый «принцип языковой относительности», если оставить в стороне его ранний прототип в лингвистическом учении В. фон Гумбольдта, конкретно прозвучал из уст учителя Э.Сэпира, Ф.Боаса, применительно к ТР задолго до его кодификации Б.Уорфом в статье 1940 г. «Наука и лингвистика»[12]. В 1911 г., в предисловии к «Справочнику по языкам американских индейцев», Ф.Боас отмечал:

«Делать выводы, основанные на тех или иных аспектах классификации идей и, в частности, на том факте, что целая группа разных идей может быть выражена одним термином, – явление типичное для терминологий родства самых разных языков. Принято считать, что языковые формы суть вторичное отражение обычаев группы; однако *вопрос о том, что здесь является первичным, а что вторичным, и не являются ли эти обычаи следствием бессознательного развития терминологии, остается открытым*» [1126, с. 72-73; выделено мной. – Г.Д.].

В рамках формально-семантического направления были разработаны специальные методики изучения тех когнитивных механизмов («психологической реальности»), которые лежат в основе языковых категорий. Они опробировались на простейших лексико-семантических классах, таких как цветовые обозначения и иденонимы. Как писал Э.Уоллэс,

«термины родства были для культурного антрополога тем же, чем крысы для психолога-экспериментатора – маленькими теплыми «существами», которыми, с одной стороны, можно было легко манипулировать в исследовательских целях, а с другой, использовать их сходство с более сложными структурами для построения универсальных моделей» [2166, с. 233].

Среди методов структурной лингвистики, которые применялись к СТР, следует остановиться на компонентном, трансформационном и генеративном анализах (см.: [39; 40; 180; 970]).

В 1892 г. в работе *Über Sinn und Bedeutung* один из основателей математической логики Г.Фреге высказал мысль о неоднородности языкового значения, противопоставив *собственно значение* (*Bedeutung*) языковой единицы как конкретный предмет, на которые оно указывает (объем понятия), и ее *смысл* (*Sinn*) как содержание понятия, задающее мыслительную ориентацию на предмет [1332; 926, с. 213 и далее]. Созвучные этому идеи выдвигали позднее Р.Мейер [1749] и Л.В.Щерба [1010]. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. деятели пражской лингвистической школы Н.С.Трубецкой, С.О.Карцевский и Р.Якобсон, опираясь на ранние работы по фонетике И.А.Бодуэна де Куртенэ, разграничили фонетический и фонемный уровни звукового выражения и разработали для последнего уровня метод дифференциальных (смыслоразличительных) оппозиций. В дальнейшем Р.Якобсон и А.Мартине перенесли эту методику в область изучения грамматики (см.: [181]), а Ч.Хокетт – в сферу морфологии [1489]. Примерно в то же самое время в Америке Э.Сэпир в противоположность «семантическому агностицизму» Л.Блумфилда фактически возродил идеи Г.Фреге о неоднородности языкового значения (см.: [338]), заложив основу для будущих исследований З.Харриса. Последний, соединив метод дифференциальных признаков с теорией изоморфизма уровней языка Л.Ельмслева и учением Фреге – Сэпира о дискретности значения, создал методику компонентного анализа (КА) и распространил ее на разные языковые уровни (см.: [1456; 1457; 1458])[13]. В России Т.П.Ломтевым и А.Н.Шиловским была создана комбинаторная методика, принципы которой фактически тождественны принципам КА (см.: [541; 542; 543; 990; 991; 992], а также: [714; 715]).

Суть КА сводится к выделению компонентов (дифференциальных переменных, множителей, сигникатов) каждого значения (денотата) или суммы всех значений данной языковой единицы (дезигната). В результате блок морфем, лексем, граммем, имеющих хотя бы один общий

признак, описывается с точки зрения различной комбинации сигнификатов. Так, блок синонимов английского языка *rattle, gibber, gabble, patter, rave* описывается через различные комбинации следующих компонентов: громкость, быстрый темп, вокализация, неотчетливая артикуляция, отрывистость, высокий тон, отрицательная эмоциональность (см.: [606]).

В отношении СТР метод разложения значения на составляющие элементы задолго до его распространения в общей лингвистике был разработан А.Кробером. Он выделил 8 признаков, универсальных по его мнению, для всех ТР (разграничение родственников по поколениям, разграничение прямой и боковой линий родства, разграничение по возрасту в пределах одного поколения, пол родственника, пол эго, пол связующего родственника, обособление кровных родственников от свойственников, положение связующего родственника /жив он или умер/) [1582, с. 20-21].

В России на появление новой методики живо откликнулся А.Н.Максимов. Он назвал ее «первой попыткой научного и детального анализа систем родства» [562, с. 81-82] и указал дальнейшие пути совершенствования. Практическое применение этот анализ нашел в работе Э.Гиффорда, посвященной ТР двух индейских этносов – тюбатулабал и кавайису. Э.Гиффорд назвал предложенный А.Кробером метод «категориальным анализом» [1360, с. 224-226, 233].

Позднее К.Дэвис и Л.Уорнер подвергли «категориальному анализу» СТР австралийского этноса аранта: они разбили ее на составляющие элементы и закодировали с помощью изобретенного ими метаязыка [1221]. Ощутимых результатов это, однако, не дало, так как, по словам К.Леви-Стросса, «построенная подобным образом система гораздо сложнее и труднее поддается толкованию, чем эмпирические данные» [516, с. 37-38].

Интерес к структурному подходу в изучении СТР возродился после того, как лингвистами были разработаны принципы КА. Основоположниками уже не «категориального», а компонентного анализа СТР являются американские ученые У.Гуденаф и Ф.Лаунсбери, которые в статьях, вышедших в одном номере журнала «Language» за 1956 г. [1382; 1653], сформулировали принципы и задачи формального СТР. Для У.Гуденафа это была окончательная кристаллизация идей, высказанных несколькими годами ранее в статье по социальным отношениям на о. Трук [1381]. В дальнейшем Ф.Лаунсбери углубился в трансформационный анализ, рассматривая его как необходимое дополнение к КА (см. ниже), а У.Гуденаф опубликовал еще ряд работ по КА [1383; 1384; 1385; 1386], превратив эту методику в постоянный элемент исследования СТР (см., например: [1195; 1285; 1392; 1328; 1338; 1339; 1232; 1211; 1859; 1688; 1887])[14].

Несмотря на свою популярность, КА имеет значительные недостатки. Во-первых, эта методика не предусматривает выяснения критерия выбора между альтернативными способами группировки родственников; иными словами, набор дифференциальных переменных может быть общим для двух СТР с разными планами выражения. Во-вторых, осталась недоказан-

ной теория «психологической реальности» КА (см.: [1973; 1974; 2166]), его способности выявлять те мыслительные операции, которыми пользуется для построения СТР коллектив-носитель. Именно эта «вымышленность» дала основание сначала Р.Бёрлингу (см.: [1153; 1154; 1155; 1156])[15], а затем Э.Уоллэсу [2166; 2167], Д.Шнайдеру [1996] и М.Лифу [1623] для резкой и фундированной критики метода. Э.Уоллэс пересмотрел свои прежние взгляды на структуру евроамериканской СТР (см.: [2168]) и определил ее как состоящую не из «категорий» родства, разложимых на сигнификаты, а из «отношений» как выражения зависимости одного денотата от другого. В итоге им была предложена альтернативная «реляционная» методика анализа американской СТР [2167] (см. также: [1153; 2210]). М.Лиф справедливо упрекал КА в переоценке генеалогических универсалий и невнимании к реальному значению ТР [1623] (см. также: [1340]). В том же русле, что и М.Лиф, критиковал КА О.Н.Трубачев:

«...Сегментация значения на отдельные компоненты или признаки окажется... неполной, потому что всегда есть риск оставить вне поля зрения некий суперсегментный остаток, который как раз и есть суть значения» [891, с. 7].

Опираясь на его логику, можно сказать, что КА передает не значение «отец», а лишь конструкцию «кровный родственник мужского пола первого восходящего поколения первого ранга».

В-третьих, успехи КА в значительной мере относятся к «простейшим» СТР (например, современной евроамериканской, которой посвящен целый ряд исследований – см.: [1973; 1974; 1996; 1999; 1949; 1384; 484; 541; 1158]); категориально они исчерпывающе описываются через переменные «пол альтера», «поколение», «латеральность», «характер родственной связи», «генеалогический ранг». Но эти критерии очевидны, и нет необходимости строить теорию их выявления. Они ничего не открывают нового в СТР, кроме того, что обнаруживается при обычной «моргановской» типологизации. Вместе с тем, КА не в состоянии отразить такое качество некоторых из европейских СТР (например, русской), как преобладание редупликативных терминов (см. 10.8.).

Техника КА не рассчитана на описание парадигм поколения, пола и возраста, а для огромного большинства СТР, кроме евроамериканских, эти категории имеют ключевое значение и обнаруживают разнообразные формы проявления. Какие дифференциальные переменные обеспечат описание терминов, обозначающих сиблинга одного пола с говорящим или сиблинга противоположного пола? (ср.: [562, с. 81-82; 1279, с. 188]). Как описать ТР, объединяющие в одну категорию родственников разных поколений на основании их возраста по отношению к говорящему? Какими принципами руководствуется носитель языка, объединяя в одну категорию кросскузенов и альтеров ±1 поколениях (как в СТР типа «кроу-омаха») (ср.: [970, с. 160-161; 689, с. 96]) или «дедов» и «внуков»? В последнем случае использование в качестве сигнификата термина «альтернативные поколения» [689, с. 89] не решает проблемы, так как, во-первых, это не компонент, а просто констатация факта объединения, а во-вторых, не ясно, какие именно альтеры сходятся во взаимном термине.

У.Гуденаф при анализе СТР кёнкемских саамов столкнулся с тем, что терминологическая взаимность между свойственниками в пределах 0 поколения не поддается адекватному разложению на множители [1383, с. 225-226, 234-235]. Однако более серьезная проблема с его анализом саамской системы касается описания категорий альтернативных поколений. Саамские номенклатуры характеризуются слиянием деда и его внуков, бабки и ее внучки, старшего брата отца и детей младшего брата мужчины, старшей сестры матери и детей младшей сестры мужчины, брата матери и детей сестры мужчины и т.д., но при этом младшие члены пар терминологически выделяются при помощи диминутивных суффиксов. У.Гуденаф создал для этих реципрокатов пучки переменных, различающихся только в позиции № 9 (старшинство) [1383, с. 228]. При этом вся специфика саамской номенклатуры оказалась утраченной, так как точно такое же описание получили бы элементы системы, не имеющей кроссреципрокных основ.

По этому же пункту вызывает возражения применение КА к СТР кавказских этносов (см.: [267; 271; 818; 997], спецификой которых является дескриптивный (описательный) метод обозначения родственников, когда все синтагмы родства образуются с помощью морфологических или грамматических средств от нескольких элементарных. В этом случае, набор семантических переменных не позволяет продемонстрировать основные особенности этих систем (ср.: [273а, с. 38]).

Тем не менее, КА стал главным подходом к изучению семантики СТР. Фактически это единственная на сегодняшний день концепция семантической структуры СТР, имеющая законченный вид и долгую историю практического применения. Актуальной является задача соединения в одном описании нескольких способов существования объекта так, чтобы морфология ТР искусственно не отделялась от его семантики, а семантика – от синтаксического контекста употребления и от семантики других ТР.

3.1. Понятие трансформации в структурной лингвистике зародилось в рамках двух синтаксических концепций (см. обзоры: [634; 531; 874; 947]). В трактовке З.Харриса [1459] трансформация – это эквивалентность двух предложений с одинаковым синтаксическим окружением (дистрибуцией). Эти трансформации обратимы. В теории Н.Хомского [952] понятие трансформации занимает ключевое место и определяется как абстрактное правило внутренней грамматики языка, с помощью которого порождается грамматически правильное предложение. Эти трансформации необратимы. У З.Харриса трансформация связывает уже готовые предложения языка, а у Н.Хомского она заложена в самих ядерных предложениях [947, с. 33-34].

Двоякое понимание термина «трансформация» в структурной лингвистике породило два направления в структурном изучении СТР – трансформационный анализ (ТА) и генеративный анализ (ГА). Примечательно, что, как и в случае с КА, все принципы ТА были сформулированы применительно к ТР задолго до его изобретения лингвистами. В конце XIX в. Й.Кёлер назвал в числе порождающих механизмов структур родства типа омаха принципы полярности категорий и брачной связи (см.: [1070, с. 66-68]). В 1937 г. С.Тэкс выдвинул 6 правил соотношения между

категориями СТР (*rules of succession*), комбинация которых приводит к порождению эмпирических структур группировки родственников (см.: [2096]). А.Культ отмечал, что правила С.Тэкса выгодно отличаются своей простотой и полнотой от последующих формализованных опытов трансформационных описаний СТР [1203, с. 26, 28]. Теоретическое осмысление этой методики с точки зрения семантической теории и ее наиболее активное применение к СТР связано с именем Ф.Лаунсбери (см.: [1653; 1654; 1655; 1656; 1657; 1658; 1987]), который придерживался точки зрения, впервые высказанной Б.Малиновским (см. подробнее 7.3.3.), что каждый иденоним имеет первичное и производное значение. Последнее определяется через набор трансформационных правил, устанавливающих отношения эквивалентности между двумя и более денотатами (дезигнатом).

Возражая против устоявшейся лингвистической традиции исследовать только формальные аспекты плана содержания (кода) и плана выражения (сообщения) (отразившейся, кстати, в КА в стиле У.Гуденафа), Ф.Лаунсбери выделяет в качестве объекта языковедческого и культурно-антропологического изучения, с одной стороны, «первичные нелингвистические установки» *(stimuli*), которые порождают сообщения или кодируются в них, а с другой стороны, «нелингвистические реакции» (*responses*), вызываемые этими сообщениями [1653, с. 158]. Полновесное исследование СТР, по его мнению, возможно только с учетом трех разрядов значения – референционного («ситуационного» у Л.Блумфилда), выражающего социальный контекст сообщения; поведенческого (как реакции слушателя на сообщение)[16] и лингвистического [1653, с. 189]. Для Ф.Лаунсбери правила трансформации денотатов отражают фундаментальные принципы семейной структуры, обычного права и социальных отношений, поэтому формальный семантический анализ есть необходимая предпосылка для анализа социологического [1657, с. 175, 184]. Благодаря Ф.Лаунсбери, ТА стал рутинным методом в иследовании структур родства, в том числе генерационного скоса типа «кроу-омаха» (см.: [1443; 1445; 1949; 1946; 1951; 1306; 1825; 1146; 1148; 1149; 1507; 1203; 1982; 1984; 1986; 1172] и 5.1.9.).

Некоторые исследователи, в частности, сотрудники Летнего института лингвистики (Даллас, Техас), целенаправленно исследовавшие индейские языки Центральной и Южной Америки и собиравшие ТР для формального анализа (см., например: [1304; 1740; 1741; 2046]) сочетали КА с методом расширенных правил Ф.Лаунсбери, доведя количество последних до семи (порождение, линейность, латеральность, поколение, двуполюсность, свойствó и сиблингство). Сначала определялся диапазон расширений терминов от первичного ко вторичным значениям, а затем составляющие этого спектра анализировались на предмет их компонентной структуры. В результате каждый из ТР получал формализованное сопровождение в виде «*am*: «отец родителей» – 31001 (5 компонентов), (1, x2, π3) (3 расширения)». Комбинацию КА и ТА опробировали также Х.Аоки [1049], Э.Вулфорд [2210] и др.

ТА призван был выполнять комплементарную функцию по отношению к КА [1946, с. 138]. Там, где категория родства как неэгоцентрическое понятие не подлежит разложению на компоненты, ТА постулирует эгоцентрическое отношение и устанавливает эквивалентность между несколькими такими отношениями. Два типа

анализа были применены к одной СТР, а именно «евроамериканской» (см.: [2168; 1949] и статистичеки оценены на предмет их относительной способности описывать когнитивные структуры носителей языка, определяющие правила употребления ТР в речи. Выяснилось, что оба метода одинаково эффективно предсказывают зависимость употребления иденонимов от семантической структуры термина, однако ТА способен схватывать индивидуальные стратегии употребления, тогда как КА сводится к выявлению более общих законов (см.: [2185; 1959; 1798]). Было сделано наблюдение, что в разных ситуациях субъекты делают выбор между эгоцентрической и неэгоцентрической когнитивными стратегиями [1879, с. 198; 1959, с. 754].

Вместе с тем, и ТА, и КА исходят из общей посылки об универсальности и «естественности» таких генеалогических параметров, как «поколение» и «филиация». ТА добавляет к этому двухмерному пространству «правило соотносительной полярности» (*rule of uniform reciprocals*) (см.: [2097, с. 19; 1985; 1138a]), но при этом постулируют первичность категорий прямой линии родства по сравнению с категориями боковой линии, исходя из того, что в евроамериканских СТР породители выделяются специальными терминами. Э.Лич критиковал Б.Малиновского и Ф.Лаунсбери за необоснованность выделения первичных и производных значений на основе представления о генеалогических универсалиях (см.: [1619])[17], Э.Уоллэс и Дж.Аткинс [2168] предупреждали, что категории языка исследователя всегда будут препятствием для выявления «психологической реальности» носителей других языков.

3.2. Генеративная методика использовалась М.Салтарелли и М.Дурбин [1972; 1259], а также Ф.Бок [1127], П.Кей [1553] и С.Стрейт [2075][18]. Основной особенностью этого подхода является применение к СТР главной антиномии Н.Хомского – между «компетенцией» (*competence*) и «употреблением» (*performance*). Применительно к СТР первое означает «существующее положение вещей в заданное время для индивида в системе родства», а второе – «потенциальные возможности идентификации индивида посредством тех терминов, которые на данный момент к нему неприменимы» [1972, с. 89-90]. М.Салтарелли и М.Дурбин представили набор правил, приписывающих термину его основное значение, которое не обязательно соответствует генеалогической позиции, тем самым показав, что и в евроамериканских СТР генеалогические параметры не всегда определяют когнитивную значимость.

3.3. Обращение к формальным методам изучения СТР явились закономерным результатом давнего стремления исследователей создать точную и емкую систему описания социальных процессов. У.Риверсом такое видение СР было названо «алгеброй родства» [1937, с. 10]. Б.Малиновский критиковал своих предшественников за излишний схематизм в описании СР и увлечение генеалогической «игрой» [1700, с. 169-170; 1705], но все-таки надеялся на создание в будущем такой «алгебры и геометрии родства»,

которая послужит моделью для реальных социальных отношений [1705] (см. также: [1314]).

Первым опытом в области «генеалогической математики», видимо, следует признать работу К.Леви-Стросса «Элементарные структуры родства» (1949) [1641]. Несколько ранее ТР вошел в учебники по математической логике (см.: [224, с. 82–83, 90; 106, с. 30-33, 39-41; 419, с. 458-468]). Расцвет же этого направления приходится на 1960–1970-е гг., когда выходят в свет работы Х.Уайта [2188; 901], Ф.Курежа, вдохновленного идеями К.Леви-Стросса [1205], сборники под редакцией П.Балоноффа [1715; 1353] и диссертационное исследование М.Риза [1923]. Интерес к нему не угасает и по сей день (см., например: [1918; 1649; 1208; 2115]). В нашей стране математические возможности изучения родства (а также замкнутых лексических групп и малых форм фольклора) демонстрировал Ю.И.Левин (см.: [518; 519; 520; 521]).

Сторонники ТА и ГА пользовались алгебраическими формулами для описания родственных отношений и их взаимных преобразований, оперировали терминами типа «алгоритм» и т.п., применяли компьютерные методики. Ф.Лаунсбери прямо называл ТА алгеброй родства [1657]. Однако применение математических (и шире – формальных) методов к СТР вызывает категорический протест во стороны многих этносоциологов. В частности, Дж.Барнес пишет:

«Генеалогическая математика в ее новейших формах демонстрирует курьезную смесь алгебраических изысков и социологической ограниченности и даже наивности» [1067, с. 295] (см. также: [1815, с. XXVIII]).

Формальный подход к СТР не ставил своей задачей привлечь богатый этносоциологический материал для целей соотнесния выявленных семантических преобразований в СТР с факторами социальной мобильности (перемещение социальных статусов между различными категориями родственников, послебрачное переселение супругов, знаковый и физический брачный обмен и т.п.) [1445, с. 104; 1444, с. 7]. Игнорирование проблемы положения иденонимов в системе языка привело к тому, что формализация основывалась на упрощенном представлении о их языковой семантике и не учитывала грамматические характеристики терминов. Причиной отсутствия у «алгебры родства» практической значимости является также тот факт, что математизации подвергается не СТР, а отдельные иденонимы. При этом схватывается не уникальный семантико-алгебраический смысл каждой СТР, а обособленное (в конечном итоге, генеалогическое) значение. Как утверждает Д.Рид,

«Термины родства связаны друг с другом отношениями, которые можно определить без предварительного раскладывания этих терминов в генеалогическом пространстве и последующего сравнительного анализа полученных категорий родства (*kin types*)» [1918, с. 418].

В определенной мере, математические описания СТР примыкают к лексикографическому методу А.Вежбицкой в своей простоте построения предикации, с одной стороны, и невниманию к природе исторического преобразования предикатов – с другой. Проблема же состоит в том, чтобы понять смысл каждой СТР как комбинации *самородных*, т.е. описывающих исторически и синхронно самих себя и только в этом смысле – универсальных, отношений. Подход А.Вежбицкой (см. 7.3.2.) наглядно демонстрирует основной урок формальных лингвистических описаний

иденонимов: их надлежит описывать не с точки зрения некоего метаязыка (сугубо исследовательского или универсально понятного), а как метаязык в своем роде.

В области генетики, метаязыком описания генетической структуры индивида и популяции является система из 4 нуклеотидов (аденин, гуанин, тимин, цитозин), обладающих собственными химическими характеристиками и участвующих в бесконечных комбинациях повторов и чередований разной протяженности. В этом случае, нотационная система (А, Г, Т, Ц) несет не денотационную, а номенклатурную функцию, т.е. передает не посторонний смысл, удобный для представления объекта и выделяющий первичный и вторичный компоненты, а конкретный и уникальный. То, что этот уникальный набор является конечным в структуре живой природы есть сугубая частность[19].

4. Феномен родства как историко-типологическая проблема

4.0. Построение структурных и исторических типологий СТР составляет особое направление в изучении СТР, занимающее промежуточное положение между двумя подходами к СТР – как к факту языка и как к социальной системе. Смысл типологического анализа СТР как абстрагирования и от формально-языковых, и от социальных факторов хорошо показывает следующее высказывание А.Кробера:

«Интересовать нас должны не столько сотни и тысячи слегка варьирующих отношений, которые выражены или могут быть выражены на разных человеческих языках, сколько принципы и категории, лежащие в их основе» [1582, с. 20].

Л.Г.Морганом в основу исторической типологии СР были положены два принципа: слияния/разграничения линий отца и матери, слияние/разграничение прямой и боковой линий родства. Действие этих принципов можно наблюдать в ±1, ±2 и 0 поколениях, но чаще всего обращается внимание на группировку родственников только в +1 и 0 поколениях. В +1 поколении известны следующие комбинации:

1. Рм = ДмРРм = ДмРРж; Рж = ДжРРж = ДжРРм.
2. Рм ≠ ДмРРм ≠ ДмРРж; Рж ≠ ДжРРж ≠ ДжРРм.
3. [Рм = ДмРРм] ≠ ДмРРж; [Рж = ДжРРж] ≠ ДжРРм.
4. Рм ≠ [ДмРРм = ДмРРж]; Рж ≠ [ДжРРж = ДжРРм].

У разных исследователей эти четыре типа СТР имеют разные названия [466, с. 39]:

Морган	Лоуи	Риверс	Кирхгофф
1. малайский	генерационный	гавайский	C
2. –	бифуркативно-коллатеральный	родственный	A
3. турано-ганованский	бифуркативно-сливающий	клановый	B
4. арийский (описательный)	линейный	семейный	D

Л.Г.Морган специально не выделял тип, впоследствии названный Р.Лоуи «бифуркативно-коллатеральным», но обращал на него внимание в связи с эскимосскими ТР. Впервые эти варианты появляются в качестве замкнутой системы типов в капитальном труде Дж.Мёрдока «Социальная структура», увидевшим свет в 1949 г. [1784]. Л.Спир в обобщающем труде по ТР индейцев Сев. Америки построил на тех же принципах классификацию комбинаций родственных категорий в 0 поколении [2052]. Она была усовершенствована Дж.Мёрдоком [1784; 1786] и в итоге получила следующий вид:

1. ДР = ДДхРРу = ДДхРРх – гавайский;
2. ДР ≠ ДДхРРу ≠ ДДхРРх – суданский ;

2а. ДР ≠ ДДжРРм ≠ ДДмРРж ≠ ДДхРРх – мурнгинский;

2б. ДР ≠ [ДДжРРм = ДДмРРм] ≠ [ДДжРРж = ДДмРРж] – бурятский;

3. ДР ≠ [ДДхРРу = ДДхРРх] – эскимосский;
4. [ДР = ДДхРРх] ≠ ДДхРРу – ирокезский, кроу, омаха.

Используя базу данных из ТР 566 обществ, представляющих 194 культурных области, Дж.Мёрдок опубликовал в 1970 г. принципы классификации родственников в 8 категориальных зонах (+2 поколение, -2 поколение, женские сиблинги родителей, мужские сиблинги родителей, дети сиблингов, сиблинги, кросскузены и сиблинги супругов) (см.: [1793]). В частности, он идентифицировал несколько типов группировки родственников в ±1 поколениях, которые не были еще известны. Под названием «скошенно-бифуркативно-линейный» у него фигурирует порядок, при котором «братья отца» делятся по относительному возрасту и противопоставляются как отцу, так и «брату матери»; категориальной группе «теток» Дж.Мёрдок выделил относительно-возрастную разновидность линейного типа, предполагающую две глоссы «старшая сестра породителя» и «младшая сестра породителя», терминологически противопоставленные родителям.

Отличительной чертой типологического метода Л.Г.Моргана, не получившей развития в последующих трудах У.Риверса, Л.Спира и Дж.Мёрдока, является его историческая направленность. В черновом варианте «Систем родства и свойства», датированном 1865 г., имелся раздел, посвященный истории индоевропейских (ИЕ) ТР. В нем Л.Г.Морган, учитывая общность ТР, обозначающих ближайших родственников, во всех ИЕ языках и вариабельность терминов для обозначения родственников по боковым линиям, высказал предположение, что «семейные» ТР должны были возникнуть раньше, чем ТР, описывающие внешний круг родственников. Он предполагал, что первичная номенклатура родства вовсе не учитывала боковые связи. В дальнейшем, каждый язык выбрал свой способ описания родственников по боковой линии: ИЕ народы пошли по «естественному» пути сохранения терминологической обособленности прямой линии родства и выработали специальные термины для номинации внешнего круга родственников («описательные» системы у Л.Г.Моргана), тогда как «первобытные» народы изобрели «классификационные» системы в двух вариантах – «турано-ганованском» и «малайском» (см.: [2124]).

Окончательное вытеснение «короткой» библейской хронологии мировой истории новой, геологической, произошло, по Т.Тротманну, как раз в период между подготовкой Л.Г.Морганом своего фундаментального труда в 1865 г. и его выходом в свет в 1871 г. Это коренное изменение в научном мировоззрении заставило Л.Г.Моргана отказаться от исторической модели, в которой «описательные» и «классификационные» СР выводились из общего праисточника в виде гипотетического типа, который можно назвать «линейно-бесколлатеральным». «Описательные» модели стали истолковываться как финальная стадия эволюции СР, которая начинается с «малайского» типа и проходит стадию «турано-ганованского».

В дальнейшем У.Риверс и Р.Лоуи показали, что «турано-ганованский» тип исторически предшествует «малайскому». В 1928 г. на материалах североамериканских СТР Р.Лоуи выделил «бифуркативно-коллатеральный» тип и указал на возможность развития «бифуркативно-сливающего» типа из бифуркативно-коллатерального [1669]. В 1955 г. П.Кирхгоф [1570], после анализа южноамериканских номенклатур (см.: [1568]), поставил открытый Р.Лоуи бифуркативно-коллатеральный тип первым в эволюционном ряду, а «малайский» – последним.

4.1. Традицию исторической типологизации СТР продолжила Г.Доул в своей докторской диссертации 1957 г. [1245] (также: [1246; 1247; 1248]). Она распределила девять типов СТР по двум линиям развития – «нормальной» (примитивный изолирующий → бифуркативный → кросскузенный → кроссгенерационный (с двумя подтипами: «кроу» и «омаха») → линиджный (описательный) → современный изолирующий) и «адаптационной» (вторичный изолирующий, бифуркативно-коллатеральный, генерационный) [1245, с. 422 и сл.]. Кросскузенная терминология (названная так А.Хокартом, записавшим ее у тамилов Индии [1484, с. 80-82]), отличается от бифуркативной способом классификации кузенов родителей в +1 поколении и детей перекрестных кузенов в -1 поколении: она классифицирует их, соответственно, не как «отца» и «сестру отца» (в +1 поколении) и как «племянников» (в -1 поколении), а как «мать» и «брата матери» и как «детей» [1245, с. 178]. Три разновидности изолирующего типа возникли у Г.Доул на месте одного «эскимосского» типа Дж.Мёрдока в результате попытки соотнести принципы группировки родственников со стадией развития общества. Эволюционистский императив не позволил Г.Доул примириться с тем, что современная англо-американская («янки») номенклатура структурно сходна с СТР андаманцев, семангов, пигмеев[20] и бушменов. Она предположила, что занимая тропические области Старого Света, эти последние являются реликтами древнейших человеческих популяций. В условиях низкой степени социополитической интеграции, отличавшей ранних *Homo sapiens*, малая семья была единственной социальной единицей, в пределах которой индивид признавал и дифференцировал родственников. Таким образом, примитивный изолирующий тип категориально разграничивал только родителей и сиблингов; все родственники ±2 поколения и боковые родственники обозначались только с учетом их возраста и пола [1245, с. 121 и сл.].

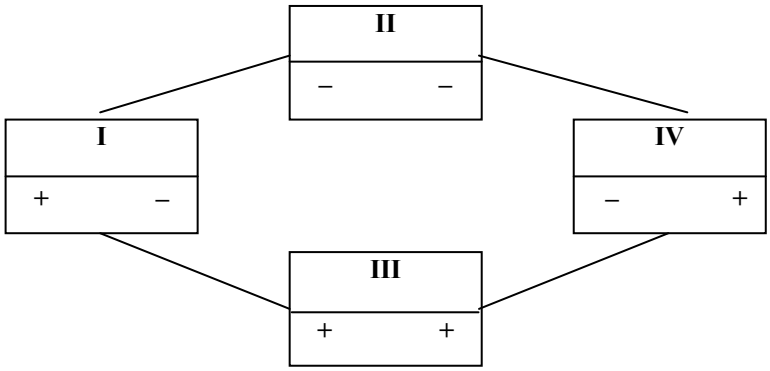
Фактических свидетельств такой номенклатуры ей удалось привести немного, но, с точки зрения общего эволюционистского тезиса о развитии от простых систем к сложным, эта гипотеза является закономерной. Под «вторичным изолирующим типом» Г.Доул понимала системы, в которых в 0 поколении сиблинги противопоставлены кузенам, а в +1 поколении все сиблинги родителей обозначены специальными терминами [1245, с. 201 и сл.]. Наконец, современный изолирующий тип отличается от примитивного изолирующего тем, что он дифференцирует альтеров ±2 поколений и боковых альтеров; а от вторичного изолирующего тем, что он сливает в одну категорию сиблингов родителей на основе их пола. Важными особенностями подхода Г.Доул, являются дифференцированное описание типологических процессов в 0 и ±1 поколений и признание многолинейности терминологических трансформаций. Р.Лоуи призывал исследователей ТР мыслить не масштабными и жесткими типами номенлатур, а «категориями родства, признаками и принципами классификации» [1661, с. 105]. Поддержанный Р.Нидэмом [1815, с. 22-23] и недавно К.Госсе [1348, с. 320-321], этот подход, однако, если не считать работы Г.Доул, так и не стал ведущим в типологических исследованиях СТР.

4.2. В отличие от Г.Доул, М.В.Крюков видит исходную модель СТР не в изолирующем, а в «ирокезском» типе [464, с. 39-40; 466]. Его типология 1972 г. носит, по сравнению с типологией Г.Доул, более емкий характер вследствие того, что не выходит за рамки моргановских критериев описания СТР и учитывает только 4 типа номенклатур +1 и 0 поколений:

+1	0	
1	1	гавайский (малайский);
2	2	арабский;
3	4	ирокезский (австралийский);
4	3	английский.

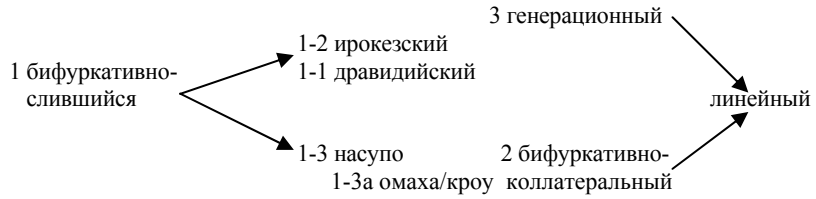
Процесс эволюции СТР М.В.Крюков иллюстрирует специальной схемой [466, с. 65], в которой знаками «+/–» обозначено наличие/отсутствие бифуркативности и линейности, а цифрами I, II, III, IV – соответственно «ирокезский», «гавайский», «арабский» и «английский» типы (схема 1).

Схема 1



Недавно М.В.Крюков предпринял попытку расширить указанную типологию за счет введения дополнительной переменной «свойство» и выделения наряду с «ирокезским» типом типа «насупо» (названного по имени этнической общности Юго-Западного Китая). «Ирокезский» и «насупо» типы восходят, по мнению М.В.Крюкова, к «дравидийскому» типу, игнорирующему терминологическое разграничение родственников и свойственников [480]. В результате обновленная типологическая схема в интерпретации М.В.Крюкова приобрела следующий вид [480, с. 135] (схема 2):

Схема 2



Ирокезский и насупо типы не являются необходимыми звеньями в общей цепи трансформаций СТР. Дравидийский тип, принимаемый ныне М.В.Крюковым за исходный, может непосредственно развиться в бифуркативно-коллатеральный (арабский) или генерационный (гавайский), обходя ирокезскую и насупо стадии [480, с. 135].

4.3. Мнение о первичности «дравидийского» типа группировки родственников на горизонтальных уровнях, отстаивается целым рядом ученых, в том числе сторонниками так называемой «тетраидной теории» (см.: [1254; 1043; 1044; 1045; 1042; 435; 28; 136; 137; 663; 888; 1719] и дискуссию: [96; 283; 697]). В своей последней работе по исторической типологизации СТР и их соотнесению с типами социальной организации (1991 г.) Г.Доул, видимо, отказалась от диссертационной схемы 1957 г. и, на примере южноамериканских номенклатур, также доказывает абсолютную первичность «кросскузенного» («дравидийского») типа, его ассоциированность с терминологическим слиянием альтернативных поколений и трансформацию в направлении генерационно-скошенных моделей [1249, с. 395-396].

Согласно типологической шкале социальной эволюции, разрабатываемой Р.Нидэмом на протяжении последних 20 лет (см., например: [1813, с. 45 и сл.; 1817]), у истоков человеческого социогенеза также стоит система из двух экзогамных половин, связанных симметричным прескриптивным брачным альянсом, и «дравидийская» СТР с симметричными уравнениями типа ДДхРРу = С, ДмРРм = СмДжРРж, ДмРРж = СмДжРРм, ДжРРм = СжДмРРж и т.д[21]. Так же, как и Н.Аллен, Р.Нидэм полагает, что древнейшая социальная структура характеризовалась совпадением категориаль-

но-терминологической (эгоцентрической) прескрипции и поведенческой (социоцентрической) прескрипции.

«Системы прескриптивного альянса в своей простоте и всеобщей интегрированности воистину являются элементарными системами – не родства, а классификации, и этот порядок покоится на одном-единственном абсолютном принципе (*absolute constituent relation*), который управляет социальными категориями. Именно этот принцип может быть определен как прескрипция» [1816, с. 179] (см. также: [1815]).

В ходе социальной эволюции прескрипция расподобляется, а постоянно действующая и передающаяся из поколение в поколение социальная установка ослабляется и, наконец, отмирает[22].

Единственное отличие «тетраидной» теории Н.Аллена от теории Р.Нидэма состоит в том, что первый особо отмечает слияние альтернативных (±2) поколений и, соответственно, тождество иденонимов для обозначения «дедов» и «внуков» как существенную черту древнейшей социальной структуры. Подходы Н.Аллена и Р.Нидэма отличает присущая им обоим убежденность в *необратимости и универсальности* терминологических и социально-классификационных трансформаций: «симметричные» номенклатуры и прескриптивные брачные нормы превращаются в «асимметричные» номенклатуры и «свободный» порядок выбора брачного партнера. Как правило, этот тезис проверяется на синхронных материалах, относящихся к близкородственным в языковом и культурном отношении общностям (как, например, исследование Р.Нидэмом эволюционного соотношения СТР яномамо и варрау). Документальных свидетельств этого перехода имеется крайне мало, что естественно, учитывая бесписьменный характер исследуемых культур. Одно из таких редких доказательств разложения «дравидийской» номенклатуры содержится в сопоставлении словаря бирманского языка конца XIX в. с современным состоянием их СТР, проведенное М.Спиро [2055, с. 170].

Посылка о необратимости и универсальности эволюции СТР, справедливость которого продолжают демонстрировать разные исследователи на обширном кросскультурном материале (см., например: [1482; 1864; 1865; 1320; 1321]) и который разделяет автор настоящей работы, не исключает бесконечного разнообразия существующих в реальности форм, а скорее передает веру в возможность системного описания ограниченного числа процессов внутреннего развития систем, приводящих к этому эмпирическому разнообразию. Высокая степень типологической дифференцированности СТР находится в прямой связи с постепенностью и микроскопичностью грамматических и семантических трансформаций, а также с гетерохронностью (стадиальной гетерогенностью) любой системы.

4.4. Обращает на себя внимание большой разнобой в обозначениях исторических типов СТР; порой даже один и тот же исследователь использует в разных работах разные термины для наименования одного типа. Р.Лоуи употреблял наряду с термином «бифуркативно-сливающий» термин «дакотский» [1669]. М.В.Крюков для обозначения одного типа пользуется параллельно терминами «китайский» [464, с. 371; 480, с. 135], «арабский» [466] и «бифуркативно-коллатеральный» [480, с. 135], а для другого – «ирокезский» [480] и «австралийский» [478, с. 142]. Ф.Эгган называл «ли-

ниджным» типом системы «кроу» и «омаха», тогда как Г.Доул использует этот термин для обозначения «описательных» систем. Методологически некорректно и практически неудобно оперировать в качестве обозначений универсальных типов названиями конкретных этносов [689, с. 98; 693, с. 43-44; 694, с. 64]. В этом плане предпочтительнее выглядит терминология В.А.Попова, которая к тому же четко отражает динамику соотношения принципов бифуркации и линейности. Тип 1 (см. схемы 1, 2), «ирокезский» у М.В.Крюкова, он называет «бифуркативным», тип 2 («гавайский», «малайский») – «генерационным», тип 3 («арабский», «китайский») – «бифуркативно-линейным», тип 4 («английский», «описательный») – «линейным» [686; 689, с. 98-99]. Единственное возражение вызывает название «генерационный» для 2-го типа, первоначально введенное Р.Лоуи [1672]. Оно выбивается из ряда терминов, описывающих динамику соотношения принципов слияния/разграничения линий. Предлагаемое В.А.Поповым обоснование, а именно то, что детерминантой данного типа выступает признак «разграничение родственников по поколениям», не справедливо к фактам. Известны СТР, в которых при слиянии линий отца и матери и прямой и боковой линий генерационность нарушается сквозным действием критерия относительного возраста. Например, у самоанцев термин *tama* обозначает отца, отца отца, старшего брата, братьев родителей, а термин *tina* – мать, мать матери, старшую сестру, сестер родителей [1560, с. 149]. Более точным, как кажется, будет именовать 2-й тип «инкорпорирующим». В настоящей работе будут использоваться термины *бифуркативный*, *бифуркативно-линейный*, *инкорпорирующий*, *линейный*.

Историческая типология СТР «отстает» от структурных типологий: классификация Дж.Мёрдока содержит гораздо больше разновидностей номенклатур, чем учитывается в эволюционных моделях. Высказывалось мнение о том, что предлагаемые исторические типы покоятся на формальных принципах, не дающих представления о реальном строении и функционировании систем [1470, с. 541; 569]. Как сетовал Д.Мэйбери-Льюис,

«Полезная типология терминологий родства должна основываться на характеристиках терминологий как систем, а не на их каком-либо одном, якобы диагностическом, признаке. Построить такую типологию будет непросто, ведь, несмотря на все разговоры об успехах в изучении «родства», системных исследований номенклатур в антропологической литературе явно не хватает» [1725, с. 214].

Генеалогические параметры не в состоянии исчерпать все категориальное содержание СТР, взятых в мировом масштабе. Тот факт, что, выделяя «дравидийский» тип, исследователи вводят в типологию дополнительный критерий – свойствó, показывает, что более глубокое типологическое изучение СТР невозможно без изменения угла зрения. В имеющихся типологических исследованиях СТР принимается за данность *абсолютное генеалогическое поколение* в том виде, в котором оно выражается в современных европейских СТР и генеалогических таблицах. Между тем, известно еще несколько способов представления

этой категории (терминологических *жанров*), образующих *иденологическую парадигму*.

4.5. *Взаимная терминология родства* (ВТР) предполагает объединение под одним термином «дедов» и «внуков», «дядей» и «теток» и «племянников» и «племянниц». Несколько взаимных терминов, формально соотносящих одно генеалогическое поколение с другим, на деле разбивают абсолютные генеалогические поколения на множество *локальных эгоцентрических поколений* (схема 3). Специфика *модели кроу* (МК) и *модели омаха* (МО) заключается в особом способе группировки кросскузенов: МК относит патрилатеральных кросскузенов к восходящим поколениям, матрилатеральных кросскузенов – к нисходящим поколениям; МО является зеркальной по отношению к МК, так как патрилатеральные кросскузены здесь причисляются к нисходящим поколениям, а матрилатеральные – наоборот, к восходящим. В результате таких формальных отождествлений в моделях «кроу-омаха» (МКО) складываются своеобразные *половые эгоцентрические поколения*, образованные такими категориями, как РмРж, ДмРРж, ДмДмРРж, ДмДмР, ДмДж (потенциальные брачные партнеры женщины), с одной стороны, и РжРм, ДжРРм, ДжДжРРм, ДжДжР, ДжДм (потенциальные брачные партнеры мужчины). Если старшие родственники младшего поколения терминологически отождествляются с младшими родственниками старшего поколения, то такая система называется *скользящим счетом поколений* (ССП), а само поколение приобретает характеристики *возрастного эгоцентрического поколения* (РмРм = +ДмРРм, -ДмРРм = +ДмР, -ДмР = Дм+ДмР, Дм-ДмР = ДмДм; РжРж = +ДжРРж, -ДжРРж = +ДжР, -ДжР = Дж+ДжР, Дж-ДжР = ДжДж). Родственники младших поколений могут описываться или определяться через родственников старших поколений (или наоборот) на уровне морфологии терминов. В этом случае мы имеем дело с кумулятивным способом оформления межпоколенных отношений и *кумулятивной терминологией родства* (КТР). Наконец, альтеры младших или старших поколений могут называться терминами с редуплицированным слогом. В этом случае мы имеем дело с *редупликативной терминологией родства* (РТР).

Говоря об иденологической («вертикальной») парадигме моделей, мы будем противопоставлять ее, с одной стороны, *генеалогической* («горизонтальной») *парадигме*, к которой будем причислять традиционные типы СТР, а именно бифуркативный, бифуркативно-линейный, инкорпорирующий и линейный; а с другой – *реляционной парадигме*, к которой относятся типы классификации родственников 0 поколения по относительному возрасту и относительному полу.

Схема 3

Абсолютные генеалогические поколения

+2п	РмРм	РжРм	РмРж	РжРж		
+1п	ДжРРм	ДмРРм	Рм	Рж	ДжРРж	ДмРРж

-1п ДДмРЭж ДДмРЭм ДЭм ДЭж ДДжРЭж ДДжРЭм

-2п ДДмЭм ДДжЭм ДДмЭж ДДжЭж

Локальные эгоцентрические поколения

П-1	П-2	П-3	П-4
РмРм ДДмЭм	РжРм ДмЭж	РмРж ДДжЭм	РжРж ДДжЭж

П-5	П-6	П-7	П-8	П-9
ДжРРм ДДмРЭж	ДмРРм ДДмРЭм	Рм Рж ДЭм ДЭж	ДжРРж ДДжРЭж	ДмРРж ДДжРЭм

п, П – поколение

Ранее мы употребляли по отношению к ВТР, МКО и ССП термин «генерационные аномалии», «аномальные системы родства» [280; 282; 283], исходя из того, что они последовательно нарушают параметры генеалогического поколения. Как кажется, более корректным будет не противопоставлять их генеалогическому поколению, а объединить все в общую иденологическую парадигму.

Элементы иденологической парадигмы плохо вписываются в существующую типологию. Дж.Мёрдок считал МКО разновидностью «ирокезской» (бифуркативной) системы [1784]. По поводу своей первой схемы М.В.Крюков писал, что она

«носит наиболее общий усредненный характер (в ней, в частности, не учитываются такие, таксономически более *дробные*, типы систем родства, как кроу и омаха...» [466, с. 283; выделено мной. – Г.Д.].

В свою последнюю типологию М.В.Крюков все же включил МКО, однако ни традиционные критерии слияния/разграничения, ни введенный им параметр «свойство» не в состоянии отразить их специфику.

По поводу ССП Н.В.Бикбулатов замечает, что эта терминологическая конфигурация

«создает трудности в определении башкирской системы в существующих типологиях. Лишь отвлекаясь от нее, следуя типологии М.В.Крюкова, башкирскую систему можно включить в число промежуточных систем II–IV (малайско-английского) подтипа. Но оговоримся еще раз: такое определение носит весьма условный характер » [116, с. 6].

В отношении сходного с евразийским ССП так называемого «чинантекского типа» Мезоамерики (см. 10.6.4.) исследователи также отмечают, что присущая этому способу категоризации зависимость от критерия относительного возраста, делают его плохо поддающимся описанию с точки зрения принятых типологий [1738, с. 880-881].

Существующая на сегодняшний день историческая типология не приспособлена для адекватного описания СТР, характеризующихся делением альтеров по относительному возрасту и относительному полу. В работах М.В.Крюкова можно найти только мнение (ошибочное, как будет показано в 10.10.12.-10.10.13.) о том, что деление мужских сиблингов отца по возрасту знаменует переход от «ирокезского» (бифуркативного) к «арабскому» (бифуркативно-линейному) типу [466, с. 218; 475, с. 152]. Обращает на себя внимание тот факт, что бифуркативная, бифуркативно-линейная, инкорпорирующая и линейная терминологические конфигурации можно описать не только при помощи критерия слияния/разграничения линий, но и на основании параметра пола. Так, для бифуркативного типа релевантны будут пол коннектора и пол альтера [1181, с. 165-166]. Можно предположить, что критерий генеалогических линий вообще не является обязательным для типологизации категориальных принципов СТР и что они могут быть более полно и точно описаны в терминах поколения, возраста и пола. Это обстоятельство было отмечено еще в первых критических отзывах на труды Л.Г.Моргана со стороны К.Штарке, Э.Вестермарка и И.Лёббока. Сторонники КА рассматривают емкую систему переменных в качестве надежной основы для создания научной типологии плана содержания номенклатур родства [271, с. 100]. В этом случае соотношение различных СТР или различных исторических срезов одной СТР можно описывать через трансформацию сигнификатов.

Как справедливо заметил в личной беседе П.Л.Белков, злободневной является проблема визуального представления «структуры родства», в которой «скосы» будут выглядеть не аномальными, а гармонично встроенными в «тело» родства и логично соотносимыми с семантическими трансформациями на «горизонтальных» уровнях (поколениях) системы.

4.6. В историко-типологических исследованиях СТР практически отсутствует историко-филологический аспект: этнологи полностью игнорируют возможности компаративистского метода как источника информации о семантических изменениях в СТР. Исключения составляют только работа М.В.Крюкова истории трансформаций в китайской СТР [466] и статья А.А.Бородатовой и И.Ж.Кожановской, посвященная восстановлению прамайясской СТР [136]. Роль сугубо формально-лингвистического аспекта наиболее ярко проявляется в КТР, в

которой лексическая морфология иденонимов, а именно их дескриптивный характер, делает существующие критерии типологического описания СТР неэффективными Как отмечал А.Е.Шинкуба в отношении абхазской СТР,

«отнесение данной системы к арабскому типу достаточно условно. Ведь ни в одном поколении все диагностические отношения родства не выражаются исходными терминами... Поэтому представляется очевидным, что рассмотрение абхазской СТР в рамках арабского типа недостаточно для глубокого анализа суданских черт абхазской СТР» [996, с. 56].

В дальнейшем, правда, этот исследователь пошел по пути упрощенного типологического толкования абхазо-адыгских СТР. Определение таких систем, как осетинская [267; 268, с. 18], абазинская (см.: [997]) или китайская [463, с. 289] термином «бифуркативно-линейная» также не может быть признано удовлетворительным.

Аналогичным образом, несмотря на то, что в работах русских филологов XIX в. Ф.И.Буслаева и П.А.Лавровского, как и отчасти в исследованиях Л.Г.Моргана, историко-филологические штудии шли рука об руку с историко-типологическими наблюдениями, хотя и находились с ними в разном соотношении, сегодняшнее состояние иденонимической компаративистики характеризуется абсолютным невниманием к типологическому фактору. Спектр методов историко-филологического анализа иденонимов можно оценить по следующему высказыванию О.Н.Трубачева:

«Вместе с тем ясно, что главным аспектом изучения терминов родства для нас был и остается лингвистический аспект...Словообразование, этимология, лексическая семантика остаются главным и решающим в исследовании терминов родства» [892, с. 186, 189].

В этом заявлении диагностическим для понимания расхождений между историко-типологическим и историко-филологическим подходами к ТР является понятие «лексической семантики». Компаративистику не интересует вопрос о соотношении семантики различных терминов – то, что этнологи называют «принципами группировки родственников», – как фактора, определяющего реконструкцию семантических параметров прото-ТР. В результате, в индоевропеистике сложилась курьезная ситуация: несмотря на бесконечную вереницу филологических работ по истории ИЕ ТР и социальной терминологии, среди которых фундаментальные трактаты Б.Дельбрюка, О.Шрадера, О.Н.Трубачева, Э.Бенвениста, О.Семереньи, Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванова, этнолог Р.Нидэм имел все основания заявить:

«На сегодняшний день, однако, ни древнейшая природа индоевропейских терминологий, ни их отношение к прескриптивным системам не получили удовлетворительного разъяснения... Подлинный характер праиндоевропейской системы родства еще предстоит определить» [1819, с. 8-9].

5. Историография исследований категорий поколения, пола и возраста в терминологиях родства

5.1. Иденологическая парадигма

Парадигма поколения получила в отечественной и зарубежной историографии неодинаковое освещение. Не будучи объединенными исследователями в единый комплекс типов, ее элементы рассматривались

либо как разновидности известных исторических систем, либо как особенности СТР конкретных этносов, либо как аномалии. Своеобразным эпиграфом к этой историографии и антиэпиграфом к настоящей работе могло бы послужить высказывание Э.Сервиса о том, что системы «кроу» и «омаха» – это «всего лишь служащая специальной цели особая отделка (*embellishment*) того же основного бифуркативно-сливающего типа», а ВТР – это «несущественная вариация бифуркативного-сливающего типа» [2017, с. 68-69].

Взаимная терминология родства

5.1.0. Среди элементов генерационной парадигмы ВТР оказалась наименее изученной. Это примечательно, если учесть, что нарушение генеалогической поколенности в ней прослеживается наиболее отчетливо, а социальному принципу взаимности в этносоциологической литературе уделяется повышенное внимание[23].

Первые сведения о ВТР содержатся в «Системах родства и свойства человеческой семьи». Внимание Л.Г.Моргана привлекла одна особенность номенклатуры споканов – этноса Северо-Запада США, говорящего на языке селишской семьи. Она заключалась в том, что в отношении родственников +2 и -2 поколений они употребляли «один и тот же термин во взаимном смысле вместо терминов коррелятивных» [1773, с. 245]. В распоряжении Л.Г.Моргана находились два списка ТР споканов: в другом списке тот же термин фигурировал в модифицированном виде. Далее, в одном списке ВТР связывались также мужской сиблинг отца и сын мужского сиблинга мужчины; в другом – это отношение было оформлено в терминах «отец» и «сын». Л.Г.Морган предположил, что первый термин употреблялся «за глаза» (т.е. референтивно), а второй – в обращении лиц друг к другу (т.е. вокативно) [1773, с. 245]. ВТР (на этот раз между женским сиблингом отца и сыном мужского сиблинга женщины) у других селишей, а также у ютов, сахаптинов, якима и флатхед, расселенных к западу от Скалистых гор, и у одной из этнических групп пуэбло на Юго-Западе – лагуна [1773, с. 247, 252, 262]. Свое отношение к обнаруженным особенностям группировки родственников американский ученый выразил в следующих словах:

«Это один из вопросов..., требующих своего разрешения. Понять эту удивительную особенность невозможно до тех пор, пока она не раскрыта более подробно и не имеет других подтверждений» [1773, с. 246].

В дальнейшем новые материалы подтвердили факт существования ВТР в различных ТР и вызвали первые попытки теоретического осмысления данного феномена. В 1883–1884 гг. в России вышла работа, известная, пожалуй, лишь узкому кругу специалистов в области лингвистической семантики. Автор ее, В.Шерцль, посвятил свой труд изучению слов с противоположными значениями [987]. Это явление он назвал *энантиосемией*, так оно называется и поныне (см.: [711; 869, с. 35, 44; 560, с. 38-39; 246; 796]). В.Шерцль обнаружил данный феномен в том числе и среди ТР. Он привел ВТР из японского, коми, персидского, средневерхненемецкого, муисского, споканского и других языков,

пользуясь таблицами Л.Г.Моргана и материалами В.В.Радлова. Вывод его был таков:

«Исходной точкой антитезиса оказывается в этом случае отношение родства, в котором участвуют два лица, из которых одно без другого немыслимо» [987, с. 54-55][24].

В 1909 г. А.Кробер выделил две формы бытования ВТР: закрытую (*closed set*) и открытую. *Закрытая форма взаимности* предполагает употребление взаимного термина определенными родственниками в отношении друг друга и только в отношении друг друга. Например, закрытым будет ВТР, связывающий мужского сиблинга матери и детей сестры мужчины или мужского сиблинга матери женщины и дочь сестры мужчины. Английский термин *brother* будет ВТР «незакрытого» типа, так как его могут употреблять не только двое мужчин (братьев) в отношении друг к другу, но и женщина (сестра) в одностороннем порядке по отношению к мужчине (брату) [1582]. А.Кробер продолжал изучение ВТР, и в 1917 г. ввел понятия «концептуальной» (*conceptual*) и «вербальной» (*verbal*) взаимности [1584, с. 64, 79]. *Концептуальная взаимность*

«имеет место только тогда, когда все лица, именуемые одним термином, называют всех тех, кто их так именует, и только их, соответствующим термином. Не существенно при этом, идентичен ли второй термин первому, сходен ли с ним или не имеет с первым ничего общего».

Например, у зуньи *talle* ДмДмРЭж и *eyye* ДжДмРЭж являются «концептуально взаимными» для *kukku* ДжРРм. *Вербальная взаимность*

«заключается в использовании одного и того же, либо производных терминов, для соответствующего родственника. В точности противоположные значения не обязательно должны быть приписаны терминам».

Между этими крайними полюсами взаимности А.Кробер расположил ряд конкретных вариантов: полная концептуальная взаимность в сочетании с частичной вербальной взаимностью (например, зуньи: *kyakkya* ДмРРж и *kyasse* ДДжРЭм – однокоренные слова); полная вербальная взаимность в сочетании с «частичной логической корреляцией» (соответствует «незакрытой» форме в концепции 1909 г.) (ср. зуньи *nanna* РмР (для Эм и Эж) = ДмД (для Эм и Эж), *hotta* РжР (для Эм и Эж) = ДжД (для Эм и Эж) [1584, с. 79-80]. Для обозначения разнообразных промежуточных вариантов (употребление не идентичных, но легко возводимых к общему корню лексем, частичная концептуальная или вербальная взаимность и пр.) А.Кробер использовал термин «квазивзаимность» [1584, с. 67]. Если ТР обнаруживает концептуальную и вербальную взаимность одновременно, его следует считать самообоюдным (*self-reciprocal*) [1583, с. 340-341, прим. 1]. Самообоюдный ТР соответствует «закрытой» форме взаимности в концепции 1909 г. А.Кробер сделал ряд важных замечаний об отношении взаимности с фактором пола. Подчеркивая «слабость импульса взаимности» в СТР зуньи, он объяснял это следующими причинами: во-первых, регулярной маркировкой пола альтера и, во-вторых, сравнительно нечастым уточнением пола говорящего. Он рассуждал:

«Когда налицо строгая концептуальная взаимность, один термин из пары (или одно значение единого двустороннего термина) должен по идее выражать одну из двух категорий, а второй термин или второе значение – другую категорию».

Так, в термине *kyakkya* ДмРРж пол альтера релевантен, пол эго – нет. По мнению А.Кробера, эта ситуация предполагает две альтернативы:

«Мы либо можем придерживаться тех факторов или категорий, которые заложены в термине *kyakkya*, и пользоваться одним термином, которым наделяют «брат матери» и «сестра» сына последней, и другим, который служит им для обозначения дочери последней. В этом случае мы будем последовательны в методе, но лишимся взаимности. Либо мы воспользуемся типичным индейским способом отказа от такого метода и игнорирования пола родственника в угоду полу говорящего. На сей раз мы добьемся строгой взаимности, пожертвовав последовательностью» [1584, с. 80–81].

А.Кробером была отмечена широкая распространенность ВТР на североамериканском континенте [1584, с. 80]. Однако, Л.Спир, составивший типологию ТР североамериканских индейцев, лишь мимоходом отметил «вербальную взаимность» в номенклатурах этносов, принадлежащих в его системе к типу «юма» [2052, с. 76]. П.Хаге обнаружил наивысшую концентрацию систем с ВТР на Тихоокеанском побережье американского континента, в Австралии, Меланезии и Юго-Восточной Азии [1429].

Минимальную типологизацию ВТР предложил на материале ТР индейцев-тюбатулабал и кавайису Э.Гиффорд. Он выделил два типа «идентично-реципрокных» терминов, различающиеся по своему значению. ВТР может обозначать либо *идентичные* категории (например, тюб. *nawasu*, кавай. *teeni* «родитель супруга ребенка; кум»), либо *антитетичные* категории (например, тюб. aka «отец отца», но также «дети сына мужчины»; кавай. *atamwoni* «брат жены», но также «муж сестры мужчины») [1360, с. 240-241].

Дж.Мёрдок в вышедшем в 1949 г. фундаментальном труде «Социальная структура» предпринял попытку синтезировать сложившиеся к тому времени в западной науке представления о первобытной социальной организации. Центральное место в нем по традиции было уделено СТР. Дж.Мёрдок выделил 6 принципов организации СТР: *пол*, *поколение*, *свойство*, *прямая и боковая линии* и *полярность* [1784, с. 101]. Согласно Дж.Мёрдоку, неразличение любого из этих критериев, в том числе полярности, превращает термин в классификационный.

«Когда полярность отсутствует, – писал он, – родственное отношение рассматривается как нечто единое и оба субъекта употребляют по отношению друг к другу один и тот же классификационный термин» [1784, с. 104].

Таким образом, ВТР возникает, по Дж.Мёрдоку, вследствие игнорирования критерия полярности. П.Ааби оспорил правомерность включения полярности в тот же ряд, что и поколение, пол, возраст и т.д., на том основании, что они относятся к разным уровням описания объекта: первая действует в плане содержания («на уровне самого отношения родства»), а вторые – в плане выражения СТР (см.: [1031; 1032]).

В 1967 г. Д.Эберли вернулся к идеям А.Кробера и предложил различать в ВТР две формы: закрытую и открытую. В первом случае

«каждый эго называет альтера тем же термином, каким альтер называет эго, и никакой другой эго не употребляет этот термин в отношении любого альтера, не входящего в систему».

Во втором случае,

«если существует один термин для брата матери (говорит мужчина, говорит женщина) и сына сестры (говорит мужчина), система получается открытой, так как мужчина называет дочь сестры иначе, чем последняя называет его» [1034, с. 263].

Далее Д.Эберли строит «внешнюю» типологию взаимности, выделяя три степени последней: сильную, промежуточную и слабую. В последнем случае альтеры +2 поколения отождествляются с альтерами -2 поколения. Промежуточная степень предполагает помимо этого объединение в одну категорию части родственников +1 поколения и части родственников -1 поколения. Сильная степень, наряду с вышеперечисленными чертами, характеризуется объединением альтеров 0 поколения с альтерами ±2 поколений [1034, с. 267].

Другие варианты типологии ВТР, предлагавшиеся Дж.Гринбергом [1399, с. 104], А.Н.Максимовым [562, с. 72-74] и Э.Г.Соселия [817, с. 135, 137], так или иначе повторяли идеи А.Кробера и Д.Эберли.

5.1.1. Проблему происхождения такой терминологической особенности, как ВТР исследователи рассматривают в двух основных плоскостях – когнитивно-психологической и социологической.

Г.Кунов, обратив внимание на приводимый Л.Г.Морганом ВТР, обозначающий «дедов» и «внуков» у ротуманцев, обнаружил такое же явление в Австралии. Причина такого «странного» (*eigentümlich*), по его мнению, отождествления осталась для него неясной, но он отверг мысль о бедности языка аборигенов [1212, с. 46-47]. А.Кробер настаивал на несоответствии данного феномена европейскому складу мышления [1584, с. 80]. В одной из своих работ он заявил, что терминологическая взаимность не имеет коррелятов среди социальных институтов и поэтому ее следует признать ментальной структурой (*thought-pattern*) [1589, с. 606]. В дальнейшем к этой точке зрения присоединились Р.Нидэм [1813] и Р.Паркин [1864]. Э.Парсонс, отказываясь, вслед за А.Кробером, видеть в ВТР продукт социальной сферы, объяснял ее природой языка [1869, с. 386][25]. Как лингвистический феномен, ВТР интересовала Э.Сэпира [1977]. Отметив регулярность использования диминутивов в именах реципрокатов (не обязательно в термине для младшего члена пары), он доказал, что первоначально диминутивы в ТР ряда этносов западной части Сев. Америки не употреблялись и реципрокаты связывались, как сказал бы А.Кробер, строгой «вербальной взаимностью».

Л.Дюмон выдвинул предположение об исторической первичности слияния альтернативных поколений, воплощающих представление о цикличности времени, по сравнению с генеалогической формой выражения родственных связей и соответственно линейностью временного порядка [1255, с. 238]. К гипотезе Л.Дюмона примыкает мысль В.А.Попова о том, что

«циклические особенности как возрастных систем, так и первичных СР, могут быть порождены спецификой темпорального мышления первобытного человека, для которого не характерно представление о векторности, линейности времени...» [695, с. 30-31; 696].

5.1.2. Социологические объяснения ВТР предлагали исследователи австралийских СР и брачных классов. У.Хауитт, У.Риверс и А.Рэдклифф-Браун пытались отыскать корни взаимности в австралийских и меланезийских СР в геронтократических браках [1511; 1939, с. 34, 48] (см. также критику: [536; 651, с. 16]). У.Хауитт писал, например, что

обозначение «внучек» и «бабушек» одним словом («инклюзивным» в его терминологии) имеет своей целью расширение круга возможных половых партнеров «дедов» [1511, с. 164, 170]. Позднее, наличие в СТР терминологической взаимности в ±2 поколениях связывалось с секционным принципом, согласно которому в одной секции оказывались лица, принадлежащие альтернативным (гармоничным) поколениям [1616; 1663, с. 270; 563, с. 99; 1485; 646, с. 5; 537, с. 207]. Э.Кэпелл и Р.Лестер утверждали, что в данном случае «социальный контекст возобладал над языком» [1170, с. 117].

Ф.Эгган выдвинул предположение, что в Сев. Америке ВТР также коррелирует с феноменом слияния альтернативных поколений [1272, с. 294-295]. Правда, он не смог отыскать в Америке форму реализации этого принципа, сопоставимую с австралийскими секциями. Только в 1960–1990-е гг. полные аналоги австралийских брачных классов в сочетании с ВТР были обнаружены и исследованы в Южной Америке (см.: [1734; 1559; 1249, с. 382-383; 1051]; также Дж. Мэтлок о панских матсес в личной переписке]) и северных атапасков [1932]. В силу логичности сочетания ВТР и брачных классов, некоторые исследователи постулировали тесную зависимость между ВТР и симметричными прескриптивными брачными системами (см.: [1484; 1394]). По Д.Эберли, сильнейшая степень терминологической взаимности отличает общество, в котором также обнаруживаются следующие черты: деление общества на эпигамные группы; кросскузенный брак; бифуркативная СТР; противопоставление 0 поколения смежным поколениям и слияние альтернативных поколений. В Сев. Америке такой тип общественной организации, полагает Д.Эберли, господствовал до прихода европейцев. В дальнейшем развитие политических структур, усиленные миграции, контакты с колонизаторами, повлекшие за собой падение численности населения, разрушили эти «закрытые системы родства» [1034, с. 271]. П.Хаге возражает, указывая на то, что западная часть Сев. Америки изобилует ВТР, но бедна нормами кросскузенного брака [1429].

К.Леви-Стросс полагал, что феномен терминологической взаимности в австралийских СТР является не столько следствием билатеральности, сколько «прямой функцией» патрилатерального кросскузенного брака [1637, с. 254][26]. Ф.Корн, в своей фундаментальной рецензии на «Элементарные структуры родства», показал, что патрилатеральный кросскузенный брак и патрилатеральный счет родства не обнаруживают корреляций с ВТР ни у аранда, ни у диери, ни у ятмул, ни у привлекаемых К.Леви-Строссом в качестве примера мара [1577, с. 112].

Важное место занимает феномен слияния альтернативных поколений в «тетраидной теории». Согласно Н.Аллену,

> «древнейший тип терминологии родства [т.е. предравидийский – Г.Д.] последовательно отождествлял чередующиеся генеалогические уровни» [1044, с. 46].

С ним солидарен М.В.Крюков, полагающий, что в первоначальной форме дуально-родовой организации отсутствовало представление о предках и потомках, так как и те и другие обозначались одним термином [477, с. 184]. Н.М.Гиренко полагает, что чередующиеся поколения

являются «основой дуальности в масштабе всего социального организма, регулирующей брачные связи» [231, с. 29]. Слияние в одну категорию «брата матери» и «сына сестры» Н.М.Гиренко объясняет чередованием уже не поколений, а общин, связанных брачными обязательствами:

«В условиях эпигамии, – пишет он, – брат матери должен был бы относиться к тому же тотему, что и дед эго, а сестра отца – к тому же, что и жена деда и бабка эго» [231, с. 28-29].

5.1.3. Истоки ВТР в поведенческих стереотипах искали Э.Сервис и З.Надель. Э.Сервис утверждал, что «деды» и «внуки» объединяются одним термином потому, что они, при низкой продлолжительности жизни, редко живут в одно время, а когда все же встречаются в активной фазе жизни – не являются функционально значимыми друг для друга [2017, с. 69-70]. Этот тезис уязвим для эмпирической проверки, так как есть СТР, в которых учитываются 4 категории «дедов» и «внуков», связанные взаимными терминами. Зачем было бы столь подробно дифференцировать то, что не является функциональным?

По мнению З.Наделя, слияние в одну категорию «дедов» и «внуков», родителей супругов и супругов детей у африканских туллишей объясняется в первом случае дружеской близостью родственников, а в другом – пищевыми запретами [1796, с. 331]. Можно проследить стремление ряда исследователей синтезировать когнитивно-психологические и социологические объяснения ВТР. Полемизируя с У.Риверсом, А.Хокарт предложил общую причину для возникновения и геронтократических браков, и ВТР, а именно идеологию реинкарнации «дедов» во «внуках» [1483, с. 12-13]. Дж.Мэтлок исследовал взаимосвязь между ВТР и реинкарнационным комплексом и пришел к выводу об исторической первичности первой. Он отметил наличие слияния альтернативных поколений у бушменов-кунг, австралийцев и необычайно широкое распространение этого феномена в индейских СТР, подтвердил мысль, ранее высказанную Л.Дюмоном, Н.Алленом и Р.Паркиным, о том, что древнейшая СР вида *Homo sapiens* должна была включать терминологическое отождествление альтернативных поколений в качестве основного структурообразующего принципа и связал этот этап в эволюции СР с предполагаемым расселением человека современного вида из Африки 100000–50000 лет назад [1719].

Л.Берт видел функцию ВТР в Юго-Восточной Азии в объединении в единую группу больших масс населения без внесения в нее корпоративно-групповых различий [1107, с. 728]. К этой интерпретации примыкает объяснение С.Романоффа, согласно которому ВТР – удобный способ обозначения родственников, генеалогические связи между которыми неизвестны [1945, с. 300]. Аналогичное мнение высказывал М.Фортес:

«…Слияние чередующихся поколений…сжимает все “линейные” отношения в пучки категорий… В руках говорящего, таким образом, оказывается замкнутое кольцо отношений, экономичный набор категорий, позволяющий свести все социальные связи к минимуму аксиоматичных правил отождествления и классификации» [1315, с. 110].

Отсутствие «корпоративно-групповых различий» в кругу лиц, связанных взаимными иденонимами, следует понимать как невыраженность унилатеральных институтов, но не как отсутствие

социальной дифференциации вообще. Н.М.Гиренко после анализа африканского материала пришел к выводу о связи ВТР с половозрастной стратификацией общества [231, с. 24]. К.П.Калиновская склонна искать мотивы, определяющие спаянность альтернативных поколений в специфике их участия в производственной деятельности. Не будучи в состоянии в силу биологических причин активно участвовать в производстве, социальновозрастные подразделения «дедов» и «внуков» сливаются друг с другом и вместе противопоставляются смежным поколениям, осуществляющим деятельное функционирование в обществе. Через канал «деды – внуки», напротив, идет передача информации или социальной программы [405, с. 104; 402]. В.А.Попов предлагает объяснить феномен терминологической взаимности

«через социально-возрастной дуализм поколений различных возрастных систем, цикличность структуры которых основана на чередовании социально-возрастных поколений (возрастных классов)...» [695, с. 30].

Подводя итог изучению ВТР и феномена слияния альтернативных поколений, К.Леви-Стросс заметил, что «причина их существования остается совершенно неясной» [1644, с. 166]. На сегодняшний день общий консенсус таков, что межпоколенная ВТР исторически предшествует генеалогическому оформлению поколенных различий и соотносится не с корпоративными унилатеральными/унилинейными институтами, а с половозрастной организацией общества.

Модели кроу и омаха

5.1.4. Впервые отмеченные Л.Г.Морганом у ряда североамериканских этносов [1773, с. 179, 188-189, 191 и др.], МКО с тех пор не перестают будоражить научную мысль и воображение исследователей. Все попытки дать этим моделям адекватное объяснение потерпели неудачу. Историография этой проблемы настолько велика, что ей посвящена отдельная книга (см.: [2181], а также: [1693; 686; 684]).

Впервые проблему, которой суждено было стать одной из самых популярных тем в исследованиях СТР, подняли в конце XIX в. немецкие ученые Ф.Бернхёфт [1104, с. 32-43], К.Штарке [2063, с. 51-52; 1070, с. 187, 195] и Й.Кёлер [1574, с. 290-292] в связи с моргановской теорией группового брака. Й.Кёлер говорил о «племенах группы омаха» и «племенах группы чокто» как практикующих номенклатуру, усложняющую брачные правила. Он описал брачную ситуацию, при которой супруги, приходящие каждое поколение в один и тот же «род», не должны состоять друг с другом в отношениях родителей и детей, первым обратил внимание на зависимость этих терминологических систем от пола эго, с одной стороны, и от филиации – с другой [1574, с. 144, 165, 187-188]. Э.Дюркгейм отмечал, что сопоставление МК и МО и вывод о взаимосвязи скоса и филиации является главным успехом работы Й.Кёлера [1260, с. 316].

Р.Лоуи впервые заговорил о типе «омаха» и типе «хидатса», который очень близок номенклатуре «кроу», как о вариантах «дакотского принципа» [1661, с. 150, 156]. Окончательно названия «кроу» и «омаха»

закрепились за этими типами СТР после обобщающей работы Л.Спира по типологии североамериканских номенклатур в 1925 г. [2052]. В дальнейшем было показано, что генерационный скос, обнаруженный в номенклатуре омаха, кроу и хидатса, – феномен не узко локальный и даже не североамериканский, а широко распространенный по всему миру, однако, исследователи критикуют долгое время доминировавший в науке «американоцентризм» в изучении МКО (см.: [2089]). Вариации в пределах самого генерационного скоса и в номенклатурах, в которых он фиксируется, настолько велики, что размывается сама формальная сторона рассматриваемого феномена. Р.Нидэм отмечал в связи с «проблемой омаха», что

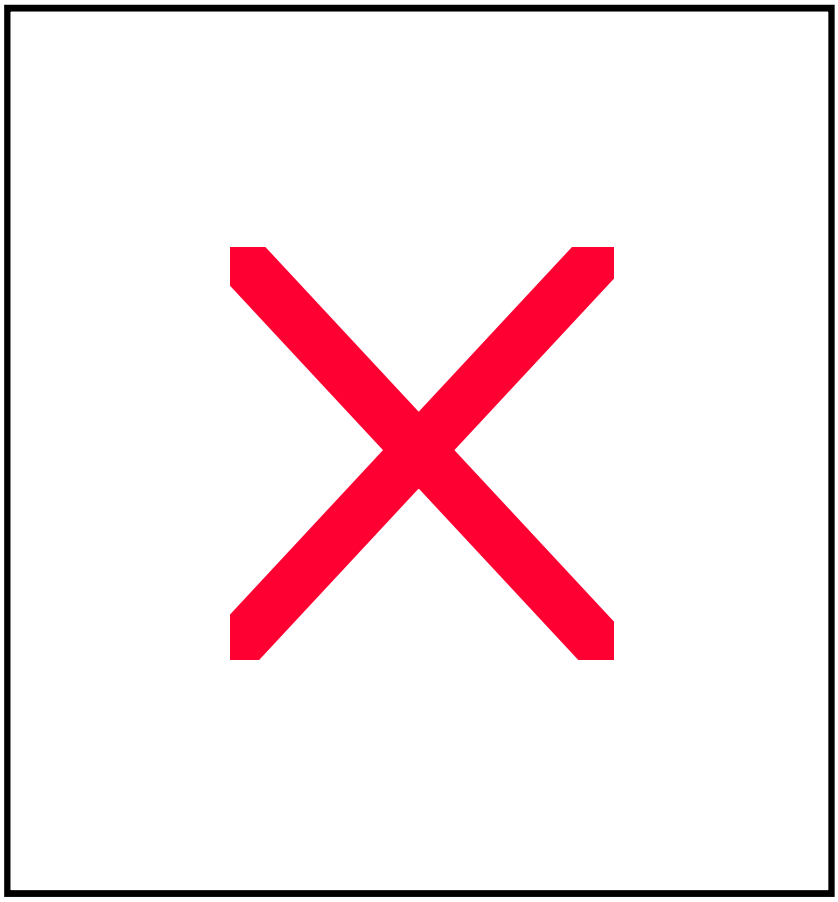
> «многие терминологии демонстрируют эту якобы диагностическую особенность, а именно отождествление «брата матери» с «сыном брата матери», но при этом отличаются друг от друга во всем остальном» [1815, с. 14].

Различие между двумя основными разновидностями генерационно-скошенных моделей заключается в направлении поколенного скоса: в МК матрилатеральные кросскузены категориально отождествляются с лицами восходящих поколений, а патрилатеральные кросскузены – с лицами нисходящих поколений; в МО – наоборот: матрилатеральные кросскузены приравниваются к категориям нисходящих поколений, а патрилатеральные кросскузены – к категориям восходящих поколений. Такая зеркальная противопоставленность двух структурно идентичных моделей родства была названа «киральностью» [691, с. 69, прим. 106][27]. На основании формального сходства между МК и МО А.Лессер сделал вывод о том, что «в таких случаях мы имеем дело с функционально взаимосвязанным комплексом» [1630, с. 727] (см. также 1038; 1039]). Ф.Эгган расценивал их как «подтипы более фундаментального типа «кроу/омаха»» [1270, с. 36], или «линиджного» [1268, с. 93; 1272, с. 292]. У.Шапиро предложил их называть «помо» – по имени одного из индейских этносов Калифорнии, у различных групп которого были зафиксированы как черты типа «кроу», так и черты «омаха» [2024, с. 147-148]. Ф.Лаунсбери сгруппировал все известные варианты скошенных моделей в четыре типа [1654, с. 372; 1655, с. 72] (схема 4). Составленная Д.Кроненфилдом компьютерная программа позволила установить, что МКО и нескошенные модели могут легко сменять друг друга и существовать параллельно [1591; 1592; 1593; 1594; 1595; 1596].

5.1.5. Изучение МКО велось в трех основных направлениях: этиологическом, структурном и типологическом. Исследователи, представляющие первое направление, пытались объяснить феномен генерационного скашивания через те или иные особенности общественного строя тех этносов, у которых он фиксировался. В качестве такой первопричины зачастую выступали вторичные межпоколенные браки (со вдовой мужского сиблинга матери/сыном сестры мужа – в случае МК, и с дочерью мужского сиблинга жены/вдовцом сестры отца – в случае МО) (см.: [1976; 1937, с. 49; 1359; 1365; 1630; 357]). Действительно, такие браки известны этнографии; зафиксированы они и в тех обществах, СТР которых отличает генерационный скос (например, тлинкиты, мивок в

Сев. Америке, нанди в Африке, банксцы в Океании). Б.Зелигман сравнила ТР нанди, масаев и тонга, которые демонстрируют скос «омаха», с брачными нормами в этих обществах. У нанди и масаев она не обнаружила следов брака с дочерью брата жены, но, исходя из точного соответствия между СТР этих этносов и СТР тонга, практикующих указанную форму брака, пришла к выводу, что

Схема 4



у них брак с дочерью брата матери должен был иметь место в прошлом [2013, с. 62]. У.Риверс применил ту же логику в глобальном масштабе, полагая, что, если у банксцев браки с СжДмРРж/ДмДжРСм нормативно практикуются, а у индейцев-кроу – нет, но и те, и другие имеют в СТР генерационный скос типа «кроу»; значит последние утратили эту форму брака, но ТР позволяет ее у них реконструировать [1939, с. 53].

Э.Бенвенист полагал, что кросскузенные браки в любой форме неминуемо приведут к образованию терминологических скосов [100, с. 158][28], в то время как Р.Лэйн и Б.Лэйн видели истоки рассматриваемых систем только в обычае матрилатеральных кросскузенных браков [1613]. Такую же точку зрения отстаивали Д.Эйд и П.Постал [1291]. С ними спорил А.Культ, утверждавший, что МК возможно только при патрилатеральном кросскузенном браке, а МО – только при матрилатеральном [1202, с. 137]. Ч.Акерман, на своем материале, утверждал прямо противоположное: все МО связаны с практикой патрилатеральных кросскузенных браков [1053]. В прямой полемике с Ч.Акерманом, М.Уильямсон использовала данные о папуасах р. Сепик, чтобы продемонстрировать, что МО может ассоциироваться не только с унилатеральным кросскузенным браком (ятмул), но и с «обменом сестрами» (квома, абелам) [2204, с. 543-545]. Делаются попытки объединить идею межпоколенных браков с гипотезой об односторонних кросскузенных браках [1764; 1509, с. 176].

Некоторое внимание проблеме «кроу-омаха» уделил К.Леви-Стросс в рамках своей теории СР как классификационного следствия различных систем брачного обмена. В элементарных системах родственники переходят в разряд свойственников, в сложных системах свойство превращает посторонних в родственников. В 1949 г. эволюционный переход от браков с нормативной прескрипцией брачных партнеров («простой обмен») к современным сложным системам выбора супруга виделся ему как следствие замены нормы кросскузенного брака обычаем брачного выкупа (см.: [1637]). В 1951 и 1966 гг. он привлек явление генерационного скашивания в качестве уникального примера одновременного приложения формул простого и обобщенного обмена. Введение запрета на брак между кросскузенами, терминологически приравниваемых к «родителям» и «детям», увеличивает с геометрической прогрессией количество потенциальных брачных контактов и с каждым новым поколением увеличивает расхождение между подсистемой родства и подсистемой свойства. МКО не несут в себе никаких брачных прескрипций, а только брачную «турбулентность», или серию запретов, порождающих в каждом новом поколении разные формы брака и все более размежовывающих подсистему родства и подсистему свойства. Это – «полуобобщенный» (*semi-complex*) обмен, или так называемый «дисперсный брачный альянс»[29] (см.: [1638, с. 162; 516, с. 62] (критику этой трактовки МКО см. в: [19, с. 264-266]). В этом плане позиция К.Леви-Стросса находится в прямой конфронтации с теорией матрилатерального кросскузенного брака.

К.Леви-Стросс отличал МКО от «асимметричных терминологий», которые отождествляют кросскузенов с родителями супруга и супругами детей и, таким образом, маркируют линии вовлеченных в брачный обмен с эго лиц. В лекциях, прочитанных в *Collège de France* в 1978–1979 гг., К.Леви-Стросс назвал обобщенный обмен «верхней границей» элементарных систем, а МКО – «нижней границей» сложных систем и сравнил последние с «шарниром», на котором происходит переход от

одной системы обмена к другой [1646, с. 212]. Однако, еще в 1969 г., в предисловии к новому изданию «Элементарных структур родства», он признал, что «гавайские» системы порождаются альянсами, которые «не сильно отличаются» от тех, которые лежат в основе МКО [1641, с. XXXVIII–XLII]). Таким образом, вырисовалась возможность, что и «гавайские» номенклатуры, и МКО возникли параллельными путями в обход систем простого обмена, и, таким образом, идея возведения этих типов систем к формам брака для большинства исследователей окончательно отпала (см.: [1781]). Кроме того, эмпирические факты не дают основания говорить об универсальности присутствия МКО в СТР обществ с «дисперсными» брачными системами [1071, с. 394; 1815, с. 20].

Иной критерий выдвигал М.Титиев. По его мнению, особенности скошенных систем восходят к унилокальности послебрачного поселения. Род, с членами которого эго постоянно сталкивается в быту, терминологически дифференцируется; тогда как члены другого рода обозначаются на основе своей коллективной принадлежности [2112; 2114] (см. также: [1499, с. 248-249; 1237]). Близкий подход продемонстрировал и В.М.Мисюгин. По его мнению, с формированием унилатерального счета родства различные роды начинают по-разному восприниматься говорящим. Члены социально значимых родов становятся для него «отцами», а члены социально малозначимых родов – «детьми» [600, с. 80-84]. Н.А.Бутинов решил «подойти к системам родства с позиций общины» [155, с. 212]. По его логике, в чем-то перекликающейся с логикой В.М.Мисюгина, неразличение поколения проистекает от того, что человек «бывает в других общинах редко, с людьми этих общин он слабо связан и не ощущает потребности в установлении точных родственных отношений с каждым из них в отдельности» [155, с. 219]. Д.А.Ольдерогге считал возможным объяснять генерационный скос определенными правилами наследования в ряде африканских обществ [644; 653; 654]. Метод выведения причин общего из особенностей частного не дал желаемых результатов, и Д.А.Ольдерогге пришлось констатировать:

«Мне не вполне ясны причины возникновения подобной переоценки положения кузенов в патрилинейном отцовском роде» [648, с. 28].

5.1.6. Ряд исследователей пытался подобрать ключи к решению «загадки кроу/омаха», исходя из характера взаимоотношений между различными социальными группированиями. Э.Парсонс объяснял нарушение поколенного принципа у индейцев лагуна «наложением друг на друга клановых терминов и терминов родства» [1867, с. 169-170]. Э.Сервис определял данный феномен как результат пересечения клановолиниджного и семейного принципов (соответственно, социоцентрической и эгоцентрической систем классификаций) [2017, с. 195]. А.Рэдклифф-Браун усматривал в терминологических скосах действие сформулированных им принципов «слияния альтернативных поколений», «единства группы сиблингов» и «единства линиджа». Последний принцип означает, что индивид распространяет термины для обозначения старших родственников на всех членов их родов [1900; 1903; 1904, с. 242-270; 1905, с. 33-34][30]. В том же направлении мыслил Р.Форчун,

отмечавший, что скос кроу у меланезийских добу – результат «игнорирования поколенных различий в угоду родовой (или... деревенской) солидарности» [1322, с. 40]. Сильную форму этой гипотезы предложил Дж.Битти в исследовании СТР африканского этноса ньоро: термины не подвергаются расширению, а являются исконно моносемичными, и тем самым, скос «кроу» маркируется термином с глоссой «женщина из отцовского матрилиниджа», а скос «омаха» маркируется термином с глоссой «женщина из матрилиниджа матери» [1079]. Впоследствии проблема полисемичности или моносемичности иденонимов стала ключевой в дебатах по поводу реальности трансформационного анализа.

Л.Уайт развил положение о связи МКО с унилатеральными институтами и предположил, что отсутствие МКО в терминологиях многих таких обществ объясняется тем, что клановая система эволюционирует и генерационный скос возникает только в обществах с «сильной» унилатеральной тенденцией [2189]. Дж.Мёрдок подверг гипотезу Л.Уайта кросскультурной проверке и обнаружил, что МКО и «сильная» степень развития унилатеральных институтов находятся в статистически регулярном соотношении [1784, с. 168]. Впоследствии, количество исключений из этого правила перешло границы допустимого для общей теории (см.: [2097, с. 279-280; 1693, с. 238]), однако, некоторые исследователи [1622, с. 73] продолжали видеть справедливость гипотезы Л.Уайта для своих регионов.

Г.Доул, в своем объяснении эволюции МКО из бифуркативной или «кросскузенной» терминологии, объединила чуть ли не все предлагавшиеся ранее причины. По ее мнению, МКО возникает

> «под совокупным действием прескриптивной формы брака в определенную унилинейную группу, если полигиния и другие факторы настолько сокращают спектр возможных брачных партнеров, что становятся необходимыми браки между лицами разных поколений» [1245, с. 423].

Р.Маккинли [1694] соединил теорию полуобобщенного обмена К.Леви-Стросса, «линиджную» теорию и теорию зависимости МКО от матрилатерального кросскузенного брака. Он подчеркнул, что унилатеральные общества следует классифицировать с точки зрения принятых у них способов взаимодействия между кланами; в специфике межклановых, а не внутриклановых, взаимоотношений нужно искать корни и МКО. В рамках своего «идеологического» подхода к СТР, он фактически перевернул теорию К.Леви-Стросса и выдвинул предположение о том, что МКО призваны создать иллюзию неизменяемости во времени брачных правил и тем самым снять социальное противоречие между стремлением клана сохранить привычные брачные договоренности с другими кланами и одновременно установить сеть новых брачных связей [1694, с. 413-414][31]. Р.Маккинли единственный, кто также затронул вопрос, связывающий историографию МКО с историографией ВТР, а именно о специфике выражения темпоральности в терминологических системах. По его мнению, в МКО игнорируется не само поколение, а необратимость смены поколений: время в системах с генерационным скосом искусственно задерживается, чтобы придать стабильность межклановым

отношениям, естественно меняющимся каждое поколение; соответственно соединение в одном термине категорий старшего и младшего поколений придает «структурную непрерывность» межклановым связям [1694, с. 408][32]. Полезно сопоставить рассуждения Р.Маккинли с наблюдениями Р. да Матта о природе генерационного скоса в СТР индейцев-же. Р. да Матта критикует устойчивую тенденцию искать в МКО выражение одного-единственного социального принципа и полагает, что генерационный скос представляет собой «воссоздание на уровне идеологии и терминологии категорий, которые подверглись разложению на других уровнях». В частности, он относит появление МКО к ситуациям обостренного идеологического дуализма: между полами, между родителями и детьми и т.п. [1721, с. 163-164].

5.1.7. Установленным на сегодняшний день можно считать факт весомой корреляции (конгруэнтности) генерационного скоса с унилатеральным счетом родства (см. обобщения: [1784, с. 166-168; 1905, с. 70-78; 2097, с. 12-13])[33] и односторонними (внутрипоколенными и межпоколенными) браками. Р.Лоуи первым заметил, что МК встречается главным образом в матрилинейных обществах, а МО – в патрилинейных обществах [1672]. Р.Форчун писал, что «скос кроу это эффективный способ приспособления билатеральной терминологии к унилатеральной тенденции» [1322, с. 42]. В сравнительно недавнем исследовании мера зависимости генерационного скоса от филиации была определена количественно: 85,7% всех МК присуще обществам с матрилинейным счетом родства, 89% всех МО – обществам с патрилинейным счетом родства [1693, с. 231]. Нет ни одного случая присутствия МО в СТР матрилинейных обществ и обществах с «двойной филиацией», но примерно 10% СТР со скосом «омаха» обнаруживаются в билатеральных обществах. В выборке из 43 систем с МК 2 системы зафиксированы в патрилатеральных обществах, 4 – в обществах с «двойной филиацией» и 5 – в билатеральных обществах (см.: [1389, с. 128]). Статистическая вероятность патрилинейности в обществах-носителях терминологии со скосом «омаха» составляет 0,9318, а вероятность матрилинейности в обществах с терминологией в стиле «кроу» – 0,6944 [1262, с. 82-103]. В случае с критерием послебрачного поселения, коррелятивность МО также выглядит более строгой: в выборке из 80 обществ только 2 общества с МО в СТР практикуют матрилокальность (т.е. вероятность патрилокальности составляет 0,909), все остальные – строго патрилокальны; тогда как МК в 16 случаях соотносится с матрилокальностью, в 11 – с патрилокальностью, в 7 – с авункулолокальностью и в 2 – с неолокальностью и билокальностью [1262, с. 76]. Вместе с тем, некоторые исследователи (см., например: [2181, с. 138-141]) призывают с осторожностью относиться к наблюдаемым корреляциям, указывая на значительное разнообразие социальных институтов, находящихся в пределах круга «унилинейности». А.Хорнборг отмечает: вместо того, чтобы рассматривать «линиджи» в качестве замкнутых целых, в МКО следует видеть абсолютизацию (реификацию) мужской или женской классификационной перспективы [1509, с. 176-177].

5.1.8. Перспективным представляется соотнесение генерационного скоса не с одним социальным институтом, а с пучком локальных черт социального процесса. Подобный подход, в частности, продемонстрировал Л.Томас, сравнивая ситуацию с МК и ситуацию без этой терминологической особенности в СТР этносов со сходными матрилинейными институтами, а именно африканских аканов и индонезийских минангкабау [2103]. Он пришел к выводу, что авункулолокальность послебрачного поселения и значительная роль индивидуальных принципов собственности и наследования у акан логично коррелирует с МК, тогда как уксоматририлокальность и линиджный коллективизм в распределении собственности у минангкабау соответствует отсутствию генерационного скоса в СТР[34].

Думается, имеет смысл использовать такую внутреннюю особенность МКО как киральность и попытаться сопоставить эти модели с другими киральными элементами культуры, например, мифоритуальным комплексом, где К.Леви-Строссу уже виделись параллели с МКО (см.: [517]); или парой «брачный выкуп – приданое» как противоположно направленного обмена материальными символами брачного контракта. А.Баклер пользовался при изучении МКО кубическими и трехмерными конструкциями, что позволило ему выявить ряд соответствий между СТР и элементами социальной организации и прикладным искусством ряда североамериканских этносов [1145, с. 7]. Нами были выявлены киральные структуры в мордовском свадебном ритуале (скрывание жениха *vs*. возвращение домой невесты) [281а]. Выявление структурных аналогов МКО может помочь ответить на вопрос, почему многие номенклатуры не демонстрируют признаков скашивания при наличии многих черт сходства с номенклатурами, в которых скашивание присутствует. Особо следует обратить внимание на реинкарнационный комплекс (передача имен, сущностей и статусов от умерших к новорожденным) (см. 12.1.). Исследование социальной обусловленности МКО выявило взаимосвязанный набор институтов, выказывающий устойчивые корреляции с генерационным скосом. Это счет родства, послебрачное поселение и форма брака. Эти факторы сопоставимы с такими составляющими реинкарнационного комплекса, как линия передачи социальной, личностной или знаковой субстанции; место вселения души (во многих случаях, молодожены меняют послебрачное поселение после рождения ребенка) и персона, осуществляющая перенос реинкарнирующейся субстанции через имянаречение, ритуалы опознания предка в потомке и т.п. Напомним, что А.Хокарт видел в реинкарнации ключ ко многим загадкам СР [1483, с. 13].

Как отмечалось, многие исследователи локализовали социальные процессы, протекающие «на фоне» генерационных скосов, в пространстве между семьей, родом и общиной. Исходя из этого, стоит предположить зависимость этих терминологических конфигураций от популяционных и этнических процессов (размер эффективно задейственной в воспрозводство группы, принципы слияния/размежевания групп, диапазон знаковой коммуникации, характер освоения географического пространства, природа

опорной миграционной единицы и т.п.). Л.Фарон на примере арауканов пытался доказать, что причиной МО было общее ухудшение демографической обстановки, вызванное колонизацией и повлекшее за собой увеличение доли кроссгенерационных браков [1294]. М.В.Крюков выдвинул предположение о тяготении МКО к зонам этнической непрерывности [479] (см. 11.3.2.). Наряду с узостью спектра возможных условий формирования МКО, основным недостатком социологических интерпретаций генезиса этих форм следует, как кажется, считать невнимание к системным характеристикам СТР. Все доселе предложенные интерпретации расматриваемого феномена опираются так или иначе на конкретно-исторические факты взаимосвязи между СТР и социальным поведением. Ошибочным является лишь стремление возвести локальные формы в ранг универсальных причин, в результате чего на практике фактически отрицается системность СТР [970, с. 145]. Следует помнить, что

«та подлинная историческая последовательность, которая служит прообразом последовательности категорий в системе, развиваемой способом восхождения от абстрактного к конкретному, не дана теоретику непосредственно, до и вне логического движения мысли, а только ходом этого движения и выявляется» [383, с. 300].

5.1.9. Интересные результаты дало соотнесение МКО с исторической типологией СТР, проведенное И.Дайеном и Д.Эберли [1262, с. 78, 82-103]. Ни МК, ни МО не обнаруживаются в линейных номенклатурах. С бифуркативным типом МО соотносится в 80% случаев, а МК – в 70%. Обе разновидности генерационного скоса изредка встречаются в бифуркативно-линейных ситуациях, МК также, хотя и крайне редко, – в инкорпорирующих. Для определения соотношения между МКО и исторической типологией М.В.Крюкова В.А.Попов использовал шкалограммный метод Л.Гуттмана[35] и материал африканских СТР, относящихся к типу кроу [684, с. 42-48; 685; 686]. Результатом явилось выделение шести вариантов МК: «бифуркативный», «бифуркативно-линейный», «поколенный», «бифуркативно-бифуркативно-линейный», «бифуркативно-поколенный», «бифуркативно-линейно-поколенный» [686, с. 50-52]. Таким образом, получил иллюстрацию процесс постепенного изживания из СТР МКО по мере развития от бифуркативной стадии к линейной.

С позиции трансформационной методики (см. 3.1.). Ф.Лаунсбери выделил три правила преобразования, порождающие МКО (не поддающиеся анализу в рамках компонентного метода):

1. *Скашивание*. Согласно этому правилу, два родственника, относящиеся к разным генеалогическим поколениям, объявляются тождественными (например, ДмР → ДмДмР или «брат» → «сын брата»).

2. *Слияние*. Два сиблинга одного пола объявляются эквивалентными друг другу (ДмР = Эм; ДжР = Эж).

Нетрудно усмотреть в этих правилах Ф.Лаунсбери сходство с двумя принципами, выявленными для систем родства А.Рэдклифф-Брауном, – принципом единства группы сиблингов и принципом единства линиджа.

3. *Правило полусиблингов*. Структурное соответствие устанавливается между полными сиблингами и единокровными и/или единоутробными сиблингами (ДРм = ДРж = ДР).

Выявив механизм расширения значения термина, Ф.Лаунсбери установил, что одни МКО учитывают в +1 поколении четыре класса родства («отец», «мать», «сестра отца», «брат матери»), в других же один или два из этих классов родства отсутствуют. А.Баклером при анализе МКО применялся шкалограмный метод [1145; 1148]. А.Баклер сгруппировал МК в 16 шкальных типов [1146, с. 769-772], а МО – в 7 шкальных типов [1148, с. 44-45]. Тем самым, он показал более высокую степень структурной дифференцированности МК, что коррелирует с тем, что МК ассоциируется с бóльшим числом «горизонтальных» типов СТР, чем МО.

Обращает на себя комплементарность предложенных подходов к анализу ВТР и предложенных интерпретаций МКО: ориентация на выявление когнитивно-психологических истоков ВТР практически не имеет соответствий в поле исследований МКО, тогда как углубленный социологизм исследовательской парадигмы МКО, с одной стороны, и формализм – с другой, остается менее выраженным в исследованиях ВТР. Причина такого неравномерного распределения методологического арсенала лежит, как кажется, в разной степени соответствия эмпирической реальности теоретическому багажу гуманитарных наук и объективная сложность синтетического описания формальных и сущностных аспектов социальной реальности.

Истоки тех или иных терминологических особенностей можно найти только в других терминологических особенностях, струтурно сопоставимых с первыми и предшествующих им во времени. Например, Н.В.Бикбулатов видит в феномене нарушения генерационного принципа игнорирование критерия поколения в пользу фактора относительного возраста, который ему представляется первичным в истории общественных отношений [114; 118]. Социальные институты могут осуществлять интерференцию в терминологические структуры, создавать условия и вызывать их изменения, но генезис конкретной формы, которую приобретает новая номенклатура всегда заложен в более древних свойствах самой системы. Если ранние попытки Л.Г.Моргана, У.Риверса, Б.Зелигман, Э.Гиффорда реконструировать по единичным терминологическим конфигурациям социальный институт, подпадают под рубрику, названную А.Рэдклифф-Брауном «гадательной историей» и не могут, как отмечал Р.Маккинли, выйти из круга в определении, то внутренняя реконструкция системных характеристик ТР представляется вполне закономерной исследовательской стратегией. Выявление терминологического прототипа МКО методом исторической типологии позволит далее соотнести социальный контекст предковой формы с социальным контекстом потомковой формы.

Скользящий счет поколений

5.1.10. Первые данные о ССП были получены Л.Г.Морганом и касались ТР финно-угорских народов [1773, с. 58-59]. Однако серьезного внимания эта черта удостоилась только спустя 60 лет. Л.Я.Штернберг обнаружил ее в ТР орочей Татарского пролива [1008, с. 16-17] и показал регулярность распространения ССП у этносов тунгусо-манчжурской языковой семьи. В дальнейшем оказалось, что ССП пронизывает ТР тюрков, самодийцев, финно-угров и тунгусо-манчжуров, т.е. ограничивается урало-алтайской языковой общностью [118, с. 64; 976]. «Возрастное» поколение отсутствует в СТР соседей урало-алтайцев – палеоазиатов, китайцев, индоевропейцев [118, с. 64]. Пытаясь объяснить феномен ССП, исследователи обращались прежде всего к асимметричным кроссгенерационным бракам. Так, по мнению Л.Я.Штернберга, именно брак дяди с племянницей предопределил формирование возрастного поколения в номенклатуре тунгусо-манчжуров [1008, с. 151-152]. Н.Г.Каргер рассуждал: если у нанайцев (гольдов) разрешен брак одновременно с дочерью сестры отца и с дочерью сестры, то отец и сын могут претендовать на одну и ту же женщину. Во избежание этого была произведена перегруппировка родственных категорий [414, с. 32]. К сходному выводу пришел А.Ф.Анисимов:

«Дабы устранить возможность кровосмешения, австралийцы создали систему четырех классов, эвенки с этой же целью разделили каждое поколение на две половины – старших и младших... Благодаря этому отец и дочь из взаимного полового общения исключались» [33, с. 44].

Брак дяди с племянницей занимает центральное положение в трактовке ССП А.М.Золотаревым, который полагал, что эта форма брака возникла при переходе от матрилинейности к патрилинейности и пришла на смену бракам с родной дочерью и дочерью брата [356, с. 67-73].

Все теории, возводящие ССП к брачным порядкам, грешат, как и в случае с генерационно-скошенными моделями, одним недостатком. Они смешивают понятия причинной обусловленности и корреляции, что с методологической точки зрения неправомерно [694, с. 66]. Н.В.Бикбулатов справедливо отмечал, что трудно определить, какое именно явление является причиной, а какое – следствием. Скорее они

«могли быть обусловлены каким-то другим фактором или составлять часть одной более универсальной схемы» [118, с. 65] (см. также: [61, с. 51; 60, с. 89]).

А.Н.Бернштам видел причину появления ССП в СТР древних тюрок в реальных отношениях между семьями. По его мнению, терминологическое отождествление старшего брата и мужского сиблинга отца проистекает из того, что

«старший брат выделяется при женитьбе и обзаводится семьей. Из его семьи в свою очередь выделяется старший сын. Братья отца, дяди... имеют собственную семью, старший сын также имеет свою семью, следовательно, их положение по отношению к данной семье одинаково» [109, с. 91].

С других позиций к проблеме подошел Л.А.Файнберг. В результате анализа СТР нганасан он пришел к выводу, что функция ССП состоит в «изоляции терминов отец, мать, жена, муж и сохранении ими только индивидуального значения» [911, с. 232-233]. Как следствие, нганасанскую СТР он отнес к более позднему этапу развития, чем турано-ганованскую

(бифуркативную) систему Л.Г.Моргана. С выводами Л.А.Файнберга в целом согласился после изучения башкирской номенклатуры Н.В.Бикбулатов [118, с. 65-66; 119, с. 242-243].

5.1.11. Башкирская номенклатура дала основание Н.В.Бикбулатову сформулировать свою концепцию генезиса ССП в урало-алтайских СТР. Во-первых, им было установлено, что ССП имеет большую древность, будучи распространенным у всех этносов на «громадной территории Азии и Европы» [117, с. 68]. Для Н.В.Бикбулатова ССП является безусловным свидетельством былого территориального и культурного единства урало-алтайской общности. Далее Н.В.Бикбулатов выделяет составляющие ССП, которые одновременно можно рассматривать как этапы его образования: 1) разграничение поколения эго на старших и младших при релевантности двух ступеней родства (+1 и -1), которые включали по две категории родственников; 2) выделение в СТР еще двух ступеней (+2 и -2), что указывает на присутствие в древнейших урало-алтайских СТР идеи поколения, облекшейся, правда, не в генеалогическую, а в возрастную форму; 3) слияние верхней части младшего поколения с нижней частью старшего поколения, что, собственно, и производит формирование данной особенности урало-алтайских СТР [118, с. 68-69].

На примере тюрков Сибири проблему ССП рассматривал М.А.Членов. Он закрепил за «урало-алтайским» поколением название «возрастного», в противоположность нормальному генеалогическому, а за ССП – название «сибирского генерационного типа» [976, с. 102-103]. Это, пожалуй, тот редкий случай, когда обозначение определенного типа СТР по месту распространения возможно и оправдано. Кроме того, М.А.Членов внес некоторые уточнения в этнолингвистическую карту распространения «сибирского генерационного типа»: помимо этносов, отмеченных Н.В.Бикбулатовым, в слабой форме он зафиксирован у юкагиров и кетов. М.А.Членовым было подмечено господство в урало-алтайских обществах отцовского счета родства и со-бытование МКО с ССП [976, с. 104-105].

Недавно вышли в свет две работы А.В.Шабашова – по болгарской и гагаузской СТР [978] и обобщающая по урало-алтайским системам [979]. В них он особо затрагивает вопрос о ССП и приходит к выводу, что в рамках существующей типологии эту модель не описать, поэтому имеет смысл выделить ее в отдельный тип, называемый им «филиационно-клановым», или «филиационно-бифуркативным» [978, с. 87].

5.1.12. Таким образом, исследование урало-алтайских СТР выявило необычный факт компактного распространения ССП, подчиняющегося языковым и территориальным границам. Впервые со времен Л.Г.Моргана появилась возможность предметно рассуждать об отражении этногенетических процессов в зеркале не только ТР, но и системы принципов группировки. Если сконструированная Л.Г.Морганом турано-ганованская СР оказалась исторической фикцией, то «сибирский генерационный тип» – реальность, которую трудно оспаривать. Не вызывает сомнений также древность критерия относительного возраста в человеческом обществе и его

корреляция с патрилинейной филиацией и большой патриархальной семьей.

Кумулятивная терминология родства

5.1.13. Приоритет открытия КТР принадлежит, как и в ранее рассмотренных случаях, Л.Г.Моргану. Именно он обнаружил у «арийских» и «семитских» народов такой способ обозначения родственников, при котором каждая генеалогическая позиция имеет индивидуальное терминологическое оформление, представляющее собой комбинацию нескольких терминов, обозначающих ближайших родственников (например, «брат отца», «сын сестры матери» и т.п.). Описательные СР Л.Г.Морган противопоставлял примитивным классификационным, которые предшествовали первым в эволюционном процессе. Причину этой глобальной исторической перемены он обрисовал следующим образом:

«Накопление имущества и организация его распределения, видимо, привели к появлению более точного по сравнению с предыдущей стадией разграничения степеней кровного родства» [1773, с. 14].

Ближайшей целью детальной классификации было «регулирование процесса наследования собственности» [1772, с. 439].

На длительное время КТР выпала из поля зрения исследователей из-за того, что моргановская типология затрагивала только +1 поколение, где описательный способ терминологического обозначения родственников не играет решающей роли. Но в 1928 г. Р.Лоуи открывает для 0 поколения бифуркативно-коллатеральный тип, разграничивающий сиблингов, ортокузенов и кросскузенов [1669]. Дж.Мёрдок сначала присвоил вновь открытому типу название суданского [1784, с. 224, 239], а затем выделил из суданского типа мурнгинский подтип, предусматривающий отдельные термины для матри- и патрилатеральных кросскузенов с сохранением отдельных терминов для сиблингов и ортокузенов [1786, с. 673]. Наконец, заключительным шагом было выделение из суданской модели описательной, в которой

«кузены каждой категории терминологически отделяются не только от сиблингов, но и друг от друга, и обозначаются композитами, указывающими их точное положение по отношению к эго» [1787, с. 29; 1790, т. 1, с. 121].

Дж.Мёрдок отметил описательную модель в «исламском мире» и на Гвинейском побережье Африки и установил, что ей соответствуют там патрилинейные сегментарные линиджи (в отечественной традиции – патронимии) и отсутствие (либо слабое развитие) экзогамии [1787, с. 29].

5.1.14. Специальную статью посвятила изучению КТР Г.Доул [1247]. Она назвала ее «линиджным» типом родственной номенклатуры, отвергнув термин «описательный» на том основании, что он не позволяет разграничить морфологический способ построения ТР и структурный принцип детальной дифференциации родственников [1247, с. 37, прим. 2]. Г.Доул зафиксировала КТР у более чем 60 этносов Европы, Азии и Америки и попыталась выявить социальные детерминанты этой модели. В качестве «ассоциированных черт» ею были выдвинуты 1)

унилинейность, 2) частная собственность, 3) стратифицированность, 4) ортокузенный брак, 5) возведение к реальному предку, 6) культ предков, 7) земледелие, 8) доместикация и 9) мусульманство [1247, с. 45]. Из них первые пять обнаружили почти стопроцентную корреляцию с КТР. В соответствии с общей типологией СТР, построенной Г.Доул, КТР занимает место в линии «нормального» развития, сменяет МКО и предшествует современному изолирующему типу [1245, с. 422-425]. Г.Доул пришла к заключению, которое явилось дальнейшим развитием идей Л.Г.Моргана, а также ряда других исследователей, что КТР обязана своим образованием сочетанию индивидуального наследования собственности, унилинейности и идеологическому обоснованию последней в виде культа предков [1247, с. 49]. МКО, по мнению Г.Доул, связаны с унилинейностью, но без индивидуального наследования, а линейный («современный изолирующий» у Г.Доул) тип номенклатуры соответствует индивидуальному наследованию индустриальных обществ, правда, без унилинейности [1247, с. 48-49].

Вклад в изучение КТР внесли также И.Карв [1548], Хан Йи Фанг [1302], А.Рыгалофф [1966] и др., однако, в отличие от Г.Доул, их интересовали локальные (индийский и китайский) варианты КТР. И.Карв, в частности, отмечал несопоставимость КТР и современных евро-американских систем и видел причину этого в различии функций и степени влияния семьи в индийском и западном обществах [1548, с. 114]. Р.Дибольд [1237] установил зависимость между формированием КТР на основе инкорпорирующего типа у хуаве селения Сан-Матео (Мексика) и сегментацией больших семей на нуклеарные, вызванной ростом численности населения и сокращением муниципальных земель. Он предположил (и нашел этому подтверждение в исследованиях когнитивных психологов), что КТР «каким-то образом отражает меньшую социальную близость между родственниками и прагматически меньшее значение родственников, называемых описательными терминами» [1237, с. 70].

5.1.15. Невелика историография КТР и в отечественной науке. Д.А.Ольдерогге подверг специальному изучению эту модель у этносов Зап. Африки [649]. Отметив логическое несоответствие морганoвских категорий «классификационный» и «описательный» друг другу (см. 6.4.0.), он предложил свою типологию СР, состоящую из СР родового общества, СР большой патриархальной семьи и СР индивидуальной семьи. Появление КТР он приписывал второму этапу [649, с. 11]. А.Е.Шинкуба настаивает на целесообразности разделения «описательных» ТР на актуальные и потенциальные. Вторые могут быть сконструированы в любом языке, первые же представляют собой стадиальное явление [997, с. 5]. А.Е.Шинкуба также отмечает бесполезность существующей типологии СТР для описания КТР [996]. Н.В.Джавахадзе интересуют не столько лингвистические аспекты описательности, сколько структурная дифференциация альтеров поколения эго. Она выделила несколько вариантов СТР грузин и вайнахов и выстроила их в эволюционную последовательность, кодирующую, по ее мнению,

развитие форм социальной организации от периода распада родового строя и формирования большой семьи через патронимию к малой семье [269, с. 96].

В изучении КТР метод поиска социологических коррелятов оказался, пожалуй, наиболее эффективным. Вместе с тем, думается, исследователи не совсем отчетливо представляют себе соотношение между кумулятивным способом образования иденонима и его следствием – предельной дифференциацией родственников 0 поколения. Так, Г.Доул причисляет к «линиджному» типу СТР тлинкитов, в которой категории 0 поколения действительно обособлены друг от друга сильнее, чем в бифуркативно-линейной номенклатуре, но морфологически тлинкитские ТР ни дескриптивны, ни дефинитивны. Представляется целесообразным рассматривать это соотношение с точки зрения связи генеалогических поколений, организуемой, как и сами ТР, кумулятивным способом**.**

Редупликативная терминология родства

5.1.16. Если не считать недоступную нам работу Фенг Фу Цао по китайской СТР [1300] и исследование И.Ш.Джалиловой по ТР в языке хинди [272], специальному исследованию номенклатуры с высоким содержанием ТР с удвоенным слогом или ТР, состоящих из удвоенного другого термина (редупликативы), не подвергались, а РТР в качестве значимой историко-типологической единицы не рассматривалась. Как правило, редуплицированные иденонимы приводятся в работах по лексической морфологии как частный случай морфологического удвоения и не выделяются в качестве особой категории (см., например: [1766; 1222]). Редупликация, репетиция и геминация – распространенные морфосемантические явления. При помощи удвоения корня слова (или отдельного звука) могут передаваться значения множественности, коллективности, интенсификации качества, продолжения или завершения действия, уменьшительности или, наоборот, увеличения (см.: [1766; 1222]). Отмечается, что семантическая мотивированность редуплицированных слов всех языках одинакова и, по всей видимости, предполагает универсальный ядерный концепт (как-то связанный с понятиями «ребенок», «множество» и «повторение») [1925], иконически передаваемый слоговым удвоением, от которого последующие значения образованы посредством вторичного семантического развития.

Как форма проявления общесемиотического принципа иконичности редупликация занимает заметное место в работах по мимологии (имитативике) (см.: [65; 66; 67; 445; 444; 447; 448; 206; 207; 295])[36].

Например, мимологи восстанавливают для целой группы языков имитатив **mam* «мать» с рефлексами: семит. *'MM ('umm/'imm)* «мама, мать», ур.-алт.: чув. *-em (< *'im-/'om-/'um*) «сосать, всасывать», чув. *меме* «детская пища, жеваный хлеб в тряпочке в качестве соски; пища, хлеб вообще в детской речи», *миме/миме* «мозг (головной, костный)», *миме/мимме* «помочь, безвозмездная работа миром в чью-либо пользу»; рус. *мать, мама*, чув. *ама* «самка», мар. *мама/ами* «вода», морд. *мама* «питье, грудь матери, водичка», *мамамо* «пить»; общесемит. *MW (MJ/MH/MW/MJMJ*) евр. *maj (im),* араб. *ma*, аккад. *mu, mami, mummu*; егип. *mw* «вода»; чув. *мати/моток* «малыш, ребенок», араб. *mtk* «чмокать губами, чавкать, смаковать», *MT* «есть краем рта, сосать грудь» [206, с. 88; 445, т. 1, с. 37-38]. Г.Е.Корнилов

постулирует древнейшее состояние человеческого языка как имитативное (см. подробнее 7.3.1.).

Дж.Мёрдок опубликовал список из более 1000 ТР для обозначения породителей (в подавляющем большинстве своем редупликативов), взятых из языков, не имеющих видимых генетических связей друг с другом, которые показали поразительное сходство в своей консонантной структуре [1788]. Р.Якобсон откликнулся на эту находку и предположил, что, коль скоро слова типа *мама*, *nana*, англ. *dad* содержат исключительно лабиальные и дентальные согласные и обладают простейшей CV-структурой, они буквально считываются ребенком с видимых речевых органов взрослых и соотносятся со звуками, издаваемыми им самим при сосании, и с его собственными сосательными органами [1528]. Эта интерпретация была воспринята О.Семереньи и как основание для возведения многих ИЕ ТР к элементам детского языка [2085]. О.Н.Трубачев рассматривает редуплицированные иденонимы вообще и в ИЕ языках (**atta* – *tata* – *tet* и пр.) в частности как архаизмы, представляющие собой осколки древнейших ТР [890, с. 11; 1015, т. 4, с. 228]. Однако сама иконичность (диаграмматичность) соотношения формы и содержания редупликативов и, соответственно, связь редупликативных иденонимов со значениями уменьшительности, увеличения, интенсификации, завершения и пр., передаваемыми другими редуплицированными формами, этих исследователей не интересовала.

5.2. Парадигма возраста и пола

5.2.0. Впервые о возрасте как критерии группировки родственников в СТР заговорил А.Кробер, включивший его в свой аппарат «категориального анализа» [1582, с. 21]. Дж.Мёрдок отмечал, что

> «критерий относительного возраста отражает биологический факт того, что родственники одного поколения редко имеют одинаковый возраст. Один из пары всегда будет старше другого» [1784, с. 105].

Таким образом, для них обоих возрастной признак имел значение только в рамках одного поколения. Аналогичным образом, в ряде конкретных работ его отражение в СТР исследовалось, наряду с признаком пола, в пределах группы сиблингов (см., например: [1754; 1074; 1159]).

Для других исследователей интерес представляло соотношение в пределах всей СТР генеалогических категорий и относительного возраста. Р.Нидэм пришел к выводу, что в

> «унилинейных обществах ключевой акцент делается на категорию родства, тогда как в амбилинейных обществах – на относительный возраст» [1804, с. 68; 1811, с. 31].

Под обозначенным Р.Нидэмом углом зрения рассмотрел СТР карибов-трио П.Ривьер [1941]. Сопоставив записанную им ТР с нормами ее употребления в быту, он пришел к выводу, что относительный возраст играет решающую роль в ситуативном применении категориальных терминов, а также при разграничении возможных и невозможных партнеров по браку, обозначаемых одним термином. П.Ривьер не нашел подтверждения выведенному Р.Нидэмом закону, так как влияние относительного возраста на СТР унилинейных трио, по его мнению, значительно [1941, с. 51, 59].

5.2.1. В российской этносоциологии прочно утвердилась точка зрения о необходимости различения «биологического» и «социального» возраста (см.: [233, с. 18-19; 403; 406; 689, с. 130]). Если биологический возраст исчисляется с момента появления человека на свет, то социальный возраст – с момента включения его в социально значимое объединение в составе коллектива [406, с. 33]. Д.А.Ольдерогге и М.В.Крюков полагали, что деление по возрасту в пределах одного поколения – явление довольно позднее, связанное с определенной системой наследования собственности. Соответственно и появление критерия относительного возраста в СТР, по мнению этих ученых, носит вторичный характер [651, с. 138-139; 466, с. 228]. Противоположной точки зрения придерживались С.А.Токарев [866, с. 42-43, 46], А.М.Решетов [735, с. 232-233], В.А.Аврорин и Е.П.Лебедева [14]. Но наиболее последовательно отстаивает идею первичности деления родственников на старших и младших Н.В.Бикбулатов (см.: [113, с. 172-175; 119, с. 246]). По его мнению, ССП в СТР народов Евразии основывается на древнейшем принципе деления сородичей по возрасту. Вслед за А.Ф.Анисимовым [33, с. 44], он утверждает, что деление по возрасту есть простейший способ избежать инцестуозных браков [119, с. 241]. С течением времени относительный возраст абсолютизировался, как полагает М.А.Членов, и возникло «возрастное» поколение [976, с. 102]. Идея генеалогического поколения, по Н.В.Бикбулатову, сформировалась позже, чем представление о делении коллектива по возрасту [119, с. 247]. На саамском материале динамику соотношения относительного возраста и пола исследовала М.С.Куропятник [503]. Она сделала вывод о том, что переменная относительного возраста релевантна только при совпадении пола альтера и коннектора в +1 поколении и пола коннектора и эго в 0 поколении [503, с. 90]. К вопросу об отражении в СТР категории относительного возраста обращался Н.М.Гиренко [234]. Он отметил факт неразрывной связи этой категории и категории пола в терминах для группы сиблингов, использовав номенклатуры родства этносов Африки и Америки.

Специфика репрезентации возрастных соотношений в ТР привлекала внимание лингвистов. Так, А.Тромбетти в наличии в ряде языков специальных терминов для обозначения старших и младших сиблингов видел свидетельство конкретности языкового мышления первобытных народов [887, с. 164]. В.В.Иванов на широком сравнительном материале показал производность языковой категории «малости–величины» от социальных терминов со значениями «старший» и «младший» [364]. В другой работе он отстаивал идею о том, что в ТР маркированной категорией всегда является «младший», а базисной – «старший». В этом он усматривал параллель с общекультурной ролью младшего брата [363, с. 242-243].

5.2.2. Отражению категории пола в СТР посвящено несколько работ. На локальном материале и для группы сиблингов этот вопрос освещался В.Мильке [1754], К.Берриджем [1159] и Д.А.Ольдерогге [654, с. 61-62]. Мао Чи Фу обратил специальное внимание на отражение в 0 поколении СТР лоло крёберовской категории «пол говорящего» [1708]. М.С.Куро-

пятник проследила взаимосвязь категорий пола и возраста для всей саамской СТР [503]. Р.Жаму и В.Бенеи детально рассмотрели соотношение терминологии для обозначения сиблингов и норм поведения между братом и сестрой у этносов Индии [1530; 1097]. М.Я.Немировский произвел классификацию способов обозначения пола в языках мира, отметив грамматические формы различения пола, гетеронимию (с добавлением окончания, с изменением окончания, с огласовкой), использование классных показателей и т.п. [629]. Н.М.Гиренко выделил два типа обозначения пола в пределах группы сиблингов – фиксированный по полу и не фиксированный по полу. Для первого типа характерно существование специальных разнокоренных терминов для мужских и женских сиблингов; второй тип предполагает общий (или с грамматическим модификатором) термин для сиблингов обоего пола и предусматривает извлечение информации о поле обозначаемого лица из контекста [234]. Н.М.Гиренко отметил также географическую регулярность распространения этих типов: нефиксированный тип распространен в Африке везде, за исключением Судана и Эфиопии; фиксированной модели следуют СТР Америки, Евразии и Австралии. Сбой имеет место на границах зон – в Юго-Восточной Азии, на Новой Гвинее, в Меланезии [234, с. 45-46].

5.3. Итоги этносоциологического и этнолингвистического подходов к феномену родства

История антропологического изучения СР напоминает миф (в леви-строссовском его истолковании), в котором возникающие противоречия не разрешаются, о воспроизводят себя, продолжая отражать дуальное членение исследовательского коллектива на тех, кто видят в феноменологии родства текст, вымысел, произвольность, надстроечность, символичность и тех, кто видит в ней системность, реальность, объективность, биологичность (ср.: [97, с. 73-74]). Стандартный механизм преодоления якобы ошибочного мнения состоит в инверсии, при которой, предположим, «биологические связи по родству» превращаются в совокупность символов; «система родства» из закрытой системы превращается в открытую; вместо «жесткого архитектурного сооружения» исследователи начинают видеть «текучую изменчивость». При этом, ни один из заявленных в истории изучения феномена родства тезисов не может быть опровергнут: в крайнем случае, он уходит на периферию академической структуры и начинает образовывать вокруг себя новое поколение сторонников.

Коренная причина царящего в антропологии родства хаоса, сделавшего понимание этого феномена сугубо делом принадлежности конкретного исследователя к тому или иному интеллектуальному «братству» и фактически отбросившего систематичность его общенаучного описания на доморгановскую стадию, заключается в отсутствии у антропологов четкого представления о *сущности родства* (как и сущности экономики, мифа, религии, языка и других предметов

антропологического интереса, которые с не меньшим успехом можно признать «пустыми»), сопряженное с глубоким переживанием родства как общественной *ценности*, от верного определения которой зависит состоятельность антрополога как профессионального знатока истинного бытия человека. Неизменная нераскрытость сущности родства приводит далее к тому, что родство воспринимается как изолированный предмет исследования, не имеющий отношения к другим социокультурным реалиям. Герменевтическая антропология пытается бороться с этим предрассудком, приводя разнообразные примеры «местопребывания» родства в структурах расы, этничности, религии и класса. Однако и здесь исследователи подходят к феномену родства с готовым багажом заветных знаний о том, что такое «общество», что такое «языковой знак», что должно порождать что, вместо того, чтобы попытаться выяснить, что рассматриваемый феномен родства может нам рассказать о специфике языкового, знакового, социального, биологического и т.п. Ведь, право же, какое имеет значение, в чьей голове существуют «системы родства» – в исследовательской или туземной, или является ли «система родства» биологической или социальной. Важно понять то, что она – феномен, эффективно *порождающий вопросы* о том, что такое род, семья, рождение, общество, структуры субъективности, язык и т.п.

Обостренный субъективизм американской постмодернистской антропологии, приведший на деле к «тавтологической герменевтике» [1208a, с. 256] локальных культур, позволил его критикам высветить основной императив для будущих теорий СР, а именно необходимость «хоть приблизительно наметить, что представляет из себя система родства вне иллюзорных конструкций биологических ‘фактов’» [1877, с. 348] и «переформулировать [герменевтический подход] в терминах более подходящих для сфокусированного и конкретного сравнительного исследования» [2022, с. 13]. Т.Тротманн направил свою критику на итоги историко-типологических исследований СТР:

«Подход Моргана, несмотря на отдельные просчеты в реализации, был в общем верен и мог привести к построению стройной теории исторической семантики номенклатур родства. Однако его преемники пустили моргановский формализм в другое русло. Развитие синхронного функционализма усилило интерес к соотношению между терминологией и социальной структурой и в значительной степени отвлекло от исследования исторических взаимосвязей между терминологиями, имеющими общее происхождение (*cognate*). Глобальные типологии, появившиеся на свет после Моргана, были чисто формальными: терминологии были оторваны от своего исторического и социального контекста ради целей морфологического анализа и классификации» [2121, с. 82-83].

Если причиной харизматичности К.Леви-Стросса следует признать не теоретическую и методологическую силу структурализма, а раскрывшуюся в процессе писательской деятельности этого ученого семиотическую (т.е. не позитивистскую) природу науки («универсальные структуры сознания» отражаются не в мифах индейцев, а в самой науке!), то «блистательный провал» (Э.Лич) посвященных Л.Г.Моргану «Элементарных структур родства», был вызван неспособностью К.Леви-Стросса понять бытийно-гносеологическую (т.е. не абстрактно-символическую) природу СР. Возникшие после Л.Г.Моргана теоретические и медотологические

сложности следует разрешать не путем концептуального отрицания, а путем синтеза конфликтующих позиций, причем такого синтеза, который не нарушает их целостности, а обнаруживает скрытые от самих участников конфликта перспективные источники сходств и различий их концепций. Иными словами, требуется выявить центр их общего происхождения. Неслучайно в приведенных выше высказываниях содержится скрытое требование возвратиться к теоретическому наследию Л.Г.Моргана как источнику если не современных представлений о том, что такое «система родства», то заложенных в этой проблематике противоречий; попытаться вникнуть в тот смысл, который привел его к необходимости заговорить о родстве как о предмете научного познания; и переосмыслить истинность и ложность его выводов. Сокрушительная критика идеологий «наивысшего сущего» со стороны постмодернистской философии и герменевтической антропологии должна восприниматься не как запрет на описание оснований человеческого бытия, а как скрытый призыв соединить в новом этнографически конкретном синтезе проблему бытия и проблему человека.

ФЕНОМЕН И СУЩНОСТЬ РОДСТВА: ОНТОЛОГИЯ ПРЕДМЕТА АНТРОПОЛОГИИ И ЛИНГВИСТИКИ

6. Родство как категория фундаментальной онтологии

6.1. Л.Г.Морган и исторические истоки «изобретения родства»

6.1.0. Если в своем этносоциологическом значении исследования Л.Г.Моргана были увековечены в анналах антропологии, то заложенная в них философская перспектива была надолго предана забвению. Как раскрыл существо моргановского вклада в науку Т.Тротманн [2122], Л.Г.Морган, по сути дела, «изобрел» родство. Возникающий по поводу такой формулировки вопрос сводится к тому, как возможно изобретение того, что уже существует во всей простоте своей данности человеку, и откуда проистекает эта изобретающая сила. Проблема заключается не в том, что Л.Г.Морган заметил разницу в семантике ирокезских и европейских ТР (это было известно и до него), а в том, что прежде являвшиеся таинством семьи и христианской веры кровнородственные отношения открыли «окно» в сферу онтологии языка и истории. Родство стало пониматься в двусложном смысле, сопоставимом по структуре с различием между домашним хозяйством и мировой экономикой.

Л.Г.Морган жил в эпоху нараставших технических изобретений, и именно технический смысл принято вкладывать в понятие изобретения. Само слово в его русском звучании передает значение выведения скрытой сущности (*из*-) и установление определенного рода связи между этой сущностью и деятелем как в словосочетаниях *обретение покоя*, *обретение интереса к жизни*, *обретение истока*, *обретение дома*, *обретение родителей*. В этой серии примеров употребления интересующего нас предиката, «обретение» обнаруживает дополнительную коннотацию пути (ср. *брести*), поиска и нахождения предмета, утраченного в своей форме, но непременно имеющего место в качестве достоверной необходимости. М.Хайдеггер писал:

«Выведение из потаенности, которым захвачена современная техника, носит характер предоставления в смысле добывающего производства. Оно происходит таким образом, что таящаяся в природе энергия извлекается, извлеченное перерабатывается, переработанное накапливается, накопленное опять распределяется, а распределенное снова преобразуется. Извлечение, переработка, накопление, распределение, преобразование – виды выведения из потаенности» [937, с. 227].

Существо изобретения М.Хайдеггер определяет как «постав» (*Gestell*), или «собирающее начало той установки, которая ставит, т.е. заставляет человека выводить действительное из его потаенности способом поставления его как состоящего-в-наличии» и принимать эту требующуюся для его раскрытия принадлежность к нему как свое собственное существо [937, с. 229, 232]. Понятие постава у М.Хайдеггера неразрывно связано с понятиями *судьбы* как определенной расположенности бытия к человеку; *свободы*, как выведения из

«непотаенного» *существа* этой связи индивида с бытием; *сознания* как полнокровной (в смысле декартовского единства сознательных процессов воления, действия, мышления и чувствования) *отзывчивости* человека по отношению к своему бытию; *слова* как *условия* раскрытия вещи *своей сущности своему* человеку, или как условия *слышимости* для человека *голоса* бытия; и *просветления* как момента *осуществления истины* события человека со своим бытием.

«Постав» изобретения Л.Г.Морганом феномена родства сложился на основе пересечения его этнородовой принадлежности, личной биографии и истории освоения европейцами американского континента. Семейные отношения Л.Г.Моргана наложились на его валлийское происхождение и переплелись с трансцендентальным переживанием родства с индейцами и принадлежностью к нарождающейся американской нации.

6.1.1. В XVIII в. валлийские историки под руководством крупного политического деятеля елизаветинской Англии, Йоло Моргана, добыли легендарные свидетельства об открытии Америки в XII в., т.е. задолго до Колумба, уэлльским принцем Мадоком, предком королевы Елизаветы. Пытаясь поправить пошатнувшееся положение Англии в мировых делах и одновременно возродить валлийскую культуру, Й.Морган утверждал, что среди индейских племен должны сохраняться потомки принца Мадока, говорящие на исконном валлийском языке, следующие древним валлийским обычаям и сохраняющие верность древнейшей версии христианской веры, носителями которой идеологи духовного возрождения Уэльса считали валлийцев. Как в случае со всеми мессианскими учениями, установление контакта с потомками Мадока в Америке означало бы завершение космогонического цикла, освобождение угнетенных валлийцев в Англии, раскрытие тайн мироздания и воцарение всемирного благополучия.

Этот миф об американской ветви валлийцев, приходящихся дальними родственниками английскому королевскому дому, вызвал широкий резонанс среди валлийской диаспоры Соединенных Штатов. В 1796 – 1797 гг. экспедиция Дж.Эванса обнаружила на р. Миссури индейское племя манданов, которое, по заверениям ее участников, состояло из светлокожих людей, говоривших на языке, похожем на валлийский. Тот же миф присутствовал в сознании валлийцев М.Льюиса и Г.Кларка – руководителей первой государственной экспедиции на запад Америки 1803 – 1805 гг. Наконец, в 1832 г. знаменитый американский художник и путешественник Дж.Кэтлин представил вещественное «доказательство» валлийского происхождения манданов в виде серии портретов светлокожих членов этого племени (см.: [1516, с. 110-112]).

В контексте бурных дебатов относительно происхождения индейцев, развернувшихся в первой половине XIX в. между сторонниками старой теории происхождения американских аборигенов от десяти спасшихся от вавилонского пленения «племен израилевых» и набиравшей силу гипотезы переселения индейцев из Азии, Л.Г.Морган, в статье 1860 г., озаглавленной «Валлийские индейцы», скрестил последнюю гипотезу с мифом о потомках Мадока и надеялся разрешить эту проблему при

помощи анализа ТР (см.: [1770]). Дальнейшее развитие валлийской идеи у Л.Г.Моргана не удается проследить, но кажется весьма вероятным, что его валлийское происхождение дало сильный личностный императив для эпохального сопоставления индейских и европейских ТР.

6.1.2. Имеются также основания полагать, что в выработке Л.Г.Морганом особой установки на феномен родства важную роль сыграли ритуалы отождествления себя с индейцами, практиковавшиеся молодым Л.Г.Морганом и другими членами основанного им в 1843 г. «Великого Ордена Ирокезов». Созданный наподобие европейских тайных обществ, «Великий Орден Ирокезов» ставил своей задачей всестороннее изучение и приобщение к культуре ирокезских племен как первых обитателей американского континента. Л.Г.Морган призвал своих соратников с детальной точностью воспроизводить ирокезскую ономастику, изготовлять и одеваться в аутентичные индейские костюмы, а также учредил серию обрядов «индеанизации», или, если попытаться дать вольный перевод изобретенного самим Л.Г.Морганом термина *inindianization*, «(пере)воплощения в индейцев». В январе 1844 г., в здании бывшего масонского храма в г. Аврора, Л.Г.Морган был инициирован в «род» Волка «племени» кайюга, а осенью того же года, после переезда в г. Рочестер, перекован в члена «рода» Черепахи «племени» сенека.

В обращении 1845 г. к III ежегодному конгрессу «Великого Ордена Ирокезов» главный знаток индейских культур Сев. Америки того времени Г.Скулкрафт призвал членов этого клуба перейти от романтической привязанности к «благородным дикарям этой земли» к углубленному познанию и письменной фиксации их отживающего культурного наследия (см.: [2002]). Живой интерес к ирокезской культуре подвиг Л.Г.Моргана на всестороннее полевое исследование среди ирокезов, интеллектуальное сотрудничество с индейцем сенека из резервации Тонаванда, Э.Паркером, и юридическую помощь сенека в правовых конфликтах с частными компаниями. В итоге, Л.Г.Морган был действительно усыновлен ирокезским племенем, а в 1851 г. опубликовал первое в истории науки этнографическое описание культуры под названием «Лига Ходеносауни, или ирокезов».

Как показал Ф.Делория [1229], американская традиция «игры в индейцев», начиная с легендарного «бостонского чаепития», положившего начало войне за независимость американских колоний, служила эффективным оператором обособления последних от европейской культуры и создания новой американской национальной (политической и культурной) идентичности. Разрыв с европейским историческим наследием и построение нового общества, основанного на новых политических принципах и призванного нейтрализовать старые этнические и социальные противоречия, сделал необходимым *обретение корней* в новом географическом и этническом пространстве. Оказавшись вне политической и религиозной зависимости от Европы, американские колонисты словно опустились к истокам социальности и оказались в отношении *темпоральной первичности* к формально коренным

обитателям американского континента, став для Европы «индейцами», а для индейцев – вернувшимися предками не метафорически, а онтически. Имя, данное европейцами коренным американцам, было результатом географической ошибки Х.Колумба и полной фикцией с точки зрения самих индейцев; однако со временем оно обнаружило возвратную референцию к сущности самих нарекателей в их положении по отношению к нарекаемым.

Освоение природной и социальной среды обитания, или «*нашей индейской* географии» [1767, с. 37; 609а, с. 32], служило средством «подтягивания» европейских переселенцев до индейского настоящего. Установление происхождения индейцев было объявлено Т.Джефферсоном делом национальной важности, а высокая степень ассимиляции и аккультурации коренных американцев позволяла надеяться, что новоиспеченная американская нация впитает в себя не только индейские гены, но и индейскую историю. Подытоживая опыт добычи, накопления, переработки и распределения европейцами индейских природных и социальных ресурсов в ходе молниеносной колонизации и огосударствления Сев. Америки в XIX в., легендарный герой Дикого Запада Буффало Билл Коди однажды заявил: «*Быть* американцем – значит *знать* индейцев» и невольно наполнил интригующим этнологическим смыслом ключевую для становления европейского рационализма и индивидуализма фразу Р.Декарта «Я мыслю (*cogito*, букв. «со-знаю»), значит я существую».

Через семиотически насыщенную стратегию уподобления индейцев себе и расподобления себя в индейцах Л.Г.Морган прокладывая путь к родству в пределах «человеческой семьи». Погружение в круг родства самих индейцев высветило для него принципиальную разницу между структурами родства его новых родственников и теми, которые он привык наблюдать в рамках своего привычного культурного горизонта. Избранный им путь эмпатически-научного познания (*gnosis*) был единственным способом установления видового родства (*genos*) на уровне соответствий между «органическими формами» европейского и индейского родства и рекапитуляции генеалогии человеческого рода через рекапитуляцию генеалогий человеческих рас. Так была предпринята попытка подчинить мировую историю течению индивидуального времени.

6.1.3. В рассуждениях об общности мыслительно-коммуникативной деятельности у людей и животных Л.Г.Морган оказался ближе к тотемическому мировоззрению индейцев и практической мудрости трапперов, чем к современной ему эволюционной доктрине. Позднее отчет Л.Г.Моргана и Э.Паркера о назывании ирокезами своих родов по именам животных (волка, бобра, медведя и др.), истолкованный ими как система перекрестного родственного и свойственного альянса между ирокезскими племенами (см.: [1768; 1296, с. 221, прим. 4])[37], был использован Дж.Макленнаном для создания теории происхождения религии из тотемизма.

Перевоплощение членов «Великого Ордена Ирокезов» в индейцев и оформление этой связи в терминах родовой и племенной принадлежности отчетливо напоминает тотемические ритуалы перевоплощения в животных самих индейцев и связанное с этим

наименование социальных единиц по их вымышленным животным предкам. Установление тождества в смысле пропозиции «Мы – индейцы» между европейцами и аборигенами, по поводу человечности последних из которых вплоть до XVII в. существовали разногласия и происхождение которых до сих пор остается окончательно не понятым, выглядит не менее абсурдным, чем утверждение южноамериканских бороро о том, что они – попугаи ара. Впервые записанное немецким путешественником К. фон ден Штайненом в ходе экспедиций 1887–1888 гг. на р. Шингу [2064, с. 352], это заявление впоследствии послужило ключевым свидетельством в пользу теории «дологичности» первобытного мышления (см., например: [1647; 1628]). В рамках этой теории субъект-объектное взаимодействие описывается как «мистическое сопричастие», вызванное нестабильностью личности первобытного человека.

Сравнительно недавно этнографами было получено оригинальное выказывание индейцев-бороро по поводу их сопричастности попугаям во время одного из ритуалов, связанных с переодеванием в попугаев и исполнением соответствующих плясок. К.Крокер [1209, с. 44, прим. 20] дает фразе бороро следующий подстрочник (формы взяты из «Энциклопедии бороро» С.Альбисетти и А.Вентурелли [1041, с. 547, 549, 851]):

pa	***é***	***-do̯***	***nabure***
1л.мн.ч. (инкл.)	«существование, край, поверхность предмета»	«делать»	«попугай-ара»

Его итоговым переводом является пропозиция «мы становимся (букв. делаем наше существование, но не сущность) попугаями» (на время ритуала). Более точная интерпретация, согласованная с Т.Тэрнером, уделит внимание полисемичности существительного *é* и синтаксическому смыслу глагола *-do̯*. Допустим, в сложном глаголе *akó-do̯* «говорить, высказываться» (букв. «делать слова», при *áko̯* «слово») формант *-do̯* коннотирует не действие на короткий промежуток времени, так как никто не говорит постоянно, а эффективную вербальную активность, осуществляемую в настоящий момент, но участвующую в воспроизводстве языка в целом. Существительное *é* относится в языке бороро к исчисляемым, т.е. перевод не может быть подстановкой неисчисляемого предиката типа «существование», а скорее должен передавать значение «собирания, составления» частиц целого. Таким образом, фразу бороро следует, думается, переводить как «мы составляем из частей сущего (попугаев) наше бытие как бороро». В своем исследовании по ритуальному отождествлению с попугаями у соседних с бороро индейцев-каяпо Т.Тернер пришел к такому же выводу: выращивание птенцов ара соотносится с начальной социализацией детей (тема, отразившаяся в мифологическом мотиве пребывания юного героя в гнезде попугая), а использование их перьев для изготовления ритуальных одеяний инициируемых в следующий возрастной класс «юношей» – с приобщением молодых каяпо к этническим ценностям группы (см.: [2135]).

Наконец, приведем проницательное наблюдение, сделанное по этому поводу К.Юнгом: «Они [бороро. – Г.Д.] должны ощущать внутреннее тождество, что-то стоящее по ту сторону формы. Они говорят, что между ними и попугаями есть только одно различие: то, что попугаи – птицы, а они – нет; в остальном они тождественны. Мы точно так же можем сказать, что все мы относимся к человеческому роду, но некоторые из нас англичане, а некоторые – немцы» [1539, лекция V, с. 358-359; лекция VIII, с. 528-529].

Сходство между ситуациями «игры в индейцев» и тотемическими ритуалами позволяет соотнести вышеприведенные интерпретации южноамериканских культурных форм с интересующим нас процессом «изобретения» Л.Г.Морганом феномена родства. Родство как феномен общечеловеческого бытия было оформлено как проблема познания не путем индуктивного прослеживания генеалогий всех представителей «человеческой семьи», а путем отрицания темпоральности и симультантного (однородно-временного) установления отношений тождественности между улавливаемыми самородными сущностями. Возможность коммуникации посредством себе подобных сформировало у Л.Г.Моргана *особую систему представления* ирокезской культуры, в

которой перья, тотемы, имена, сахемы и прочие семиотически нагруженные, ибо изначально чуждые элементы функционировали как система взаимных знаков родства с ним самим (т.е. являлись иденонимами). Он выяснил, что посредством этих знаков можно контролировать общение с другими представителями привычной ему культуры, создать на этой основе корпоративную группировку и донести до самих ирокезов свою собственную сопричастность их бытию.

Мышление категориями себе подобных привело к установлению особого психологического альянса между Л.Г.Морганом как членом европейского по месту зарождения рода и его усыновившим ирокезским родом[38]. Возможно не является простым совпадением то обстоятельство, что в 1851 г., в год издания своего первого этнографического исследования и вскоре после своей инициации сначала в виртуальный, а затем в действительный ирокезский род, Л.Г.Морган заключил брак с дочерью брата своей матери (см.: [2122]). В его родном штате Нью-Йорк брак с лицами первой степени кузенного родства был формально разрешен, но в рамках общей евроамериканской правовой организации являлся двусмысленным: к концу XIX в. большинство штатов поддерживали безусловный запрет на кровосмесительные браки как ухудшающие потомство. Каким образом исчислял Л.Г.Морган степень своего родства с будущей женой: с позиции своего «индейского» или же своего европейского эго? Как квалифицировать его брак: как эндогамный или как экзогамный? Не напоминает ли эта ситуация некоторые уникальные социальные структуры индейцев Бразилии, в которых половины (*moieties*) вовлечены в церемониальный обмен, но, в отличие от классических австралийских секций, предписывающие не экзогамные, а эндогамные браки?

6.1.4. Выше уже отмечалось, что «кровь» как исторически протяженная основа родства понималась Л.Г.Морганом не в безлично-биологическом, а в мистическо-знаковом смысле. Мыслить о крови, т.е. опредмечивать субъектное, значило слышать Слово, передаваемое из глубин исторической памяти, т.е. субъективировать предметно-сущное. Кровь, мыслимая в своем источнике, превращает каждую отдельную семью в социальную единицу, эквивалентную всему человеческому семейству. В выборе брачного партнера Л.Г.Морган словно следовал духу и букве ТР – как это делал, в его интерпретации, первобытный человек, использовавший СР в качестве руководства для правильного заключения брака – как слову в субстанциональном единстве личного имени и предмета его глубочайшей и возвратной референции. Именно на это обстоятельство обращал внимание кузен Л.Г.Моргана, Н.Морган, составивший в 1869 г. генеалогию семьи Морганов:

«Мы говорим, что принадлежим роду и крови Морганов. Истинно так, если иметь в виду само имя, но вовсе не так, если иметь в виду кровь… Правда состоит в том, что от этой крови наследуем мы не более, чем от тысяч других кровей, носящих другие имена… ‘Гордость от крови’ и ‘гордость от имени’, таким образом, суть совершенно разные чувства. Одна, если проистекает от славного и благородного рода, не только достойна похвалы, но и ведет к благочестию; другая – не более чем пустая, жалкая гордыня (*conceit*), не имеющая под собой ни малейшего основания» (цит. по: [1296, с. 220, прим. 2]).

Изобретение Л.Г.Морганом феномена родства, следовательно, проистекает из его личного столкновения с *бытием родства*, раскрывшимся для него в своей сопряженности и противопоставленности *сущему родства*, или *привычным* отношениям по крови и браку. Он осознал, что бытие родства как абсолютно общего по сравнению с мириадами проявлений сущего можно высветить с помощью некоторого алгоритма соединения разрозненных частей целого, разбросанных по миру в ходе миграций членов «человеческой семьи», в генеалогическое «древо жизни» этнических общностей. Ошибка Л.Г.Моргана заключалась в том, что сам постигнув сущность родства как *бытийного мышления*, он не эксплицировал это знание для тех, кто по-прежнему воспринимал родство как метафизическую данность. Назвав свой труд «Системы родства и свойства», он, с одной стороны, продемонстрировал, что ему родство и свойство явлены в своей сути (отсюда множественное число в слове «системы», подразумевающее вопрос «Что такое родство и свойство?»), а с другой – преподнес их читателям как привычные им категории.

Научная деятельность Л.Г.Моргана (назовем ее «народной антропологией») располагается на пересечении идеалов эпохи романтизма и творческой самодеятельности постмодернистского периода с их одинаковым стремлением к сохранению человеческой личности через совмещение индивидуального (семейного) и всеобщего (мирового), оригинального и подражательного, врожденного и вынужденного, наивного и утонченного, эклектичного и фундаментального. Именно философская нераскрытость моргановских концепций, их сбивающий с толку интимный формализм, вызвали к жизни беспорядочную критику современников и нынешнее тупиковое состояние исследований в области «систем родства». Благодаря первоначальному импульсу Л.Г.Моргана «хаос родства» на протяжении полутора веков не космизировался в стандартную научную дисциплину, а охранялся в своей до- и вненаучности; занимая «сакральный центр» антропологии, феномен родства постоянно напоминал ученому миру об отсутствии у общественных наук критериев соотнесения познания и реальности. Невозможность силами специальных наук постичь природу социального, языкового, психического или этнического проистекает из-за того, что Ж.Деррида удачно назвал «наваждением структурализма», и определил как преследующее западное мышление стремление к уничтожению реальности посредством утверждения ее якобы фундаментальных структур. Пока западное мышление видит за речевым планом выражения языковой план содержания, за индивидуальным планом выражения психический план содержания, за коллективным планом выражения социальный план содержания, за манифестацией этнического — этническую установку и т.п., реальное отношение между формой и содержанием будет неизменно подменяться практикой дублирования плана содержания в плане выражения, или наоборот, в зависимости от научной школы.

6.2. Морфология сознания, феноменология опыта, генеалогия материи. Родство как фенотипический синтез. Структуры эпистенции

6.2.0. В рамках своего проекта преодоления метафизики, М.Хайдеггер, развивает, с одной стороны, присутствующую у И.Канта идею о неотторжимости бытия от мышления, а с другой – заложенный феноменологией Э.Гуссерля *принцип беспредпосылочности и очевидности*, согласно которому вещи должны исследоваться вне существующих точек зрения, т.е. в их изначальной сущности, данной в повседневности (см.: [948]). М.Хайдеггер отмечает, что о бытии, в отличие от сущего, которое «есть», можно говорить только как об «имеющем место». Бытие может быть имеющим место не в «чистом» сознании, способном только констатировать существование вещи при помощи позитивной предикации «есть», а в неопределенности *естественного опыта* как промежуточного состояния между сознанием и бытием. Предикация «место-имения» обозначает точку отсчета, с которой бытие, как предмет классической онтологии, с одной стороны, предстает в своей партикулярной (конкретной и особенной) принадлежности человеку; а с другой – позволяет мыслить сущее в его всеобщих характеристиках. В том же ключе поздний М.Хайдеггер рассуждает о природе тождества и различия: тождественность, записанная как «А есть А» и понятая как взаимопринадлежность двух вещей, предполагает то, что человек, устанавливающий отношение тождественности между двумя вещами, уже знает, что значит «быть»; именно знакомство мысли с бытием и исконная проявленность бытия в мышлении делает возможными суждения о сущем, маркированные предикатом «есть» [1468, с. 27 и далее, 90 и сл.; 941, с. 29]. Иными словами, всякая предикация сущего предполагает определенную локализацию субъекта: «А *есть* А» значит «*у* А *есть* А». Когда рефлексия вместо того, чтобы по привычке обратиться к сущему, «отклонилась назад» и, помыслив самое себя, стала опытом, в сущем произошла революция, открывшая путь бытию.

В поисках слова, которое смогло бы передать одновременно и отношение бытия к существу человека, и «сущностное отношение человека к открытости бытия как такового», М.Хайдеггер прибегает к неологизму *Dasein* [937, с. 30-31], который обычно переводят на русский язык как «вот-бытие» или «здесь-бытие» (см.: [824, с. 47 и сл.]). Представляется, что в русском языке имеется совершенно точное по своей сути (здесь особенно важно парадоксальное сочетание конкретности и непредметности *Dasein*), хотя и слегка отклоняющееся от подстрочника соответствие этой философской идее, а именно *самобытность*[39]. Ведь именно бытие-само предоставляет бытию-для-себя (т.е. мышлению) себя как присутствие бытия-в-себе (ср.: [937, с. 380])[40]. Самобытность, по М.Хайдеггеру, тематизируется как «событие», или «совместность» (*Mit-sein*), которое означает бытие среди других; «самостоятельность» (*Selbst-sein*) в смысле определенности бытия с другими; и «быт», или «бытование» (*In-sein*) как сочлененность человека, людей и вещей в конкретных актах повседневности

(см.: [939]). Осмысливая природу новой связи бытия с человеком, М.Хайдеггер говорит о «бытийном мышлении», мышлении, не просто способном доказать существование («Что такое»), но ответить на вопрос о том, *кто* мыслит и *для кого* мыслит бытие. На смену декартовскому *cogito ergo sum* М.Хайдеггер предлагает *cogito: me cogitare* «Я мыслю есть мыслю себя мыслящим» [937, с. 179]. Здесь возвратное местоимение «себя» несет смысл рефлексии как «отзывчивости» бытию, «схваченности» бытием, «наполненности» бытием, восприятием мыслящим «слова Бытия» как эк-центрирующим его в направлении к бытию и собственной экзистенции. Бытийное мышление М.Хайдеггера чуждо субъект-объектной дихотомии и пребывает, так сказать, в «праместоименном» мире, в котором вместо «я», «ты» и «он» есть только бесконечное многообразие «некто» как «реальнейших из возможных для вот-бытия субъектов» [940, с. 261].

Осмысливая М.Хайдеггера, можно сказать, что слово Бытия есть при*знак* присутствия, соотносимый субъектом с самим собой и делающий субъекта *знаком* (но не фактом, как у Р.Декарта) своего (телесного) присутствия. Любое суждение человека о мире имеет в качестве своей «глубинной структуры» *память* об обстоятельствах тождественности «участков» мышления человека «участкам» *Его* бытия. Формальная логика всегда предполагается *пралогикой* другого субъекта и другого объекта. Это «другое мышление» у М.Хайдеггера значит не определенную разновидность рациональности (как, например, «коммуникативная рациональность» Ю.Хабермаса), а исконный смысл мысли как врощенную своими категориями в бытие деятельность. В отличие от И.Канта, для которого категории заложены в мышлении «от природы», М.Хайдеггер утверждает, что категории заложены в бытии «для человека».

История философии имеет у М.Хайдеггера двоякий смысл как история «забывания» бытия и история возвращения к бытию. Бытийное мышление неразрывно связано с уходом к истокам, с одной стороны, и «сбыванием» бытия – с другой. Время, как и бытие, не «есть», а имеет место (в смысле «*у* меня *есть* время»). Единство пространства и времени было обосновано в теории относительности А.Эйнштейна и составляет краеугольный камень первобытной космологии (см., например: [1626]). М.М.Бахтин назвал это пространственно-временное единство *хронотопом* (от греч. *khronos* «время», *topos* «пространство»). Слияние пространства и времени приводит к изменению характеристик обеих составляющих, или, по образному выражению М.М.Бахтина, «время уплотняется и воплощается…, а пространство становится восприимчивым к движению времени, рассказа и истории» [1060, с. 84].

Воплощение времени не как эволюции пространства (в ньютоновской физике (см.: [1275, с. 150])), а как изначально трехмерной величины выражается у М.Хайдеггера во «взаимном протяжении наступающего, осуществившегося и настоящего» [937, с. 399] и означает *временящееся* сбывание человека как присутствия здесь и теперь (где *теперь* передает в русском языке протяженное «сейчас»). Практически, весь вклад М.Хайдеггера в философию выразился в добавлении одного-единственного

слова к протагоровскому афоризму «человек есть мера всех вещей», которое приобрело вид «человек есть теперь мера всех вещей».

6.2.1. М.Хайдеггера нередко упрекали в размытости введенного им понятия *Dasein*. Пытаясь определить это новое для философии отношение между мышлением и бытием, он говорит о человеке как «точке отсчета для сущего» [937, с. 48], о собирании (*coagitatio*) человеком всего вокруг *ego*, в сведении воедино всех предметов в представление, таящее внутри себя присутствие [937, с. 60-61], об «открытом Между», в котором человек преодолевает себя как субъекта и предмет как объект [937, с. 62], о Родине как «близости к Бытию» [937, с. 206], о человеке как «соседе Бытия» и историческом существе человека как имеющего свой «исток в истине бытия» [937, с. 208], о бытии как «ближайшей к человеку» общеродовой всеобщности [937, с. 202], о бытии и языке как «доме», «крове», «жилище» человека [937, с. 218], об освоенности, близости, интимности (*Vertrautheit*) вещей для человека [940, с. 163 и сл.]. М.Хайдеггеру вторит М.Мерло-Понти, называющий «человеческий мир» «родиной наших мыслей» [596, с. 50]. Полемизируя с Ж.-П.Сартром, М.Хайдеггер конвертирует высказывание последнего о том, что «précisement nous sommes sur un plan où il y a seulement des hommes» в высказывание «précisement nous sommes sur un plan où il y a principalement l'Etre», словно устанавливает этимологическое родство между *l'autre* «другой», *l'etre* «бытие» и *étique* «этика», которое сжато передает рус. *родной*. М.Хайдеггер наполняет феноменологию «чистой» интерсубъективности Э.Гуссерля и – прогностически – субъективную метафизику Другого, провозглашенную постмодернистской философией, *родственным* содержанием. Человек для Бытия свой, родной; Человеку свойственно быть в непривычности; Бытие непривычно *родственно* человеку.

Этнографы и социобиологи подметили такие особенности родства среди *Homo sapiens*, как активное признание человеком широких масс родственников за пределами кузенного уровня генетической близости; отсутствие прямолинейной зависимости между степенью генетической близости и социальным значением родственников; выделение «близких» родственников даже среди дальних «родственников», а также способность «искусственных» родственников (побратимов, кумовьев, приемных родителей и пр.) вытеснять по своей социальной и психологической близости ближайших генетических родственников, абсорбируя при этом всю ролевую структуру, связанную с родительской заботой или братской взаимопомощью (см., например: [1857])[41]. Простота «родства» как слова, которое говорит о той самой «близости», которая не приходит с «уменьшением отдаленности» [937, с. 316][42], и как феномена, глубоко принадлежащего проблеме отношения мышления к бытию, ускользнула от испытывающего взгляда М.Хайдеггера, подчинив его самого им же самим открытому закону «забвения Бытия» и невосприимчивости к «сказу языка». Прислушаемся, о чем говорится у М.Хайдеггера:

«Как обстоит дело с близостью? Как нам ощутить ее существо? Близость, по-видимому, невозможно непосредственно обнаружить. Мы встречаем ее, скорее, следуя за тем, что вблизи. Близко к нам то, что мы обычно называем вещами. Только что такое вещь? До сих пор человек о вещи как о вещи задумывался не больше чем о близости. Вот вещь: чаша» [937, с. 317].

Близость как структура, приводящая вещь к человеку в обход опредмечивающего сознания (отсюда феноменологический лозунг «Назад к вещам!», провозглашенный Э.Гуссерлем), застревает в бытовой ситуации увлеченности эмпирического «я» единичной вещью, которая опредмечивается ею задолго до того, как ее опредмечивает «чистое» сознание. В итоге фокус внимания М.Хайдеггера уходит от близости как таковой к вещи как таковой, не позволяя ему конкретным языком назвать то, что не оставляет бытие в состоянии покоя, а беспрерывно соотносит его структуры со структурами сущего. Причина тому – укоренившаяся в общественном сознании привычка относиться к родству как к фактору непреложной зависимости человека от рода как *собственно ему* присущего, *собственно его* формирующего и *собственно им* управляющего социума биологических организмов. Бытовой взгляд на родство как на предмет в ряду других предметов, не требующий продумывания, а значит не имеющий никакого отношения к сущности самобытности, утвердился в академическом мире вообще и в этнографии в частности как часть общего процесса биологизации общественно-научной истины – процесс, в точности обратный рациональной антропологизации бытия, против которого было нацелено все творчество М.Хайдеггера.

Родство – это своего рода *Dort-sein* «вон-бытие» или *чужеродность* как точный антипод *самобытности*. Будучи вещью, родство овеществляет собой все вокруг и несет в себе неумолимую и неизменную ясность смысла близости субъекта для бытия и параллельно неясность смысла самого себя, как близости, для субъекта. Тем самым родство лишает самобытность такого присущего ей качества, как понимание бытия и асимилирует ее с вещным миром. Родство – это такая вещь, служебность которой для человека[43] распространяется на саму возможность конституирования человека вещью. Если сущность человека состоит в том, что он экзистирует (т.е., по М.Хайдеггеру тематизирует себя в *отличие* от себя самого [937, с. 32]), то сущность бытия заключается в его *эндистенции* или таком действенном, но никогда неприсущем самобытности способе быть, при котором на месте каждой самобытности в бытность ее самобытностью и посредством ее самой будет утверждена в *сходстве* с этой самобытностью другая самобытность. Бытие не просто самооткрывается человеку и в этом движении самораскрытия скрывает самое себя и уклоняется от человека [941, с. 123-124] (уклоняется потому, что в своем самораскрытии смещает человека с его прежней позиции в отношении к бытию), оно саморазвивается в человека, замещая его другим человеком.

Примечательно, что родство принято связывать с зачатием, рождением, браком…, но (почему-то) не смертью. Как писал в 1936 г. Р.Фирт,

«родство представляет собой переосмысление в социальных терминах фактов порождения и упорядоченного брачного сожительства» [1307, с. 577].

В хайдеггеровской же философии фундаментальной величиной, *предстоящей* «мне» (как рожденному в мир) и конституирующей *Dasein* как целостность, является именно смерть [940, с. 329 и сл.][44]. Преодоление (оттеснение) собственной смерти дается субъекту через Других как тех, которые никогда не умирают его собственной смертью [940, с. 332]. Словно смотря на мир не с *позитивной точки* рождения, а с *критического момента* смерти, М.Хайдеггер имплицитно воссоединяет смерть и рождение как феномены *самобытности* (ср. также параллель между такими фундаментальными сотавляющими самобытности, как бытие-с-другими, самостоятельность /*Selbst-sein*/ и бытие-к-смерти и элементарными рождением, взрослением и смертью) и возвращает западную философию к ее истокам в первобытной металогике родства, базирующейся на идее сопричастности человека всему живому. Ср.:

«Святость родственных взаимосвязей – один из важнейших аспектов культуры сиу; ибо поскольку все творения в основе своей – одно, все части внутри целого взаимосвязаны... Для сиу все родственные связи на земле символизируют истинное и великое родство между человеком и Великим Духом... » [138, с. 159, прим. 5].

«Родство в обществе аборигенов – это не только универсальная форма социальных отношений: в форме родства выступает и отношение человека ко всему, что его окружает, в первую очередь к земле» [48, с. 9-10].

У тамилов южной Индии словом *sondam* (букв. «соединенность», *connectedness*) обозначается родство, опоясывающее всю Вселенную [1545, с. 291-292][45].

М.Хайдеггер специально отмечает парадоксальное сочетание предельной широты Бытия и его интимной близости человеку [937, с. 202]. Способность самобытности к выживанию в качестве, отличном от пустой самости, и к удержанию других самобытностей в качестве, отличном от их пустых самостей, равносильна ее способности обнаружить для себя чужеродность, подчинить себя этой чужеродности и возродиться в своей *самородности* как состоянии непротивления мышлением бытию. Самобытность, которая способна не просто *опредметить* саму себя, а *опредковаться* и начать *потомствовать*, есть самородность. Структуры непротивления мышлением бытию (т.е. экстатического допущения всей полноты бытия вплоть до замещения самобытности) мы будем называть структурами *эпистенции* (т.е. фактически системами родства) и выявлять их там, где этнография видит культуры и общества, а биология – биогеоценозы. Структуры эпистенции не существуют во времени и не располагаются в пространстве, а *временятся* и *пространствуют* в целокупном движении рождения, взросления и смерти. Уводимый своей философией от близости к вещественности, М.Хайдеггер успел наметить структуру пространствующего человеческого бытия, написав о сфере «своего» как о движущемся единстве и неслияности взаимоотражающихся «против» (*Gegen*), «друг-с-другом» (*Miteinander*) и «над» (*Über*) [677а, с. 39-40].

Там, где Л.Н.Гумилев видел пассионарность (ср. трансценденцию самобытности в направлении к бытию у М.Хайдеггера) как «эффект воздействия природы на поведение этнических сообществ» [261, с. 271], иденетика описывает постоянно протекающий в поведении *эпистенциальных популяций* процесс саморазвития чужеродности в самобытность посредст-

вом трансформации границы между субъектом и объектом, мышлением и бытием, человеком и природой. Эти пограничья на разных уровнях принимают формы *страсти* (лат. *passio*), как индивидуального экзистенциала; *страха*, как родового экзистенциала[46]; и *страдания* (своего рода *прапассионарности*), как экзистенциала видового. Если пассионарность формулируется как непатологическое «уклонение от видовой нормы» [261, с. 261], то прапассинарность будет распадом экологической нормы с сопутствующим созданием очагов видообразования и эгогенеза (см. также 11.3.). Сущность терроризирующего западную философию образа трансцендентального «Я» как необходимости наличия конституирующего эмпирическое «я» начала разъясняется через категорию бытия, которое теперь обнаруживает временящую способность страдать в экзистирующем субъекте (с параллельным смыслом «бытия, страдающего экзистенцией»). Аналогичным образом, страх следует понимать не только как понимает его М.Хайдеггер, а именно как позитивный выбор самого себя перед лицом мира, но и как позитивирующий этот самобытный выбор выбор бытия своей собственной формы существования. За каждым «сам», «себя», «свой» самобытности стоит самородная форма *взаимствования* человека и бытия.

6.2.2. Разграничивая *феномен* и *явление*, М.Хайдеггер обращается к проблеме взаимности отношения бытия к мышлению и мышления к бытию, при которой бытие и мышление находятся в конституирующем друг друга тотальном обмене признаками на всех уровнях своей интеграции вплоть до комбинации звуков, их обозначающих. Если феномен структурирует мир посредством показывания самого себя (т.е. фактически коммуникации), то явление выдает свою символически-индексальную структуру взаимосвязи элементов за естественным образом структурированный мир [940, с. 88 и сл.]. Для М.Хайдеггера, как и ранее для Э.Гуссерля, представляется возможным и необходимым разграничение феномена и явления, и отсюда – феноменология имеет смысл как практика методичного устранения кажимости во имя раскрытия «чистых» форм сознания (у Э.Гуссерля) и опыта (у М.Хайдеггера). Такой подход упускает из виду тот факт, что признание вторичности кажимости по сравнению с подлинностью выделяет первую в исключительный, особый, уникальный разряд феноменов и тем самым сообщает ей бóльшую «чистоту», чем у «чистых» форм сознания или опыта. Поддержанный М.Хайдеггером гуссерлевский принцип беспредпосылочности касается только отношения исследователя к свершившимся научным направлениям, но не вносит в теперешний исследовательский метод момента придания самоочевидности продуктам этого метода для последующих точек зрения (*принцип бесследственности*). Раскрывая фундаментальное разногласие между структурализмом и феноменологией, К. Леви-Стросс писал:

«Феноменологию я нашел спорной, поскольку она постулировала некую непрерывность между опытом и реальностью. Я был согласен с тем, что последняя объясняет первую, но из трех своих источников вдохновения я усвоил, что переход от одного порядка к другому прерывист. Для того, чтобы выйти к реальности, мы должны сперва отвергнуть опыт, а затем

реинтегрировать его в объективный синтез, очищенный от всякой сентиментальности» [1643, с. 58].

К.Леви-Стросс, очевидно, имел в виду, что опыт не гарантирует синтез (иначе вообще непонятна функция сознательной рефлексии), а предоставляет лишь одну из форм знакового кодирования, без которой осуществление рефлексии невозможно. Скрывая феноменальное, кажимость захватывает внимание наблюдателя и раскрывает для него его собственную неподлинность как непосредственнейшее из возможных феноменов (не действует ли в феноменологии Э.Гуссерля «парадокс Рассела»?)[47]. Феноменология принимает субъекта за всегда готовый к восприятию (или к самобытной расположенности к миру) продукт «изначального опыта», забывая о том, что *субъект рождается, взрослеет и умирает*. Со-знание индивида изначально дуально и социально, будучи неооторжимо связанным с другими со-знаниями прежде, чем оно в состоянии войти в непосредственное отношение со своим собственным бытием. Индивид никогда не предоставлен самому себе как феноменологическая данность; «я» – это всегда структура взятости субъекта другими. Самобытность «временит» в неровном и не своевременном режиме, и, пользуясь сравнением М.Серра [2015], воды «реки времени» то застревают сзади, то обгоняют самих себя. Феномены сознания и феномены опыта представляют собой взгляд на одно и то же событие с двух полярных, но имеющих общее происхождение точек зрения – направленной вовне конструктивно-бытовой и направленной внутрь катарктическо-ритуальной. Отмечая, что

«воспринимаемый мир не является лишь моим миром, именно в нем я вижу как обрисовывается поведение других, это поведение тоже нацелено на этот мир и он является коррелятом не только моего сознания, но и любого сознания, *которое могло бы мне встретиться*» [596, с. 433; выделено в оригинале],

М.Мерло-Понти не признает того обстоятельства, что мой мир является воспринимаемым мною миром только потому, что все другие сознания уже себя в нем исчерпали. *Феноменология* как метод раскрытия структур опыта иллюзорна без *структурализма* как метода описания структур со-знания; описание структур сознания вне раскрытия феноменов опыта приводит к замыканию сознания и исчезновению опыта. Исходя из верной посылки, К.Леви-Стросс в дальнейшем, однако, пошел по пути объективации бес-сознательных структур вместо того, чтобы вскрыть конкретно-практическое разнообразие, размыкающее бинарные оппозиции и вскрывающее историческое движение *структуры* (ед.ч.) *сознаний* (мн.ч.).

Как следствие, схватить отношение индивида к миру нельзя через описание того, что происходит *с* «субъектом» и «объектом» *в* опыте; его можно схватить только через описание того, что *происходит из одного опыта и переходит в другой* в ходе размежевания субъективного и объективного. Оставляя позади морфологию сознания и феноменологию опыта, иденетика переходит к *генеалогии материи*, чтобы наблюдать разложение (сбивание) структур (предметов) сознания и сбывание функций опыта. По ту сторону трансцендентального синтеза И.Канта и перцептивного синтеза феноменологии иденетика обнаруживает

фенотипический синтез (о категории фенотипа см. 6.3.1.), в котором состоят субъекты по отношению друг к другу и который, в отличие от других видов синтеза, распространяется не на все мыслимое и опытное бытие, а только на бытие от себе подобных, вне которого нет ничего мыслимого и опытного. Прав М.Мерло-Понти, призывающий «вернуться к социальному», но это социальное будет ускользать от нас, оставаясь голым знаком, до тех пор, пока мы будем просто полагать его как досубъект-объектное [596, с. 116, 461], а не настроимся заранее на описание множества *процессов позитивного одиночествования среди себе подобных*. Психическое должно быть понято не как бессознательное, а как бессоциальное, т.е. такое самопереживание, которое никогда не стирает границу между своим и чужим опытом, а через постоянное разделение своего и чужого опыта утверждает уникальность пребывания наедине с самим собой. Основа психического – это не недоступный для рациональной рефлексии социальный опыт, а наоборот то, с чем субъект может иметь дело только сам и только как таковой и что не может стать частью публичного опыта потому, что само лежит в основании всякой социальности.

Если, как возражал М.Хайдеггер Э.Гуссерлю, предметность («что») сущности «я» как понятия о бытии неотделима от способа («как») существования «я» как образа самобытности, то, продолжая ту же линию мысли, и то, и другое неотделимы от присутствия («кто») «я» как признака бытия. В философии М.Хайдеггера

«экзистенциалы – это онтологически необходимые структуры Dasein, точнее структурные определения его экзистенции (существования), выражающие внутреннюю связь существования и понимания, принципиально отличающую их от категориальных определений, то есть определений нечеловеческого сущего или вещей, в которых эта связь отсутствует» [824, с. 46].

В нашей трактовке социальный *эпистенциал* – это внутренняя связь понимания, существования и физического (эмпирического, биологически уникального, фенотипического) признака присутствия человека для бытия. Отсутствие у вещи единства сущности и существования есть не свойство вещи, а один из способов бытия субъекта, когда он еще не исчерпал собой все отбрасываемые его собственным телом как становящейся вещью проекции. В кругу эпистенции бытие вещей окончательно распадается, так как разъятость понимания и существования в принципе невозможна и не имеет места нигде. Сознательная или опытная посылка о существовании некой связи между экзистенцией и ее отсутствием (бытием вещи) должна быть отброшена в пользу представления о том, что человек не связан ни в какой точке пространства и ни в какой момент времени со своим отсутствием. В онтогенезе овеществление и субъективация тождественны радикальным образом, который раз и навсегда помещает человека в среду, в которой все только опредковывается и потомствует. Человек окружен со всех сторон не вещами, бытующими только в себе, и не людьми, чье бытие-для-себя, как сказал М.Мерло-Понти [596, с. 547], пребывает для меня «не так, как в себе», а целостными переживаниями самобытности в самородности.

Для того, чтобы нечто могло явить себя сознанию и открыть себя для опыта, необходима благоприятная для любой открытости *обособленность*, во время которой действует неумолимая магия границы. Человек видит и воспринимает только *свое*. Поэтому единственная реальность – это реальность означающей и означаемой *изоляции* (не пустоты, не небытия, не хаоса!), устанавливающей границы между объемами «своего» и «чужого» опыта. Именно о таком онтогенетическом самораскрытии ячейки человеческого посредством разрывания «структур родства» говорит, как кажется, М.М.Бахтин:

«Все до меня касающееся приходит в мое сознание, начиная с моего имени, из внешнего мира через уста других (матери и т.п.), с их интонацией, в их эмоционально-ценностной тональности. Я осознаю себя первоначально через других: от них я получаю слова, формы, тональность для формирования первоначального представления о самом себе. Элементы инфантилизма самосознания («Разве мама любила такого…») остаются иногда до конца жизни (восприятие и представление себя, своего тела, лица, прошлого в ласковых тонах). Как тело формируется первоначально в материнском лоне (теле), так и сознание человека пробуждается окутанное чужим сознанием. Позже начинается подведение себя под нейтральные слова и категории, то есть определение себя как человека безотносительно к *я* и *другому*» [85, с. 361-362; выделено в оригинале].

Мир родства в его общепринятом и этнологическом истолковании как *чужеродности* и мир *Dasein* в его философском определении – два комплементарных друг другу *феномена*, но феноменальность первого противопоставлена феноменальности второго настолько строго, что преодоление этой контрарности требует выхода в мир кодирующих феномены сущностей, или геноменов. *Геномен* – это прафеномен, или вещь, не полагаемая в своей отстраненной замкнутости (объективности) и не воспринимаемая в своей нарочитой открытости (в конечном итоге, как осознал Л.Витгенштейн, опытное раскрытие истины взамен логического выведения непротиворечивых следствий есть та же игра ума), а неумолимо и органически *развивающаяся* в субъекта в ходе трансформации способа изоляции опыта. Геномены не воспринимаются индивидом как воспринимаются им феномены и не приобретаются им как навыки; они извлекаются как сущности, поддерживаются как непривычности (т.е. воспроизводят относительность субъекта, а не сталкиваются с ним) и опредмечиваются как демонстративы «я», «ты», «он» и пр. (см. 7.2.2.).

Дав определение геномену, мы одновременно вышли на новое понимание знака, который не замещает вещь в сознании субъекта (символ в общесемиотической теории) и не является сам вещью (мифический символ, по А.Ф.Лосеву; ср. миф как «стенд–вертушка», поворачивающаяся то как означающее, то как означаемое, у Р.Барта [79, с. 248]), а неумолимо развивается, как вещь, в индивида и, как индивид, в вещь. Материя не раскрывает субъекту свое феноменальное бытие в опыте, а развивается в субъекта в геноменальной изоляции от других эпистирующих материй. Таким образом, *родство – это разделенный опыт, или изоляция опыта одного субъекта от опыта другого*, а любая эмпирически данная система классификации родственников (СТР) – это

заложенный в языке конкретный алгоритм обособления самородных опытов в пределах популяции.

Согласование феноменологической данности бытия (*самобытность*) и морфологической взятости со-знания (*чужеродность*) требует переосмысления оппозиции между геносом и гнозисом в следующей форме: человек не рождается в бытие наделенным сознанием, а является месторождением родства как сбывания бытия и распада сознания. Распад сознания как сбывание бытия составляет *праестественный опыт* человека, или *инициацию*. Инициация (не рождение и не брак) есть интегральное событие родства, в котором рождение и смерть не разведены как предшествующая и предстоящая опыту реальности, а сходятся в доступном субъекту знаково-опосредованном синтезе «его собственного» фенотипа[48]. Когда опыт вместо того, чтобы по обычаю обратиться к другому опыту, отклонился назад и, пережив самого себя, стал материей, самобытность претерпела реинкарнацию, став самородной. Проблема человека как самобытности (*Dasein*) перестраивается в проблему человека как *самородности*.

Деметафизизирующая функция антропологии состоит не в том, чтобы описывать «положение дел» в «мире людей», а в том, чтобы представлять на посюстороннее рассмотрение и предоставлять в отныне-пользование структуры потустороннего. Несмотря на происходящий с конца 1960-х гг. осознанный выход антропологии на арену современности, *первобытность* остается за ней с той важной разницей, что эта первобытность уже не полагается наличествующей у австралийских аборигенов или африканских пигмеев – в силу своей *самобытности*, которую мы выше отождествили с хайдеггеровским *Dasein*, все культуры одновременны на векторе времени и равноправны на шкале цивилизованности, – а переносится в общее (т.е. *равнонастоящее* для *и равноотстоящее* от) всех культур прошлое, строго фиксируемое как имевшее место до расселения человеческих популяций по ойкумене.

Как уже отмечалось, процесс опредкования самобытности бытием предполагает прохождение последним фаз страдания, страха и страсти. Встречное устремление самобытности к потомствованию также разворачивается в три этапа. Если структура инструментально-познавательной деятельности базируется на *работе* и *рефлексии*, структура естественного опыта покоится на *заботе* и *революции*, то праестественный опыт конституируется *свободой и реинкарнацией*. В отличие от естественного опыта, который М.Хайдеггер мыслит лишенным субъект-объектной дихотомии и, соответственно, конституирующей рефлексии, и описывает как непосредственную взаимооткрытость элементов как множества «некто», праестественный опыт характеризуется свободным взаимообменом между элементами, являющимися друг для друга одновременно средствами и предметами сообщения. Вопреки феноменологии, не существует «анонимного» [596, с. 277], неограниченного сознанием, неритуализованного, досубъект-объектного состояния, равно как и его прямой оппозиции – инструментального сознания, живущего актами полагания себя как

субъекта и вещи как объекта; но только бесконечное *множество* самородных («иденонимных») состояний, для которых актуальна не оппозиция «субъект – объект», а оппозиция «развивающийся – развивающий», и которые связаны друг с другом не трансцендентальным или перцептивным синтезом, а фенотипическим синтезом как *опытом взаимного обособления*.

Встав на хайдеггеровский «путь к языку», Ж.Деррида ввел неографизм *différ**a**nce* (при англ. *deferral* «задержка»), по контрасту со стандартным французским и структурно-лингвистическим *différ**e**nce* «различие» и в смысле «бытие сбывается через сбивание бытие-забывающего языкового различения». *Différance* описывает «игровое движение, которое “порождает”, посредством того, что не есть просто деятельность, эти различия, эти эффекты различения…. Это – неполное, непростое, структурированное происхождение» [1234, с. 11]. Понятие *différ**a**nce* обнаруживает близкое родство с леви-строссовским понятием мифологической *медиации* как снятия логических противоречий. Если М.Хайдеггер видел сбывание бытия как «имеющего место» в том, что связка «есть» оказывается субстанционально ближе к внеязыковой действительности, чем другие слова [1467, с. 88], то сбивка в языковом различении наглядно происходит в собственном имени. Семантика собственного имени, которую Р.Якобсон не смог описать лучше, чем как отсылку от кода к коду (т.е. в обход сообщения) (см. подробнее 7.2.3.), не зависит от функции формального отличия от других языковых единиц. Форма собственного имени субстанционально ближе к внеязыковому психофизическому присутствию субъекта (*presence*), чем к звуковым рядам естественного языка. Влияние иудейской теологии на Ж.Деррида, замеченное Ю.Хабермасом (см.: [1426]), возможно, выразилось в перекличке между концепцией *différ**a**nce* и средневековым еврейским учением о творении как «устранении» божества от бытия, а не выражении Бога в своем бытии (*Deus est suum esse* христианской теологии). Концепция *différ**a**nce* также позволяет интерпретировать «труд» у К.Маркса как сбивание «традиции», «либидо» З.Фрейда как сбивание «наследственности», «брак» у К.Леви-Стросса как сбивание «рода», а «символизм» Д.Шнайдера как сбивание «родства». Концепция *archi-écriture* («прописьма», «ветхого» письма, основанного на *différance*), разработанная Ж.Деррида в контексте противоборства с фоноцентризмом лингвистики и пародийно перекодирующая историко-лингвистический идеал «праязыка» как узаконивающего исторически накопленные фоноязыковые различения (см.: [1233]), перекликается с моргановской методикой познания истории скрытых в звуковом составе языков «органических форм» через *выписывание* (без внимания к фонетике) номенклатур родства человеческой семьи. Термин родства у Л.Г.Моргана (элемент *consciousness*), опережает (предрекает) свою «органическую форму» (элемент *mind*) как отягощенную информацией о прошлых формах брака носительницу родства. Другое совпадение: *archi-écriture* Ж.Деррида воле-неволе сливается с *architecture* (с итоговым воспроизведением хайдеггеровского «язык – это дом бытия»), в которой Л.Г.Морган видел систему социальной идентификации у бобров и которой позднее посвятил книгу «Дома и домашняя жизнь американских туземцев»[49].

6.2.3. Проблемность родства состоит в том, что, являясь, в своей простоте, самоочевидным для каждого, оно, между тем, остается незамеченным в своей концептуальной сложности. Когда мы говорим «родство», мы имеем в виду общее происхождение и связь по порождению, но не задумываемся о полярности этих отношений. Отец и сын, как связанные отношением порождения, необходимо связаны общим происхождением, но не как отец и сын, а соответственно, как сын и внук; дед и внук связаны серией порождений, но имеют общее происхождение только как сын и правнук. Просто сказать, что отец и сын связаны общим происхождением значит упустить из виду специфику их связи с друг с другом. Просто сказать, что они связаны порождением значит оставить без внимания вопрос о возможности и необходимости этой

специфической связи. Мы приходим к различию, которое в трудах древнегреческого философа V в. до н.э. Прокла описывается как различие между понятиями «отца» и «творца». Согласно Проклу, изначальный ум является отцом, если он способен породить свое окружение и выразиться в нем, и творцом – если он способен стать причиной самостоятельного самоутверждения этого окружения [545, с. 183-184]. Общее происхождение отца и сына есть коренное условие превращения факта порождения в отношение между отцом и сыном, как специфическим образом указывающее на самостоятельную первичность сына в его отношении к первичности отца. «Творец» есть источник взаимоутверждения «отца» и «сына» в их общем происхождении. Изменчивость порождаемого по сравнению с порождающим есть прямая функция их общего происхождения. Наследственность порождающего в порождаемом есть функция обратная их общему происхождению.

Что же имеется общего в «общем происхождении» и «порождении», что заставляет нас рассматривать эти полярные отношения как части единого понятия родства? Общее происхождение и порождение можно удовлетворительно определить как присутствие *общей сущности*. Теперь различие между двумя понятиями предстает как функция *замещения* одной общей сущности другой, т.е. сбывания бытия. Определяя сущность родства как присутствия общей сущности, мы приходим к тавтологии, которая помогает задать меру для мысли; определяя затем сущность родства как замещения одной общей сущности другой мы приходим к парадоксу.

В продолжающей хайдеггеровскую традицию формулировке, родство можно определить как праестественный опыт, в котором единственной реальностью является *самозамещение*, или *мышление человеком себе подобными*. При таком мышлении, субъективность как пребывающая в определенном месте опредмечивается и означается, а объективность как сбывающаяся в определенном времени релативизируется и ставится в неотторжимую зависимость от процесса опредмечивания человека человеком. В формулировке «сбывание бытия» присутствует идея исторического повторения человеком бытия как уподобительно-усилительного замещения сущего. Мышление человеком себе как человеку подобными категориями предстает в этом свете как *рекапитуляция истории присутствия по хранимой языком памяти* (ср.: [937, с. 203, 219, 272]), где понятие рекапитуляции привлекает внимание к известному закону Э.Геккеля о повторении филогенеза в онтогенезе (ныне известному как «принцип гетерохронии» (см.: [1390])). Если время имеет место, то место погружено в имя; как сбывающееся во времени, бытие имеет место, а как имеющее место, оно проистекает из имени. Язык неожиданно обнажил свою сущность – недоступную, по мнению М.Хайдеггера, взору лингвистики – не как пассивного средства отражения действительности, а как условия уместности бытия для человека.

6.2.4. Описав историю философии как преодоление онтологии во имя антропологии и представив ранние попытки субстантивации человеческо-

го у Р.Декарта («мыслю – значит существую»), И.Канта («полагание есть само бытие», Г.Гегеля («бытие есть история абсолютного духа»), К.Маркса («труд»), З.Фрейда («либидо») и Ф.Ницше («воля к власти») как благородные, но несовершенные опыты выхода к *Dasein*, М.Хайдеггер прошел мимо Л.Г.Моргана и не смог переступить дисциплинарную грань, разделяющую философию и антропологию, раскрывающую бытие философии как сущее антропологии. Если, начиная с М.Хайдеггера, философия превратилась в онтологическую антропологию, а антропология, начиная с К.Леви-Стросса (бежавшего от философии к антропологии, чтобы превратить последнюю в философию (см.: [1643])), обрела статус эмпирической философии, то можно предполагать, что центрирующее антропологию понятие «системы родства» комплементарно центрирующему философию понятие *Dasein*, или системы бытия. Системность бытию придает «эк-статическая» установка человека-в-языке на собирание предметов в единое представление их-в-языке как *что-таковых* (см.: [937, с. 55-56, 218-219], так же, как системность родству придает эгоцентрическая (точнее: экс-центрическая) установка человека-в-языке на собирание себе-подобных-в-языке в единое представление их как *кто-таковых*.

6.2.4. Понимание М.Хайдеггером системности как отношения взаимооткрытости между человеком и бытием противостоит ставшему каноническим в науке метафизическому истолкованию системы как совокупности эффективно взаимодействующих элементов, порождающих синтетические качества, не присущие самим элементам (см., например: [110; 56, с. 99; 395]). Построенный, так же как и аналитический метод, на основе индукции (см.: [91, с. 37]) – негерменевтической индукции, построенной без первичного истолкования фактов, – так называемый системный подход страдает декларативностью и непрактичностью [36, с. 24; 693, с. 15][50].

В 1970–1990-е гг. мысли М.Хайдеггера о системе были развиты и приспособлены к социологическому мировоззрению немецким философом Н.Луманом, соединившим их с теорией саморазвивающихся биологических систем (*autopoetic systems*) У.Матураны, социологическим функционализмом Т.Парсонса и феноменологией Э.Гуссерля и А.Шютца (см., например: [1677; 1678; 1679; 2044]). Фундаментальная оппозиция его системной теории – это коммуникативно-активная система (*Systeme*) и коммуникативно-пассивная среда (*Umwelt*), перекликающаяся с хайдеггеровским разделением *Dasein* и бытия. Каждая система выступает в роли среды в отношении другой системы, и уровень сложности среды всегда превосходит уровень сложности системы. Каждая система характеризуется своей степенью сложности (*Komplexität*), определяемой как совокупность элементов, составляющих систему, и совокупность отношений между ними. В простых системах системное единство обеспечивается избирательным взаимодействием элементов внутри системы; дифференциация сложных систем, к которым относятся системы биологические и социальные, настолько велика, что установить взаимодействие, которое бы охватывало все элементы, оказывается

невозможным. В результате, сложная система есть одновременно закрытая и открытая система: она существует не только посредством внутрисистемного взаимодействия, но и через взаимодействие со средой. Взаимодействие со средой именуется Н.Луманом *саморефлексивностью* (*Selbst-Referenz*) системы: система взаимодействует со средой и возвращается к самой себе, поддерживая тем самым свою идентичность через непрерывное обновление оппозиции «система – среда». Вместо утверждения трансцендентального синтеза у И.Канта и Г.Гегеля имеем имманентное предоставление синтеза самому себе. Саморефлексивность составляет суть *коммуникации*, понимаемой Н.Луманом не как обмен информацией, а как актуализацию совместной информации (т.е. совместное выведение значения из потаенности), которая оказывает смысловое воздействие по крайней мере на одного из коммуникантов [1679, с. 32]. Актуализация информации имеет значение социального *действия*, понимаемого как взятие на себя ответственности за сужение выбора. Н.Луман разрешает извечную социологическую проблему соотношения между структурой (*structure*) и действием (*action*), освобождая структуру последней от того компонента, которое у Т.Парсонса выполняло специальную функцию соотнесения конкретного поступка (*act*) с общественной структурой. Действие становится не выразителем некой структурной установки и не вовлеченной в процесс воспроизводства структур (как это представлено в «теории структуризации» Э.Гидденса [1357] или в традиционном системном подходе), а раскрывающей *сущность структуры как исконно действия*, а *сущность функции как безусловного и исторического события*. Саморефлексивность, проявляющаяся в «ответственности» за сужение выбора, повторяет хайдеггеровский тезис об отзывчивости человека своему бытию, т.е. сужению сущего до сути соприсутствия Человека и Бытия.

Одним из устойчивых требований, предъявляемых к исследователю традиционным системным подходом, выступает необходимость рассмотрения объекта в трех основополагающих проекциях: *исторической*, *структурной* и *функциональной*. Структуру М.С.Каган (как и ранее К.Леви-Стросс) склонен определять как внутреннее свойство всякой системы, «из каких бы элементов она ни состояла» [395, с. 34]. Выступая в роли «костяка» системы, структура придает ей устойчивость, стабильность и эффективность. Соответственно структурная грань системного подхода призвана выявлять элементный состав системы и главное – характер взаимосвязей между элементами. Функционирование, очевидно, процесс динамический, но многим непонятно соотношение функционального движения системы с еще одной динамической составляющей – историей (см.: [395, с. 20; 122а, с. 163; 689, с. 9]). По М.С.Кагану, «исторический угол зрения имеет два аспекта – генетический и прогностический [395, с. 23]. Переосмысливая системный подход под влиянием исследований Н.Лумана, следует, как кажется, сосредоточиться на симбиотическом единстве структур и функций, сопоставимом с единством пространственно-временным. Определяемая как независимая от элементов величина, структура тем самым описывается негативно, хотя и подает важный сигнал о том, что система не нуждается в элементах для того, чтобы иметь место. Саморефлексирующая система не может состоять из компонентов, но только существовать в мотивационном поле, в котором различимы функции как «ненасыщенные» (Г.Фреге) переменные. Взаимопроникновение структур и функций сначала приводит к тому, что структуры начинают делиться, с одной стороны, на «глубинные» и диалектические (в структурной антропологии К.Леви-Стросса), а с другой – на «поверхностные» и статические (в британском структурном функционализме),

функционирование системы распадается на внешнее и внутреннее (ср.: [395, с. 23]); а затем выражается в таком понимании структурно-функционального комплекса, при котором структура – это внешнее и распадающееся (генезис), а функция – это внутреннее и сбывающееся (прогнозис).

В противоположность эгоцентрической интерпретации категории действия в рамках таких социологических школ как школа «символического интеракционизма» или школа «рационального выбора» и социоцентрической интерпретации категории действия в рамках дюркгеймовско-парсонсовского функционализма, социокибернетика Н.Лумана выдвигает на первый план то, что можно назвать *эгомерностью* социального пространства, составленного из множества саморефлексирующих систем-действий («*actor-steered social systems*»). Как и в ряде первобытных философий (см.: [1626]), действия самоценны и упорядочиваются в линейную последовательность не на основе логических зависимостей («причина – следствие», «вложение – прибыль» и т.п.), а на основе соотнесенности во времени, для которого актуально только «до» и «после».

Саморефлексивность системы подразумевает, что граница между системой и средой никогда не ломается, а каждая новая коммуникация означает коммуникацию системы с самой собой «по поводу» среды, так как коммуникация как основополагающее качество системы возможно только между элементами, относящимися к системе. Иными словами, по М.Хайдеггеру и Н.Луману, предметы (одушевленные и неодушевленные) никогда не даны субъекту в своей предметности; они предстают перед ним либо как *его* понятия (представления, образы), что есть сущее, либо как *свои* сущности, т.е. как бытие. Вместо каузальной связи между действием и структурой, описываемой метафизически либо как произвольность действия по отношению к структуре, либо как мотивированность действия структурой, Н.Луман перестраивает эту оппозицию в оппозицию «система – среда» и утверждает равноправное соприсутствие различных систем, требующих своих сред как условий коммуникации внутри них самих. В результате коммуникации со средой происходит своего рода *эгобежная* темпорализация внутрисистемной сложности и раскрывается *эгостремительный* парадокс соприсутствия различных систем, т.е. их общая сущность как по-своему данная каждой системе саморефлексивность.

Эволюция, или темпоральность противопоставления «система – среда» (историческое измерение системного подхода), есть не цепочка синхронно реализуемых однокачественных по коду системно-средных отношений, а трансформация самого кода взаимодействия, при котором прошлое системы есть ее среда («эволюция есть трансформация парадокса саморефлексивности», по собственному выражению Н.Лумана). При этом онтологическое значение противопоставления «система – среда» сохраняется. Продолжая мысль Н.Лумана, можно сказать, что с упрощением внутрисистемного взаимодействия усложняются коммуникативные отношения между системой и средой, благодаря чему общее происхождение саморазвивающихся систем

удревняется, а эгостремительность коммуникации раскрывает *все более глубоко общий* пространственно-временной эпицентр зарождения этих систем. Таким образом, **упрощение внутренних принципов организации человеческого общества есть единственный источник усложнения внешних форм его существования**.

В «противовес общепринятому мнению» и в предвосхищение системной теории Н.Лумана, французский этносоциолог Л.Дюмон понимал социальную эволюцию как развитие от сложных форм структурной комплементарности к более простым формам, отражающим специализацию и индивидуацию [1255, с. 238]. По мысли С.Фанти, диалектика Эроса и Танатоса предполагает сочетание «естественного предрасположения одушевленных существ к минимизации любого состояния напряжения» с силой, толкающей этих существ «к построению, к усложнению, к организации» [913, с. 66-67].

Минимальная и максимальная единицы социологической теории, а именно человеческое действие и социальная система истолковываются, таким образом, Н.Луманом как онтологически тождественные понятия. Системность культурным и социальным феноменам, так же как и действенность – поступкам, придает присущая им особого рода знаковость, при которой иметь в виду объект саморефлексивно значит обозначать, указывать и выражать (т.е. совокупно – идентифицировать) сущность субъекта и объекта как свою сущность. Н.Луман фактически указал путь для согласования философско-естественно-научного понятия системы с философско-литературоведческим понятием текста. Автопоэтика системы обнаруживает свою оборотную сторону как «глубинного», «химического», «суггестивного» поэтического единства генеалогии поэта и онтологии создаваемого им текста (см.: [881, с. 28-29])[51]. Ранее Ф.Ницше переосмыслил объективную диалектику и субъективный диалогизм как восходящие к «генеалогии», или дифференциальному элементу ценностной системы, из которой проистекают как абсолютные ценности, так и ценностный релятивизм. Генеалогия – это исток, зарождение, первопричина, но также различие и дистанцированность в общем происхождении (см.: [1228, с. 2]). Теоретики саморазвивающихся систем осознают необходимость рассматривать все биологические системы как социальные (но не наоборот) и приводят феномен родства в качестве архетипического примера биологической системы, сущность которой социальна (см., например: [2218]).

История этносоциологического и этнолингвистического изучения феномена родства обнажила две основополагающие и перекликающиеся проблемы, прозвучавшие в полной мере уже в ранних откликах на труды Л.Г.Моргана и по сей день не поддающиеся однозначному разрешению. Это, с одной стороны, проблема соотношения биологического и социального в феномене родства, а с другой – проблема соотношения феномена родства как системы и феномена родства как текста.

6.3. Биологическое и социальное в феномене родства. Родство как система и текст

6.3.0. Вопрос о соотношении биологического и социального является ключевым для этносоциологических и социобиологических интерпретаций феномена родства (см.: [1351; 1065; 1080; 1995; 1147]), и в них можно выде-

лить два гносеологических полюса, к которым в той или иной мере приближался каждый исследователь, каждая исследовательская школа. Позитивистский полюс, доминировавший в антропологии до конца 1960-х гг., порождает представление о том, что в основе родства лежит общая для всего человечества объективная биологическая реальность, проявляющаяся через рождение и брак индивида, отражающая инстинкт к продолжению рода и описываемая через универсальную генеалогическую матрицу. Все многообразие социальных отношений и идей относительно родства кажется позитивисту вторичным, ошибочным и иллюзорным всякий раз, когда они идут вразрез с «фактами». Знание же этих фактов приходит только с достижением обществом достаточно высокого уровня развития. По категорическому замечанию Г.Шеффлера и Ф.Лаунсбери,

«Генеалогические связи, или собственно родство, фундаментальным образом отличаются от социальных связей по родству и первичны по отношению к ним как логически, так и исторически» [1987, с. 38].

В более мягкой форме, позитивистская установка относительно примата материи над сознанием в феномене родства выражается в представлении о несводимости социальных отношений по родству к его «объективному», биологическому измерению. Широкое хождение [689, с. 83], например, получило мнение Г.Доул об однородности биологических связей по родству во всех человеческих группах:

«Главные факторы, влияющие на родство, можно разделить на две категории: биосоциальные, которые включают в себя психологические факторы, а также рождение и кровную близость; и 2) культурные факторы. Коль скоро биологические составляющие биосоциальных факторов родства одинаковы во всех человеческих обществах, они не объясняют почему один тип номенклатуры отличается от другого. Они объясняют только наличие феномена родства во всех сообществах особей, которые способны на символическое поведение» [1245, с. 4].

Противоположный ему герменевтический полюс характеризуется убежденностью в произвольность и культурную обусловленность всех представлений о родстве, в том числе и самого позитивистского. Фактически вытеснив старую метафизику родства новой метафизикой культуры, антропологическая герменевтика истолковывает «термины родства» как часть системы культурных символов, манипулирующую сознанием носителей культуры и в опосредованной форме передающую конфликтное содержание классовых, расовых, этнических, гендерных и др. отношений. В этой связи, живой отклик в герменевтической теории родства получило развитие «новых репродуктивных технологий» (см., например: [2073; 1928; 1774; 1876; 1110; 2076]). Возможность существования нескольких биологических отцов и матерей, рождения ребенка после смерти отца и т.п. привлекается как объективный пример зависимости биологического родства от культурного производства. Другой иллюстрацией небиологической обусловленности «систем родства и свойства» служат для герменевтической теории однополые брачные альянсы, приобретающие в американской культуре все возрастающее значение (см., например: [2184]).

Социобиологическая концепция генеалогического родства как являющегося прямым продолжением биогенетического родства и

составляющего тем самым «объективную реальность» родственных отношений признается сторонниками герменевтической школы научной «фикцией» (т.е. сделанности, а не априорной заданности), не имеющей никакой значимости вне культурного контекста своего создания. Разные культуры по-разному определяют реальность родства («биологические или половые связи существуют только в том случае, если их существование допускается культурой» [2207, с. 12]), и задача антропологии состоит в том, чтобы истолковать эти локальные представления о родстве в контексте всей локальной культуры, а не установить степень их соответствия генеалогическому эталону. В прямом контрасте с позицией Г.Доул Д.Шнайдер писал, что

> «представление о чистом, естественном состоянии биологических связей как некой независимой реальности, которое едино для всего человечества есть полный нонсенс…. Понимание родства как искаженного отражения биологических фактов смехотворно и должно быть отвергнуто. Оно наивно хотя бы потому, что само существование сети биологических отношений не значит ровным счетом ничего для тех, кто ими связан» [1997, с. 97-99].

Однако, даже в этом категорическом заявлении Д.Шнайдера звучит допущение, что биологические связи по родству имеют место, но при этом они каким-то загадочным образом не имеют знакового статуса для носителя культуры. В целом, герменевтическая антропология оставляет двусмысленным свое отношение к биологии. С одной стороны, К.Гёрц разграничивает элементы биологического поведения от элементов символического поведения, когда противопоставляет моргание как психофизический рефлекс и подмигивание как осознанную передачу информации собеседнику [1349, с. 5-10]. С другой стороны, он делает утверждения, одно из которых вынесено в качестве эпиграфа к заключению этой книги, подчеркивающие неотделимость культуры от биологии на любом уровне рассмотрения человека. Несмотря на формальные разногласия, позитивистская и герменевтическая способы постановки вопроса о «природе культуры» родства сходятся в признании двуприродности человеческого поведения, восходящей к позднесредневековому определению человека как «разумного животного», и проблема скорее сводится к тому, по какой границе должны проходить «сферы влияния» исследовательских «кланов».

Что же все-таки подразумевается антропологами под «биологическим родством», значимо оно или нет для носителей культуры? Ответ, как явствует из вышеприведенных цитат, сводится к существованию сети неких отношений, восходящих к событиям рождения и брака. Если попытаться уточнить характер этих универсальных отношений, то можно, наверное, услышать что-то вроде следующего: у человека есть один отец и одна мать, у которых тоже есть один отец и одна мать; от одного отца и одной матери может родиться несколько сестер и братьев; братья и сестры родителей находятся в боковом родстве с человеком, т.е. они ему менее близки, чем родители и сиблинги и т.д. Однако допустим, что в другом языке отец и сын называются одним словом, мать и сын – другим, отец и дочь – третьим, мать и дочь – четвертым, дед и внук – пятым, старший брат для младшей сестры – шестым, старшая сестра для

младшего брата – седьмым и т.д. Можно ли, при помощи таких слов, передать то же сообщение? Очевидно, нет. Противоречит ли такая классификация специфике биологических отношений? Тоже нет. Является ли биологичным употребление общего термина «дядя» для брата отца и брата матери? Обычно подразумевается, что коль скоро отец при этом именуется особым термином, то эта терминология более отвечает фактам биологии, нежели та, в которой он отождествляется с братом отца. Следуя этой логике, еще более биологичным будет обозначать всех лиц +1 поколения разными терминами, а не приравнивать брата отца к брату матери. Однако, в этом случае, придется признать, что названия животных, например, «коза», «лев», «слон» и т.п. каким-то образом лучше отражают «биологическую матрицу» видов, чем слово «млекопитающее». Напрашивается вывод, что представление в сознании существа «биологического родства» всегда связано с употреблением терминов, семантика которых зависит от конкретного языка и нет такого языка, который бы описывал биологическую реальность родства более точно, чем другие. Значит ли это, как для К.Леви-Стросса, что система иденонимов «произвольна» и не связана с реальным течением событий? Как раз наоборот, ведь иденонимы всегда употребляются в отношении реальных людей «во плоти и крови». Мы сталкиваемся с парадоксом, при котором позитивистское понимание феномена родства столь же чуждо биологии, сколь чуждо герменевтическое его понимание символизму. Разберемся, что же, строго говоря, является биологическим в феномене родства и с какой точки зрения антропология родства может обрести корни в биологии родства.

6.3.1. Генетические композиции как каждой особи, так и каждой популяции уникальны, равно как уникальными являются и результаты наследственной изменчивости в каждом новом организме. *Генотип* особи составляет набор молекул ДНК, сформировавшийся в результате редупликации, рекомбинации, модификации и селекции родительских генов. С биологической точки зрения, родство – это процесс, включающий в себя генную наследственность, генную изменчивость и генный отбор, и соответственно, *фенотип* представляет собой эмпирически данный уникальный набор биохимических, физических и поведенческих признаков, лишь частично определяемый индивидуальным генотипом (см.: [539; 1019]).

Генофакт – это биогенетическая связь между двумя субъектами. Исходя из того, что генетически вид *Homo sapiens* представляет собой единый линидж, все люди связаны между собой какими-то генофактами. *Фенофакт* – это фенетическая идея, сфера влияния и объем фенотипа, т.е. воспроизводящееся во времени присутствие фенотипа «перед лицом» субъекта. (Под фенофактом мы подразумеваем в принципе то же, что М.Мерло-Понти обозначает как «феноменальное тело», а Э.Гофман вслед за Г.Зиммелем и Э.Дюркгеймом – как «идеальная сфера» /*ideal sphere*/, окружающая каждого человека и делающая его священным /*sacred thing*/). Как нельзя кстати здесь замечание М.Мерло-Понти о том, что тело

«выделяет из себя “смысл”, который ниоткуда к нему не приходит [кроме как из генной структуры. – Г.Д.]…, проецирует его в свое материальное окружение и сообщает другим воплощенным субъектам» [596, с. 256].

Все фенотипические признаки, значимые для пары или более лиц предлагается именовать *иденами*. Совокупность идем пары или группы лиц составляет *иденотип*, организованный триадой «относительный пол – относительный возраст – относительное поколение».

Иденотип предполагает взаимодействие между, по крайней мере, двумя фенотипами и характеризует *иденофакт*, т.е. «генетическую» идею. Иденофакт это сугубо индивидуальное отношение между двумя субъектами, оформляемое в культуре как «родственное» независимо от того, является это родство генетически исчисляемым или же сугубо «социальным». В любом случае все люди состоят друг с другом в той или иной степени биогенетического родства. Даже если рассматривать совпадение близких генофактов и близких иденофактов, система иденофактов не совпадает, но и не противоречит генеалогической матрице, поскольку у индивида может не быть, скажем, брата матери, брата отца, брата и т.д. или, наоборот, он может иметь несколько дядьев или братьев. В случае искусственного оплодотворения, сфера биологического родительства расширяется, и, соответственно, ребенок может иметь, по крайней мере, двух породительниц. Человек, наконец, может быть круглым сиротой, но от этого он не перестает находиться в биологическом родстве со всеми другими человеческими особями. Наконец, *гнейротип* представляет собой систему нервных образований, обеспечивающих восприятие, обработку, передачу, хранение и воспроизведение человеком информации о самом себе и себе подобных (ср.: [865, с. 3]). **Культурные различия в понимании природы родства противостоят не некому субстратному биологическому (природному, естественному) единоообразию, а биологическому разнообразию как на индивидуальном, так и на групповом уровне.** Различия между СТР, таким образом, должны казаться не более удивительными, чем различия между фенотипами разных популяций. Генетически, человеческий вид представляет собой единый и сравнительно слабо дифференцированный эволюционный линидж (см.: [1174]), следовательно, можно говорить о единстве человеческих *генома* и *фенома* с точки зрения межвидовых, но не внутривидовых различий. Кроме того, внутривидовое генетическое и фенетическое единство представляет собой сумму дифференциальных признаков, наблюдаемых во всех популяциях, а не свойство одной избранной популяции, демонстрирующей якобы наибольшее приближение к генетико-фенетической реальности *Homo sapiens*.

6.3.2. Минимумом, или, по-леви-строссовски, «атомом» родства, таким образом, является *принадлежность ребенка к человеческому роду*[52]. Родство представляет собой процесс *инициации* (см. 6.2.2.) каждым человеком своей сущности как принадлежащего к человеческому роду (*performance*) в присутствии себе подобных (*presence*), разворачивающийся на всем протяжении его «непотаенности», т.е. от зачатия до рождения, от рождения до брака и от брака до смерти; и, таким

образом, не следует ограничивать сферу родства лишь «фактами» рождения и брака (ср.: [1325, с. 27]). Наследственность есть всего лишь средство самоутверждения индивидуальной изменчивости. С позиции человека, связанного родством со всеми себе подобными, такие антиномии, как «кровное родство – фиктивное родство», «биологическое родство – социальное родство» не имеют смысла. Родство, понимаемое как точка отсчета, принадлежащая одновременно предельному прошлому и предельному настоящему, переворачивает существующую традицию подходить к родству с точки зрения семьи, рода или брачного альянса. Если в британском функционализме точка отсчета родства была поглощена линиджем, то у К.Леви-Стросса она была затемнена брачным альянсом. Ж.Лакан полагал, что, ставя ребенка в центр внимания, психоанализ восстанавливает подорванную К.Леви-Строссом реальность семьи [510, с. 63]. Р.Келли, развивая некоторые идеи А.Рэдклифф-Брауна, стал инициатором исследовательского направления, в котором фундаментом родства считается «группа сиблингов» (см.: [1556; 2030]). Наконец, есть исследователи, которые считают ядром родства отношение между разнополыми сиблингами как обеспечивающими воспроизводимость брачного обмена [1252, с. 126].

Во всех этих построениях игнорируется то предельно общее и предельно частное, что стоит за отношениями по происхождению, браку и порождению. С видовой точки отсчета, все люди связаны генофактами как биологически мотивированными связями по родству; с детской точки зрения, все его социальные связи суть фенофакты, выражающие множество активных присутствий, находящихся в произвольном, неопределенном, неизвестном отношении к нему самому. Взрослея, человек живет не по только по «карте», на которой изображены его возможные родственники, как выразился П.Бурдье, а попадает в среду реальных людей, во взаимодействии с которыми фенофакты постепенно «сгущаются» в иденофакты. Д.Шнайдер прав, утверждая, что сами по себе генофакты не имеют смысла для субъекта, но кодируемые ими фенотипы оказывают на человека безусловное смыслогенерирующими влияние. Узнавание по фенотипическим признакам признается социобиологами фактором идентификации родственников в не меньшей мере, чем социальное обучение (см.: [1397; 1886; 2180]). Узнавание умершего в новорожденном является распространенной практикой в культурах, несущих представления о реинкарнации предков, а узнавание потерянных родственников (например, по родимому пятну) – часто встречающийся фольклорный мотив (см. подробнее 12.1.).

Антропология должна фокусироваться не на вымышленном, псевдобиологическом и, в этом смысле, псевдо-универсальном факторе генеалогических связей, а на категории фенотипа как того реального биологического фактора родства, который действительно играет роль в межсубъектных взаимодействиях. В той же мере, в какой родство локально (см. 7.3.3.), оно телесно. **То, что имеется в виду под пресловутыми «генеалогическими отношениями по родству», на самом деле, есть ни что иное, как особая форма знаковости, при**

которой субъекты во всей своей физико-биологической (пространственно-временной) индивидуальности являются знаками других субъектов. Иденетика, таким образом, отрицает одно из основных допущений семиотики, вытекающее из предпосылки о двуприродности человека, согласно которому природа «сама по себе» не имеет знакового статуса для человека (см., например: [880, с. 18-19]). В поле родства социальную значимость имеет не только осознанное подмигивание, но и непроизвольное моргание (ср.: [1102]). Системообразующими принципами в КР являются не категории, не представления и не отношения, а сами *люди как феномены взаимного родства*. Как однажды заметил К.Леви-Стросс, в первобытных культурах «размножение понимается не как прибавление новой особи к тем, кто уже существуют, а как замещение одной особи другой» [1642, с. 195]. Проблема биологической и социальной обусловленности представлений о родстве в человеческом обществе и систем наименований родственников должна быть коренным образом переформулирована. Родство должно быть осознано как знаковость *par excellence*, как источник всех человеческих представлений о знаках, как *первейшая* моделирующая система. Иденонимы должны быть осознаны как порождающая онтология естественного языка (т.е. *праестественный язык*) и, в конечном итоге, сопоставлены с генами как порождающим механизмом биологических структур.

6.3.3. В проблематике родства пересекаются, таким образом, две реальности, возвращающие нас к онтологии М.Хайдеггера, деконструктивизму Ж.Деррида и социокибернетике Н.Лумана: реальность *системы*, понятие о которой восходит к естественным наукам, и реальность *текста*, понятие о котором зародилось в рамках лингвистики и философского литературоведения. Система оперирует эмпирическими элементами, но сама является продуктом познавательной деятельности исследователя; текст оперирует знаками, но сам является продуктом деятельности автора, утверждающим его эмпирическую проявленность в мире. В долумановском понимании, система – это чаще всего закрытый организм, состоящий из взаимодействующих элементов; текст же, в его общепринятом понимании, – это открытая система, консолидируемая извне (см.: [85]). В то же самое время оппозиция «система – текст» содержит в себе различие между «классифицирующими» и «сюжетными» текстами: согласно Ю.М.Лотману, первые «характеризуют структуру мира», а вторые – «место, положение и деятельность человека» в этой структуре, «движение субъекта внутри некоего континуума» [545б, с. с. 463-464]. Диалектика открытой и закрытой системы, с одной стороны, и классифицирующего и сюжетного текста – с другой не позволяет расставить жесткие акценты относительно распределения статики и динамики в КР (такая тенденция отчетливо прослеживается у Ю.М.Лотмана и семиотической школы в этнологии в целом): скорее всего мы здесь имеем дело с двумя противоположно направленными циклами эпистенциального саморазвития – от среды к человеку и от человека к среде.

У Л.Г.Моргана системность СТР означает «четкость», «определенность» и «разумность» соотношения между «идеями», которые существуют в сознании ее носителей; тогда как СР как текст – это результат организации исследователем нескольких типов ТР в историческую прогрессию, которая позволяет «прочесть» заложенную в этот текст информацию об эволюции социальных институтов. Начиная с У.Риверса и особенно в рамках структурного функционализма школы А.Рэдклифф-Брауна, этот тезис трансформировался в такое понимание СР, при котором каждая отдельно взятая СР представляет собой текст, отражающий социальные отношения по родству в данном обществе. Параллельно с процессом превращения носителей СР из системообразующих деятелей в операторов преобразования социальных процессов в культурные тексты, СТР приобрела черты замкнутой системы, в которую, по законам генеалогического описания, искусственно вставляется точка Эго, позволяющая видеть регулярность категориального взаимодействия. Под влиянием структурной лингвистики была кодифицирована тенденция видеть в каждой СТР текст. В работе 1945 г. К.Леви-Стросс предложил различать «систему наименований» и «систему установок» [516, с. 39]. Лингвист О.Н.Трубачев в 1963 г. писал, что «система родственных обозначений» соответствует «реальной системе родства» так же, как «система воинских знаний» соответствует «реальной системе воинской субординации», а «система цветообозначения» – «реальной системе цветов оптического спектра» [890, с. 5]. Н.М.Гиренко противопоставляет «систему терминов родства» как явление языка «системе родственных отношений» [228]. Для В.А.Попова СР как система отношений социального родства и свойства не тождественна СТР как эгоцентрическому выражению отношений социального родства [689, с. 83; 693, с. 147; 697, с. 93]. Предполагается, что номенклатура отражает через говорящего некоторые аспекты функционирования социальных групп (родов, семей и т.п.) и порядка принадлежности к ним индивидуальных носителей социальных отношений (счета родства). Разграничение в проблематике родства сущности и формы проявления лежит в основе функционирования этносоциологической и лингвистической парадигм изучения феномена родства [671] (см. также: [142; 286]).

В известной мере, моргановский взгляд на СР как систему и как текст оказался перевернутым и приспособленным к требованиям, рутинно предъявляемым наукой к предмету своего исследования: он должен быть максимально емко организован, наименее подвержен субъективной вариативности и представлять собой готовый для профессиональной интерпретации текст. Исследователи мало обращают внимания на действительные устные тексты (беседы, мифы), создаваемые носителями культуры и отражающие социальную реальность в том виде, в котором она *им* видится (зато воодушевились от леви-строссовских опытов по выявлению заложенных в них «универсальных» структур сознания); и предали фактическому забвению ту сферу, в которой должна была проявиться истинная роль антрополога как создателя исторического

текста из обособленных друг от друга и открытых друг для друга СТР. В результате, на сегодняшний день, бесчисленные опыты соотнесения СТР с синхронными состояниями социальных институтов, с одной стороны, ни в одном случае не выявили нечто такое в социальной организации общества, что было бы недоступно для элементарного наблюдения и опроса; а с другой – не высветили сколько-нибудь системных детерминантов для известных терминологических конфигураций. В качестве «спасательного круга» малоэффективной парадигме был брошен компромиссный тезис о коррелятивном, а не причинно-следственном содержании взаимосвязи между номенклатурой и социальной структурой (см.: [694, с. 63-64]), что фактически освобождает от необходимости видеть в СТР как текст, так и систему.

Для многих исследователей смысл противопоставления между эгоцентрическим планом выражения и неэгоцентрическим планом содержания СТР является сомнительным [772, с. 16; 49, с. 55-64]. Остановимся в этой связи на отрывках из недавней затяжной полемики между О.Ю.Артемовой и Н.М.Гиренко. У О.Ю.Артемовой читаем:

«Если СТР – эгоцентрическое выражение (отражение) некоего содержания (СР), то можно подумать, что содержание – это нечто неэгоцентрическое.... Стало быть, СТР содержит нечто иное, чем то что она выражает. И нелогично, и не соответствует действительности... Форма – это совокупность языковых символов, лингвистических знаков. Содержание – это совокупность отношений, а точнее связей между людьми, которые МОГУТ БЫТЬ с помощью этих символов, или знаков, ВЫРАЖЕНЫ. Ведь нельзя же, в самом деле, форму и содержание представлять как самостоятельные атрибуты некоего самостоятельного третьего (СОР [социальный организм родства. – Г.Д.], в данном случае). Форма и содержание являют единое целое вдвоем, третий им не нужен. И при этом они неразрывны, одно не существует без другого. Поэтому разграничение между СТР и СР, хотя само по себе (в таком виде) не может вызвать возражений и выглядит вполне разумным, не представляется существенным для аналитической практики. Всегда анализируются и термины, и связи (отношения) одновременно, поэтому даже удобнее – чтобы не сбиваться при изложении и не думать: «о чем это я сейчас говорю, о СТР или о СР?», – пользоваться одной категорией» [49, с. 56-57].

Форма всегда отлична от того, что она содержит. По внешнему критерию, корзина, черепаха и голова могут быть отнесены к категории круглых предметов, но в принципе корзина – это сосуд, черепаха – это земноводное, а голова – это часть тела. Далее следуя «разумной» логике О.Ю.Артемовой, термины *отец* и *сын* выражают связь между отцом и сыном, термин «брат» – связь между братьями, термин *father* и *son* – связь между «father» и «son»[53]. Определить, где здесь форма, а где – содержание непросто. Сама «связь» и тем более сама «совокупность» и само «единое целое вдвоем» подразумевает нечто третье, без которого специфику единого нельзя определить. Другое дело, почему в рассматриваемой концепции иденонимы считаются эгоцентричными, а, скажем, акт дарения подарка дядей по матери своему племяннику – нет; какой смысл выделять план выражения и план содержания там, где нельзя установить никакой сущностной (причинно-следственной или обоюдно-направленной) связи между ними; в какой именно связи находятся план выражения и план содержания (символической, индексальной или иконической); в чем функция плана содержания и плана выражения помимо того, что второй содержит первый, а первый отражается во втором. Вне связи с тем, что является нонсенсом в рассуждениях О.Ю.Артемовой, Н.М.Гиренко заявляет свою позицию:

«…СТР – текст, и содержанием текста могут быть только представления, но не реальные отношения и не реальные вещи. Известно, что слово «корова» своим содержанием имеет понятие о корове, но не корову. Соответственно, СТР может использоваться только для выяснения некоторых структурных особенностей СР, но об их содержании мы можем судить лишь по этнографическим аналогам, а не из СТР непосредственно. Это – общее место» [236, с. 93].

«Общим местом», однако, является то, что, во-первых, содержанием текста является смысл как заложенная непосредственно в нем уникальная информация о действительных вещах, которую требуется извлечь и понять; во-вторых, в отличие от класса иденонимов, изучение семасиологического класса слов, к которым относится слово «корова» не даст нам никакого понятия о «некоторых структурных особенностях» «системы отношений» между домашними животными; в-третьих, всякая система, по определению, имеет не «некоторое», а исключительно системное содержание. Если произведенная в начале 1970-х гг. Д.Шнайдером, К.Гёрцем и др. перестройка антропологии привела к спасению метафизики родства посредством ее символической перекодировки, то битва титанов московской и петербургской школ этносоциологии в конце 1990-х гг. привела к полному выводу из строя символических аппаратов исследования «систем родства» обеих.

6.3.4. По-другому, понятие эгоцентричности иденонима разъясняется через противопоставление его социоцентричности имен социальных групп. После введения терминов «эгоцентричность» и «социоцентричность» в опыте моделирования СТР кариера К.Ромни и Э.Иплингом [1950], в австраловедении закрепилось представление о двух тесно взаимосвязанных друг с другом способах выражения родства: социоцентрическом и эгоцентрическом, и, соответственно, абсолютные имена брачных секций противопоставляются относительным иденонимам (см.: [471, с. 30; 772, с. 67-68; 1043, с. 88; 435, с. 10-11]). Э.Сервис, используя более раннее исследование М.Эдмонсона [1265], предложил рассматривать эволюцию социального строя как переход от эгоцентрических обозначений семейного родства сначала к социоцентрическим обозначениям родственных группировок (половин, родов, линиджей), затем к эгоцентрическим обозначениям неродственных связей и, наконец, к социоцентрическим обозначениям неродственных связей в индустриальных обществах [2016, с. 752-760; 2017, с. 751-758]. Н.М.Гиренко фактически воспроизвел в урезанном виде модель Э.Сервиса, когда выделил относительные и абсолютные формы социального дуализма (относительный дуализм СТР противостоит абсолютному дуализму эпигамных образований) и постулировал историческую первичность относительных (динамических) образований [232, с. 122-126]. В рамках своей «тетраидной» теории развития СР, Н.Аллен также повторил вывод Э.Сервиса, высказав мнение, что для древнейшего этапа развития общества, в силу совпадения круга родственников со всем коллективом, дихотомия «эгоцентричность – социоцентричность» неактуальна [28, с. 39]. Наконец, М.В.Крюков полагает, что эгоцентричны термины родства, а социоцентричны – личные имена [471, с. 30].

Если иденонимы эгоцентричны, то являются ли эгоцентричными местоимения? Если существуют языковые единицы, отражающие точку зрения коллектива, то почему исследователи предпочитают извлекать информацию об объективных социальных отношениях из эгоцентрической номенклатуры родства? Рассмотрим серию примеров. Австралийские муринбата имеют 8 подсекций, за каждой из которых закреплено индивидуальное имя (Тулама, Дьянгала, Дьянгари и др.). Сама же подсекция, как предмет, именуется у муринбата *ninipun (*букв. «древко копьеметалки») [2062, с. 191, 201]. Можно сказать, что слово *ninipun* социоцентрически выражает институт секций, имена секций

именуют конкретную группу и указывают на индивида, который к ней себя причисляет и фактически из-за которого секции выступают в разнокачественных отношениях друг к другу, т.е. являются относительными. Как отмечает И.Ж.Кожановская, «каждая секция по отношению к остальным трем выступает не в одном, а в разных качествах: для секции «B» секция «A» – в роли супруга; с секцией «C» она в «патрилинейных» отношениях; с секцией «D» в «матрилинейных»» [435, с. 12]. Аналогичным образом, в условиях унилатеральности (унилинейности) для индивида оказываются значимыми обе линии родства, только они приурочены к разным сферам жизни [1796, с. 105; 1005, с. 370], иными словами, принадлежность его к одной из них относительна и ситуационна. Возрастной класс является «старшим» по отношению к другому и «младшим» по отношению к третьему. Наиболее отчетливо эта относительность проявляется в так называемых «циклических» возрастных системах, где старики образуют одну возрастную группу с маленькими детьми (см.: [404]). СТР, строго говоря, не является ни абсолютной, ни относительной; и соотношение ее с абсолютными и относительными категориями еще предстоит установить.

6.3.5. В 1960-х гг. в западной науке осознание тупиковости исследования «систем родства» как готовых текстов и замкнутых систем породило мнение, наиболее последовательно отстаиваемое герменевтической антропологией, о том, что системность СТР есть искусственный конструкт, не отвечающий никакой действительности. Как писал Э.Сервис,

«сами полные терминологии родства не состоят из системно взаимосвязанных частей. Терминологии родства можно, наверное, представить как структуры (*patterns*), когда мы сравниваем одну терминологическую диаграмму с другой, однако следует помнить, что это мы конструируем эти структуры (*patterns*). Они, вне всякого сомнения, не являются системами ни с точки зрения того, что хранится у Эго в голове, ни со сторонней точки зрения на элементы его поведения… На сегодняшний момент следует считать, что терминологии родства не являются никакими системами» [2017, с. 195; подчеркнуто в оригинале. – Г.Д.].

Н.М.Гиренко придерживается того же мнения:

«Замечу, что для носителей конкретной культуры, будь то папуас или француз, не стоит вопрос о «системе терминов родства». Для него (как и для нас) существуют только конкретные нормативные формы действия в отношении конкретных лиц – родственников, обозначаемых конкретными терминами» [237, с. 197].

Несмотря на кажущуюся правдоподобность заявлений Э.Сервиса и Н.М.Гиренко, остается неясным, на основании чего наблюдатель может конструировать систему там, где в действительности ее не существует. Если антропология в состоянии усматривать общее и специфичное в сотнях ТР, то почему системность терминологий или действий в отношении родственников упорно оказывается недоступной самим их носителям. Видимо, в рассуждениях этих исследователей сыграло роль убеждение, что выбирать категории «наугад» (или вести себя в отношении одних родственников вне всякой связи с их поведением в отношении себя) в каком-то важном смысле проще и естественнее, чем образовывать из них системы. Между тем, каждому математику известно, что требуется строгая методика для того, чтобы создать числовую серию

на основании действительно произвольного принципа. Почему не предположить, что, собирая все словоупотребления в ТР, исследователь не синтезирует несуществующее целое, а, напротив, подобно анатому, расчленяющему человеческое тело и раскладывающего органы на столе, нарушает их изначальное взаимосодействующее единство для целей анализа обособленных форм?

Существующие противоречия по поводу системности СТР упираются в игнорирование того, что делает систему открытой и закрытой, и, соответственно, что считать «текстом родства», а что «системой родства»; и кто является творцом первого, а кто – творцом последней. Ключевой проблемой в этой связи является тезис об эгоцентричности СТР. Выше уже указывалось, что исследователи противопоставляют «систему терминов родства» как эгоцентрическое выражение отношений социального родства социоцентрическим именам социальных групп и социоцентрическим же личным именам. Мы также пользовались в некоторых публикациях (см. например: [282; 283; 287]) термином «эгоцентрический». Термин «эгоцентрический» сообщает такое представление о точке отсчета, которое имеет черты не живого присутствия носителя культуры, а социоцентрической категории, некоего культурного механизма, использующего субъекта для целей построения особого рода текста, который отражает значимые для культуры отношения между социальными группами. Существование системы иденофактов, или реальной сети отношений между лицами, находящимися в родстве, признается второстепенным (если вообще актуальным) для решения вопросов, связанных с «системами терминов родства». СТР «отражают» эти реальные связи «посредством» эгоцентрических категорий, относящихся к другой стадии развития системы [228, с. 49]. В действительности, думается, «системы терминов родства» являются средством исторического воспроизводства реальных *эгоинициирующих*, *эгоцентрирующих* и *эгогенерирующих* связей между людьми. Именно в иденофактах субъект предстает как носитель эгоцентрического родственного отношения и употребитель эгоцентричных иденонимов. Центров, из которых отсчитываются родственные отношения, множество (ср.: [235, с. 148]); эгоцентричность «системы терминов родства» как гомоцентричность, и следовательно, невольно как социоцентричность – химера. Не призывая превратить факт присутствия реальных людей в культуре в вульгарный персонализм, отметим, что эгоцентричность СТР должна быть переосмыслена в русле аналитики самобытности (*Dasein*) как системообразующее звено в пространстве общественного взаимодействия; СР должны быть представлены как такие узлы отношений, которые имеют значение только для человека и необходимо для любого человека; а СТР – не как набор социальных категорий, а как набор социальных экзистенциалов и эпистенциалов, т.е. целостных переживаний самобытности в ее самородности.

Действительным качеством эгоцентричности обладают не иденонимы, а местоимения (дейктонимы), значение которых отсчитывается от обобщенного говорящего-эго. Как отмечает М.Сильверстин, функция индексальности, лежащая, в частности, в основе местоименной

референции, имеет вид стрелки, исходящей из «здесь и сейчас»-центра речевого пространства [2036, с. 55]. Эгоцентрическими системами наименования, напоминающими ТР и наглядно демонстрирующими неэгоцентричность последних, следует признать, например, супплетивные формы спряжения глагола «быть» по лицам в некоторых ИЕ языках: франц. *je suis*, *tu es*, *il/el est*, *nous sommes*, *vous êtes*, *ils sont*; нем. *ich bin*, *du bist*, *er/sie ist*, *wir/sie sind*, *Ihr seid*. Отмечается, что, если ТР выделяют отношения между двумя лицами, то местоимения имеют неограниченную сферу применения в речевом пространстве [2110, с. 357]. В ряде австралийских языков (например, лардил) местоимения множественного числа («мы», «вы») указывают на принадлежность к своей или чужой секции [1434, с. 320, прим. 2].

Иденонимы, СТР и ТР эгомерны, т.е. зависят от положения индивидуальных говорящих в отношении индивидуальных референтов. С одной стороны, эгомерность означает *эксцентричность*, т.е. способность субъекта абстрагироваться от одной точки отсчета и воспринять другую. Поэтому можно сказать «твой отец», «мой отец», «мое я», «твое я», но нельзя сказать «твой он». Такие высказывания, как «Я уже больше не я», трактуются в психологии как следствие низкой степени центрации субъективной системы [585, с. 262] (см. также: [370]). Именно присущая ТР, а также личным местоимениям 1 л. ед.ч. («я»), гетероцентричная эгомерность разъясняет природу расхождения во мнениях по поводу предложенной и У.Уайлдером [900] (а ранее – Ф.Мерлан [1736] и (вскользь) Н.М.Гиренко [235, с. 174]) концепции «неэгоцентричности» теконимов, порядковых имен, взаимных иденонимов и иденонимов, склоняемых по лицам (см. дискуссию в АР-4). С другой стороны, эгомерность означает *экстатичность*, т.е. способность субъекта придать динамику, усилить и углубить свою точку отсчета. Именно на это обстоятельство обращает внимание Н.А.Добронравин, разграничивая «термины родства» как кодифицированную лексику и «имена родства» (ТР в речи детей, описательные словосочетания) как окказиональные, высоко вариативные и индивидуальные словоупотребления (см.: [298]). Наконец, эгомерность означает *экзотичность*, т.е. зависимость отношения от фенотипа эго. Типичным примером такой зависимости являются различия между иденонимами в речи мужчин и в речи женщин. Экзотичность точки отсчета также может проявляться в зависимости счета родства от пола эго, как, например, у инков и некоторых других этносов Южной Америки, у которых сын принадлежит линиджу отца, а дочь – линиджу матери (см.: [2222])[54]; или у некоторых папуасских групп (банаро и др.), у которых сын наследует тотем (принадлежность к строго экзогамной группе *gora*) отца, а дочь – тотем матери [1538, с. 51]. Этот феномен был назван Ф.Уильямсом «аффилиацией по полу» (*sex affiliation*) [2202], У.Дейвенпортом [1218а], Х.Шеффлером и Ф.Лаунсбери [1987], а также К.Сугиурой и Х.Бефу (для айнов) [2031] – «параллельный десцент» (*parallel descent*), а Ф.Пенгом – «смежный десцент» (*juxtaposed descent*) [1880, с. 103 и далее].

Эгомерность (или «саморефлексивность» Н.Лумана) есть залог системности СТР. То, что принято считать разрушительным для системы,

в действительности является единственным фундаментом, на котором система может базироваться как таковая. Означаемое иденонима «живет» и в голове говорящего, и прямо там, где находится живой референт термина. А.Кробер дает следующую информацию об индейцах пуэбло:

«Дело в том, что индейца зуньи мало интересуют вопросы системности и теории. Он на редкость беспринципен и имеет весьма смутное представление о контурах своей системы родства. *Но вместе с тем он столь же твердо держится основных принципов и следует им до мельчайших деталей*. Ему доподлинно известно, что в число *паппа* входят его деды и все мужские родственники двумя и более поколениями старше его; однако этот принцип номенклатуры не в силах удержать его от того, чтобы назвать одного из *паппа*, который явно моложе остальных, своим отцом... Правила группировки родственников Среди зуньи эмпиричны. Складывающейся в итоге картине далеко до законченности. Но для зуньи этого достаточно, ведь его главная задача – иметь какой-то термин родства для обозначения как можно большего количества родственников. Обычно его интересует человек как таковой, его действительное положение по отношению к говорящему, а вовсе не логическая сообразность или точность его обозначения» [1584, с. 76-77; выделено мной. – Г.Д.].

6.3.6. Родство можно представить как вектор, разложимый на три модуса: 1) *взаимность*, или абсолютная взаимообусловленность участников бинарной связи. Отец и мать существуют только постольку, поскольку есть сын или дочь, и наоборот; говорить о брате или сестре имеет смысл только при наличии другого брата или сестры и т.д.; 2) *полярность*, или абсолютная несводимость участников бинарной связи друг к другу; 3) *реляционность*, или абсолютная взаимозависимость участников бинарной связи. Взаимность и полярность устанавливается только между определенными категориями: «отцу» может быть противопоставлен только «сын» или «дочь», но никак не «племянник», который, в свою очередь, может быть противопоставлен только «дяде» или «тёте». Реляционность также устанавливает взаимозависимость всех бинарных связей так, что одной бинарной связи оказывается достаточно для построения любой другой бинарной связи. Если существует категория «отец», то она предполагает существование категорий «сын», «дочь», «брат», «отец отца», «брат отца отца матери» и т.п. Можно также говорить о полярности, взаимности и реляционности иденотипа, только элементами, вовлеченными в полярно-взаимно-реляционную матрицу, являются не обобщенные категории родства, а идены, организованный вокруг относительного пола, относительного возраста и относительного поколения.

В терминах формальной логики, полярность соответствует *конъюнкции*, взаимность – *дизъюнкции* (см. об этих понятиях: [1144]), а реляционность – *адъюнкции*. В случае конъюнктивной категоризации, на принципах которой основывается КА, принадлежность к классу определяется через пучок переменных иного порядка (так называемый булевский классовый продукт). В случае адъюнктивной категоризации, на принципах которой основываются ТА и РА, переменные другого порядка дают основания для определения тех элементов, которые могут быть в него включены, но оставляет открытым вопрос о том, кто из этого класса исключается. Наконец, в случае дизъюнктивной категоризации, принадлежность к классу строится на вероятностной основе, и сама категория продуцирует переменные которые могут служить метаязыком для построения конъюнктивных и адъюнктивных классов. Дж.Гринбергом было сформулировано положение о тенденции человеческого сознания избегать дизъюнктивной категоризации. В качестве примера он приводил отсутствие эмпирических случаев группировки в СТР «отца» и «брата матери» без включения в эту группу «брата отца» – ситуации, в которой трудно было бы отыскать

принципы слияния/разграничения генеалогических линий [1402, с. 320]. Хотя это конкретное «избегание», действительно, прослеживается в СТР с практически абсолютной регулярностью, ВТР для лиц разных поколений, используемые во многих системах (см. 10.2.), являются реальным примером дизъюнктивной категоризации.

Поле отношений полярности, взаимности и реляционности можно назвать *иденной материей*. Иденная материя глубже и объемнее традиционной генеалогической матрицы и, фактически, содержит в себе как самоотрицание, так и преодолевающую самоотрицание самозависимость. К ней неприменимо понятие универсальности, так как она не существует в логической и временной первичности по сравнению с рожденным, сознающим и действующим субъектом. Иденная материя – это конкретно-всеобщее, *поливерсальное* бытие, имеющее место и время *в* присутствии субъекта.

6.4. Классификационное, описательное, ойкуменическое родство

6.4.0. Деление Л.Г.Морганом СР (и даже кровного родства как такового) на два «радикальных» типа – «классификационный» и «описательный», – «фундаментально отличающихся друг от друга по понятиям и структуре» [1773, с. 13], не раз вызывало критику. Б.Малиновский утверждал, что «классификационные терминологии не существуют и никогда не могли существовать» [1705, с. 22]. Прямой противоположностью этому заявлению было утверждение Л.Уайта о том, что «всякий термин родства есть средство классификации» [2190, с. 382]. В более конструктивном ключе Р.Лоуи, а вслед за ним Дж.Мёрдок [1789, с. 100] и Д.А.Ольдерогге [649], отмечали, что в моргановском построении заложена логическая ошибка: «классификационный» указывает на множественность лиц, объединенных одним термином; тогда как «описательный» – на языковой способ описания категории родства. Р.Лоуи также отметил, что среди тех СР, которые Л.Г.Морган назвал «описательными», одни действительно используют описательные конструкции, как, например, норвежцы, которые обозначают брата отца формой *farbror*; другие же такие конструкции не употребляют, а употребляют денотативные слова типа *uncle* «дядя» в английском [1669, с. 263-264]. Думается, что Л.Г.Морган вобщем правильно уловил принципиальную неоднородность СР в мировом масштабе и что последующие исследователи пошли по пути оспаривания формы, которую он избрал для представления своей глобальной типологии, вместо того, чтобы развивать ее содержание. Логическое несообразие, действительно допущенное Л.Г.Морганом в описании своих типов, отчасти проистекает из принципиального различия в соотношении плана выражения и плана содержания в «классификационных» и «описательных» системах. Моргановскую оппозицию следует истолковывать как различие между исчислением родственных категорий как *понятий об объекте*, основанных на постоянстве общего признака, и лингвистически выражаемых денотативными лексемами или описательными (составленными из нескольких денотативных лексем или из денотативной лексемы и определителя) синтагмами; и исчислением

родственных категорий как *образов ситуаций* (трудовых, потребительско-пищевых, ритуальных и пр.), выражаемых в языке формами, близкими к дейктическим («шифтерным», по Р.Якобсону) единицам. Не случайно Л.Г.Морган отмечал громоздкость описательных систем, ограничивающую поле их применения, в противоположность конкретности систем, формирующих «большие категориальные классы» [1773, с. 13, 471]. В предлагаемом прочтении моргановская дихотомия предвосхищает такие элементы стадиальной типологии менталитета, развивавшейся школой Л.С.Выготского (см.: [199; 528а, с. 16; 549б]), как *понятийно-логический* и *наглядно-ситуационный* способы обобщения.

Необходимо продумать характеристики еще одного, более древнего, этапа в эволюции СР, который будет соответствовать третьему элементу когнитивной типологии, а именно *непосредственно-чувственному способу обобщения*[55]. Этот глобальный тип родства, не выделенный Л.Г.Морганом и не описанный его последователями, основывается на исчислении родственных категорий как *фенотипических признаков субъекта* и характеризуется полным господством в СТР кроссреципрокных (межпоколенно-взаимных) терминов, сходных с иконическим (мимемными, имитативными) знаками. В нем со всей полнотой находит отражение принцип, который на классификационном и описательном этапах отходит на второй план и который Л.Г.Морган смутно осознавал как фактор участия личности говорящего[56]. Все последующее изложение – и особенно Часть III, посвященная реконструкции категориальной системы древнейшего человеческого общества, – ориентировано на глубокое описание этой третьей формы родства (третьего глобального типа СР), с позиции которого возможно определить сущность родства как возможности отношения мышления к бытию и с новой точки зрения взглянуть на историю человеческой социальности. Мы будем называть это родство *ойкуменическим* (от греч. *oikos* «дом, местообитания») и в этом разделе определим его в первом приближении.

6.4.1. Древнейшее родство – это родство не с *группой людей* («классификационное родство» у Л.Г.Моргана) и не с *категорией лиц* («описательное родство» у него же), а через конкретного человека с освоенной местностью как месторождением и местоуспокоением человеческого. Всякое родство именно *локально*, а фенотип каждого человека является *собственным именем местности* (феноменальным *геонимом*, а не формальным *топонимом*), из которой тянется его родство. На эти моменты отчетливо указывает первобытная этногеография:

«Индеец никогда не спросит другого индейца, к какой нации, племени или коллективу он принадлежит; его интересует только земля, который ты принадлежишь и как эта земля называется. Таким образом, само имя индейца – это дань его дому»» [1323а, с. 38].

«Кровная близость или экзогамная общность выступали лишь внешними признаками родственных отношений... Родство в нормативной культуре хантов являлось обозначением «своего» социального пространства, а не формальной принадлежности к той или иной генеалогической группе. «Насыщенность» этого родственного пространства варьировала от постоянных и многогранных отношений между родней и соседями до «памяти» о единстве

родословных корней у территориально отдельных групп» [241, с. 267-268] (см. также: [972; 974, с. 110; 505; 1470, с. 543; 165]).

«Аборигены Австралии начинают счет родства от некоторого места, локуса, связанного с именем верховного для жителей данной местности тотемного существа. Позиция каждого индивида определяется по оси «эпоним – эпицентр» при неполном различии терминов этого умозаключения» [97, с. 68] (см. также: [97]).

Привлекая рассуждения П.Л.Белкова о «локальном родстве» у австралийцев [97, с. 72-73], скажем, что первобытный человек смотрел на генеалогическое древо «сверху вниз» (отсюда структура родственных связей превращалась в ячеистую сеть географических центров) и организовывали свою СР не с точки зрения происхождения некоторых категорий лиц от общего первопредка, а с точки зрения развития бесконечного множества реальных людей в абсолютного первопотомка. Сибирская шаманская метафора древа, растущего корнями вверх, добавляет к символу экологической сети динамический момент углубления с каждым новым рождением точки первопредка: первобытный человек смотрел на генеалогическое древо сверху вниз и каждый раз поднимался по нему еще выше, высвобождая из прошлого все новых и новых потомков. Множество проистекающих из разных мест сознаний обективировалось через телесную форму каждого вновь рожденного родственника. Иными словами, давно ушедшие предки постоянно влияли на поведение потомков.

Первобытный человек мог составлять генеалогии на небольшую хронологическую глубину, но его СР была скорее стратегией *проживания* генеалогий в предельном историческом масштабе. Так называемое «циклическое» время не является онтологическим оппозитом линейного времени, а есть то же самое время, взятое в широком горизонте его линейных отрезков и обнажающее другую ритмику и другую ступень интеграции прошлого, настоящего и будущего[57]. В эволюции человеческого общества сознательному интуитивная генеалогизация форм жизни необходимо предшествует оформлению генеалогий. При таком «обратном» счете родства (ср.: обратная перспектива в искусстве) каждый человек, как в русской сказке про «девятеных» людей[58], считает не только других, но и самого себя. Когда мы, в угоду генеалогической схеме, говорим «обратный счет родства», мы в действительности имеем в виду прямое «течение родства» из точки первопредка, которая доступна для познания как таковая (т.е. без того, чтобы быть фальсифицированной в «прямом» счете родства) только с позиции первопотомка. При обратном счете родства, когда, как сказали бы Ф.Ницше и М.Хайдеггер, метафизика сущего преодолевается генеалогией самого бытия, предки с течением времени теряли человеческий облик и превращались в животных, откуда и проистекает двойственная природа всех мифических персонажей, которые «когда-то были людьми». В этом случае невозможна никакая религиозная антропоморфизация и потестарная персонификация: фигуры единого бога и вождя как бы сносит «течением родства», которое в плане выражения оставляет животный лик, а в плане содержания атомизирует общество, утверждая абсолютную эгомерность каждой его ячейки.

Контуры древнейшей СР воспроизводили сеть социально значимых гео- и космографических центров, лишенных идеальных юридических принципов организации и выражавшихся в фенотипах окружавших индивида людей. Это делало СТР не системой классификации альтеров и не средством регулирования брачных связей, а *системой ориентации эго* и средством регулирования его пространственных перемещений, или точнее перемещений внутри социальной структуры пространства[59]. По сути дела, это была *материальная система сообщения людей* (но не «между людьми»), позволявшая определить точку отсчета и направление движения на местности, организованной, в свою очередь, не в объективное природное пространство, а в сюжетную схему[60], «язык» которой содержался в мифах, а «речь» – в ритуалах. Вопреки марксистской и эколого-эволюционистской школам, совместная хозяйственная деятельность не составляла позитивную основу древнейшего родства[61] – это пришло позднее в «эпоху» производящего хозяйства и классификационного родства и было напрямую связано с выделением свойствá и экономики в качестве самостоятельных подсистем общественных отношений[62], – но сами отношения между родственниками содержали экономический компонент, а индивидуальное человеческое естество было предметом ойкуменического (т.е. *праэкономического*) обмена.

Социальной оппозиции «кровное родство – свойство» предшествовала, видимо, ойкуменическая оппозиция «плотский (половозрастной) симбиоз с живыми – кровное родство с умершими»[63]. Именно в *смерти как опыте родства* лежат корни собственно кровного родства, которое есть не просто биологической факт, а неотъемлемая сущность всякой вещи как объекта (родственник для меня настолько важен, что, когда он умирает, важно не то, что он умер, а то, что он – мой родственник; и не то, что я – его родственник, а то, что я умер). При этом родство-в-смерти будет тождественно родству как отсылке к среде обитания, консолидирующей в абсолютную целостность половозрастные признаки человека[64], только тогда, когда среда обитания, в которую брошен человек, понимается не как частичка общей Природы, зародившейся за миллионы лет до рождения сознания, и не как опредмеченный субъектом ландшафт, а как эпистирующая среда обитания предков; человек же – как *потомствующий* субъект среды[65]. Именно в *рождении как опыте свойствá* (ср. 6.3.2.) лежат корни собственно свойствá как принципа социальной связи, которая не есть просто голое отношение субъекта к объекту, а присутствие природы в эпицентре субъективности. Таким образом, формальным условием родства, вопреки К.Леви-Строссу и его последователям, является не свойствó, а, так сказать, «средствó», или отсылка к среде обитания (*Selbst-Referenz* у Н.Лумана), устанавливающая границу между «своим» и «чужим» и собирающая, через «фильтр» систем свойства и кровного родства, предков и потомков в пульсирующую близость (осознаваемую и узнаваемую преемственность)[66]. *Ойкуменическое родство – это то же тотемическое родство с той важной разницей, что оно имеет место не между*

людьми и животными или растительными видами, а между одним человеком и другим как элементами природной среды. В отличие от животных видов, человеку природная среда дана как таковая, т.е. неопосредованно никакими другими средами. Эта полная и абсолютная открытость природы человеку возможна только через посредство другого человека, и это есть родство. Каждый человек для другого является модулем саморазвития и саморегуляции природной среды.

На стадии ойкуменического родства естественное развитие событий превращало живых родственников в мертвых (точно так же, как в дальнейшем «элементарные структуры родства» конвертировали родственников в свойственников), но существовала социальная прескрипция (или, точнее, прескрипция прескрипции), по которой живые должны были находиться в постоянной (очевидно, ритуальной) коммуникации с мертвыми. Последние рассматривались не как обособившиеся от потомков предки, а как уловимо *присутствующие при живых*, освоенные частички среды обитания (своего рода *кроссфизический альянс*). Бытие мерилось индивидуальными поколениями-инкарнациями (нерожденность + жизнь + посмертное существование как синтез материй, организованных вокруг телесной формы как точки отсчета), которые находились в постоянном соприсутствии друг с другом в потоке вечности. В силу постоянно ощущавшейся связи между живыми и умершими, веры в реинкарнацию душ умерших в новорожденных не существовало. Первоначально будучи избыточной, эта идеология превращения мертвых в живых возникла позднее и была структурным коррелятом «сложных структур родства», которые, как известно, через брак превращают посторонних в родственников. Элементарной формой дуальности, присущей человеческой социальности, является не эпигамная структура, регулирующая браки между двумя половинами коллектива, а эпистенциальная структура, состоящая из двух временящихся и пространствующих популяций (в классической метафизике это бытие и познающий субъект; в философии М.Хайдеггера это бытие и самобытность): *из одной приходит предок, в другую уходит потомок*. Социальная оппозиция «половозрастной симбиоз с живыми – кровное родство с умершими» соответствует стадии ойкуменического родства; оппозиция «кровное родство (с живыми и умершими) – свойство» соответствует стадии классификационного родства; наконец, оппозиция «родство + свойство – экономическое собственничество» соответствует стадии описательного родства.

Таким образом, обнаруживается до-классификационный уровень исчисления родства, который образуют факторы взаимного соотношения фенотипических признаков эго, альтера и коннектора. Этот факторный синдром (*иденотип*) складывается из *относительного возраста, относительного поколения и относительного пола*, которые суть социальные манифестации, соответственно, метафизических (и биоэволюционных) категорий времени, места и формы. Поколение, как не продуманный до сих пор феномен родства[67], составляет то звено, которое организует

половозрастную структуру индивидуального человеческого организма и человеческих популяций в *фенотипический (ойкуменический) синтез* по оси «смерть – рождение – место» и которое привносит вместе с собой в этот синтез ту часть природы, которая, развиваясь в знак, делает этот синтез трансцендентальным и познающим. Принцип поколения, который реализуется в нескольких эволюционных *жанрах* от локального эгоцентрического поколения (ВТР), генерационно-скошенных систем, генерационно-скользящих систем до генеалогического поколения (см. 4.4.), привносит в мир то, что по ту сторону от системы логических оппозиций обнажается другая система, а именно система *фенотипических оппозиций*, в которой каждый элемент не просто формально противопоставлен другому на основании известного содержания, а *порождает* другой (или *распадается*, т.е. умирает, в другой) и только на таком основании является его содержательной противоположностью. Система фенотипических оппозиций образует *идемный знаковый уровень*, отличный от символьного, индексального и иконического, который существует в произвольности относительно и системы языка, и системы речи, и который не соотносится ни с какими априорными референтами, а порождает одни референты, уничтожая другие. Идемный знаковый уровень воплощается в ТР, как таких элементах естественного языка, которые всегда ориентированы во времени; а в историческом развитии СТР отражается в чистом виде течение этого социального времени, единицами дифференциального «измерения» которого являются не минуты и годы, а признаки субъективного присутствия биологических объектов (см. раздел 7).

6.4.2. Неудобство термина «классификационное родство» заключается не только и не столько к логической несопоставимости такой формулировки с формулировкой «описательное родство», а в том, что исчисление родственных категорий как образов ситуаций само по себе есть этап разложения крупных комплексов ассоциаций между фенотипами и местностью, характеризующих стадию ойкуменического родства. Допуская стадиальность форм исчисления родства, следует помнить о принципе «исторической гетерогенности» мышления (см., например: [897; 898; 962а]). Применительно к СР это будет означать различное распределение одних и тех же функций мозга между компонентами субъект-объектной цепочки (стадиями наступления субъект-объектной определенности). Поэтому отношение к родственной категории как к признаку субъекта сопровождается понятийно-логической объективацией субъективного мира (именно это обычно имеется в виду, когда говорится о таких особенностях первобытного мировоззрения, как анимизм и аниматизм)[68]; в то время как исчисление родства как совокупности понятий об объекте соединяется, наоборот, с непосредственно-чувственным отношением к субъективной самости (именно это, видимо, скрывается за понятием «европейского индивидуализма»)[69]. При этом все это лишь формы социальности как адаптации одного субъект-объектного комплекса к другому. Они имеют в качестве своего следствия другие формы социальности, но не являются истинными или ложными вообще и не влияют на качество опыта, генерируемого в ходе конкретного и единичного

субъект-объектного взаимодействия. Нет «прелогического» (в смысле Л.Леви-Брюля) мышления, но есть *экологика* как мышление более строгое чем понятийное и более насыщенное чем образное – мышление не абстракциями и не предметами, а *себе подобными особями*. Как таковое, это мышление есть форма адаптации человека, но не просто к его собственной среде обитания, а к атмосфере предков. СТР словно отражает степень «тамошности» популяции или степень соответствия между совокупностью месторождений предков и потомков. Вместо *Mythologiques* К.Леви-Стросса следовало бы написать *Écologiques*.[70]

Смысл представления феномена родства как философской проблемы заключается, таким образом, в том, что развитие европейской философии от онтологии к гносеологии и от гносеологии к языку предполагает родство в качестве следующего своего этапа. Родство как явление включает в себя социальные отношения по происхождению, порождению, браку и смерти. Сущность родства была выше определена как 1) эпистенция бытия и человека, при которой бытие и человек взаимствуют (опредковывают и потомствуют) друг в друге; 2) изоляция опыта одного субъекта от опыта другого; 3) свойство одной биологической единицы быть знаком другой биологической единицы; 4) абсолютная неопосредованность природной среды для человека; 5) фенотипический синтез относительного пола, относительного возраста и относительного поколения; 6) мышление не категориями и не образами вещей, а себе подобными особями; 7) самозамещение, или замещение одной общей сущности другой; 8) эгомерность социального пространства как процесс актуализации каждым человеком своей сущности как принадлежащего к человеческому роду в присутствии себе подобных, разворачивающийся от зачатия до смерти; 9) рекапитуляция истории присутствия по хранимой языком памяти. Исходя из этих предварительных положений рассмотрим семантику и прагматику иденонимов как лексической группы и знаковой системы, чтобы определить «элементный состав» истории присутствия, посредством которого бытие и человек эпистируют в направлении друг друга.

7. Космос родства как праестественный язык

7.1. Праречевой акт. Эго, альтер, автор как триада праграмматических лиц

7.1.0. Принципиальным для лингвистики противопоставлением является дихотомия «язык (*langue*) – речь (*parole*)». В классическом варианте структуралистской теории, восходящем к деятельности швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра и пражской школы Трубецкого-Якобсона, абстрактная система синтаксических, морфологических и лексических правил, хранящихся в сознании носителей языка, обусловливает построение конкретных речевых высказываний. В системе языка и в тексте речи выделяются план содержания (означаемое, *signifiant*) и план выражения (означающее, *signifier*). В языке означающим

являются правила упорядочивания звуковой стороны речевого акта, а означаемым – правила членения семантического поля; в речи означающее представляет собой звуковой поток (назовем его *фóном*), а означаемое – конкретная информация, передаваемая от одного участника речевого акта к другому. Минимальными составляющими речевого события являются локуторы (т.е. адресант, или говорящий, и адресат, или слушающий), знак и предмет речи [894, с. 9-11; 675, с. 257]. Означающее знака произвольно по отношению к означаемому (см.: [819]): несмотря на то, что, как это первым показал Н.В.Крушевский (см.: [1021; 212; 523]), внутри языка знаки связаны отношениями по сходству и смежности, предмет речи всегда дан говорящему опосредовано через предмет языка[71]. Предметами языка являются понятия, образы или признаки, и, соответственно, знаки бывают символическими, индексальными и иконическими (мимемными) (см.: [1884]), а референция – денотативной (репрезентативной), сигнификативной и коннотативной.

В этой модели качеством системности обладает язык, который актуализирует свои системные характеристики в дискретных отрезках речевого текста. При этом структуралистская модель языка понимает системность не автопоэтически, а гетеропоэтически: независимо от того, кто говорит, где говорит, когда говорит и что говорится, смысл всех употребляемых в речи знаков управляется языком, который усваивается ребенком как единое целое к 5 – 7 годам и в дальнейшем используется для передачи своих мыслей. Речь, как линейная структура, объявляется границей, по которой проходит объективное членение языков как единиц исторического процесса: если речевой поток оказывает эффективное знаковое воздействие на слушающего (т.е. является ему понятным), значит он и говорящий принадлежат одному языку (языковой общности); если речь одного другому непонятна, значит запись их речей будет источником информации о двух различных языках. Языки обнаруживают различные грамматические, морфологические и фонологические свойства, однако системность исторических трансформаций этих подсистем со времен неограмматиков считается установленной только для звуковых характеристик: расхождение языков происходит незаметно для носителей языков (т.е. для каждого индивида межпоколенные различия в словоупотреблениях не составляют никакого барьера для понимания) в результате фонетических изменений, которые обнаруживают регулярные соответствия в среде родственных языков. Системное описание речи не было возможно ни для классического структурализма, ни для диахронической фонетики неограмматиков (звуковые изменения слишком малы для того, чтобы можно было описать конкретно-исторические обстоятельства появления их в речи). В начале 1960-х гг. появилась надежда, что такие эпохальные явления исторической фонологии, как, например, германские передвижения согласных, получат, в конце концов, рациональное объяснение. У.Лабов, на основании многолетних наблюдений за диалектами американского варианта английского языка, выдвинул теорию, по которой мельчайшие фонетические варианты произношения выступают в роли знаков социального престижа, т.е.

являются звуковыми реализациями актуальной к моменту речи оппозиции «мы – они» [1601].

В развитии структурализма существенным шагом вперед явилась теория речевых актов (*speech event*) Р.Якобсона. Р.Якобсон выделил в структуре речевого акта четыре составляющие – код (соссюровский *langue*), сообщение (соссюровский *parole*), контекст и контакт [1023, с. 197-198] – и определил три функции речи: метаязыковую, использующую код (язык) как предмет речи, поэтическую, имеющую направленность на сообщение и фатическую, направленную на установление, поддержание или прерывание коммуникации [1023, с. 198-202]. Различие сообщений состоит, по Р.Якобсону, в различной иерархии этих функций [1023, с. 198]. Понятие контакта и фатической функции Р.Якобсон заимствовал у Б.Малиновского, который считал, что «узы единства создаются посредством самого обмена знаками» [1703, с. 315]. Р.Якобсон указал на конкретное звено, которое связывает функции языка и речи, когда показал, что в языке имеется специальная категория языковых знаков-шифтеров (от англ. *shift* «смещать»), отсылающих от кода к сообщению, непосредственно маркирующих речевые роли и пространственно-временное положение участников речи и приобретающих смысл *только* в ситуации речевого общения (см. также: [1534, с. 123-124])[72]. Типичными шифтерами (*дейктонимами*) являются личные, указательные и притяжательные местоимения («я», «ты», «наш», «ваш», «этот», «тот»), пространственные маркеры («вверху», «внизу», «спереди», «сзади», «туда», «сюда», «там», «здесь», «далеко», «близко», «слева», «справа») и временные маркеры («тогда», «теперь», «сейчас», «вчера», «завтра», «давно», «недавно», «скоро»)[73]. Стоит заметить, что Р.Якобсон не соотнес три речевые функции с языковыми функциями денотации, сигнификации и коннотации (как это сделал, например, Л.Ельмслев, когда показал оппозитивность метаязыковой и коннотативной функций). Р.Якобсон считал метаязыковую, фатическую и поэтическую функции дополнением к более ранней теории речевых актов австрийского психолингвиста К.Бюлера. Согласно К.Бюлеру [169, с. 22], знак всегда является символом в силу своей соотнесенности с вещами, симптомом в силу своей зависимости от отправителя и его внутреннего состояния и сигналом в силу своего обращения к слушателю, чьим поведением и состоянием он управляет. Соответственно этому язык обладает функциями репрезентации, экспрессии и апелляции ([169, с. 34; 830]). Хотя Р.Якобсону отдается должное как лингвисту, привнесшему в структурную теорию языка социально-личностный фактор и совершившему тем самым в лингвистике переворот, аналогичный эйнштейновской революции в физике [349, с. 508]; в действительности, обращение к проблеме речевого акта означало ассимиляцию нового для структурализма субъектного пространства языка существующим статичным предметно-структурным его измерением. В своем нынешнем состоянии – даже после углубленного изучения речевых актов гарвардскими учениками Р.Якобсона, М.Сильверстином и О.Йокояма (см., например: [2034; 2216]) – лингвистическая теория продолжает, с

одной стороны, рассматривать субъекты как подчиненные языку (отсюда устойчивый в научной терминологии апеллятив *носитель(и) языка*) и определять их узкофункционально как либо отправителей, либо получателей речевого сообщения, в обоих случаях просто *голосующих* те или иные языковые правила; а с другой – игнорировать влияние самого состояния соприсутствия субъектов на грамматику языка. **Структуралистская по своему происхождению модель речевого акта не описывает ситуации, в которых предмет речи и предмет языка являются субстанционально едиными, т.е. когда человек усваивает язык, когда он говорит о самом себе или когда он говорит о предметах, сопричастных его существованию и мышлению как адресанта.**

Изобретение структурной лингвистикой «языка» как логически безупречной иерархии уровней может быть истолковано как воспроизведение буржуазно-демократического идеала политического устройства как многоярусного, справедливого и безличного здания, в котором *parlement* успешно реализует программу разрешения социальных противоречий. «Язык» для структуралиста прямо противоположен «мифу», связь которого с первобытностью, с одной стороны, и с имперской или тоталитарной идеологией – с другой, сделала его «вторичной моделирующей системой», насыщенной суггестивностью и аффективностью, нарушающей изящную стилистику естественного языка и существующей на периферии демократической процедуры языкового волеизъявления.

7.1.1. Альтернативы структуралистскому пониманию соотношения между планом выражения и планом содержания, с одной стороны, и предметной и ролевой структурами речевого акта – с другой, были сформулированы в рамках структурно-функциональной антропологии Б.Малиновским, в западной философии постмодернизма такими учеными, как Ж.Деррида, У.Эко, М.Фуко, Ю.Кристева и др., в социологии – Э.Гофманом, в постструктуралистской антропологии П.Бурдье, в теории коммуникации – Р.Харрисом, а в российской традиции философского литературоведения – М.М.Бахтиным. Нитью, связующей взгляды этих разновременных и разноплановых исследователей и уводящей их интеллектуальную родословную к классику языкознания XIX в. В. фон Гумбольдту, является понимание языка не как метафизической структуры, а как процесса человеческой деятельности и способа существования человеческого духа[74].

Полемизируя «по живым следам» с набиравшей в 1920-е гг. соссюровской лингвистикой, Б.Малиновский писал:

> «Язык в его примитивных формах следует рассматривать и исследовать в контексте человеческой деятельности, как способ существования в практической жизни. Необходимо понять, что изначально язык... не был простым отражением мысли; он был концентрированным выражением рефлексии, записью факта или мысли» [1703, с. 312].

В другом месте он отмечал, что «слова являются составной частью действия и тождественны действию» [1706, с. 9][75] – особенность, обычно приписываемая мифоритуальному контексту (см., например: [934, с. 104]). Для Б.Малиновского язык и миф были на равных правах вписаны в

любую речевую практику. Примечательно, что экспрессивная и апеллятивная функции у К.Бюлера, как привносящие в речевое событие разрушительный для «системы языка» социально-личностный фактор, не стоят ни в какой логической связи с метаязыковой и поэтической функциями у Р.Якобсона, тогда как фатическая функция логически связана с первыми только, если принять ее оригинальное определение у Б.Малиновского.

В постмодернистской философии ключевое место заняло понятие дискурса или «дискурсивной деятельности», обладающей статусом социального действия и, через создание «фиктивных» репрезентационных границ, выполняющих функцию социального размежевания и контроля. В основном тезисе этого научного направления «Вне текста – ничто», получившем широкий резонанс и вызвавшем многочисленные фальсификации, провозглашается мысль о том, что сущность любого предмета, т.е. предметность предмета, определяемая как его происхождение, всегда обладает знаковым статусом, а значит не существует вне дискурса [1602, с. 108]. Эта позиция, завоевавшая популярность в радикально-демократических кругах, критикует принятое в лингвистическом мировоззрении процедурное и одностороннее противопоставление языкового и предметного, знакового и природного. П.Бурдье критикует выключенность исследователя из описываемого им социального контекста и связанное с этим представление о том, что социальное (в том числе речевое) поведение есть выполнение предписанных конвенцией (языком) правил (см.: [1135]). Структурализм не в состоянии выявить социальные параметры формирования высказываний и не позволяет взглянуть на язык с точки зрения оппозиции между социально значимыми лингвистическими различиями и различиями социальными (см.: [1136]).

В наследии М.М.Бахтина (см., например: [581; 195; 85], а также: [365]), долгое время находившегося в тени как на Западе, так и в России, и приобретшего популярность за пределами России на волне постструктурализма, отчетливо просматривается тенденция переформулировать соотношение между соссюровскими категориями языка и речи и присвоить языку как статичному и абстрактному набору правил построения высказываний роль плана выражения, а речи как динамическому процессу социального семиозиса – роль плана содержания. Основу речевого взаимодействия М.М.Бахтин усматривал в системных связях между местоименными и близкими к местоимениям категориями: «я», «ты», «другой», «оно», «мы» и пр., которые порождают многообразные источники смысла (речевой центр, фокус внимания, точка зрения, диапазон причастности) (см.: [240]). Если в структуралистской интерпретации значение порождается «игрой различий» в формальной системе языка, которую говорящий актуализирует перед слушающим, то у М.М.Бахтина смысл высказывания проистекает из диалогически структурированного бытия, являясь «слепком» конкретно-исторического акта социального взаимодействия. В близкой Б.Малиновскому форме он писал, что слово

«должно было сначала родиться и созреть в процессе социального общения организмов, чтобы затем войти внутрь организма и стать внутренним словом» [195, с. 57].

В последнее время идеи, заложенные в философском литературоведении М.М.Бахтина, стали активно усваиваться в общелингвистическом мировоззрении: исследователи заговорили о значимости адресата в построении высказывания (см.: [50; 1004; 642]), о «коммуникативном соавторстве» [191, с. 84-92], «диалогичности модуса» [1004], «структуре личности коммуниканта» [853] и т.д. У одних авторов восстановление активной роли адресата выражается в переходе от структуры «говорящий – слушающий», напоминающей устаревшую психологическую модель «стимул – реакция» и таящей в себе категориальную избыточность, так как говорящий сам является слушающим (ср.: [939, с. 266]), к структуре «говорящий^1 – говорящий^2» (см.: [642, с. 72]); у других – во внесении иерархии в речевое поведение адресата и признании изменчивости его коммуникативного статуса на протяжении речевого взаимодействия, т.е. «адресат» становится сначала «получателем», а затем – «анализатором» высказывания [707, с. 10-11]. Интерпретация функции адресата как «анализатора», или, лучше сказать, «понимающего», акцентирует автономную значимость воспринимающего сообщение и избавляет теорию речевых актов как от избыточности модели «говорящий – слушающий», так и от тавтологичности модели «говорящий^1 – говорящий^2».

Структурно-диалектическое восприятие речевого события, присущее модели Р.Якобсона и сходным с ней построениям, противостоит и дополняет функционально-диалогическое восприятие речевой деятельности у М.М.Бахтина. М.М.Бахтин оставляет без ответа вопрос о том, для чего в формальной структуре языка неизменно существуют «невинные» механизмы монологистического выделения субъекта, подчеркивающие его эгоцентрическое, самодостаточное, праздное, статично-самодовольное расхищение диалогического богатства культурных смыслов. М.М.Бахтин не формулирует «естественные» условия торжества своих этических принципов в носителях таких речевых категорий, как личные местоимения первого лица («я» как эксклюзивный говорящий, не связанный никакой этической соборностью и логической необходимостью с «ты» и приемлющий в лучшем случае эксклюзивное «мы»), личное имя, приобщение к которому избыточно для человека, вовлеченного в панлогистическое понимание Других; или этнонимы, пространственные и временные дейктонимы типа «здесь» и «сейчас», эти эксклюзивные и эгостремительные орудия присвоения, эксплуатации и иерархизации демо-логического хронотопа. Если М.М.Бахтин не объясняет, зачем культурному и языковому тексту индивид, воспроизводящий с каждым новым поколением свою уникальность, то Р.Якобсон не ставит своей задачей прояснить, зачем индивиду необходим язык, который лишь обозначает предметы, указывает на роли, выражает состояния, устанавливает и прерывает коммуникацию, описывает свою собственную структуру и украшает свои собственные сообщения.

7.1.2. Следует подчеркнуть, что структуралистские теории, создаваемые вокруг оппозиции «план содержания – план выражения», должны восприниматься как аналитические и даже перформативные (в остиновском смысле): они ориентированы на построение моделей действительности, но не действительных (онтологически значимых) моделей. Такие понятия, как «язык» и «речь» (и алломорфные им пары типа «competence» и «performance» Н.Хомского или «смысл» и «текст» И.А.Мельчука) суть исследовательские конструкты, не имеющие, в своей противопоставленности, достоверно бытийного статуса; любая попытка их использования для описания «языка как такового» неминуемо повлечет за собой интерпретацию следствий вместо причин. Следует согласиться с Р.Харрисом, который отрицает реальность специальной сферы «знания языка» (вне тривиальной истины, что для того, чтобы говорить на языке или ездить на велосипеде, нужно знать как говорить или ездить) в пользу широкой панорамы знания действительности [1455].

В современной лингвистике проблема соотношения языка и действительности обычно решается в рамках семантики. В соответствии с теорией семантических полей Й.Трира (см., например: [2127]) каждый язык в своих синхронном и диахронном состояниях уникальным образом структурирует понятийный континуум, лексикализуя те или иные понятийные различия. Исторически изменениям подвергается не отдельное значение и не отдельная лексема, а все лексико-семантическое поле, к которому они принадлежат, и вся словарная структура языка. В рамках заложенной Й.Триром традиции, которая продолжает определять теоретическую направленность трудов по синхронной и диахронной семантике (см., например: [312]), лексика языка, однако, рассматривается как механический набор понятийных полей, лишенных каких бы то ни было органических и иерархических связей друг с другом (но см. ниже элементы сущностной типологии у Р.Якобсона). Приоритет отдается системе языка, а не системе речи, т.е. точкой отсчета является не говорящий, а исследователь, по отношению к которому все лексические группы, будь то личные имена или ремесленная терминология, находятся в однокачественном положении[76]. И.А.Мельчуком упоминается программа построения модели «действительность ⇔ смысл», описывающей всю социальную деятельность человека, достаточно тесно связанную с речью [591, с. 11-12, 22]. Насколько можно судить, она остается не реализованной, но И.А.Мельчук предполагает, что подходить к ней следует с позиции модели «смысл ⇔ текст». Можно высказать догадку, что зародыш такой модели присутствует в способе представления И.А.Мельчуком структуры поля смысловых атомов. В отличие от компонентного метода, активно применявшегося для семантического анализа иденонимов (см. 3.0.) и развившийся в общесемантическую теорию у Дж.Катца (см.: [1550]) предполагает, что значение любой языковой единицы может быть описано через лишенный внутренней структуры набор переменных. Противоположная ей точка зрения, зародившаяся в работах лаборатории Машинного перевода и прикладной лингвистики, опирается на представление о существовании

нескольких семиотических (скажем, семиотически значимых онтологических) типов описательных элементов смысла (предикатов, кванторов, имен объектов, логических связок и т.п.) (см.: [591]). Выдвинутая А.Вежбицкой [2193; 2196] теория «семантических примитивов» призвана определить зависимости между понятийными категориями естественных языков по принципу выделения среди них «первичных» и «вторичных» элементов. Семантические примитивы (например, *kind*, *someone*, *something*, *know*, *become*) относятся А.Вежбицкой к сфере языкового кода, основанного, как и «грамматика» Н.Хомского, на врожденных генетических особенностях человека [2196, с. 14] (но не на окружающей его действительности!), и выявляются не посредством приложения объективных критериев, а сугубо интуитивно. Это свидетельствует об устойчивой тенденции лингвистов пренебрегать влиянием семиотически значимых онтологических различий на структуру различий лингвистических (ср.: [1336, с. 381-382]). Яркими примерами кодирования в языке онтологического разнообразия являются такие категории, как «неотторжимая принадлежность» (см.: [1393]), физическая форма (см.: [1336]), эвиденциальность (информация об источнике сообщаемого факта) (см.: [1289; 436а]), одушевленность-неодушевленность, мужская и женская речь (см.: [847]), реципрок (см.: [1921]) и пр.

Для того, чтобы модели описания соотношения между языком и действительностью, отвечали действительности, **необходимо прежде выявить знаковую систему, более «естественную», чем естественный язык, относительно которой язык и речь будут выступать в качестве единого целого и которая откроет существо языка как такового.** Реальная проблема сводится к тому, каким образом языковые функции складываются в необратимый поток речевого целеполагания в присутствии себе подобных и почему перспектива речевого творчества является столь необходимо притягательной для людей. Следует определить, какие элементы речи выполняют языковые функции и тем самым гарантируют эффективное применение субъектом абстрактных правил в конкретных речевых актах и какие элементы языка выполняют речевые функции и тем самым гарантируют усвоение субъектом языка на основе однократных речевых актов. Данная проблема является причиной существования двух противоположных парадигм в исследовании процесса усвоения ребенком языка. Классическое направление, наиболее последовательно выраженное в трудах французского психолога Ж.Пиаже, предлагает модель индуктивного (т.е. путем проб и ошибок) накопления ребенком знаний о правилах словоупотребления и построения высказываний. Напротив, создатель теории порождающей грамматики Н.Хомский отрицает возможность извлечения системного языкового целого из разрозненных речевых отправлений и предполагает заложенность языка в нейрофизиологической структуре человеческого организма. Признавая разумность аргументов обеих сторон, нейрофизиолог Т.Дикон выдвинул гипотезу о том, что истоки быстрого и целенаправленного усвоения ребенком языка нужно искать в структуре самого языка и природе языковой референции, или, иными словами, во

взаимодействии системы языка и системы речи (см.: [1224]). Однако все современные теории усвоения ребенком языка исходят из ошибочной предпосылки, что в жизни каждого человека наступает момент, когда он выучивает язык и начинает его употреблять. Именно поэтому Н.Хомский говорит о *competence* в отношении к *performance*. Между тем, человек не просто, однажды выучив язык, начинает использовать эту статичную иерархию готовых к применению структур и не просто манипулирует бесформенным множеством обособленных друг от друга речевых средств реализации его стратегических замыслов, а *осваивает* язык, обучается и обучает языку на протяжении всей своей жизни и в ходе каждого речевого общения. В процессе освоения языка нет места ни изобретению, оторванному от наследования, ни наследованию, предшествующему изобретению. Освоение языка, как и параллельный этому процесс освоения мира, можно представить как непрерывный переход от текста как сплошной нерасчлененной знаковой массы к системе как эгомерной коммуникации.

7.1.3. Для ребенка, учащегося языку, язык предстает не как *система* правил, а как *текст*, т.е. последовательность сообщений, несущих информацию о действительности и о самих себе. В процессе приобщения ребенка к языку говорящий – не «я», слушающий – не «ты», а предмет речи – не «оно»; вместо этого имеем триаду *эго* («говорящий», субъект речи, «я сам»), *альтер* («понимающий», субъект сознания, «я-для-себя») и *автор* («молчащий», субъект восприятия, «я-в-себе»). Функция эго реализуется в двух валентностях – я-говорящий и другой-говорящий; функция альтера реализуется через того, кто присутствует в акте речи, и того, к кому непосредственно обращена речь; валентностями автора являются неговорящий (прототипически – ребенок) и замолкнувший (прототипически – умерший)[77]. Данная триада *праграмматических лиц* образует *мотив присутствия*. Фенотипы участников речевого акта, физическая обстановка коммуникации и событийная линия от рождения до смерти составляют *сюжет присутствия*. Единство мотива и сюжета присутствия есть *текст присутствия*. Таким образом, вместо оппозиции типа «*langue – parole*» имеем оппозицию «*performance* ⇔ *presence*», близким аналогом которой является трактовка Э.Гофманом «интерактивного порядка» (*interaction order*) как стратегий знакового самовыражения субъекта в физически замкнутых ситуациях соприсутствия с другими (см.: [1372; 1373; 1374; 1375]). Э.Гофман создал образ внеисторичной, универсальной и автономной сферы контакта говорящего с физическим миром [1358, с. 279] и уделял внимание либо предметным параметрам «интерактивного порядка», либо его опредмеченным психофизическим аспектам (например, стратегиям сохранения «лица» коммуникантами). В предлагаемой здесь модели «*performance* ⇔ *presence*» акцент делается на 1) фенотипы и фенофакты участников коммуникации, их полнокровную психофизическую вовлеченность в общение; 2) стратегии определения субъектом коммуникативно-активных элементов окружающего мира и 3) описание субъектом самого себя в языке. Значимость категории фенотипа состоит в том, что в таком ракурсе физический облик человека предстает не как безлично-предметный набор

признаков, а как высоко семиотичный продукт генного кодирования и знак принадлежности человека родственной группе, имеющей протяженность во времени. Коммуникативно-активные элементы окружающего мира представляют собой ситуативно и исторически вариативный набор объектов, сообщающих прасубъекту коммуникативную (в общем смысле слова) активность в отношении себе подобных. Для человека коммуникативно-активные элементы – это либо себе подобные, либо те вещи, которые утверждают его подобие самому себе.

В отличие от структуралистских вариаций на тему «план выражения ⇔ план содержания», модель «*performance – presence*» исходит из того, что грамматическое устройство языка по-разному «реагирует» на различные планы действительности. Действительность предполагает онтологическое разграничение сущего, которое есть, и бытия, которое имеет место[78]. Соответственно, разграничивается информация *о* сущем («бытийной ситуации» в функциональной грамматике), или *сообщаемая информация*, передаваемая от одного коммуниканта к другому (этот аспект описывается лингвистикой вообще), и информация *от* бытия, *сообщающая информация*, которая осведомляет коммуникантов о самих себе. Аспект компетенции говорящего в данной модели не игнорируется, но превращается из самодовлеющей системы мотивации речевого поведения в медиатора взаимодействия системы речи и системы присутствия. Понятие компетенции переосмысливается как «понимание» герменевтики, «контекстуализация» интерактивной социолингвистики (см.: [1418]) или «рамка» (*frame*) у позднего Э.Гофмана (см.: [1376]). **Смысл модели «performance – presence» заключается не в описании того, что говорится и как говорится, а в определении того, каким образом, посредством системы речи, бытие сообщает индивиду его собственную сущность как принадлежащего к человеческому роду; или каким образом, посредством текста языка, человек идентифицирует коммуникативно-активные элементы окружающего мира.** Здесь «или» означает, что сообщение бытием сущности прасубъекту через систему речи и идентификация прасубъектом себе подобных элементов через текст языка структурно тождественны, но противоположно направлены и составляют две стороны одного и того же процесса. В этой перспективе традиционное однозначное противопоставление статичности и бессубъектности языка динамичности и интенциональности речи предстает как упрощенное.

По иронии судьбы, прототипом предлагаемой здесь альтернативы восходящим к Ф. де Соссюру основам лингвистической теории может считаться мысль ученика швейцарского теоретика, Ш.Балли, о том, что в любом языке отчетливо выражено противопоставление между личной и безличной сферами и, как следствие, француз воспринимает *ma tête* «моя голова» не так, как он воспринимает *mon jardin* «мой сад». Согласно Ш.Балли, *la sphère personelle*

«включает или может включать в себя лиц или предметы, с которыми человек связан бытовым, тесным или органичным образом (например, части тела, одежда, семья и т.п.). Каждый элемент этой сферы воспринимается не как простой объект собственности, а как неотторжимая часть самого человека» [1061, с. 33][79].

Допускаемая моделью «performance ⇔ presence» мифологизация языка, однако, означает не «похищение» слова (Р.Барт) с присущей ему изящной соотнесенностью фона и значения, а перенос фокуса внимания с произвольности знака в системе языка на неотторжимость означающего от означаемого в системе речи: соссюровский тезис о произвольности связи означаемого и означающего может быть важен как риторический аргумент против этимологий классических грамматиков, но не имеет ровным счетом никакого значения для системы речи. Языковой знак всегда имеет в виду конкретную вещь, сиюминутно значимую по крайней мере для одного участника коммуникации, и этот аспект придает системность именно речи, но не языку. Можно, таким образом, говорить о текстуальности языка, разворачивающейся через систему речи. Сопоставление языка в модели «performance ⇔ presence» с мифом призвано не размыть границы между языком и мифом, а вернуть языку то глубоко языковое, что структуралистская теория отняла у него и отчасти передала мифу. Параллельно с тем, как в модели «performance ⇔ presence» язык мифологизируется за счет нагнетания взаимозависимости между означаемым и означающим вплоть до их полного слияния, текст присутствия морфологизируется, т.е. элементы обстановки воспринимаются в своей относительной притяжательности к фенотипам участников общения. Прасубъекты представлены друг другу и самим себе не в абсолютной телесной целостности и обособленности, а как палитра сущностей, сочлененных с различными элементами обстановки. Образуется членение текста присутствия на коммуникативно-активную *систему присутствия* и коммуникативно-пассивную *среду присутствия*. В итоге, в модели «performance ⇔ presence» статичность языка переинтерпретируется как его вещественность, а динамичность речи – как ее рефлексивность, или неоотторжимость от разумности субъекта; соответственно, фонетика, синтаксис и морфология иконически (диаграмматически) приравниваются к среде присутствия и образуют *праграмматику*, а семантика объединяется с прагматикой в *прасемантику* системы присутствия. Определяющими признаками для описания языкового общения являются не статичность (обратимость) языка и динамичность (линейность) речи, а *центробежность* коммуникативно-активной системы и *центростремительность* коммуникативно-пассивной среды.

7.1.4. Система речи и система присутствия образуют *праречевой акт*, который составляет минимальную и максимальную единицы коммуникации. Если в структуре речевого акт третье грамматическое лицо не участвует (поэтому Э.Бенвенист назвал его «не-лицом»), то в праречевом акте эго, альтер и автор являются равноправными и неотъемлемыми компонентами. В праречевом акте третье лицо – это тот самый «некто», про которого М.Мерло-Понти сказал, что он «во мне воспринимает, но не я воспринимаю» [596, с. 276-277]. Праречевой акт целесообразно рассматривать, с одной стороны, как конкретный *ритуал перехода*, приводящий к инициации неговорящего в речевую группу; а с другой – как квинтэссенцию ритуализации жизненного цикла (функцию

молчащего может выполнять и умерший). А.К.Байбурин отмечает, что одной из основных функций ритуала является превращение абсолютных биологических процессов в условные категории, а условного (символического) поведения в прагматически безусловные акты [73, с. 19]. В праречевом акте биологический факт рождения ребенка и его приобщение к речевой практике тождественны рождению знака и созданию новой знаковой системы.

С одной стороны, из тройственной структуры праречевого акта вытекает *адопционная функция речи*, т.е. функция приобщения неговорящего (шире – не участвующего в общении или не владеющего языком) к речевой группе, или «работа» по перемещению неговорящего из доречевого в коммуникативно-активное состояние. Перегруппировка речевых статусов предполагает происхождение «я» из молчаливого присутствия и его усыновление/удочерение речевой группой. С другой стороны, через язык прасубъект *идентифицирует* коммуникативно-активные элементы окружающего мира и тем самым *адаптируется* к своей сущности как принадлежащего человеческому роду. Он не наследует язык своей речевой группы, а заимствует его с целью приспособления к ситуации абсолютной мотивированности себя как субъекта своей сущностью как прасубъекта. Идентификация/инициация представляют собой отношение взаимности межу психофизической установкой субъекта на самоосознание себя в отношении коммуникативно-пассивных элементов окружающего мира и приобретением субъектом знакового свойства с точки зрения коммуникативно-активных элементов последней. Важность понимания адопционной (инициационной) функции речи и идентификационной функции языка состоит в том, что они, с одной стороны, раскрывают включенность языка в телесный, физический субстрат социального взаимодействия и его конкретно-действенную эффективность, а не отстраненную произвольность, по отношению к процессам, протекающим в предметном мире; а с другой – указывают на *произвольность прасубъекта* в отношении к другим субъектам. Понятие произвольности прасубъекта маркирует прямое перемещение соссюровской теории знака в область социальных связей и означает не безусловную, априорную, предписанную социологией или биологией соотнесенность субъекта с другими субъектами, а его принадлежность непрерывному процессу гармонизации себя с бытием посредством производства себе подобных знаков. С точки зрения своей принадлежности речевой группе, субъект происходит не от своих родителей, а от своей сущности как принадлежащего человеческому роду; он усыновляется речевой группой, биологическое родство в пределах которого нерелевантно.

Праречевой акт можно также охарактеризовать как *искусство перемещения*. В ходе речевого *rite de passage* строится иденотип человека, т.е. осуществляется семиотическое со*глас*ование фенотипических признаков ребенка и фенотипов членов его речевой группы, в результате которого и происходит осознание ребенком своего собственного психофизического присутствия, или своего «я». Естественный язык,

безусловно, не является единственным знаковым механизмом приобщения индивида к группе, но он предоставляет индивиду средство наиболее точного *перевода* своего собственного фенотипа на фенотип социальной среды и наиболее детальной идентификации коммуникативно-активных элементов последней. В контексте различения Р.Якобсоном [1024, с. 362] внутриязыкового перевода (переименования), межъязыкового перевода (перевода в его повседневном смысле) и межсемиотического перевода (интерпретации вербальных знаков посредством невербальных знаковых систем), иденетика раскрывает еще один, синтетический, смысл перевода (уже как метаморфозы), а именно семиогенетический, благодаря которому фенотипические признаки приобретают семиотический статус через соотнесение с другими фенотипическими признаками. Таким образом, если концепция речевого акта предполагает смещение когнитивного фокуса с одного образа участника речевого общения на другой (отсюда – «шифтеры»), то **концепция праречевого акта подчеркивает перемещение самого субъекта и его фенотипических признаков относительно других субъектов и их фенотипических признаков, осуществляемое посредством изменения самого принципа построения референтивного отношения между знаком и действительностью.**

Принципиальное отличие концепции праречевого акта от существующих моделей речевого акта также состоит в триалогичности мотива присутствия и разнокачественности и единосущности его элементов. *Разнокачественность* эго, альтера и автора заключается в том, что феноменологически каждый из них находится в дизъюнктивной связи с двумя другими участниками праречевого акта и в конъюнктивной связи с элементами коммуникативно-пассивной среды. Так, состояние говорения дизъюнктивно противостоит состоянию молчания и конъюнктивно соотносится с актом делания; состояние понимания дизъюнктивно противостоит состоянию говорения и коннективно соотносится с актом чувствования; состояние молчания дизъюнктивно противостоит состоянию понимания и коннективно соотносится с актом кормления (потребления пищи). *Единосущность* участников праречевого акта состоит в том, что каждый из них является одновременно и означающим, и означаемым (концептом), и предметом, о котором идет речь. Понимание предполагает *власть над проговоренным*, признание интенциональности (в феноменологическом понимании этого термина) эго, т.е. его принадлежности к «своей» речевой группе (связь по сходству), и одновременно маркирует границы этой группы[80]. Говорение предполагает присутствие альтера в освоенном эго, смежном с ним или удаленном от него, физическом пространстве (связь по смежности и притяжательности). Наконец, молчание – это не просто «нулевая локутивная форма», «означаемое с нулевым означающим» [589а, с. 4-5]; оно предполагает скрытую *смыслообразующую волю*, т.е. осознание субъектом глубины и протяженности своей причастности процессу семиозиса (связь части и целого). Молчание не следует жестко противопоставлять говорению, а молчащего – говорящему; структуры

молчания обеспечивают незастывание смыслов и содержат императивы для полнокровной речевой деятельности[81]. Онтогенетическая первичность праречевого акта позволяет считать триалогичную модель базисной и противопоставлять ей, как маркированные, автокоммуникацию, с одной стороны, и традиционную бинарную модель речевого акта – с другой. Следует, правда, отметить, что как автокоммуникация, так и коммуникация по модели «адресант – адресат» являются бинарными коммуникативными отношениями и относятся друг к другу как два зеркальных варианта – соответственно, эндокоммуникация и экзокоммуникация, – противопоставленных по оси «внутреннее – внешнее». Не случайно, видимо, ситуации сугубо парного (внутреннего и внешнего) общения специально подчеркиваются в дискурсе как *разговор с глазу на глаз*, *tête-à-tête*, *наедине с самим собой* и пр., подразумевая расширенное общение «по умолчанию». Триалогичный праречевой акт, предполагающий подключение третьего участника коммуникации, пронизывает все регистры социального функционирования языка – от ситуации встречи, разрывающей бинарность автокоммуникации, до литературной модели «автор – герой – читатель» и исследовательской ситуации «исследователь – говорящий – понимающий». Э.Гофман выявил, что в каждой коммуникативной ситуации коммуникантом последовательно реализуется стратегия замалчивания неактуальной или невыгодной информации (см.: [1372]), что предполагает безостановочную эндокоммуникацию на протяжении всего общения с адресатом[82]. Г.Кларк и Т.Карлсон, развивая некоторые идеи Э.Гофмана, различают получателя сообщения и слушателя, который либо пассивно присутствует в ситуации речи, либо является физически удаленным от отправителя сообщения (читатель, телезритель и т.п.) [425а]. Концепция «третьего» как неотъемлемого участника коммуникации, наряду с адресатом и адресантом, прослеживается в некоторых размышлениях М.М.Бахтина:

«Слово (вообще всякий знак) межиндивидуально…У автора (говорящего) свои неотъемлемые права на слово, но свои права есть и у слушателя, свои права у тех, чьи голоса звучат в преднайденном автором слове… Слово – это драма, в которой участвуют три персонажа (это не дуэт, а трио)» [85, с. 317].

«…Автор высказывания с большей или меньшей осознанностью предполагает высшего нададресата (третьего), абсолютно справедливое ответное понимание которого предполагается либо в метафизической дали, либо в далеком историческом времени» [85, с. 323].

Триада праречевых статусов, в противоположность бинарной модели, обусловливает и подчеркивает полилогичность реализуемых в речи социальных ролей и многообразие типов речевого взаимодействия (см.: [1450, с. 219-220]). Следует подчеркнуть, что эго, альтер и автор выражают не только различные праречевые статусы, которые в конкретной ситуации общения реализуют различные субъекты, но и различные ипостаси одного субъекта, которые были обозначены выше как «я-сам», «я-для-себя» и «я-в-себе»[83]. Например, Э.Гофман различал в структуре коммуникативного участия говорящего ролевые «форматы» аниматора (того, кто произносит слова), автора (того, кто выбирает

словесные формы) и принципала (того, кто ответственнен за высказанное мнение) [1377, с. 144 и сл.].

7.1.5. Праречевой акт разворачивается в системе речи, в системе понимания и в системе молчания. Речь предполагает взаимодействие фона, кода и сообщения. Пользуясь схемой Г.Гийома [223, с. 135-140], скажем, что речь порождается последовательным преобразованием того, что нельзя выразить в то, что можно выразить и, наконец, в то, что необходимо выразить. Под тем, что не может быть выражено в языке (*indicible*) не следует понимать доязыковой, внеязыковой опыт, который приобретает человек в физическом мире. Любой человеческий опыт существует не в состоянии некоего хаотического разнообразия, поддающегося лишь избирательной фиксации, а является полнокровно знаковым в силу своей притяжательности субъекту. К области невыразимого относятся, прежде всего, языковые средства, посредством которых субъект способен закодировать свой опыт. Таким образом, в процессе общения человека со средой первым делом приобретается опыт и теряется код; затем опыт преобразуется в представление, в результате чего теряется сообщение. В конце концов, представление трансформируется в мысль, что сопровождается потерей фона. В случае восприятия чужой речи, последовательность преобразований обратная: фон утрачивается – остается мысль, сообщение утрачивается – остается представление, код утрачивается – остается опыт. В якобсоновской модели речевого акта ошибочно утверждается, что сообщение одного может содержать отсылку к сообщению другого. В действительности, косвенная речь связывает сообщение эго с представлением эго, которое, в свою очередь, восходит к опыту эго.

Таким образом, составляющими системы понимания являются знаковый опыт, языковое представление и речевое мышление. В системе понимания сообщение отрывается от своей фоновой основы и включается в *систему памяти*. Память относится к пониманию так же, как язык относится к речи. Вопреки Н.Хомскому, задачей синтаксической теории должно быть не описание трансцендентного набора правил построения *грамматически правильных* высказываний, а выявление имманентной взаимному бытию адресата и адресанта функциональной матрицы (в чем-то аналогичной фонемной структуре языка), делающей сообщение *грамматически эффективным* (интересным и понятным) (см. подробнее 7.3.0.).

Молчание следует понимать как активное психофизическое присутствие предмета и объекта речи, его вовлеченность в неречевые практики, осуществление которых влияет на способ и характер его описания говорящим в силу того, что они подразумевают потенциальный переход альтера из статуса молчащего в статус говорящего. Фактор молчания привлекал внимание таких философов языка, как М.М.Бахтин, М.Хайдеггер, М.Мерло-Понти, Ф.Лиотар, Ж.Деррида, Ж.Делёз и др[84]. Как М.Хайдеггер писал в «Бытие и время»:

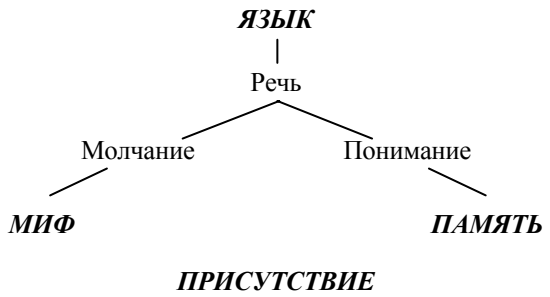
«кто умолкает в беседе, может в более собственном смысле ‘дать понять’, чем тот, у кого слово не иссякает» [937, с. 426, прим. 25].

Являясь одновременно и противоположностью речи и ее неотъемлемой частью (см: [1993]), молчание означает отделение кода от сообщения и его слияние со сферой контакта, контекста и контроля. Молчание – это эксклюзивное «я», или «я» соотнесенное не с «ты» и «он» и не с фенонимом, полученным от других, а с числительным «один», т.е. «я» в речевой инаковости и кодовом одиночестве. Если речь является формой существования языка, понимание – формой существования памяти, то молчание есть форма существования мифа, ведь, как писал М.И.Стеблин-Каменский [828, с. 4], в мифе «основное остается загадочным», т.е. невысказанным. Пытаясь сфомулировать соотношение мифа, с одной стороны, и языка и речи – с другой, К.Леви-Стросс писал:

«Миф – это язык, но этот язык работает на самом высоком уровне, на котором смыслу удается, если можно так выразиться, отделиться от языковой основы, на которой он сложился» [516, с. 187].

Таким образом имеем (схема 5):

Схема 5



7.2. Онтологические регистры праречевого акта

7.2.0. Структура праречевого акта, если представить ее организованной вокруг оппозиции «план выражения – план содержания», многослойна и погружена своими глубинными связями в сферу мифа и памяти. Эта структура может быть охарактеризована как серия иерархически организованных *регистров*[85], вовлекающих речь, молчание и понимание во все более сложные и непосредственные отношения с бытием. При этом, как пишет Р.Барт, означаемое языка превращается в означающее мифа, деформируется и натурализуется, приобретает заостренную направленность («адресность», «суггестивность») на получателя сообщения как телесное присутствие, личность и представителя социальной группы. Рассматривая эту сферу действия мифа с позиции структурной семиологии, Р.Барт говорит о смысле как единстве плана содержания языка и плана выражения мифа, понятии как означаемом мифа и значении как единстве смысла и понятия, которое не только дает понять, но и внушает некоторое сообщение [79, с. 241-245]. Р.Барт унаследовал от структурной лингвистики идею размежевания языка и речи, и отсюда проистекает его убеждение в том, что язык представляет собой целостный антипод мифа. Параллельно с этой

предпосылкой, однако, Р.Барт слегка модифицировал распространенную в XIX в. теорию мифа как «болезни языка» и создал впечатление и мифе как о «природном уродстве» языка. При этом остается неясным, почему отношение между формой мифа и содержанием языка должно описываться в терминах деформации языка мифом, а не формированием языка мифом[86]. К.Леви-Стросс также был озадачен проблемой определения положения мифа по отношению к языку и речи. По его мнению, миф – языковое явление, обладающее более сложной структурой, чем отрезки речи, и занимающее «переходное» положение между языком и речью [516, с. 186-187, 206]. Р.Барт также считал миф надстройкой над «формальной системой первичных значений» [79, с. 239]. Как и тартусская школа семиотики, он называл миф «вторичной моделирующей (семиологической) системой». Если речевое сообщение фокусируется на предмете, то определяющим мифического сообщения является способ языковой подачи предмета [79, с. 233]. Итак, оставаясь в рамках структурной семиотики, мы можем представить рассматриваемую проблему как проблему трансляции языка в речь посредством мифа, определить миф как преобразователь смыслов в тексты и увидеть, что понятие мифа как системы соответствий между информацией и ее физическими носителями тождественно структуралистскому понятию кода, т.е. самому соссюровскому *langue* (см.: [1023; 591, с. 12]). Получается, что язык *cum* миф транслирует язык *cum* язык в язык *cum* речь. Очевидно, что миф не может рассматриваться как вторичная по сравнению с естественным языком система и что «в присутствии» мифа оппозиция «язык – речь» перестает быть актуальной. Единственное, что сохраняет свой смысл, так это идея о том, что миф составляет объективный способ трансляции чего-то в «язык = речь» при условии неизменности формальных условий существования входных и выходных данных. **Иными словами, в самом естественном языке содержатся атомы формы и смысла, обладающие таким же эмпирическим статусом, как и «обычные» знаки языка, но выполняющие генеративную функцию по отношению к знакам «речи = языку» и делающие это посредством смысловых и формальных операций мифологического свойства[87].** Аналогичным образом, элементарные структурные единицы мифов («мифемы» К.Леви-Стросса, понимаемые им как фразы, организованные вокруг определенного предиката, и далее как пучки предикатов) должны быть представлены в каждом языке особым классом слов. Рассмотрим данную проблему на конкретном материале.

Если такая малая фольклорная форма, как каламбур основывается на двойственности *значения* слова (лексическая омонимия), то в ряде мифологических сюжетов раскрывается диалектическая двойственность *смысла* слова (собственного имени мифического персонажа). В мифе северных шошонов о происхождении смерти (см.: 290], когда в споре между Волком и Койотом о том, должны ли люди умирать или нет, возобладало мнение Койота, первым умер его собственный сын. В этом мифе обыгрывается двойная природа Волка и Койота – животная и человеческая (Койот – это животное, но Койот – это и человек). Койот, как животное, производит суждение о том, что все люди должны быть смертными. Далее начинает действовать двойная логика – логика дедуктивная (Все люди смертные; сын Койота – человек, значит он – смертный) и противоположная ей логика абдуктивная (Если человек смертный, значит он – сын Койота, значит кто бы первым ни

умер, он будет сыном Койота). Меняя местами причину со следствием, абдуктивная логика вносит в ситуацию то, что несет в себе, по Р.Барту, миф, а именно адресность. Если бы в споре победил Волк, возникла бы обратная ситуация: если люди бессмертны, значит бессмертен и отец Волка; если отец Волка бессмертен, значит Волк никогда не родится. В основе гомологичности мифологических предикаций лежит система слияний/разграничений *признаков* субъектов (значение слова → смысл предложения → признак субъекта): тождественность признаков отца и сына распадается с образованием двух смыслов (бессмертие отца *vs*. смерть сына), из которых миф замалчивает («вытесняет», если привлечь в качестве параллели аспект теории З.Фрейда) один и выбирает для повествования другой. (Не исключено, что у других народов имеются мифы, в которых, наоборот, доминантным смыслом является «бессмертие отца», а рецессивным – «смерть сына»). Система слияния/разграничения признаков субъектов и есть «система терминов родства». Логическую триаду «субъект – предикат – объект» питает мифо-логическая триада «адресант → сообщение → адресат», а мифологическую триаду питает генеа-логическая триада «эго ↔ коннектор ↔ альтер». Если мифологический символ направляет смысл объекта на адресата (так сказать, окликает адресата по имени), то иденоним присваивает адресату сущность объекта в качестве признака субъекта, т.е. его уникальное человеческое «я», и утверждает новую субъект-объектную перспективу, выражаемую конкретным мифологическим сюжетом. Вопреки К.Леви-Строссу, функция мифа заключается не в разрешении логического противоречия (бинарная оппозиция нейтрализуется путем введения медиатора); вопреки функционалистам, функция мифа не сводится к разрешению социальных конфликтов; вопреки фрейдизму, миф не способствует разрешению психологического комплекса Эдипа. Миф – это способ изоляции индивидуальных опытов или порождения бесконечного многообразия самосознательных реакций на основе бесконечного упрощения в ходе взросления каждого человека структуры непроизвольных стимулов.

7.2.1. Если в якобсоновской модели код – это план содержания по отношению к сообщению, то в праречевом акте фон (фонотип), код (идеотип) и сообщение (гносеотип) составляют план выражения, а контекст, контакт и контроль – план содержания. В дальнейшем мы будем придерживаться принятого в современной этно- и социолингвистике понимания соотношения текста и контекста не как взаимодействия существующей коннотативной системы, «вмещающей» в себя создаваемый речью денотативный текст, а как одновременное порождение («интекстуализация») речевым действием (дискурсом) текста как центральной (в данный момент) семиотической системы и контекста как периферийной (в данный момент) семиотической системы (см., например: [1450; 1799]). В иденетической перспективе интекстуализация маркирует первичный уровень разграничения сообщаемой информации (текст) и сообщающей информации (контекст). Контакт мы будем понимать как фактор того, с кем и в каком качестве вступать в коммуникацию, а для описания системы установления, поддержания и прерывания коммуникации («контакт» и ориентированная на него фатическая функция у Р.Якобсона) использовать категорию *контроля*. В общем виде контроль сводится к факторам того, что говорить; того, как говорить; того, как слушать; того, что слышать и того, как быть услышанным[88]. В техническом смысле контекст представляет собой различие между кодом одного участника коммуникации и кодом другого; контакт – различие между двумя сообщениями, а контроль – различие между двумя фонами. Противопоставление фонотипа, идеотипа и

гносеотипа, с одной стороны, и контроля, контекста и контакта – с другой образует собственно речевой регистр праречевого акта.

Следующий регистр праречевого акта складывается в плане содержания из *роли*, *подтекста* и *такта*, а в плане выражения – из *смысла*, *события* и *сущности*. Понятие роли вряд ли требует обширного разъяснения; скажем лишь, что роль как индивидуальную реализацию социально значимого поведения следует отличать от статуса как того, что ожидается обществом от индивидуального поведения [1185, с. 14]. Под «подтекстом» в данной модели подразумевается бытующие в социуме система статусов и система ценностей. В отличие от контекста, который описывает положение дел в момент речи и с точки зрения речевого взаимодействия (например, смена кода, ритма, стиля высказывания), подтекст относится к прошлому речевого взаимодействия и к широкой сфере значимых в речевом общении социальных различий[89]. Наконец, смысл, вкладываемый нами в понятие такта, также не расходится с общепринятым и может быть определен вслед за М.Блоком как «трансформация социальной ситуации» [1116, с. 80].

В модели «смысл ⇔ текст» *смысл*, т.е. информация, подлежащая передаче, понимается как «инвариант всех синонимических преобразований» [591, с. 10-11]. В этом определении подразумевается, что сопоставление нескольких синонимов выявляет некое интегративное качество, иначе можно было бы говорить прямо о значении отдельной формы. Однако в таких примерах, как *товарный* (поезд), *транспортный* (самолет), *грузовой* (автомобиль), предлагаемая И.А.Мельчуком результирующая сема «для перевозки грузов» [591, с. 48] в полной мере присутствует в каждом из рассматриваемых прилагательных, тогда как компонент инвариантности здесь растворяется, учитывая, что в них содержится указание на различие в характере грузов и грузоподъемности поезда, самолета и автомобиля. Кроме того, очевидна тавтологичность предиката «инвариант синонимических преобразований», ибо синонимичность, по определению, сигнализирует инвариантность значения. Допустим, такие формы, как *мертвецки* (пьян), *как свои пять пальцев* (знать), *без задних ног* (спать) признаются синонимичными друг другу с итоговым смыслом «очень, сильно» [591, с. 48]. Предполагается также, что смысл – это то, что сохраняется при переводе. «Спать без задних ног» означает «спать крепко», или, в переводе на английский язык, – «to sleep soundly». Носитель языка якобы составляет эти слова на основе первичного атома «очень, сильно» путем внутриязыкового перевода. Однако, в этом случае, остается неясным, зачем придумывать слова там, где для осуществления коммуникации имеется уже готовая форма с ядерным смыслом. В этих построениях осталась без внимания инвариантность, присущая, например, переходу от значения «мертвец» к значению «пьяный до сходства с мертвецом» и описываемая как «лишенный всякого движения». Соответственно, следует противопоставлять, *значение* как инвариант соотношения текста с действительностью (код) и *смысл* как инвариант метафорических (по сходству), метонимических (по смежности) и синекдохических (по сопричастности) переходов. При восприятии информации понимающим

доминировать может либо значение, либо смысл. Так, в одном контексте «мертвецки пьяный» может означать просто «очень-очень пьяный» с акцентом на количество выпитого, в другом – «не способный ни на какую деятельность» в зависимости от того, какую информацию хочет передать говорящий. В последнем случае, значение «очень» ассимилируется смыслом, проистекающим от метафорического сравнения пьяного с мертвецом. Следует обратить внимание на то, что векторы значения и смысла противоположно направлены: в первом случае, от сообщения к коду; во втором – от действительности к коду. Выражение «очень пьяный» использует заложенные в конкретном языке правила кодировки, тогда как «мертвецки пьяный» использует заложенные в действительности свойства предмета (мертвеца). Иными словами, значение апеллирует к сущему, а смысл – к бытию.

Различие между значением и смыслом также разъясняется посредством привлечения дихотомии «семантика – прагматика». Значение информирует участников речевого акта о некотором участке действительности, смысл же информирует их о самих себе, т.е. сообщает им соответствующие речевые *роли*. Не случайно, исследователи говорят о «*владении* смыслом» говорящим и слушающим, которое обеспечивается их способностью реализовывать, в одном случае, речевое мышление, а в другом – речевое понимание (см.: [337, с. 4]). В модели «текст ⇔ действительность» внимание должно быть также уделено инварианту антонимических преобразований. Если антонимом слова является другое слово, противоположное ему по значению (например, *друг* и *враг*, *хозяин* и *гость*), то общее, что между ними присутствует и что определяет закономерность антонимического соположения, мы будем именовать *сущностью*. Сущность есть опять-таки элемент действительности, так как в каждом конкретном случае причина превращения отношений в «дружеские» или «враждебные» является ситуативной. Наконец, инвариант конверсивного преобразования (например, *купить* vs. *продать*, *преподаватель* vs. *ученик*) назовем *событием*[90]. В чистом виде инвариант конверсивной оппозиции присутствует в реципроке, или взаимном предикате, типа *встречаться*, *целоваться* и пр. Событие описывается через пучок семантических актантов, или мест. Например, реципрок *встречаться* подразумевает, по крайней мере, двух встречающихся, причину встречи и место встречи; инвариант конверсивной трансформации *купить – продать* четырехместен и включает в себя продающего, товар, покупателя и цену товара; инвариант конверсивной трансформации *сдать в аренду – взять в аренду* (*арендовать*) пятиместен и включает в себя арендатора, арендующего, арендуемый объект, срок аренды и арендную плату [591, с. 85-86]. Смысл, сущность и событие образуют своеобразный субстрат речевого взаимодействия, и имеются лексико-семантические группы слов, каждое из которых несет двоякую функцию информирования участников этого акта и привлечения дополнительного участка действительности для самостоятельного и молчаливого заявления о себе. В этих лексемах смысл, событие и сущность присутствуют имманентно, словно нарушая кодовый барьер различий (*d*-

ifférence) и вовлекая участников речевого общения в непосредственное столкновение с бытием.

7.2.2. Р.Якобсон предложил типологию синтаксических и лексических элементов в зависимости от их направленности на код и сообщение. Косвенная речь соотносит сообщение с сообщением, автонимическая речь направлена от сообщения к коду, шифтеры являются элементами кода, указывающими на сообщение; а личные имена (фенонимы) соотносят код с кодом [1529; 1026]. В отличие от распространенных в лексикологии классификаций групп слов на основе сугубо формальных (идеографических) признаков (апеллятивы, числительные, собственные имена и т.п.) (см.: [909, с. 119]), типология Р.Якобсона нацелена на выявление сущностных характеристик семиологических групп в их отношении друг к другу.

Можно заметить, что автонимическая речь выполняет одновременно метаязыковую и денотативную функции, и, соответственно, в приводимом Р.Якобсоном примере [1026, с. 97], выражение «Щенок симпатичное животное» существует параллельно с выражением «Щенок – это существительное, обозначающее молодую собаку». Косвенная речь осуществляет функцию фатического указания на предшествующее событие речи. Такую же роль играют синтаксические средства анафорической отсылки («Человек шел по улице. *Он* не видел ничего вокруг») и грамматические элементы соподчинения отрезков высказывания (*кто*, *который*, *что* и т.п.). Во всех этих случаях можно говорить о речи, не соотнесенной с речевыми ролями, или о бессубъектном дискурсе (см.: [731]). Наконец, поэтико-выразительной функцией обладает в системе речи эвиденциальность. Р.Якобсон рассматривает эвиденциальность среди глагольных категорий [1026, с. 101], но, как показывает кросскультурный анализ (см.: [1289]), формы грамматического проявления этой категории могут быть разнообразными. Адресат может маркировать в речи визуальный, слуховой, тактильный, мыслительный, социальный (традиция, миф) или психологический (сновидения) источники сообщаемой информации, при этом выражая свой собственный внеязыковой опыт и актуализируя свои психофизические качества видения, слышания, восприятия и понимания. Дейктонимы выполняют в тексте языка указательно-фатическую функцию: с их помощью любые социальные связи конвертируются в нейтрально-речевые. Особенно отчетливо это прослеживается в английском языке, в котором, начиная с Нового времени, отсутствует противопоставление между уважительной и равноправной формами местоимения 2 лица ед.ч. К местоимениям-демонстративам (правильно было бы говорить здесь о предметах, выступающих в роли *местопонятий*, не являющихся логическими следствиями понятий) тесно примыкают числительные (т.е. понятия, выступающие в роли *местопредметий*). Если местоимения, как учит К.Бюлер, приобретают смысл только в *акте речи*, то числительные приобретают смысл только в *акте мышления*, т.е., согласно Г.Фреге, число рождается в обход абстракции от признаков предметов [927, с. 77-79]. Не случайно, по-видимому, в языковедческой традиции личные местоимения нумеруются по лицам. Так же как и пространственно-

временные дейктонимы, система счета обыкновенно соотносится с частями человеческого тела (ср. счет по пальцам рук), а пространственно-временные состояния исчисляются количественно (ср. *пять шагов вперед*). Денотативно-мета*язык*овую нагрузку в системе языка несут соматонимы, идентифицирующие те части тела, которые контролируют обмен знаками (например, зубы, губы, небо, гортань, глотис, легкие, мозг и пр.). М.Хайдеггер особо обратил внимание на то, что названия «языка» во многих случаях тождественно названиям органов речевой деятельности [937, с. 260] (ср. рус. *язык* как телесный орган и как система знаков, англ. *tongue* как телесный орган и как конкретно-исторический язык). Наконец, выразительно-поэтическую функцию в системе языка выполняют *мимонимы* (слова детского языка), выражающие отношение между сообщениями того, кто учится языку, и того, кто вовлекает его в речевую практику. Таким образом, мы вышли на такой уровень описания процесса интеграции языка и речи, при котором функции языка и функции речи соединяются попарно и порождают лексико-семантические и дискурсивно-синтаксические единицы, одинаково сочетающие в себе полярно-направленные функции и тем самым состоящие друг с другом во взаимной связи.

7.2.3. Попробуем сопоставить этот комплекс соответствий с якобсоновской моделью речевого акта. Совершенно очевидно, что прямая речь осуществляет отсылку от сообщения к коду. Утверждая, что косвенная речь связывает сообщение с сообщением, Р.Якобсон упускает из виду тот момент, что говорящий использует как основу для своей цитаты не реальное сообщение другого, а лишь воспринятую им копию этого сообщения. Далее, Р.Якобсон утверждает, что в автонимической речи сообщение направлено на код. Это должно означать, что в случае автонимической речи имеет место *понимание* (декодирование) сообщения. Между тем, высказывание «Щенок – это существительное, обозначающее молодую собаку», на самом деле, относится к *усвоению* значения языкового элемента, а значит, предполагает соотнесение фона (речевого означающего) с сообщением (речевым означаемым). Продолжая эту логическую цепь, можно определить эвиденциальную речь как соотносящую сообщение (речевое означаемое) с контекстом, т.е. с обстоятельствами получения информации; а мимонимы как соотносящие контакт с фоном (речевым означающим). Не вызывает никаких возражений то, что дейктонимы направлены от кода к сообщению. Функцию соотнесения кода с кодом несут, по Р.Якобсону, личные имена (фенонимы). Процитируем ход размышлений Р.Якобсона:

«… Общее значение имени собственного не может быть определено без ссылки на код… Имя нарицательное *pup* ‘щенок’ обозначает молодую собаку, *mongrel* ‘помесь’ – собаку смешанной породы, *hound* ‘охотничья собака’, ‘гончая’ – собаку, которой охотятся, тогда как *Fido* ‘Фидо’ обозначает лишь собаку, которую зовут Фидо. Общее значение таких слов, как *pup*, *mongrel* или *hound*, может быть соотнесено с абстракциями типа *puppihood* ‘щеночество’, *mongrelhood* ‘пóмесьность’ или *houndness* ‘гончесть’, а общее значение слова *Fido* таким путем описано быть не может. Перефразируя слова Бертрана Рассела, можно сказать, что есть множество собак по имени *Fido*, но они не обладают никаким общим свойством *Fidoness* ‘фидоизм’. Точно так же неопределенное местоимение,

соответствующее таким именам, как *Jean*, *Jan*, *Joan*, *June* (‘Джин’, ‘Джэн’, ‘Джоун’, ‘Джун’) и т.д., например: *what’s-her-name* или *what-do-you-call-her* или *how-d’ye-call-her* ‘эта, как там ее зовут’, или ‘эта, как там ее’ – содержит явную отсылку на код» [1026, с. 96; подчеркнуто мной. – Г.Д.].

Внимательное прочтение этого отрывка показывает, что фенонимы содержат «явную» отсылку к местоимению, которое принадлежит коду говорящего. Код собеседника также маркируется местоимением, и говорящего не интересует, каким местоимением может обозначить себя собеседник. Вопрос «Как тебя зовут?» подразумевает ответ «Меня зовут X», а не «Я – это я», т.е. отсылка осуществляется *от контекста*, который связан с обстоятельствами присвоения собеседнику фенонима, *к коду*. Этот вывод согласуется с мнением исследователей мифа о том, что собственные имена служат главной характеристикой мифологической картины мира, или, как показал А.Ф.Лосев, первоначальным и неделимым моментом мифа является то, что «миф – есть развернутое магическое имя» [545а, с. 214] (см. также: [547]). В том же отрывке из Р.Якобсона присутствует слово «множество», которое сигнализирует, что функцию различия между нарицательными именами, осуществляющими прямую отсылку от сообщения к коду, и собственными именами, отсылающими от контекста к коду, выполняет количественное соотношение между группой предметов, объединенных общим свойством «гончесть», и группой предметов, объединенных общим свойством «фидоизм». Фидоизм измеряется единичностью, а гончесть – множественностью. Иными словами, категорией слов, содержащих отсылку от одного кода к другому, являются числительные, а не фенонимы. Если фенонимы содержат отсылку от контекста к коду, то зеркальную ей отсылку от кода к контексту осуществляют *индексальные соционимы* (формы вежливости, инвективы, показатели степени близости и взаимного статуса и т.п.). Их можно также считать нарицательными фенонимами, так как они, с одной стороны, индивидуализируют референта, а с другой – не могут быть отнесены им к самому себе.

Типичным примером индексального соционима является русское местоимение 2 лица ед.ч. *вы*, общее значение которого зависит не только от речевого акта, но и от речевого контекста. П.Фридрих показал, что местоимение *ты* может означать как социально равного и непосредственно присутствующего в акте речи адресата, так и степень близости, при которой социальное превосходство адресата (например, бога, царя) не представляет угрозы для говорящего [1337, с. 285]. Если в рус. *ты* контекстное превосходство может нейтрализовываться речевой близостью, то в случае поль. *пан* «господин» речевая близость усиливает контекстное превосходство, в результате чего, используемое в обращении, это слово приобретает характер 4 лица ед.ч. В выражении *Proszę Pana*, т.е. «пожалуйте, пожалуйста», оттенок вежливости, передаваемый рус. *вы* сочетается с такой моделью согласования предиката и объекта, которая соответствует рус. *он* (3 лицо ед.ч.) в родительном падеже (букв. «Я прошу Вас, как Его, пожаловать»). Любопытно, что обращение «Эй, пан», встречающееся в речи русских, оказавшихся в Польше и проистекающее от незнания особенностей польского языка, воспринимается поляками как крайне невежливое, близкое к инвективе высказывание.

Соединение контекста с кодом приводит к тому, что индексальные соционимы могут реализовывать семы множественности и единичности, а также функционировать как фенонимические синтагмы (например,

сочетание титула и фамилии или сочетание имени и отчества в русском языке). Выясним, как относятся друг к другу фенонимы и *этнонимы*.

Исторически многие этнонимы восходят к фенонимам, а фенонимы могут быть производными от этнонимов (см.: [297; 329; 616, с. 155; 657; 717; 858; 868; 906; 907])[91]. В.А.Никонов включает этнонимы в разряд имен собственных (см.: [636]). А.В.Суперанская ему возражает на том основании, что этнонимы производят коннотацию, а не денотацию (как собственные имена). Путем коннотации объект описывается неопределенно, денотация же выполняет конкретную «номинативно-идентифицирующую» функцию [843, с. 206, 137]. Как отмечает Дж.Галаты [1342, с. 4-5] анализирующий логическую структуру африканского этнонима *масай*, этноним выполняет как денотативную, так и коннотативную функции. Его денотативная функция вытекает из наличия пучка значений, мотивирующих применение знака к определенным предметам речи, а его коннотативная – из практики употребления этнонима по отношению к индивидам и группам, проявляющим любой признак из числа тех, которые заложены в этом денотативном пучке значений. Коннотативная функция этнонима делает его шифтером, значение которого перемещается в зависимости от того, какие признаки референта являются значимыми в речевой ситуации. Дж.Галаты придерживается обратной мнению А.В.Суперанской точки зрения относительно соотношению денотации и коннотации в собственных именах и этнонимах: этнонимы соотносятся с определенным понятием, которое может быть раскрыто как пучок сем, как-то язык, территория, обычаи, поведенческие стереотипы (ср.: [867, с. 43]); в то время как фенонимы не имеют под собой дифференциальных переменных и осуществляют исключительно коннотацию. Между тем, у многих этнических групп существует обычай давать человеку описательное имя диагностического или прогностического характера: фенотипические признаки могут маркироваться фенонимом, исходя либо из реального поведения именуемого субъекта, либо из тех качеств, которые в данном обществе считаются значимыми и желательными для человека. В отсутствии такой нормативной традиции функцию сигнификативного описания субъекта могут выполнять прозвища и фамилии.

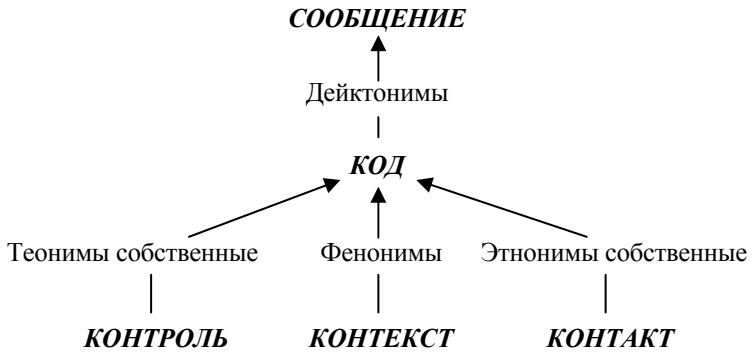
Следует разграничивать *собственные этнонимы* типа *русский*, *немец*, *грузин* и пр. и *нарицательные этнонимы*, к которым можно отнести такие формы собирательного обозначения как *народ*, *нация*, *племя*, *род*, *семья*, *родня*, а также формы обобщенной индивидуальности типа *член*, *человек*, и связанные с ними формы множественного числа типа *люди*. Выражение этнического самосознания в таких формах, как «настоящие люди» – широко распространенный феномен (см.: [473]). Этнонимы образуют своеобразную систему терминов прародства, которая складывается из эндоэтнонимов (этнических самоназваний) и экзоэтнонимов (названий этносов, используемых другими этносами). Эндоэтнонимы *реципрокны*, т.е. два индивида, относящиеся к одному этносу будут определять этническую принадлежность друг друга одним термином; гетероэтнонимы могут быть *полярными*, т.е. индивиды, относящиеся к одному этносу, называют индивидов, относящихся к другому этносу, термином, отличным от эндоэтнонима этих последних (ср. *Deutsch* как эндоэтноним немецкого этноса и *немец* как этноним, используемый русскими для обозначения носителей автоэтнонима *Deutsch*; русский как самоназвание и польск. *rossijanin* как гетероэтноним (*russkij* в Польше имеет пейоративную коннотацию)); *реляционными*, т.е. индивиды, относящиеся к одному этносу, называют индивидов, относящихся к другому этносу, термином, идентичным эндоэтниониму последних (ср. *русский* как самоназвание и нем. *Russisch* как экзоэтноним); и *дисперсными*, когда гетероэтнонимы, используемые разными группами,

отличаются как от эндоэтнонима, так и друг от друга (ср. *Deutsch* как самоназвание и *немец*, *German*, *Allemand* как гетероэтнонимы). В отличие от СТР, система терминов прародства отличается полиглоссией, т.е. образующие ее элементы принадлежат разным языкам. Как и в случае с собственными этнонимами, существуют нарицательные эндоэтнонимы и нарицательные экзоэтнонимы. Например, имеются сведения о том, что лат. *natio* использовалось для обозначения чужих народов, а не римлян [1015, т. 22, с. 254-255]; так же, как эллины причисляли себя к *полису*, а соседние народы считали *этносами*.

При сравнении собственных и нарицательных этнонимов видно, что денотативную функцию можно скорее приписать последним, так как они скрывают под собой определенное понятие, которое может быть описано как, например, «группа людей, связанных представлением об общем происхождении». Однако и здесь присутствует некоторая неопределенность, ибо такая кодовая формулировка не содержит в самой себе необходимого указания на конкретных референтов этого понятия. В каждом случае идентификация референта будет зависеть от ситуации контакта. Собственные этнонимы, напротив, содержат информацию о реальной общности людей, идентифицирующих себя одинаковым образом, однако не подразумевают никакой категориальной сущности. Иными словами, нарицательные этнонимы являются внепонятийными источниками понятийных категорий, тогда как собственные этнонимы являются понятийными источниками внепонятийных ассоциаций. Собственные этнонимы являются элементами кода, которые содержат отсылку к контакту, а нарицательные этнонимы содержат отсылку от контакта к коду. Примечательны в этой связи такие этнонимы, как *немцы* и *варвары*, которые прямо указывают на особенности речевого контакта. Различие функциональной структуры фенонима и функциональной структуры этнонима состоит, таким образом, в том, что, если фенонимы связывают код и контекст, то этнонимы связывают код и контакт. Это различие можно хорошо проиллюстрировать на следующем примере. Если, с одной стороны, собрать вместе группу людей, носящих одно и то же имя Андрей, а с другой – группу людей, каждый из которых считает себя русским, то станет очевидно, что причиной идентичности личных имен будет общий культурный контекст, тогда как причиной идентичности индивидуальных этнонимов будет культурный контакт, имевший место либо в далеком историческом времени, либо в недавнем прошлом.

Рядом с фенонимами и этнонимами можно поставить названия сверхъестественных и божественных субстанций, непосредственно связанных с идеей отделения идеальной стороны человеческого существа от физической оболочки. *Собственные теонимы*, или просто теонимы в принятой в ономастике номенклатуре, осуществляют референцию от контроля к коду. Практически универсальным для религиозного мышления является определение функции божеств как контроля за кодом человеческой деятельности. *Нарицательные теонимы* типа *бог*, *дух*, *душа умершего* и т.п., наоборот, идентифицируют контроль в его отношении к коду. Таким образом имеем (схема 6):

Схема 6



Особенностью местоимений, как уже отмечалось, является эгоцентричность распределения грамматических лиц. Ю.С.Степанов высказывает «еретическую», по его собственному разумению, мысль о том, что фенонимы также являются эгоцентрическими словами, поскольку, варьируя от ситуации к ситуации (ср.: Женя в кругу семьи и Евгений Иванович на работе), являются «прямым обозначением индивида и косвенным обозначением другого индивида – “Я”, который обозначает первого» [832, с. 234] (см. также: [741]). В архаичных системах имянаречения, наряду с донором имени (автором) и реципиентом имени (альтером), имеется еще передающий имя (эго), например, умерший родственник или предок (см.: [635, с. 166; 809]). Имянаречение по известным личностям и по святцам представляет собой специальный случай этой практики. В качестве эго может выступать человек, проводящий церемонию наречения имени в честь предка или нарекающий человека сам (родитель, вождь, шаман, старик и т.д.). Именно эго осуществляет выбор имени из родового или семейного фонда. Иногда в роли эго может выступать традиция (скажем, «коллективный индивид»), предписывающая осуществлять выбор имени только среди предков по линии матери или по линии отца. Иными словами, в имянаречении проявляется не твердая привязка фенонима к референту (как это утверждается в модально-логической концепции «жестких дезигнаторов» /*rigid designators*/) и не его косвенная диалогичность (как у Ю.С.Степанова), а развернутая триалогичность. По сравнению с дейктонимами, феноним осуществляет перегруппировку триады праграмматических лиц с передачей центричности альтеру. Функционирование этнонимов также требует трех «персон», причем эго и альтером в данном случае являются два коллектива, связанные (или разделенные) оппозицией «мы – они», а автором – индивид как субъект восприятия, без которого этническое «отношение» между эго и альтером невозможно. Индивид как реальный субъект восприятия символизируется как некий предок, от которого отсчитывается родство членов этноса**.** Тем

самым, эгоцентричности местоимения противостоит альтероцентричность фенонима и автороцентичность этнонима, и все они отмечают перемещение прасубъекта из коммуникативно-пассивного в коммуникативно-активное состояние.

7.2.4. На этом этапе мы вступаем в следующий регистр праречевого акта, включающий в себя смысл, событие и сущность, с одной стороны, и роль, подтекст и такт – с другой. К нарицательным теонимам тесно примыкают *идеальные соматонимы* (*душа*, *дух*, *сознание*, *совесть*, *мысль*, *чувство* и т.п.), референция которых направлена *от смысла к контролю*. Им противостоят *физические соматонимы*, идентифицирующие части человеческого как такие предметы, которые непосредственно контролируют производство речи (и шире – обмен знаками), соотносят *контроль со смыслом*. Относительно процесса производства речи можно сказать двояко: речь есть действие физических органов или, вспоминая В. фон Гумбольдта, речь есть «работа духа».

Отсылку *от контекста к событию* осуществляют *качественные соционимы*, к которым мы относим такие лексемы, как *царь*, *рыцарь*, *король*, *священник*, *вождь*, *шаман*, *певец* и пр. Функциональные соционимы обозначают социальные статусы как дистрибутивно-квалификационное отношение социальной структуры к одновременно или последовательно живущим индивидам, сообщающее им одинаковые права и обязанности (ср.: [1266, с. 6]). Противоположно направленную референцию, а именно *от события к контексту*, выполняют *относительные соционимы* типа *начальник*, *подчиненный*, *хозяин*, *раб*, *оппонент*, *критик*, *питомец*, *господин*, *слуга*. Относительные соционимы именуются в литературе «именами релятивной семантики» и определяются как обозначение предметов «существование или название которых относительно, т.е. эти предметы либо не могут самостоятельно функционировать, либо они названы по их отношению к другим предметам» [343, с. 30]. Такое определение не позволяет, с одной стороны, разграничить относительные соционимы, иденонимы и взаимные соционимы, которые будут рассмотрены ниже; а с другой – не содержит указание на специфику противопоставленности относительных соционимов качественным. Отличие относительных соционимов от качественных выражается, например, в том, что первые могут сочетаться с притяжательными местоимениями (прилагательными): например, *мой начальник*, *мой критик, мой питомец*, *Ваш покорный слуга* и т.п. Эта особенность их коллокативной структуры указывает на то, что относительные соционимы, помимо обозначения объекта, маркируют статус субъекта предикации (эго или автора) по отношению к этому объекту. Именно этим определяется направленность референции от события как бинарного социального отношения к контексту употребления лексемы.

Отсылка от *контакта* к *сущности* осуществляется мимонимами. Слова детского языка нередко индивидуальны, и многие дети создают, в результате контакта с речью взрослых и окружающими предметами, свой собственный терминологический словарь. Мимонимы соединяют фон, код и сообщение (или фонотип, идеотип и гносеотип) в единое материа-

льное целое, образующее сущность предмета. Среди мимонимов особое место следует отвести формам, относящимся к ближайшему социальному окружению ребенка, или *матронимам* (например, *мама*, *папа*, *тетя*, *дядя* и пр.). Р.Якобсон предположил, что, коль скоро матронимы в основном содержат лабиальные и дентальные согласные, они буквально считываются ребенком с видимых речевых органов взрослых и соотносятся со звуками, издаваемыми им самим при сосании, и с его собственными сосательными органами [1528]. Можно сказать, что матронимы содержат отсылку от сущности (телесного знака) к контакту и устанавливают фонобиологическое отношение между ребенком и взрослыми.

От *смысла к роли* содержат отсылку *психонимы*, или имена эмоциональных состояний и психических отправлений типа *тоска*, *грусть*, *хандра*, *хохот*, *злость*, *зависть*, *гнев*, *плач*, *рыдание*, *хныкание*, *бормотание*, *мямление* и т.п. Им противостоят признаковые имена (апеллятивы), как-то *мудрец*, *глупец*, *великан*, *карлик*, *урод*, *красавец*, *смельчак, беляк*, *игрушка*, *пьяница*, *кругляк*, *краска* и т.д., которые *принадлежат роли и отсылают к смыслу*. И психонимы, и признаковые имена можно далее разбить на физические и аффективные. В общем виде, прагматическое различие между этими лексико-семантическими классами описывается через соотношение социальной конвенции и личного опыта. Психонимам нельзя дать исчерпывающего определения, не воспроизведя их буквально; их нельзя запомнить, но можно пережить самому и соотнести это переживание с собственными наблюдениями за другими. Не случайно, видимо, исследователями было отмечено заметное расхождение в структурировании семантического поля психонимов в разных языках (например, в русском и английском, см.: [2197]). Признаковые имена, напротив, нельзя правильно употреблять без знания контекста, т.е. культурно-обусловленного способа интерпретации внешних признаков людей и предметов. Можно заметить, что как психонимы, так и признаковые имена являются внутренне интегрированными системами, причем первые более тяготеют к ассоциативной непрерывности с постепенной поляризацией и обнаруживают тенденцию к звукоизобразительности, тогда как вторые разбиваются на четко выраженные подгруппы в зависимости от формы, величины, цвета или социальной оценки с заметным тяготением к оппозитивным и реляционным отношениям (например, круглый – квадратный, плоский – выпуклый, длинный – короткий – продолговатый; худой – толстый – жирный, белый – черный и т.п.).

В плане осуществления референции *от подтекста к событию к* рассмотрим такие слова, как *приятель, товарищ, тезка*, *враг, друг*, *коллега, соавтор, одноклассник*, *союзник, родственник* и т.п. Их обычно включают в класс «релятивных имен», однако отличие их от относительных соционимов достаточно существенно для того, чтобы выделить их в особый класс *взаимных соционимов*. Если *мой критик* подразумевает, что говорящий находится с референтом в разнокачественных отношениях, *мой друг* подчеркивает, что и

говорящий, и референт инкорпорированы в единую социальную категорию. Являясь обоюдно инкорпорированными, приятели, тезки, враги, товарищи, друзья, союзники или родственники являются таковыми не по причине собственной относительности, а в силу относительности и взаимозависимости не только социальных ролей, которые играют носители этих имен, но и сем, которые несут в себе эти имена. В противоположность этим именам, такие слова как *начальник*, *подчиненный*, *хозяин*, *гость*, а также *царь*, *рыцарь*, *король*, *священник*, *вождь*, *работник* и т.п. являются социально относительными, ибо существуют наряду с другими социальными статусами, без которых их осмысленность невозможна, но не имеют семантической относительности. Выражение «Мы – друзья» не тождественно по структуре выражению «Мы – работники». В первом случае, эго маркирует и себя, и альтера, и автора, который выключен из бинарной связи, но может быть описан в строго определенном виде как *враг*, *недруг*, *знакомый* или *родственник*. Во втором случае, слово *работники* реляционно маркирует автора (*работодатель*), но ничего не говорит об отношении между работниками. Слова типа *соавтор* и *одноклассник*, напротив, описывают отношение между эго и альтером, но не соотносят его с другими отношениями. Функциональные соционимы всегда содержат указание на строго определенный предмет или действие, определяющее их статус в отношении другого лица, тогда как характер отношений между друзьями, врагами или родственниками остается «за кадром». Заметим, что, в случае таких форм, как *тезка* и *однофамилец*, отсылка осуществляется от подтекста к событию и далее к контексту и коду, так как об именах реферируемых лиц известно, что они одинаковы.

Наконец, имеется группа слов, реализующих связь *между сущностью и тактом*. Это *половозрастные соционимы* типа *новорожденный*, *младенец*, *ребенок*, *мальчик*, *девочка*, *подросток*, *парень*, *юноша*, *взрослый*, *девушка*, *мужчина*, *женщина*, *старик*, *предок*, *потомок*, *старший*, *младший*. Хотя разные культуры могут по-разному разбивать жизненный цикл, все же, думается, имеется универсальная регулярность в порядке соотнесения половозрастных категорий друг с другом. Половозрастные соционимы идентифицируют непреложную матрицу, в которой происходит выбор коммуникантов, в которой протекает речевой или знаковый контакт и исходя из которой осуществляется контроль за речевой и знаковой деятельностью. Речевые группы могут выделять мужской и женский варианты речи, детский лепет, подростковый слэнг и т.д.

7.2.5. Следующий регистр праречевого акта складывается в плане выражения из *фенотипа*, *иденотипа* и *гнейротипа*, а в плане содержания – из *рождения*, *инициации* и *смерти*. Соответственно, можно говорить о лексемах, осуществляющих референцию от роли к фенотипу, от подтекста к иденотипу и от такта к гнейротипу. Первый тип отношения выражен в группе слов, объединяющей такие лексемы, как *калека* «человек с утраченной или обездвиженной частью тела», *близнец* «один из двух лиц, обладающих близким физическим сходством, происходящих

от одной матери и одного отца и находившихся в утробе матери в одно время», *вдова* «женщина, у которой умер муж», *вдовец* «мужчина, у которого умерла жена», *сирота* «человек, у которого умер один или оба родителя», *жених* «мужчина, готовящийся вступить в брак», *невеста* «женщина, готовящаяся вступить в брак», англ. *bastard* «незаконнорожденный, т.е. человек (мужчина), родившийся от незаконной половой связи». Сопоставим план содержания слова *близнец* с планом содержания слова *двойник*. Оба эти слова выражают синонимию в том смысле, что указывают на сущее, т.е. на близкое и неординарное физическое сходство двух (или более) лиц. Однако, *близнец* привлекает в свой семный состав дополнительное знание причины такого сходства, т.е. объясняет с позиции бытия факт сущего как таковой. Значение «близкое физическое сходство» рождается из цепочки смысловых операций, в которой принадлежность референтов единому целому (утробе матери) является синекдохической связью, их физическая близость друг к другу (в утробе матери) – метонимической, а их физическое сходство – метафорической. При этом логически слово *близнец* находится посередине между словом *двойник* и словом *знакомый*. Семантику слова *невеста* удобно рассматривать в противопоставлении семантике слова *любовница*. Обе лексемы содержат общую сему «женщина, находящаяся в неузаконенном любовном отношении к мужчине». В отличие от второй формы, первая форма содержит информацию о предшествующем состоянии референта в отношении к данному мужчине (незамужняя свободная девушка) и о его последующем состоянии (законная жена этого мужчины). Вопреки мнению о том, что одна лексема не в состоянии нести в себе информацию о более чем шестиместной ситуации и что «имена сущностей» (предметов, лиц) вообще не в состоянии задавать ситуацию сами по себе [591, с. 85-86], такое слово, как *невеста* (так же, как и слово *жених*), содержит девять семантических актантов: А – незамужняя женщина (до начала брачного сговора), Б – неженатый мужчина (до начала брачного сговора), В – женщина, готовящаяся выйти замуж, Г – мужчина, за которого она готовится выйти замуж, Д – женщина, которая будет женой, Е – мужчина, который будет ее мужем, Ж – девичество, З – свадьба, И – брак. В слове *невеста* нейтрализуется противопоставление между качественным соционимом *любовница* и половозрастным соционимом *девушка*. Аналогичным образом можно осуществить сравнение планов содержания слова *калека* и слова *урод* (при общей семе «физически неполноценный человек»), *вдова* и словосочетания *старая дева* (англ. *widow* vs. *spinster*) (при общей семе «женщина брачного возраста, не имеющая мужа»), слова *вдовец* и слова *холостяк*, слова *bastard* и слова *наследник* (при общей семе «человек, имеющий основания претендовать на наследство отца»), слова *сирота* и слова *подкидыш* (англ. *orphan* vs. *foundling*) (при общей семе «человек, живущий без родителей»). Эффект нейтрализации оппозиций присутствует и здесь: например, *калека* стоит между *урод* и *красавец*, вдова – между *старая дева* и (замужняя) *женщина*.

Рассмотренную группу слов можно рассматривать как единый семиологический класс *аффектонимов*, вмещающий в себя смыслы социальных отношений. Этот класс также демонстрирует признаки открытой системы в силу того, что его элементы находятся в разнообразных связях с другими семиологическими классами (апеллятивов, половозрастных соционимов, качественных соционимов, иденонимов и др.). В этой связи, можно отметить смысловую связь между словом *близнец* и словом *друг* (при общей семе «неординарная близость», реализующаяся в физической и личностной формах)[92], а также между словом *сирота* и словами *пасынок* и *падчерица* (сироты могут быть приняты в другую семью на правах детей). Примечательно также, что в русском языке в качестве аффектонима может выступать слово *мать*, которое может употребляться не как иденоним, а как обозначение женщины, имеющей детей (ср.: [209, с. 273; 607, с. 123]).

Другую группу слов, содержащих отсылку от подтекста к иденотипу, составляют *гамонимы* (от греч. *gámos* «брак»), или термины свойства. Гамонимы делятся на центральные (*муж*, *жена*), внутренние (*жена брата*, *муж сестры*, *жена дяди* и пр.) и внешние (*теща*, мать жены; *тесть*, отец жены; *свекр*, отец мужа; *свекровь*, мать мужа; *шурин*, брат жены и пр.)[93]. И.А.Мельчук отмечает, что глагольные образования *быть мужем* и *быть женой* выполняют конверсивную лексическую функцию [591, с. 83]. Следует, однако, заметить, что *быть мужем* и *быть женой* (или, точнее, *жениться* и *выходить замуж*), в отличие от других конверсивов типа *купить – продать*, *давать – брать*, маркирует не только семантическую конверсию, но и прагматическую конверсию, указывая на переход лица из одного социального статуса в другой. В русском языке эта прагматическая конверсия грамматически передается возвратным суффиксом *-ся* и синтаксически – глаголом перемещения. Кроме того, конверсивные обороты, связанные с заключением брака, имеют две формы: активную (*жениться*, *выходить замуж*) и пассивную (*выдавать замуж*, *брать в жены*), которая поглощает другой конверсивный оборот (ср. также *брачный выкуп* vs. *приданое*). Гамонимы *муж* и *жена* являются инвариантом конверсивных преобразований «жениться – выходить замуж» и «выдавать замуж – брать в жены», идентифицируя опорные элементы события заключения брака. В отличие от слов *невеста* и *жених*, *жена* и *муж* связаны не смысловой, а событийной связью. Слова *муж* и *жена* являются семантически поливалентными, информируя о множестве ситуативных мест, например: свадьба, брак, дети, приданое (или выкуп), родители жены, родители невесты и прочие родственники с обеих сторон, отмечаемые гамонимами; свадебные персонажи и т.д. Они являются локусом нейтрализации целой серии противопоставлений типа «мужчина – женщина», «раб – господин», «ребенок – старик» и т.д. В событийной связи между собой находятся также слова *кум*, *кума*, *крестный* (отец), *крестная* (мать) и *крестник*, идентифицирующие опорные элементы события крещения ребенка.

Третью группу составляют *филонимы* (от греч. *phílos* «друг; дорогой; свой», или имена ритуального родства. Например, *побратим*, *молочный*

брат, *отчим*, *мачеха*, *пасынок*, *падчерица*. Они выполняют медиативную функцию по отношению к парам антонимов «*друг – враг*» (> *побратим*) и «хозяин – гость» (> *отчим/мачеха – пасынок/падчерица*). Обычай побратимства схватывает сущность дружеско-враждебного континуума социальных переживаний: он призван вывести деятелей за пределы ситуации, при которой обостренная внутренняя близость таит в себе опасность для них обоих. Ср. в этой связи кавказский обычай прекращения кровной мести посредством установления побратимства между кровниками (целование материнской груди). Побратимство может выступать в качестве родового понятия по отношению к различным ритуалам установления родства между врагами, как, например, усыновление пленного вражеского воина. В этом случае, усыновление качественно отличается от практики принятия в семью осиротевших детей. Усыновление пленника не означает, что у него нет своих собственных родителей: оно имеет смысл привлечения фактора принадлежности к человеческому роду в качестве единственного эффективного средства разрешения острого межсубъектного или межгруппового противостояния. Пары *отчим/мачеха* и *пасынок/падчерица* нейтрализуют антонимическую пару «хозяин (хозяйка) – гость(я)», привлекая к вниманию ситуацию, когда представитель одной семейной группы поступает на постоянное жительство в другую семью и сообщает хозяевам этого домохозяйства роль субститутов его (ее) собственных родителей, словно заставляя их «гостить» в роли родителей. Филонимы привлекают социальные ситуации, в которых общая сущность, заложенная в действительном родстве становится абсолютной сущностью для носителей филонимов и относительной сущностью – для носителей иденонимов.

Функция медиации является центральной и общей для аффектонимов, гамонимов и филонимов. Медиация, в данном случае, понимается в том же смысле снятия логических противоречий и относится к той же сущности, что и понятие мифологической медиации, разработанной в трудах К.Леви-Стросса (см.: [516, с. 183-207]). Слова-медиаторы являются сгустками различных сем других уровней и обнаруживают более сложную ступень системной интеграции: например, к полярно-взаимной семе, присущей качественным ционимам, апеллятивам, половозрастным ционимам и др., пристраивается реляционная сема, указывающая на причинно-следственные или временные параметры социальных отношений и превращающая данные слова в *личные имена* смыслов, событий и сущностей. Внутренняя структура классов аффектонимов, гамонимов и филонимов также строится на основе медиативного принципа, который реализуется в трех разновидностях. Аффектонимы связаны друг с другом *фенотипической медиацией*. Например, слово *калека* делит со словом *близнец* сему «физическая аномальность» (калека теряет в своем фенотипе, а близнец расширяет свой фенотип), а со словом *сирота* – сему «утрата части целого». Слово *вдова* указывает на утрату того, что не является частью целого: здесь налицо дублирование отсутствия как параллель близнечному дублированию присутствия.

В 67-м афоризме «Логических исследований» Л.Витгенштейн назвал такую многофакторную и полицентричную связь идей «семейным сходством» (*Familienähnlichkeit*) по аналогии с «игрой» сходств и различий в фенотипах членов семьи [2208][94]. Гамонимическая группа являет собой пример *прототипической медиации*. Понятие прототипа зародилось в ходе психологических экспериментов Э.Рош (см., например: [1954; 1955; 1956]). Она показала, что среди членов логико-семантической категории имеются такие, которые в когнитивной структуре индивида интерпретируются как центральные, т.е. воспринимаются как наиболее яркие представители данного класса объектов. Прототипами класса «мебель» являются «стол» и «стул», тогда как, например, «радио» занимает в структуре этой категории периферийное положение. Э.Рош не рассматривает гамонимы в рамках своей теории прототипов, однако наличие в ней четко выраженной структуры, включающей в себя центр («муж», «жена»), с одной стороны, и внешнюю и внутреннюю периферию – с другой, делает ее своеобразным прототипом прототипического способа категоризации. Э.Рош также попыталась интегрировать понятие прототипической классификации с принципом «семейного сходства» [1957], однако присущая фенотипической классификации децентрализованность не позволяет рассматривать эти два принципа как идентичные (см.: [1571]).

Филонимы строятся по принципу *архетипической медиации*. Они децентрализованы как аффектонимы, структурированы как гамонимы и используют идеи действительного родства в качестве архетипов медиативных категорий.

Местоимения, числительные, соционимы, теонимы, соматонимы, этнонимы, фенонимы, апеллятивы, психонимы, аффектонимы, гамонимы и филонимы образуют *иденотивный* семиологический суперкласс, предметом референции которого является поле субъект-объектных связей[95]. Противопоставление коммуникативно-активной системы присутствия коммуникативно-пассивной среде присутствия (ср. *personal kind terms* vs. *natural kind terms* у Дж.Оверинг, хотя у нее первый термин относится скорее узко к «терминам родства» и даже к «классификационным терминам родства» [1855]) составляет элементарное онтологическое противопоставление, воздействующее как на кодовую, так и на фоновую стороны языка. Теория «сверхпредложений» (*hypersentence*) Дж.Сэдока, сформулированная им для индексальных соционимов [1967], применима ко всем иденотивам: каждый элемент этого суперкласса слов выражает не «произносимое» в поверхностной структуре сообщения высказывание, касающееся отношения между адресатом и адресантом. Иденотивы пронизывают всю знаковую структуру языка. Среди элементов символического уровня к числу иденотивов относятся соматонимы. На индексальном уровне иденотивы представлены, с одной стороны, личными местоимениями, а с другой – числительными. Наконец, иденотивами мимемного уровня являются мимонимы. Они не только имитируют слова взрослых, но и идентифицируют ребенка как нового участника речевых коммуникаций и телесные органы как «орудия» употребления языка. Через иденотивы устанавливается кумулятивная взаимозависимость форм языковой референции (понятийности, образности и признаковости) и обнаруживается синтетическая функция языка, а именно *идентификация*. Иденотивы инициируют прасубъекта в речевую группу и идентифицируют различные «участки» бытия, сообщающие субъекту свойство принадлежности к человеческому роду.

7.3. Иденонимы в системе языка и язык в космосе родства. Семиогенетическая инверсия. Рождение и смерть значения.

7.3.0. Ядро иденотивной группы составляют иденонимы, связывающие фенотип, иденотип и гнейротип, с одной стороны, и рождение, инициацию и смерть – с другой. В иденониме троичная структура праречевого акта (эго – альтер – автор) представлена в своей максимально выраженной лексической форме. В исследованиях по «системам родства» эта триада обычно описывается как *эго*, *альтер* и *коннектор*[96]. Мы понимаем функцию коннектора в СТР как функцию любой родственной категории, внеположенной отношению между эго и альтером, определяющей содержание этого отношения и связывающей его с другими родственными отношениями. Например, коннектором отношения «отец – сын (дочь)» является «мать», коннектором отношения между сиблингами – один или оба родителя, коннектором родства между членами рода – «предок», коннектором супружеской связи – «ребенок». Описание родственного (свойственного) отношения через лиц нисходящих или восходящих поколений отличает неотеронимические и герайтеронимические конструкции (см. 8.4.).

Таксономическое положение иденонимов в системе языка определяется с лексико-семантической и функционально-грамматической точек зрения. Семантическая структура иденонимов (как в общетеоретических, так и в локальных исследованиях) считается идентичной семантической структуре «релятивных имен» (см.: [482, с. 129 и далее; 208; 343; 344; 345; 346; 833, с. 417; 728, с. 119; 674]). Как имена, иденонимы могут употребляться с дейктонимами, соединяться с прилагательными (см. особенно морфологическую типологию иденонимов, раздел 9), являться субъектами предложений. Вместе с тем, как это было давно подмечено философами Т.Гоббсом [239, с. 88], Дж.Локком [540, с. 371-375], Дж.Миллем [1756, с. 44-45], каждая идея родства существуют только постольку, поскольку есть другая идея родства. Полярность идей родства делает их единицами логической предикации, значение которых направлено на соотносящиеся стороны [831, с. 316; 276, с. 27; 202, с. 141]. Предикативное значение – это векторная величина, в которой задана вместе с содержанием определенная направленность на предикандум (субъект) [418, с. 184]. Наряду с выполнением предикативной функции, иденонимы выступают также в функции атрибутивного слова (определения). Каждый иденоним имеет смысл только по отношению к определенному лицу. Для одного человека другой является «отцом», для третьего – нет. Не может быть «отца» вообще, отец существует только для кого-то. Например, «Брат Дмитрий отзывался о брате Иване с глубочайшим уважением», «Пусть танцует дочь такого-то». Атрибутивно иденонимы (исключительно для ближайших родственников) употребляются с собственными именами и обозначают статус людей, а не их реальную родственную близость [276, с. 28-29]. По мысли Г.Г.Джафарова, «возникновение иденонимов объясняется не необходимостью обозначения внелингвистических реалий (человеческих существ), а требованиями предикации, составляющей их первичную (и первоначальную) функцию» [276, с. 27]. Прообразом иденонимов в функции предиката он считает слова, обозначающие общее родство, не сводимое к конкретной степени (например, «родственник»), а также взаимные термины (типа рус. *брат*, *кузен*). Соотносящиеся стороны (предикандумы) в этом случае принадлежат к одной и той же категории фактов, требуют одного предиката и оба возведены в ранг субъектов (например, «Игорь и Вадим – свояки», «Анна и Мария – сестры») [276, с. 27]. Функционально иденонимы рассматриваются как часть микросистемы антропонимов, т.е. имен, обозначающих человека в его многосторонних отношениях к окружающему миру [909, с. 126]. В лингвистических и этнографических исследованиях неоднократно подчеркивалась близость иденонимов к местоимениям, индексальным соционимам, соматонимам, фенонимам, этнонимам и апеллятивам. Так, можно встретить мнение о том,

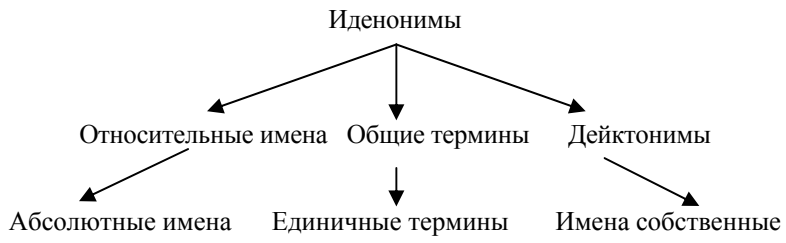
что иденонимы занимают логически промежуточное положение между местоимениями, с одной стороны, и фенонимами – с другой. Они более индивидуальны, чем первые, и более генерализованы, чем вторые [2110, с. 357]. Принадлежность личных местоимений к тому же грамматическому классу, к которому относятся иденонимы и фенонимы, зафиксирована, например, в языке восточных помо, где эти лексические группы выделяются специальными агентивными аффиксами [1695, с. 533].

Во многих языках иденонимы и соматонимы выделяются как такие лексические элементы, к которым применимы маркеры так называемой «неотторжимой принадлежности» (см.: [215; 342; 346; 343; 427, с. 148-158; 515; 904; 842; 1030, с. 297-300, 304, 454-459]). В некоторых языках (каяпо, маори [917], тонга /банту/, марийском [326] и др.) наблюдается частичное взаимное наложение иденонимов и соматонимов, при котором родственники уподобляются частям человеческого тела. Иденонимы и соматонимы нередко имеют сходную морфологическую структуру (ср. нем. *Schenkel* «лодыжка», *Oberschenkel* «бедро» и голл. *overgrootvader* «прадед»[97]; лат. *testes* «голова» и *testiculus* букв. «маленькая голова», «мужское яичко» при *avunculus* букв. «маленький дед», «брат матери»). Наконец, иденонимы и соматонимы могут претерпевать сходные семантические трансформации (ср. скр. *kákṣā* «подмышка», авест. *kaša* «подмышка», лат. *coxa* «бедро», др.-ирл. *coss* «нога», др.-в.-нем. *hāhsina*, тох. *kektseñe* «тело» [216, т. 1, с. 98] и лат. *avus* «дед», др.-ирл. *(h)aue* «внук», прус. *awis* «брат матери»). Называние родственников при помощи числительных, а также нумерация степеней родства, известны многим ТР (ср. исп. *primo* «кузен», *prima* «кузина», *primo(a) segundo(a)* «кузен (кузина) первой степени»; алб. *tregjysh* «прадед», *katragjysh* «прапрадед» [339, с. 180]). В некоторых ТР дети делятся по порядку рождения (см.: [900]). Числительные, так же как иденонимы и соматонимы, демонстрируют разнообразные способы морфологической зависимости одной лексемы от другой. В.Винтер предложил аспекты типологии образовательных моделей числительных выше 10 в ИЕ языках, в которой выделил такие способы, как «соположение без союза», «соположение с союзом», «фузия без союза», «фузия с союзом» и т.д. [192, с. 12]. Сходные словообразовательные модели представлены также и в морфологических типологиях иденонимов (см. раздел 9).

С.А.Арутюнов ставил в один ряд ТР, личные имена и этнонимы как такие элементы естественного языка, которые обладают широким социокультурным содержанием [1054, с. 259-260]. В ономастической традиции этнонимы и иденонимы вместе с обозначением человека по расовому, возрастному, половому, профессиональному и т.д. признакам включаются в разряд антропонимов [909, с. 126]. А.А.Уфимцева, сравнивая иденонимы и имена собственные, подчеркивала, что своеобразие первых в том, что одно и то же лицо называется разными именами [909, с. 128-129]. М.В.Крюков на китайском материале [471], а Н.В.Бикбулатов – на тюркском [115] показали функциональную зависимость иденонимов и фенонимов и их частое сосуществование в одной синтагме[98]. Высказывалось также мнение об исторической первичности иденонимов по отношению к фенонимам [115; 603, с. 17; 1305, с. 151] и этнонимам [1133, с. 30][99]. Иденонимы обнаруживают способность функционировать как формы вежливости (см.: [1141])[100] (ср. в русском языке употребление иденонимов в сочетании с фенонимами: *дядя Вася, тетя Маша* и т.п.), как заместители фенонимов (ср. широко распространенный в архаических обществах запрет на произнесение имени и его замена иденонимом [352; 361]), как половозрастные соционимы (ср. употребление слова *дедушка* как синонимичного слову *старик* в русской разговорной речи) и как качественные соционимы (политонимы) (см.: [494; 495]). Маркированнное термином родственное отношение можно расценивать как признак, по которому выделяется объект. По этому критерию иденонимы сближаются с признаковыми именами (апеллятивами) [909, с. 128][101]. М.Блок, после анализа речевой семантики мальгашских ТР, пришел к выводу, что прагматически они сродни оценочным словам типа *wicked* «плохой, злой, дурной» (о человеке), референты которого определяются стратегически и кодируются коннотативно, а не в соответствии с безусловной денотативной схемой [1116, с. 82-83]. С.Д.Кацнельсон, полемизируя с логиками и некоторыми языковедами (см., например, [389, с. 33]), отмечает, что ТР обозначает не отношение, а лицо, характеризуемое по его отношению к другому родственнику [418, с. 135].

В литературе особо не отмечался тот факт, что ТР, как и другие относительные имена, во многом сходны и с дейктонимами (шифтерами, демонстративами), на что указывает, например, их несоединяемость с указательными местоимениями (нельзя сказать *этот отец* или *та мать*, но можно сказать *этот дом*, *то дерево*) и существование категории неотторжимой принадлежности, которая во многих языках маркируется простым соположением личного местоимения и ТР, тогда как «отторжимость» предмета от поссесора требует употребления притяжательного местоимения. Нам представляется не совсем адекватным причислять иденонимы к относительным именам в связи с тем, что **семантическая структура иденонима содержит в себе не просто единовременную отсылку от одного элемента к другому (например, *гость* подразумевает *хозяина*), но обоюдную (двусторонне-направленную) или, точнее, многократно-возвращающуюся, пульсирующую, циклическую референцию между двумя элементами.** *Как и любое другое слово* в роли субъекта, иденоним требует предиката и атрибута; *как никакое другое слово*, иденоним потенциально способен выполнять лексические функции любого из членов иденотивного суперкласса слов. Иденоним не может быть однозначно отнесен ни к абсолютным, ни к относительным именам; ни к денонтативной, ни к шифтерной лексике, но находится в эпицентре всех этих типов семантических связей. Иденонимы являются в одинаковой степени базовыми (немаркированными) по отношению как к единичным, так и к общим терминам. Не являясь ни абсолютными, ни относительными, ни единичными, ни общими, иденонимы представляют собой *первичные*, *динамичные и сложные* знаки, по сравнению с которыми все прочие типы слов являются *вторичными*, *статичными* и *простыми* знаками (схема 7).

Схема 7



7.3.1. Итак, иденонимы занимают в тексте языка исключительное место: помимо функции имени существительного, они выполняют предикативную (глагольную) и атрибутивную синтаксические функции, т.е. каждый отдельный иденоним обладает полновесной синтаксической («кинтаксической» /от англ. *kin*, *kinship*/, пользуясь игрой слов лингвиста-австраловеда Н.Эванса) структурой и представляет собой высказывание (ср. в этой связи «синтаксическое словообразование» в личных именах [826, с. 85]). В ответ на поиски лингвистов элементарных единиц

синтаксического «уровня» *языка* (не речи!) выдвинем гипотезу о том, что именно иденонимы образуют эмический план синтаксической организации языков и являются теми «образцами» «более тонкого порядка, чем лексемы», в которых «взаимно связаны абстрактные формальные и синтаксические структуры» и которые «несут в себе информацию не об объектах, а об отношениях между объектами» [959, с. 93]. Как можно видеть, иденонимы соотносятся с классом предложений, имеют знаковую природу и, будучи *сложными отложениями* конкретных межсубъектных взаимодействий, лежат в основании такого речевого инварианта, как простое предложение (см. также 7.1.4.). Без этого костяка формальных знаковых элементов, соссюровский *langue* пребывает в состоянии нагромождения различных *условий* (*competence* Н.Хомского) словоупотребления (*performance* у него же), а не системой *увлекающих за собой и эгогенерирующих императивов*, диктующих безусловную необходимость усвоения и воспроизводства речевого мышления. Вместе с тем, в речи иденонимы участвуют не как предложения, а как лексемы, что служит иллюстрацией неприменимости к онтологии языка «уровневой» модели, или модели языка как системы систем (типа метафизической иерархии «фонетика – морфология – лексика – грамматика – синтаксис – текст»), в которой единицы структуры существуют вопреки течению времени. Между «уровнями» языка существует синэргетическая связь, в соответствии с которой инвариант одного уровня – это одно из свойств другого. **Язык и в синхронии, и в диахронии – это не иерархическая, а многопоколенная система, в которой один уровень является продолжением другого.** Помещение естественного языка в поле соприсутствия приводит к следующему: фонетика и фонология слова сливаются в *фонему* как обращенную в речь, а не к говорящему, т.е. морфологическую, а не психическую категорию (вопреки пражской школе); его морфология и его семантика – в *идею* как понятийную категорию, а грамматика предложения и передаваемая информация (высказывание) – в *событие* как онтологическую категорию. В состоянии соприсутствия каждая языковая единица, как выражающая звуковые признаки говорящего и согласующая их со звуковыми признаками слушающего, есть *фонотип* (или обладает фонотипом); как имение значимого предмета в виду, есть *идеотип* (или обладает идеотипом); как мыслительный сигнал говорящего к слушающему, есть *гносеотип* (или обладает гносеотипом). Ср. с языковыми функциями К.Бюлера (7.1.0.).

Например, в русле противопоставления «язык – речь» исследование звуков языка предполагает разделение фонетики и фонологии. При этом отмечается, что фонетика исследует физические явления и относится к сфере естественных наук, в то время как фонология, изучающая смыслоразличительные функции фонем, есть исследование семантическое [894, с. 9-22]. Из этого разграничения закономерно вытекают две различные исследовательские стратегии: изучение соотношения между звуком произнесенным и звуком услышанным, с одной стороны, и изучение соотношения между смыслом выраженным и смыслом различённым – с другой. Интерактивная фонетика и интерактивная фонология должны выявлять не комплекс отношений между различительными признаками фонем, а устойчивые звуковые сочетания, которые будут обладать свойством *фонологической*

эффективности, т.е. выделять из общего разнообразия звуков окружающей среды смысловыразительные элементы. При этом следует пересмотреть, как бездоказательное и произвольное, представление о речевом означающем (фоне) как об оторванном от социопсихологического субстрата акустическом явлении, субстанционально тождественном звукам естетественной среды (между звуковым рядом *абракадабра* и шумом автомобильного двигателя или пением птиц нет сущностной непрерывности): если представить себе фонетику в отрыве от фонемики, то это будет звукоиспускающий фенотип говорящего (движения его губ, языка и легких), а не нечленораздельный шум. Таким образом, фонематический уровень языка должен трактоваться не в плане менталистской структурологии, а в плане межличностной морфологии звучания, т.е. как процесс согласования (созвучия) звуков эго и альтера в слове. Данная поправка к лингвистической теории специально касается мимологических исследований, так как она лишает теоретической основы убежденность такого мимолога, как Г.Е.Корнилов, в глоттогенетической первичности звукоподражательных слов (имитативов) по сравнению с символами и индексами. Г.Е.Корнилов различает современное состояние языка/речи, в котором звуки-фонемы несут смыслоразличительную функцию, и древний этап в развитии языка, когда имелись звуки–идеофоны с функциями смысловыражения. В современных постимитативных языках имитативы низведены до статуса слов одной из частей речи и постепенно исчезают из языка, однако в предыдущую, имитативную, эпоху это были единственно возможные максимальные отрезки речи, несущие в себе зародыши категорий предикативности, модальности и времени в естественном языке, а также живописи и поэзии [446, с. 60; 445, т. 1, с. 122-123] (см. также: [420а]). Справедливости ради, у Г.Е.Корнилова мимема – это не только звукоподражание (как считалось в XIX в.), но и подражание с помощью звуков и звучаний объектам, явлениям, процессам, состояниям, качествам, «включая и *самого человека во всех его проявлениях*» [445, т. 1, с. 122; выделено мной. – Г.Д.]. Однако последний аспект, оставаясь в работах чувашского языковеда декларативным, фактически содержит указание на то, что собственно подражание звукам природы есть не более чем частный случай более общего принципа, к которому символические и индексальные знаки относятся в неменьшей мере. На наш взгляд, звукоподражания относятся не к древнейшему слою языка, а наоборот, к числу его позднейших приобретений, на что указывает наличие в имитативах символического компонента (ср.: [314, с. 41]), который, правда, пребывая в «свернутом» состоянии, нацелен не на предмет речи, а на сам звуковой ряд как предмет языка. Иными словами, имитация звуков природы есть символизация символов культуры.

7.3.2. Признание особого статуса иденонимов *по отношению к* естественному языку заставляет задаться вопросом о значении для праестественного языка таких фундаментальных категорий естественного языка как *значение* и *употребление*. В этой связи, необходимо остановиться на опытах описания значений ТР А.Вежбицкой (см., например: [2195]). Рассматривая свой подход как компонентный и лексикографический, она предложила описывать значение ТР посредством применения к ним набора интуитивно выявленных ею «семантических примитивов» (см.: [2193; 2196]). Такие значения, как «до», «после», «делать», «такой же», «разновидность», «некто», «нечто», «становиться», «знать», «вещь» и др. (всего к настоящему времени около 20), считаются неразложимыми на множители, общими для всех языков и исчерпывающе описывающими любое другое значение. Отмечая, что компонентное выражение типа «мужской родственник первого восходящего поколения» или «женщина, являющаяся ребенком родителей говорящего, но не сам говорящий» не имеет смысла для носителей культуры, А.Вежбицка предлагает формулировки следующего типа: X's *jarraga* [в языке дьирбал] – someone who is thought of as related to X in the way one's MOTHER is related to one but who is not one's MOTHER

(«классификационная мать – некто, кто считается относящимся к X так же, как к человеку относится мать, но кто не является его матерью») [2195, с. 136]. Теоретический смысл такого высказывания состоит в преобразовании сложных значений в простые, отсутствии тавтологичности и обеспечении его понятности самим носителям языка-объекта. По мысли исследоватнльницы, именно такого рода определение соответствует «психологической реальности» ТР. Во избежание тавтологичности (*circularity*) семантических «предложений» родства, А.Вежбицка вынуждена сделать допущение, что среди ТР имеются первичные и вторичные значения. Обращаясь к дебатам между Э.Личем, с одной стороны, и Б.Малиновским и Ф.Лаунсбери – с другой, по поводу полисемии/моносемии в ТР, А.Вежбицка вырабатывает компромиссное решение: утверждая, что все языки знают ТР для обозначения матери и отца и все культуры признают связь между соитием и рождением ребенка, она постулирует в качестве универсально первичных для ТР только значения «мать» и «отец», остальные же случаи относит к культурно обусловленным. При этом, значения «мать» и «отец» описываются в более простых терминах как, соответственно, «та, которая рождает» и «тот, который рождает» и, тем самым, не являются частью группы общесемантических универсалий. В другой работе [2194] она рассматривает значения «брат» и «сестра» тоже как элементарные в пределах ТР. Не стоит возражать А.Вежбицкой, что могут обнаружиться языки, в которых биологические породители никак не отграничиваются от классификационных «матерей» и «отцов». Суть не в этом, а в том, что значения «отец» и «мать» неотделимы от значений «сын» и «дочь». Ср.:

«Фактически ни в одном языке нет базовой семемы «отец» или «родитель мужского пола», где «родитель» и «дитя» противопоставлены как отдельные элементы. Ее место занимает базовая сема «родитель – дитя»» [1606, с. 57][102].

Семантика ТР позволяет ему реализовывать одновременно и значение взаимности (возвратности), наиболее полно выраженное в таких терминах, как рус. *брат, кузен, свояк* и их аналогах в других языках, и значение полярности, так как базовая сема может распадаться с образованием комплементарных предикатов и оппозитивных лексем. Независимо от того, является ли иденоним формально реципрокным, взаимная сема присутствует в нем всегда. А.Кробер назвал это свойство «фундаментальным чувством взаимности» [1584, с. 82-83]. Иными словами, вся парадоксальность (а не тавтологичность)[103] иденонимов заключается в том, что каждое отношение родства достаточно элементарно для того, чтобы исчерпывающе описывать самого себя. Используемые А.Вежбицкой «примитивы» скорее следует понимать не как *семантические категории* (все приводимые ею слова имеют этимологии, а значит являются порождаемыми), а как *синтаксические (социальные) отношения*, циклически отсылающие к субъекту высказывания. «Делать» значит «делаться», «становиться» значит «становить себя», «некто» значит «некто в отношении кого-то», «до» и «после» всегда зависят от точки зрения говорящего так же, как «предок» и «потомок». Курьезным представляется определение, данное А.Вежбицкой взаимным иденонимам в ±2 поколениях австралийских СТР:

«Я думаю о них (нас, вас) как о лицах одного *рода* (*kind*), как о двух братьях или двух сестра» [2194, с. 39-40; выделено мной. – Г.Д.].

Употребление в русском переводе словосочетания «себе подобных» (англ. *my own kind*) грамматически требует эго в качестве субъекта предикации, т.е. «я думаю о них как о себе подобных», что делает перевод бессмысленным. Учитывая, что как рус. *род*, так и англ. *kind* этимологически весьма прозрачно указывают на связь по родству, предложенная А.Вежбицкой формулировка есть сплошная тавтология. Тавтология, если перефразировать мысль Л.Витгенштейна, воспринятую позднее его учителем Б.Расселом, есть удел любой «идеальной» пропозиции.

7.3.3. Совершенно очевидно, что предлагаемые А.Вежбицкой определения более соответствуют живым *языкам*, нежели определения, почерпнутые из жаргона сторонников компонентного или трансформационного анализа иденонимов. Столь же очевидно, однако, что, при обучении детей, носители этих языков не будут пользоваться в *речи* такими определениями, которые предлагает А.Вежбицка. Для словарной лексикографии это обстоятельство, видимо, не имеет значения, но для исследования «психологической реальности» иденонимов это существенно. Никто из тех, кто употребляет, например, слово «отец» не знает, *что* оно обозначает. Людям гораздо важнее знать *кто такой* «отец», т.е. присутствие самого референта поглощает понятие, которое может быть вызвано его существованием. Если попытаться определить «отца» как понятие о «том, кто рождает», то каждый человек должен удовлетвориться определением самого себя как «того, кто рожден». Всякое понятийное определение иденонима выполняет тем самым функцию раскрытия семантического богатства формы, никогда не исчерпывающее ее содержание, а вовлекающее это содержание во все новые и новые связи. «Отец» означает только «не-отец», где приставка *не-* маркирует усиление и уподобление через отрицание, как в *некогда*, *незадача*, *недеток*[104]. Язык может раскрывать это усилительно-уподобительное отрицание иденонима путем вовлечения его в пары и тройки оппозитивных категорий типа «сын» и «дочь» для «отца». Означаемое иденонима является *продолжением* своего означающего, увеличивающим его семантическую нагруженность. Вместо *signification* получаем *magnification*, вместо *signifiant* – *magnifiant* (ср.: [1118]). Иденоним отрицает понятие, представление и образ в пользу уникальной общей сущности: в случае его употребления нет *competence* Н.Хомского, есть только *per-formance* в отношении к *pre-sence*, т.е. преодоление предметности объекта через преодоление формы воспрятия субъекта. Это означает, что иденоним – это всегда объективное полагание и моральное суждение (ср.: [1116, с. 83]. По этому признаку он сближается с глагольной связкой «есть». Как писал И.Кант в «Критике чистого разума», «есть» представляет собой связку суждения, то, что полагает предикат по отношению к субъекту [410, с. 521].

«Бытие явно не есть реальный предикат, т.е. понятие о чем-то таком, что могло бы входить в понятие той или иной вещи. Оно есть просто полагание вещи или известных определений самих по себе» [410, с. 521].

По мысли И.Канта, предикация существования ничего не прибавляет к вещи, но прибавляет саму вещь к ее понятию, т.е. опять-таки устанавливает отношение не между *competence* и *performance*, а между *performance* и *presence*. Здесь мы возвращаемся к глубинной связи родства и бытия, отмеченной выше в контексте фундаментальной онтологии М.Хайдеггера.

7.3.4. Употребляя ТР, человек раскрывает его двойное бытие: как *идеей* он им не просто обозначает, называет, указывает на какое-то лицо, а *имеет его в виду* как присутствие; как *идемой* он идентифицирует его как *свою* сущность. **Идема, таким образом, это локализованный в сущности объекта признак субъекта.** Идея – это феноменальное, фоносемантическое, т.е. план выражения иденонима; идема – это сущностное, синтактико-прагматическое, т.е. план содержания иденонима. Иденонимы можно *произнести* в потоке речи, идеи можно *назвать* в их отношении к другим идеям, идемы можно только *вызвать* к происхождению от других идем. Как идеи, иденонимы образуют лексико-семантическую группу; как идемы, они составляют особую категорию знаков и особый знаковый уровень. Так же, как нельзя сказать «бытие есть» (но можно сказать, например, «Бог есть»), нельзя сказать «родство есть» или «отец есть». Родство (записанное как пропозиция типа «у меня есть отец») имеет место и, благодаря этому, вводит прасубъекта предикации, как необходимого, в существование в «местности», точно определенной в имени объекта предикации как действительного.

Коренным заблуждением участников дебата о полисемичности или моносемичности ТР (см. 2.1.) является их общая предпосылка о том, что иденонимы соотносятся с понятием так же, как и любое другое слово. Б.Малиновский [1704, с. 525-526; 1705] и сторонники ТА (см., например: [1986, с. 66]) полагали, что, если термин обозначает «отца» и «брата отца», то последнее значение есть (метафорическое) «расширение» (*extension*) первого. А.Хокарт назвал эту точку зрения «наивной лексикографией» [1486, с. 31], а Э.Лич [1618, с. 130-131; 1619] отмечал, что говорить о том, что в этом случае термин имеет первичное значение «мой отец» так же нелепо, как утверждать, что слово «стол» означает прежде всего «мой стол». М.Блок [1116] совершенно справедливо заметил, что ТР не имеет денотативного значения, подобного значению слова «стол», а значит расширяться может не его смысловая сторона, а сфера его употребления. И.Хант показала, что и «генеалогическое», и «социальное» значения термина могут актуализироваться в зависимости от «контекста» (в нашей номенклатуре – подтекста и инициации) [1517].

Иденоним как идема представляет собой (авто)поэтический троп и соединяет в себе качества метафоры (связь по сходству), синекдохи (связь вида и рода), метонимии (связь по смежности) и поссессива (связь по притяжательности)[105]. Если метафора – это «понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [511, с. 128] (при том, что отношение подобия устанавливается между уже сложившимися смысловыми сущностями), то ТР *cum* идема имеет место как семиогенетическое *присвоение частью ближайшего и сходного с ней целого*, а акт употребления иденонима есть симптом этого процесса. Любой иденоним как идея есть уже результат *расширения* (*extension*) присутствия альтера для эго и *сужение* присутствия эго для самого себя[106]. Употребляя иденоним, субъект парадоксальным образом имитирует сущность (но не признак) объекта, т.е. ситуационную объективность объекта (парадигматически – своего тела). Знаковость иденонима как идемы

можно сравнить, с одной стороны, со знаковостью христианской иконы, которая, в отличие от «икон» семиотики, не просто изображает объект, а передает его субъектную сущность через именной симбиоз символичности, индексальности и иконичности (см.: [925]); а с другой – со знаковостью денег как имитаторов товарной сущности вещей[107]. В иденониме соотношение означающего и означаемого парадоксально инвертировано (схема 8): звуковой ряд здесь не замещает объект в сознании субъекта, а служит той материальной основой, на которой означаемое (т.е. способ группировки лиц по отношению к эго) в буквальном смысле слова изображено или написано. Тем самым, КР (в своей непосредственной манифестации в виде СТР) образует уникальное промежуточное звено между вербальным языком, с одной стороны, и письменностью, с другой; между фонетическим и пиктографическим письмом[108]; а также между совокупностью всех средств коммуникации и физическим миром. Он логически предшествует мифу в общем процессе семиогенетического отрыва информации от ее бессоциального субстрата (см. 7.2.0.). Это – семасиография[109], выполненная на еще «необработанном» для целей передачи информации звуковом материале (праозначающее), служащая идентификации участников коммуникации (в т.ч. самого субъекта) и *расподобляющая их физические фенотипы* в первичные системы информации о возможностях и способах существования информации. Семиозис начинается с *семиогенетической инверсии* и заканчивается смертью смысла в объективированном (т.е. «обработанном» в ходе человеческой деятельности) знаке.

Схема 8

СИСТЕМА ТЕРМИНОВ РОДСТВА (праестественный язык)	означаемое ↓ праозначающее
МИФ	означаемое ↕ означающее
ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК	означающее ↓ означаемое

Определить отличие идем от элементов семиотической типологии (икон, или мимем, индексов и символов) можно при помощи оппозиции «произвольность – мотивированность». Символ произволен с точки зрения системы языка, так как не существует никаких оснований считать, что, скажем, звуковой ряд *корова* закономерен и выражает некие черты,

присущие этому животному, однако строго мотивирован (непреложен) в речи, ибо, если исключить клинические случаи афазии, никому из носителей русского языка не придет в голову обозначить корову *чайником*. Индекс, напротив, мотивирован в системе языка (например, *письмо* как процесс и *письмо* как результат процесса; гнезда однокоренных слов, структурная зависимость дейктонимов типа «здесь» и «там» друг от друга, возможность употребления фактически любого слова в качестве звательной формы /в том числе и слова *чайник* как ругательного по отношению к корове/ и пр.) и произволен в речи, обеспечивая, скажем, строгую привязку дейктонимов к речевому акту или маркируя неологистические словоупотребления. Мимемы, в отличие от символов и индексов, обнаруживают мотивированность и с точки зрения языка и с точки зрения речи в силу своей соотнесенности со звуковыми параметрами обозначаемого предмета[110].

Фундаментальное значение этносоциологической традиции в изучении «систем родства» для лингвистики и семиотики состоит, как думается, в том, что обильно документированные факты корреляции изменений в СТР с ситуативными и долгосрочными изменениями в структуре социальных отношений свидетельствуют о том, что специальной характеристикой идемы является ее произвольность по отношению как к системе языка, так и к системе речи (т.е. эгомерность)[111]. **«Термины родства» объединяются в «систему терминов родства» не потому, что все они заранее объединены общим полем референции, а потому, что каждый из них является сам себе референтом. Эта семиотическая сфера сам-себе-референтов зависит от «объективного» мира постольку, поскольку не может сама себя не объективировать.** Если постулат о языковой произвольности знака часто иллюстрируется на таком примере, как существование разных слов для обозначения одного понятия в разных языках (домашнее животное семейства кошачьих именуется *кошкой* в русском, *cat* в английском, *gato* в испанском, *chat* во французском и т.п.), то языковая и речевая произвольность иденонима ярко проявляется в его семантической относительности, т.е. один и тот же человек является *отцом* для одного, *сыном* для другого, *дядей* для третьего и т.д[112]. Именно в силу речевой произвольности иденонимов одни исследователи видят в употреблении иденонимов сплошную бессистемность и хаотичность (см., например: [1497, с. 25]), другие же отмечают способность иденонимов моделировать и фальсифицировать любые социальные связи (см.: [1370])[113]. Таким образом, идемы являются полной логической противоположностью мимем. Однако, занимая противоположный от мимем полюс семиотического спектра, они несут в себе принципиальное сходство с звукоподражательными единицами языка: идемы – это мимемы, черпающие свою форму и свой смысл не из физического или животного мира, а из мира людей. Наиболее явственно мимемные свойства проявляются в случае ВТР (см. 10.2.), когда «брату» вторит «брат», а «кузену» – «кузен»[114]. В речи идемы являются не просто воспроизводством хранимых в языке отношений между планом выражения и планом содержания, они всякий раз творятся заново,

являясь ежемгновенным «слепком» с определенного субстрата социальных отношений: они не имеют готовых референтов, которым можно подражать, а уничтожают референты, создавая на их месте и по их образу и подобию другие референты. Каждый иденоним, как и СТР в целом, являет собой структурную закрытость и открытость. Как система, он, с одной стороны, саморефлексивно замкнут на себе, а с другой – идентифицирует сущность объекта как субъекта. Как текст, он, с одной стороны, представляет собой звуковую единицу, *семантически* более близкую одним и более отдаленную от других звуковых единиц и, соответственно, принадлежащую к семиологическому классу «терминов родства»; а с другой – представляет собой звуковую единицу, *прагматически* принадлежащую синтаксическим пропозициям с участием указанных элементов других семиологических классов (глаголов, числительных, местоимений, пространственно-временным дейктонимам и др.). Иденонимы как лексическая группа является частью языка, в то время как язык можно рассматривать как часть идемной знаковой системы (т.е. КР), по отношению к которой символические, индексальные и иконические знаки являются обособленными друг от друга в результате приоритетного соотнесения с дискретными референтами абстракциями. ТР соотносятся не с отдельными вещами, понятиями или образами, а с комплексами (типами, видами, классами, родами) таковых, которые имеют бытийный статус либо как признаки, либо как сущности субъекта и ему подобных. Являясь наиболее структурированным классом (т.е. классом, где мало элементов и много отношений) слов, встречающихся в естественном языке, иденонимы как идемы выступают по отношению к естественному языку в функции *праестественного языка*. Основным отличием праестественного языка от естественного языка является свойство первого сообщать субъекту всю полноту своего внутреннего взаимодействия через каждый свой единичный элемент. КР как *первейшая* моделирующая система относится не к механизму обмена информацией, а раскрывает специфику человеческих особей как сообщающихся информантов. Через свои модусы полярности, взаимности и реляционности (см. 6.3.6.) КР в концентрированном виде передает сущность естественного языка, как она виделась, например, Э.Бенвенисту, писавшему:

«Полярность лиц – вот в чем состоит в языке основное условие… Она представляет собой особый тип противопоставления, не имеющий аналога нигде вне языка. Она не означает ни равенства ни симметрии: «эго» всегда занимает трансцендентное положение по отношению к «ты», однако ни один из терминов не мыслим без другого; они находятся в отношении взаимодополнительности, но по оппозиции «внутренний – внешний», и одновременно в отношении взаимообратимости» [99, с. 296].

Праестественная *модель* естественного языка утверждает, что без системного исследования иденонимов в глобальной перспективе невозможны никакие суждения о естественном языке как таковом. С позиции КР очевидный, казалось бы, постулат о том, что «наше абстрактное представление о языке зависит от наших знаний конкретных языков» [111, с. 411], не является истинным. Посредством операции феноменологической редукции, т.е. соединения крайнего объективизма с крайним субъективизмом (см.: [596, с. 20]), концепция праестественного

языка нейтрализует, с одной стороны, противопоставление между восходящим к В. фон Гумбольдту представлением о языке как о социально-обусловленной деятельности (*energeia*) и восходящей к Ф. де Соссюру (и далее к стоикам) концепцией языка как продукта деятельности (*ergon*); а с другой – дихотомию между языком и речью[115]. Систему языка-речи следует противопоставлять как единое целое системе присутствия.

7.3.5. В плане содержания любое употребление иденонима есть приложение присущей прасубъекту знаково-предикативной силы и разгрузка исторически накопленного богатства прасемантики иденонима с целью максимально экономичного разграничения по крайней мере двух фенофактов как «сфер влияния» фенотипов. Дискретная семантическая мобильность иденонимов, разграничивающая референтивные «пункты» А и Б, действительно фиксируется на широком сравнительном материале (см.: [1839]), но интерпретировать ее следует не как *механическое расширение* (*extension*) *значения*, а как *векторное распространение* (*expansion*) *действия* и выражение мобильности эго и альтера в социально-физическом пространстве («жизненный путь» – на этот аспект указывал Б.Малиновский, – социально значимые перемещения из одного пространственного локуса в другой и складывание корпоративных групп как неизбежно физическое группирование социальных лиц). В плане выражения морфосемантические зависимости между идеями родства диаграмматически *изображают* социально значимые физические передвижения субъектов (включая физические зависимости между субъектами, связанными биологическим порождением), и, таким образом, СТР каждого коллектива можно сравнить с картой, представляющей собой инвариант ориентированности эго в отношении социума и социума – в отношении занимаемой им ойкумены[116]. Синтактико-прагматические зависимости между идемами *управляют* телесными (пере)движениями субъектов, ибо любое физическое движение есть результат согласования (взаимосодействия) некоторых фенотипических признаков каждого человека друг с другом и с фенотипами других лиц. Восходящее к А.Кроберу популярное метафорическое описание ТР как «одежды» на «теле» социальных институтов[117] переформулируется как воздействие идем на физическое тело человека и управление ими совокупностью тел находящихся в коммуникативном соприсутствии (т.е. взаимном обозрении фенотипов) лиц. Каждое человеческое действие (в физиологическом и социальном смысле) возможно только постольку, поскольку происходит качественное изменение в типе дуальной связи между сознанием и действительностью. **Соизмеримые со временем идемы служат изменению типа референции, или соотношения между знаком и вещным миром** («word – world relation»). В отличие от *шифтеров*, которые только *смещают* референциальный фокус с одного объекта на другой, идемы *меняют* самый тип дезигнации («жесткий» на «нежесткий» и обратно), устанавливая порядок взаимного замещения (воспроизводства) физического и ментального. В ходе этого процесса КР не только снимает противопоставления между различными знаково-моделирующими

системами коллектива в плане содержания (т.е. выступает в функции леви-строссовского медиатора, действия которого имеют глобальный размах), но и заново акцентирует их в плане выражения[118]. СТР не отражает и не выражает никакие априорно существующие социальные отношения или биологические связи: поле ее функционирования – контакт гнейротипов и фенотипов коммуникантов, орган ее применения – центральная нервная система, поле ее изобразительности – физическая мобильность коммуникантов как *источник пространства* (ср.: [596, с. 491, со ссылкой на кантовскую формулировку «порождающее пространство движение»), ее роль – *необратимое изменение* референциальной связи между знаком и действительностью, делающее из этой «связи» эмпирическое подобие временнóго потока. Функции идемного управления и идейного изображения являются одновременными. Праестественный язык – это инобытие центральной нервной системы, *искусственно создаваемая человеком природная среда*, выступающая в качестве эволюционно-адаптивного механизма защиты *Homo sapiens* от самого себя, сообщающего ему фундаментальную уверенность в том, что мир является тем, кем становлюсь «я» (не «мир является тем, чем он есть»!)[119]. Полностью обойденные вниманием в ходе бурных философско-лингвистических дискуссий 1970–1980-х гг. (которые были сосредоточены на специфике собственного имени, имен естественных классов и шифтеров как «жестких дезигнаторов») (см., например: [1199; 1953; 1581; 30]), иденонимы между тем должны играть ведущую роль в формулировании проблем соотношения сознания и действительного мира, истины, необходимости и границ познания. Иденоним метапрагматичен; он отрицает сознание в пользу *рассознательного*, а опыт – в пользу *безопытного*: это то, что все без исключения знают, но что одновременно составляет бытие в его бесконечно наполняющейся человеком открытости. Как идея, иденоним является самым нежестким из «нежестких» дезигнаторов и может быть раскрыт на формально-логическом (компонентном, трансформационном, реляционном) уровне как состоящий в определенном отношении к другим иденонимам; как идема, он является самым жестким из «жестких» дезигнаторов и может быть только назван в своем происхождении от других идем.

Принято считать, что линейной является речь, но не язык. Иденонимы как языковые единицы уникальны в том плане, они всегда ориентированы во времени (например, отец → сын → внук); в отличие от временных шифтеров типа «сейчас» и «тогда», они не зависят от акта речи, а организуют множество праречевых актов в сюжетную, синтагматическую, временную последовательность, устанавливая объективные зависимости между «сейчас» и «тогда» (см. 6.3.3.). Соответственно, СТР является непосредственной манифестацией самовоспроизводящегося *социального* организма (т.е. КР), представляющего собой совокупность *знаков*, не соотносящихся с готовыми референтами, а уничтожающих одни референты и порождающих тем самым другие; этот организм не существует *во* времени, а содержит время как одну из своих структурных единиц (ср. выше принцип относительности А.Эйнштейна и концепцию литературного хро-

нотопа М.М.Бахтина). Пользуясь словарем М.Хайдеггера, скажем, что СТР «временятся» в присущем им и самодеятельном единстве рождения, взросления и смерти и поэтому имеют историю. Из данного положения вытекает гипотеза о том, что изменения в СТР являются двигателями исторического процесса «дрейфа языка» и, соответственно, их соотношение с семантикой и фономорфологией других знаков должно пристально исследоваться в компаративистской перспективе. Возможно, что, являясь языком в языке, иденонимы относятся к естественному языку как молекулярно-генетическая структура относится к своему организму: формально «принадлежа» ему, они играет роль непроизнесеннных высказываний (имеющих, в отличие от «божественного языка» Николая Кузанского, «бессознательного», или «Оно» З.Фрейда, гуссерлианских эйдосов, хомскианских «правил», «прописьма» Ж.Деррида, «безмолвного Логоса» М.Мерло-Понти, эмпирико-фонетический статус), кодирующих структуру целого. Наконец, можно сказать, что ТР предоставляют методическое средство для полного осуществления проекта *онтологизации языка* – проблемы, со всей отчетливостью осознанной М.Хайдеггером, – и *семиотизации бытия* – проблема, в русле которой работают постмодернистские философы (ср. возвращения знака в настоящее у Ж.Деррида).

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СИСТЕМ ТЕРМИНОВ РОДСТВА

8. Праграмматическая типология систем терминов родства

8.1. Праграмматика родства управляется несколькими способами построения идей родства на основе праречевых функций эго, альтера и автора (праграмматических лиц). Эти способы аналогичны падежам (англ. *case*) естественного языка с той важной разницей, что все они существуют не в системе языка, а в системе речи, соотнесенной с системой присутствия, и связаны не с субъект-объектным противопоставлением, а с прасубъект-объектной триадой. В падежах родства стоят не сами ТР, а социальные отношения, или сами родственники в отношении друг к другу. В отличие от различных подходов к семантическому анализу иденонимов (от классического КА до метода «примитивов» А.Вежбицкой), нами предполагается, что каждому иденониму соответствует лексико-грамматическая функция, и, таким образом, ТР «отец» не выражается понятие «родственник первого восходящего поколения прямой линии родства» или «лицо мужского пола, участвующее в порождении», но отношение между двумя лицами ставится (склоняется) в «отцовском» падеже.

Одно и то же отношение родства можно выразить либо полярными терминами, либо реципрокным ТР, либо реляционными ТР, и таким образом можно выделить *линейную*, *реципрокную* и *реляционную* праграмматические метасистемы. Иденоним является полярным (англ. *polar, reciprocal*) в том случае, если для описания отношения используются

два ТР (см.: [1784, с. 101; 1131, с. 64]). Иденоним считается взаимным, или самообоюдным (англ. *self-reciprocal*, *identical-reciprocal*, франц. *auto-réciproque*, нем. *wechselseitig*, *gegenseitig*), если для описания отношения используется один ТР[120]. Иденоним можно считать реляционным, если для описания отношения используются три ТР и более. Полярный ТР превращает родительный падеж (генитив) в *прародительный* (*обратимый родительный*, *прагенитив*) путем слияния его с творительным или дательным падежом (дативом): «Иван – сын Михаил*а*» = «Иван является сын*ом* Михаил*а*» = «Иван приходится сын*ом* Михаил*у*». ВТР превращает именительный падеж (номинатив) в *идентификационный* (*обратимый именительный*, *праноминатив*) путем слияния его с дательным или родительным: «Иван и Михаил – братья» = «Иван(*у*) Михаил(*у*) – брат» = «Иван(*а*) (–) брат (,) Михаил(*а*)[121]. В рамках реляционной метасистемы обычно выделяется референтивная и вокативная «подсистемы родства» (см.: [1664, с. 84; 1870, с. 130; 2056, с. 215; 464; 689, с. 84; 264]), а также ТР, употребляемая только на письме [466, с. 94-97]. В референтивной подсистеме употребление иденонима зависит от присутствия или отсутствия референта в акте речи. В вокативной подсистеме употребление иденонима зависит от того, является ли референт в акте речи адресатом. Например, человека назовут *отцом*, если он либо отсутствует в момент речи, либо не является адресатом; и *папой* если он является адресатом высказывания. Таким образом, одна идея родства покрывается тремя ТР: *отец*, *папа* и *сын* (или *дочь*). Следует обратить внимание на то, что так называемая «референтивная подсистема» определяется не как таковая, а в противоположность «вокативной подсистеме». Реальное определение первой требует растворения этого понятия в оппозиции «взаимные термины – полярные термины» и рассмотрения вокативного падежа в связи с идентификационным и прародительным падежами. В дополнение к праноминативу, прагенитиву и вокативу, приведем другие случаи зависимости идей и отношений родства от статуса референта *к моменту* речи.

8.2. Аффективный падеж идентифицируется ТР, служащими для обозначения умерших родственников. Формы аффективного падежа получили распространение в Северной и Центральной Америке.

Ср., например, тимуква *isa* Рж, *iquine* «та, кто давала мне молоко», Рж после смерти; *iti* Рм, *siquinona* «тот, кто породил меня», Рм после смерти; *itemiso* +ДмРРм, *itequiani* -ДмРРм, *naribuana* «мой старик», ДмРРм после смерти; *hiosa* +ДмРЭм, *ano ecoyana* +ДмРЭм после смерти; *amita* -ДРЭм, *yubuaribana* -ДмРЭм после смерти; *ule* ДЭж, ДДжРЭж, *ano nihanibana* ДмДжРЭж после смерти и т.д. [2084, с. 452-455]; кавайису *muwa* Рм, *kuu'u* «покойный отец», *piya* Рж, *mawi'i* «покойная мать» [2219, с. 327, 328][122]. У чонталь в основе вокативных терминов для отца (*may'ayi*) и матери (*maym'aama*) лежат соответствующие аффективные иденонимы (-*'ayi'* и -*m'aama*), которые противопоставлены референтивным формам *taata* Рм и *naana* Рж [2175, с. 193-194]. Напротив, у пукапука (Полинезия) использовать ТР в прямом обращении можно только по отношению к умершим во время поминальных обрядов; к живым родственникам обращаться можно только по именам [1077, с. 257]. У кавайису и соседних тюбатулабал существует также правило называть родителей до и после смерти детей (т.е. сиблингов эго) разными терминами, причем аффективный термин тождествен термину для старшего однополого сиблинга родителя (например, *kumu* Рм /после смерти ребенка/ =

+ДмРРм; *ümü* Рж /после смерти ребенка/ = +ДжРРж) [1360, с. 221, 229]. У шаста (Калифорния) нет специальных терминов для обозначения аффективного статуса родственника: у них к обычным иденонимам прибавляются модификаторы [1805, с. 71]. У цимшиан, пока прадед и прабабка живы, их называют терминами для «деда» и «бабки»; после смерти их обозначают термином *o'l* «родственник ±3 поколения» [1549, с. 84]. Изменение ТР может происходить и в случае смерти генеалогического коннектора: ср.: тимуква *nibira* РжР, а после смерти Рм – Рж, ДжРРж, ДжРРм; *itora* РмР, а после смерти Рж – Рм, ДмРРм, ДмРРж [2084, с. 453]; атсугеви *apun* РмРм, *bestastohe* РмРм после смерти Рм; *djuwa* РжРж, *bestastohe* РжРж в случае смерти Рж; *mEhwus* ДжРРм, *уэwcicar* ДжРРм в случае смерти ДмР; *bEhur* ДДмРЭж, *уэwicicar* ДДмРЭж после смерти ДмР [1347, с. 349-350]. Самостоятельные лексемы существуют для обозначения альтера после смерти коннектора у селишей [1281, с. 369, 373; 1846, с. 91].

Как и в случае с вокативной ТР, аффективная номенклатура может предвосхищать изменения в референтивной (в данном случае переход от бифуркативно-линейной модели к бифуркативной в +1 поколении).

Помимо альтера и коннектора, актантом аффективной подсистемы может быть эго. В этом случае место иденонима занимает *некроним* (термин предложен К.Леви-Строссом [1517, с. 264]). Система некронимов получила особенное развитие у пенанов (Калимантан) и получила подробное освещение в работах Р.Нидэма (см.: [1805; 1801; 1802; 1803; 1810]). В случае смерти генеалогического (не классификационного) родственника эго получает имя в зависимости от того, кем ему приходился этот родственник [1803, с. 418], например, *Uyau* «отец мертвый», *Tupou* «дед мертвый». С этих пор индивида все звали именно по некрониму. Полный набор некронимов существовал и у другого австронезийского этноса – молима, но их социальное функционирование описано гораздо хуже, чем некронимическая система у пенанов. Известно, что категории родства, участвующие в построении некронимов, делятся у молима на две группы – *geyawuna* и *valevaleta*. Первый ТР в узком смысле значит «тот, кто потерял дядю по матери или ребенка сестры», а в широком – всех родственников покойного, относящихся к другим поколениям и связанных с ним через женщину. Второй ТР обозначает мужчину, у которого умер брат, и распространяется на всех остальных родственников. Эти две группы начинают функционировать после смерти человека в течении всех лет, отведенных для его поминок. Функции их строго различны: *valevaleta* несут траур и соблюдают соответствующие табу, а *geyawuna* выполняют все физические работы, связанные с похоронами (хоронят тело и т.п.). За это *valevaleta* устраивают пиршество в честь *geyawuna* [1181а, с. 97-98].

У викмункан некронимы функционировали только в период траура (см.: [2108]). У нголокванггар (Австралия) после смерти человека его родственники приобретали специальные обозначения, не связанные с нормативными иденонимами: *delmark* для жены в случае смерти мужа, *tjalilk* для сына в случае смерти матери и т.д. [2061, с. 311-312]. У чулупи (Парагвай) некронимы использовались только для лиц восходящих поколений, что сближало их с другим обычаем, а именно неотеронимией (см. 8.4.). Например, *zuzu* РмР, оплакивающий своего ребенка (референтивно *yikt'e'ech*), *yaya* РжР, оплакивающая своего ребенка (референтивно *yikt'e*), *klaklay* Рм, оплакивающий своего ребенка, *napi mimi* Рж, оплакивающая своего ребенка [2192, с. 486]. У мара и других этносов Австралии некронимы всю оставшуюся жизнь употреблялись между супругами, потерявшими своего ребенка [1463, с. 15]. В европейских языках существует аналог одного такого термина, а именно «вдовец», «вдова».

8.3. В **реинкарнационном падеже** стоят идеи родства, связанные с реинкарнационным комплексом (см. 12.1.). В наиболее сложно организованных реинкарнационных культурах ближайшие родственники новорожденного именуют его в зависимости от того, кто именно в него вселился, и используют ТР, который они употребляли в отношении этого умершего.

Такая инверсия значения ТР, или «правило обратимости поколений» у сторонников ТА [1472, с. 66-67], отмечается в циркумполярной зоне Америки и Азии у цимшиан [1549, с. 86-

87], квакиютль [1847, с. 253; 1848, с. 335], хайда [1782, с. 357], американских эскимосов [1305, с. 143-153], чукчей, коряков [785, с. 391, 394, 395, 621], обских угров, ненцев [710б, с. 235], сибирских татар[123]. Опираясь на мнение З.П.Соколовой [811, с. 69-70], можно реконструировать этот обычай для самодийцев. Помимо сибирских этносов, иденонимическая инверсия, фиксируется у горных таджиков, туркмен, кумыков, грузин и армян. Исследователями неоднократно отмечалось, что инверсия называния приводит к превращению ТР в собственные имена (ср.: туркм. *Агажан* – букв. «милый старший брат», *Какажан* «папочка» [615, с. 43-44], тадж. *Пуцик* от *пуц* Дм, *Татик* от *мат* Рм [733, с. 292]); сармат. Βράδακος (Пантикапей) от **arbāda(r)* ДмР (с метатезой, ср. осет. *ærvád* ДмР)[124], ср.-в.-нем. *Brōder*, *Bror*, *Bra(a)r*, *Broer*, *Broderus*, ласк. *Brorcke*, *Bröhrik*, *Broërken* [2011, т. 1, с. 343-345], чеш. *Batik*, *Batela*, *Bratroslaus*, *Bratron* (все – м.), *Batice* (в интерпретации Й.Добровского «Schwesterchen» от *batja* «брат»), *Bratrice*, *Bratohna*, *Bratrena*, *Bratrumila* (все – ж.) [1244, с. 94-101], скиф. *Φούρτας*, *Πουρθάκης* (< иран. **puθra* Дм, *puθraka* «сыночек»), *Φίδας* (< индо-ир. **pitā* Рм) [5, с. 285, 299][125]; макед. *Γυγαίη*, *Γυγης* (имя царя), лид. *Gyges* при *γυγαίη* «дед», греч. *Γύγας*, *Γύγαντος* (< ПИЕ **HauHo* «дед; внук») [630, с. 198]; скиф. *Χάχας*, греч. *Κάχχας*, *Κίχχος*, *Ἀχαχις* [1580, с. 351] (от того же корня)[126]; гот. *Anala*, *-ila*, др.-исл. *Āli* (< **Anilo*), др.-в.-нем. *Anulo*, *Anala*, др.-англ. *Anela*, *Onela* (при др.-в.-нем. *ano* «дед», ср.-в.-нем. *enele* «дед», др.-в.нем. *anchal* «внук» [1572, с. 9; 1494], др.-рус. *Дедило*, серб. *Дéдо* [1015, т. 4, с. 227]. Орудиями такого преобразования в туркменском является формант *-джан* со значением ласкательности, в иранских – уменьшительный суффикс *-ик* [3, т. 4, с. 97] и суффикс *-ак* (< **-aka*, **-āka*), интерпретируемый В.И.Абаевым как «происходящий откуда», «принадлежащий чему-либо», «предназначенный для чего-либо» [1, с. 224]; а в германских и древнерусском – диминутив *-lo*. В кумыкском таким «оператором» является звательный суффик *-й* общетюркского (даже общеуралоалтайского) происхождения (ср.: Адай < *ата* Рм [851, с. 128]), но обычно фенонимы, образованные от иденонимов, как и у таджиков-язгулямцев, не маркируются никакими модификаторами[127]. Регулярное превращение иденонимов в фенонимы известно на Кавказе также у лакцев (*бутта* Рм > *Бутта*, *нину* Рж > *Нину* и др.) [7, с. 189], цахуров (*гагай* ДмРР = РмСм > *Гагай*) [360, с. 200] и ираноязычных халаджей [592, с. 280], что позволяет предположить бытование у них в прошлом иденонимической инверсии. В удмуртском ономастиконе встречаются имена, производные от нормативных иденонимов [168, с. 273], наряду с таким именем, как *Дада*, которое имеет прозрачные индоиранские корни: ср. осет. *dada* Рм (скифский феноним *Дадук*), тадж. *dado* Рм (> феноним *Дадо*) [53, с. 114]. Формирование личных имен от иденонимов и участие иденонимов в антропонимических синтагмах отмечают исследователи тюркского ономастикона (например, *Baj Apa* «богач» + «старший родственник») [122, с. 183, 186-187]. Многие библейские имена обнаруживают явные следы происхождения от иденонимов, например: Ахав (ДмРРм), Ахиам (ДмРРж) и др. [112, с. 72, 78] (см. также: [884, с. 116-117]). У каре-каре (Нигерия) если сын назван в честь отца эго, то эго будет называть сына *baba* Рм; если дочь названа в честь матери эго, то он (или она) будет называть ее *dada* Рж [1728, с. 227]. Иденонимическая инверсия отмечена также у пенде [1611, с. 489] и фульбе, у которых родители зовут новорожденного мальчика не по имени, а по прозвищу или ТР *baba* «отец» [2177, с. 241]. У мандинго в условиях функционирования родовых и порядковых имен инвертированный иденоним становится фенонимом в результате замены имени, совпавшего с именем старшего родственника. Например, имя *Baba* дается тому мальчику, имя которого совпало с именем отца; *Bemba* – когда имя совпало с именем деда или брата матери и т.д. [507, с. 202]. Ср. сходную ситуацию у фульбе, у которых сын не может быть тезкой отца, так как это принесет несчастье последнему, и, в случае совпадения их имен, сын начинает носить это имя только после смерти отца [358, с. 323][128].

8.4. Социально-возрастная подсистема включает термины, употребление которых зависит от социально-возрастного статуса родственника.

У кива термины *amo* РмР, *akwe* РжР, *pémono* ДмД и *pémoyo* ДжД функционируют только пока дети маленькие; когда они достигают примерно 10 лет, эти категории родственников начинают называть друг друга терминами, идентичными терминам для

соответственно старших и младших сиблингов (*péntapin*/*péapin* или *pamoyo*/*pamoyo*) [1051, с. 25-26]. У кариера дочь, женский перекрестный ниблинг и мужской перекрестный ниблинг, когда повзрослеют, начинают обозначаться терминами соответственно для породительницы, женского сиблинга отца и мужского сиблинга породительницы, а сын объединяется на уровне терминологии в одну категорию с породителем [1278, с. 56]. У малу (Фиджи) женщина называет сына своего мужского сиблинга сначала специальным термином, а когда тот повзрослеет, тем же термином, что и отца [1485, с. 222]. У флэтхед *sэmata* ДДмРЭм (до совершеннолетия), *sæmэ'l* ДДмРЭм (после совершеннолетия), ДмРРм; *nonomε* ДДжРЭм (до совершеннолетия), ДмРРж; *tэnc* ДДжРЭм (после совершеннолетия), ДмРРж [2137, с. 58]; у тева *saja* РжРж, но если женщина имеет внуков, этим термином ее будут называть и ее дети [1333, с. 272]; у диери *yibi* -ДжРРж (до замужества), *ngandri* -ДжРРж (= Рж = +ДжРРж) (после замужества); у колор-курндит *bab-gnik* +ДжРРм (до замужества), *nalluk* +ДжРРм (= -ДжРРм) (после замужества); *tschurn bab* ДмРРж (до женитьбы), *mimmkurk* ДмРРж (после женитьбы); *mung-kuri* ДжРРж (до замужества), *yanik bab* ДжРРж (после замужества) [563, с. 54-55]; у селькупов *koiJa* ДмДжРЭж, ДмДжРРм, но только для женщины, вышедшей замуж [664, с. 185].

При употреблении термина релевантным может быть возрастной статус не только альтера или эго, но и коннектора. Ср.: у тьингилли, умбайя, воргайя, если мужской сиблинг отца старше отца, то дети первого будут «старшими братьями и сестрами» для эго; если же отец эго старше своего мужского сиблинга, тогда дети последнего будут именоваться эго «младшими братьями и сестрами» [563, с. 62].

В рамках статусной подсистемы родства развился феномен называния родителей по детям (чаще всего первенцам), за которым закрепилось обозначение *текнонимии* (от греч. *téknos* «дитя») (см. обзоры: [1663, с. 107-109, 262; 849, с. 5-7; 935, с. 281-282; 190, с. 38])[129]. Этот термин не совсем удачен, так как называние по детям составляет лишь частный случай практики называния по младшим родственникам (ср. сев.-шошон. *udundogo* РмС, букв. «их дед»; то же у хопи, карибов и других групп). Фактически мы здесь имеем дело с *неотеронимией* (от греч. *neóteros «*младший»). Э.Тэйлор отметил неотеронимию у 34 этносов [849, с. 5-6]. (см. Приложении II). Согласно общепринятому мнению, неотеронимия связана с табу, наложенным на феноним [935, с. 281; 52, с. 101; 861, с. 66; 1305, с. 152]. У тайцев специфика употребления супругами текнонимических конструкций заключается в том, что вначале они употребляются только в присутствии их детей; В этом случае, можно предполагать, что текнонимия способствует усвоению детьми иденонимов. Когда дети вырастают, текнонимия продолжает функционировать «по инерции» и в отсутствии детей [1856, с. 12-13]. Наблюдается тенденция к превращению неотеронимических конструкций в личные имена и формы вежливости [592, с. 131]. Функционирование между супругами классической текнонимии, т.е. обращений типа «мать такого-то», «отец такого-то», – феномен, возникший, видимо, относительно поздно. Видимо, ранняя форма неотеронимии – описание с отсылкой на широкого круга младших родственников (как у вашо, зуньи, лагуна, курнаи или пенанов) и свойственников. Корни неотеронимии лежат в обычае менять ТР в зависимости от возраста человека, а точнее, в зависимости от того, достиг он совершеннолетия или нет. В частности, у эскимосов о. Нельсон текнонимия начинает употребляться по отношению к человеку, достигшему половой зрелости, во избежании именования его по феноним у [1305, с. 152]. Текнонимия, естественно, сопряжена с браком и, видимо, связана, с одной стороны, с выделением гамонимов в качестве самостоятельного семиологического класса, а с другой – с компенсаторной реинтерпретацией отношений по браку как отношений по кровному родству (ср.: [1546, с. 148]).

Наряду с неотеронимией существует ее зеркальный вариант – *герайтеронимия* (от греч. *geraiteros* «старший»), или называние по старшим родственникам (свойственникам). У саамов ребенка до 20 лет (т.е. до самостоятельности) называли по родителям («сын такого-то», «дочь такого-то») [1875, с. 1-2] (сходный обычай фиксируется у бурят [604, с. 13]). У тихвинских карел взрослые называли всех детей в деревне по именам или прозвищам их отца или матери в зависимости от того, кто считался главой дома. Среди сверстников это

было не принято (полевые материалы О.М.Фишман, 1989–1993 гг.). У восточных финнов (коми, удмуртов, мордвы), а также у бесермян человека принято было называть конструкцией, состоящей из имени (прозвища) отца, деда или прадеда + *пи* Дм (*ныл* Дж, *пиян* Д) [90, с. 288; 168, с. 265-266; 291; 918]. У коми-зырян к слову *пи* (*пиян*) добавляли имя только умершего отца или деда [90, с. 288] и употребляли такую конструкцию «за глаза» [605, с. 335]. У коми-пермяков в состав таких конструкций могли входить также термины для зятя, снохи, внука [460, с. 172-173]. У мордвы вплоть до настоящего времени аналогичную функцию выполняет генитивно-посессивный формант *-нь*, с помощью которого могут порождаться теоретически бесконечные кумуляции типа «Васянь-Петянь-Колень...»; реально, правда, генеалогическая память редко простирается дальше предка +3 поколения [491, с. 73-74; 291]. У бесермян и других поволжских этносов молодуху первое время старшие родственники мужа называли по имени отца. Посторонние же звали ее по имени мужа [859, с. 198-200]. Последний обычай известен под термином «андронимия». *Андронимия* представляет собой нечто среднее между теконимией (так как связывает супругов) и герайтеронимией (так как выражает роль мужчины как главы семьи). Неотеронимия и герайтеронимия в поволжских языках, так же как и кавказские дескриптивные иденонимы, представлены изафетными словосочетаниями, т.е. такими определительными конструкциями, части которых являются неотъемлемыми компонентами, и определение всегда предшествует определяемому [859, с. 197]. Герайтеронимия отмечается на Кавказе у армян, где жена называет мужа при посторонних «сын такого-то» (но также «отец такого-то»), а муж жену – «невестка моего отца» (или «моя обрученная») [354, с. 155; 533, с. 232-233]. В Аварии взрослых детей называют по имени матери (в ряде мест по имени матери зовут только девочек); иногда это происходит только в случае смерти отца [205, с. 111]. Традиционные арабские фенонимы демонстрируют сочетание теконимии с герайтеронимией. Каждому простому имени (Сеид, Али и пр.) или же сложному (с префиксом *Абд* «раб» + одно из ста имен Аллаха) предшествует куния, т.е. имя по сыну с префиксом *Абу* «отец», а следом за именем идет насаб, состоящий из имени отца + *ибн* «сын» или *бинт* «дочь». С помощью *ибн* к имени отца могут присоединяться имена деда, прадеда и т.д. [251, с. 266-267; 382, с. 293-294; 185, с. 90-92; 784]. Кумулятивные фенонимы типа арабских различаются в зависимости от того, в препозиции или в постпозиции к имени родителей ставится личное имя человека, и встречаются в разных обществах Кавказа (например, адыгейские конструкции с патронимическим элементом *къуэ* «сын» [498, с. 64-65]), Океании, Южной и Центральной Азии, но преимущественно в тех, где имеются генеалогические группировки (см.: [736]). В соответствии с общей тенденцией превращения иденонимов в фенонимы (см. 7.3.0.), герайтеронимия находит продолжение в обычае наречения детей именами, созвучными именам родителей или старших сиблингов. Такая практика фиксируется у марийцев [775, с. 161], башкир [906, с. 183], мордвы [553, с. 11-12; 920, с. 44], русских [76, с. 310]. У мордвы это служило предотвращению смерти детей. Герайтеронимами по происхождению являются и русские отчества и далее – возникшие на их основе фамилии на *-ов/-ев* (ср. венгерские фамилии на *fi, fy>fia* [187, с. 90]). Подобно неотеронимии, герайтеронимия осуществляет непрямое указание на объект, связанный, очевидно, с традицией табуирования и избегания. Характерный пример дают таджики. В случае, если между юношей и девушкой, связанными узами ритуального родства и называющими друг друга соответственно «брат», «сестра», «старшая сестра», «младший брат», возникают половые отношения, это считается большим грехом, и после этого юноша начинает именовать свою подругу «дочь такого-то» или «жена такого-то» [31, с. 181].

Терминологическая инверсия, некронимия, неотеронимия и герайтеронимия образуют внутренне взаимосвязанный комплекс: последние два феномена реализуют разные стороны развернутой оппозиции «прошлое – будущее», а некронимия и теконимия (концентрированная форма неотеронимии) – ее обостренный вариант «смерть – рождение».

8.5. Индирективную подсистему образуют термины, зависящие от грамматического лица эго и грамматического рода альтера.

Разработанную индирективную подсистему можно встретить в СТР этносов банту: ср. ньямвези *mayo* «моя мать», *noko* «твоя мать», *nnia* «его мать», при *niniswe* «наши матери», *niminwe* «ваши матери», *ninabo* «их матери» [235, 170] (другие примеры (яка, шамбала и др.) см. в [235, с. 169-175; 883, с. 50-51]). У аканов *agya* «мой (наш) отец» (употребляется без притяжательного прилагательного), *ose* «твой (ваш, их) отец»; *ena* «моя (наша) мать», *oni* «твоя (ваша, их) мать» [1183, с. 157, 314, 322]. В других регионах то же самое наблюдается у папуасов-капауку [1887, с. 204-205], хопи [1670, с. 368], шеренте [1835, с. 24], пароа [1546, с. 153], ассамцев, мунда, бодо [68, с. 49-51], австралийских яралде (например, *nangai* «мой отец, брат моего отца», *naiyu* «твой отец, брат твоего отца», *yikuwale* «его отец, брат его отца») [1899, с. 233-234] и гунвинггу [108, с. 58], украинцев (в фольклоре) [196, с. 87]. В этом же ряду стоит супплетивизм в обозначении, предположим, «отца» как абстрактного принципа типа «отчество», «земля отцов», «наш Отец = Бог» и т.д.: ср. дуала *tate* Рм, *sango* «господин, отец», *sango a mboa* «хозяин жилища, отец», *songo* «твой отец», *ka tete* «по-отцовски», *ekombo a katete «*земля отцов, отечество» [235, с. 170-171].

8.6. Этнотивную подсистему образуют иденонимы, употребление которых указывает на принадлежность к этнической группе. Так, у уанано (семья тукано) ДмДжРРж называется специальным дескриптивным термином (*puco taco*) в том случае, если его породитель происходит из другой этнической группы, чем уанано; и классифицируется вместе с братьями эго в случае, если его породитель является уанано [1179, с. 87]. В **относительно-возрастном падеже** стоит отношение родства, исчисляемое в зависимости от возраста альтера относительно эго[130]. **Нумеративная подсистема** родства, зафиксированная у древних китайцев, многих этносов Юго-Восточной Азии, гидаров Камеруна и др. (см.: [1192; 900; 1091]), возникает тогда, когда одна категория родства (обычно «ребенок») распадается на несколько категорий в зависимости от порядка рождения альтеров.

8.7. Гамонимы (термины свойства) с функциональной точки зрения двойственны: если брак установлен между родственниками, для которых существуют нормативные термины родства, тогда новые термины для Сж – См (но уже, допустим, не кросскузена), РС (но уже не сиблингов родителей), ДРС (но уже не кросскузенов) можно отнести в разряд аффинитивных. **Аффинитивная подсистема** (от англ. *affinity* «свойство») в этом случае будет однопорядковой с гендерной, статусной, аффективной, индирективной и др., так как одна и та же категория родства получит разное оформление в зависимости от ситуации. Если же браки заключаются вне круга родственников и будущие свойственники не имеют других обозначений, тогда налицо **хайративная подсистема** (от нем. *Heirat* «брак», *Verwandtschaft durch Heirat* «свойство»), которая не предоставляет альтернативный способ описания категории родства, а, наоборот, вводит отношения, не имеющие родственного содержания, в круг родственных категорий. Таким образом, свойство принадлежит сразу двум классам функциональных подсистем. Первый включает в себя референтивную, вокативную, аффективную, статусную, гендерную, индирективную, этнотивную, нумеративную и аффинитивную подсистемы; второй – хайративную подсистему, а также аффектонимы, филонимы[131]. Эгомерность СТР обусловливает сочетаемость падежей родства с модальностями родства. Например, гендерная модальность родства

устанавливает зависимость отношения родства от пола эго, а индирективная модальность – от грамматического лица. Общее изображение праграмматической типологии СТР см. на схеме 9.

Схема 9

Каждая из представленных реляционных подсистем родства обладает собственной динамикой и порядком взаимодействия с реципрокной и полярной метасистемами Данная типология наглядно показывает зависимость идей родства фенотипических признаков (пол, возраст, этничность) и событийной цепочки от зачатия и рождения до социализации (инициации и брака) и смерти. Выделяемые в СТР праграмматические подсистемы воспроизводят принципы построения соматонимического, фенонимического, этнонимического, местоименного, нумеративного, гамонимического, теонимического и соционимического лексико-семантических полей. Праграмматическая типология СТР повторяет контуры иденотивного поля и показывает, что иденонимы могут брать на себя функции других семиологических классов.

9. Праморфологическая типология иденонимов

9.1. Вслед за Дж.Мёрдоком [1784, с. 98-99], М.В.Крюков предложил различать с точки зрения морфологической структуры три разряда терминов: элементарные, представляющие собой самостоятельные слова, не разлагаемые на значимые компоненты; составные, в основе которых

лежит элементарный термин, детерминируемый той или иной лексической единицей, которая сама по себе не является элементарным ТР (рус. *двоюродный брат, правнук*); описательные, т.е. сочетающие два или более элементарных ТР, связанных атрибутивной связью [466, с. 34-35]. Н.В.Бикбулатов счел целесообразным конструкции типа *правнук* называть сложными, а слова типа *двоюродный брат* – составными [118, с. 20-21], а в остальном оставил классификацию Мёрдока-Крюкова неизменной.

Данный способ классификации вызывает возражения по трем позициям. Во-первых, терминологически слова «составной», «сложный» неудобны, так как в равной мере могут быть отнесены и к уже отмеченным конструкциям, и к конструкциям, не отраженным в упомянутых классификациях (см. ниже). Во-вторых, термин «описательный» заключает в себе указание на способ соотнесения синтагмы с отношением родства, а термины «составной», «сложный», «элементарный» – указание на способ представления лексического материала. Классификация, обнаруживающая внутреннюю неоднородность, не может считаться совершенной. В-третьих, даже морфологическая классификация должна быть сущностной. Применительно к иденонимам это означает необходимость рассматривать формальную сторону лексемы как отражающую не только (и не столько) отдельную категорию родства, сколько взаимодействие между по крайней мере двумя такими категориями. При таком подходе в морфологическую типологию привносятся функциональный, синтаксический[132] и пространственно-временной фактор и она становится *праморфологической*.

9.2. Элементарное праморфологическое разграничение касается энантиотивов и абсолютивов. *Энантиотив* – это ВТР, определяемый не с функционально-грамматической (см. 8.1.), а с функционально-морфологической точки зрения как такая лексическая единица, которая не имеет логического оппозита, а значит не может включать в свой формальный состав никаких продуктивных грамматических элементов, определяющих ее соотношение с другими категориями. *Абсолютивы* – это полярные иденонимы, представляющие собой самостоятельные слова, не разложимые на компоненты. В отличие от традиционного понятия «элементарный термин», понятие «абсолютив» сигнализирует способность ТР включать в себя несколько компонентов, не осознаваемых носителями языка как отделимые от их основы. Например, английский абсолютивный иденоним *father* «отец» восходит к ИЕ **pə̯-* с омертвевшим суффиксом *-ter*.

9.3. Деривативы – это иденонимы, производные от других иденонимов; при этом модификаторы, идентифицирующие деривативную природу термина, не являются семантически мотивированными. Иными словами, деривативы представляют всегда то же самое отношение родства, но другую идею родства.

Деривативами являются рус. *мама* (< *мать), братец, братик, братан* (< *брат*) (ср. рус. диал. *братан* «двоюродный брат»). Продолжением деривативов являются лексемы, не служащие для номинации категорий родства, но обнаруживающие производный от иденонимов характер. Ср.: рус. *братский, материнский*; формы модификаций по роду,

числу, падежу и т.п.; рус. диал. *бабатя, бабуля* «женовидный мужчина», болг. *бабици* «морщины», *бабенце* «сосуд для ракии» [756, с. 396-397]. Деривационными можно назвать также процессы, происходящие на семантическом уровне безотносительно к морфологии, ср. рус. *баба* «замужняя крестьянка», рус. диал. «женщина, у которой первый ребенок сын» < *баба* $Р^2$ж [756, с. 396]. Семантическими дериватами являются также многочисленные случаи метафорических и табуистических употреблений иденонимов.

Морфологическую форму иденонимов, именуемых составными и сложными, целесообразно поставить в связь с семантикой включенных в них модификаторов. Мы будем именовать их *дефинитивами*, так как в них одна категория определяется через другую, и разграничивать *качественные дефинитивы* (рус. *двоюродный брат*, коми-зыр. *votsa-vok* ДмДРР, от *vok* ДмР + *votsa* «друг напротив друга»), *относительные дефинитивы* (конструкции типа «большой отец» = $Р^2$м, «большая мать» = $Р^2$ж, «старший брат», «старшая сестра») и *индексальные дефинитивы* (рус. *правнук*). Выскажем предположение, что качественные дефинитивы более приспособлены для оформления категорий 0 поколения, а относительные дефинитивы – категорий +1 и +2 поколений. В подтверждение этой мысли приведем, помимо русской и коми форм, ситуацию в ТР мяо, где однополые сиблинги родителей обозначаются терминами, образованными от соответствующих терминов для родителей с добавлением детерминативов со значениями «большой» и «маленький»; а параллельные кузены отличаются от сиблингов при помощи детерминатива со значением «сторона» [475, с. 152]. Дериватам и дефинитивам можно противопоставить *агглютинативы*, осуществляюшие соположение в одной синтагме двух иденонимов, один из которых выполняет грамматическую, а не генеалогическую (ср. ниже дескриптивы) функцию по отношению к другому.

Ср.: эма (Тимор) *beir* $Р^3$м, *beir anan* $Д^3$м (буквально «предки, их дети», *ana* Д) [1186, с. 69, 72]; ланго *kwaro* РмР, *okwaro* ДмД, *akwaro* ДжД, где начальные *o-*/*a-* означают «ребенок такого-то» [1253, с. 178-180]; мандинго *mmàma-dén* ДД, от *màma* РжР и *ndén* Д [2047, с. 283]; вашо *cèmuk* ДДРЭж, где *-ca-* сжатая форма редуплицированного *ca'ca* ДжРРж и *-māgu* ДДжРЭм [1361, с. 277]; бенгали *bhāśur* +ДмРСм, от скр. *bhrātṛ* ДмР и *śvaśura* РмСм [1520, с. 82].

9.4. *Пропинквитивы* представляют собой такие иденонимы, которые составлены из иденонима-основы и грамматического элемента, указывающего на притяжательно-породительное отношение между двумя категориями родства (например, др.-рус. *сестричь* «сын сестры»). *Дескриптивы* (описательные иденонимы) характеризуются тем, что в одной синтагме взаимодействуют два актуальных иденонима, один из которых генеалогически производен от другого. Нередко можно зафиксировать компрессию членов синтагмы в цельную лексему (ср. груз. *bida* ДмРРм, букв. «брат отца»).

Отдельную группу составляют инклюзивные и эксклюзивные дескриптивы. В состав и тех и других входит актуальный иденоним. В инклюзивных дескриптивах он сочетается с фенонимом или местоимением, а весь дескриптив служит для номинации категории родства (ср.: рус. *дядя Вася, тетя Маша*; конструкции типа «их отец» = См, «родитель + личное имя», «сын такого-то» и пр.). Эксклюзивные дескриптивы включают в себя наряду с иденонимом имя

неодушевленного предмета и не служат для номинации категории родства.

Ср. конструкции типа рус. «дитя природы», малайск. *anak panach* «сын лука = стрела» [887, с. 164], кхмерск. *ко:н-дат* «сын руки = мизинец», диери *mara ngandr* «мать пальцев = кулак», кит. *тун* «зрачок» (в иероглифе глаз + ребенок), суахил. *mtoto wa meza* «ребенок стола = ящик» [364, 84-86], араб. *'abu-n-nazzarati* «отец очков» = «человек в очках»; *'abu-r-rukabi* «отец колен = лихорадка»; *'ummu-r-ra'si* «мать головы» = «мозг» [345, с. 58; 833, с. 417]; манинка *tolo den* «ребенок уха» = «барабанная перепонка» [872, с. 200]).

Дескриптивам, составленным из актуальных иденонимов, противостоят метафорические и табуистические конструкции, заменяющие иденонимы описательными выражениями общеязыкового происхождения [967; 968; 834; 626; 627; 748].

В прибалтийско-финских (кроме эстонцев-сету) и севернорусских похоронных, свадебных и рекрутских причитаниях родственники зовутся исключительно описательно, т.е. словами в форме инфинитива, которые на русский язык переводятся причастиями (см.: [835; 836; 837; 838; 839; 440, с. 85; 441; 442; 15, с. 62-63]). Данный феномен был назван К.В.Чистовым «метафорическими заменами терминов родства»[133]. Употребление иденонимов в причитаниях табуируется, и существуют строгие нормы метафорического описания отношений родства при помощи конструкций типа «мой милый хороший» (Рм), «плоть моя взращенная» (Дм), «милая женщина моя [меня] выносившая» (Рж) и т.п. Примечательно, что более сложные отношения родства представляются по модели генеалогической кумулятивности, например: «моего красивого хорошего красивый хороший» (РмРм), «моему красивому хорошему подобный» (ДмРРм) (см.: [838, с. 168-213]). Для метафорических замен типично обозначение сиблингов по принципу «сын, дочь такого-то», «чей-то сын», «чья-то дочь», «чье-то дитя» [839, с. 76-79; 838, с. 85], что повторяет герайтеронимические конструкции.

Феномен вытеснения иденонимов метафорическими образованиями имеет, видимо, локальное распространение, но параллели ему можно усмотреть в монгольском и алтайском правиле, по которому жена называла мужа не по имени, а использовала слова-синонимы или аналоги из других языков [703, с. 38; 483]; или в адыгейском обычае давать мужу специальные прозвища [498, с. 64].

Ср. табуистические синтагмы, употребляемые женщиной в отношении свойственников старше мужа, у киргизов и каракалпаков: *төрөм* «мой благородный», *ajдарлым* «с косичкой мой», *акжаркын* «белый светик» и пр. [748, с. 164]. Они не подходят под определение прозвищ, так как употреблять их может только сноха. У мордвы молодая в новой семье получала эпитет в зависимости от своего возраста, возраста мужа или очередности прихода в семью. Старшая сноха становилась *парава* «хорошая», средняя сноха – *мазава* «красивая», далее – *вежава* «малая» и *ашава* «белая» [353, с. 89; 921]. Называть ее так могли все родственники мужа, за исключением родителей. Последние употребляли специальные термины *урьва* и *уряж*.

В данной связи следует обратить также внимание на встречающийся в восточнославянском песенном фольклоре богатый синонимический ряд иденонимов, служащий для передачи мельчайших стилистических нюансов (ср. укр. *батько, тато, батенько, батечко, татко, татусенько; мати, мама, неня, матуся, матиінка* и др.) [151; 152, с.10; 196].

Следует особо обратить внимание на тот факт, что у ряда этносов, знакомых с идеей воплощения умерших в новорожденных, распространены имена типа Спустившийся, Умерший и т.п. (см. например: [788, с. 338-339]), а это, на наш взгляд, является достаточным

основанием для увязывания феномена метафорических замен иденонимов с реинкарнационным ритуально-идеологическим комплексом**.** Ср.: у северных карел плачея нередко причитает от имени покойного (например, благодарит сына от имени умершей матери за хорошие проводы и т.п.) [835, с. 489], что сближает ее функцию с функцией заместителя умерших (см. 12.1.6.).

9.5. Последний разряд синтагм, обозначающих родство, составляют *коннективы*, *прогрессивы* и *эллиптивы*. Коннективная конструкция (или «двандва») предполагает объединение двух иденонимов в пару, значение которой складывается из значений компонентов.

В русском языке коннективом будет сочетание «дочки-матери». В санскрите известен термин *pitáramatára* «отец и мать»; в старославянском – форма *братъсестрома* (дат. пад.) «брат и сестра» (ср. белор. *брат-сестрá* «растение иван-да-марья») [1015, т. 3, с. 9]. Широкое распространение имеют коннективы на Кавказе (ср. груз. *ded-mama* «родители», букв. «мать-потомство» [662, с. 75], ингуш. *да-нана* «родители», также карач.-балк. [659, с. 89]), кабард.-черкес. *адэ-анэ,* абазин. *аны-аба «*родители» [792, с. 130-137]; в финно-угорских (ср. удмурт. *пинал* «дитя», букв. «сын-дочь», *агайовыне* «братья», букв. «старший брат – младший брат» [266, с. 227], коми-пермяцк. *ай-мам* «родители», букв. «отец-мать» [793, с. 233], морд. *атят-бабат* «предки», букв. «деды-бабки» [611, с. 14, 61]) и тюркских (см.: [722, с. 59; 217, с. 23, 25; 294, с. 506, 519; 328, с. 491, 501; 399; 902; 903, с. 110]) языках, санскрите [408, с. 78-79], ассамском [68, с. 21], китайском, вьетнамском, тибетском, бирманском, тайском (см.: [766; 767; 768]), дунганском [998, с. 87]. В некоторых случаях, как, например, в алтайском порядок элементов не имеет значения (*аба-эне* = *эне-аба* «родители», при *аба* Рм, *эне* Рж) [506, с. 90].

По мнению Й.Буденца, в коннективах сохраняются следы двойственного числа. Развивая его мысль, К.Е. Майтинская отмечает, что в коми конструкциях тила *soca-voka* «сестра и брат», *š'ra-kana «*мышь и кошка», *gozja «*супруги, чета» и др. **k*-овый суффикс двойственного числа отпал и остался один гласный *-а*. В морд. *атят-бабат* числовой суффикс употребляется с обоими частями коннектива, что также является указанием на бытование в прошлом формы двойственного числа [554, с. 159-160].

Прогрессивы отличаются от коннективов тем, что либо их общее значение не сводится к значениям составляющих компонентов (ср. кит. *цзы-сунь* «сын-внук» > «потомки», где «потомки» – это не только «сын», «внук», но также и «правнук», «праправнук» и т.д. [767, с. 176]), либо они состоят из иденонима и грамматического элемента, который заменяет сразу несколько других иденонимов.

Ср.: телеут. *абамдар* «(мой) отец и его семья» (например, *Абамдарга бирзүүн коно бадарым* «Послезавтра пойду ночевать к отцу») [506, с. 91], кумык. *эчивлер* «тетя и ее родственники, ее семья»; *агъавлар* «дядя и его семья» с параллелями в других тюркских языках [202, с. 141-142]; др.-герм. *Vatting* «отец с относящимися к нему людьми», *Mutting* «мать с относящимися к ней людьми», *Sahning* «сын с относящимися к нему людьми», *Sunufatarungo* «отец и сын с относящимися к ним людьми», где *-ing* патронимическая частица, ранее означавшая теснейшую связь и приобретшая впоследствии (в частности, в современном мекленбургском диалекте) оттенок ласкательности [417, с. 99]; манья *fanu* «отцы», *banu* «матери», *bemenu* «деды», где *-nu* – специальный суффикс, образующий мн.ч. от терминов родства и формирующий прогрессивные конструкции типа *Vafolenu ve d'e* «Вафоле с друзьями, там?» [1479, с. 46]; эве *tэnyewo* «мои отцы» > «отец и мужчины его рода», т.е. его родные и двоюродные братья, аналогично *nэnyewo* «мои матери» [189, с. 60]; удмурт. *batэ-yos* «родители и еще некоторые члены семьи», < *batэ* Рм + *yos* – суффикс мн.ч., *matэyas* «мать и еще некоторые члены семьи», *toyeyan* «моя сестра и ее члены семьи», где -

уап также суффикс мн.ч. [550, с. 107, 110; 20]; морд.-эрз. *авидень* «мать вместе с другими женщинами» [141, с. 78, 211]; марий. (литерат.) *ачамыт* «отец и те, кто с ним», *акамыт* «старшая сестра и те, кто с ней» и пр., с суффиксом *-mдt* [211, с. 56; 665, с. 82, 88; 744]; марий.-мишкинск. *izajlak* «брат со своей семьей», *kokajlak* «тетя со своей семьей» и пр., с суффиксом *-βlak* (*-lak*/*-läk*) [42]; ненец. *нисянад* «твои отцы», т.е. Рм, ДмРРм, РмРм и др. [860, с. 46-47] (см. также: [71, с. 22-23]).

Эллиптивы (*Elliptischer Dual* у К.Бругманна [1142, с. 416], «эллиптическое двойственное число» у О.Н.Трубачева [889, с. 28], «сопряженные термины родства» (*linked relationship terms*) у Р.Фирта [1307, с. 254], «диадные термины» (*dyadic terms*) у австралийских лингвистов [1737]) обозначают две (не более) категории родства, но, в отличие от коннективов, один из терминов опускается, заменяясь грамматическими единицами, или оба термина сохраняются, но снабжаются дополнительно особым суффиксом двойственного числа. Как показывает кросскультурный анализ [1964], именное двойственное число реализует не менее 8 когнитивных типов дуальности, и во всех языках, имеющих формы именного двойственного числа, грамматически маркируется оппозиция между «паральной», или мотивированной дуальностью (например, «пара сапог») и «произвольной» дуальностью (например, «два камня»). Категории родства всегда оформляются как паральные дуальности и во многих языках паральная дуальность ассоциируется исключительно с иденонимами.

В «Повести временных лет» встречается слово *отъник* (Лаврентьевский свод; варианты в других летописях *отътъник, отечник, оттеник*, *отъченик*, *отъмник* [985, с. 637]). Ф.П.Филин полагал, что под этим словом подразумевается отец и сын вместе взятые, отец и сын как одно понятие [924, с. 21-22]. Ср. другие примеры из ИЕ языков: лат. *soceri* «родители супругов», швед.-рунич. *faorkak*, исланд. *fedgar* «отец и сын», *feðgin* «отец и дочь» (первоначально «родители», т.е. «отец и мать»), *mæðgin* «мать и сын», *mæðgur* «мать и дочь» [1742, с. 868-870], литов. *tevai* «родители» (букв. «отцы»), *šešuraĩ* «родители мужа» (букв. «свёкры»), укр. *батьки* «родители» (букв. «отцы»), нем. *Geschwister* «сиблинги» (< *Schwester*, первоначально «сестры») [1142, с. 416; 889, с. 28]. Подобные конструкции известны также в ашантийском (*awofo* «родители» < *awó* Рж [1183, с. 537]), кетском (*обьп* «родители» < *op* Рм + *n* – показатель множественного числа [413, с. 238]), юкагирском (*eciepe* «родители» или «отец и его старший мужской сиблинг» < *ecie* Рм + *pe* – суффикс исчезнувшего двойственного числа [388, 164]), чукотском (*etligit* «родители», букв. «отцы»), корякском (*etlauge* «родители», букв. «матери» [133, с. 102; 829, с. 138]), эскимосском [1216, с. 12, 16, 19-20], санскрите, пайютском, марикопа [2028, с. 227], тимуква [2084, с. 453, 455], цоу [628, с. 121-123], финно-угорских [1432].

Широкий круг эллиптических иденонимов отметил М.Салинз у моала (Фиджи). Он пришел к выводу, что эти «служебные термины родства» показывают не отношение одного лица к другому (*one person to another*), а отношение каждого к другому (*each to the other)* [1969, с. 155][134]. В Полинезии развернутая сеть эллиптивов имеется у реннельцев, луаниуа (с участием реципрокного префикса *hai*-)[135] [1111, с. 112; 1495] и тикопия (с префиксом *tau*- [1307]; отдельные эллиптивы для межпоколенных связей отмечаются у восточных увеа (*tau fa'e* «мать и ребенок», при *fa'e* Рж) [1075].

Исследователи также выделяют «множественно-диадные термины», которые глоссируются как, например, «отцы и сыновья», «три или более братьев» [1737, с. 107].

9.6. Дескриптивам, которые соединяют в одной синтагме два актуальных иденонима, можно противопоставить *редупликативы*, или иденонимы с удвоенным слогом, который не может функционировать в языке в качестве самостоятельной (неудвоенной) лексической единицы (например, *па-па*, *ма-ма*). Редупликативные иденонимы следует отличать от *репетитивов* типа малай. *anak-anak* «дети» (*anak* «ребенок»): здесь повторение иденонима присваивает ему общеязыковое грамматическое значение. Вместе с тем, повторение иденонима может иметь и иное праморфологическое значение: хет. *Hannahanna* «прабабушка» (от *Hanna-* «бабушка») описывает иную категорию родства, нежели ядерный термин, и должен быть отнесен к агглютинативам (см. 9.3.).

Пропинквитивам логически противостоят *рекомбинативы*, или «зеркальные обращения» (М.А.Родионов), т.е. такие иденонимы, которые образованы при помощи грамматических элементов от терминов для их реципрокатов.

У грузин есть обычай, по которому в семье дед с бабкой зовут внуков ласково *babuk'a* «дедушка», *bebik'o* «бабушка», а родители зовут детей *mamik'o* «папенька», *dediko* «маменька» [173, с. 766]. Значительное место рекомбинативы занимают в вокативной культуре арабов (см.: [1057 (о друзах); 1934; 739, с. 9] (о ливанцах) [784, с.48-49 (о египтянах)]). Рекомбинативы отмечаются также у абхазов [1029, с. 166] и тамилов [1081, с. 16][136].

В итоговом виде морфологическая типология иденонимов выглядит следующим образом (схема 10):

Схема 10

I	энантиотивы	абсолютивы	
II	дериативы	агглютинативы	дефинитивы
III	коннективы	прогрессивы	эллиптивы
IV	пропинквитивы	дескриптивы	
V	рекомбинативы	редупликативы	

Нельзя не обратить внимания на такую особенность типологической структуры СТР, как отсутствие в ней самостоятельного фонетического уровня наряду с грамматическим, морфологическим и семантическим (см. ниже). Отсутствие данных по некоей «прафонетической» типологии иденонимов можно интерпретировать как первичность морфологической структуры термина по сравнению с его дискретной звуковой стороной, что в свою очередь служит наглядным подтверждением правомерности критики фоноцентризма современной лингвистики и иллюстрирует высказанную выше (7.3.1.) мысль о морфологической, а не психической («семантической») природе фонемы. Ошибкой К.Леви-Стросса было, с одной стороны, перенесение фонологической теории на материал («внешнее сходство фонологических систем и систем родства настолько

велико…» [516, с. 37]), который эту самую теорию опровергает; а с другой – превращение структурной реальности родства в иллюзию «структуры» как бессознательного базиса человеческой культуры.

10. Прасемантическая типология систем терминов родства: Историко-типологический анализ категорий поколения, возраста и пола

10.1. Принципы реконструкции протосистем терминов родства

10.1.0. Подобно тому, как главным достижением неограмматиков было доказательство регулярности фонетических преобразований в группе родственных языков, главное достижение историко-типологической школы в изучении СТР состоит в том, что ею были продемонстрированы, во-первых, регулярность семантических трансформаций СТР в мировом масштабе, а во-вторых, предрасположенность этих трансформаций к необратимости и универсальности. На этих фундаментальных наблюдениях предшественников и основывается нынешняя попытка реконструировать протосистемы терминов родства *Homo sapiens*. В отличие от существующих трактовок эволюции СТР, мы исходим из того, что СТР – это системы языкового рода, а значит их историческая динамика должна исследоваться в согласии с компаративистской теорией и практикой реконструкции дописьменных этапов развития языков. Как отмечал А.Кробер,

«Коль скоро системы родства – это прежде всего системы классификационной логики, выраженной в словах, которые являются частью языка, проведение анализа и сравнения этих систем без учета их языковой истории...есть необоснованная концептуальная ограниченность» [1589, с. 607-608].

Вместе с тем, следует учитывать специфику СТР как особой семиологической группы языка, имеющей глубокое социокультурное содержание, а также временну́ю и материальную ограниченность компаративистских методов, которые на сегодняшний момент не приспособлены для описания максимально отдаленных от исследователя хронологических уровней языковой дивергенции и не имеют в своем составе приемов семантической реконструкции. СТР служат благоприятным материалом для объединения эволюционных методов этнологии и формальных методов лингвистики в единую парадигму воссоздания социальных и языковых структур на любом хронологическом срезе истории.

Проблема реконструкции протосистем терминов родства (ПСТР) раскладывается на две методологически разнородные, но взаимосвязанные задачи. Одна задача предполагает *ареально-типологическую реконструкцию* на видовом и локальном уровнях, т.е. выяснение принципов группировки родственников на этапе, предшествовавшем образованию языковых микро- и макросемей, и на этапах существования этих семей и групп (например, праславянской, праиндоевропейской, прауральской, прадравидийской, праавстронезийской, ностратической и т.п.)[137]. Вторая задача сводится к

этимологической реконструкции реальных языковых форм или обобщенных корневых элементов, входивших в видовые и локальные ПСТР. С лингвистической стороны, решение этих задач существенно осложняется отсутствием законченной и общепринятой иерархической классификации языков мира и неготовностью компаративистики, на данном этапе, к реконструкции словарного состава и фонологической структуры праязыка *Homo sapiens*. Поэтому этимологическая реконструкция необходимо ограничивается локальным уровнем. Вместе с тем, роль этимологической верификации, а именно привлечения репрезентативных этимологий из разных языков (в первую очередь, ИЕ как наиболее хорошо документированных и изученных) для проверки типологически правдоподобных заключений, составляет важный аспект типологических реконструкций любого уровня.

Общее требование, предъявляемое к реконструкции языковой протосистемы – это достижение такого уровня абстракции, при котором все исторически засвидетельствованные системы будут обладать свойством «диахронической выводимости», т.е. они могут быть выведены из протоситемы путем приложения к ней минимального набора трансформационных правил (см.: [216, т. 1; 1139, с. 387-388, для реконструкции ПСТР]). Это касается как общих типологических форм, так и конкретных номенклатур родства. Вместе с тем, обширность и детальность накопленных к настоящему времени данных по СТР позволяет высказать уверенность, что реконструкция категориальных принципов ПСТР *Homo sapiens* – проект, сопоставимый по значимости с *Human Genome Diversity Project*, который в ближайшем будущем позволит написать всю историю человечества на языке генных мутаций, – задача методологически оправданная и практически выполнимая. Решение ее даст исследователю точку отсчета в некотором типологически предельно обозримом прошлом и тем самым, с одной стороны, сделает реконструкции локальных ПСТР исторически естественным «восхождением» из прошлого в настоящее, а не традиционным «блужданием» от реально засвидетельствованных форм к зыбким протоформам; а с другой – снимет извечную проблему всех исторических реконструкций (см.: [772, с. 114; 694, с. 65-66]), а именно отделение архаичных элементов от инноваций.

10.1.1. Типологический метод исследования СТР исходит из того, что конкретные номенклатуры родства реализуют ограниченный по сравнению с теоретически возможным спектром вариантов набор категориальных элементов (см.: [1402]). Причина данной закономерности заключается в том, что способность индивида группировать категориальные стимулы в одномерном пространстве ограничена (см.: [1758]), и, соответственно, по достижении определенного порога (7±2 категориальных различия, соответствующих 2.3 – 3.2 бит информации), количество специальных терминов, воплощающих категориальные различия, становится обратно пропорциональным их информационной эффективности (см.: [2165; 1466]). Эволюционной импликацией этого факта является постулат об упрощении внутрисистемной организации за

счет увеличения количества самостоятельных систем, или, у Н.Лумана, «преобразования бесконечных информационных нагрузок в конечные» [1679; 2165, с. 464; 549а, с. 209]. Как следствие, все эмпирически актуальные варианты классификации родственников системны и не предполагают «исключений», «аномалий» или «изолятов», а предковая СТР видового уровня будет категориально более сложной, чем дочерние формы[138].

10.1.2. Системность классификации родственников есть залог ее историчности, т.е. дистрибуция форм в пространстве предполагает определенную дистрибуцию форм во времени. Каждая система гетерохронна (см.: [228; 694] с термином «стадиальная гетерогенность»), и любая протосистема и любая историческая трансформация должны обладать чертами реально зафиксированных систем и реально зафиксированных трансформаций (ср.: [216, т. 1]). По-другому, этот методологический императив формулируется как правило, согласно которому

«ни одно диахроническое изменение не приводит к возникновению не существующего на синхронном уровне типа» [255, с. 235].

Сопоставление СТР должно опираться на предельно широкую базу типологических и формальных данных, которая максимально повысить разрешающую способность историко-типологической схемы. Вместе с тем, ПСТР не может быть калькой с одной или нескольких эмпирических номенклатур, возводимых в статус плезиоморфов, или «живых ископаемых», а скорее комбинацией черт широкого круга номенклатур. Этот принцип можно назвать *приоритетом системы над организацией*. Соединение воедино черт нескольких систем должно порождать интегративные типологические свойства, которые противопоставят ПСТР видового уровня всем реально существующим системам. При сравнении со всем спектром эмпирических систем такая протосистема должна демонстрировать обобщенную эволюционную тенденцию, позволяющую *предугадать дальнейшее ретроспективное развитие системы* и перенести реконструкцию на более глубокий диахронический уровень[139].

10.1.3. Реконструируемая ПСТР видового уровня должна быть логически сообразной, т.е. одни ее черты должны закономерно сочетаться с другими. Она должна иметь вид идеальной модели, типологические параметры которой находятся в более жесткой логической взаимосвязи друг с другом, чем выражение этих параметров в эмпирических системах. Этот диахронный эталон нельзя рассматривать как атрибут некоего одного реально существовавшего в определенное время общества/языка, а скорее как совокупность тенденций, усиливающихся при ретроактивном движении во времени. Облик реальной номенклатуры родства ПСТР приобретает только после компаративистской реконструкции образующих ее фонологических и морфологических форм.

10.1.4. Типологически информативными измерениями СТР являются такие отношения, как межпоколенные (кроссгенерационные) и внутрипоколенные; кроссгенерационные и отношения внутри поколения эго; реляционные (поколение, пол, возраст) и линейные (слияние/разграни-

чение линий отца/матери и прямой/боковой линий). Исследование типологической динамики СТР должно идти в направлении от центральных (системообразующих) признаков к периферийным. Для глобальной реконструкции первые являются более информативными, чем вторые; для локальных реконструкций – наоборот. Так, например, слияние/разграничение генеалогических линий в 0 и ±1 поколениях является центральным параметром, а их слияние/разграничение в ±2 – периферийным; терминологическая взаимность между боковыми категориями ±1 поколений – признак системообразующий, а между боковыми категориями второго восходящего и второго нисходящего поколений - признак периферийный. Типологические характеристики должны исследоваться на предмет их устойчивости в системе и проявляемых тенденций к возникновению и усилению или, наоборот, к ослаблению и исчезанию. Исследование типологической динамики СТР должно идти дедуктивным путем, т.е. от простых признаков к более сложным. Простые параметры являются эволюционно наименее мобильными, а значит представлять надежный критерий для определения наиболее устойчивых, унилинейных и информативных тенденций в историческом развитии СТР. Простейшей типологической характеристикой СТР является дихотомия «взаимность терминов – полярность терминов», так как любое отношение родства может быть обозначено либо одним, либо двумя терминами. Терминологическая взаимность может устанавливаться, с одной стороны, между эго и альтерами, относящимися к восходящим или нисходящим поколениям (*кроссреципрокность*), а с другой – между эго и альтерами 0 поколения (*орторециприкность*) (ср. рус. *брат*, *кузен*). Задача заключается в том, чтобы определить, какой из этой пары признаков является типологически базовым и исторически первичным, а какой маркированным и вторичным[140], и в какой зоне СТР.

10.1.5. Выделяемые типологические единицы должны атрибутироваться в структуре типологической схемы посредством соотнесения с другими типами. Так, одним из ключевых характеристик типов СТР является принцип *киральности*, или комплементарности типологических пар. Так, бифуркативный тип кирален линейному, бифуркативно-линейный – инкорпорирующему; МК – МО. Типологически, таким образом, линейный тип не является более эволюционно продвинутым, чем бифуркативный, и, соответственно, нет оснований считать, что европейские СТР являются неким «венцом» иденетической эволюции. Наблюдения показывают, что в глобальной дистрибуции встречаемость одной из киральных систем заметно превышает встречаемость другой, т.е. в паре киральных типов один является доминантным, а другой – рецессивным. Бифуркативный тип доминирует над линейным, модель «омаха» над моделью «кроу». Сложнее обстоит дело с инкорпорирующим и бифуркативно-линейным типами: в 0 поколении инкорпорирующий является доминантным, а бифуркативно-линейный – рецессивным; в +1 поколении – наоборот (ср.: [467, с. 13; 480, с. 136]). Важной особенностью киральных пар является тот

факт, что их интеграция порождает другой тип(ы). Так, при объединении бифуркативного и линейного типов принцип разграничения дает бифуркативно-линейную группировку, а принцип слияния - инкорпорирующую. Обратное неверно: слияние бифуркативно-линейной модели со своей киральной парой, инкорпорирующей моделью, не порождает бифуркативный и линейный типы.

10.1.6. Дополнительным источником типологической реконструкции ПСТР видового уровня является ареальный анализ. Наблюдение за географическим распространением типов СТР способно выявить зоны повышенной дифференцированности и специфичности. Спектр типологических форм, зафиксированных в каждом из ареалов, сопоставляется с общемировым спектром форм с целью определения возможностей для диахронической выводимости форм одного ареала из форм другого. В конечном итоге, очерчивается географическая зона с высокой дифференцированностью и системностью специфических черт: эти черты сопоставляются со сходными типологическими параметрами, присутствующими в СТР других ареалов и оцениваются на предмет усиления/ослабления заложенных в них тенденций. Если формы одного из ареалов оказываются противопоставленными формам всех других ареалов вместе взятых и ни одному другому ареалу в особенности, но тенденции, делающие этот ареал специфичным в общемировом масштабе в ослабленном виде обнаруживаются во всех других зонах, то рассматриваемый ареал содержит формы абсолютно архаичные в историческом отношении и наиболее информативные для эволюционной типологии. Далее, следует определить, является ли этот ареал архаичных форм реальной единицей исторического процесса, т.е. составляют ли популяции его населяющие историко-этнографическую область, языковую семью любого уровня или антропологический тип. Если рассматриваемый ареал таковым является, то весь спектр зафиксированных там типов СТР оценивается на предмет их абсолютного разнообразия по сравнению со степенью дифференцированности форм в других зонах. Если степень его типологической дифференцированности равен или превышает разнообразие в других исторически реальных зонах, то можно с уверенностью говорить о том, что его типологические параметры являются предковыми, а не позднейшими локальными вариациями.

10.1.7. Функциональное поле употребления иденонимов всегда ситуативно и зависит от конкретных речевых, социальных и субъективных условий. Учитывая эти соображения, исследователи пришли к выводу, что, во-первых, словарь иденонимов данного коллектива должен составляться путем «считывания» их с речи носителей языка, а не путем прямого интервьюирования (см.: [465]); а во-вторых, что данные по мертвым языкам не в состоянии с достаточной полнотой отразить бытовавшую в данном коллективе СТР [702, с. 104]. Точно так же, как в глоттальной теории праиндоевропейского Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванова подчеркивается, что, несмотря на древность ведийских и авестийских текстов, фонологическая система германского является более архаичной, чем ведийская или авестийская

фонология, ТР, «выписанная» из древнего письменного источника не имеет априори «права вето» на регулярности развития, вытекающие из терминологических (фонетических, морфологических, семантических) структур родства живых (или относящихся к более позднему временному интервалу) языков той же семьи. Как отмечал В.И.Абаев по поводу надежности скифо-сарматских лексических материалов для реконструкции форм осетинского языка,

«Звуковое развитие в разных наречиях могло идти с разной скоростью, и в более новых по датировке источниках могут быть представлены более ранние формы» [5, с. 334].

10.1.8. Основным условием правильной этимологической реконструкции является правильный выбор сравниваемых форм. Эта тривиальная истина таит в себе парадокс. С одной стороны, правильность фонологической и морфологической реконструкции зависит от того, какие формы заведомо признаются родственными и, соответственно, каков диапазон вариаций входящих в парадигму элементов; с другой стороны, лексика языка претерпевает семантические изменения, которые не всегда можно угадать при сравнении сходных по звучанию форм. Таким образом, формальная реконструкция может считаться надежной только в том случае, если она опирается на надежную семантическую реконструкцию, и наоборот. В отсутствие общих теорий исторической семантики, действующих в пределах одного языка, одной языковой семьи или одной лексико-семантической группы и сопоставимых по строгости с теориями фонологических трансформаций, большинство филологов использует формальные критерии в качестве приоритетной «лакмусовой бумажки» для различения родственных и неродственных форм. При этом, тождество или очевидная близость значений сравниваемых форм является единственно надежной историко-семантической «теорией». Следует признать справедливым следующее замечание критически настроенных компаративистов:

«При сравнительно-историческом изучении лексики важны не только прямые соответствия (рука – рука, нога – нога и т.п.), но и этимологические связи, семантические гнезда, словообразовательные модели исследуемых слов» [32, с. 31].

В основе филологического формализма лежит твердое убеждение, что фонологический процесс линеен и универсален в пределах всего языка и органически зависит только от фонетической среды. Исключения из этого правила носят бессистемный характер и сводятся к спорадическим процессам морфологической аналогии (типа рус. *девять*, развившееся из **невять* под влиянием следующего числительного *десять*), ассимиляции, диссимиляции, взаимозаменяемости плавных и т.п. Семантический и прагматический факторы в этой парадигме учитываются недостаточно (или не учитываются вообще).

ТР ставят перед формальной компаративистикой двоякую проблему. С одной стороны, они нередко обнаруживают несоответствие фонологическим законам, что можно поставить в связь с их эмоционально-экспрессивным смыслом и частым употреблением в речи[141]. С другой стороны, они имеют тенденцию, общую с фонологическими системами, к семантической регулярности,

необратимости и универсальности. Процессы семантической дифференциации (разграничения) и интеграции (слияния) в пределах СТР порождают ситуации, когда следование «букве» фонологических законов просто физически невозможно. Разложение взаимного термина, предположим, приводит к образованию, по крайней мере, двух новых категорий. Заимствование нового термина не всегда социально приемлемо или удобно, трансформация семантически близкого термина или аффиксация самого термина осложняется присутствием в другом термине или в грамматическом модификаторе смысла, неприемлемого для вновь возникшего семантического контекста. Необходимость дифференцировать в речи новые категории заставит носителей языка создать две самостоятельные формальные парадигмы, которые впоследствии будут развиваться разными фонетическими путями. В этом случае, фонетическая двойственность будет прямым идентификатором сиюминутно значимого смысла, а участвующие в терминологической дифференциации фонемы – смысловыразительными (т.е. фактически синтаксическими), а не смыслоразличительными средствами. **Именно конкретно-исторический характер взаимодействия и противоборства между фонетической и семантической регулярностью составляет объект этимологического исследования СТР.**

Не возражая против общей установки сравнительного языкознания на фонетическую регулярность языковых процессов, отметим, что независимость фонетических изменений от принадлежности слова к семиологическому класса и его роли в предложении не исключает возможности того, что есть семиологический класс(ы), где этот процесс оказывается сложнее и богаче. Представляется, что наилучший способ реконструировать праязыковую фонетику и морфологию заключается не в изучении языка вообще, а в интенсивном изучении исторического взаимодействия между элементами внутри таких «сложных» классов (или класса). Высокая семиотичность иденонимов приводит к тому, что в ходе языкового развития от них в большей мере, чем от других слов, могут отпочковываться семантические трансформы. Создаваемая в ходе такого процесса формальная дифференциация может иметь особое значение как источник информации об этапах фонетического и морфологического развития в языке. Любой фонетический процесс имеет свое начало, и интересно было бы исследовать вопрос о том, с каких слов он начинается (в каждом конкретном семействе языков) и в каких социальных контекстах.

Причины самих фонологических трансформаций (таких, как, например, первое германское передвижение согласных, описываемое «законом Гримма») тоже нуждаются в объяснении. Теория У.Лабова [1601] формулирует эти причины как социальные, а именно как коммуникативно значимые изменения в содержании социальной оппозиции «мы – они», «наша речь – чужая речь». Постоянно протекающие в СТР процессы семантической дифференциации и категориального слияния могут оказаться исходной точкой для

фонетических и морфологических процессов, которые затем по аналогии распространяются на весь остальной язык.

10.1.9. Этимологическая атрибуция иденонимов должна исходить прежде всего из системных характеристик СТР. Это означает следование следующим постулатам:

1) учитываться должны как формальные соответствия между когнатами, так и семантические соотношения между неродственными формами[142];

2) в большинстве случаев для иденонимов следует восстанавливать не описательные значения типа «негосподин», «своя женщина», «рожденный», «несущий огонь», «защищающий» и т.п. (это подобно объяснению происхождения фонетики слов их звуковой изобразительностью), а реконструировать их прасемантику исключительно в терминах взаимосвязи с другими категориями родства;

3) семантические расхождения между рефлексами одного термина в разных языках возникают на основе полисемии праязыкового этимона[143];

4) в случае каждого иденонима нулевой гипотезой должно быть предположение о том, что история его возникновения более связана с другими иденонимами, нежели с неиденонимами.

Исходя из последнего постулата, в каждом иденониме следует видеть прежде всего трансформацию другого иденонима. Все остальные возможные связи должна рассматриваться в контексте фонологического, морфологического и семантического взаимодействия между рассматриваемыми двумя и более иденонимими. Безусловно, исследователи разных языков могут привести немало обоснованных примеров образования иденонимов из неиденонимов (прежде всего, из других иденотивов), но все же следует исходить из того, что переходы от иденонима к иденониму, от иденонима к члену другого иденотивного класса и от иденонима к неиденотиву являются базовыми и более вероятными, тогда как переходы от неиденонимов к иденонимам – маркированными, а значит менее вероятными[144]. Подробнее о принципах этимологической реконструкции СТР см. дискуссию в АР-5.

10.2. Взаимная терминология родства: Общая характеристика, типология

10.2.0. Если концептуальная взаимность (= полярность) присуща абсолютно любой СТР, терминологическая реципрокность, присутствует в СТР с разной степенью регулярности, лексикализуя те или иные взаимные связи. Можно выделить две формы терминологической взаимности – внутрипоколенную (объединяющую альтеров 0 поколения), или орторецип рокность, и межпоколенную, или кроссреципрокность.

Орторецип рокность может охватывать следующие отношения: ДР, ДДхРРх, ДДхРРу, и в подсистеме свойства: СмДжРЭм – ДмРСж, ДжРСж – СмДжРЭж, ДмРСм – СжДмРЭм, ДжРСм – СжДмРЭж, РСД; и, соответственно, выделяются варианты – сиблингорецип рокный, ортокузеннорецип рокный, кросскузеннорецип рокный,

левирореципрокный (от лат. *levir* «деверь», «шурин») и т.д. Кроссреципрокность раскладывается на следующие типы: сенексореципрокный ($Р^3$ = $Д^3$, $Р^4$ = $Д^4$) (от лат. *senex* «старый, старик»), авореципрокный ($Р^2$ = $Д^2$) (от лат. *avus* «дед»), патриреципрокный (Рм = Д) (от лат. *pater* «отец»), матриреципрокный (Рж = Д) (от лат. *mater* «мать»), авункулореципрокный (ДмРРж = ДДжРЭм) (от лат. *avunculus* «брат матери»), амитореципрокный (ДжРРм = ДДмРЭж) (от лат. *amita* «сестра отца»), патруусреципрокный (ДмРРм = ДДмРЭм) (от лат. *patruus* «брат отца»), матертерореципрокный (ДжРРж = ДДжРЭж) (от лат. *matertera* «сестра матери»), сокрореципрокный (РС = СД) (от лат. *socer* «отец супруга(и)» (см.: [279]). При первом приближении, решение вопроса о том, какая из структур – взаимная или полярная – является базовой, покажется однозначным: одночленная структура проще, чем двучленная структура, а значит взаимная терминология является базовым признаком, а полярная - маркированной. Кроссреципрокность, действительно, отвечает такому определению, так как термин *дедовнук*** (ПИЕ **Hawos*) или *отцесын*** (австронез. *(*T)ama*) выражает замкнутое родственное отношение, которое может быть раскрыто через введение двух полярных ТР, сохраняющих качество взаимности, но приобретающих дополнительные семы связи с другими категориями типа «брат отца», «сын», «дочь» и т.д. Ортореципрокность термина *брат*, напротив, маркирована по сравнению с такими глоссами как «старший брат для женщины», «младшая сестра для мужчины», «младший брат для мужчины», «старший брат для мужчины» и т.п., в связи с тем, что, с одной стороны, термин *брат* не исключает оппозицию «старший – младший» и указание на половозрастной статус говорящего, а с другой – приобретает выраженную сему «сын родителя(ей)».

10.2.1. Накопленный к настоящему времени материал позволяет дать предварительную картину распространения ВТР. В 0 поколении отношения между сиблингами оформляются как взаимные в ТР 247 этносов по «Этнографическому атласу» Дж.Мёрдока [1793, с. 173-176]. Причем здесь возможны многочисленные вариации, среди которых выделяется реципрокность номенклатуры для разнополых сиблингов и однополых сиблингов.

Например, у баконго термином *nsanga* обозначается сиблинг противоположного пола [654, с. 76]; у нгавбе (Панама) *edaba* – «сиблинг одного пола с говорящим», а *ngwae* – «сиблинг противоположного пола» [2217, с. 86-87]; у папуасов-бонгу такими же денотатами обладают термины *aba* и *abu* [388].

Кросскузеннореципрокный тип присутствует в тех СТР, которые лишены черт суданского варианта (ДДмРРж ≠ ДДжРРм), МКО, КТР и деления кросскузенов по относительному возрасту. «Этнографический атлас» Дж.Мёрдока показывает, что таких ТР 422 [1793, с. 175-177]. Данных по ВТР в обозначении разнополых сиблингов супругов и супругов разнополых сиблингов таблицы Дж.Мёрдока не содержат, но такие варианты известны (например, у ньякьюса *undamu* ДмРСж, СмДжРЭм, *ugwiti* ДжРСм, СжДмРЭж [2205, с. 139]).

Кроссреципрокные формы фиксируются у не менее, чем 400 этносов Америки, Африки, Австралии, Океании и Евразии (см. Приложение I). При этом не учитывались те СТР, в которых взаимность формально отсутствует, но может быть без труда реконструирована (например, айны, пенаны и др.) (см., подробнее: [1264]); вокативные формы патри- и матриреципрокных типов; и сокрореципрокные термины. Абсолютное большинство форм ВТР демонстрируют Северная, Центральная и Южная Америка (около 150 этносов). Этносы, имеющие ВТР, расселены в западной части США (западнее Скалистых гор, в штатах Аризона и Нью-Мексико) с переходом в Мексику и северную часть Южной Америки и относятся к юто-ацтекской, селишской, на-дене, пенути, хока, кэддо и панской языковым семьям. Внушительное количество этнических групп Юго-Восточной Азии и Океании, фигурирующих в авореципрокном списке, не свидетельствует об особой развитости этого терминологического феномена в этой зоне, так как большинство указанных в перечне номенклатур демонстрирует один-единственный рефлекс протоавстронезийского **e(m)pu-* РмР = ДД.

Чрезвычайно широкое распространение имеет авореципрокная (реже в сочетании с сенексореципрокной или сенексореципрокная отдельно) модель. Авункуло- и амиторeципрокные типы – наиболее распространенные формы ВТР в ±1 поколениях. Нередко в СТР можно столкнуться с отождествлением родителей супругов и супругов детей (сокрореципрокный тип).

Например, у древних греков термин *gambrós* обозначал мужа дочери и отца супруга(и) [2169, с. 423]. В Сев. Америке сокрореципрокность отмечена у уматилла, санпойл, нижних томпсон, флэтхед, кёр д'ален, коулиц, чехалис, нижних кэрриер, хайда, цимшиан, яна и др. [1917, с. 214; 1564, с. 97-99; 2083, с. 330; 1549, с. 98; 1978, с. 164]. Такие случаи хорошо известны в других частях света (например, в СТР масаев, где *ol-aputani* РмСж = СмДжЭм, *eng-aputani* РжСж = СмДжЭж) [1501, с. 476-477].

По всей вероятности, сокрореципрокный тип относится к той же классификационной ситуации, что и отождествление ДхРРу = ДДхРЭу – ведь согласно нормам одностороннего или двустороннего кросскузенного брака, родственники и свойственники будут совпадать.

Патри- и матриреципрокные модели – явление редкое. Они обычно фиксируются как вокативные формы и на уровне общих корневых морфем, которые можно возводить к общему термину для этих классов родства.

В референтивной подсистеме эти отождествления играют структурообразующую роль в панских СТР (Южная Америка) [1559, с. 172; 1734, с. 99-103; 2040, с. 54-55]; СТР ютоацтекских групп южной Калифорнии (у тюбатулабал *kumu* Рм (после смерти ребенка, т.е. сиблинга эго), *tumu* Д, *ümü* Рж (после смерти ребенка) [1362, с. 221]; у кавайису *muwuni* Рм (до смерти ребенка), *mawüün* Рж (после смерти ребенка), *tuwuni* Дм [1362, с. 229]); у тева термин *talle* (ритуально ДмЭм, обыденно ДмДмРЭж) родственен *tattcu* Рм [1584, с. 66-67]. У австралийских яралде патриреципрокность проявляется на пересечении вокативной и индирективной подсистем (см. 8.5.): термин *nangai* обозначает «(мой) Рм, ДмРРм», термин *naiyu* – «(твой) Рм, ДмРРм», а термин *ngaiyi* служит вокативной формой для Дм (но не для ДмДмР) [1899, с. 233-234].

ТР помо (Калифорния): вост.-помо *harika* вокат. Рм, Дм; центральных помо *me'* (вокат. *mede*) Рм, Дм, *tce* (вокат. *tcede*) Рж, Дж; южных помо *mede* Рм (иногда также вокативно Дм), *tcede* Рж (для взрослых сына и дочери; иногда вокативно Дж) [1361, с. 107, 113]; и в меньшей мере в СТР нариньин, вунамбал и ворора (Австралия) для «отца» и «сына» [1676, с. 54, 75] и

СТР бушменов (ср.: нарон ||*kũb* Рм, *kuba* Дм, *auba*, *aba* вокат. Рм, *aboba* Дм, «мальчик» (при *aba* «рождать»), ||*kũsha* (*eisha*, *eishe*, *eiye*) Рж, ||*kusha* Дж; хам[145] *oa* Рм, «выходить из», *xoa* Рж при нама *oa* «рождать» (вульг.), *oaï* Д [1113, с. 68, 57; 1115, с. 5-6]).

В Сев. Америке у коулиц *tut*, *tət* Рм, *tət* Дм [1524, с. 691], тенино *tu'ta* вокат. Рм, *tə̑ta* вокат. Дм [1791, с.210], южных майду (нисенэн) '*tE, te, se* Рм; *te, tE* Дм [1078, с. 374]; вийот *yidac* Рм, *yidar* Дм, *yidokar* Рж, Дж [1361, с. 29]; у тараумара *onó* (референт. *oné-la*) РмЭм, *nó* (или *nó-la*, с посессивным суффиксом *-la*) ДмЭм [1100, с. 220]; у чонталь *mayʔayi* «мой отец», *mayw'a* «мой сын» (где формант *-ʔayi* восходит к аффективному термину для отца, а формант *-w'a* – к референтивному термину для сына [2175, с. 193-194]; уитото (Южная Америка) *mo* вокат. Рм, ДмЭм, *nyo* вокат. Рж, ДжЭж [1783, с. 525]; у тшикао *imu* Рм, ДмРРм, *imun* Дм, ДмДмР [1735, с. 330]; у сатуготине *setá* Рм, ДмРР, *setué* Дм [1965, с. 55]; у восточных атакапа *teŋ* Рж, Дж [1424, с. 244]. Общий термин для «отца» и «сына» реконструируется для прототсамосского на основании таких форм, как верх.-чехал. *mán'* Д, *kʷumáʔ* Рм, квинольт *mán* Рм, *mə̑'n* Д и др. [1564, с. 95]. Называние сыновьями отцов *-pil* Дм зафиксировано в ацтекских текстах, но не в устной речи; видимо, с этой практикой иденонимической инверсии связано и обращение жрецов к богам как к «детям» [1345, с. 95, 111].

В ТР целого ряда австронезийских языков термином *tama*, *kama* (<**ama*) наделяется породитель (см.: [80, с. 203]), а у тикопия и онтонг-яванцев им называются сын и дочь [870, с. 57, прим. 7; 1496, с. 412]. Рм в этих языках – *tamana* (*kamana*). У байнинг *tamagu* Рм = ДмРРм = Д [2126, с. 354]. У киливила (тробрианцев) *tama* Рм, *tamana* Дм. У самоанцев *tamā* Рм, РмР, ДмР (намного старше эго), ДмРР, *tama* Д, ДДР, ДДЭж [1560, с. 149-150].

У ньякьюса термин *muanangu* («мой ребенок») употребляют в отношении друг друга Рм, Рж, Дм и Дж [2205, с. 131]. В вокативной подсистеме СТР пенде (Африка) породители и дети обозначаются одинаковыми терминами [1611, с. 489]. У мордвы термин *dugai* (*dügal'a*) имеет среди денотатов Рж и Дж в вокативной подсистеме [567, с. 59]. В санскритском тексте Айтарейя Брахмана (V, 14, 3; VII, 14, 8) *tata* вокат. Рм употребляется в обращении отца к сыну [1548, с. 28]. В дравидийской семье у тамилов *appan* Рм, *appu* ласк. Дм, *amma* Рж, *ammini* ласк. Дж; каннада *appa* Рм, *apa* ласк. Дм, телугу *tandri* рефер. Рм = Дм (< **-anr*), *talli* рефер. Рж = Дж, *appa* Рм, *abbāy* Дм, *amma* Рж, *ammāyi*, *ammi* ласк. Дж; малайялам *amma* Рж, *ammini* ласк. Д [2143, с. 152].

Слияние породителей и детей в одну категорию, хотя и относится к редким случаям, но все же демонстрирует кросскультурную регулярность и свидетельствует против А.Вежбицкой, убежденной что значения «отец» и «мать» являются универсальными для ТР [2195, с. 155].

Предположительно, на древнейшем этапе патри- и матрирецепрокная модель предполагала актуальность пола эго, так что отношение «Р – Д» описывалось 4 терминами (РжЭж = ДжЭж, РжЭм = ДмЭж, РмЭм = ДмЭм, РмЭж = ДжЭм). Хотя фактически ни одной такой номенклатуры нам не известно, классификация «детей» и «родителей» в зависимости от пола эго (без реципрокности) наблюдается у мохаве [1583, с. 340], хуастеков (*paylom* РмЭм, *pap* РмЭж, *mim* Рж /с редукцией пола эго/, *atic* ДЭм, *tam* ДЭж) [1907, с. 7], кора [1907, с. 6], ацтеков [409, с. 224], отчасти тараумара [1100, с. 220], тепехуано [1907, с. 3-4], чумаш [1583, с. 380], юма [1441, с. 430-431], яганов (*ūāgönnux* РжЭм) [1422b, с. 788].

В менее отчетливой форме разграничение «родителей» и «детей» в зависимости от пола эго фиксируется в Америке у верхних танана (*saʔe* ДмЭм, *tseʔe* ДжЭм, *sə̑* ДмЭж, *yatseʔe* ДжЭж) и форт-лайардцев [1469, с. 291-292], хайда, ниска, цимшиан (например, *hädi* РмЭж, заимствованный у хайда), оканаган и колвилл (*m'istə̑m* РмЭж, *lʔiw* РмЭм, *skʷʷuy* РжЭм, *tum'* РжЭж [1722, с. 121], кутене (*qa-di'to* РмЭм, *qa'-co* РмЭж, при *qa-* «мой») [1268, с. 415]; в Океании у таумако (*ahahine* ДжЭм = ДжДмРЭм, *taina* ДжЭж = ДжДРЭж) [1219, с. 161-166], токелау (*ataliki* ДмЭм = ДмДРЭм, *afafine* ДжЭм = ДжДРЭм [1691, с. 45-47], пилени (*ateliki*

ДЭм, *taku tama* ДЭж), саво (*aiva nyumba* ДмЭм, *aiva zumba* ДмЭж, *aima nyumba* ДжЭм, *aima zumba* ДжЭж и буин *móto* РмЭм, *móka* РмЭж [1937, т. 1, с. 229, 249, 258].

Как мы увидим ниже, параметр «пол эго» находится в тесной ассоциации и с другими формами ВТР, а также с древнейшей сиблинговой номенклатурой (см. 10.9.).

10.2.2. Случаи объединения аво-, авункуло-, амито-, патруус- и матертерореципрокных моделей в одной системе с образованием *суперреципрокных* СТР обнаружены у **кутене**, **луисеньо**, **серрано**, **кауилья**, **кавайису**, **пайютов-кайбаб**, **ютов**, **апачей**, **тараумара**, **атсугеви**, **ачомави**, **майя-лакандон**, **кора**, **михе**, **соке** (слегка редуцированные за счет грамматических средств [1907, с. 12-14] и фиксируемые по письменным источникам [1323, с. 336-337]); а в Старом Свете – у **саамов**, **ли** (тайская группа), **викмункан**, **йирйоронт** и **канджу** (пама-ньюнганская группа). Младшие (а иногда и старшие) члены пар в суперреципрокных моделях иногда маркируются модификаторами.

Приближаются к суперреципрокными такие СТР, как луаниуа (онтонг-яванцев) (Рм = ДмРРм = Д = ДДмРЭм, Рж = ДжРР = Д, ДДРЭж, ДмРРж = ДжРЭм, при *topuna* Д^2, *kipuna* Р^2) [1496, с. 412], байнинг (см.: [2126]), яралде (см.: [442]); ворора, вунамбал, нариньин (Рм = Дм = ДмРРм = ДмДмР, ДДмРЭж = ДжРРм, Рж = ДДж у нариньин [1676, с. 54, 75, 77, 87]); эфиопских гураге (афразийская семья) *(ebeya* ДмРРм, ДмДмРРм, ДмДмР, *anatčwat* ДжРРм, ДжДмРРм, ДжДжР, *mwänäbäya* ДДжРРм, ДДжР, *mwena* ДмРРж, ДДмРРж) [1202, с. 139]. У других представителей афразийской семьи, сокотрийцев, общий корень присутствует в наименованиях родителей, детей и детей сиблингов (*bérhe* Рм, *bēre* Рж, *bar* Д, *'íbri* ДмДР, *'íbrit* ДжДР [624, с. 79, 83-85]; ср. гураге *aba* Рм, *ebeya* ДмРРм = ДмДмР, *bäya* Д), что может указывать на древнюю патри- и патруусреципрокнсть с категориальной редукцией в сторону бифуркативности по модели луаниуа-ворора-вунамбал-нариньин (Рм = Дм, ДмРРм = ДДмР → Рм = ДмРРм = Д = ДДмРЭм) и ассимиляции категории «матери» к категории «отца».

Среднереципрокность, т.е. сосуществование аво-, авункуло- и амитореципрокных моделей в одной СТР, отмечается у **шошонов**, **пайютов**, **ютов**, **навахо**, **пуэбло**, **команчей**, **яхи**, **бивер**, **секани**, **арауканов**, **матсес**, **шаранауа**. Среднереципрокность, а также *слабореципрокность* (т.е. наличие в СТР одной формы кроссреципрокности) широко распространены по всему миру. Суперреципрокность и среднереципрокность в Сев. Америке (а также у ли, викмункан и йирйоронт) находится в устойчивой корреляции со следующими особенностями СТР: **наличием 4 терминов для альтеров ±2 поколениях, релевантностью пола эго и нерелевантностью пола младших членов аво-, авункуло-, амито-, патруус- и матертерореципрокных пар и делением группы сиблингов по относительному возрасту** (ср.: [1589, с. 602-603, 606; 1670, с. 367]). Количество авореципрокных терминов является важной типологической характеристикой, и, хотя такая классификация не раскрыват все нюансы группировки альтеров +2 и -2 поколений друг с другом, представляется целесообразным выделять такие модели, как *кватроавореципрокность* (4 термина с глоссами РмРм = ДДмЭм, РмРж = ДДжЭм, РжРм = ДДмЭж, РжРж = ДДжЭж), *триавореципрокность* (то же с редукцией одной взаимной категории), *биавореципрокность* (РмР = ДмД, РжР = ДжД или РРм = Дм, РРж = ДДж или РмР = ДДЭм, РжР = ДДЭж), *униавореципрокность* (РР = ДД). В современных европейских СТР кроссреципрокность отсутствует

полностью, зато наличествуют формы орторецип рокности (ср. рус. *брат, двоюродный брат, кузен, свояк*; англ. *brother*, *cousin* и т.д.).

10.2.3. Среди суперрецип рокных моделей выделяется группа систем, в которых сиблинги родителей последовательно подразделяются по относительному возрасту. В результате старшие альтеры +1 поколения сливаются с младшими альтерами -1 поколения, а младшие альтеры +1 поколения – со старшими альтерами -1 поколения. Во всех этих СТР присутствуют от 4 до 2 аворецип рокных термина, и, соответственно, эту структуру можно назвать *суперрецип рокно-возрастной моделью* (СРВМ). Приведем несколько таких систем (черным выделены отклонения от максимально возможной категориальной дифференциации, представленной в таких СТР, как СТР индейцев-тараумара и юинта-ютов). См. также 10.10.6., 10.10.7. с СТР пайютов-кайбаб, ли и папуасов-кераки.

Тараумара (южная группа юто-ацтекской семьи)

[1100, с. 220-221]:

otcí РмРм	*otcí* ДмДм
katcótci РжРм	*katcótci* ДжДм
apulótci РмРж	*apulótci* ДмДж
uusú РжРж	*uusú* ДжДж
kumútci +ДмРРм	*kumútci* Д-ДмРЭм
ditcí (или *sowí*) -ДмРРм	*ditcí* Д+ДмРЭм
soló +ДжРРм	*soló* Д-ДмРЭж
apó -ДжРРм	*apó* Д+ДмРЭж
ukulítci +ДмРРж	*ukulítci* Д-ДжРЭм
daté (или *ata-lá*) -ДмРРж	*daté* Д+ДжРЭм
nisá +ДжРРж	*nisá* Д-ДжРЭж
itcé -ДжРРж	*itcé* Д+ДжРЭж
onó РмЭм	*nó* ДмЭм

Эта древняя система к 1930-м гг. уже уходила в прошлое, и ТР для боковых родственников заменялись общими терминами *dihimála*, *ditémora*, *nahirémaga*, *wénowa* со значением «родственник» (для первых двух также «сиблинг, кузен») [1100, с. 221].

Юинта-юты (нумическая группа юто-ацтекской семьи)

[1977, с. 135]:

toγú-n ^{ɨ} РмРж	*toγú-t·ci-n* ^{ɨ} ДДжЭм
gönú-n ^{ɨ} РмРм	*gönú- ntci-n* ^{ɨ} ДДмЭм
gaγú-n ^{ɨ} РжРж	*gaγú-t·ci-n* ^{ɨ} ДДжЭж
^{wi} *'tcí-n* ^{i} РжРм	^{wi} *'tcí-t·ci-n* ^{i} ДДмЭж
ái-t·ci-n ^{i} -ДмРРм	*ái-t·ci-n* ^{i} Д+ДмРЭм
qún'- 'n^{i} +ДмРРм	*qún'-t·ci- 'n*^{i} Д-ДмРЭм
cinÁ-ntci-n^{i} -ДмРРж	*cinÁ-ntci-n*^{i} Д+ДжРЭм
^{ax}*qúi-n* ^{i} +ДмРРж	^{ax}*qúi-t·ci-n* ^{i} Д-ДжРЭм
māwún'- n ^{i} +ДжРРж	*māwún'-t·ci-n* ^{i} Д-ДжРЭж
nimbüía-n ^{i} -ДжРРж	*nimbüía- t·ci-n* ^{i} Д+ДжРЭж
pā'-n ^{i} **ДжРРм**	***pā'-t·ci-n*** ^{i} **ДДмРЭж**[146]

По сравнению с СТР тараумара, в СТР юинта-ютов сохраняется, очевидно, более древняя модель с релевантностью пола эго в ±2 поколениях. Однако, как и в СТР саамов, в СТР юинта-ютов относительный возраст не имеет значения для женского сиблинга отца и ее реципроката (выделено черным) [1977, с. 135]. При этом видно, что ТР

для +ДжРРм = Д-ДмРЭж (*soló*) в СТР тараумара исчез из ютской системы, а термин для -ДжРРм = Д+ДмРЭж (*apó*) дал в ютской системе основу *pā'-n*^{a} в значении ДжРРм = ДДмРЭж. Аналогичным образом, в СТР северных шошонов когнат *apó* имеет форму *baha* со значением ДжРРм = ДДмРЭж, а еще один ТР из системы тараумара, *daté* (или *ata-lá*) - ДмРРж = Д+ДжРЭм, отразился в шошонском как *ada* ДмРРж = ДДжРЭм. Ср.: тюбатулабал развили ТР для ДмРРм (*kali*) не из термина со значением -ДмРРж, а из термина со значением +ДмРРж (тараум. *ukulítci* +ДмРРж). Это свидетельствует о том, что в ходе редукции относительного возраста в системе сами ТР могут сохраняться, приобретая недифференцированное по возрасту значение.

Кавайису (нумическая группа юто-ацтекской семьи)

[1360, с. 229-232]:

kunoni РмРм	*kunotcini* ДДмЭм
hutcini РжРм	*hutcitcini* ДДмЭж
tôgoni РмРж	*tôgotcini* ДДжЭм
kaguni РжРж	*kagutcini* ДДжЭж
heeni -ДмРРм	*heetcini* Д+ДмРЭм
nupbieni -ДжРРж	*nupbietcini* Д+ДжРЭж
***pahani* ДжРРм**	***pahatcini* ДДмРЭж**
***cinŭni* ДмРРж**	***cinŭtcini* ДДжРЭм**
kuguni Рм **(после смерти ребенка), +ДмРРм**	*kuutcini* Д-ДмРЭм
mawüüni Рж **(после смерти ребенка), +ДжРРж**	*mawüütcini* -ДДжРЭж
muwuni Рм	*tuwŭni* Дм
piyŭni Рж	*pedüni* Дж[147]

Заметное изменение, которое претерпела система кавайису по сравнению с системами тараумара и юинта-ютов, касается старших сиблингов родителей, который здесь слились с родителями эго (в аффективном падеже). При этом в -1 поколении сохраняется бифуркативно-линейность, а термины для ниблингов указывают на то, что имела место фонетическая модификация термина для +ДмРРм = Д-ДмРЭм (*kuguni* vs. *kuutcini*) и расширение терминов для сиблингов родителей на категорию «отца» и «матери». Наряду с этим исчезло деление перекрестных сиблингов породителей по относительному возрасту, и, как следствие, авункуло- и амитореципрокность упростилась.

Э.Сэпир отмечает такую особенность номенклатуры юинта-ютов (а также ТР кавайису, тюбатулабал, пуэбло-тева), как присоединение диминутивных инфиксов (*t·ci*, *ntci*) не только к младшим, но и к старшим членам пары[148]; и предполагает, что исторически эти иденонимы не были снабжены диминутивами, как, например, в ТР индейцев-такелма [1977, с. 136]. Видимо, присоединение диминутивных показателей сигнализирует ослабление кроссреципрокности и начало ее распада.

Сильной редукции подверглась кроссреципрокность у южных соседей кавайису, тюбатулабал, составляющих отдельную ветвь юто-ацтекской семьи [1360, с. 221-223]: при сохранении кватроавореципрокности в ±1 поколении имеется только один взаимный термин, а именно *kali* ДмРРж/*kalibin* ДДжРЭм (с диминутивом); однако деление однополых сиблингов породителей и детей однополых сиблингов эго по относительному возрасту не оставляет сомнений в том, что СТР

тюбатулабал – это трансформированная система кавайису. Различные модификации модели модели тараумара и юинта-ютов демонстрирует подавляющее большинство юто-ацтекских групп.

Модифицированное патруусреципрокное уравнение с дифференциацией по относительному возрасту фиксируется также у юманских групп (**navi* +ДмРРм (с префиксом *n*-), **avét* Д-ДмРЭм [1441, с. 433]).

В северной Евразии СРВМ фиксируется у саамов. (ниже приводятся кольские формы, по материалам М.С.Куропятник, а в скобках – сколтские, по материалам П.Пельто, и кёнкемские, по материалам Р.Персона).

Саамы (прибалтийско-финская группа финно-угорской семьи)

[501, с. 17; 504, с. 206; 1878, с. 68-69; 1383, с. 226-227; 2187]:

āйй (*äij*; *ag'gja*) РмР	*āйев* (*äijev*; *ag'gjot*) ДДЭм
āпкь (*ä'k*; *ak'ko*) РжР	*āпкев* (*ä'kev*; *ak'kot*) ДДЭж
ēгкь (*ječ*; *akke*) +ДмРРм	*ēгкев* (*ječev*; *akket*) Д-ДмРЭм
чāдзь (*šječ*; *čaecce*) -ДмРРм	*чāдзев* (*šječev*; *čaeccet)* Д+ДмРЭм
куэсськ (*kwästh*; *goas'ke*) +ДжРРж	*куэсскэль* (*kwästhjev*; *goas'ket*) Д-ДжРЭж
мудть (*mueth*; *muossa*) -ДжРРж	*мудтэль* (*muethev*; *muossa*) Д+ДжРЭж
сīссь (*sies*; *siessa*) **ДжРРм**	***сīссев*** (***siesev***; *siessâl*) **ДДмРЭж**
īнн (*jään*; *æno*) **ДмРРж**	*īннев* (*jäänev*; *naeppe*) **ДДжРЭм**

Обращает на себя внимание сокращение количества аворецирокных терминов до двух (биавореципрокность) за счет утраты ими переменной «пол коннектора», а также снятие дифференциации по относительному возрасту для категорий «сестра отца» и «брат матери» (как у кавайису). В 0 поколении саамской номенклатуры имеется всего два термина для сиблингов, противопоставленных по полу.

У радж-гондов СРВМ фиксируется в вокативной подсистеме СТР и имеет следующий вид (в скобках указаны менее употребительные /альтернативные/ формы).

Радж-гонды (центральная группа дравидийской семьи)

[2143, с. 145-146]:

dādo РмРм	*dādo* +ДмР	***tamur*** (*dādo*) ДДмЭм	
tamur -ДмР			
aji РжРм	*kāko* +ДжР	***selad*** (***kāko***) ДДжЭм[149]	
selad -ДжР			
ako РмРж	*marndu* +ДмДхРРу	***marndu*** (*ako*) ДДмЭж	
kāko РжРж	*marndad* +ДжДхРРу	***marndad*** (***aji***)ДДжЭж	
pepi РмРмРм	*pepi* +ДмРРм	*pepi* +ДмДмРЭм	*pepi* ДДмДмЭм
ati РжРмРм	*ati* **ДжРРм**	*ati* **ДДмРЭж**	*ati* ДДмДмЭж
māma РмРмРж	*māma* **ДмРРж**	*māma* **ДДжРЭм**	*māma* ДДжДжЭм
peri РжРмРж	*peri* +ДжРРж	***yayal*** +ДжДжРЭж	*peri* ДДжДжЭж
kaka -ДмРРм	*kaka* -ДмДмРЭм	*cudiyal* -ДжРРж	*cudiyal* -ДжДжРЭж

Аворецирокная номенклатура практически распалась за счет слияния категорий -2 поколения с категориями 0 поколения, но следы кватроавореципрокности еще заметны хотя бы по наличию специальных терминов для каждого из родителей родителей и по релевантности пола говорящего в -2 поколении. Патруус-, матертеро-, авункуло- и амитореципрокные уравнения находятся в стадии разложения в виду слияния с категориями ±3 поколений, исчезновения признака

относительного возраста (термины *māma* и *ati*) и замены термина *peri* на термин *yayal*. При этом старшие реципрокаты +1 поколения объединяются не с младшими реципрокатами -1 поколения, а со старшими (хотя здесь используемые нами материалы из статьи С.Тайлера не совсем определенны).

В СТР дравидов-куи (кондов) сохраняются два уравнение из рассматриваемой серии: *bodu* +ДмРРм = Дм-ДмРЭм = Дм-ДжРЭж, *bodai* +ДжРРж = Д-ДжРЭж [1915, с. 153-154; 2143, с. 148-149]. У мальто *peni* (< **per-an-āy*) +ДжРРж, курух *pinnī* (< **per-an-āy*) Д+ДмР (ср. радж-гондск. *peri*; также куи *pero* /< **per-āy*/) РжРмРм) [2143, с. 153] с междиалектной семантической комплементарностью.

В Австралии СРВМ фиксируется в СТР яралде (устье р. Мюррей), викмункан, йирйоронт, канджу (п-в Кейп-Йорк).

Яралде (яральдская группа австралийской семьи)

[1899, с. 233-235; 537, с. 199-201]:

maiyano РмРм	*maiyar* ДДмЭм
mutsano РжРм	*mutsa* ДДмЭж
yaityano РмРж	*yaityeri* ДДжЭм
bakano РжРж	*baka*, *bak*, *bakari* ДДжЭж
ngopano +ДмРРм	*ngopa*, *ngopari* Д-ДмРЭм
waiyati -ДмРРм	*waiyati* Д+ДмРЭм
yámbar, *yámbarno*, *mbárno* **ДжРРм**	*yámb*, *yámbar*, *mbárno*, *mbári* **ДДмРЭж**
***nengko* Рж, ДжРРж**	***porle* Д, ДДхРЭх**
***nayai* Рм, ДмРРм**	
***wano* ДмРРж**	***nangari* ДДжРЭм**

Немаловажной особенностью СТР яралде является наличие кроссреципрокности в ±1 поколениях только в обозначении патрилатератов, что находится в корреляции с институтом патрилатеральных территориальных кланов.

Канджу (пама-ньюнганская группа австралийской семьи)

[1686, с. 127]:

pola РмРм	*polato* ДДмЭм
***mimi* РжРж**	
aityi РмРж	*naityiya* **ДДж**
***pinya* +ДРРм, -ДжРРм**	***pinyato* Д-ДмР**
pipa -ДмРРм	*pi'ato* Д, Д+ДмР
***muka* +ДРРж**	***mukato* Д-ДжР**
kala -ДмРРж	*mampa* Д+ДжРЭм

Викмункан (пама-ньюнганская группа австралийской семьи)

[1685; 1809, с. 229]:

pola РмРм	*poliya* ДДмЭм
kami РжРж	
naitya РмРж	*naityiyu* **ДДж**
***pinya* +ДРРм, -ДжРРм**	***pinyaya* Д-ДмР**
***muka* +ДРРж**	***mukaiya* Д-ДжР**
kala -ДмРРж	***uwa* ДЭж, Д+ДжР**
***pipa* Рм, -ДмРРм, ДмДмДм**	***nengka* ДЭм, Д+ДмР, РмРмРм**

В этих системах, во-первых, слились в две категории старшие сиблинги родителей, поэтому в -1 поколении стал нерелевантен пол эго; во-вторых, пол эго потерял значимость в -2 поколении; в-третьих, распалась кроссреципрокность для младшего брата матери и детей старшей сестры

мужчины, а категория сестры отца утратила дифференциацию по полу. Отличие системы канджу от системы викмункан касается морфологической формы терминов (ср. очевидную вторичность редупл. *mimi* у канджу по сравнению с нередупл. *kami* у викмункан) и характера бифуркатизации в ±1 поколениях: в СТР канджу бифуркативность появляется в -1 поколении с сохранением корневой кроссреципрокности, а в СТР викмункан – в ±1 поколениях и без кроссреципрокности. В СТР викмункан также обращает на себя внимание межпоколенное «перекрещивание» категорий *pipa* и *nengka*.

У австралийских омпела и викнгатана (п-в Кейп-Йорк), наряду с наличием 2 авореципрокных термина, родственными терминами обозначаются старшие сиблинги матери и дети младшей сестры, а также старший брат отца и дети младшего брата [2109, с. 5; 2081, с. 165]. У дьирбал *ngalban* -ДжРРм, *galbin* ДДмР [1243, с. 247-248], т.е. так же, как у юма, из всей серии сохраняется одно уравнение. У папуасов-кераки старший брат отца и дети младшего брата обозначаются одним термином (*tasor*), а младший брат отца и дети старшего брата – терминами, имеющими общую основу (соответственно, *deve-toge* и *toge*) [2203, с. 121] (см. 10.10.6.). У бушменов-хоа СРВМ сжимается до образования линейной модели в ±1 поколениях (ср. *kyxoo* РжР = СС = Д-ДРЭж = +ДжРР; *kux ana* РмР = +ДмРР = Д-ДРЭм [1412, с. 430, 434, 435]). Аналогично у коко-йимидир (северный Квинсленд, Австралия): *mogagai* +ДРР = -ДДР [563, с. 55]. У мундаязычных (северная группа) мундари *bara* (*bari*, *bada*, *badi* со свободно чередующимися дентальным и плавным) +ДмРР, *kora bara* ДмДР, $Р^3$м; сантали *goŋgo* +ДмРРм = Д-ДмР, *baba goŋgo* +ДмРРм, *kora goŋgo* Дм-ДмР, *kuri goŋgo* Дж-ДмР; хо *guŋgu* +ДмРРм = Сж+ДмРРм = +ДжРРж = См+ДжРРж = Дж-ДмР = $Р^3$м = $Д^3$м (с распадом кроссреципрокного иденонима у корку, где *guŋgu* +ДмРРм = См+ДжРРм); в центральной группе у хария *bada* +ДмРРм = См+ДжРРж, *badi* +ДжРРж = Сж+ДмРРм = Дж-ДжР = Дж-ДжРСж (с распадом кроссреципрокного иденонима у эрнга-корова, где *bada*, *baro* +ДмРРм) [1109, с. 450, 460-461]. За исключением термина *goŋgo*, который встречается в большинстве групп мунда и у мон-кхмеров, все остальные формы являются заимствованиями из индоиранского (*bara* «большой, старший») и(или) дравидийского, что делает возможным также и структурное заимствование (см.: [2143, с. 163-164]).

10.2.4. Кроссреципрокность составляет скорее меньшинство, нежели большинство известных номенклатур родства. Одним регионам мира, например, Европе, северной Азии и северной Африке, она практически не свойственна (исключение – гураге и, возможно, сокотрийцы); в других, например, в Южной Америке, она – редкость. Это обстоятельство может сформировать представление о маргинальности и локальной обусловленности этой характеристики СТР, ее вторичную для прасемантической типологии СТР природу. Этим объясняется тенденция рассматривать кроссреципрокность в отрыве от других типологических форм как некое обособленное проявление специфики «первобытного мышления» (см. 5.1.0. – 5.1.2.). О том, что такой подход к ВТР требует

пересмотра, свидетельствует включение Н.Алленом авореципрокности в реконструируемый им «тетраидный» прототип номенклатур родства. Обращение к ВТР в связи с реконструкцией древнейших этапов развития форм социальной классификации объясняется широким распространением авореципрокных моделей в Австралии и их логическая сообразность с системой брачных классов, которая считается древнейшей формой социальной структуры. Однако ни Л.Дюмон, ни Н.Аллен, ни Р.Паркин, во-первых, не рассматривают ВТР как систему в своем роде, предполагающую серию вариантов и различные формы сочлененности этих последних в СТР; во-вторых, не ищут структурных взаимосвязей между ВТР и другими типами СТР, как-то, МКО (для них авореципрокность просто исчезает на следующей после тетраидной стадии развития СТР); в-третьих, идут по «рефлексионистскому» пути привязывания ВТР к одной форме социальной организации.

Кроссреципрокность не является когнитивной аномалией, сливающей категории родства, которые «естественным образом» следует разграничивать. Напротив, она лексически подчеркивает взаимообусловленность категорий родства и базовость взаимной семы (модуса) для межпоколенных идей родства. Как явствует из предложенной структурной типологии форм взаимности, как взаимные могут оформляться любые межпоколенные отношения, в том числе и отношения породителей и их детей. Существуют супер- и среднереципрокные номенклатуры, в которых несколько форм кроссреципрокности сосуществуют как единый комплекс. Наконец, ВТР обнаруживается, с той или иной регулярностью, в большинстве выделяемых лингвистами языковых *семей*; и таким образом, следует пристально исследовать возможность исторической первичности ВТР по сравнению с полярной номенклатурой.

10.3. Взаимная терминология родства и филиация общества

10.3.0. Согласно распространенному мнению, авореципрокный тип соотносится с билатеральным счетом родства [1044; 692, с. 72]. Наши данные показывают, что универсального закона соотнесения форм реципрокности и филиации не существует. Но имеются случаи плотного наложения этих принципов друг на друга, которые нельзя обойти вниманием. Например, зона повышенной реципрокности в Америке (западная часть США, север Мексики) есть одновременно область билатеральности. Чем сильнее реципрокность, тем больше вероятность того, что общество билатерально. Это подтверждает и саамская СТР. Вместе с тем в обществах папуасов-кераки, викмункан, йирйоронт, яралде сильны унилатеральные тенденции (ср. патрилатеральные территориальные кланы у аборигенов п-ва Кейп-Йорк на севере Австралии и устья р. Мюррей на юге). По мере распада суперреципрокности возникают предпосылки для образования патрилатеральных группирований. Так, у яралде кроссреципрокность исчезла в матрилатеральной ветви терминологии, но сохранилась в

обозначениях патрилатератов. У пуэбло-лагуна с исчезновением реципрокных форм в ±1 поколениях сложились патрилатеральные кланы в сочетании с матрилокальным браком [1867, с. 175-176, 195].

Соединение в одной СТР авункуло- и амитореципрокных моделей, судя по имеющимся материалам, является устойчивым признаком билатеральности. Авореципрокные формы сами по себе с филиацией не связаны, только в составе суперреципрокного или среднереципрокного комплекса. В силу своей консервативности авореципрокность может сохраняться в обществах с любой филиацией. Изменению в данном случае подвергается только внутренняя ее сторона, так что унилатеральность будет соседствовать не с комплексом из 4 взаимных терминов с релевантностью пола говорящего, а с двумя или даже с одним общим ($Р^2$ = $Д^2$). Наглядный пример тому дают номенклатуры аканов (Зап. Африка) (см.: [691]).

10.3.1. В тех случаях, когда авункулореципрокный и амитореципрокный типы встречаются по отдельности, чаще можно обнаружить авункулореципрокный тип. Именно такая асимметричность (киральность) отличает СТР пуэбло-лагуна, пуэбло-зуньи, кутене, кайова, кайова-апачей, киливила (тробрианцев), кераки, энга, вака, камано, джате, усуруфа, форе, фиджийцев-такаундроув, науру, луаниуа, габин, джибу, хона, канакуру, юнгур и др. Авункулореципрокный тип СТР присущ унилатеральным обществам. Так, матрилинейны камано, джате, усуруфа, форе, кераки, энга, вака (все – Новая Гвинея). У тробрианцев матрилинейность соседствует с патрилокальностью, а у пуэбло-лагуна патрилинейность с матрилокальностью.

Интересно проследить зависимость авункулореципрокности от филиации в зоне компактного проживания нигерийских этносов: патрилиниджи господствуют у габин и хона [1728, с. 381, 404], большие патриархальные семьи – у юнгур [1728, с. 443], джибу матрилинейны и матрилокальны [1728, с. 500]. Последний этнос из этой группы – канакуру – является обществом с «двойной филиацией»: патрилинейная группа локализована и контролирует светскую сферу жизни, матрилинейная группа, наоборот, дисперсна и отвечает за религиозно-тотемическую сферу [1728, с. 316-317]. Примечательно, но «двойной филиацией» характеризуется и общество соседних лонгуда, СТР которых обычно относятся к МК [686, с. 51]. Сравним СТР этих этносов: ДмРРж = ДмДжР у канакуру; ДмРРж = +ДмР, ДмДжР = -ДмР у лонгуда [1728, с. 321, 344]. Расхождения в номенклатуре коррелируют с инверсией в распределении ролей матрилинейных и патрилинейных группах: у лонгуда светской сферой ведает матрилинейная группа, а религиозной – группа, ведущая счет происхождения по отцовской линии [1728, с. 342]. Относительно компактную и изолированную общность представляют этнические группы, населяющие область Нуба-Хиллс в Кордофане (Судан). У большинства из них СТР демонстрирует авункулореципрокные черты. При этом хейбан, оторо, коалиб, ньима, диллинг, тира и моро – патрилинейны, а месакин – матрилинейны. Близкие последним коронго также матрилинейны, но в ТР этой группы ДмРРж обозначается

термином, сходным с термином «мать» [1796, с. 279-280]. Таким образом, авункулореципрокная модель в равной мере соотносится как с матрилатеральностью, так и с патрилатеральностью.

По сравнению с авункулореципрокным типом, амиторецип рокный тип в самостоятельном виде встречается реже. В качестве примеров укажем СТР споканов и флатхед в Сев. Америке, арауканов и аймара в Южной Америке, чимбу на Новой Гвинее и паама на Новых Гебридах. Все эти общества ведут счет происхождения по отцовской линии. В отличие от киральных МКО, которые хорошо коррелируют матрилинейными и патрилинейными социальными институтами (см. 5.1.7.), авункуло- и амиторецип рокные типы, которые также являются киральными (см.: [691, с. 69, прим. 106]), не имеют киральных аналогов в СТР.

10.4. Историческая первичность кроссреципрокности. Семантическое разложение и трансформация взаимной терминологии родства

10.4.0. Наблюдение за динамическим соотношением кроссреципрокности и кроссгенерационной полярности высветил три закономерности: во-первых, не зафиксировано ни одного факта формирования межпоколенной реципрокности в СТР; во-вторых, лексемы могут меняться при полном или частичном сохранении кроссреципрокности; в-третьих, везде, где это документировано, межпоколенная реципрокность распадается с образованием полярных терминов для реципрокатов[150]. Рассмотрим три ситуации, которые, на первый взгляд, демонстрируют обратное.

Мота. В работе 1961 г. по социальной организации меланезийских мота Р.Лейн [1610, с. 714] приводит таблицу, в которой записанная им двумя годами ранее у мота ТР сравнивается со списком иденонимов этого этноса, составленным в 1914 г. У.Риверсом [1937, т. 1, с. 29]. Согласно этой таблице, – хотя Р.Лейн не обсуждает в своей работе это обстоятельство, – ВТР *walus* ДмРРж, ДмДжР пришел на смену двум ТР – *maraui* ДмРРж, *vanangoi* ДмДжР, записанным У.Риверсом. Ситуация проясняется при сопоставлении двух списков с еще более ранней информацией, зафиксированной у того же этноса Р.Кодрингтоном в 1866–1867 гг. [1189, с. 35]. У мота существовало два способа терминологического оформления рассматриваемых категорий: *maraui* ДмРРж = ДмДжР и *maraui* ДмРРж vs. *vanangoi* ДмДжР. Родственные *maraui* термины *meruk* у ло и *maruk* у хиу также обозначают одновременно ДмРРж и ДмДжР, а у фиджийских групп *vunonggu* употребляется в одних диалектах как обозначение ДмРРж, а в других – как обозначение ДмДжР (см.: [1937, т. 1, с. 32, 180, 240, 242, 269-270, 278, 285]). Термин *walus* фиксируется У.Риверсом у мота, а также у вануа лава, рова и мерлав во взаимном значении ДмРСж = СмДжР; а у ло еще и в значении СмДжРРм = ДДмРСж [1937, т. 1, с. 30-33, 179]. При кросскузенном браке муж сестры отца – это брат матери, а дети брата жены – это дети сестры. Таким образом, мотуанский ТР *maraui* утратил ко времени экспедиции У.Риверса взаимность, стал обозначать только ДмРРж;

тогда как ТР *walus*, исконное взаимное употребление которого в подсистеме свойства было, возможно, связано со взаимностью термина *maraui* в подсистеме родства, восстановил к 1950-м гг. авункулоре-ципрокность в СТР мота. Не исключено, что на протяжении последних 200 лет у мота существовало несколько терминов для реципрокного обозначения «брата матери» и «сына сестры» (*maraui*, *vanangoi* и *walus*), употреблявшихся разными семейно-родственными группами и по-разному отражавшими взаимодействие между родственными и свойственными категориями.

Конды. В словаре этого дравидийского языка, составленного в 1892 г. Г.Ризли, ТР *bodu* дается с глоссами «старший брат отца, отец родителей родителей, брат отца отца, сын сына брата отца», в то время как значение, обратное значению +ДмРРм, а именно «сын младшего брата» передается дескриптивом *dada-mrienju* [1936]. В работе 1950 г. Г.Рей переводит *bodu* как «старший брат отца, сын младшего брата мужчины» (а также приводит некоторые значения из подсистемы свойства, нас здесь не интересующие) [1915, с. 153-154]. Оба источника касаются диалекта сектора Кондмалс р-на Ангул индийского штата Орисса. Казалось бы, налицо, исторический переход от полярного ТР к взаимному в этой семантической позиции. Однако, анализ показывает ошибочность информации Г.Ризли. И Г.Ризли, и Г.Рей дают *dada* +ДмР, *au* -ДмР; у последнего в качестве ТР для обозначения «сына старшего брата» фигурирует заимствованная из хинди форма *putra*, первый же обходит эту категорию вниманием. Следует предположить, что *dada-mrienju* у Г.Ризли должно в действительности значить «сын старшего брата», и тогда, в отсутствии других вариантов, *bodu* значило в конце XIX в. то же, что и 50 лет спустя, а именно «старший брат отца, сын младшего брата мужчины». Не обращаясь к проблеме расхождений между данными Г.Ризли и Г.Рея, Т.Тротманн не считает патруус- и матертерореципрокность СТР кондов результатом заимствования [2121, с. 142], а С.Тайлер реконструирует эту терминологическую особенность для протодравидийского [2142, с. 623; 2143].

Французы. В лотарингском диалекте старофранцузского языка зафиксированы формы *avelet* «внук», *avelete* «внучка», *avelets* «внуки», *très-avelets* «правнуки» [2091, с. 62; 1750, с. 55; 2174, с. 189], демонстрирующие тот же корень, что и лат. *avus* «дед», *avia* «бабка» в сочетании с диминутивом *-let*. Хотя, как известно, латинский язык является «предковым» по отношению к французскому, ни римские, ни другие италийские тексты не знают ТР со взаимным значением «дед, внук»[151]. Вместе с тем, формы типа *avelet*, т.е. букв. «маленький дед», фиксируются только в лотарингском диалекте и ни в одном из более ранних словарей французского языка. Общефранцузскими наследниками лат. *avus*, *aviolus*, *aviola* являются *aïeul* «дед, предок», *aïeule* «бабка, предок». Для ПИЕ восстанавливается **HauHo-* со взаимным значением «дед, внук» на основании, с одной стороны, таких форм, как лат. *avus*, а с другой – др.-ирл. *(h)aue* «внук», гэльск. *ogha*, *odha*, шотл. *o*, *oy*, *oe* «внук, племянник». При этом ст.-шотл. *o* развилось в диминутивную форму [*oye*]

[2009, т. 6, с. 465]. Не исключено, поэтому, что диминутивный формант присутствует и в др.-ирл. *(h)au-e*, предполагающем, что в кельтских языки слова для обозначения «деда» и «внука» некогда были связаны общим корнем, а термин для младшего члена пары был снабжен диминутивом так же, как и лотарингская форма *avelet*. Можно допустить, что загадочная лотарингская форма отражает локальное заимствование из субстратного кельтского языка на территории Франции во французский диалект (возможно, с добавлением французского диминутива) слова, исчезнувшего из языка-источника уже после заимствования и, поэтому, не отмеченного в бретонском в своем исконном значении. По-другому форму *avelet* можно интерпретировать как рекомбинативный ТР с типологическими параллелями из средневерхненемецкого языка (см. 10.8.1.), хотя рекомбинативы обычно встречаются в вокативной, но не в референтивной подсистеме родства. Если все-таки лотарингцы самостоятельно придумали обозначать «внука» как «маленького деда», тогда форма *avelet* будет действительным исключением из наблюдаемой кросскультурной закономерности, по которой ВТР для обозначения лиц разных поколений обязательно распадается с образованием двух полярных ТР, но не наоборот.

10.4.1. Распад ВТР предполагает два процесса: *семантическое разложение*, при котором ТР частично сохраняют свою семантику, но сокращают сферу своего применения, утрачивают взаимность, претерпевают морфологические изменения или исчезают из системы; и *семантическую трансформацию*, при которой они полностью меняют свою семантику. Лексико-семантическое разложение кроссреципрокных иденонимов может протекать разнообразными путями. Рассмотрим несколько локальных вариантов (мота, австралийцы, помо, яна, майя, трансновогвинейцы, австронезийцы, индоевропейцы), а также два типа структур, трансформированных из ВТР (расщепленно-взаимная терминология, эллиптико-взаимная терминология).

Мота. Документированное свидетельство процесса преобразования кроссреципрокного ТР в полярный дает СТР мота (Банксовы о-ва). В 1866–1867 гг. Р.Кодрингтон зафиксировал у них *tupui* РР = ДД [1189, с. 35-42], У.Риверс в 1908 г. – вокативную форму *pupua* с теми же денотатами [1937, т. 1, с. 29]; Однако в 1950-х гг. Р.Лейн фиксирует у мота два полярных ТР (*tupuk* РР, *pupua* ДД) [1610, с. 714], которые продолжают старые референтивную и вокативную формы. Этот пример показывает, что появление ТР в одном из праграмматических падежей (*pupua* представляет собой, видимо, урезанный корень *(t)upu* с редупликацией второго его сегмента) вызывает некоторую поляризацию реципрокатов, которая в дальнейшем усиливается, и единое отношение начинает осмысливаться как имеющее бинарный состав. Наконец, за референтивным термином закрепляется одно значение, а за вокативным – второе[152].

Австралийцы. Другой путь лексико-семантической трансформации ВТР был рассмотрен А.Н.Максимовым у австралийцев [563, с. 48-49]. За исходный вариант он взял ВТР аранда, где наличествует кватроавореципрокность, т.е. РмРм = ДДмЭм, РжРм = ДДмЭж, РмРж =

ДДжЭм, РжРж = ДДжЭж (ср. «самообоюдную модель» А.Кробера), и все термины имеют абсолютивную форму. У бинбинга реципрокность присутствует в корневых основах деривативов: *nabitii* ДДмЭж, *napitijina* РжРм, *kukuku* ДДжЭж, *kukunia* РжРж (при неизменности структурного плана). Такая же ситуация наблюдается и в СТР умбайя: *tjamintilla* РмРж, *thaminjillima* ДДжЭм (опять-таки с прежней структурой). Дальнейший распад ВТР у варрамунга выразился в семантическом расширении одних ТР (*tapu-tapu* РжРм, РмРж, ДДжЭм, ДДмЭж) и разрыве реципрокности других (*nuralli* ДДжЭж, *turtundi* РмРж). У колор-курндит ВТР приобрели детерминанты пола, а у коко-йимидир специальные показатели были присоединены к младшим членам реципрокных пар.

У яралде А.Рэдклифф-Браун зафиксировал разложение ВТР при помощи ТР, заимствованных у соседних групп. Так, при сохранении корневой реципрокности в ТР для РмРж (*yaityano*) и ДДжЭм (*yaityeri*) появляется альтернативный ТР для РмРж (*tamukunu*), заимствованный из языка этнических общностей, обитающих к западу от яралде (у нганавара *tamatu* РмРж при распространенном по всей западной Австралии, в том числе у кариера, термине *tami*, *tamo* (см.: [1341, с. 478; 1277, т. 3, с. 334, таблица]). Аналогичным образом, исконные ТР яралде для РжРж (*bakano*) и ДДжЭж (*baka*, *bak*, *bakari*) вытесняются, соответственно, ТР *kurukunu* и *kuruk*, заимствованными из языков, распространенных к востоку от яралде. Примечательно, что в последнем случае корневая реципрокность сохраняется, но разграничение двух категорий родства происходит за счет иноязычности форм. Возможно, тот же процесс имеет место и в обозначениях сестры отца (*yámbar*, *yámbarno*, *yámbarnówe, mbárno*) и детей сестры женщины (*yámb*, *yámbar*, *yámbarian, mbárno*, *mbári*): А.Рэдклифф-Браун предполагает, что только ТР *mbárno* и *mbári* относятся к исконной лексике яралде, тогда как остальные ТР, вносящие разную степень дифференциации в обозначение этих категорий, представляют собой заимствования из языка танганалун [1899, с. 233].

Южные атапаски. СТР южных атапасков (апачей и навахо) демонстрирует процесс редукции аворeципрокности от 4 ВТР (чирикахуа, мескалеро) до 1 (кайова-апачи). Представим данные [1850; 1085; 1552] в виде следующей таблицы, не нуждающейся в комментариях (начальный компонент *cì-*/*sì-* везде показатель 1 л. ед.ч.):

	чирикахуа	мескалеро	хикарилья липан	навахо	кайова-апачи
РмРм = ДДмЭм	*cìnále*	*cìndále*			
РжРм = ДДмЭж	*cìt'cine*	*cìt'cine*			
РмРж = ДДжЭм	*cìtsóye*	*cìtsóye*			
РжРж = ДДжЭж	*cìtcó*	*cìtcó*			
РмР			*sìtsóyé·*	*cìtcèi*	
РжР			*cìtcó·'*	*cìtcó*	
ДД			*sìtsóyi·'*	*cìtsúi*	
РР = ДД					*cìtsó·yá*

М.Краусс реконструирует прото-атапаскскую СТР с 4 ТР для лиц +2 поколения: *-*?ay* РмРм, **tšðyð* РмРж, **tš*^{w}*ðnð* РжРм, **tšu* РжРж, но с двумя ТР в -2 поколении – **tsuye* ДДЭм и **koyð* ДДЭж (цит. по: [1523, с.

124]), что представляется правильным только отчасти. СТР мескалеро и чирикахуа сохраняют основные черты прототипа, и авореципрокность надлежит считать принципиальной характеристикой протоюжноатапаскской и протоатапаскской СТР. Можно предполагать (правда, на умозрительных основаниях), что авореципрокная номенклатура у мескалеро и чирикахуа также является слегка трансформированной за счет некоторой фонетической ассимиляции авореципрокных ТР *cìt'cine*, *cìtsóye* и *cìtcó* друг к другу.

Помо. Еще один вариант распада кроссреципрокности, теперь в ±2 поколениях, демонстрируют СТР индейцев-помо. Например, у центральных помо +2 поколение маркировано 4 ТР (РмРм, РмРж, РжРм, РжРж), а -2 поколение – двумя (ДжД, ДмД). При этом, оба ТР -2 поколения (*matiswi* и *djacwe*) показывают регулярную деривацию от двух ТР +2 поколения (*mate* и *djate*) [1361, с. 107]. Таким образом, следует предположить развитие этой ситуации из системы из кватроавореципрокности; причем трансформации подверглись термины и категории нисходящего поколения. Это соответствует общей закономерности, при которой нисходящие поколения ведут себя как маркированные по отношению к восходящим [1402].

Распад ВТР – процесс постепенный, сопровождающийся периодами нестабильности в терминологии, сосуществованием в ней нескольких альтернативных способов номинации реципрокатов. Так, Э.Гиффорд отмечает, что иногда у центральных помо родственники -2 поколений обозначаются соответствующими ТР поколения «дедов» [1361, с. 208].

Яна. Э.Сэпир сопоставил терминологические структуры в ±2 поколениях у северных и южных яна. У южных яна *'amāvi* РжРм, ДДмЭж, РмРм, ДДмЭм, *'a'djuwi* РжРж, ДДжЭж, *ma'dju* РмРж, ДДжЭм; у северных яна *adjui* РжРм, *amāvi* ДмДмЭж, *amāvimarim'i* ДжДмЭж, *t'ugu-na* РмРм, *t'ugunāsi* ДмДмЭм, *t'u'aisi* ДмДжЭж, *t'u'aimarim'i* ДжДжЭж (*marīmi* «женщина»). Э.Сэпир заключил, что ТР южных яна более архаична [1979, с. 156-157, 162-163]. Эта номенклатура более последовательно проводит в жизнь принцип закрытой взаимности А.Кробера; у северных яна категориальная индивидуализация ТР нисходящего поколения протекала параллельно с их морфологическим обособлением от ТР восходящего поколения. Принцип маркированности ТР для нисходящих поколений не проявляется здесь в сокращении количества лексикализованных категорий (их число, наоборот, выросло по сравнению с предковым состоянием); но он здесь действует на уровне морфологии. Следует заметить, что у южных яна терминологическая структура в ±2 поколениях также претерпела изменение: количество ТР сократилось с 4 до 3 за счет слияния категорий РмРм и ДДмЭм с категориями РжРм и ДДмЭж на основании их принадлежности отцовской линии. На этот раз, исконный термин *t'ugu-na* РмРм, от которого отделился термин *t'ugunāsi* ДмДмЭм, сохранился у северных яна.

Майя. Отчетливо (и даже изящно) фиксируется начальная фаза распада кроссреципрокного иденонима у майя-лакандонов. В майяских диалектах устойчиво обнаруживается кроссреципрокный термин *mam*: ср.

майяск. *mam* РмРж = ДмДжЭм = ДмДхРРх [1267, с. 190-192]; юкат.-майяск. *mam* РмРж = ДмДжЭм [1194, с. 303-304]. В севернолакандонском диалекте ситуация та же: *mam* РмРж = ДДж = ДДхРРу = СмДжР = ДмРСж, См (при наличии других авореципрокных терминов *mim* РжРм = ДДмЭж, *chiich* РжРж = ДДжЭж, *yum* ДмРРм = ДмДмР, *ixkit* ДжРРм = ДжДмР, *akän* ДмРРж = ДмДжР). Однако в южно-лаканд. ТР термин *mam* модифицируется в термин *chan mam* (букв. «маленький *mam*») с сохранением тех же денотатов РмРж = ДДжЭм [1134, с. 8, 19, 20].

Трансновогвинейцы. У этносов восточной группы трансновогвинейской семьи (усуруфа, тайрора, бинумариен, айуана, гадсуп, агараби, ава) трансформация авункуло- и амитореципркности протекает через добавление к обоим реципрокатам детерминативов «старший» и «младший». При этом старые кроссреципрокные ТР продолжают еще функционировать в качестве альтернативных. Формы идентичны для всех этих языков.

Ср.: *maabu* ДжРРм = ДДмРЭж (**maaMu*), *maabu-ba* ДжРРм, *maabu-nti* ДДмРЭж, *nau* ДмРРж = ДДжРЭм (**nau*), *nau-ba* ДмРРж, *nau-ti* ДДжРЭм (*-ba* и *-n-ti* означают, соответственно, «старший» и «младший»). Среди них только СТР усуруфа отличает авореципрокность (см.: [1561, с. 795-796]).

Австронезийцы (протоавстронез. *e(m)pu-/*e(m)po- «дед, внук/внучка»). Разнообразные морфосемантические колебания в структуре рефлексов протоавстронезийского (ПА) корня **e(m)pu-*/**e(m)po-* «дед, внук/внучка» [1121, с. 219][153] демонстрируют в деталях процессы, приводящие к расщеплению взаимного иденонима на два полярных.

Практически все австронезийские диалекты Филлипин имеют один практически идентичный авореципрокный термин РР = ДД, не разграничивающий генеалогические линии.[154]

Ср.: букиндон-манобо *apu'* [1279, с. 176-177]; ата-манобо, дибабавон-манобо, илианен-манобо *apuq*; сарангани-манобо *apoq*; котабато-манобо *bébéq*; субанун-синдаган *apuq*; балангао *apo*; бунукид *apuq*; касигуран-думагат *bobo-y* [1121, с. 219], *apo* [1280, с. 71]; умирай-думагат *apo* ДД, *bubu* РР; гаданг *afu*; илокано *apo* ДД, *apong* РРж бинонган *apo* РР, *inapo* ДД; иватан *apoq* РР, *inapoq* ДД; калинга *apu*; каллахан *apu* РР, *inapqapu* ДД; канканай *alapo* РР, *apo* ДД; маманyа *apoq*; мансака *otpo*; самбал *apo* РР, *apoq* ДД; тагбануа *apuq*; таусуг *apuq*; тирурай *bebeq;* якан *atpu* ДД, *papuq* РР; сагада-игорот *apo* ДД, *alapo* РР [1273, с. 32-33].

Как видно, во многих диалектах дополнительные морфологические форманты разграничивают реципрокатов. Ислючение составляют сарангани-блаан (*fuq* РР = ДД, *taméq* РмР = ДмД) и тболи (*témeq* РмР = ДмД [1280, с. 58, 59, 222], сохранившие два авореципрокных термина, отличных от корня **pu-*/**po-*. Второй термин встречается также у пуйума (Тайвань) в форме *tĕmoan* РР = ДД, где он вытесняется термином *imo* РР [1682, с. 136]. В Индонезии ситуация похожая.

Ср., например, зап.-сумбан. *ŭmbu* (Коди), *ubu* (Лаули, Вайджева, Лаури, Ламбоджа, Вану Кака); вост.-сумбан. *boku* РмР, *apu* РжР, *umbuku* ДД; танимбар. *emboe*; манггар. *empo;* энде *ambu*; алор бесар *bapa(ng) kalake* РмР = ДмД, *bapa(ng) kavaé* РжР = ДжД; гитуа *pupu*, селау *bubu ~ pupu*; кео, села-лео *ebu*, мбае *embo*[155].

Этимон **e(m)pu-*/**e(m)po-* РмР = ДД также имеет много рефлексов в Океании.[156]

Ср., например: манам *tubum* РмР = ДД; мота *tupui* (на 1866–1867 гг.) РР = ДД; нароворово *popo* РР = ДД, мерлав *tumbuk* РР, ДД, ДмДмЭж, ДжДмЭм, *imbua* ДмДмЭм, ДДж (фамильяр.), барабет *zimbing* РР, *mimbing* ДД, хиу *pupukia* РР = ДД, пилени *tupuna*, *apu*, *pu* РР = ДмРРж, *makupuku* ДД = ДДмРЭж (со скосом «кроу»); танна-веасиси *tupun* (*kaha*) РР, *numwipun* ДД, танна-квамера *rupuni* (*kaha*) РР, *miponi* ДД); анива *tupuna* (*pua*) РР, *tampupuna* ДД; наканока *umbu* РР, *makumbu* ДД, мбау *mbunggu* РжР, *makumbunggu* ДД, (при *tukanggu* РмР); нарамбула *tumbu* РР, *makumbu* ДД; намбамбудо *makumbu* РР = ДД, *tumbu* РР; гавайцы *kupuna* РР, *mo'opuna* ДД; ниуэ *matua tupuna* РР, *makopuna* ДД и пр.

У фиджийских нандрау, наватусила и даваниса У.Риверс отметил «изобилие терминов для родственников поколений «дедов» и «внуков» (ср. нандрау *tumbunggu*, *tutua* РмРм, *tatai* РжРм, *taitai* РмРж, *mbunggu* РжРж, *ndiva* ДмДмЭж, *tangi* ДДж, но также просто *tumbunggu* РР и *makumbunggu* ДД) [1937, т. 1, с. 284]. Не совсем ясно, являются ли эти лексемы реликтовыми или, наоборот, новообразованиями, но, очевидно, что они группируются вокруг протоавстронезийского **e(m)pu-*/**e(m)po-*

Океанийские диалекты австронезийского демонстрируют и другой авореципрокный корень, как, например, в улава *wauwaku* РР = ДД, са'а *wauwa* РмР = ДмДЭм, *pwapwaa* РжР = ДжДЭж, хеуру *uwaiagu* РмР = ДмДЭм, *waeagu* РжР = ДжДЭж, рафурафу *wauwa* РмР = ДмД (Соломоновы о-ва). Тайваньские языки здесь также демонстрируют параллели: например, пайван *vuvu* РР = ДД; эми *vake* РмР = ДмД = ДмРР, *vai* РжР = ДжД = ДжРР (с образованием линейной модели) (из: [1682, с. 134, 138]. Присутствие одного корня в двух географически полярных зонах распространения австронезийских языков позволяет думать, что он, так же как и **e(m)pu-*/**e(m)po-* принадлежит ПА; в ПА эти два корня обозначали, видимо, реципрокатов разных генеалогических линий. Представляется малоубедительным предположние Р.Бласта о том, что в ПА **e(m)pu-*/**e(m)po-* находился вне собственно ТР и представлял собой «титул» (*title*), подчеркивавший «функциональную связь членов альтернативных поколений» [1121, с. 219]. Как будет показано ниже (10.11.1., Часть IV), кроссреципрокность в сильной форме исторически предшествует формированию симметричных социоцентрических систем типа австралийских «брачных» классов.

10.4.2. Переход иденонима с некогда взаимным значением в другой семиологический класс демонстрирует айнский язык: *mitpo* ДД синонимично *shutpo* < *shut* «предок, мать отца, мать матери» + *po* «младший» (при *ekashishut* РмРм, *keushut* ДмРР) [823, с. 53]. Видимо, *po* и *shut* некогда входили в авореципрокные модели с релевантностью линии родства и пола (?)[157]. В дальнейшем за *shut* закрепилось значение «предок», а *po* стало обозначать «младший; также дитя, дети» (ср. *ponu* «рожать детей», *pon-koro* «беременная», *ponno* «немного»), *popo* редупл. «дети» > мн.ч. (ср.: *menoko-po-po* «женщины», *okkai-po-po* «мужчины») [364, с. 79-80].

Идентичный этому семантический процесс, видимо, имел место в аканских языках (Зап. Африка). Протолексема **awo* со значением РРж = ДДж, обнаруживаемая в языке сарамакка – лесных негров Суринама, вывезенных с Золотого Берега, – дала в языках «лагунных племен» рефлекс со значением «клан» [689 с. 150], а в аканских языках *wofa* ДмРРж, *wofase* ДДжРЭм (с апокопой начального *a*), при *nana* $Р^2 = Д^2$ (в соответствии с общей тенденцией расширения значения ВТР в ±2 поколениях) (см.: [689]).

С другой стороны, формант *-wá, -bá* стал обозначать Д, а также «ребенок, что-нибудь маленькое», и использоваться при образовании мн.ч. (ср.: *safe* «ключ» > *nsafewá* «ключи», букв. «ключа дети»; *adé* «вещь», *ndéwa* «вещи») [151, с. 64-65]. На структурные параллели в айнском и аканских языках обратил внимание В.В.Иванов [364, с. 84-85].

Расщепленно-взаимная терминология

10.4.3. Еще один путь семантического разложения ВТР А.Кробер описал как переход от самообоюдности к «открытой» форме взаимности (см. 4.1.0). Это структурный процесс, связанный с выделением нового класса родства, обозначаемого новым термином, при сохранении взаимного термина для оставшихся категорий. Например, термин со значением ДмРРж = ДДжРЭм может «потерять» класс родства ДжДжР и стать обозначением только ДмРРж и ДмДжРЭм. В результате такого процесса ТР может, в конце концов, перестать быть взаимным, но продолжать обозначать категории альтернативных поколений. Эту разновидность ВТР будет обозначаться как *расщепленно-взаимная терминология*.

Например, у эскимосов западной Гренландии *angak* означает ДмРРж и ДДмРЭж [1935, т. 2, с. 91]. Очевидно, что люди, употребляющие эти ТР, не являются реципрокатами друг для друга и следует предположить, что в древнем состоянии системы этот термин означал ДмРРж = ДДжРЭм; затем он «раскрылся» с образованием пары ДмРРж = ДмДжРЭм и, далее, ассимилировал значение ДДмРЭж (как, например, в случае фидж. *vugo* ДмРРж, ДмДжРЭм, ДмДмРЭж) и, наконец, утратил значение ДмДжРЭм. Аналогичный пример – ТР из восточноновогвинейского языка агараби *naaqo* РмР, ДДЭж. Более раннее значение этого ТР должно было быть взаимным (через стадию РмРЭж = ДДЭж), что подтверждается материалами родственных им усуруфа, где *naabu* РР = ДД [1561, с. 796].

Такой же процесс может охватывать как патри-/матриреципрокные, так и патруус-/матертерореципрокные формы: у бразильских матсес *tita* Рж, ДжДжРЭм [1304, с. 24]. Такая семантическая «аномалия» может быть только результатом следующего развития: [Рж = ДжРРж = Дж = ДжДжРЭж] → [Рж = Дж = ДжДжРЭж = ДжДжРЭм] → [Рж = ДжДжРЭм]. Ср. также матсес *nachi* ДжРРмЭм, ДжДмРЭм, *namia* ДмРРмЭж, ДмДмРЭж [1304, с. 17-18]; панаре *wa'nyene* ДжРРм, ДжДРЭм, *yawon* ДмРРж, ДмДмРЭж [1473, с. 238]; буин (Новая Гвинея; трансновогвинейская семья) *momo* РмЭм, ДмРРм, ДмДмРЭж [1937, т. 1, с. 258-259]; намбомбудо (Фиджи) *makumbunggu* РмРж, ДДмЭм, ДДжЭж [1937, т. 1, с. 285]; бушмены-хам ○*pwahai* ДжРРжЭм = ДжЭм, при ДжРРжЭж = РжРЭж; ○*pwoŋ* ДмРРж = Дм [1113, с. 58-60].

Известны СТР, в которых один и тот же ТР обнаруживается в +2 и -2 поколениях, но не среди категорий прямых предков и потомков, а в боковых линиях и среди свойственных терминов. Например, у рао (Новая Гвинея), в условиях бифуркативности во всех поколениях и в отсутствии ВТР, термин *kïmbï* имеет денотаты СД^2, ДмРРжРж, СжДмРРжРж (±2 поколения), ДмРРжРжРж, СжДмРРжРжРж (+3 поколение без

сопутствующих значений в -3 поколении), «классификационные братья и их жены» [2059, с. 122, 124]. Можно предполагать, что на ранних стадиях развития этой системы ВТР имела более широкое распространение (ср. СТР банаро из той же группы сепик-раму; также у кераки *kaki* РР = ДД при рао *kaka* РжРж, *kaka sim* РмРж; кераки *bava* ДРРж = ДДжР при рао *wawa* ДмРРж, *mbu* ДмДжР; орокайва *nobo* ДмРРж), но подверглась редукции (видимо, в связи с формированием системы матрилиниджей) и сохранилась только не периферии классификационного поля.

Эллиптико-взаимная терминология

10.4.4. Межпоколенные эллиптивы (см. 9.5.) сходны по структуре с кроссреципрокностью. Во многих языках, знакомых с эллиптивными конструкциями, для построения таких форм используются ВТР. Австралийские нунггубуйу выработали специальные ВТР, применяющиеся в эллиптивных конструкциях [1464]. Учитывая, что межпоколенные эллиптивы играют, по сравнению с ТР, вспомогательную роль, их формирование можно считать вторичным по сравнению с ВТР и зависимым от нее. В ряде языков эллиптивы образуют целостные системы и можно говорить о *эллиптико-взаимной терминологии* (ЭВТ).

Например, у шошонов Уинд-Ривер зафиксирован следующий набор эллиптических форм [2028, с. 227]:

na'nadua (*-nux*, *-ne*) «сын и отец» (от *ndua* («мой») Дм; *nana* – взаимный детерминатив)
na'napë «отец и сын» (от *a:'pë* Рм)
nanabedi «дочь и мать» (от *mbede* Дж)
nanabi'aby «мать и дочь» (от *mbi'a* Рж)
nanarare:'per «дитя и родители» (от *nde:'për* Д; редупликация здесь маркирует собирательность)
nanagu:'xape «муж и жена» (от *gu:'xapë* См)
nanagwë'apë «жена и муж» (от *ŋgwë* Сж)
nanaba:'bi «старший брат и младший брат» (от *mba:bi* +ДмР)
na'narami «младший брат и старший брат» (от *nda'mi* -ДмР)
na'nabazi «старшая сестра и младшая сестра» (от *mba'zi* +ДжР)
nanana:'mi ««младшая сестра и старшая сестра» (от *n'a:mi* -ДжР).

Эллиптические конструкции образуются только от тех ТР, которые не являются взаимными. Двусторонней, как и у шошонов, является ЭВТ у атапасков-сатуготине [1965, с. 77] и винтунов [1625а]. У винтунов выбор эллиптического ТР из пары зависит от того, кого, например, из двух родственников знает говорящий или слушающий [1625, с. 608].

Развернутые системы эллиптических иденонимов обнаруживаются также у винтунов Калифорнии [1625а], на Филлипинах (см.: [1280, с. 48, 82, 94, 106, 159, 167][158], у фиджийцев, улава, эддистонцев, реннельцев [1937, т. 1, с. 236-278; т. 2, с. 199; 1111, с. 112], в ряде языков Северной Территории Австралии (нунгубуйу, манарайи, дуваль (мурнгин), налакан, мара, гуриндьи, дьирбал и др.) [1737], у далабон Арнемленда [1046, с. 20] (см. также: [1964]) и у яралде устья р. Мюррей [1899, с. 235]. У гуриндьи, если ТР взаимный, эллиптив образуется от него посредством суффикса *-rlang*; если термин полярный, этот же суффикс присоединяется к старшему члену пары [1687, с. 88-89]. У дьирбал от ТР *ngumay* Рм, ДмРРм образуется эллиптив *ngumay-girr* с широким значением «родственник +1 поколения по линии отца и дети брата», а от термина неизвестного происхождения *gina* – эллиптив *gina-girr* со значением «родственник +1 поколения по линии матери и дети сестры». Сходные

конструкции существуют для родственников ±2 поколений (в нормативной терминологии связанных ВТР) и сиблингов [1243, с. 253].

Думается, что формирование межпоколенных эллиптивов связано с ослаблением или распадом кроссреципрокности[159]. При этом СТР эскимосов, атапасков, шошонов, моала и австралийцев Северной Территории следует признать наиболее близкими к первоначальной суперреципрокности. Социальная структура далабон приближается к социальной структуре аборигенов п-ва Кейп-Йорк, СТР которых демонстрирует сильные формы кроссреципрокности [1046, с. 23-24] (см. также 10.9.2.). Отмирание эллиптических конструкций происходит за счет внесения в них асимметричности, когда категория родства описывается не с двух сторон (как у эскимосов, шошонов, атапасков и моала), а только с одной (как у цоу, австралийцев, филлипинцев и океанийцев).

Распад кроссреципрокности может протекать через формирование аффективной подсистемы родства. Когда актантом аффективной подсистемы является альтер, ВТР сохраняется и аффективные термины также являются взаимными. Изменение ТР может происходить в случае смерти генеалогического коннектора.

Ср.: у атсугеви *apun* РмРм, *bestastohe* РмРм после смерти Рм; *djuwa* РжРж, *bestastohe* РжРж в случае смерти Рж; *mEhwus* ДжРРм, *уэwcicar* ДжРРм в случае смерти ДмР; *bEhur* ДДмРЭж, *уэwicicar* ДДмРЭж после смерти ДмР [1347, с. 349-350]. Самостоятельные лексемы существуют для обозначения альтера после смерти коннектора у селишей [1281, с. 369, 373; 1219, с. 91-92]. В этом случае кроссреципрокность либо ослабевает, следуя при этом стандартной модели (ср.: у флэтхед: РжРм = ДДмЭж, РмРж = ДДжЭм, РжРж = ДДжЭж, но после смерти коннектора $Р^2$ = $Д^2$ [1323, с. 59-60]), либо распадается, и аффективный термин перестает быть взаимным.

10.4.5. Исходя из того, что кроссреципрокность обнаруживает универсальную тенденцию к семантическому разложению (в конечном итоге с образованием полярных ТР) и семантической трансформации, мы делаем вывод о том, что все известные на сегодняшний день номенклатуры вовлечены или были вовлечены ранее в эпохальный процесс конверсии межпоколенной взаимности в межпоколенную полярность. Логическим продолжением этого наблюдения (фактическое подтверждение которому можно найти в приведенных выше примерах разложения ВТР и во всем последующем изложении) является гипотеза о том, что **древнейшая СТР (ПСТР видового уровня) характеризовалась взаимностью всей межпоколенной терминологии, т.е. сочетанием патри-, матри-, матертеро-, патруус-, авункуло-, амито- и авореципрокных конфигураций**. Эволюция СТР шла от гиперреципрокности к суперреципрокности и среднереципрокности, далее к слабореципрокности и, наконец, к полному изживанию кроссреципрокности из СТР.

Критерий дистрибуции и степени дифференцированности различных форм кроссреципрокности заставляет предположить, что патри- и матриреципрокные формы распались ранее всех остальных. В литературе уже отмечалась бóльшая мобильность ТР для категорий нуклеарной семьи по сравнению с терминологией для боковых альтеров и альтеров ±2

поколений [2056, с. 172; 1245, с. 127]. После патри- и матриреципрокных форм следующими по степени неустойчивости являются патруус- и матертерореципрокность и далее авункуло- и амитореципрокные модели. Авореципрокность – самая консервативная форма, она может сохраняться в СТР в течение долгого времени после распада других форм. Например, в СТР висайя (Филиппины) линейная ситуация соседствует с общим ТР для всех родственников ±2 поколений (см.: [1460]). В редких случаях авореципрокность в СТР отсутствует при сохранении других реципрокных моделей (например, у гураге [1814]).

10.5. Типология генерационно-скошенных моделей. Модель помо. Модель с сочлененным поколением

10.5.0. Наиболее значительной «вехой» в трансформации кроссреципрокности являются формы генерационного скашивания. Дж.Мёрдок отметил черты кроу в СТР 40 этносов, а черты омаха в СТР 48 этносов [1790]. В дальнейшем перечень был значительно расширен и стал включать 61 СТР типа кроу и 92 СТР типа омаха [686, с. 50-52]. Наши добавления к имеющимся перечням см. в Приложении I. На основании имеющихся на сегодняшний день данных можно с уверенностью говорить о том, что в распределении генерационно-скошенных систем явный перевес на стороне МО: их носителями являются не менее 165 СТР против не менее, чем 79 СТР с МК. Это соответствует общей ареально-типологической закономерности (см. 10.1.7.), по которой одна киральная пара обладает заметно сниженной дистрибуцией по сравнению с другой. Анализ схем всех известных вариантов генерационного скоса (схема 4) показывает, что основными категориями, затрагиваемыми скашиванием, являются альтеры ±2 поколения, породители, разнополые сиблинги породителей, матрилатеральные и патрилатеральные кросскузены, дети сиблингов (в редких случаях мужской сиблинг отца). Собранный нами материал позволяет дополнить этот список следующими формами:

1. Отождествление альтеров +2 поколения с родителями супругов. На о. Нгуна (Вануату) при наличии черт МК (Рм = ДмРРм; ДжРРм = ДДжРРм) породитель супруга обозначается тем же термином, что и отец отца эго [1414, с. 105]. Ср.: то же у северных шошонов [290].

2. Отождествление кровнородственных категорий ±1 поколений со свойственниками 0 поколения. В северно-пайютском диалекте *adatoi* ДмРСж, СмДжР (*toi* – диминутив) [1583, с. 360], но у госьютов и шошонов *ada* (вар. *adabu*) ДмРРж = ДДжРЭм [2070, с. 297-306]. В результате переноса основы *ada* в 0 поколение ДмРРж стал обозначаться в сев.-пайютском *atsi* (< *ada* + *tsi* диминутив) [1583, с. 359], а ДДжРЭм – *nanakwe* (*nana* – возможно, рефлексивный формант). Первоначальная форма для обозначения ДмРРж фиксируется в северно-пайютском в значении ДДмРЭж (ср. *adatsi-pia* ДжРСм, СжДмРЭж, букв. «мать *adatsi*»). Аналогичным образом, у шошонов Баннок-Крик термин *haints* СмДжРСж, «друг» (как и его аналог у команчей *haits*) [1493] является генерационно-скошенным по происхождению: исторически это сложный термин, в котором компонент *hai* восходит к **hai* -ДмРРм = Д+ДмРЭм (ср. юинта-ютск. *ái-t·ci-n*^{a} -ДмРРм, *ái-t·ci-n*^{a} Д+ДмРЭм), а группа *-nts* представляет собой два редуцированных диминутива *-ni* и *-tsi*. Интересен команчский термин *haipia* СжДмРЭм = ДжРСж (букв. «мать детей брата»), который соответствует зап.-шош. *hūsapia*, и содержит древний термин *hai* «дети брата мужчины» (см.: [290]).

3. Отождествление родителей супругов со свойственниками 0 поколения (т.е. приложение принципов генерационного скоса к подсистеме свойства).

4. Слияние в одну категорию альтеров +2 поколения, разнополых сиблингов породителей и кросскузенов. У нгариньин РмРж = ДмРРж = ДмДмРРж [961, с. 69], у киргизов $Р^3м$ = $Р^2м$ = ДмРРж = ДмДмРРж, $Д^3м$ = $Д^2м$ = ДмДжР, $Д^3ж$ = $Д^2ж$ = ДжДжР [256, с. 8, 9, 12]; у байнинг (Новая Гвинея) $Р^2$ = ДжРРм = ДжДжРРм = ДжДжДжРРм = ДжДжДмРРж = $Д^2$ [1322, с. 354]. Ср.: также у диери, янтруванта, арабана, конгару и др. групп южной Австралии: ДжДхРРу = РжРм, ДмДхРРу = ДмРРжРм, ДмДмРРж = ДмРРжРм [1276, с. 56-57].

5. Отождествление мужского сиблинга матери с сыном женского сиблинга матери. Такой случай известен у туллишей (Судан) (ДмРРж = Дм+ДжРРж и соответственно ДДжР = ДмДжДжР [1796, с. 331-333]) и кетов (*æмду бис'* +ДмРРж = Дм+ДжРРжЭм, *куй* -ДмРРж = Дм+ДжРРжЭж) [24, с. 158; 450, с. 109]. Сюда же можно отнести и случай отождествления «деда» и «ребенка сестры матери» (*bimba*) у мандеязычных коранко [573].

6. Генерационный скос только в восходящих или только в нисходящих поколениях без учета филиации. По большей части сюда относятся различные случаи отождествления «внуков» и «племянников». Например, у текистлатеков *ɬa'ay* Рм, ДмРР,РмР, *ɬa'ywa'* Д, ДД, ДДР, ДРДД [1845, с. 449-451]; у цоу (Тайвань) *рори'е-о-око-а* ДД, ДДР [1682, с. 134]; Рефлексы **hlan* у сиамцев, лао, шанов, нунг, то и диой – ДД, ДДР [1090, с. 159; 1092, с. 303]. То же у сванов [303а, с. 76], римлян (*nepos* /с IV в. н.э./ – «внук, племянник»), болгар (*внук* «внук, племянник» [222]). Ср. модель «помо» (10.5.1.).

Нетрудно убедиться, что генерационный скос может охватывать практически любые категории родственников. С одной стороны, хаотичность некоторых отождествлений и существование терминологий, не идентифицируемых согласно дихотомии «кроу – омаха», подкрепляют сомнения ряда исследователей относительно существования единого (или бинарного) комплекса терминологических особенностей под общим названием «кроу/омаха» [1661, с. 123; 1814; 1815, с. 14-16]. По всей видимости, нужно строго различать несколько классов генерационно-скошенных моделей: модели, соотносимые с филиацией общества, генерационные аномалии в пределах малой семьи, слияние смежных и чередующихся (±1, ±2, ±3 и т.д.) поколений без реципрокности и т.п. С другой стороны, в тотальных семантических трансформациях можно усмотреть процесс перехода (или активная ломка посредством генерационного скоса) от одного типа прасемантических отношений между эго и альтером к другому. Складывается впечатление, что, скашивая разные категории родства, разные номенклатуры фиксируют разные способы и стадии преобразования *всей* СТР. Кроме того, генерационный скос может принимать особые формы, сравнение с которыми позволит четче представить себе специфику МКО как терминологической структуры, а их ареальная атрибуция будет способствовать более глубокому пониманию процессов исторического развития МКО.

10.5.1. В литературе повсюду присутствует убежденность, что МК и МО являются несопоставимыми, полностью противоположными друг другу и не могущими сосуществовать в одной номенклатуре. Во многом, ошибочность этого мнения является следствием тенденции рассматривать эти модели сами по себе, как неожиданным образом вырастающие из бифуркативного типа группировки родственников, но не связанные с ним никакими структурными сходствами.

Между тем, время от времени исследователи отмечают мимоходом случаи совместного присутствия МК и МО в СТР. В малоизвестном исследовании Д.Рейбурна внимание было привлечено к

терминологическому отождествлению ДжДжР, Дж-ДмРРж и Дж-ДжРРм у калифорнийских винтунов и сделан вывод об одновременном присутствии в системе линиджей кроу и омаха [1908, с. 89]. Г.Доул выделила несколько систем с «аномальными» скосами (мерлав, карибы-барама, мундуруку) и интерпретировала их как переходные от бифуркативной номенклатуры к МКО («кроссгенерационной», в ее терминологии) [1245, с. 267-269]. Э.Вивейрос-де-Кастро и К.Фаусто пользуются терминами «псевдо-кроу» и «псевдо-омаха» [2154, с. 158-159]. Г.Шеффлер и Ф.Лаунсбери писали о СТР инков: «Оба принципа, омаха и кроу, могут применяться в одной системе, но в обособленных друг от друга референтивных сферах» [1987, с. 184-185].

Они имели в виду отождествление, с одной стороны, «брата матери» с «сыном брата матери», а с другой – «сестры отца» с «сестрой мужа». В СТР чероки черты кроу (ДжРРм = ДжДжРРм, Рм = ДмРРм = ДмДжРРм) и черты омаха (*giDuDu* РмРж, *giDudji* ДмРРж) присутствуют параллельно [1366, с. 290], однако Ф.Эгган, в своей классической работе по историческим трансформациям СТР на Юго-Востоке США [1270, с. 37] оставляет этот аспект без внимания.

Таким образом, среди генерационно-скошенных структур, наряду с системами, соотносящими направление слияния в одну категорию альтеров восходящих и нисходящих поколений с филиацией общества (т.е. МК и МО), выделяется группа вариантов, не обладающих этими характеристиками. Для краткости эти генерационно-скошенные модели можно называть *моделью помо* (МП), используя идею У.Шапиро [2024, с. 148-149] (см. 5.1.4.). К этой группе относятся следующие СТР:

ботокудо (Рм = ДмДжРРм, Рж = ДжДжРРм) [645, с. 185][160]; намбиквара (РмР = ДмРРж = РмС, РжР = ДжРРм = РжС) [1636, с. 19-22, 34]; тимбира (Рм = ДмДмРРж, ДжРРм = ДжДжРРм, ДмДмРРж = ДмДмР, но ДжДж = ДжДжР) [1639, с. 309]; мундуруку (ДмРРж = ДмДжРРм, ДДмРРж = ДжР) [1794, с. 420]; крахо, крикати, каяпо, суйа, апинайе [1720; 1721, с. 100-164; 1836; 2131, Appendix][161]; канелла (Рм = ДмРРм = ДмДжРРм, РмРж = ДмРРж = +ДмДжРРж, РжР = ДжРРм = ДжДжРРм = ДжДжРРж, Д = ДмДжРЭж = ДДмРРж = ДДмРЭм, ДмДжР = ДмДж = -ДмДжРРж= ДжДРЭж) [1837, с. 574][162]; сирионо ($Р^2$м = ДмРРж = ДмДжРРмЭм, $Р^2$ж = ДжРРм, ДжДжРРм, ДжДмРРжЭм = ДмДжРРмЭж, ДмДмРРж = ДмДжРЭм = ДмДмРЭж, ДжДмРРжЭж = ДжДжРЭм = ДжДмРЭж) [1808, с. 243][163]; трио (Суринам) (ДмРРж = ДмДжРРм, Рж = ДжРРж = ДжДжРРмЭм) [1941, с. 44]; карибы, панаре, екуана (Венесуэла, карибы) [1367; 1473, с. 90; 1055, с. 131]; паракана (Бразилия, тупи) (ДжРРж = +ДжДмРРж = +ДжДмРРж, ДмРРж = +ДмДмРРж = +ДмДжРР, *tekoyara* ДДжРЭм = -ДДмРРжЭм, -ДджРРмЭм, *teyometyna* ДДжРЭж = -ДДмРРжЭж, -ДДжРРмЭж [1295, с. 66-67]; марубо, матис, матсес, кашинауа, капанауа, шаранауа (все – пано) [1734; 1559]; лакандоны, юкатеки (РмРж = ДДжЭм = ДДхРРу) [136, с. 70-72]; цельталь (ДжРРм = +ДжР, ДмРРж = ДДжРРм = ДДДжРРм) [1326, с. 582]; чонталь (ДмРРж = +ДмР = ДмДжРЭм) [1048, с. 104, 106]; пуэбло-лагуна (ДжДхРРуЭж = $Р^2$ж = $Д^2$ж, ДмДмРРжЭм = Дм = ДмДмРЭм = ДмДжРЭж = ДмРРжЭж, ДмДжРРм = Рм = ДмРРм = $Р^3$м) [1867, с. 147][164]; юрок ($Р^2$м = ДмРРж, $Р^2$ж = ДжРРм, $Д^2$ = ДДР [1583, с. 374-375], ДмРР = ДмДРР, ДжРР = ДжДРР или ДмДРР = ДмДР, ДжДРР = ДжДР в зависимости от абсолютного возраста альтеров) [1583, с. 375]; помо $Д^2$ = ДДРЭх = Д [1583, с. 370-371]; камиа (*inkwau* РмРж, ДмРРж, *inkwatskau* -ДмРРм) [1361, с. 65]; хупа и ваппо[165]; читимача (ДмРРм = ДмДхРРх, ДжРРж = ДжДхРРх) [1423, с. 610]; тонкава ДмРРж = ДДжР = ДмДжРРмЭж при ДжРРм = ДДжРРмЭж, ДжДмРРж [2128, с. 321; 1534, с. 380-381, 398].

У равнинных мивок МП сочетается с МО: *tete* -ДжРРж, *tetetci* ДжДмРРж, ДжДжРРм, *kaka* ДмРРж, *kakatci* ДмДмРРж [1361, с. 90]. Озерные, южные и северные мивок демонстрируют МО без МП.

В Старом Свете МП – явление редкое. Можно отметить СТР кетов (*кытет* Д = ДДхРРу) [24, с. 158, прим. 8], тиморцев районов Моло, Амфоан, Аманатан, Аманубан (РмР = ДмРРж, РжР = ДжРРм) [1597]; алор бесар (ДмРРж = ДмДмРРж = ДмДжРРм) [1068, с. 74-75]; мнонг гар (-ДжРРж = -ДжРРм = Дж+ДмРРж в сочетании с МК: -ДмРРм = Дм+ДжРРм [1196, с. 22-24], мерлав (ДДжРРм = ДДмРРж = Д) [1937, т. 1, с. 32-33]. У бете (Юго-Восточная Азия) *naju* ДмДжРРм, Д, но если сын женского сиблинга отца намного старше эго, то его называют тем же термином, что и отца [1811, с. 25, прим. 14а]. Как и в системе юрок, возраст служит своеобразным «оператором» скоса. В Австралии у диери, янтруванта, яуравака, северных вонгконгару, пиладапа, ядлиаура, адиньяматана (ваилпи) и панкала ДжДхРРу = РжРм, ДмДхРРу = ДмРРжРм [1276, с. 56]. В Африке у нанди ДмРРж = ДДжР = ДДжРРм = ДДмРРж [1451, с. 775-776], у масаев ДмРРжЭм = ДмДмРРжЭм = ДмДжРРмЭм [1501, с. 473-477], хотя эти системы обычно считают относящимися к МО. У кванья (Камерун) – общества с «двойной филиацией» – альтеры в матрилинидже отца подлежат скосу «кроу», а альтеры в патрилинидже матери – скосу «омаха», однако действительные кросскузены эго классифицируются инкорпорационно. Соприсутствие двух скосов в одной номенклатуре может быть связано с подспудным влиянием иноэтнического субстрата, ассимилированного кванья [1348].

Обращает на себя внимание тот факт, что СТР юрок и мнонг гар являются одновременно и линейными, и генерационно-скошенными, что обычно считается невозможным (см.: [686, с. 53]). Отождествления ДмРРж = ДмДжРРм, Рж = ДжДжРРм, ДДмРРж = ДДжР, особенно широко представленные у тупиязычных этносов, согласуются с бытующими у них браками с дочерью сестры [1509, с. 185, прим. 17].

Важность выделения МП в отдельную типологическую единицу состоит в том, что системные факты соприсутствия противоположных по своей направленности форм генерационного скоса в одной номенклатуре указывают на их общее происхождение из других терминологических конфигураций, воплощающих принцип неразличения генеалогических поколений. В свете МП уже не представляется корректным расценивать МК *или* МО как простое приспособление бифуркативных систем к унилатеральным общественным тенденциям как своего рода механичную классификационную реакцию на слепой поведенческий стимул. МП является яркой приметой более глубокого субстрата в эволюции СТР, разложение которого оставило следы в виде изолированных и абсолютизированных генерационных «аномалий».

10.5.2. Наряду с МП, существует еще одна разновидность генерационно-скошенных моделей, которую исследователи обычно игнорируют, считая ее относящейся либо к МК, либо к МО. Присвоим ей название *модели с сочлененным поколением* (МСП). Отождествление этого типа наличествует в СТР самих индейцев-кроу и их близких родственников хидатса: «брат матери» = «старший брат», «сын сестры» = «младший брат»;

maku РжР, *maku'kāta* +ДжР, *basō'oka* Рж, *basa'kā'ata* +ДжР (букв. «маленькая мать»), *xū'-utse* -ДжРЭж, ДЭж, *basa'tsi'ita* -ДжРЭм, ДжДжРЭж [1668, с. 19-20, 440]. В дальнейшем Р.Лоуи заметил эту же черту в СТР бороро:

«Бороро роднит с кроу не очень-то часто встречающееся явление отождествления старшего брата с братом матери, хотя, очевидно, только в случае, если говорящий – женщина» [1837, с. 581].

Как и в СТР с МП, в СТР с МСП отождествление родственника восходящего поколения с сиблингом эго происходит в зоне, зеркальной зоне применения МК или МО. Таким образом, СТР индейцев-кроу отвечает требованиям, предъявляемым к МК в меньшей мере, чем, скажем, СТР ашанти, не демонстрирующая МСП в матрилатеральной зоне.

И.Дайен и Д.Эберли атрибутировали МСП у атапаскских групп как варианты «типа омаха», но вынуждены были признать, что, в данном случае, «тип омаха» – условность, так как отождествление сиблингов с ниблингами или разнополыми сиблингами породителей не похоже ни на какой другой генерационный скос, не соотносится ни с какими унилатеральными институтами и не подходит ни под какую интерпретацию [1262, с. 163, 164, 204]. МСП разлагается на два варианта. В первом варианте (МСП-1) с альтером ±1 поколений сливается старший или младший сиблинг; во втором (МСП-2) – с альтером ±2 поколений сливается старший сиблинг родителя или дитя младшего сиблинга эго. Данных по МСП-2 имеется немного, что может объясняться дибо отсутствием информации, либо неравномерностью дистрибуции киральных пар. У кондов (дравиды) и асуров (мунда) +ДмРРм = РмРР, +ДжРРж = РжРР [1915, с. 154, 156; 1525, с. 36, 39]; у сора (мунда) РжР = -ДжРРж [1860, с. 708-709]. У вичита (кэддо) $Р^3$м = -ДмРРм, $Р^4$м = +ДмРРм [1294, с. 258, 259]; юго-западных помо РмРм = +ДмРРм, Дм-ДмР = ДмД [1361, с. 111-112].

МСП-1 фиксируется широко у этносов на-дене:

сатуготине (ДмР = Дм+ДР, ДжР = Дж+ДР, особенно если старшие сиблинги гораздо старше эго) [1965, с. 57]; секани (ДмДмР = -ДмРЭж, ДжДмР = -ДжРЭж, +ДжР = +ДжДмРЭж, -ДжР = -ДжДмРЭж, +ДмР = +ДмДмРЭж [1589, с. 608; 1262, с. 450, 451]; бивер (*ashe* ДД, *ashitle* –ДмР) [1932, с. 462]; сарси (+ДмР = ДмРРж = ДмРРм, +ДжР = ДжРРм) [1262, с. 450, 452]; чипевайи (*ùnàγà* +ДмР, *ùnàγà yàzè* ДмД («маленький старший брат»)) [1262, с. 450]; кэрриер (*tcel* -ДмР, *łtcel-khĕ* ДмДмР, -ДжР = ДжДмРЭм) [1262, с. 451; 1533, с. 526-527]; каска (+ДжР = ДжРРм = ДжРРж) [1262, с. 451]; кучины (-ДжР = ДжДмР, -ДмР = ДмДмР) [1262, с. 452; 1853, с. 116]; като (-ДмР = -ДмДРРЭж = ДмДмРЭж, +ДжР = +ДжДРРЭм = ДжРРм, -ДжР = -ДжДРРЭж = ДжДмРЭж), вайлаки, лассик, синкьон, хупа, толова [1262, с. 451-452; 1361, с. 15][166]; апачи (+ДжР = ДжДмРЭж) [1262, с. 204].

Аналогичным образом, у юговосточных и центральных винтун +ДжР = ДжРРм, -ДР = ДДмРЭж [1361, с. 95, 97-98] – конфигурация, сочетающаяся с МП (см. выше). У ваппо +ДжР = +ДжДжРР = -ДжРРм, -ДмР = Дм+ДмРЭж, -ДжР = Дж+ДмРЭж в сочетании с -ДмРРм = Дм-ДжРРм [1361, с. 116], что может классифицироваться как МК, однако параметр относительного возраста ставит это уравнение в один ряд с МСП.

У равнинных алгонкинов МСП реализуется в иной форме.

Среди индейцев-блэкфут у пиеганов ДР = +ДмРРж = +ДмРРм, -ДмР = -ДмРРм [1214, с. 171-172; 2197, с. 15]; у сиксика +ДжР = -ДжРРм, которая старше эго, -ДРЭм = -ДжРРмЭм,

+ДмР = +ДмДРР = ДмРРж [1449, с. 29-31]. У шайенов и арапахо +ДмР = +ДмРРм, -ДР = -ДмРРм [1214, с. 171-172][167].

У южнокалифорнийских общностей (юто-ацтеки и юма) МСП имеет свои особенности: мохаве (+ДР = ДДД, -ДР = РРР) [1361, с. 138]; кавайису $Р^3$м = «маленький младший брат», $Р^3$ж = «маленькая младшая сестра», $Д^3$м = «маленький старший брат», $Д^3$ж = «маленькая старшая сестра» [997а, с. 219]; кауилья, купеньо (+ДмР = $Р^5$м, +ДжР = $Р^5$ж, -ДмР = $Д^5$м, -ДжР = $Д^5$м) [1361, с. 56-57, 58-59]; дигеньо (+ДмР = $Р^3$м, +ДжР = $Р^3$ж, -ДмР = $Д^3$м, -ДжР = $Д^3$м) [1361, с. 68-69][168]. У ацтеков старшие сиблинги отождествляются с альтерами +3 поколения, а младшие сиблинги – с альтерами -3 поколения [1911, с. 116-118]; у кайова-апачей и навахо $Р^3$м = +ДмР, $Р^3$ж = +ДжР, $Д^3$м = -ДмР, $Д^3$ж = -ДжР [883, с. 50, 54]; у овикено-квакиютль +ДР = $Р^4$, -ДР = $Д^4$ [1847, с. 253]; у тонкава +ДР = РРР, -ДР = ДДД [2128, с. 321]. В Центральной и Южной Америке вариации на ту же тему имеют место у паме, амузго, цельталь, цоциль, майя, сапотеков, матсее, кашинауа, марубо, матис, шаранауа, тшикао, когуи, корегуахе, кубео, мундуруку, екуана, вари, оронао. Например, у цельталь-агуакатенанго *bankil* ДмРР = +ДмР = +ДДРР, *wiš* ДжРР = +ДжР = +ДДРР, *ʔih'cin* -ДР = -ДДРР = ДДР [1948, с. 231] (см.: [1264]). У оронао (Бразилия) ситуация напоминает межпоколенные отождествления в СТР кроу: при *te* Рм = ДмРРм = ДмДжРРм, *arain* ДДмРРж = ДЭм (МК), *aji* ДмРРж = +ДмР, *we* ДжРРм = +ДжР (МСП) [1713, с. 101-102].

В Старом Свете степень встречаемости МСП и разнообразие форм ее проявления значительно более ограничены, но отождествление старших сиблингов с +2 поколением, а младших сиблингов – с -2 поколением отмечается у мундаязычных сантали, мундари, корва, бхумий, горум и хуанг[169], дравидоязычных оллар, радж-гондов, дхурва, койя[170], пенго, куи (конды), парджи (при неполном тождестве *dāda* РмРм и *tādo* +ДмР), колами (*bai* ДжДж, *doo* /«большой»/ *bāy*, *akka bāy* +ДжР) [1224, с. 4; 2143]; в Океании у сиуай (Соломоновы о-ва) (*tata* +ДмР = РмРм, *naramoŋ* -ДмР = ДмДжДжР) [1844, с. 289], амбрим, ятмул (Новая Гвинея), бау, надрау, магодро, нандрау, даваниса, наватусила (Фиджи), буин (см.: [1169, с. 116; 1937, т. 1, с. 258, 259, 281, 283; 1612, с. 112-113; 2204, с. 534]. Отождествление сиблингов и альтеров ±2 поколений присутствует в ТР дамин – ритуального языка австралийского племени лардил [1435, с. 32]. В Африке, напротив, можно встретить случаи слияния в одну категорию ДмРРж и +ДмР, ДмДжР и -ДмР, (например, у лонгуда, при Рм = ДДжРРм, Д = ДДмРРж [1728, с. 344]).

10.5.3. Очевидно, что генерационно-скошенные модели Южной, Центральной и западной части Сев. Америки, а также Центральной и Южной Америки разительно отличаются от МКО центральной и восточной зон Сев. Америки, в том числе от собственно систем кроу и омаха. Более того, напрашивается наблюдение, что МП и МСП более характерны для американского континента, чем МКО; тогда как скосы «кроу» и «омаха» (филиационно-ориентированные, не связанные с делением альтеров по относительному возрасту и четко обособленные друг от друга) – явление, присущее скорее Старому, чем Новому Свету. Именно исследователи американских СТР начинают осознавать необходимость выделения различных типов нарушения поколенных различий и рассмотрения СТР как реализующей сразу несколько этих типов (см., например: [1472]).

Все генерационно-скошенные модели являются киральными, и различие между МП, МСП и МКО касается таких факторов, как 1) категории, к которым принадлежат скашиваемые альтеры; 2) участие параметра относительного возраста; и 3) характер соотношения между киральными вариантами. Например, среди скосов, относящихся к МСП, отождествление «брата матери» и «старшего брата» зеркально воспроизводит, с одной стороны, слияние «сына сестры» и «младшего брата», а с другой – слияние «сестры отца» и «старшей сестры».

Обращает на себя внимание тот факт, что в 0 поколении «точкой приложения» скосов «кроу» и «омаха» в подавляющем большинстве случаев являются кросскузены, тогда как в МСП сочленению с +1 поколением подвергаются сиблинги. Если МП – это сосуществование МК и МО в одной терминологии, то в ситуациях «чистых» систем «кроу» и «омаха» их взаимодополнительность выражается в распределении по этнолингвистическим группам одной языковой семьи. Например, в пределах языковой семьи сиу одни группы будут иметь МК (кроу, хидатса, мандан), другие – МО (омаха, понка, ото). Применительно к монкхмерским и тибето-бирманским этносам Южной Азии, тюркским этносам Южной Сибири и этносам группы манде в Зап. Африке М.В.Крюковым был сделан вывод о тяготении МКО к зонам этнической непрерывности [479].

10.5.4. Как отмечалось (см. 10.1.7.), специфика киральных моделей и, отсюда, важность отслеживания действия принципа киральности в типах СТР заключается в том, что интеграция членов киральной пары порождает модель, которую можно считать логически первичной и исторически предковой по отношению к этим двум киральным вариантам.

Б.Малиновский сделал следующее наблюдение относительно тробрианцев, СТР которых обладает чертами МК: отец и сын, мать и дочь тождественны друг другу, или, иными словами, выступают как «единая телесная субстанция» [1704, с. 436; 1702]. В.А.Шнирельман пишет о «социальном отождествлении» сына сестры и брата матери в МК. У этносов группы же (Южная Америка) второй передавал первому имя, посвящал в церемониальную жизнь, обучал секретам искусств, передавал в наследство ритуальные предметы [1005, с. 386]. МО, по В.А.Шнирельману, предполагает «социальное отождествление женского сиблинга отца и дочери брата, что также связано с передачей имен» [1005, с. 386-387] (см. подр. 12.1.). Н.А.Бутинов придерживается иного мнения относительно «участников» этих перевоплощений. По его мнению, в МО отсчет ведется от эго-мужчины, который сливается со своим отцом; а в МК точкой отсчета выступает женщина, отождествляющаяся со своей матерью [164, с. 180-181]. В.А.Попов устанавливает другую систему отождествлений: для МК эго = ДмРРж, для МО Эм = Рм, Эж = Рж [691, с. 72].

Фактически в МКО имплицитно присутствует то, что эксплицитно выражено в ВТР, а именно слияние в одну категорию полярных альтеров разных поколений. Реципрокность в плане выражения сменяется тождеством в плане содержания, что приводит к неразличению тех категорий альтеров, которые на предыдущем этапе развития были жестко противопоставлены друг другу концептуально. Мысль о связи ВТР и МКО осторожно высказывал А.Фарон [1294, с. 447]. Э.Лессеру принадлежит идея о «концептуальном тождестве сестры отца, эго-женщины и дочери брата как сестер» [1630, с. 711-712]. Н.А.Бутинов обращал внимание на то, что МК и МО, будучи объединенными в единое целое, дают реципрокность [155, с. 222].

Принимая в расчет тот факт, что ВТР фиксируется не в своем становлении, а в своем разложении, мы делаем вывод о том, что **МКО и другие типы генерационного скоса – это определенная форма исторической трансформации кроссреципрокности.** Именно феномен кроссреципрокности составляет общий субстрат, присутствующий в

мириадах форм генерационного скашивания. Думается, что в зависимости от того, какие категории ±1 и ±2 поколений участвуют в скашивании, к такому типу ВТР и восходит рассматриваемая форма МК или МО. Например, если актантами[171] скоса являются «брат матери» и «дети сестры» (ДмРРж = ДмДмРРж, ДмДжР = ДмДжРРм), значит эта конфигурация возникла как следствие распада авункулореципрокного типа (ДмРРж = ДДжРЭм); если налицо слияние «отца матери» и «брата матери», значит можно прогнозировать существование в прошлом системы авореципркного и авункулореципрокного типов.

10.5.5. Процесс превращения ВТР в МК и МО посредством кирализации виден по СТР в диалектах каска (семья на-дене): если у росс-ривер и аппер-лайард распад авореципрокного ТР выразился в формировании МК (росс-ривер *esu*$_c$ РжРм = ДжРРжРм = ДжРРм = РжСм [1522, с. 225]; аппер-лайард *(e)stsii'e* РмР = ДмДжРРмЭм = РмС, *(e)stsuu'* РжР = ДжРРм = ДжДмРРжЭм = РжС, *(e)stca'* ДД = СжДм [1505, с. 75-76]), то у диз-ривер тот же авореципрокный ТР распался с образованием скоса «омаха» (*estsuwa* ДмД = ДДжРРмЭм, *estsii* РмР = РмС, *estsuu* РжР = РжС [1505, с. 77-78]). Производность МП от ВТР можно проиллюстрировать на примере СТР южных яна, где ДмРРж = ДДжРЭм = ДмДмРРж = ДмДжРРм [1979, с. 163-164]. Для превращения данной конфигурации в МП требуется переименовать категорию ДДжРЭм и сохранить исходный термин в значении ДмРРж = ДДжРЭм = ДмДмРРж = ДмДжРРм. Аналогичным образом, у нанди ДмРРж = ДДжР = ДДжРРм = ДДмРРж [1451, с. 775-776], а у масаев ДмРРжЭм = ДмДмРРжЭм = ДмДжРРмЭм, тогда как категория ДмДжР присоединена к категориям Дм и ДмДмР (ДжДжР – к Дж и ДжДмР) с образованием инкорпорирующей ситуации в -1 поколении [1501, с. 473-477].

Трансформация ВТР в МСП фиксируется у диери: к термину *kanini* РжРж = ДДж прибавляется термины *kaku* +ДжР или *noyi* +ДмР, и таким образом, «деды» становятся «старшими сиблингами» своих «внуков» [1511, с. 163]. МСП в СТР атапасков, где ДмРРж = +ДмР, ДДмР = -ДмР, ДжРРм = +ДжР и ДДжР с -ДжР, с очевидностью указывает на развитие из авункуло- и амитореципрокных моделей; тогда как МСП в южной Калифорнии – на развитие из сенексореципрокности. В предварительной реконструкции протодравидийской ТР С.Тайлером демонстрируется процесс трансформации терминологического типа, названного нами СРВМ и представленного среди дравидоязычных групп наиболее полно у радж-гондов, в СТР с различными вариантами МСП (дхурва, койя, пенго и пр.) [2143].

10.5.6. Исторический переход от ВТР к МКО наглядно демонстрируют индоевропейские, аканские, юто-ацтекские и австралийские языки.

Индоевропейцы. В индоевропеистике общепризнанным (см.: [889; 1335; 100; 2085; 216, т. 2, с. 767; 1059]) является факт наличия в ПИЕ СТР двух ВТР для родственников ±2 поколений (**HauHo*- и **Hanna*-), так как хет. *HuHHo*- «дед» соответствует, с одной стороны, лик. *xuga* «отец матери»[172], арм. *haw* «дед», диал. *awa* «бабка»[173], лат. *avos* «дед», *avia* «бабка» (> народ.-лат. *aviŏlus*, *aviŏla* > франц. *aïeul* «дед, предок», *aïeule*

«бабка, предок», неаполит. *vava* «бабка»[174]), гот. *awō* «бабка», *awa* «дед», *áe* «прадед», нем. диал. *awwə* «дед»[175], н.-луж. *wowa* (*uoua*) (позднее *wowka*), в.-луж. *wowka* «бабка»[176], тох. А *āwe*, тох. В *āwi* «дед»[177]; а с другой – др.-ирл. *(h)aue* «внук», гэльск. *ogha*, *odha*, шотл. *o*, *oy*, *oe* «внук, племянник» (с диминутивным дифтонгом) [2009, т. 6, с. 465]; тогда как хет. *Hannas* «бабка» и *Hamasa* (< **Hansa*) «внук» тождественны арм. *han*, греч. *ἀννίς* «бабка», др.-в.-нем. *ana* «бабка, *ano* «дед» (нем. *Ahn* м., *Ahne* ж. «предок») и *anchal* «внук», букв. «маленький дед» (нем. *Enkel*), др.-прус. *ane* «бабка», др.-рус. *vъnukъ*, серб. *ùnuk* «внук» и пр. (< праслав. **auno*^{n}*kŭ*), авест. *hanā*, лат. *anus* «старуха».

О.Семереньи раскрыл еще одну парадигму рефлексов ПИЕ **HauHo*-, аргументированно доказав происхождение от него суффикса, обнаруживаемого в серии других иденонимов: инд. *pitr-vyá*, авест. *tuirya* ДмРРм (< **ptuirya*), греч. *πατρ-ως* (< *-αFος*) ДмРРм, *μητρ-ως* ДмРРж (поздняя конструкция по аналогии с *πατρως*), лат. *patruus* ДмРРж, др.-верх.-нем. *fatur-eo*, др.-англ. *fəder-a*, др.-фриз. *feder-ia*, др.-англ. *modr-ie*, др.-фриз. *modir-e*, кимр. *modr-yb* ДжРРж (< **faδur-wya*, **modr-vyan*), ст.-слав. *str-ъjъ*, др.-рус. *стрый* ДмРРм (< **patr-awos*) [2085, с. 53, 55-57][178]. В славянских языках в -1 поколении обнаруживаются киральная ситуация, т.е. тот же суффикс служит для образования терминов для параллельных ниблингов на основе терминов для детей: ср. поль. *syn-ow-a*, рус. диал. *сын-ов-ка* ДжДмР, серб. *sin-ov-ac* ДмДмР, *sin-ov-ka* ДжДмР [1227, с. 498]. Сравнение этих форм с теми, которые приводит О.Семереньи позволяет возвести к тому же самому ПИЕ реципрокному иденониму **HauHo*- «дед; внук» русский посессивный суффикс *-ов*.

Индоевропеистами также признается, что корень **HauHo*- принял участие в иденонимах со значением ДмРРж: лат. *avunculus* (букв. «маленький дед») ДмРРж, ст.-корн. *enito*r, валл. *ewithr*, брет. *eontr* (< **auen-tro*), др.-в.-нем. *ōh-eim*[179], ст.-англ. *ēám*, ст.-фриз. *em*, голл. *oom*, лит. *avynas*, ст.-прус. *awis*, ст.-слав. *ujъ* ДмРРж. В нисходящих поколениях эти переходы соответствуют семантическому сдвигу «внук» → «племянник», отразившемуся в следующей лексической парадигме: лат. *nepos* «внук» (с IV в. н.э. также «племянник»[180]), лит. *nepuotis*, алб. *nip* «внук, племянник» (заимствовано из латинского), *mbεsε* «внучка, племянница» (< **nepotia*, см.: [1872]), скр. *napat*, авест. *napat*, *naptar* «внук», гомер.-греч. *népodes* «потомок», валл. *nei*, корн. *noy* (после утраты кельтскими языками фонемы /p/) «племянник», др.-в.-нем. *nevo*, др.-англ. *nefa*, др.-исл. *nefi* (ср. *afi* «дед») «сын сестры», общеслав. **netij* «сын сестры» (с утратой медиального *-p*)[181]. Исходным значением справедливо признается «внук» с переходом в ряде диалектов к значению «сын сестры; племянник» (см., например: [1751]).

В латинском расширение значения *nepos* и включение в его семантику понятия «племянник» произошло в поздний период, намного позже, чем формирование МО в +2 и +1 поколениях (термин *avunculus* известен на всем протяжении письменной фиксации латинского языка). В некоторых из современных романских языков это изменение не нашло отражения, что свидетельствует об ограниченном характере этой трансформации. Позднейшее формирование обозначения «племянника» и «племянницы»

на основе терминов для «внука» и «внучки» отмечено также в современных иранских диалектах (например, в мунджи и йидга) (см.: [1777, с. 121]). Таким образом, большинство ИЕ диалектов содержат терминологические структуры, атрибутируемые как МО. П.Фридрих и другие относят МО к ПИЕ состоянию (см., например: [1335; 2085])[182].

Примечательной особенностью распределения МО по ИЕ диалектам является отсутствие этой структуры в языках индоарийской-греко-армянской общности. Семантические переходы $Р^2$м (**HauHo*-) → ДмРРж и $Д^2$ (**H(a)nepter*) → ДДжР здесь не фиксируются, а когнаты славянских, кельтских, италийских и германских названий «брата матери» отсутствуют. От внимания исследователей до сих пор ускользал скос, присутствующий повсеместно у индоевропейцев в подсистеме свойства. Мы имеем в виду названия «отца мужа» **swékuros*: скр. *švašura*, авест. *xvasura*, греч. *ἑχυρος*, лат. *socrus*, гот. *swaihrō*, др.-в.-нем. *swehur*, др.-англ. *swēor*, ст.-лит. *šešuras*, слав. *svekъrъ*, алб. *vjehεr*, арм. *skesrayr*, уэльск. *chwegrwn*; и производное от него название «матери мужа»: скр. *švašru*-, авест. *xusrū*, греч. *ἑχυρά*, лат. *socer*, др.-в.-нем. *swigar*, слав. *svekry*, арм. *skesur*. Морфология корня **swékuros* указывает на подвижный *s*- в анлауте, основу -*we*-, восходящую, как нам кажется, к **HauHo*-, и суффикс -*kuros*, представляющий собой ротасицированный вариант лат. -*culus*. Таким образом, **swékuros* «отец мужа» и лат. *avunculus* «брат матери» идентичны по морфосемантической генетике.

Таким образом, в истории ИЕ ТР отчетливо прослеживается разложение по крайней мере двух авореципрокных терминов и формирование на основе древней авореципрокности МО и генерационного скоса в подсистеме свойства. Подробно о семантических и фонетических трансформациях ПИЕ кроссреципрокных иденонимов см.: [288; 289]).

Аканы. Другой пример исторической зависимости генерационного скоса от кроссреципрокности исходит из Зап. Африки. В СТР всех без исключения групп аканов (ашанти, ачем, фанти и др.): *wofa* ДмРРж, *nana* $Р^2 = Д^2$, *wofase* ДДжР (см.: [689, с. 90-96]). *Wofase*, очевидно, образовано от *wofa* с добавлением форманта -*se* «такой же, как» [689, с. 127]. В свою очередь, *wofa* сложился в результате апокопы начальной -*a* из **awo*, который сохранил свое архаичное значение в СТР буш-негров (сарамакка), вывезенных в Суринам с Золотого Берега. У последних *avo* $Р^2$ = ДДж [1476, с. 716-718]. У лагунных племен Кот-д'Ивуара *awo* сохранилось в значении «клан» [689, с. 150]. Начальный -*a* со временем превратился в показатель мн.ч.: ср. *awofasi* мн.ч. ДмДжР [689, с. 102].

Можно предположить следующее развитие аканской СТР: от двух терминов в ±2 поколениях, один из которых, исходя из сарамакского варианта, реконструируется как **awo* РРж = ДДж, а другой – как **nana* $Р^2_{(?)} = Д^2_{(?)}$ (общая закономерность в упрощении авореципрокного типа через снятие релевантности пола эго, а затем пола альтера) к одному термину *nana*; со сдвигом значения **awo* с матрилатеральной категории +2 поколения на и *(a)wofa* ДмРРж = ДДмРЭм[183]. Далее, *wofa* ДмРРж, *wofase* ДмДжРЭм (в исходном авункулореципрокном варианте пол альтера -1 поколения не имел значения) → ДмДжР (ТР акваму и ашанти

по И.Кристаллеру). С распадом реципрокного **awo* этот термин принял вокативную форму для Рж (*awó*) [1183, с. 536]. К той же праформе восходит, видимо, и *(o)ba* Д, а также собирательное обозначение лиц 10 и 60 лет и суффикс, придающий словам значения молодости и старости [689, с. 134-135]. Распространение термина на породителя, видимо, связано с его обоюдным значением, так как семантика аканских слов, включающих морфему *awo* (< *wo* «рожать, рождать») в качестве архисемы содержит тождество Рж – Д: ср.: *o-wofo* «женщина, которая может рожать детей или уже рожавшая», *awo-gye* – взаимное приветствие для матери и детей, *awo-gye* «помощь при родах», *o-wogyefo* мн.ч. «повитуха», *awoe* «место для родов», *awo-ko* «схватки», *nwoem* «рождение, происхождение, родительство» [1183, с. 537]. Этимологическое равенство *awo* вокат. Рж, Рм = *(o)ba* Д раскрывает присущее МКО концептуальное тождество родителей и детей (см. выше). В связи с этой реконструкцией возникает вопрос, каким образом, если согласиться с общей тенденцией превращения взаимных терминов в полярные в межпоколенных отношениях, ВТР для ДмРРж = ДДжРЭм мог возникнуть на основе другого ТР, а именно **awo* РРж = ДДж? Это ведь должно означать, что до этого ТР для ДмРРж и ДДжРЭм были другими. Ответить на такой вопрос можно двояко: во-первых, не исключено, что и старый ТР для ДмРРж и ДДжРЭм был взаимным, а новый сохранил его семантику; во-вторых (и это нам представляется более реальной и потенциально верифицируемой перспективой), на предшествующем этапе развития аканских СТР категория ДмРРж подразделялась на старшую и младшую ветви, которые были связаны ВТР со старшей и младшей ветвями категории ДДжРЭм (т.е. с Д-ДжРЭм и Д+ДжРЭм). Такие номенклатуры известны, и они рассматриваются в 10.2.3. и 10.9.7.

Хопи. Одним из немногих этносов западной части Сев. Америки, СТР которого является носителем МК, является хопи. Язык хопи составляет отдельную группу юто-ацтекской (ЮА) семьи [1607, с. 110], близкую нумической группе. Как было показано выше (10.2.3), кавайису, юты и пайюты-кайбаб имеют суперреципрокные СТР (см.: [1977]), а все остальные юто-ацтекские общности Большого Бассейна – среднереципрокные системы. СТР хопи не несет реципрокности, но, исходя из того, что хопи отделились от южных нума и превратились в изолированную от них в языковом и социокультурном плане общность (700-1100 гг. н.э.) (см.: [1417]), не вызывает никаких сомнений, что это хопи утратили реципрокность, а не остальные юто-ацтеки приобрели ее.

В СТР хопи ДжРРм = ДжДжРРм, $Р^2$ж = ДжРРм, $Р^2$м = СмДжРРм, $Д^2$ = ДДмРЭж = ДДмРРжЭж; 0 и +1 поколения демонстрируют типичную бифуркативную ситуацию [1134, с. 367-369]. Если у серрано *-ka'* РРж = ДДж, у папаго *ká'a* РжРм, *ká'a-mad* ДДмЭж, то у хопи *ka'a* ДжРРм = ДДжРРм (< ЮА **ka* «бабка; внучка» [1759, с. 67, № 496; с глоссой «бабка»]), т.е. налицо переход от аворeципрокности к МК. Наряду с этим, в их СТР просматриваются черты МО: Рж = ДжРРж = ДДмРРжЭм [1670, с. 371], т.е. фактически мы имеем МП. Кажется вероятным, что МП в СТР хопи сложилась в результате трансформации суперреципрокной системы;

при чем МК возникла на среднереципрокном (авункуло- и амитореципрокном) этапе. В вокативной практике хопи сохраняются следы ВТР в виде обычая терминологической инверсии (см. подробнее 8.3.), т.е. дед (но не бабка) зовет малолетнего внука (но не внучку) *babahuya* и ожидает, что тот будет повторять этот термин со значением $Р^2$м за ним [1134, с. 379]. Процесс распада сначала суперреципрокности, а затем среднереципрокности произошел, по-видимому, в ходе отделения хопи от протоюжнонумической общности, обитавшей в Большом Бассейне, и переселения на Юго-Запад. Параллельно у них произошло складывание матрилинейных кланов на базе общеютоацтекской билатеральности (ср.: [1134, с. 382-383]).

Яралде и нгангуруку. Сравнение СТР двух близко родственных этносов южной Австралии, имеющих сходные черты социальной структуры (отсутствие секций при наличии локализованных патрилатеральных кланов), интересно как детальная иллюстрация перехода от авореципрокности к генерационному скосу в подсистеме свойства, а также перенос кроссреципрокности из подсистемы родства в подсистему свойства. А.Рэдклифф-Браун [1899, с. 244-245] записал такие расхождения в этих ТР:

Яралде	**Нгангуруку**
maiyano РмРм *maiyar* ДДмЭм	*metei*, *metsa* РмРм, ДДмЭм, ДДмДмР; РмСмЭж, СжДмРЭж
mutsano РжРм *mutsa* ДДмЭж	*noidla* РжРм, ДДмЭж; РжСмЭж, СжДмЭж
ngaityano РмРж *ngaityeri* ДДжЭм	*ngatta* РмРж, ДДжЭм
bakano РжРж *baka*, *bakari* ДДжЭж	*paku* РжРж, ДДжЭж

Как видно, женщина нгангуруку начинает употреблять для обозначения родителей мужа и для жены сына авореципрокные термины (возможно, имеет место перекрещивание значений *metsa* у нгангуруку и *mutsa*, *mutsano* у яралде). При этом мужа дочери она называет так же, как последний называет ее и ее мужа (*lunta*), т.е. налицо переход от закрытой формы взаимности (РСм = СжДм → РмСм ≠ РжСм, но РСж = СмДж).

10.5.9. Трансформация ВТР в МП и МКО может обнаруживаться на междиалектном уровне. Процесс превращения ВТР в МП запечатлен в СТР юто-ацтеков на междиалектном уровне: ср.: ютск. *cinA-ntci-ni* -ДмРРж, Д+ДжРЭм, *mawun-'ni* +ДжРРж, *mawun-tci-ni* Д-ДжРЭж, при пайютск. *Ci-na-ni* +ДмДРР, *cina-tsi-ni* -ДмДРР (ср. варианты юрок и бете), *manwLi'i-ni* +ДжДРР, *manwLI'i-tsi-ni* -ДжДРР [1977, с. 134-135].

У индейцев пуэбло термин *ku-ka-ya* имеет в разных диалектах следующие денотаты: зуньи – ДжРРм, керес ДжРРм, ДДмРЭж, тева-хано – РжРм, ДжДм [1584, с. 88]. У биребо и баки западного побережья о. Эпи отмечен авореципрокный вариант ($Р^2$ = $Д^2$) без скашивания [1223, с. 498-499], тогда как СТР жителей северо-западных районов демонстрирует МО и отсутствие авореципрокности [1167, с. 79]. В пределах того же архипелага Вануату нгуна сформировали МК с характерным также для северо-западных районов о. Эпи слиянием альтеров +2 поколения с родителями супругов [1414, с. 105]. У папуасов-грагед *vau* ДмРРж, ДмДжР, ДмДж, *zau* ДДжРРм, ДДмРРж, а у соседних бонгу *vau* РмРм, РмРж, ДД, *zau* ДмРРж, ДДжР [158, с. 173].

10.6. Типология генерационно-скользящих номенклатур

10.6.0. Как правило, в теоретических разработках по проблеме ССП данный феномен представляется как объединение под одним термином младшей ветви старшего поколения и старшей ветви младшего поколения, присущее исключительно СТР уральской языковой семьи [118, с. 63-64; 976, с. 102]. Как будет показано ниже, границы этого феномена гораздо шире и включают, помимо «классического» варианта, многочисленные переходные случаи, а также обширно представленные в различных СТР факты участия критерия относительного возраста в ВТР, МП и МКО.

Следует отметить, что возникающее в этом случае «возрастное» поколение отличается от структуры, в которой в один терминологический класс сливаются все старшие альтеры, а в другой терминологический класс – все младшие альтеры. Такие случаи фиксируются в СТР васюганских хантов (*kaki* -ДмР, -ДмРРм, Дм-ДмРРм, -ДмРРж, *tsekai* -ДжР, -ДжРРм, Дж-ДмРРм, -ДжРРж [549, с. 272-273]), алтайцев (кумандинцев и алтай-кижи) [976, с. 105], хакасов [989, с. 122], коми [783, с. 144]. В первом случае возраст альтера отсчитывается относительно возраста отца эго, эго и брата эго; во втором – только относительно возраста самого эго, хотя и в пределах той же патрилинейной группы.

Среди этносов Евразии, системы с «возрастным» поколением отличаются неоднородностью, распадаясь на ряд локальных вариантов. Выделение этих локальных вариантов основывается на нескольких признаках: 1) относительный возраст учитывается в паре «эго – альтер» или «эго – коннектор»; 2) слияние/разграничение отцовской и материнской линий и, как частный случай, наличие/отсутствие генерационных аномалий типа омаха, а также описательных ТР; 3) выраженность/невыраженность прямой линии родства; 4) количество учитываемых в СТР поколений или, точнее, ступеней родства. Модели с ССП разбиваются на три географических типа: среднеазиатско-южносибирский, сибирский и поволжский. Последний ареал складывается из двух ветвей: финской, тяготеющей к сибирскому комплексу, и тюркской, обнаруживающей близкое сходство с тюркским ареалом Средней Азии и Южной Сибири.

Рассмотрим СТР этносов среднеазиатского региона. У узбеков дельты Аму-Дарьи [348, с. 397-398], узбеков-кунграт [704, с. 39-43], киргизов [277, с. 26-27, 86-93], туркменов [182, с. 201-202] и каракалпаков [89; 88] все родственники по линии отца независимо от поколения делятся на «старших» и «младших» с точки зрения говорящего. Иными словами, деление по относительному возрасту определяется парой «эго – альтер». Сходной модели придерживаются и горные таджики [424, с. 151-156; 549]. У таджиков Шахристана относительный возраст в пределах 0 поколения сочетается с обилием описательных терминов, а эффект «скольжения» не выражен [844, с. 75-76]. У узбеков-карлуков зафиксирована терминология, сочетающая релевантность пары «возраст эго – возраст коннектора» с построением двух возрастных линий – старшей и младшей (+ДмР = Дм+ДмР; -ДмР = Дм-ДмР) [981, с. 140-141]. Имеющаяся в нашем распоряжении номенклатура родства казахов и сартов [205, с. 30-31] не позволяет сделать конкретные выводы о СТР этих этносов.

Значимость бинарного критерия «возраст эго – возраст альтера» для среднеазиатских ССП сближает их с теми вариантами, которые были отмечены у хантов, алтайцев и таитян. Только у этих трех, по сравнению со среднеазиатской моделью, сильнее влияние генеалогического поколения. Практически все СТР тюрков Средней Азии обнаруживают черты МО (см. выше), прямая линия родства не выделена: родители классифицируются либо со своими однополыми сиблингами, либо со своими родителями (см., например: [89, с. 32; 277, с. 26-27, 86-93]. Вдобавок, для тюркских СТР нередок учет 9, 11 и даже 17 ступеней родства [981, с. 141] (см. также: [275]).

10.6.1. У тюркоязычных этносов Южной Сибири отмеченные признаки в целом сохраняются [316; 317; 307; 172; 173; 705, с. 164-167]: родственники по линии отца делятся на старших и младших, исходя из возраста эго и альтера; СТР шорцев и алтайцев демонстрируют явный скос типа «омаха», а у хакасов младший брат матери отождествляется со своим сыном, старше говорящего [307, с. 82]. Наряду с этим в Южной Сибири выделяется прямая линия родства, и, в отличие от СТР среднеазиатских тюрков, отец не отождествляется с дедом.

У тюрков Поволжья (башкир, чувашей, татар) распределение родственников по относительному возрасту диктуется парой «эго – альтер», но уже очень отчетливо проявляется встречное действие пары «эго – коннектор». В результате складывается так называемое «возрастное» поколение на стыке двух генеалогических поколений [118, с. 27-36; 776, с. 59-61; 617, с. 278-286; 724]. ТР для обозначения породителей индивидуализируются, но морфологически сохраняется память о некогда имевшем место ТР – логическом слиянии отца и деда, матери и бабки (см., например: [776, с. 59-61]). Только сибирские татары [307, с. 73] и отчасти башкиры [114, с. 5] обнаруживают терминологию, близкую к МО; поволжским татарам, чувашам и основной массе башкир она не свойственна[184]. У последних трех групп налицо слияние линий отца и линий матери. У башкир наиболее явственно выражена, видимо, общетюркская тенденция учитывать более 5 поколений родственников [118, с. 31].

Таким образом, обзор СТР тюркских этносов показал, что в целом они более последовательно проводят в жизнь эгоцентрический принцип, разделяя родственников на старших и младших в зависимости от возраста эго, а не коннектора. Прямая линия родства зачастую не выделяется, а линии отца и матери строго дифференцируются с практически повсеместным распространением в среднеазиатско-южносибирской полосе МО. В Поволжье СТР тюрков демонстрирует «возрастное» поколение, образование которого связано с введением переменной «возраст коннектора», исчезновение скоса омаха и слияние отцовской и материнской линий. Процесс индивидуализации терминов для номинации родителей продолжает тенденцию, наметившуюся у тюрков Южной Сибири.

10.6.2. В Западной Сибири СТР угорских народов (хантов и манси) и самодийских (ненцев, энцев, селькупов и нганасан) демонстрируют значимость связки «эго – коннектор» для разграничения родственников

по возрасту. Результатом является стабильность «возрастного» поколения прежде всего между +1 и 0 генеалогическими поколениями. ТР для обозначения породителей индивидуализированы, а матри- и патрилатераты не разграничиваются [911; 307; 499]. Вместе с тем генерационный скос присущ хантам [548] и в междиалектном срезе – селькупам [307], а связка «эго – альтер» оказывает влияние на группировку лиц по возрасту в СТР ненцев и нганасан. Среди тунгусо-манчжур (эвенков, эвенов, ульчей и др.) СТР выделяется оформленностью «возрастного» поколения, слиянием отцовской и материнской линий и – у эвенков – обособленностью терминов для породителей [956; 33, с. 26-28; 177, с. 144-145; 414, с. 27-32; 514, с. 198-200; 820; 144]. У орочей все родственники старше эго и моложе его отца обозначаются одним ТР [10, с. 135-137], что ставит их СТР в промежуточное положение между СТР других тунгусо-манчжурских групп и тюрками Южной Сибири. У нивхов терминология для обозначения сиблингов матери и детей мужского сиблинга матери несет явный отпечаток МО с той лишь разницей, что, как и у сибирских татар и селькупов, указанные категории родственников делятся по относительному возрасту [414, с. 29-30]. ССП поволжских финнов, несмотря на свое позднее происхождение, имеет в СТР достаточно четкое оформление. «Возрастное» поколение выкристаллизовалось в СТР удмуртов [792, с. 128-136; 672], бесермян [918], марийцев [791; 326] и мордвы [794, с. 140-143; 69; 70; 632]; МО отсутствует (только у удмуртов фиксируется употребление термина *чужмурт* ДмРРж альтернативно в отношении РмРж [123, с. 40, 62]), и наблюдается сильная тенденция к выделению прямой линии родства. В целом поволжско-финские СТР более однородны, чем другие системы с ССП, за счет того, что более приближены к линейной модели.

Таким образом, ССП в Евразии представляет собой непрерывную цепь переходящих друг в друга вариантов. Общая направленность этих переходов состоит в смене собственно «скользящего» счета поколений, диктуемого соотношением возрастных характеристик эго и альтера, «возрастным» поколением – устойчивым промежуточным звеном между старшим и младшим поколениями (чаще между +1 и 0 поколениями). Этот процесс сопровождается индивидуализацией терминов для обозначения родителей, слиянием линий отца и матери и исчезновением генерационного скоса типа омаха, сокращением числа признаваемых обществом ступеней родства.

10.6.3. Вопреки существующему мнению, «монополия» урало-алтайской языковой общности на терминологию, создающую эффект «скольжения», имеет ряд исключений. Во-первых, из перечня этносов, имеющих в СТР указанную черту, следует исключить саамов по указанным выше причинам; во-вторых, несмотря на значимость критерия относительного возраста для СТР бурят, монголов и калмыков, «возрастное» поколение у них отсутствует [77, с. 6-9, 17-19; 200, с. 236-237; 1014, с. 201-202; 1033; 655]; в-третьих, скользящий счет поколений не присущ СТР западных «финнов» – эстонцев, ливов, финнов, карел,

вепсов, ижоры, води, а также коми [1040, с. 203-214; 1578, с. 245; 1129; 2065; 201; 558; 90, с. 294-298; 2086, с. 253-259; 2087, с. 171-172; 2088; 350; 783; 672]; в-четвертых, его нет в СТР азербайджанцев [274, с. 69-74], турок [782, с. 256-258], гагаузов [680; 669а, с. 79-81] (возможно, в ослабленной или пережиточной форме /по: [613, с. 6]/), ногайцев [420; 204, с. 16-18; 16; 999; 47, с. 54], крымских татар [593], караимов [614]. В ослабленной форме ССП отмечается в системах карачаевцев, балкарцев и кумыков [936; 203, с. 254-255]. В-пятых, ССП присущ СТР кетов, изолированных с точки зрения языковых семей Старого Света (см.: [309]); и таджиков [424, с. 141-156; 844, с. 75-76; 549]. Для СТР юкагиров, язык которых генетически связан с уральскими [633; 622, с. 164-167], «возрастное» поколение и ССП в целом не свойственны, но тем не менее существуют общие термины для обозначения лиц старше отца, лиц старше меня, но младше отца, и лиц младше меня [387, с. 238-240; 500, с. 92-93]. Для юкагиров следует, видимо, предполагать влияние СТР эвенков.

Венгры, осевшие на территории Паннонии в IX в. н.э., в условиях полной изоляции от основного массива угорских и тюркских этносов, долгое время сохраняли ССП в качестве существенной черты СТР (см.: [1128; 171]). Однако в современной венгерской системе «скольжение» отмирает через исчезновение разграничения по возрасту сиблингов родителей [1578, с. 245].

В отношении кетов, кавказских тюрков, таджиков и венгров с уверенностью можно сказать, что на внешний облик их СТР существенное влияние оказали СТР соседних этносов. Для кетов такой системой-донором была, видимо, СТР селькупов (см.: [309]), для карачаевцев, балкарцев, кумыков, ногайцев – кумулятивные системы автохтонов Кавказа, а для венгров – линейные системы европейских этносов.

СТР поволжских «финнов» – удмуртов, марийцев, мордвы – приобрели элемент «скольжения», видимо, недавно, заимствовав эту структурную особенность (подчас вместе с самими терминами: ср.: удм. *ага* +ДмР при общетюрк. *ага*, также *апа* +ДжР – см.: [856]) [2018, с. 21-22; 2019, с. 25-29]. Вряд ли можно поддержать М.И.Федотова, заявившего, что ССП – это «определенный этап в развитии родовых отношений» [918, с. 127], ведь, как уже говорилось, эта особенность основной массе «финских» СТР не свойственна, а три этноса, которые ее имеют, долгое время находились в тесных контактах с тюркским миром. О масштабах тюркских заимствований в финно-угорской лексике родства, относящихся, видимо, к булгарскому периоду (VII–XIII вв. н.э.), можно судить по данным Н.Н.Поппе (см.: [701, с. 19, 23, 29]).

На «доскольящий» исторический пласт указывает одна особенность мордовской ТР. У эрзи термин *патя(й)* означает +ДжР, а у мокши, напротив, +ДмР [70]. Можно предположить, что до разделения мордвы на две культурно-языковые общности (т.е. до нач. I тыс. н.э. [525, с. 16]) указанный корень служил обозначением (старшего) сиблинга без различия по полу. Неразличение пола сиблинга в корневой морфеме

является устойчивой чертой кавказских и афразийских СТР (в которых эта черта существует параллельно с КТР), так что реконструкция протомордовского термина для брата/сестры указывает на тяготение протомордовской СТР к европейско-североафриканскому ареалу.

В СТР чувашей ССП обладает рядом особенностей. Хотя формально старшая половина младшего поколения терминологически сливается с младшей половиной старшего поколения, происхождение межпоколенных ТР не имеет аналогов в других тюркских языках. Так, вместо тюрк. *ага* +ДмР, -ДмРРм, чуваши знают *пичче* +ДмР (< тюрк. **бийачай* < тюрк. *бий* ~ др.-тюрк. *bag* «старший», «большой», «главный», «вождь», «господин», «князь» + тюрк. *аса* Рм, «дядя», «старший родственник»), ДмРРм (диал. *емпичче*, где *ем* – почтительное обращение к старшим < **ем//*им* ~ тюрк. **а:η,* др.-тюрк. *eη, iη* – усилительная частица, образующая интенсивную форму прилагательного, сопоставимую с ИЕ суперлативом *наи-* [324, с. 19-20]. В данном случае словообразовательная модель дескриптивная, не знающая соответствий в других тюркских языках, но зато сходная с западно-финскими и коми моделям. Ср.: чув. диал. *пысак пичче, нан пичче, асла пичче* «самый старший брат», *мучи* ДмРРм (< *ман* «большой», «великий», «старый» + *ача* Рм [324, с. 20-21]). В 1995 г. нами была записана у мордвы-эрзи следующая дескриптивная модель: *сыре од покштя* «средний из трех братьев отца» (от *сыре* «старший» + *од* «младший» + *покштя* РмРм < *покш* «большой» + *атя (тятя)* Рм) [291]. Таким образом, внутренняя структура чувашских ТР отчетливо указывает на нетюркский этно-культурный субстрат, прослеживаемый также в мордовском языке и приближающийся по своим реализациям в СТР к западно-финскому комплексу.

10.6.4. Таким образом, на территории Евразии единственным устойчивым критерием для определения границ ССП является критерий географический, т.е. территория, охватывающая регионы Средней Азии, Поволжья, Западной, Южной и Восточной Сибири (за исключением крайнего Северо-Востока). ССП не зафиксирован к западу от Волго-Камья, в Передней Азии, на Кавказе, в Китае, Корее и Японии. Территория распространения ССП – это географически непрерывный массив историко-этнографических областей, и поэтому логичным будет предположить единый источник формирования этой терминологической структуры, принадлежащий группе, предковой по отношению к конкретной совокупности современных этнолингвистических групп (либо уральской, либо урало-алтайской); далее из этого источника этот тип СТР распространился на генетически не связанные с этой предковой группой популяции. В этой связи, необходимо разрешить две проблемы, которые исследователи ССП обычно перед собой не ставят. Во-первых, является ли ССП исключительно евразийским феноменом; и во-вторых, являлся ли ССП, в том виде в котором он представлен у современных урало-алтайцев, исконным типом номенклатуры или же существует иная структура, из которой развилось диагностическое «возрастное» поколение.

На первый из поставленных вопросов можно дать утвердительный ответ. Изолированные случаи образования «возрастного» поколения фиксируются в Юго-Восточной Азии, Океании, Африке и Америке.

Мон-кхмерский этнос мнонг гар (Вьетнам) обладает СТР, характеризующйся «возрастным» поколением на нисходящих генеалогических уровнях (*mii* +ДР = ДмРРм, *oh* -ДР = -ДДмРРм = Д+ДР) и МК и МП в 0 и +1 поколениях (см. 10.10.12.) [1196, с. 155; 1625, с. 155]. У таитян (*matahiapo* +ДмРРм, +Дм+ДмРРм, +ДмР, +Дм+ДмР [1341, с. 552]). В Зап. Африке у мандеязычных дан зафиксирован ССП в сочетании с МО, т.е. полностью сходный сибирским вариантам (*no* +ДмР = +ДмДмРРм = -ДмРРм (старше эго) = Дм+ДмР (старше эго) = ДмДмРРмРм; gy*œ* +ДмР (после смерти отца) = +ДмРРм = +ДмРРж = РмР = Дм+ДмРРж; *nœ* +ДжР = -ДжРРм = Дж+ДмР (старше эго); *nzi* -ДР = -ДДмРРм = ДДмР (если младше эго) = -ДмРРм (если младше эго) = Д+ДмРС; *malo* -ДжРРж = Дж-ДмРРж, *noд*-ДмРРж = Дм-ДмРРж; *mā* (*mane*) Д, ДД, Д-ДР [1231, с. 42-43]. Примечательно, что у близко родственных им гуро, при наличии МО (или МП) в форме ДжДмРРж = Рж, ДмДмРРж = Рм, ДмДжРРм = Дм, ДжДжРРм = Дж, ССП отсутствует, а номенклатура в +1 и 0 поколениях носит бифуркативный характер. В Сев. Америке присутствие черт ССП отмечается в СТР мохаве (семья юма) (+ДмР = +ДжР = -ДмРРм = ДмДхРРу; -ДмР = Дм+ДмРЭм) [1085, с. 341]; ваппо (пересекаясь с элементами МК) (*yau* -ДмР = Дм-ДжРРж = Дм-ДмРРм = Дм-ДмРРжЭж = Дм+ДмРЭж, *yapi* -ДжР = Дж-ДмРРжЭж = Дж-ДмРЭж, *olo* -ДмРРм = Дм+ДжРРм, *ek'a* Дм-ДмРРжЭм = Дм+ДРЭм) [1361, с. 116]. У сиксика, ССП присутствует в контексте сложных кроссгенерационных сдвигов (*nin'tsa* +ДжР = Дж+ДРР = -ДжРРм, *niskдn.*^{xi} -ДРЭм = -ДДРРмЭм = -ДжРРжЭм (младше эго), *nisis.*^{xi} -ДРЭж = -ДДРРмЭж = -ДжРРжЭж (младше эго), *naa'xs*^{a} РР = +ДжРРм = +ДмРРм, *ni's*^{a} ДмРРж = ДмРРм (старше эго) = +ДмР = +ДмДмРРж = +Дм-ДмРРм, +ДмДжРРм; *nis.xku'a* ДДм = Д-ДмР, ДмДмРРжЭж (женатый)) [1449, с. 29-31]. У родственных им пиеганов и кайна *nĭ'ssa*^{x} +ДмРЭм = +ДмРРжЭм = +ДмДмРРЭм = +ДмРЭж, +ДмРРЭж = +ДмДРРжЭж, *nĭ'skŏn* –ДмРЭм = -ДмРРмЭм = -ДмДмРРЭм, *nĭssĭ'ssa* -ДРЭж = -ДРРЭж [2197, с. 15], *nĭ-sís* -ДР = -ДмРРм = -ДмРРж [1214, с. 171-172; 1752, с. 329].

У атапасков-сарси фиксируется сходная номенклатура [1532, с. 24], но в этом случае это можно объяснить влиянием сиксика, с которыми сарси находились в тесных торговых и брачных контактах. Единственное отличие СТР сарси от СТР блэкфутских групп состоит в том, что дети сиблингов эго в зависимости от их возраста классифицировались либо с младшими сиблингами, либо с детьми эго. Принцип относительного возраста пронизывает также СТР индейцев-тива: в частности, в одну категорию братья родителей старше последних и старшие кузены [2119, с. 560-561].

В Мезоамерике ССП был обнаружен в СТР населяющих перешеек Техуантепек этносов семьи пенути (михе, соке, чонталь, майя, цельталь) и семьи макро-отоманге (чинантек, тотонтепек, пополука, сайюла, олута, амузго, усила, хуаве, чатика) (см.: [1738; 1739; 1506; 1323, с. 331; 1948, с. 232]). В этих номенклатурах сиблинги родителей, если они младше эго, называются терминами для племянников, и наоборот. У.Меррифилд предложил выделить эти модели в отдельный типологический разряд под названием «чинантекский тип» [1739]. В Старом Свете наиболее близкие аналогии «чинантекскому типу» обнаруживает среднеазиатский ССП. Правда, между ними имеются существенные расхождения: во-первых, мексиканские модели зачастую соседствуют с линейным принципом группировки родственников в «горизонтальном» ряду (ср. в этой связи также СТР блэкфут и сарси), что исключено для среднеазиатских; во-вторых, мексиканский ССП существует, насколько можно судить, параллельно с «нескользящей» номенклатурой, в Евразии же это единственный способ классификации родственников.

Относительно СТР бороро имеется сообщение К.Леви-Стросса о том, что каждое поколение делится на два «слоя», причем верхний «слой» младшего поколения сливается с нижним «слоем» старшего поколения [1634, с. 407, прим. 22] (ср.: [1837, с. 579]). Если эта информация верна, то бороро окажутся единственным этносом Южной Америки, имеющим ССП. Примечательно, что согласно А.-К.Тэйлор, элементы ССП отмечаются в вокативной ТР кандоши (хиваро). Если референтивная терминология кандоши обнаруживает черты линейной классификации (*šibari* ДмРР, ДмРР^2, *tatari* ДжР, ДжРР^2), то в обращении

«любой родственник может быть передвинут в другую категорию в соответствии с его/ее возрастом относительно эго: например, старший брат отца – это дядя (*šibari*), тогда как младший брат отца становится «братом» (*šuwanči*) и т.д.» [2098, с. 200].

10.6.5. Американские**,** юговосточноазиатский и африканский варианты ССП, прежде не привлекавшиеся к решению проблемы происхождения урало-алтайских систем, демонстрируют спектр вариативности данной терминологической структуры и характер ее взаимосвязи с другими типами генерационных смещений. Как уже отмечалось (10.2.3.), взаимосвязь поколений, разделенных на два относительно-возрастных уровня, предполагает еще, по крайней мере, одну возможную конфигурацию: слияние старших альтеров +1 поколения с младшими альтерами -1 поколения, а младших альтеров +1 поколения со старшими альтерами -1 поколения. В этой связи особый интерес приобретает саамская СТР, являющаяся типичным примером «суперреципрокно-возрастной модели» (СРВМ) (см. 10.2.3.).

Саамскую СТР не принято относить к числу моделей со скользящим счетом поколений [501; 504]. Но деление по относительному возрасту матрилатератов и патрилатератов в 0 и +1 поколениях основывается на четком осознании в коллективе родственных отношений, построенных по возрастному принципу [501, с. 17]. Хотя структура саамской СТР может и не стоять в надежной исторической связи с типичными уральскими системами, а оказаться наследием гипотетического палеоевропейского субстратного населения, перешедшего на финно-угорский язык между I тыс. до н.э. и I тыс. н.э. (см.: [622, с. 28 и сл.]), однако типологическая связь ее с ССП информативна для решения проблемы генезиса урало-алтайских систем.

В пользу генетической преемственности между саамской СТР и остальными уральскими системами говорят некоторые лексические параллели между ними: например, коль.-саам. *чāдзь* -ДмРРм, *чāдзев* Д-ДмРЭм, удм. *чужмурт* ДмРРж, ненец. *тидяв* Дм-ДжРРм, ДмДмРРжЭм (с МП); коль.-саам. *мудть* -ДжРРж, *мудтэль* Д+ДжРЭж, ненец. *мянггув* Дм+ДжР, Дм+ДжРРм, ДмДжРРмЭж, *не мянггув* Дж+ДжР, Дж+ДжРРм, ДжДжРРмЭж. У Б.Коллиндера: саам. *siessa*, *siesa* ДжРРм (= ДДмРЭж, но у Б.Коллиндера это значение опущено), коми-зыр. *soć* ДжР, фин. *sisko* ДжР, водь. *siso*, *sõso* ДжР, эст. *sõtse* ДжР, *sõse* ДжРРм (с МСП), манс. *ćća*, *śaas* РжР, хант. *śæži* -ДжРР, РжР; саам. *ække*, *æge* +ДмРРм, манс. *aki* ДмРРм, РмРм, РмС, ДмРСм, См+ДжРРм, ДмДРР, хант. *aki* +ДмРРм, РмРР, нен. *neeka* +ДмР, -ДмРРм (нет параллелей в прибалтийско- и волжско-финских языках); кильд.-саам. *âččč*, *âže* -ДмРРм, морд. *oće* -ДмРРм, мар. *iźa* -ДмРРм, +ДмР, венг. *ös* «предок; древний», нен. *nise*, нган. *jase*, *jaje*, энец. *esé*, сельк. *ʤу* Рм [1193, с. 114, 4, 16].

Обращает на себя внимание тот факт, что саамские ТР ведут себя по-разному в финно-угорских и самодийских номенклатурах. Первые

разлагают кроссреципрокность и оставляют одни лексические параллели; вторые превращают старый кроссреципрокный ТР в лексический оператор ССП или МП. Особенно следует обратить внимание на соответствие саам. *ække*, *æge* +ДмРРм, *ēгкев* Д-ДмРЭм и ненец. *neeka* +ДмР, -ДмРРм, которое наглядно демонстрирует образование самодийского ССП из саамского варианта ВТР.

10.6.6. Ни собственно «скольжения», ни «возрастного» поколения в СТР саамов (как и в СТР ютов, тараумара, кераки, викмункан, радж-гондов, яралде и некоторых других, также отличающихся СРВМ) нет. Перед нами типично кроссреципрокные модели, в которых альтернативные поколения подразделяются на альтернативные возрастные уровни. **СРВМ предлагается рассматривать как исходный инвариант модели с противопоставлением всех старших членов нескольких поколений всем младшим членам этих поколений и модели с промежуточным «возрастным» поколением.** На это указывают факты формирования ССП в языковых семьях, в которых также фиксируется СРВМ (уральцы /ССП/ *vs*. саамы /СРВМ/, мохаве /ССП/ *vs*. другие юма (СРВМ в пережиточном виде). Можно также сказать, что мы здесь имеем дело с различными локальными вариациями единого эволюционного процесса разложения и трансформации древнейшей супер- или гиперреципрокной номенклатуры, сопровождавшегося формированием таких структур, как МП, МСП, МО, МК (см. 10.5.4. – 10.5.6.) и ССП.

Как можно судить по американским номенклатурам, важным оператором трансформации СРВМ в ССП явилась МСП. Уравнения в «стиле» МСП присутствуют в урало-алтайских системах в виде тождества +ДжР = -ДжРРм. Употребление термина *наху* в нганасанском в значении +ДжР, -ДжРРм, ДжДжРРм [911, с. 229] очень близко американским вариантам ССП и МСП. У хакасов (за исключением кызыльцев) *пичем* ДжР, но у бельтыр и сагайцев *пичем* или *улуг пичем* могут также назвать ДжРРм и ДжДжРРм; у сагайцев *пичем* также ДжДмРРж (у других хакасов это *койім*) [989, с. 123]. Ситуация аналогична нганасанской.

В том же смысле можно истолковать данные по юкагирам. От эвенков они заимствуют вместе с соответствующими иденонимами «скользящую» структуру (*ака* +ДмР, Дм+ДРР, *экэа* +ДжР, Дж+ДРР [413, с. 94]), тогда как +1 поколение сохраняет, видимо, исконно юкагирские тенденции к МП с нейтральным к генеалогической линии отождествлением лиц разных поколений (*хаічіа* +ДмРРж, $Р^2$м, *чомочіа* +ДмРРм с общим корнем, родственным *ачіа* Рм, *jagia* -ДжРРж, *амnyogia* -ДжРРм с общим корнем *gia*, при *амаі* Рж) [387, с. 239].

В Средней Азии и Сибири ССП регулярно соседствует с МО, причем, учитывая латеральность генерационно-скошенных моделей, можно заметить сходство ССП с МК. Обе системы приложимы к патрилатератам, только в случаях с ССП «активным» элементом +1 поколении является ДмРРм, а не Рм, как в МК. Сильное развитие возрастного принципа также составляет своеобразие ССП по сравнению с

МК. Видимо, ССП в матрилатеральной подсистеме сменил классическую МК, о чем свидетельствует архаичное употребление термина Реликты МК (а возможно, и МП) обнаруживаются в подсистеме свойства долган: *кыс* Дж, ДжДмРРжСм, ДжРРмСм, ДжДжРРжСм, ДжРСм, *кинит* СжДмДмР, СжДмДмРРм, СжДмДмРРж, ДжДжРРж, СжДмДжРРж, СжДмР, *кютю* СмДжДмР, СмДжДмРРж, СмДжРРж [683, с. 73-74]. Подсистема родства долган характеризуется ССП, заимствованным вместе с терминами у якутов [683, с. 73; 681, с. 132; 903, с. 58]. Единственное примечательное отклонение составляет употребление термина *ага* в значении Рм при общетюркском *ага* +ДмР. Этногенез долган, как известно, сложен: это объякученное в конце XVIII в. смешанное эвенкийско-ненецко-русское население. Переняв у якутов ТР, они, по-видимому, сохранили в подсистеме свойства субстратные черты МК (МП?).

В поволжских СТР «скольжение» охватило также и патрилатератов: в тюркских системах МО была, видимо, вытеснена, а в финно-угорских она не сформировалась. С точки зрения постепенной замены генерационного скоса на ССП поволжские СТР демонстрируют ситуацию, явившуюся окончательным развитием тенденций, заложенных среднеазиатскими и сибирскими СТР.

10.7. Кумулятивная терминология родства: типология и дистрибуция

10.7.0. Генеалогически оформленные дескриптивы можно создать в любом языке и они не будут являться частью актуальной лексики родства (ср.: [997, с. 5]). Неумело проведенный опрос носителей языка может привести к тому, что они сконструируют для исследователя искусственную номенклатуру, состоящую из ТР в «тактическом» падеже, т.е. таких, которые функционируют только в присутствии антрополога. Интерес для типологического исследования представляю тслучаи 1) употребления кумулятивных конструкций в референтивном, вокативном, аффективном или других падежах в качестве единственного возможного способа оформления отдельных родственных категорий в данном языке; 2) существование кумулятивной терминологии в качестве служебного по отношению к нормативной системе способа описания родственников; и 3) функционирование КТР в качестве единственной системы описания родственников. Как и ВТР, КТР имеет несколько степеней, и в зависимости от этого целесообразно разделять суперкумулятивность, среднекумулятивность и слабокумулятивность. В первом случае КТР составляет всю актуальную номенклатуру родства, во втором она охватывает только часть межпоколенных отношений, в третьем – КТР встречается только спорадически, чаще в дефинитивной и внутрипоколенной форме. Соответственно, можно говорить о трех уровнях исторического анализа КТР: эволюция кумулятивного способа построения категорий родства и функционирование отдельных кумулятивных синтагм; функционирование КТР как служебной номенклатуры и ее соотношение с такими служебными номенклатурами, как, например, ЭВТ (см. 9.5., 10.4.1.); эволюционное

положение суперкумулятивности, ее эволюционное соотношение с другими элементами иденологической парадигмы (ВТР, МКО, МП, ССП) и реконструкция процесса сложения суперкумулятивных номенклатур (с «суданским» типом классификации альтеров 0 поколения) с точки зрения элементов классической исторической типологии СТР.

10.7.1. Следует различать два типа кумулятивных конструкций – генеалогические (дескриптивные) и определительные (дефинитивные) (см. 9.4.). Напомним, что дескриптивы характеризуются тем, что категория родства описывается через два или несколько других категорий. При дефинитивной кумуляции одна категория родства определяется через другую с образованием конструкций типа укр.-карп. *братанич*, *братичь*, *сыновьиць* ДмДмР или др.-рус. *сестрич*, *сестричичь* ДмДжР с патронимическими суффиксами *-ичь*, *-ьць*.

КТР может служить для описания как внутрипоколенных (рус. *двоюродный брат*), так и межпоколенных отношений. Фактически кумулятивными являются конструкции типа: «старший брат», «младший брат», широко представленные в СТР, в которых возраст сиблингов не обозначается корневой морфемой; «женский отец» (ДжРРм), «мужская мать» (ДмРРж), регулярно встречающиеся в Африке (особенно у банту) [235, с. 172-177], а также зафиксированные, например, в тикопийском (наряду со стандартным ТР *masikitanga*, ДжРРм может называться либо *Nan E* Рж, либо *Pa E* Рм и описываться как «двойник отца» или «то же, что отец» – в последнем случае особенно если она остается единственным живым членом семьи отца и его поколения [1307, с. 210]) и сакалавском диалекте мальгашского (*rene-lahi* ДмРРж, от *rene* Рж и *lahi* «мужчина»; ср. *vali-lahi* ДмРСж, где *vali* «супруг (любого пола)» [1215, с. 232]).

Особым развитием кроссгенерационной кумулятивности является распространение дескриптивного принципа на группу сиблингов с образованием синтагм типа «сын матери» = брат, «сын отца» = брат и т.д. (см.: [650]). Такие конструкции типичны для ТР африканских этносов, например амхара, хауса [1018, с. 15-16], берберов, сомали, конкомба, нгомбе [650, с. 4-7], ашанти, акваму [689, с. 87-88], манья [443, с. 198], дуала [235, с. 171], нанди [1451, с. 777], йоруба, игбо, эве [651, с. 145-146] и др. Тот же принцип образования имеем в греч. *adelphós* «(единоутробный) брат»/*adelphé* «(единоутробная) сестра» (< *delphús* «чрево»), др.-инд. *sá-garbhyas* «родной брат» (скр. *garbha* «чрево», авест. *gərəδuš* «детеныш (животного)»), осет. *ævsymær/ænsuver*[185] и тюрк. *карындаш* ДР (< *къаран* «чрево, утроба» + аффикс *-даш* «соучастник», «товарищ»)[186]. По мнению Д.А.Ольдерогге, конструкции типа «брат = сын матери» встречаются только в ТР патрилинейных и патрилокальных обществ [650, с. 4-5]. Этому противоречат данные по матрилинейным япцам (Микронезия), у которых сиблинги от родной матери именуются *ngAyil* – сжатой формой описательной конструкции со значением «из одного живота» [1994, с. 40, прим. 1].

В Зап. Африке также отмечается редкая форма реализации кумулятивного принципа, при которой сиблинги родителей описываются не через родителей, как в большинстве систем (например, «брат матери», «брат отца»),

а через категории +2 поколения. У фон (восточных эве) имеем *ночиновиньону* (*но* «мать», *чи* – притяжательная частица, *но* «мать», *ви* «ребенок», *ньону* «женский») ДжРРж, *точи-нови* (*то* Рм) ДмРРм и т.п. [651, с. 148].

Эта форма западноафриканской кумулятивности выявляет **структурную близость кумулятивности и первичного генерационного скашивания типа «помо»**, которое также приводит к слиянию категорий разных поколений *одновременно* в материнской и отцовской половинах системы или без учета этой дихотомии. Принципиальная разница между КТР и МП касается языковой формы терминов, т.е., если во втором случае межпоколенные отождествления имеют место на основе полисемии термина, то во втором – на основе морфологической описательности. Однако даже среди форм МП встречаются кумулятивные конструкции, как, например, в СТР ацтеков, где кузены обозначаются как «чьи-то внуки» (*te-iswiwan*) с использованием ТР для «внука» во множественном числе [409, с. 225] (ср. также герайтеронимические конструкции).

Если кумулятивность Старого Света сугубо генеалогична, то описательные конструкции в индейских СТР указывают на взаимный статус двух лиц и тесно сопряжены с кроссреципрокностью. Ср.: у кауилья *pe-y-nesi-k(at)* «она, что родственна той, которая ее племянница» (в отношении умершего допускается употреблять только конструкции, содержащие обозначение полярного члена взаимной пары) [2012, с. 4-5], сев.-пайют. *adatsi-pia* ДжРСм, СжДмРЭм (букв. «мать ребенка брата женщины»), луисеньо *kwa pa-na* РмСж, СмДж (букв. «моей дочери ребенка его отец»), сев.-пайют. *togo-nna* СмДж (букв. «отец ребенка дочери мужчины») [1583, с. 350, 360]. Американские кумулятивные синтагмы являются своего рода догенеалогическими зародышами евразийско-африканских конструкций. Они тесно связаны с ВТР: так, у кауилья умерший обозначается не соответствующим ему ТР (например, *ne-nes* +ДжРРж), а ТР для противоположного члена пары, который отличается от первого только модификатором (*ne-nesi* Д-ДжРЭж). Вместо того чтобы сказать «моя (умершая) тетка», кауилья употребляют сложную кумулятивную конструкцию *ne-y-nesi-k* «она, что родственна мне, ее племяннице» [2012, с. 7].

Вышеуказанные типологические аспекты КТР необходимо учитывать при проведении картографирования этой особенности СТР. В произведенном Г.Доул предварительном учете распространения КТР в мировом масштабе [1247, с. 40-41] не делалось различий, с одной стороны, между дескриптивами и дефинитивами, а с другой – между различными степенями кумулятивности. В Приложении I приводится перечень этносов с КТР, в основу которого положены материалы Г.Доул и «Этнографического атласа» Дж.Мёрдока [1790].

10.7.2. Регионами со стабильной суперкумулятивностью являются Северная Африка (афразийская семья), Кавказ (северокавказские, картвельские общности) и Восточная Европа (прибалтийские финны). Здесь кумулятивной является, по сути дела, вся СТР, за исключением

терминов для породителей, детей и сиблингов. Заметную роль кумулятивные конструкции играют (или играли в недавнем прошлом) также в ряде ИЕ СТР. Такие иденонимы, как англ. *grandfather*, *grandmother*, *grandson*, *granddaughter* и их точные аналоги в немецком и французском языках, принадлежат кумулятивной типологии. Спорадически повышенное содержание КТР отмечается в Океании (самоанцы, санта-крузцы), Америке (тлинкиты, тараски, туканские группы), Сибири (ханты, нивхи) и Африке южнее Сахары (ланго, ньоро).

В ряде случаев отмечено преобразование «скользящих» номенклатур в кумулятивные (саамы-лайниовуома, для которых Дж.Уитакер предполагает шведское влияние [2187, с. 90]; эвены, ханты, ненцы). Возможен и обратный процесс. Так, есть все основания полагать, что номенклатуры ряда поволжских этносов, в частности мордвы и чувашей, некогда, до перехода к ССП, носили кумулятивный характер (см. выше). Неотеронимия и герайтеронимия в поволжских языках, так же как и кавказские дескриптивные иденонимы, представлены изафетными словосочетаниями. Изафетными являются также кавказские дескриптивные иденонимы, что служит дополнительным подтверждением высказанному предположению о первоначальной кумулятивности СТР финно-угров Поволжья. Общим свойством СТР поволжских, среднеазиатских и кавказских этносов, имеющих как ССП, так и КТР, является обозначение альтеров +2 поколения выражениями «большой отец», «большая мать». Эти дефинитивы являются дополнительной иллюстрацией взаимопроникновения двух типов систем.

Таким образом, в Евразии КТР конкурирует с ССП: оба типа терминологических структур покрывают сплошные историко-этнографические зоны, что способствует их заимствованию переселенцами из одной зоны в другую. Граница между зонами КТР и ССП некогда отчетливо пролегала по Уральским горам и была нарушена, очевидно, в результате проникновения тюркских кочевников на север и запад. На Кавказе карачаевцы, балкарцы и кумыки, очевидно, испытали влияние местных номенклатур и отчасти переняли кумулятивный способ образования иденонимов.

10.7.3. Подобно ССП, КТР может находиться дополнять к МКО. Так, у нанди при МО (*kamet* РжЭм, ДжРРжЭм, ДжДмРРжЭм, *eiyo* РжЭж, ДжРРжЭж, ДжДмРРжЭж) в патрилатеральной подсистеме сложилась дескриптивная конструкция для ДДжРРм [1451, с. 777]. Своеобразной чертой СТР нанди является ТР *mama* с денотатами ДмРРж, ДДжР, ДДжРРм, ДДмРРж [1451, с. 775-776]. Очевидно, что дескриптив приходит на смену архаичной конструкции с авункулореципрокностью и первичным генерационным скосом, способствуя формированию МО.

Аналогичным образом, ТР *(*q*)*ilamotu*, зафиксированный у некоторых групп в авункулореципрокном значении (например, луангиуа *lamoku* ДмРРж = ДДжРЭм [1496]; ср.: также, возможно, лакалай (Вануату) *hala* ДмРРж = ДДжРЭм), в большинстве диалектов расщепляется: старший член пары приобретает описательную форму в виде *tua-tina* (*tua-tsina*, *tua-sina*) «сиблинг матери противоположного ей пола»; младший член пары

сохраняет исходный ТР. У нанумеа (Тувалу) первичная форма *ilaamutu* ДмРРж = ДДжРЭм сохраняется, но словари фиксируют, наряду с ней, и *tuaa-tina* как специальный термин для ДмРРж [1912]. У соседних нукулэлэ к 1990-м гг. ТР *ilamutu* ДДжРЭм устарел, и его постепенно заменяет *tuaa-tina*, который, естественно, также обозначает и ДмРРж [1108]. У токелау МО образуется путем скашивания *ilamutu* ДДжР → ДДжР = ДДж = ДДжРРм и *tua-tina* ДмРРж → ДмРРж = ДДмРРж [1691, с. 45-47]).

У ашантийцев МК соседствует с дескриптивами в матрилатеральной половине системы (*wofa* ДмРРж, *wofa'ba* «дитя ДмРРж», *osewa'ba* (букв. «сын сестры отца») ДмДмРРж, если он женат на ДжРРм [689, с. 101]. У ланго мужчина приравнивает ДДжР к ДДжРРм (МО), а женщина называет их *wot amin* и *nya amin* (*wot* Дм, *nya* Дж, *amin* ДжР) [1253, с. 179]. У насупо (Китай) генерационное скашивание фактически не отличимо от КТР: *avusla* ДмДмРРж (*avu* ДмРРж, *sla* «молодой»), *avumo* ДжДмРРж (*mo* «дочь»), *anizo* ДмДжРРм (*zo* «сын»), *animo* ДжДжРРм [480, с. 131]. ТР *avusla* более соответствует МО в силу своей дефинитивности и противопоставленности патрилатеральным дескриптивам.

Киральность и этнолингвистическая комплементарность, отмечавшаяся нами для МК и МО, присущи и некоторым кумулятивным конструкциям. Так, на о. Фиджи у мбау, ноканока и намбомбудо дескриптивный ТР *ngandinanggu* обозначает «брата матери», а термин *nganeitamanggu* у мбау, ноканока и намбомбудо, а также наватусила, даваниса и тавуа используется референтивно и вокативно в отношении «сестры отца» [1937, т. 2, с. 41].

В СТР рутульцев и цахуров зафиксирован исторический переход от МО к КТР (рут. *хыдыл*, цахур. *хыдыл'* ДДР, $Д^2$ → *духарды дух* $Д^2$м, *духарды риш* $Д^2$ж, с сохранением древнего термина в значении ДДР) [361, с. 205-206]. Такая же перемена произошла и в болгарской СТР. МО реконструируется для прощлого состояния современной кумулятивной терминологии грузин (см.: [818]) и, как мы видели (10.5.6.), индоевропейцев (ср. др.-арм. *aner* ДмРРж (< **Han*- «бабка; дед») и совр.-арм. *aner* РмСж, *anerordi* ДмРСж, букв. «сын тестя» [51, с. 9 и далее]).

Интерес представляет абазинская номенклатура, обнаруживающая в подсистеме свойства генерационный скос (СмДжР = СмДж = СмДжДм = СмДжРРм; СжДм = СжДмР = СжДмДм = СжДмДж = СжДмДмР). Исследователи относят эту ситуацию к МО, реконструируя последнюю для протосистемы абхазо-адыгов [997, с. 9, 16]. Не вызывает сомнений тот факт, что в подсистеме свойства сохранилась модель генерационного скоса, некогда присутствовавшая в подсистеме родства, однако она настолько своеобразна, что относить ее к МО преждевременно. О МО можно было бы однозначно говорить только в том случае, если отождествлялись только внутренние свойственники женского пола (ср.: у шеренте /Южная Америка/ СмДжРРм = СмДжР = СмДж при ДмРРж = ДмДмРРж, ДмДжРРм = ДмДжР [1639, с. 304]). Слияние в одну категорию внутренних свойственников мужского пола нарушает киральность и напоминает МП.

Взаимоотношения между МКО и КТР развивались по тому же плану, что и между МКО и ССП: от сосуществования двух типов моделей к постепенному возобладанию КТР во всей номенклатуре (ср. системы рутульцев и цахуров). На периферии «кумулятивного» мира (Западная и Восточная Африка, Китай) фиксируются архаичные варианты, в то время как в главных областях процесс перехода, очевидно, давно завершился (СТР дагестанцев несколько отстала). Обращают на себя внимание случаи существования генерационного скоса на базе кумулятивных конструкций, как, например, в осетинской ТР, где *xæræfyrt* (букв. «дети сестры») обозначает и ДДжР, и ДДжРРм (МО), а *madyrvad* (букв. «брат матери») – всех родственников по линии матери (при ирон. *madyfsymær*, дигор. *madænsuvær* собственно «брат матери» – другая описательная конструкция) [267, с. 116]. Этот феномен интерпретируется как «субстратное» влияние древнего генерационного скоса (ср. ПИЕ **HauHo*- «дед» > «брат матери» в латинском, германских, славянских, кельтских и балтийских языках; ср., возможно, осет. ирон. *ака*, *ако*, дигор. *гагу* «дядя» от этого же корня как реликт докумулятивной эпохи, но стоит также предполагать заимствование из кавказских (дагестанских) языков) в условиях перехода к КТР, т.е. передача «по инерции» старой семантики новыми морфологическими средствами.

Таким образом, наши наблюдения подтверждают мысль Г.Доул [1245] об эволюционной первичности МКО по сравнению с КТР. Если МК и МО соотносятся с противоположными типами филиации, то общества, имеющие ССП и КТР, строго патрилинейны, причем, как отмечает Г.Доул, унилинейный принцип в «линиджных» системах усилен по сравнению с генерационным скосом [1247, с. 48-49]. В рамках теории, предполагающей эволюционный переход от группового счета родства к индивидуальному (см. дискуссию в АР-3), МКО интерпретируется как признак унилатеральности, а ССП и КТР как признак патрилинейности.

Исходя из того, что на основной территории распространения кумулятивности процесс перехода МКО к КТР завершен, а для «скользящих» систем сосуществование с генерационным скосом до сих пор актуально, мы делаем вывод о большей хронологической древности КТР по сравнению с ССП. (В поволжском регионе ССП сменил прежнюю кумулятивность, сохранившуюся в основной массе финно-угорских ТР). Это согласуется с такими фактами, как наличие КТР в санскрите (т.е. около 3000 лет [1548, с. 10]) и в древнеегипетском языке. Если полагаться на имеющиеся данные о ТР в ныне вымершем языке камасинцев (см. 10.10.8.), которые не фиксируют ССП, то можно предполагать, что процесс разложения СРВМ и формирования ССП в СТР самодийцев (побочным результатом которого явилась линейная структура во всех поколениях в одной из изолированных групп) протекал где-то на этапе переселения предков ненцев, энцев и нганасан на Север Сибири (т.е. несколько ранее I тыс. н.э.).

10.7.4. Регион Евразии (исключая Южную и Юго-Восточную части), где господствуют ССП, КТР и линейно-степенные системы, на редкость беден СТР с кроссреципрокностью. Только изолированные на севере

Европы саамы демонстрируют СРВМ. У кетов отмечен авункулореципрокный тип (*куй* ДДжР = ДДРРж = -ДРРж [450, с. 109]), а у айнов видны следы авореципрокной модели с нерелевантностью пола эго, альтера и коннектора. Следы реципрокности видны в удмуртском иденониме *cuzodik (cužodig)* ДДР, ДДРРж, который разбирался Т.И.Тепляшиной [857]. Она пришла к выводу, что он состоит из следующих компонентов: *cuž* ДмРРж, а также обязательная часть слов, служащих обозначением родственников по материнской линии; *od* ДжР (при эст. *öde* ДжР, венг. *öcs*, удм. *uzi* -ДжРСм, манс. *is,* хант. *icex* - ДжР); *ik* – словообразовательный суффикс. Следует, видимо, повнимательнее приглядеться к семе уменьшительности в среднем компоненте термина и сопоставить его с мокш.-морд. *идь*, *идьмор* «ребенок». Тогда архетипическое значение ТР *cužodik* вырисовывается как авункулореципрокное.

10.8. Редупликативная и рекомбинативная терминологии родства

10.8.0. В качестве самостоятельной типологической единицы, стоящей в одном ряду с такими типами СТР, как ВТР, МКО, ССП и КТР, терминологии с повышенным содержанием редупликативов не рассматривались. Как и в случае с КТР, типологически значимым является как функционирование отдельных редупликативов в референтивном, вокативном, социально-возрастном (детской речи) и других падежах, так и формирование целостных редупликативных терминологий родства (РТР). Так же как и в случае с дескриптивами, которые могут появиться в системе, не подвергшейся процессам генерационного скашивания, для появления отдельных редупликтивов в системе необязательно, чтобы система прошла стадии МКО и КТР, хотя наблюдается устойчивая тенденция к формированию редупликативов на месте кроссреципрокности (или в условиях ее редукции). Например, распад суперреципрокности (СРВМ) в СТР этносов п-ва Кейп-Йорк привел к появлению в СТР викмункан ТР *pipa* Рм = ДмРРм, а у канджу – ТР *pipa* в том же значении (видимо, из **api*) и ТР *mimi* РжРж /< **kami*, ср. викмункан *kami* РжРж/ (см., например, сопоставительные таблицы по диалектам в [1686, с. 130 и далее]). У маркизцев (Полинезия) с распадом авункулореципрокности ТР *i'amutu* (< **ilamutu* ДмРРж = ДДжРЭм) перешел в обозначение ДДхРРу (генерационный скос), а редупликатив *pahupahu* стал обозначать ДмРРж и ДжРРм (по: [1307, с. 280]).

Однако РТР как принцип построения СТР исторически вырастает из КТР (с разной степенью ее развития). При этом отдельные редупликативы накапливаются в системе по мере ее развития. М.В.Крюков пишет в отношении китайской ТР:

«Одним из проявлений процесса формирования современной разговорной терминологии родства является возникновение новой морфологической формы элементарных терминов – редупликации, или удвоения ядра» [466, с. 210-211].

Если в VII–IX вв. *е* в разговорном китайском означал Рм, а *нян* – Рж, то, начиная с XII–XIII вв. *ее* – это РмРм, а *няннян* – РжРм (см. также: [1180, с. 8-9]).

В современном русском языке все иденонимы, обозначающие лиц восходящих поколений являются редупликативными: *мама*, *папа*, *дядя*, *тётя*, *дед(ушка)*, *баб-ушка*. Появление их в СТР относится к разным эпохам: *баба* и *дед* имеют общеславянские корни, *дядя* и *тётя* вошли в обиход в XIV–XV вв., а *мама* и *папа* были заимствованы из французского элитой русского общества в конце XVIII–начале XIX вв. Термины *мама* и *папа* – первоначально строго вокативные – все более и более становятся элементами референтивного разговорного употребления. Если вектор кумулятивности в древнерусском языке был направлен от категории старшего поколения к генеалогически производной от нее категории младшего поколения (ср. *уйчич* ДмДмРРм, *братучадо* ДДмР), то вектор редупликативности направлен от младшей категории к старшей и не несет в себе эсплицитного генеалогического содержания.

Конверсия целой группы терминов в редупликативы отмечается в болгарской СТР (ср. *тетка* ДжРРж, *леля* ДжРРм (в некоторых диалектах один из этих терминов вытесняет другой с образованием линейной ситуации), *чичо* ДмРРм (сменил рефлекс общеславянского термина, представленный в диалектах как *стрико*), *кака* +ДжР, *дода* -ДмР, *нана* -ДжР [222]). Заметное место занимают редупликативы в индийских СТР, где удвоенному термину родства сплошь и рядом соответствует удвоенный термин свойства (с показателем мужского или женского рода): ср. *nānā* РмРж ~ *nāni* РжРж, *dādā* РмРм ~ *dādi* РжРм, *cācā* -ДмРРм, *cāci* Сж-ДмРРм, *mātā* ДмРРж ~ *mātī* СжДмРРж, *jījī* +ДжР ~ *jījā* См+ДжР, *phūphi* ДжРРм ~ *phūphū* СмДжРРм [272, с. 114-115; 456, с. 257-259]).

В ИЕ языках Европы редуплицированных иденонимов меньше, чем в русском, но можно отметить франц. *tonton* «дядя», *papa*, *maman*; англ. *dad* «отец», *mummy*, *mom*. Немецкая ТР, видимо, лишена редупликативов, хотя к ним близки такие вокативно-референтивные формы, как *Opa* «дед» (видимо, сокращенное *Grossvater*), *Oma* «бабушка» (< *Grossmuter*), появившиеся в речи в начале XIX в. Обращает на себя внимание тот факт, что во всех европейских языках соответствующие этим идеям реципрокаты удвоения не содержат (ср. рус. *сын*, *дочь*, *внук*, *племянник*), как не содержат удвоения и термины для лиц 0 поколения. Из этого можно заключить, что происхождение их из детской речи не совсем адекватно и что, скорее, причина асимметричности заложена в структуре межпоколенных отношений.

Особенностью прасемантики редупликативов является, как кажется, то, что говорящий присоединяется к референту термина. В отличие от репетитивов (см. 9.2.), неразрывная связь двух половин редуплицированного иденонима, их неспособность функционировать в качестве отдельных лексических единиц иконически маркирует единство полярных межпоколенных категорий родства. *Дядя* значит всегда «я» + «дядя», *папа* – «я» + «папа» и т.д. Отмечая, что отмечали, что в семье иденонимы типа *dad* и *mom*, имея индивидуальных носителей, приближаются к фенонимам, С.Д.Кацнельсон [418, с. 166] и А.Вежбицка [2193, с. 48] упускают из виду изобразительность морфологии редупликативов, которая сближает их еще и с местоимениями

двойственного числа. Редупликативы фактически не соотносятся со своими псевдо-реципрокатами, существуя в другом межсубъектном пространстве – пространстве, в котором говорящий не индексируется через шифтерные «я» и «мой», а имитируется, как младший член родственной пары, в структуре своего собственного словоупотребления[187]. Редупликативы следует считать не полярными и не взаимными ТР, а реляционными терминами. Их наиболее точной параллелью являются иденонимы, обозначающие возраст или пол альтера относительно возраста или пола эго (см. 10.9.).

10.8.1. В средневерхненемецких документах фиксируется группа рекомбинативов, вокативное употребление которых было прямо противоположно их референтивным значениям. Старшие родственники, в древневерхненемецком обычно обозначавшиеся терминами *ōheim* ДмРРж, *muhme* ДжРРж, *vetter* ДмРРм и *base* ДжРРм, в средневерхненемецком могли назвать ими своих реципрокатов (референтивно *nëve* и *niftel*), и наоборот [1227, с. 495-496; 1572, с. 62; 1287, т. 2, с. 918, 945][188]. О.Шрадер полагал, что такие словоупотребления отличали речь придворных кругов и отсутствовали в народном немецком [2004, с. 15-16]. Нередко рекомбинативы снабжались уточняющими грамматическими элементами, как в формах *vetterle*, *vetterlein*, *vedderke*, *vetterchen* «weiblich gebraucht, vaterschwester, brudertochter» [1410, т. 12, с. 33]. Такая же вокативная практика засвидетельствована и в средненижненемецком (староголландском) [1988, с. 227]. Употребление термина *Base* в качестве ласкательного обращения к «племяннице» фиксируется в южногессийском диалекте современного немецкого языка [1780, т. 1, с. 597-598]. Распространение рекомбинативной терминологии родства (РКТР) в средневековой Германии было частью процесса трансформации бифуркативно-линейной номенклатуры в линейно-степенную, когда старые ТР для ДмРРм, ДжРРж, ДжРРм, ДмРРж приобрели семантическую подвижность и стали обозначать то ДмРР (ДжРР), то «кузенов» [1227, с. 493-494][189]; наконец, они были окончательно вытеснены либо в 0 поколение (совр.-нем. *Base* ДжДРР, *Vetter* ДмДРР), либо в поэтический лексикон (*Oheim*), а нормативная система восприняла заимствования из французского (*Onkel* ДмРР, *Tante* ДжРР, *Kusine* ДжДРР). В некоторых диалектах следы средневековой РКТР сохраняются в назывании «зятя» и «невестки», соответственно, *Vetter*, *Vetta*, *Vöda* и *Bäs*, *Basl, Moam* [1761, с. 6, 8].

У арабов (и в меньшей степени у грузин, абхазов и тамилов – см. 9.6.) РКТР занимает в структуре вокативности ключевое место: дед, отец, мать, брат матери, сестра отца, брат отца, жена брата отца, жена брата матери часто обращаются к своим реципрокатам терминами, которые нормативно используются последними при обозначении их самих. Сохраняется эта традиция наименования и у арабских иммигрантов в США, которые могут сказать *Dad* в обращении к сыну и *Auntie* в обращении к племяннице [1057; 1934; 608, с. 9][190].

Рапануйский термин *koro* служит для обозначения Рм, +ДмР и ДмРР, а также для ласкательного обращения к Дм; *nua* служит референтивным термином для Рж и вокативно-ласкательным для Дж [1747, с. 98-101; 916, с.

141, 146]. В силу того, что и рекомбинативное употребление, и сами эти термины, насколько можно судить, отсутствуют в остальных полинезийских языках, РКТР у рапануйцев следует расценивать как относительно позднее явление.

10.8.2. Таким образом, имеются основания представить эволюционную шкалу иденологической парадигмы СТР следующим образом: **гипер- и суперреципрокность (и в частности, СРВМ) распадается с образованием МП и МСП; усиление унилатеральной тенденции приводит к формированию МК и МО на основе МП; взаимодействие МК, МО и МСП приводит к образованию, с одной стороны, ССП, с другой – КТР; взаимное приложение скользящe-возрастного и кумулятивного принципов порождает РТР и РКТР.**

10.9. Типология реляционной парадигмы. Соотношение сильнодифференцированной модели с суперреципрокностью

10.9.0. С точки зрения реализации половозрастного критерия в СТР наиболее репрезентативным является 0 поколение. Диапазон и дистрибуция способов группировки сиблингов был выявлен Дж.Мёрдоком [1792]. Он выделил 6 эмпирических типов классификации сиблингов с учетом пола эго, пола альтера и относительного возраста: *сильнодифференцированный* (*Complexly Differentiated type*), *половозрастной* (*Age-Sex type*), *относительновозрастной* (*Relative Age type*), *относительнополовой* (*Relative Sex type*), *скошенновозрастной* (*Skewed Age type*) и *слабодифференцированный* (*Brother-Sister type*). Наивысший по сложности тип (в дальнейшем СИБ-8) образован 8 терминами со следующими глоссами: старший брат (Эм), младший брат (Эм), старшая сестра (Эм), младшая сестра (Эм), старший брат (Эж), младший брат (Эж), старшая сестра (Эж), младшая сестра (Эж). Это – предельно возможный набор категорий в 0 поколении (ср.: [1491, с. 88; 1466]). Простейший тип предполагает только 1-2 термина с глоссами «сиблинг» или «брат» и «сестра». Четыре остальных типа отражают промежуточные терминологические конфигурации, характеризуемые различной выраженностью критериев относительного возраста и пола эго.

Дж.Мёрдок зафиксировал СИБ-8 (а также чуть упрощенные СИБ-7 и СИБ-6) исключительно на американском континенте у 37 этнолингвистических общностей (карибы, тупи-гуарани, сиу, кэддо, сахаптин, коахуилтек, сери, варрау и др.). В СТР ацтеков, отоми, хуастеков и тотонаков [1907 с.78; 1911; 409], а также инков [384, с.215], аймара (XVII в.) [1600, с. 140] сиблинги строго подразделяются по относительному возрасту, полу эго и полу альтера, что дает в 0 поколении 7–8 терминов. По возрасту и полу эго делятся сиблинги в СТР зуньи [1584], лагуна [1867, с. 84], апачей [1850, с. 626]. Релевантность пола эго и относительного возраста в терминах для группы сиблингов приписывал древнеатапаскской и древнеалгонкинской СТР А.Кробер [1589, с. 604; 1587, с. 17].

У древних инков правила употребления иденонимов в зависимости от пола эго были настолько жесткими, что соблюдались, по словам Инки Гарсиласо де ла Вега, «под страхом превращения мужчины в женщину, а женщины – в мужчину» [384, с. 215].

Следующий по сложности тип – скошенновозрастной – отмечен в 6 языковых семьях и у 13 разрозненных индейских групп, а в Старом Свете у австронезийцев, корейцев, буришей, «бантоидов» (по Дж.Гринбергу), фуре и койсанов. Половозрастной и относительновозрастной типы также имеют наивысшую частотность распространения в американских СТР [1792, с. 5-7].

10.9.1. Масштабное исследование исторической динамики типов группировки сиблингов был проделано исследователями австронезийских языков и социальной организации. Базируясь на своем монографическом исследовании структур родства у тикопия, в котором он отметил значимость параметров относительного возраста и относительного пола для СТР всей Полинезии, но их неравномерное распределение в разных частях региона [1307], Р.Фирт позднее выдвинул следующий императив:

«Исходя из того, что все эти полинезийские системы суть вариации на общую тему, следует ли рассматривать тикопийскую и подобные им системы как упрощенные версии более богатого прототипа; или же они являются базовыми вариантами, а маорийская и сходные с ними системы – продуктом культурного расцвета» [1308, с. 275].

Хотя в некоторых из последующих работ отстаивалась точка зрения о прогрессивном усложнении категориальных разграничений в группе сиблингов (см., например: [1286; 1712]), в конечном итоге возобладала точка зрения, основанная на строгой лингвистической реконструкции, согласно которой протоавстронезийская (протоокеанийскоавстронезийская) СТР учитывала относительный возраст и пол эго в гораздо большей степени, нежели большинство исторически засвидетельствованных языков этой семьи (см.: [1754; 1188; 1122; 1123; 1431, с. 231-261]). В ответ на программный вопрос Р.Фирта Р.Бласт сформулировал правило, которое наиболее адекватно описывает специфику исторических трансформаций сиблинговых номенклатур в Океании:

«…Независимые изменения, которые приводят к увеличению категориальных различий, менее вероятны, чем независимые изменения, которые эти различия устраняют; особенно, если эти новые различия ассоциируются с родственными языковыми формами» [1122, с. 626].

Наши наблюдения за категоризацией в пределах группы сиблингов не только подтверждают выводы австронезеистов, но и позволяет усмотреть в их выводах общую эволюционную закономерность. Нам не известна ни одна СТР, в которой бы прослеживалось формирование категорий относительного возраста и относительного пола и, соответственно, усложнение классификации сиблингов. Везде и всюду материал наиболее оптимальным образом истолковывается как упрощение, а не усложнение сиблинговой номенклатуры. Общая эволюция СТР (в том числе в сиблинговой зоне) сопровождалась постепенным отказом от категорий «пол эго» и «возраст альтера относительно эго», причем выбывание их, видимо, шло параллельно и независимо друг от друга. Одни СТР выбирали отказ от пола эго при сохранении второго компонента; другие, напротив, отказывались от критерия возраста в 0 поколении, но «берегли» критерий пола эго.

Распределение типов сиблинговой номенклатуры лучше всего анализировать на примере нескольких близко родственных этнических групп. Так, у северных яна сиблинги делятся на 7 классов:

umāyā-na +ДмРЭм
wayêmai'mā-('nidja) -ДмРЭм
īsī'yau-na +ДмРЭж
k!atdai-na -ДжР
marī'miyau-na +ДжРЭм
k!atc'u -ДмРЭж
umāmari'mi +ДжРЭж

У южных яна (яхи) они делятся на 6 классов:

dut'yau-na +ДмРЭм
t!et'yau-na -ДмРЭм
dut'mari'mi +ДжРЭж
mari'mi'yau-na ДжРЭм
'i'si'yau-na ДмРЭж
t!et'womāri'mi -ДжРЭж

Термин *ilauyā-hi* ДжРЭм у южных яна употребляется только при передаче речи мифических персонажей) [1979, с. 154-155, 161-162]. Следуя общей логике этой номенклатуры, северные яна должны были бы иметь два термина со значением «младшая сестра» – один в речи мужчин, другой в речи женщин; тогда как яхи, по сравнению с северными яна, сократили номенклатуру еще на один термин, за счет снятия параметра «относительный возраст» с термина *'i'si'yau-na* (у северных яна *īsī'yau-na* +ДмРЭж) и с термина *mari'mi'yau-na* (у северных яна *marī'miyau-na* +ДжРЭм). Можно с достаточной долей уверенности предполагать, что в основе сиблинговых номенклатур этих групп лежала СИБ-8. Восстановить восьмой термин затруднительно, так как Э.Сэпир был не в состоянии этимологизировать сев.-ян. *k!atc'u* и *k!atdai-na*. Однако представляется возможным, что в протояна категориальная пара «-ДжРЭм – -ДжРЭж» была маркирована терминами *k!atdai-na* (-ДжР у северных яна) и *il'auyā-na* («кузен» и у северных яна, и у яхи – термин, родственный яхи *ilauyā-hi* ДжРЭм, который сохраняется в мифологических повествованиях). Ниже мы вернемся к этой номенклатуре и поймем, почему термин для «кузена» имеет отношение к реконструкции древней сиблинговой номнклатуры.

Рассмотрим теперь серию эскимосских СТР. У эскимосов р. Маккензи и Баффинова залива сиблинги делятся на, соответственно, 5 и 6 классов [1469, с. 293; 1773, с. 276 (с другой орфографией)]:

aNajua +ДмРЭм
najaa -ДжРЭм
aakaa +ДжР
aNajua +ДмРЭ
naja ДжРЭм
nukaha -ДжРЭж
aniNa +ДмРЭж
atkalua -ДмРЭж
nukaa -ДмР
anniNa +ДмРЭж
nukaa -ДмР

У эскимосов Честерфилд-Инлет в группе сиблингов выделяются 4 класса [1469, с. 294]:

aNajua +ДмРЭм = +ДжРЭж
najaa ДжРЭм
ania ДмРЭж
nukaNa -ДмРЭм = -ДжРЭж

Эскимосы-нинамиут делят сиблингов всего на 3 класса [1888, с. 182-183]:

apiak +ДмР
ataurok +ДжР
nukatceak -ДР

Здесь наблюдается та же тенденция, что и в СТР яна, а именно сокращение количества терминов. Если у яна такое сокращение производилось за счет нейтрализации параметра относительного пола, то

у эскимосов «пострадал» критерий относительного пола. В сиблинговой номенклатуре хидатса, состоящей из 7 ТР, упрощению подверглась категория «младшего брата», которая утратила спецификацию по полу эго [1718, с. 56]. В некоторых случаях распад сложнодифференцированной номенклатуры сопровождается добавлением ТР: например, у эскимосов северо-западной Гренландии сохраняется СИБ-8, но отмечены два специальных ТР для «старшего брата» и «старшей сестры» без указания на пол эго [1841, с. 79-80].

Среди юто-ацтекских номенклатур наиболее распространенным является относительновозрастной тип. Например, у северных шошонов *bavi* +ДмР, *dami* -ДмР, *badzi* +ДжР, *nami* -ДжР (то же для кузенов) [2070; 1659]. От этой модели, в которой иногда редуцируется пол младшего родственника (например, у кора [1906, с. 6]), отклоняется ацтекская номенклатура, состоящая из 7 ТР (один альтернативный) [409, с. 219]:

aac-kaaw +ДмРЭм	*aach*, *n-okic-iw* +ДмРЭж
weltiw +ДжРЭж	*pi7* +ДжРЭж
ik-kaaw -ДРЭм	*ik* -ДРЭж

Термины *aac-kaaw* и *weltiw* входят в структуру, описанную нами как «модель с сочлененным поколением», так как *aac-toon* $Р^3$м, *weltiw* $Р^3$ж, *ik-toon* $Д^3$. Как видно, в 0 поколении ацтекской системы явно присутствует параметр относительного пола, который приводит к увеличению числа терминов. Вместе с тем, заметна и редукция пола альтера в категории младших сиблингов. Значимость относительного пола сиблингов, наряду с их относительным возрастом, в ранне-, или протоютоацтекской СТР становится еще более вероятной, если обратиться, с одной стороны, к СТР тараумара, где *batcí* +ДмР, *boní* -ДмР, *gotcí* +ДжР, *waí* -ДжРЭм, *biní* -ДжРЭж [1100, с. 220] и к СТР хопи, где *ibaba* +ДмР, *iðqöqa* +ДжР, *itö'pquð* -ДмР, -ДжРЭж, *icīwa* -ДжРЭм (с показателем 1 л. ед. ч. в начале слов) [1670, с. 368]. Нам представляется, что СТР ацтеков, подвергшаяся наибольшей среди всех юто-ацтекских систем трансформации с точки зрения кроссреципрокности и имеющая только сенексореципрокные структуры (ср.: [409, с. 226], сохранила наиболее приближенную к древнейшей классификацию сиблингов.

В австронезийском мире, насколько можно судить, максимально дифференцированные сиблинговые номенклатуры не превышают 6 терминов (тип 11 у М.Маршалла): например, на о-ве Малекула (Вануату, Меланезия) у лагалаг *mame* +ДмРЭм, *tungangk* +ДжРЭж, *havungk* -ДмРЭм, *naaruongk* -ДжРЭж, *manungk* ДжРЭм, *vövönungk* ДмРЭж; у лараваг *mamwe sog* +ДмРЭм, *tugangk* +ДжРЭж, *seno* -ДмРЭм, *nagaruongk* -ДжРЭж, *manungk* ДжРЭм, *vivinungk* -ДмРЭм [1712, с. 624]. От них методом нейтрализации оппозиций (с сохранением одних терминов и утратой или заменой других) выводятся, например, другие малекульские системы с 4 терминами: ламбумбу *tuangk* +ДхРЭх, *tasungk* -ДхРЭх, *manungk* ДжРЭм, *vivinungk* ДмРЭж; сеньанг *tuangk* (*milamp*) +ДхРЭх, *tesungk* (*milamp*) -ДхРЭх, *mwenengk* ДжРЭм, *venengk* -ДмРЭж; сенбарей *avwa sungk* +ДхРЭх, *tasingk* -ДхРЭх, *mwenengk* ДжРЭм, *vevenungk* ДмРЭж; несан *vavwa* +ДхРЭх, *tatangk* -ДхРЭх, *nemwag* ДжРЭм, *vivingk* ДмРЭж [1712, с. 624]. Обращает на себя внимание тот факт, что у лам-

бумбу и сеньанг значение +ДхРЭх развилось на основе термина *tungangk* +ДжРЭж (возьмем в качестве протоформы лагалагские и лаваратские лексемы), а у сенбарей и несан – на основе *mame* (*mamwe sog*) +ДмРЭм.

К австронезийскому (полинезийскому) ареалу примыкает сиблинговая терминология айнов. В списках Дж.Мёрдока не нашел отражения случай функционирования СИБ-6 у айнов р. Сару (о. Хоккайдо) [1880; 821, с. 120]. Стандартная СТР айнов, зафиксированная в 1960-е гг., включает в себя 5 терминов для сиблингов: *yupi* +ДмР, *aki* -ДмР, *saha* +ДжР, *mataki* -ДжРЭж, *matapa* -ДжРЭм. На основании сходства между *aki* -ДмР, *mataki* -ДжРЭж и *matapa* -ДжРЭм и учитывая, что формант *mat-* означает «женщина», Ф.Пенг сделал естественный вывод о том, что ранее айны подразделяли группу сиблингов на 6 категорий, т.е. термин **apa* означал -ДмРЭм, а термин *aki* -ДмРЭж [1880, с. 90-91]. Таким образом, айнская СТР демонстрирует процесс редукции категориальных различий в группе сиблингов за счет нейтрализации переменной «пол эго».

10.9.2. С убыванием переменной пол эго образуется относительновозрастная модель (+ДмР, +ДжР, -ДмР, -ДжР). С убыванием возрастного критерия сильнодифференцированный тип упрощается до 4 терминов с образованием относительнополовой номенклатуры (ДмРЭм, ДмРЭж, ДжРЭм, ДжРЭж), киральной относительновозрастной модели. На основе относительнополовой номенклатуры в дальнейшем складывается скошеннополовая модель, при которой доминируют категории «альтер одного пола с говорящим», «альтер противоположного говорящему пола» (ДмРЭм – ДмРЭж – ДжРЭм – ДжРЭж → ДхРЭх, ДхРЭу). У тболи (Флорес) фиксируется номенклатура, занимающая промежуточное положение между относительновозрастной, относительнополовой и скошеннополовой типами: *twogu* +ДмРЭм = +ДжРЭж, *twoli* -ДмРЭм = -ДжРЭж, *libun* ДжРЭм, *logi* ДмРЭж [1280, с. 221-222). Такую же структуру имеет сиблинговая номенклатура ата-манобо (Филлипины): *hari* -ДмРЭм = -ДжРЭж, *kakoy* +ДмРЭм = +ДжРЭж, *maqama* ДмРЭж, *ataboy* ДжРЭм [1280, с. 148-149]. У их близких родственников котабато-манобо сиблинговая номенклатура сократилась до двух терминов, этимологическая связь которых с ата-манобскими очевидна: *hadi* -ДР, *kakay* +ДР [1280, с. 152]. Принцип относительного возраста возобладал на приципом относительного пола. Процесс перехода от относительнополовой номенклатуры к бинарной модели с учетом пола эго, т.е. «ДхРЭх – ДхРЭу», можно увидеть, например, в СТР луаниуа и пелау (о. Онтонг-Ява): *kaina* ДжРЭж, ‘*ave* ДжРЭж, ДмРЭж [1496, с. 412].

Относительновозрастная модель явилась прототипом для *половой модели*, в которой релевантностью обладает только пол альтера (+ДмР – +ДжР – -ДмР – -ДжР → ДмР, ДжР). Превращение четырехчастной структуры в бинарную «ДмР – ДжР» можно отметить также у венгров, СТР которых, испытав воздействие со стороны восточноевропейских систем, утратила «скольжение» и, соответственно, значимость критерия «относительный возраст». Именно относительновозрастную модель предлагается считать прообразом двухчастной номенклатуры «ДмР – ДжР», характерной для большинства ИЕ СТР (см.: [288; 289]).

Относительновозрастная модель сохраняется до сих пор, например, в индийской и сингальской СТР [1338, с. 102-103; 272]; следы ее видны в латыш. *masa* +ДжР, алб. *motrë* +ДжР, болг. вокат. *бати* +ДмР, *кака* +ДжР, *дода* -ДмР, *нана* -ДжР [222, с. 65], рус. диал. *няня* +ДжР [1227, с. 465, 497; 366].

10.9.3. От относительновозрастной ситуции отдельная линия развития ведет к формированию бинарной структуры «+ДР – -ДР» (*возрастной тип*), причем младшая пара первой имеет тенденцию к утрате критерия пол альтера (ср. ст.-морд. *туган* -ДР; камасин. *kǎrǎ* +ДмР, *pǎbǎ* +ДжР, *pƧi* -ДР [845, с. 65-66]).

Дальнейшим развитием схемы ДхРЭх – ДхРЭу явилось исчезновение вместе с категорией «пол эго» категории «пол альтера», до этого имевшей весьма устойчивое выражение, и формированием *недифференцированного типа*. Эта трансформация имела место в североафриканском (афразийском) и кавказском (дене-кавказском, если принять гипотезу С.Л.Николаева, С.А. Старостина и Дж.Бенгстона о родстве кетского, баскского и бурушаски северо-кавказским и тибето-бирманским языкам) регионах, где пол сиблинга не выражен в корневой морфеме и передается с помощью классных показателей (например, аваро-анд. *вац* ДмР, *йац* ДжР, абх. *аша* ДмР, *ahoša* ДжР, ингуш. *jaša*, *voša*, дидойск. *esiu*, *esu* ДР + *axugani* «самка (животного)» или *gulučini* «самец»)[191]. У кетов (ср. котск. *popēš* ДмР, *popēča* ДжР [827, с. 223]; там же реконструкции терминов для прасевернокавказского, прадагестанского, праабхазо-адыгского, пратибето-бирманского) и басков также ДмР = ДжР [1652, с. 267]. У буришей также зафиксирована относительнополовая модель, но в отличие от сванской номенклатуры у них произошла минимальная категориальная редукция с появлением категории «сиблинг одного пола с говорящим» (ср.: *hulus* ДмРЭж, *yΔst* ДжРЭм, *Δčo* ДхРЭх) [1652, с. 348, 380]. Последнюю форму, *Δčo* ДхРЭх, можно сопоставить с прасеверокавказским (ПСК) **u-ić*^{h}*w/i/* ДмР, **r-ić*^{h}*wΔ* ДжР (с переменным классным показателем; ср. также ПСК **w-ić*^{h}*w/i/* «брат/сестра животного») [827, с. 223] (без сравнения с бурушаски) и предположить, что бурушаски сохраняет древнюю для этой макросемьи (на-дене мы здесь не рассматриваем) терминологическую структуру, из которой северокавказские языки взяли один термин с исходным значением «сиблинг одного пола с говорящим» и утратили параметр относительного пола. Как кажется, такое исходное значение может объяснить отмечаемое С.А.Старостиным чередование классного показателя *j* в начальной и конечной позиции в прадагестанском (**ć*^{h}*wijΔ* ДжР > бежт. *is* ДмР, *is-i* ДжР при альтернативном **r-ić*^{h}*wΔ* ДжР) [там же][192], так как относительнополовой термин учитывает как пол эго (маркированный, предположим, в анлауте), так и пол альтера (в ауслауте). Для этого географическо-лингвистического ареала также характерно корневое неразличение категорий Дм и Дж (ср. протоенисейск. **pu'n* Дж, **pu'b* Дм [827, с. 199; с праабхазо-адыгскими параллелями]; буруш. *ye* Дм, *Δi* Дж [1652, с. 353, 381; 431, с. 31]; ингуш. *woe* Дм, *yoe* Дж, чечен. *wuoe* Дм,

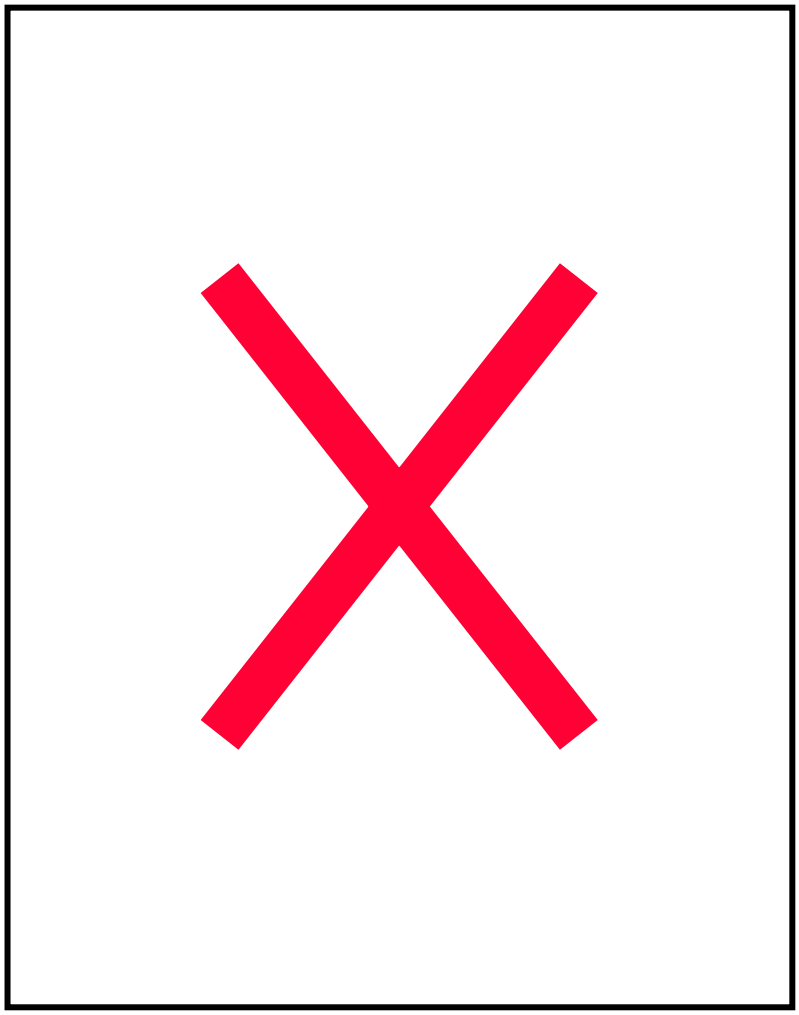
yuoe Дж, авар. *wa-sh* Дм, *ya-sh* Дж с классными показателями (из: [1029, с. 156-159]).

Сванская СТР сохранила четырехчастную относительнополовую структуру (*semil* ДмРЭж, *udil* ДжРЭж, *muxwbe* ДмРЭм, *dacwir* ДжРЭм [966, с. 28]), которую предлагается считать предковой для картвельских структур, основанных на общей корневой морфеме. У сокотрийцев (афразийская семья) фиксируется относительновозрастная модель с противопоставлением старшего сиблинга младшему сиблингу при корневом тождестве ТР для старшего мужского сиблинга и старшего женского сиблинга (*qāqa* -ДР, *nínhi* +ДмР, *énna* +ДжР) при альтернативном обозначении сиблингов с использованием общесемитского корня и общесемитской недифференцированной структуры (*'á^{c}ha* ДмР, *'e^{x}het* ДжР при араб. *'ah*, *'uht*) [624, с. 80]. Сокотрийские номенклатуры интересны тем, что корневое неразличение пола альтера характеризует несколько ключевых иденонимов: ср. *bérhe* Рм, *bēre* Рж (сохраняется в горных районах, где ТР консервативна), *dēdo* ДмРРм, *dēdoh* ДжРРм, *hélo* ДжРР, *'íbri* ДмДР, *'íbrit* ДжДР [624, с. 79, 83-85].

10.9.4. Таким образом, на сегодняшний момент исходной конфигурацией в 0 поколении следует признать сильнодифференцированную, т.е. такую, для которой релевантны одновременно пол эго, пол альтера и возраст альтера относительно эго и которая состоит из 8 ТР (+ДмРЭм, +ДмРЭж, +ДжРЭм, +ДжРЭж, -ДмРЭм, -ДмРЭж, -ДжРЭм, -ДжРЭж). Обобщенная схема исторического развития способов реализации категорий пола и возраста в 0 поколении СТР (СИБ-8 → относительновозрастной, относительнополовой → половой, возрастной, скошенновозрастной → недифференцированный) приобретает следующий вид (схема 11).

Следует подчеркнуть, что многие СТР демонстрируют различные переходные между этими моделями ситуации, что связано с постепенностью терминологической трансформации. Именно эти переходные ситуции и сгруппированы в типологии Дж.Мёрдока в «половозрастной» тип. Им также не выделяется в отдельные типологические единицы половой, возрастной и недифференцированный типы. Общее содержание представленного на схеме 10 процесса можно сформулировать как поэтапное проникновение реципрокности в 0 поколение и превращение кроссгенерационной суперреципрокности во внутрипоколенную суперреципрокность. Впервые реципрокность появляется в 0 поколении на этапе «ДхРЭх – ДхРЭу», но здесь она осложнена критерием пола эго. Этап «ДР» – этап предельной значимости внутрипоколенной реципрокности. В ситуации «ДмР – ДжР» реципрокность несколько слабее за счет восстановления переменной «пол альтера». При наложении иденологической типологии на реляционную типологию выясняется, что СИБ-8 имеет в качестве своей параллели кроссгенерационную гиперреципрокность: предельная категориальная дифференцированность в 0 поколении идеально соответствует предельной нейтрализации межпоколенных различий. Критерии пола эго и относительного возраста, играющие структурообразующую роль в 0 по-

Схема 11



колении, не менее важны для упорядоченного и детального соотнесения межпоколенных реципрокатов в гипер-, супер- и среднереципрокных моделях (см. выше СТР юто-ацтеков, саамов, викмункан и др.). Хотя нельзя сказать, что все СТР должны в обязательном порядке рано или поздно стать недифференцированными по своей сиблинговой классификации, но унилинейность в исторической типологии сиблинговых номенклатур – тенденция универсальная, и каждая стадия в

развитии номенклатуры будет более упрощенной, чем предыдущая. Опираясь на наблюдения исследователей СТР этнических общностей Океании, отмечающих более значительную по сравнению с десцентными группами роль, которую в этом регионе играют непосредственно связанные с землепользованием сиблинговые группы (см.: [2030; 1013]), можно предположить, что прогрессивное упрощение сиблинговой номенклатуры связано с переходом от стадии ойкуменического родства к стадии классификационного родства и далее к стадии описательного родства.

В некоторых зонах кроссгенерационная суперреципрокность и суперреляционность в 0 поколении обнаруживают междиалектную комплементарность. С феноменом междиалектной комплементарности, т.е. рассредоточения грамматических и семантических параметров протосистемы в номенклатурах родственных по языку и культуре групп, мы уже сталкивались, когда наблюдали присутствие рефлекса -2 поколения ПИЕ **HauHos* в древнеирландском, а рефлекса +2 поколения этого корня в других ИЕ языках (но не в кельтских); и когда обнаружили сопоставимость сев.-ян. *k!atdai-na* -ДжР и яхи *ilauyā-hi* ДжРЭм как одинаково трансформированных частей прото-янской сиблинговой номенклатуры. В СТР ацтеков 0 поколение оформлено 7 терминами, а из межпоколенных реципрокных моделей сохранилась только сенексореципрокная, тогда как в целом юто-ацтекские СТР богаты супер- и среднереципрокными моделями, сочетающимися со слегка упрощенными сиблинговыми номенклатурами. СТР хопи, при своей общей «прогрессивности», сохранила архаичный способ классификации сиблингов по полу альтера, полу эго и возрасту: -ДмР = -ДжРЭм, -ДжРЭм, +ДмР, +ДжР [1134, с. 368]. Принцип междиалектной комплементарности действует и для всей дистрибутивной структуры кроссреципрокности и суперреляционной сиблинговой номенклатуры (СИБ-8, СИБ-7, СИБ-6): на территории Америки этносы и языковые группы, демонстрирующие супер- и среднереципрокность, как правило, имеют сжатую сиблинговую номенклатуру; в то время как этносы и языковые группы, в которых представлены СИБ-8, СИБ-7 и СИБ-6 обычно бедны кроссреципрокностью (например, кроссреципрокность не зафиксирована ни у одного представителя семьи сиу, однако дакоты и хидатса обладают СИБ-8 и СИБ-7).

10.10. Согласование иденологической и генеалогической типологий систем терминов родства

10.10.0. Согласно принятой генеалогической типологии, исходный бифуркативный тип номенклатуры трансформируется в бифуркативно-линейный и инкорпорирующий, которые, в свою очередь, дают линейный тип. В отличие от Г.Доул, которая выдвинула в качестве самостоятельной типологической единицы «бифуркативно-генерационный тип» (бифуркативный в +1 поколении и инкорпорирующий в 0 поколении) [1248], мы расцениваем случаи соприсутствия в разных поколениях (или в разных частях одного поколения) бифуркативного и небифуркативных типов (так же как и линейной и нелинейных конфигураций) как

соостояние типологической гетерогенности СТР. Иными словами, употребляя термины «бифуркативный тип», «линейная модель» и т.п., мы имеем в виду не всю СТР и не принимаем за данность типологическую однородность любой СТР, а указываем на принципы группировки категорий, которые могут либо единолично господствовать в номенклатуре, либо пересекаться с другими моделями.

В бифуркативной (*Bifurcate Merging*) модели мы будем различать два варианта: *бифуркативно-степенной* с традиционными для бифуркативного типа уравнениями [Рм = ДмРРм] ≠ ДмРРж, [Рж = ДжРРж] ≠ ДжРРм для +1 поколения, [ДР = ДДхРРх] ≠ ДДхРРу для 0 поколения; и *бифуркативно-гендерный* тип с уравнениями [Рм = ДжРРм] ≠ ДмРРм, [Рж = ДмРРж] ≠ ДжРРж для +1 поколения. Бифуркативно-гендерный тип – редкая терминологическая структура: ср. др.-майяск. *кит* Рм, ДжРРм [136, с. 76], нариньин и вунамбал Рж = ДмРРж [1676, с. 75, 78], у коронго и туллишей (Кордофан) ДмРРж (соответственно, *renim* и *ririma* < *riye nyima*) обозначается ТР, сходным с ТР «мать» (*nīm* и *nyima*) [1796, с. 279-280]. Чаще всего бифуркативно-гендерный тип реализуется в виде дефинитивных конструкций типа «женский отец» (ДжРРм), «мужская мать» (ДмРРж) (см. 10.7.1.).

Согласно устоявшейся традиции стадиально-формационного атрибутирования исторических типов СТР, линейные (*Lineal*) номенклатуры признаются вторичными системами, соответствующими вторичной (классовой) формации. Они являются конечным этапом исторической трансформации СР и знаком текущей стадии в эволюции социально-экономических отношений [466, с. 54, 64; 230, с. 13-15; 686, с. 52-53; 693, с. 148-149]. Парадигма, жестко увязывающая принципы группировки родственников со стадией развития общества, не находит удовлетворительного объяснения присутствию линейных терминологий в экономически отсталых группах (например, у бушменов, андаманцев, семангов, эскимосов и др.). Г.Доул предлагала разграничить три варианта линейного типа, в которых разный уровень развития обществ отражается в разных способах классификации альтеров ±2 поколения и боковых альтеров 0 и ±1 поколений Примитивный изолирующий обозначает их всего двумя-тремя общими терминами в зависимости от возраста и пола; вторичный изолирующий противопоставляет сиблингов кузенам, но разграничивает все классы родства в ±1 поколениях; современный изолирующий тип противопоставляет сиблингов кузенам, а родителей – сиблингам родителей с учетом их пола (см. 3.1.). Первый вариант Г.Доул плохо обеспечен фактическим материалом, роль же «приобретения малой семьей независимости от членов линиджа или родовой общины и вступления ею в непосредственные взаимоотношения с государственными структурами» [1245, с. 424] в формировании специфических черт евроамериканских линейных номенклатур по сравнению с другими линейными терминологиями остается малопонятной. Традиция рассмотрения линейного типа как некоего «венца» в эволюции номенклатур родства начинает вызывать критику как несущее в себе этноцентризм и эволюционный детерминизм (см.: [449;

2124]). Исследователи отмечают, что линейная терминологическая структура не менее адекватно соотносится с изолированностью малой семьи в экономической организации бушменов или эскимосов, чем с изолированностью малой семьи в экономической организации европейцев; что линейные системы могут трансформироваться (обратно) в инкорпорирующие или бифуркативно-линейные в случае возникновения экологических условий, способствующих большей интеграции родственников; и что можно ожидать присутствие всех 4 основных генеалогических типов СТР уже на донеолитической стадии [449, с. 142]. В дальнейшем под «линейным типом» мы будем понимать несколько терминологических вариантов, объединенных общим свойством разграничения специальными терминами прямой линии родства (категорий «отца» и «матери» в +1 поколении и сиблингов в 0 поколении) в сочетании с действием принципа слияния в коллатеральной группе (среди сиблингов родителей в +1 поколении и среди кузенов в 0 поколении). В составе линейного типа следует выделять две ключевые разновидности: *линейно-степенной тип* (воспользуемся термином Ю.И.Семенова [771; 774, с. 106]) с диагностическим уравнениями Рм ≠ [ДмРРм = ДмРРж], Рж ≠ [ДжРРж = ДжРРм] для +1 поколения и ДмР ≠ ДмДРР, ДжР ≠ ДжДРР для 0 поколения; и *линейно-гендерный тип* с диагностическими уравнениями Рм ≠ [ДмРРм = ДжРРм], Рж ≠ [ДжРРж = ДмРРж] для +1 поколения и ДмР ≠ ДмДРРм ≠ ДмДРРж, ДжР ≠ ДжДРРм ≠ ДжДРРж («бурятский тип» у Дж.Мёрдока) для 0 поколения. Представляется, что именно эти два типа линейной конструкции, определяемые не по второстепенным признакам и не в зависимости от стадии развития общества, а исходя из теоретически возможных вариантов действия принципа разграничения прямой линии при параллельном действии принципа слияния в боковых линиях, являются типологически значимыми. Дистрибуция линейно-степенной модели демонстрирует – и это до сих пор не было отмечено в трудах по типологии СТР – два компактных этнолингвистических и географических ареала распространения этой терминологической структуры. Во-первых, это индоевропейцы; во-вторых, это тай-кадайцы и австронезийцы Юго-Восточной Азии (см. Приложение I).

В дополнение к линейно-гендерной и бифуркативно-гендерной моделям, некоторые номенклатуры демонстрируют *бифуркативно-линейно-гендерную* конфигурацию, признаком которой является отождествление «сестры отца» и «брата матери» в +1 поколении и детей сиблингов противоположного пола в -1 поколении. Например, у кове (Вануату) *waha* ДмРРж = ДжРРм = СжДмРРж = СмДжРРм = ДДхРЭу [1182, с. 232]; у самоанцев *ilamutu* ДмРРж = ДжРРм [1727, с. 138].

10.10.1. По мнению Д.Эберли [1034], сильнейшая форма реципрокности сочетается с бифуркативной моделью. При этом его «сильнейшая» форма предполагает объединение только аво-, авункуло- и амитореципрокных типов с соблюдением последовательной логической реципрокности. Д.Эберли не учитывает СТР, включающие, помимо их, патруус- и матертерореципрокные модели, а эти суперреципрокные

структуры выдвигаются нами на роль более архаичных. Очевидно, что соединение в ±1 поколениях авункуло-, амито-, патруус- и матертерореципрокных форм необходимо создает бифуркативно-линейную ситуацию. Аналогичным образом, «перегруженность» 0 поколения дифференциальными признаками пола эго, пола альтера и относительного возраста создает предпосылки для неразграничения сиблингов и кузенов, т.е. для инкорпорирующей модели. Рассмотрим импликации особенностей исторического развития иденологической и реляционной парадигм для эволюции генеалогической парадигмы.

Бифуркативно-линейный тип → бифуркативный тип (+1 поколение)

10.10.2. Аргентинские арауканы демонстрируют аво-, амито- и патруусреципрокность (см. Приложение I), что, исходя из общих типологических тенденций, можно интерпретировать как свидетельство былой суперреципрокности их СТР. Трансформация бифуркативно-линейного типа в бифуркативный в +1 поколении, а также инкорпорирующего типа в бифуркативный в 0 поколении хорошо документируется в источниках по истории СТР этого этноса. В середине XVIII в. их номенклатура была инкорпорирующей в 0 поколении и бифуркативно-бифуркативно-линейной в +1 поколении. В XX в. исследователи отмечают в 0 поколении бифуркативную ситуацию с элементами МО, а в +1 – тенденцию к бифуркативности [1294, с. 14].

В СТР пуэбло-лагуна *nai'ya* РжЭм, ДжРРжЭм, ДжДжРЭм, *s'amaa'k* Дж, ДжДжРЭж, ДжДмРЭм, *s'amuiti* Дм, ДмДжРЭж, ДмДмРЭм, ДмРРжЭж [1867, с. 147]. Эти ТР могли бы быть взаимными, если бы не пол эго: мужчина называет дочь женского сиблинга так же, как и женского сиблинга матери, отождествляя альтернативные поколения, но не «получая» этого же термина в ответ. Налицо расщепленно-взаимная терминология (см. 10.4.1.). Думается, что первоначально *nai'ya*, *s'amuiti* и *s'amaak* употребляли женщины, создавая матертерореципрокный тип и бифуркативно-линейную ситуацию в +1 поколении. Изменение пола эго разорвало реципрокность и привело к бифуркативной ситуации в +1 поколении (ср. также *naishdyi'ya* Рм, ДмРРм, P^3 [там же]).

Эволюционный сдвиг от бифуркативно-линейного типа к бифуркативному в +1 поколении демонстрирует СТР тева-хано, опубликованная Б.Фрейре-Марекко в 1914 г. Термины *tu'uŋu* ДмРРм, *tu'e* (-*e* – диминутив) ДДмРЭм устарели, и ДмРРм стали чаще называть *tada(vs'e)* (при *tada* Рм) [1333, с. 277-278]. Возможно, *tata* был заимствован из испанского [1454, с. 479]. При этом СТР других групп тева (сан-ильдефонсо, санта-клара, сан-хуан и намбе), напротив, к 1910-м гг. демонстрировали развитие линейной-степенной ситуации (*tu^{u}nu* ДмРР ~ *tu'ε* ДДРЭм, *kc'c* ДжРР ~ *kc'c'ε* ДДРЭж[193]) [1454, с. 487-488]. Есть все основания полагать, что бифуркативно-линейный тип в +1 поколении предшествовал бифуркативному в СТР зуньи и санто-доминго (восточные керес), и общие термины для Рм и ДмРРм, Рж и ДжРРж возникли у них относительно поздно [1869, с. 380].

Сравнительные и диахронные материалы по равнинным кри, равнинным оджибве, сарси, ассинибойнам, центральным алгонкинам также свидетельствуют о трансформации от бифуркативно-линейности к бифуркативности в +1 поколении, осуществившемся в контексте выхода этих обществ на Равнины и перехода к кочевому и полукочевому образу жизни [1269, с. 530; 1161, с. 57; 1724, с. 23]. К.Уилер попытался истолковать предложенную Ч.Хокеттом [1490] реконструкцию протоцентрально-алгонкинской СТР как бифуркативную и реконструировал для протоалгонкинского уровня «симметричный прескриптивный альянс», но упустил из виду наличие разных ТР для «матери» (**nekya*), «сестры матери» (**neθwihsa*) и «сестры отца» (**nesekwihsa*) в протоцентрально-алгонкинской реконструкции Ч.Хокетта [2186, с. 171]. Наличие бифуркативно-линейной ситуации в женской ветви +1 поколения может служить косвенным доводом в пользу бифуркативно-линейности в мужской ветви. Ч.Хокетт реконструировал три ТР для «брата отца» в протоцентрально-алгонкинском; из них К.Уилер выбрал тот, который тождественен ТР для «отца». Приводимый им довод, а именно наличие в западно-алгонкинских языках общего ТР для Рм и ДмРРм, идентичного центрально-алгонкинскому ТР для Рм, свидетельствует только о переходе к бифуркативности у первых. МСП, фиксируемая у блэкфут, шайенов и арапахо (см. 10.5.2.), маркирует бифуркативно-линейный и линейный типы группировки в мужской ветви +1 поколения. Женская ветвь +1 поколения в СТР пиеганов совершила переход к бифуркативно-степенной модели (*niksŏ'stak* «моя мать и ее сестры») (см.: [2197, с. 15]).

Переход от бифуркативно-линейности к бифуркативности в связи с распадом кроссреципрокности фиксируется у австралийских яралде и викмункан и у кильдинских саамов. У яралде при сохранении взаимных терминов для +ДмРРм = Д-ДмРЭм и -ДмРРм = Д+ДмРЭм сформировался порядок обозначения категории ДмРРм (уже без деления по относительному возрасту) через категорию Рм (*nayai* Рм = ДмРРм). В матрилатеральной ветви терминологии ВТР для сестер матери и детей сестры женщины уже не прослеживаются, и «сестра матери» сливается с «матерью» (*nengko* Рж = ДжРРж). В -1 поколении имеется термин *porle* Д = ДДхРЭх, в котором также наличествует бифуркативность. Формирование бифуркативно-степенной номенклатуры (также в 0 поколении) сопровождалось полным распадом авункулореципрокности и исчезновением специальных ТР для +ДмРРж = Д-ДмРЭж и -ДжРРм = Д+ДмРЭж (см.: [1899, с. 233-234]).

У викмункан «отец» и «младший брат отца» образуют одну группу «отцов» и обозначаются ТР *pip* (т.е. Рм = -ДмРРм). При этом -ДмРРм могут также обозначаться ТР *pip mäny'* букв. «маленькие отцы» или *pip emätt* букв. «растущий отец» и противопоставляться в такого рода конструкциях термину *pip wunpun* «настоящий отец». Старший брат отца исключается из группы «отцов» и обозначается термином *pinya*, который образует реципрокную пару с ТР *pinyaya* Д-ДмРЭм. Аналогичным образом, в -1 поколении «дети старшего брата» слились в одну категорию с «детьми» (*nengka*) [2107, с. 384; 1685, с. 442]. Черты СРВМ регулярно

обнаруживаются в СТР аборигенов п-ова Кейп-Йорк (10.2.3.), и это заставляет видеть в СТР викмункан трансформацию от бифуркативно-линейной системы к бифуркативно-степенной (начиная с категорий Рм и -ДмРРм).

Если общесаамская номенклатура характеризуется СРВМ (10.2.3.), то в этом диалекте «брат отца» ассимилируется с категорией «отца», а «сестра матери» – с категорией «матери». Если отец обозначается ТР *aDtsE*, то «младший брат отца» – редуплицированной формой *tsieDtsE*, а «старший брат отца» – заимствованным из русского *ded'a* (при коль.-саам. *ēгкь)*. В женской ветви +1 поколения полностью сохраняется древняя модель: мать называется *ʲenne*, «старшая сестра матери» – *kóăskE*, а «младшая сестра матери» – *muDtE'* В 0 поколении кильдинско-саамской номенклатуры утвердился линейный способ обозначения сиблингов, за которым угадывается инкорпорирующая модель (*vil'l* ДмР, *'uд^{н}pen* ДжР, *vil'l-Bielle* ДмДРР, *'uд·B'iell* ДжДРР) (см.: [1129, с. 114]; саамские формы приводятся здесь в упрощенной нотации). Кильдинские саамы демонстрируют один из способов трансформации бифуркативно-линейной модели в бифуркативно-степенную, когда один из однополых сиблингов породителей начинает сливаться с самим породителем. Сопоставление саамских и финно-угорских форм (см. 10.6.5.) также указывает на такой способ разложения ВТР, как семантическую «стыковку» категорий «дедов» и «бабок», с одной стороны, и категорий сиблингов породителей – с другой.

СТР лагуна, тева, яралде, викмункан, саамов демонстрируют первичный этап перехода от бифуркативно-линейности к бифуркативности в +1 поколении, связанный с распадом ВТР. Такие системы, как шошонская и капауку могут послужить иллюстрацией завершения этого перехода при сохранении аво-, авункуло- и амитореципрокности; япская (Королинские о-ва), тикопийская и ашантийская СТР – иллюстрацией дальнейшего распада кроссреципрокности и формирования генерационного скоса при сохранении бифуркативности или переходе к инкорпорирующей системе в ±1 поколениях.

Шошоны (юто-ацтекская семья), группа Снейк-Ривер

[2070]:

guno РмРм	*guno* ДДмЭм
hutsi РжРм	*hutsi* ДДмЭм
dogo РмРж	*dogo* ДДжЭм
gago РжРж	*gago* ДДжЭм
ada **ДмРРж**	*ada* **ДДжРЭм**
baha **ДжРРм**	*baha* **ДДмРЭж**
***apu* Рм**	
***aputsi* ДмРРм**	***dua* Дм, ДмДмРЭм, ДмДжРЭж**
***bia* Рж**	***bedu* Дж, ДжДжРЭж, ДжДмРЭм**
***biatsi* ДжРРм**	

Сравнение с СРВМ показывает, что в истории шошонских СТР имело место 1) сохранение кватроавореципрокности; 2) редукция авункуло- и амитореципрокности за счет утраты переменной «относительный возраст альтера» в +1 поколении и «относительный возраст коннектора» для -1

поколения; 3) полная утрата патруус- и матертерореципрокных моделей с присоединением категории «брат отца» к категории «отца», а категории «сестра матери» к категории «мать» (они по-прежнему разграничиваются лексически, так как ДмРРм и ДжРРж обозначены дифинитивными терминами). Соответственным изменениям подверглись и категории -1 поколения. Это означает формирование бифуркативно-степенной модели на основе ранней бифуркативно-линейной.

Капауку (трансновогвинейская семья)

[1887, с. 194-200]:

ani тиита **РР**	*ani тиита* **ДД**
паата **ДмРРж**	*паата* **ДДжРЭм**
ani ooka **ДжРРм**	*ani ooka* **ДДмРЭж**
naitai **Рм**	
naita **ДмРРм**	
niikai **Рж**	***joka*** **Д, ДДхРЭх**
niika **ДжРРж**	

Перед нами такая же ситуация, как и в СТР шошонов с той важной разницей, что в СТР капауку в ±2 поколениях вместо 4 ТР наличествует всего один (униавореципрокность). Не приходится сомневаться в том, что капауку кардинально редуцировали авореципрокную номенклатуру.

Япцы (австронезийская семья)

[1994, с. 39-40]:

tutu **РмР**	***tungin*** **ДД**
toitAuw **РжР**	
wa'Engog **ДмРРж**	*wa'Engog* **ДДжРЭм**
citimongog **Рм, ДмРРм, ДмДжРРм**	
citiningog **Рж, ДжРРж, ДжРРм**	***fAkAg*** **Д, ДДмР, ДДмРРж, ДДжРЭж**

Заметно, что с сокращением ТР в ±2 поколениях авореципрокность была СТР япцев утрачена, хотя можно предполагать, что редуплицированный термин *tutu* РмР скрывает более ранний термин, тождественный термину *tungin* ДД. Авункулореципрокность продолжает иметь место (ТР *wa'Engog*), но уже в контексте бифуркативности в мужской «ветви» +1 поколения. Авункулореципрокность препятствует формированию инкорпорирующей модели в мужской «ветви» ±1 поколений, в то время как в женской ветви этот процесс завершился, и категория «сестра отца» уже стала частью семантики термина *citiningog*. В нисходящих поколениях фиксируется МК, которая не имеет своего коррелята в женских категориях восходящих поколениях; можно предполагать, что до слияния ДжРРм с [Рж = ДжРРж] ДжРРм отождествлялась с Д(ж)ДжРРм, так как к моменту записи Д.Шнайдером япской СТР Рм у них отождествлялся с ДмРРм и с ДмДжРРм.

Ашанти (нигеро-кордофанская семья)

[689, с. 90]:

nana **РР**	*nana* **ДД**
wofa ДмРРж	*wofase* ДмДжР
*wofa**sewa*** ДжДжР	
osewa **ДжРРм**	
agya **Рм**	
agya kakra **ДмРРм**	***oba*** **Д**
ena **Рж**	
ena kakra **ДжРРж**	

В ашантийской системе в ±2 поколениях номенклатура подверглась редукции до униавореципрокности с образованием редуплицированного ТР *nana*. Авункулореципрокность сохраняется, хотя альтеры -1 поколения снабжены дополнительным аффиксом -*se* (-*sewa*). Амиторецип-рокность распалась, а однополые сиблинги породителей присоединились к породителям (см. также 10.10.12.).

Тикопия (австронезийская семья)

[1307, с. 248-249]:

tu*puna* (*puna*) **РР**
*tama****na*** **Рм, ДмРРм**
nana **Рж, ДжРРж**
tuatina **ДмРРж**
masikitanga **ДжРРм**
mako*puna* **ДД**
tama **Дм, ДмДмР**
tamafine **Дж, ДжДжР**
iramutu **(*tama tapu*) ДДжР**

Как и в СТР ашантийцев, в ±1 поколении номенклатура минимально дифференцирована. Общий корень *puna* еще различим в обозначениях «дедов» и «внуков», хотя уже не осознается носителями языка. Пара «*tama* – *tamana*» несут на себе черты патрореципрокности. Термин *iramutu* является ключом к прошлому состоянию системы, так как в других полинезийских языках (например, луаниуа и пелау) он обозначает ДмРРж = ДДжРЭм (у маркизцев *i'amutu* ДДхРРу с генерационным скосом [1307, с. 280]); однако у тикопия ТР для ДмРРж подвергся замене на дифинитивную конструкцию с основой в виде термина **ina* Рж, который был редуплицирован в *nana*. Система носит чисто бифуркативный характер с зачатками инкорпорации в -1 поколении, так как ТР *iramutu* постепенно вытесняется ТР *tama tapu*, букв. «священное дитя», в виду привилегированного положения «сына сестры» в тикопийском обществе. Видимо, как и многие другие полинезийские системы, тикопийская СТР «дрейфует» в направлении типологического выравнивания 0 (инкорпорирующий тип) и ±1 поколений.

Как мы видели (см. 8.1.), у диери в рамках статусной подсистемы имеет место переход от бифуркативно-линейной модели в +1 поколении к бифуркативной модели с исчезновением деления боковых альтеров по возрасту. Такая же ситуация зафиксирована в аффективной подсистеме кавайису и тюбатулабал с разложением СРВМ (см. 10.2.3.): ср. тюб. *ana* Рм (до смерти ребенка), *kumu* Рм (после смерти ребенка) (= +ДмРРм = +СмДжРРж); кав. *muwuni* Рм (до смерти ребенка), *kuguni* Рм (после смерти ребенка) (= +ДмРРм = +СмДжРР) [1360, с. 221-229]). Ассимиляция значения Рм термином для +ДмРРм видна при сравнении с СТР тараумара, где *kumútci* +ДмРРм = Д-ДмРЭм, *onó* Рм (ПЮА **na* > тюб. *ana*, тараум. *onó*). У киргизов до смерти деда отец называется *аке*, т.е. так же, как +ДмРРм (при *maj аке* ДмРРж); после смерти деда он становится *ата* [318, с. 8, 9, 12], т.е. происходит переход (фиксируемый существующими типологиями) от инкорпорирующей ситуации в +1 поколении к линейно-степенной. Эти случаи, видимо, можно рассматривать как свидетельствующие о том, что эволюционные процессы, затрагивающие аффективную и статусную подсистемы родства не составляют исключений из общих тенденций развития СТР.

Инкорпорирующий тип → бифуркативный тип (0 поколение)

10.10.3. А.Лессер отмечал, что в ТР тетон-дакотов специальные термины для кросскузенов, заимствованные из терминологии свойства, пришли на смену обозначению кросскузенов как сиблингов [1631, с. 564].

Сравнение списков иденонимов языка тонкава, составленных в 1884 г. и 1933 г., показывает, что в +1 поколении бифуркативно-линейная система из шести терминов для родителей и их сиблингов сменилась бифуркативной системой из четырех терминов [2128, с. 323].

В майяских языках инкорпорация в 0 поколении сменилась бифуркативностью после того, как, в связи с появлением нормы кросскузенного брака, термин для сестры-кузины сузился до значения кросскузины, а затем приобрел значение «жена». Это выразилось в том, что юкатекские формы для «жены» (юкат. *atan*) регулярно соответствуют чольским терминам для «сестры» (чорти *ihtan* «сиблинг», чолти /предок чорти/ *itan* «сестра», чоль *ihtiʔan* «сестра мужчины»). [1324, с. 406]. В этом контексте становится понятным называние жены «сестрой» у хупа, атапасков Медвежьего озера [1262, с. 185-186], тайцев [1425], а также сохранение древнего ТР для «сестры» в виде ТР для «кузена» у северных и южных яна (см. 10.8.1).

Судя по имеющимся материалам (см.: [2068; 2070; 1583; 1360; 1361; 1759]), практически все СТР юто-ацтеков обнаруживают инкорпорирующую модель со стабильным делением по относительному возрасту. Никаких указаний на трансформацию ее из бифуркативной нет. Отдельные случаи присутствия альтернативных способов обозначения кросскузенов – как сиблингов и отдельными ТР –, как, например, у госьютов Скалл-Вэлли, у которых Дж.Стюард в 1930-х гг. зафиксировал специальные ТР для ДмДжРРм и ДжДжРРм [2070], следует, как кажется, рассматривать как этап перехода от инкорпорирующей стадии к бифуркативной, а не наоборот (матрилатеральные кросскузены у Скалл-Вэлли по-прежнему группируются с сиблингами). К 1980-м гг., по сообщению У.Миллера, госьюты имели бифуркативно-степенную номенклатуру в 0 поколении [2023, с. 626] (хотя непонятно, относилось ли это высказывание ко всем группам). Анализ СТР нескольких групп северных шошонов [290] показывает, что кросскузены обособляются от сиблингов и ортокузенов только у шошонов Снейк-Ривер. Для них появляются специальные обозначения *dui* ДмДхРРу и *amasautдри* ДжДхРРу (см.: [2070, таблицы]). ТР *amasautдри* образовано от слияния двух основ – соматонима *ama* «верхняя часть тела» и *sauma* [2070, с. 295]. *Sauma* у шошонов Снейк-Ривер не употребляется, оно было заимствовано ими у западных шошонов, в ТР которых этот ТР нормативно обозначает женского сиблинга. Термин *sauma* был также заимствован северными шошонами группы Форт-Холл. У них при сохранении древнейшего членения группы сиблингов на четыре относительновозрастных компонента этот термин стал альтернативным обозначением только женских сиблингов и ортокузенов без деления по возрасту, а у производного от *sauto* ТР *sautopu* возникло индивидуальное значение

«женский сиблинг». ТР *dui* обладает общелексическим значением «маленький» и родственнен общесеверношошонскому *dua* Дм = ДмДхРЭх. Что мы обнаруживаем здесь, так это определенную форму генерационного скоса, при которой кросскузены терминологически понижаются в своем поколенном или возрастном статусе. В связи с тем, что такому понижению у снейк-ривер подверглись кросскузены, еще не подразделившиеся на патри- и матрилатеральных, данный пример генерационного скоса следует квалифицировать как МП, а не МКО.

У беллона (центральные Соломоновы о-ва) переход к кросскузенному браку и изменение терминологии 0 поколения с инкорпорирующей на бифуркативную зафиксирован в устной традиции. Как пишет Т.Монберг,

«кросскузены считаются у беллона “близкими родственниками”, но обычно они не классифицируются формально как классификационные сиблинги. Родители иногда настаивают на том, чтобы их дети, приходящиеся друг другу кросскузенами, женились друг на друге, укрепляя тем самым политический союз между двумя линиджами. Согласно беллонским преданиям, браки между кросскузенами были табу порядка 11 поколений назад, когда население о. Беллона резко упало в численности из-за жестоких войн между линиджами и брак между близкими родственниками стал необходимым средством выживания группы. Кросскузены, прежде называвшиеся *tu-hahine* ‘действительные или классификационные сестры’ теперь стали называться *ha’anga* и брак между ними стал разрешенным» [1763, с. 249].

Эволюционная первичность инкорпорирующего типа группировки родственников по сравнению с бифуркативным недавно была обоснована Ж.-Ф.Жермонпрэ для австронезийских СТР Юго-Восточной Азии. Обрисованная им ситуация в точности соответствует той, что наблюдается в истории северно-шошонских (нумических) и полинезийских СТР:

«… Когнатные [т.е. генерационные, инкорпорирующие. – Г.Д.] формы систем родства, по крайней мере во внутренних районах Юго-Восточной Азии, не содержат никаких указаний на то, что они могли бы быть результатом исторических трансформаций. Номенклатуры родства, брачные правила и ритуалы не несут в себе никаких “аномалий”, которые могли бы свидетельствовать о более ранних некогнатных системах. Более того, коль скоро яванцы, балийцы и малайцы имеют практически ту же самую когнатную систему родства, что и группы из внутреннего Борнео и Филлипин, посылка о том, что когнатные системы возникли с появлением государства и нового способа производства, не является истинной для этой части света. Короче говоря, когнатные системы внутренней Юго-Восточной Азии на удивление гомогенны и, по всей видимости, весьма стабильны. Именно их стабильность представляет собой проблему, по крайней мере с леви-строссовской позиции… Классические теории родства породили массивный довесок в виде когнатизма, который всегда приписывался “превратностям истории”. Насколько я могу судить, во внутренних районах Юго-Восточной Азии, когнатизм противится этой мнимой историчности» [1413а, с. 287-288].

В чем мы расходимся с Ж.-Ф.Жермонпрэ, так это в оценке тенденций развития номенклатуры в ±1 поколениях: если он (с гораздо меньшим основанием) постулирует инкорпорирующий тип в качестве исходного для австронезийцев Юго-Восточной Азии и в этих поколениях тоже, то мы отдаем здесь первичность бифуркативно-линейным моделям. Ж.-Ф.Жермонпрэ сам отмечает, что 0 и ±1 поколения имеют разную историческую динамику [1413а, с. 275].

10.10.4. Напомним, что точки зрения о первичности инкорпорирующего типа СТР по сравнению с бифуркативным

придерживался Л.Г.Морган (правда, он ошибочно относил эту первичность к +1 поколению, что было опровергнуто У.Риверсом и другими), а бифуркативно-линейный тип считали исходным Р.Лоуи, который открыл эту модель [1669], и П.Кирхгоф [1570]. Ср.:

«Бифуркативно-коллатеральная система была обойдена вниманием теоретиков, хотя ее присутствие в Северной Америке неоднократно отмечалось…. Обнаружение бифуркативно-коллатеральных терминологий открывает новую перспективу, а именно выведение бифуркативного типа из бифуркативно-линейного» [1669, с. 266].

Р.Лоуи полагал, что переход от бифуркативно-линейности к бифуркативности связано с увеличением числа сороратных и левиратных браков[194]. П.Кирхгоф ставил бифуркативно-линейный тип первым в эволюционном ряду, а инкорпорирующий – последним. Американские номенклатуры предоставляют серию хорошо документированных фактов исторического перехода от бифуркативно-линейной конфигурации в +1 поколении и инкорпорирующей конфигурации в 0 поколении к бифуркативной.

Бифуркативно-линейный тип → линейно-гендерный тип (+1 поколение)

10.10.5. М.Оплер проанализировал ВТР у южных атапасков (навахо, апачей, кайова-апачей) и пришел к выводу, что наиболее архаичный облик имеет СТР апачей-чирикахуа [1850, с. 625]. Все межпоколенные термины этой системы, за исключением ТР для Р и Д, взаимны, авореципрокных терминов насчитывается 4 (см. 10.4.1.); в +1 поколении представлен линейно-гендерный тип ([ДмРРж = ДжРРж] ≠ Рж, [ДмРРм = ДжРРм] ≠ Рм), а 0 поколение характеризуется инкорпорирующей ситуацией с двумя ТР – для сиблинга своего пола и для сиблинга противоположного пола. У мескалеро [1850, с. 626] четырехчленная авореципрокность сохраняется, а в +1 поколении ДмРРм может классифицироваться двояко: либо с Рм, либо с ДжРРм, а ДжРРж трояко: с ДмРРж (т.е. как у чирикахуа); отдельным ТР, который также обозначает приемную мать; реже всего с Рж. В соответствии с этим изменилась терминология и для -1 поколения, где ДДхРЭх уже относится к категории Д. У хикарилья [1850, с. 627] ВТР уже отсутствует, и только ДмРРж иногда называется так же, как ДмДжРЭм. В +2 поколении имеется два термина для $Р^2$м и $Р^2$ж, а в -2 поколении – один ТР для $Д^2$. В +1 поколении ДжРРж = Рж, ДмРРм = Рм, в 0 поколении ДР = ДДхРРх с различением возраста, а кросскузены имеют отдельное обозначение. В -1 поколении ДДхРЭх = Д. У западных апачей (Уайт-Маунтин, тонто, Сан-Карлос, кибеку) [1850, с. 628] все межпоколенные отношения, кроме Р–Д, оформляются как реципрокные. В ±2 поколениях имеются 4 ТР; в +1 поколении [ДмРРм = ДжРРм] ≠ Рм (линейно-гендерный тип), ДжРРж ≠ ДмРРж ≠ Рж (бифуркативно-линейный тип); в 0 поколении кросскузены отделяются от группы сиблингов и ортокузенов, делящихся по относительному возрасту. СТР навахо [1850, с. 629], как и СТР западных апачей, занимает промежуточное положение между вариантами «чирикахуа» и «хикарилья». ВТР у них выражена слабо, но следы более сильной формы

очевидны; в +1 поколении ДмРРм сливается либо с ДжРРм, либо с Рм: в первом случае термин взаимен, во втором нет, и Д = ДДмР. Чаще отождествляются ДмРРм и Рм. Сходная ситуация отмечается и с ДжРРж, которая либо отождествляется с ДмРРж, либо с Рж. В 0 поколении сиблинги сливаются с ортокузенами и противопоставляются кросскузенам. При этом релевантными в 0 поколении являются относительный возраст и пол эго.

Промежуточную форму между двумя полярными вариантами М.Оплер отмечает и у СТР кайова-апачей. М.Оплер четко фиксирует переход от бифуркативно-линейного типа в +1 поколении и инкорпорирующего типа в 0 поколении к линейно-гендерному или, реже, бифуркативному типу в обоих поколениях. На первичности в 0 поколении инкорпорирующей модели по сравнению с бифуркативной у апачей (тип «мескалеро») настаивает и Ч.Каут [1552, с. 28, 35]. М.Оплером прослеживается и другой процесс – «обратное» влияние подсистемы свойства на подсистему кровного родства при переходе от варианта «чирикахуа» к варианту «хикарилья». Это также идет вразрез с существующим представлением об изначальном терминологическом неразграничении этих подсистем в рамках «дравидийской» модели (см. 3.1.). Существование в +1 поколении бифуркативно-линейной модели группировки определяется фактом сильной реципрокности номенклатуры чирикахуа. Исходность инкорпорирующего способа группировки в 0 поколении связана со строгим делением сиблингов, орто- и кросскузенов по относительному возрасту. Проведенная М.Оплером реконструкция протоюжноатапасской СТР, с которой в существенных моментах согласуется и гипотеза Ч.Каута о протоапачской СТР, не получила признания среди атапасковедов по той причине, что навахская номенклатура – согласно их моделям развития, одна из наиболее трансформированных в южноатапаскской перспективе – обнаруживает сильное сходство с северноатапаскскими системами [1085а, с. 586], а те должны быть признаны первичными в виду теории зарождения атапаскской протообщности в южной части Аляски и северной части Британской Колумбии (см.: [1579а, с. 68; 1522]). Сразу заметим, что модифицированность СТР навахо по сравнению с СТР чирикахуа и мескалеро не лишает их общей близости к южноатапаскским номенклатурам, а лишь намечает те тенденции (прежде всего, распад кроссреципрокности), которые получают дальнейшее развитие у северных групп атапасков. Хотя производность южноатапаскских СТР от северноатапаскских утверждается *ad hoc*, противоположная точка зрения не была поддержана И.Дайеном и Д.Эберли в их фундаментальном опыте лексической реконструкции протоатапаскской номенклатуры (см.: [1262]). Они реконструируют бифуркативные структуры в 0 и ±1 поколениях в сочетании с генерационным скосом и рассматривают такие параметры, как «пол эго» и инкорпорирующую ситуацию в 0 поколении в некоторых системах как вторичные. Кроссреципрокности или, местами, феномену близкого родства ТР для альтеров ±1 и ±2 поколений этими исследователями не было уделено внимания. Между тем, наряду с

авореципрокностью (правда, чаще всего редуцированной до 2 терминов), северные и калифорнийские атапаски демонстрируют устойчивые признаки авункуло- и амиторециприкных отождествлений (см. Приложение I), а кэрриер – и патруусреципрокной модели. Если авореципрокность не влияет на характер генеалогической классификации в 0 и ±1 поколениях (обычно используемых как диагностические), то остальные формы ВТР имеют здесь решающее значение. Атрибуция протоатапаскской СТР И.Дайеном и Д.Эберли как бифуркативной в 0 поколении основывалась на разграничении ими ТР *-*onaye* «старший брат, старший параллельный кузен» и *-*ɣondeye* «кросскузен». С формальной точки зрения этот вывод оказался ошибочным: ТР *-*onaye* и *-*ɣondeye* представляют собой рефлексы одной протоформы (см.: [2008]).

В 1928 г. Дж.Рейхард, а в 1956–1960 гг. Г.Ландар отметили, что у навахо использование «отцовского» термина для ДмРРм, а терминов для «сына» и «дочери» как обозначений ДмДмР и ДжДмР, вместо термина (*ši)-bíží* ДмРРм = ДжРРм = ДДмРЭм (с притяжательным местоимением 1 л. ед.ч.) все более и более начинает считаться знаком вежливости [1926, с. 76]. Важным аспектом этого семантического перехода, возможно, является стремление говорящих быть определенными относительно пола альтера (*šìbíží* может означать и дочь сестры, и сестру отца)[195]. Сдвиг в терминологии проходил на памяти двух поколений и постепенно, на что указывают диалектные материалы: шипрок *ši˴žé˲é* Рм, мэни-фармс *ši˴žé˲é* Рм, уиндоу-рок *ši˴žé˲é* Рм (или редко *ši˴tà*, сохранившийся в молитвах), *ši˴žé˲é˴yáží* ДмРРм (букв. «тот, кто есть мой маленький отец»), также *ši˴bíží* и изредка *ši˴žé˲é* для ДмРРм [1608, с. 989]. Полевые исследования конца 1960-х гг. среди навахо фиксируют то же изменение, а также постепенный отказ от специального ТР для ДжРРж (= ДДжРЭж) в пользу ТР для Рж [2026, с. 231][196].

Атрибуция И.Дайеном и Д.Эберли протоатапаскской СТР как бифуркативной связана не с какими-то вескими лексическими основаниями, а, с одной стороны, с традицией искать в прошлом любой системы бифуркативные черты, а с другой – с существующей в этнологии на-дене предпосылкой о том, что культура южных атапасков, как мигрировавших с нынешней территории Канады в сравнительно недавнее время и воспринявших экономическое поведение жителей Равнин или оседлых пуэбло, вторична по сравнению с культурой северных атапасков. Между тем, факты свидетельствуют о том, что СТР южных атапасков (и особенно СТР чирикахуа и мескалеро) более архаичны и более приближены к древним америндским (по Дж.Гринбергу) СТР, чем номенклатуры северных общностей[197]. Соотношение между южноатапаскскими и северноатапаскскими системами заставляет серьезно рассмотреть возможность развития СТР не от бифуркативной модели к бифуркативно-линейной и(или) инкорпорирующей, а от бифуркативно-линейной модели в +1 поколении и инкорпорирующей модели в 0 поколении к бифуркативной модели. Южноатапаскские номенклатуры являются наиболее типологически дифференцированными среди атапаскских систем и содержат элементы всех тех структурных

сдвигов, которым подверглись СТР северных и калифорнийских групп на-дене. Немаловажным представляется и то обстоятельство, что в матрилатеральной подсистеме терминов родства сибирских кетов обнаруживается тот же редкий в общей типологической перспективе линейно-гендерный тип, что и у чирикахуа, мескалеро и апачей, в сочетании с авункулореципрокностью (то же у южных атапасков). Мы имеем в виду кетск. *куй* ДДжР = ДДРРж = -ДРРж [450, с. 109; 24, с. 158; 1181, с. 165]). Как показывают новейшие исследования, генетическое родство кетского языка с языками на-дене весьма вероятно (см.: [1963; 2144]).

10.10.6. Как уже отмечалось, одним из немногих регионов Старого Света, в котором распространены СРВМ (т.е. суперреципрокность в сочетании с делением альтеров ±1 поколений по относительному возрасту) является п-ов Кейп-Йорк (северная Австралия). Этими чертами в наиболее полной мере обладают СТР викмункан, канджу и йирйоронт, хотя, как мы видели (10.10.2.), у них произошел переход к бифуркативности в ТР для Рм и -ДмРРм и в ТР для Дм и Дм-ДмР). По сравнению с ними СТР викнгатана и омпела демонстрируют слияние в одну категорию старших сиблингов отца (независимо от пола альтера) и детей младшего брата (независимо от пола эго), старших сиблингов матери и детей младшей сестры: викнг. *pinya* +ДРРм, *pinyatha* Д-ДмР [2081, с. 165]; омп. *pinya* +ДРРм, *pinyadu* -ДДмР, *mukka* +ДРРж, *mukkadu* Д-ДжР [2109, с. 5]. При этом авореципрокность (у обеих групп) и матертерореципрокность (у викнгатана) сохраняются. Викмункан, йирйоронт, викнгатана, лардил, канджу, омпела и другие жители п-ва Кейп-Йорк практикуют так называемые «браки с младшей» (*junior marriage*), обстоятельное исследование которых началось с работ У.Макконелл (см.: [1685; 1686]). Обязательные браки заключаются с младшей дочерью брата матери или младшей дочерью сестры отца (викмункан р. Кендалл-Холиройд), младшей дочерью брата матери (викмункан р. Арчер), младшей дочерью сестры отца (канджу, викнатара, викнантьяра), дочерью дочери дочери сестры отца (ярайдьяна), дочерью дочери дочери сестры отца и младшей дочерью брата матери (нгамити). Старшая дочь брата матери называется у омпела и лардил *ngami* «как мать» (также канджу *ngama* «близкий кросскузен» < **ngama*, **ngami* Рж, ДмРРж, «грудь») или *paapa* Рж (старший сын брата матери называется *kaala* ДмРРж). У викнгатана на языке жестов группа лиц 0 поколения, браки с которыми запрещены (родная дочь брата матери, старшая дочь сестры отца и старшая дочь брата), обозначаются вместе с «матерью» и «братом матери» жестом со значением «живот»; тогда как потенциальные брачные партнеры эго (дальняя младшая дочь брата матери, родная старшая дочь брата матери и ее младшие сестры) обозначаются жестом «бедро»[198]. В соответствии с МО, у викнгатана +ДмДжРРмЭж = ДЭж [1046, с. 23-24]. Таким образом, при разложении СРВМ формирование линейно-гендерного типа происходит параллельно и в той же зоне СТР, что и генерационное скашивание «омаха».

Распад СРВМ может также порождать такие ситуации, как наблюдается, например, в СТР папуасов-кераки, в которой сочетаются черты бифуркативно-степенной (в патрилатеральной ветви) и линейно-гендерной (в матрилатеральной ветви).

Кераки (западно-папуасская семья)

[2203, с. 121]:

kaki РР	*kaki* ДД
***deve* Рм**	***toge* Дм, Дм+ДмР**
tasor +ДмРРм	*tasor* Д-ДмРЭм
***deve-toge* -ДмРРм**	
mwidadum ДжРРм	
***bava* ДРРж,**	***bava* ДДжР**
ama Рж	*merej* Дж

Помимо чирикахуа, мескалеро и навахо в Америке, кетов в Сибири, викнгатана и омпела в Австралии, линейно-гендерный тип зафиксирован у покомам в Мезоамерике [1948, с. 227-228], вати-вати в Австралии [563, с. 53], бушменов-хоа и бушменов-ауэн в Африке [1113, с. 64], кувейтских арабов [2214, с. 126], тувинцев (*даай* ДмРРж, *даай-ава* ДжРРж, при *ава* Рж) [148, с. 185]. Неразличение пола альтера в +1 поколении может принимать и форму отождествления (по крайней мере на уровне корневой морфемы) терминов для породителей: ср.: хопи *ina'a* Рм, *ina'o* Рж [1670, с. 367], айн. *ona* Рм, *unu* Рж [823, с. 50-52] (вок. *iyapo* Рм, *hapo* Рж) [1883, с. 89], сокотр. *bérhe* Рм, *bēre* Рж [624, с. 79]. В 0 поколении такая же структура обнаруживается в недифференцированном типе сиблинговой номенклатуры (см. 10.8.4.).

Бифуркативно-линейный тип → линейно-степенной тип (+1 поколение)
Инкорпорирующий тип → линейно-степенной тип (0 поколение)

10.10.7. Практически все филлипинские линейные системы сливают сиблингов родителей по принципу ДмРРм = ДмРРж, ДжРРж = ДжРРм, но у умирай-думагат *teti* +ДжРР, *nangnang* -ДжРР, *wawa* +ДмРР, *mama* -ДмРР [1280, с. 76-77]. Аналогичным образом, у семангов, сеноев и мах-мери +ДмРРм = +ДмРРж, -ДмРРм = -ДмРРж, +ДжРРж = +ДжРРм, -ДжРРж = -ДжРРм. Обращает на себя внимание тот факт, что у филлипинских хануноо линейно-степенная номенклатура сочетается с кроссреципрокностью.

Хануноо (австронезийская семья)

[1198, с. 36-37]:

lakih РмР	*lakih* ДДЭм
qiduh РжР	*qiduh* ДДЭж
bāpaq ДмРР	*bāpaq* ДДРЭм
bāyih ДжРР	*bāyih* ДДРЭж
qāmaq Рм	*qanak* Д
qīnaq Рж	

По всей видимости, СТР хануноо сохраняет с протоавстронезийского периода следы суперреципрокности, подвергшейся интересной форме редукции под влиянием линеаризации номенклатуры (см. 10.10.2. о такой же линейно-реципрокности у индейцев-тева). При этом деление

сиблингов родителей по относительному возрасту сохранилось у негритосских групп, утративших кроссреципрокность.

Особенностью СТР собственно тайских и дун-шуйских этносов является сочетание в них линейно-гендерной и линейно-степенной моделей с деленим сиблингов родителей по относительному возрасту. Эти варианты линейной конфигурации П.Бенедикт реконструирует для прототайского: **lung* +ДмРР, **paa* +ДжРР, **na* -ДРРж (при слегка различающихся терминах для младших сиблингов отца – **au* -ДмРРм, **aa* -ДжРРм) [1090, с. 169]; а В.И.Гохман – для протодун-шуйского: **luŋ* +ДмРР, **pa* +ДжРР, *$^{?}$*o* -ДРРм, **na* -ДРРж [250]. Вместе с тем, В.И.Гохман отмечает, что все термины для +ДмРРм и +ДжРРж различны во всех дун-шуйских номенклатурах, *luŋ* в большинстве систем значит +ДмРРж, *pa* – +ДжРРм, а у дун однополые сиблинги породителей обозначены составными терминами, включающими термины для «отца» и «матери» и детерминативы относительного возраста *lao* «большой» и *un* «маленький». Ранее это обстоятельство побудило его реконструировать для дун-шуйской подгруппы и для всех тайцев бифуркативно-степенную систему [247].

Противоречие между альтернативными вариантами прототайской номенклатуры для сиблингов породителей снимается при обращении к СТР ли. Организуем ее по признаку полярности.

Ли (тайская семья)

[250, с. 251]:

phou РмРм	***li:k fou*** (*phou*) ДДмЭм
tsha РмРж	*li:k tsha* ДДжЭм
*tsa∂*РжРм	***li:k ʒa∂*** *(tsa∂)* ДДмЭж
ta РжРж	***li:k na*** (*ta*) ДДжЭж
tshai **+ДмРР**	***li:k tai*** (*tchai*) **Д-ДРЭм**
ki:n **+ДжРР**	***li:k ŋin*** (*kin*) **Д-ДРЭж**
fo:i -ДмРРм	*li:k fo:i* Д+ДмРЭм
ta∂-ДмРРж	***li:k na∂*** (*ta∂*) Д+ДжРЭм
pei -ДжРРж	***li:k mei*** (*pei*) Д+ДРЭж
fa∂-ДжРРм	

Правая колонка содержит термины, идентичные терминам левой колонки, с добавлением форманта *li:k* «ребенок». Таким образом, перед нами вариант суперреципрокной номенклатуры, которую мы выше (10.2.3.) назвали «суперреципрокно-возрастной моделью» (СРВМ). Единственное отличие от более полных систем этого типа, зафиксированных, например, у .тараумара, юинта-ютов, заключается в переходе к линейно-степенной конфигурации в обозначении старших сиблингов родителей (и, соответственно, детей младших сиблингов) и утрате взаимного коррелята термина *fa∂* -ДжРРм (Напомним, что у саамов и юинта-ютов редукции также подверглась эта категория реципрокатов, только за счет утраты ею параметра относительного возраста).

Образование линейно-степенной номенклатуры из СРВМ также демонстрирует СТР пайютов-кайбаб.

Пайюты-кайбаб (нумическая группа юто-ацтекской семьи)

[1977, с. 134]:

toXó-n ^{d} РмР	*toXó-t·si-n'i* ДмД
qāXú-n ^{d} РжР	*qāXú-t·si-n* ^{d} ДДж
gunú-n ^{d} РмРР	*gunú-t·si-n* ^{d} ДмДД
$^{'wi}$*'tsi-n* ^{d} РжРР	$^{'wi}$*'t·si-n* ^{d} ДжДД
ái-n ^{d} ДмРР	*ái- t·si-n* ^{d} ДДРЭм
pāá-n ^{d} ДжРР	*pāá-t·si-n* ^{d} ДДРЭж
ciná-n ^{d} +ДмДРР	*ciná-t·si-n* ^{d} -ДмДРР
māŋwÚ'-i-n ^{d} +ДжДРР	*māŋwÚ'-i- t·si-n* ^{d} -ДжДРР

Сравнение СТР пайютов-кайбаб с СТР относящихся к той же южно-нумической подгруппе юто-ацтекских языков юинта-ютов (см. 10.2.3.) показывает, что формирование линейно-степенной ситуации в ±1 поколениях протекало в контексте переноса реципрокных терминов *gunú-n* ^{d} и *gunú-t·si-n* ^{d}, ^{wi}*'tsi-n* ^{d} и $^{'wi}$*'t·si-n* ^{d} из ±2 в ±3 поколения, реципрокных терминов *ciná-n* ^{d}, *ciná-t·si-n* ^{d} и *māŋwÚ'-i-n* ^{d} и *māŋwÚ'-i- t·si-n* ^{d} -ДжДРР из ±1 в 0 поколение в соответствии с МП (-ДмРРж → +ДмДРР, Д+ДжРЭм → -ДмДРР, -ДжРРж → +ДжДРР, Д+ДжРЭж → -ДжДРР). Из юто-ацтекских систем переход к линейным структурам с сохранением критерия относительного возраста демонстрируют СТР южных тепехуано (*ʔin-tatal* (мой) +ДмРР, *ʔin-daʔnok* (моя) +ДжРР), серрано (*yə̂r* -ДжРР) и яки (*yéʔeu* ДжРР) [1759, с. 66].

Как уже отмечалось (10.2.3.) распад СРВМ в направлении линейно-степенной модели фиксируется у бушменов-хоа. Напротив, трансформация СРВМ у викнгатана и омпела, как мы видели, идет в направлении формирования линейно-гендерной терминологии. СТР кераки и викмункан развиваются в третьем направлении, а именно в сторону бифуркативно-степенной модели. Историко-типологическая аналогия СТР ли с СТР викнгатана и омпела проявляется также в генерационном скосе, который в СТР сиамцев, лао, шанов, нунг, то и диой выразился в термине *hlan* ДД, ДДР, не имеющего своего коррелята в +2 и +1 поколениях [1090, с. 159; 1092, с. 303]; а в СТР ли, напротив, в очевидном родстве между *tsha* РмРж (= ДДжЭм) и *tshai* +ДмРР (= Д-ДРЭм)[199].

Если от бифуркативно-степенной модели линейно-степенная отстает на два генеалогических «шага», а линейно-гендерная – на три, т.е. перейти от первой ко второй и третьей невозможно посредством одной морфосемантической опрерации; то от СРВМ и бифуркативно-степенная, и бифуркативно-гендерная, и линейно-степенная, и линейно-гендерная отстают каждая на один генеалогический «шаг». Из этого можно заключить, что соприсутствие в одной тайской или дун-шуйской номенклатуре сразу линейно-гендерного и линейно-степенного типов в +1 поколении, а также наличие в среди СТР тайской семьи в целом бифуркативно-степенной, линейно-степенной и линейно-гендерных структур объясняется их параллельным развитием из предковой СРВМ, элементы которой наиболее отчетливо просматриваются в лиской СТР. Таким образом, данные СТР тайских этносов подтверждают синхронно-типологический тезис об эволюционной равнозначности бифуркативности и линейности как киральных друг другу моделей (см. 10.1.7., 10.8.3.). В ±1 поколениях обе модели возникают параллельными путями в результате трансформации бифуркативно-линейности и

суперреципрокности. «Параллельными путями» здесь может означать – в разных возрастных и половых ветвях ±1 поколений одной системы, в разных праграмматических подсистемах[200], в разных диалектных номенклатурах одного языка или в СТР разных языков одной языковой семьи.

10.10.8. Другой пример перехода от бифуркативно-линейности, связанной с суперреципрокностью, к линейности в ±1 поколениях дают селишские СТР. А.Кробер отметил линейные номенклатуры у юрок, береговых селишей и вакашей и на этих основаниях перенес этот тип номенклатуры на алгонкино-мосанский уровень [1587; 1590, с. 347-348]. В отношении селишей [1281, с. 380] это утверждение было оспорено У.Элмендорфом.

Селиши делятся на две территориальные общности: береговых (чехалис, белла-кула, сквомиш, мусквем, нуксак, лумми, клаллам и др.) и материковых (оканаган, спокан, веначи, томпсон и др.). Материковые селиши имеют СТР бифуркативно-линейного типа в ±1 поколениях и инкорпорирующего типа в 0 поколении, причем у споканов сохраняется амито- и патруусреципрокные модели [1281, с. 373], а авореципрокность присуща всем материковым системам [1281, с. 369]. Среднереципрокность реконструируется для СТР прибрежных селишей (твана, белла-кула, квинольт, тилламук и др.). У лумми ТР для сиблинга умершего родителя тождествен ТР для детей умершего сиблинга у клалламов [1281, с. 377]. СТР прибрежных селишей относятся к линейно-степенному типу в ±1 поколениях и не обнаруживают межпоколенной реципрокности. Однако, у верхних чехалис имеется развернутая сиблинговая терминология, учитывающая 5 классов. По мнению У.Элмендорфа, протоселишская СТР обладала чертами бифуркативно-линейно-инкорпорирующей модели с суперреципрокностью, наиболее полно сохранившейся у материковых селишей. Линейная номенклатура прибрежных групп развилась из этой протоселишской путем редукции набора терминов и распада ВТР [1281, с. 378]. М.Кинкейд также реконструировал линейно-степенную модель в ±1 поколениях для береговых селишей [1564, с. 88-90].

Складывание линейной номенклатуры отмечено у юто-ацтекских **кора** в +1 поколении (*tinaozi* ДмРР = ДмДР, *titata* ДжРР = ДжДР [1906, с. 6]) и нескольких групп **северных шошонов** в 0 поколении. При базовой для всех СТР этого этноса инкорпорирующей модели в 0 поколении у шошонов Форт-Холл появился специальный ТР для женского сиблинга *saumopu* (*saumo* ДжР, ДжДхРРх, ДжДхРРу + *pu* – суффикс неизвестного происхождения) [1301, с. 297-306], у шошонов-хекандика – альтернативные ТР *taga* ДмДРРЭм, *ti*: ДжДРРЭж [1492, с. 449], а у шошонов-леми, в записи Дж.Стюарда 1938 г. [2070], – альтернативные ТР *dui* и *daga* ДмДРР, которые не содержатся в списке Р.Лоуи 1908 г. [1659]. Следует иметь в виду, что трансформация инкорпорирующего типа в линейный имеет место в обществе с охотничье-собирательско-коневодческой экономикой. Напомним, что у шошонов Снейк-Ривер инкорпорирующая модель в 0 поколении испытала сдвиг в противоположном направлении, т.е. в сторону бифуркативности, с образованием МП, ассоциированной с тем же терми-

ном *dui* «маленький» (10.10.3.). Наконец, у **северных яна** 0 поколение имеет линейно-степенной вид с сильнодифференцированной по полу и возрасту терминологией для сиблингов (СИБ-7). В то же время южные яна демонстрируют в том же поколении бифуркативно-степенную номенклатуру с СИБ-6. Как мы видели (см. 10.8.1.), для протояна реконструируется СИБ-8, распад которой сопровождался, видимо, трансформацией инкорпорирующей модели в бифуркативную, в одном случае, и в линейную – в другом. Ситуация похожа на шошонскую (Снейк-Ривер *vs*. Форт-Холл). У **пиеганов** бифуркативность и линейность относятся к разным ветвям +1 поколения (*niksi'sta*^{a} Рж, ДжРРж, *ni'nesta*^{a} ДжРРм, +ДжР, +ДжДжРРм; при *ni*^{n}*sa*^{a} ДмРРм, ДмРРж, +ДмР, *ni'na* Рм [1752, с. 330]), что может быть расценено как свидетельство расхождения «мужской» и «женской» половин +1 поколения из общей протоструктуры, занимающей промежуточное положение по отношению к этим двум классификационным принципам.

Таким образом, имеются веские основания полагать, что **линейно-степенные структуры («линейные» в обычной нотации) могут складываться на основе бифуркативно-линейного типа в ±1 поколении и инкорпорирующего типа в 0 поколении как киральные и эволюционно однопорядковые бифуркативно-степенным («бифуркативным», «бифуркативно-сливающим» в обычной нотации) структурам.** Имеются случаи, когда среди близкородственных групп одни выбирали бифуркативный путь, а другие – линейный. Например, у северных атапасков каска бифуркативны (*ena, ena'*, *ęne* Рж = ДжРРж, ДжРРж «уходит» в +2 поколение со скосом «кроу»), а соседние талтаны – линейны (*eła* Рж, *eda* ДжРР). Причем СТР талтанов также содержит генерационный скос «кроу» (*esiiya* ДмДмРРж = ДмДмР, *estsi*$^{?}$*a* ДжДмРРж = ДжДмР), что опровергает мнение о несовместимости генерационного скоса и линейных номенклатур (см. 4.1.9.). У каска Кечика-Ривер, язык которых ничем не отличается от языка каска Диз-Ривер, сохраняется отдельный термин для ДжРРж (*soo*$^{?}$*e*, с показателем 1 л. мн.ч.), который тождественнен *sowe* ДжРРж у секани (при альтернативном *ana* ДжРРж = Рж). В мужской ветви +1 поколения у каска, талтанов и секани сохраняется бифуркативно-линейная модель (например, Диз-Ривер *ete* Рм, *esta* ДмРРм, *seze* ДмРРж = ДДжР /с авункулореципрокностью/), причем систему секани следует признать древнейшей, так как в ней сохраняются совершенно разные ТР для Рм (*aba*) и ДмРРж (*izda*), но при этом авункулореципрокность подверглась разложению (*saze* ДмРРж = ДжДмРСжЭм, *(s)edaze* ДДжР). У талтанов разложение авункулореципрокного ТР привело к лексико-семантической и морфологической инверсии: *edeze* ДмРРж, *saze* ДДжР (из: [1505, с. 75 и сл.]).

В некоторых СТР можно наблюдать сохранение элементов кроссреципрокности в линейно-степенных структурах ±1 поколений, как, например, у тева (*tu*^{w}*nu* ДмРР, *tu'ε* ДДРЭм, где *tu* тождественно *tu*^{w}*nu*, а *'ε* – диминутив; *kc'c* ДжРР, *kc'c'ε* ДДРЭж [1454, с. 487-488]), соке [1948, с. 236], коги (ДмРР = ДмДР = ДмР = ДмДРР [2046, с. 37]), бушменов-хоа и коко-йимидир (см. выше 10.2.3.). Соответственно, в случае «примитивных

изолирующих» (например, бушмены) и «вторичных изолирующих» номенклатур (например, эскимосы), мы, по всей видимости, имеем дело не с реликтами исконной линейности, как это виделось Г.Доул, а с результатом трансформации ВТР и бифуркативно-линейно-инкорпорирующих систем. Такой вывод находится в согласии с утвердившейся в современном эскимосоведении точкой зрения о том, что если эскимосы и имели «эскимосский» тип СТР, то далеко не повсеместно, и что в целом им более присущ инкорпорирующий тип в 0 поколении и бифуркативно-линейный тип в +1 поколении [1470, с. 23] (см. также: [1216]). У разных групп бушменов также отмечена значительная вариативность в способах оформления категорий сиблингов родителей. Так, Д.Блик фиксирует у !кунг параллельное бытование номенклатуры, в которой ДмРРм = ДмРРж, ДжРРж = ДжРРм, практики называния ДжРРж «маленькая мать» [1114, с. 110-111] и бифуркативно-гендерной модели с дескриптивной конструкцией *ba tsasiŋ* ДжРРм (*ba* Рм, *tsasiŋ* ДжР) при разных ТР для ДмРРм и ДмРРж [1113, с. 65]. Развитость в некоторых группах бушменов реципрокного принципа позволяет предположить, что субстратом как для типологической гетерогенности их СТР, так и для линеных принципов, является бифуркативно-линейно-инкорпорирующий прототип в сочетании с суперреципрокностью.

В этой связи представляет интерес ТР камасинцев – ныне вымершего этноса самодийской группы, остатки которого проживали в Южной Сибири еще в начале XX в.[201] Формирование известных к началу XX в. самодийских групп связано с резким распадом в конце II тыс. до н.э. прасамодийской общности, локализуемой между средней Обью и Енисеем, в результате которого сформировались северносамодийская (асиммилировавшая автохтонный субстрат) и саяно-самодийская (подвергшаяся тюркскому влиянию) ареальные общности (см.: [946]). Лексика современных самодийских языков близка камасинскому, маторскому и др. саяно-самодийским диалектам в том виде, в каком они представлены в словарях М.Кастрена и К.Доннера [712, с. 296]. Судя по этим материалам (см.: [1129, с. 117-119; 845, с. 65-67]), СТР камасинцев относилась к линейному типу (*ǎbǎ* Рм, *iya* Рж, *ǎdǎ* ДмРР, *t'uγan* -ДДРР, также «родственники, родители») с делением сиблингов по полу и возрасту (*kǎrǎ* +ДмР, *pǎbǎ* +ДжР, *pдbi* -ДР). Никаких следов регресса от модели с ССП не обнаруживается, хотя имеющиеся материалы могут и не отражать специфику этой системы. Если исходить из того, что исконное состояние уральских СТР наиболее точно отражает саамская номенклатура, характеризующаяся СРВМ, то СТР камасинцев является изолированным в рамках этой языковой семьи случаем «сжатия» СРВМ до линейно-степенной ситуации. Если СТР пайютов-кайбаб демонстрирует начало такого процесса, то камасинская система указывает на его конечный этап. Следы инкорпорирующей ситуации в 0 поколении (видимо, еще на раннеуральской стадии) видны при сопоставлении камасинского ТР *t'uγan* -ДДРР с ст.-морд. *туган* -ДР, который, видимо, является древним заимствованием из тюркского (ср. в древнетюркских памятниках *t'uγan* «родственник» [845, с. 66]). Среди

возможных лексических параллелей отметим камас. *iya* Рж и саам. *jenn* Рж, камас. *pǎbǎ* +ДжР и саам. *wäb* ДжР.

10.11. Оценка адекватности господствуюшей генеалогической типологии терминологий родства эмпирическим фактам

10.11.0. Историческое развитие бифуркативно-линейно-инкорпорирующих систем в линейно-степенные, с одной стороны, и бифуркативно-степенные – с другой, не отрицает возможности дальнейшего развития бифуркативных моделей в бифуркативно-линейные, инкорпорирующие и линейные (процесс, описываемые «крюковской» типологией), а линейных моделей – в бифуркативно-линейные, инкорпорирующие и бифуркативные. Так, для для ±1 поколений полинезийских систем переход от бифуркативности к инкорпорации хорошо документирован (см.: [357; 651; 469]).

В силу тенденции видеть в СТР типологически однородные единицы, всегда подразумевалось, что на основании основании черт терминологии одного поколения, можно делать заключения относительно другого поколения. Поэтому М.В.Крюков поспешил интерпретировать сообщение, присланное в Л.Г.Моргану Л.Файсоном относительно тонганской номенклатуры, как историческое свидетельство первичности «ирокезской» модели в 0 поколении.

«Терминология родства тонганцев, в которой перекрестные кузены обозначались терминами, отличающимися от терминов для сиблингов, была записана Л.Файсоном в 1869 г. Эта черта свойственна системам ирокезского типа. Однако уже в 1914 г. У.Риверс констатировал, что и кузены и сиблинги обозначаются у тонганцев одними и теми же терминами. Таким образом, в поколении Эго в это время уже произошел переход от ирокезской терминологии к гавайской, хотя в первом восходящем и первом нисходящем поколениях тогда еще сохранялись термины ирокезского типа» [469, с. 123].

Между тем, в моргановской передаче информация от Л.Файсона буквально звучит следующим образом:

«Сестра моего отца – моя тетка, *Mehikitage*. Это опять-таки туранская [черта]. Брат моей матери – мой дядя, *Tuajina*, и это тоже туранская [черта]. Для детей моего дяди и моей тетки нет специальных обозначений. М-р Файсон отмечает, что “ни для кого из них нет специальных терминов, и все же они считаются родственниками. Так, если я – мужчина, мой сын будет *Tautehina* [т.е. брат] с сыном сына сестры моего отца. Совершенно определенно, тонганцы не имеют специального термина для [кросс-]кузенов, так как [они говорят] *Tama amekitega* ‘сын или дочь моей тетки’”» [1773, с. 569].

Сообщение Л.Файсона не совсем отчетливо и оставляет возможность для других толкований. Думается, что, в отсутствие специальных терминов для кросскузенов (в отношении этого у тонга Л.Файсон однозначен) реконструировать для СТР бифуркативность ни в каких случаях не является надежным. У тонга описательные ТР для этих категорий родственников (*tama amekitega* и *tama tuajina*) могут представлять собой просто альтернативный способ обозначения, сосуществующий наряду с терминами для сиблингов, или пример «тактического» употребления иденонимов тонганцами в ответ на прямые расспросы Л.Файсона[202]. В дальнейшем у тонга инкорпорирующая модель в 0 поколении надежно

фиксируется (см. например: [1363, с. 17-29]) (с переходом к линейным значениям [1184]).

Ни в одной из проанализированных нами полинезийских номенклатур бифуркативность – в тех случаях, когда она наблюдается в 0 поколении – не может быть расценена как пережиточная. Инкорпорация характеризует 0 поколение СТР ниуэ (с переходом к линейным ТР в группе женских сиблингов и к бифуркативным ТР в группе мужских сиблингов) [1651, с. 60-66], анута [1299], беллона (с исторически засвидетельствованным переходом к бифуркативности) [1763, с. 249] (см. 10.10.3.), восточных футуна (с переходом к линейности) [1160, с. 71-76], пукапука (с переходом к линейности) [1077, с. 220-263], самоанцев [1727, с. 126-146; 1560], капингамаранги (с переходом к описательным ТР для каждой их категорий кузенов) [1283, с. 111-118], луаниуа [1496, с. 412], нанумеа (с переходом к линейным терминам) [1912]. Если у таумако *kave* имеет значение «кросскузен одного пола с говорящим» [1219, с. 161-166], то у близких им тикопия *kave* «сиблинг противоположного пола» с деривациями в виде *kave foka-laui* «ортокузен противоположного пола» и *kave faka-pariki* «кросскузен противоположного пола» [1307], что заставляет предположить инкорпорирующую ситуацию для общетаумако-тикопийского.

Таким образом, нет никаких оснований полагать, что в 0 поколении полинезийских (и шире австронезийских) СТР инкорпорирующая ситуация пришла на смену бифуркативной. Скорее, она сохранилась со времени древнейшей бифуркативно-линейно-инкорпорирующей структуры с сильнодифференцированной классификацией сиблингов. Упрощение сиблинговой номенклатуры в Полинезии за счет прогрессивной утраты разграничений по относительному возрасту и относительному полу (см. 10.9.1.) шло параллельно с возникновением различий между группой сиблингов и группой кузенов или между группой сиблингов и ортокузенов, с одной стороны, и группой кросскузенов – с другой, или между сиблингами, ортокузенам и кросскузенами. Например, у луаниуа (онтонг-яванцев) кузены объединены с сиблингами и классифицируются в зависимости от пола альтера и пола эго; Рм = ДмРРм = Д = ДДмРЭм, Рж = ДжРР = Д = ДДРЭж, $Р^2$ = $Д^2$ [1496, с. 412]. Предполагается, что здесь мужская ветвь +1 поколения подверглась бифуркатизации, женская ветвь +1 поколения – бифуркатизации и инкорпоратизации, группа сиблингов упростилась, однако инкорпорирующая ситуация в 0 поколении осталась без изменений. Таким образом, во многом в отличие от существующей историко-типологической традиции, мы рассматриваем каждую конкретную СТР как порождаемую процессом неравномерного развития в разных своих участках.

10.11.1. Постепенное формирование инкорпорирующей номенклатуры в +1 поколении из бифуркативно-степенной с более быстрым прохождением бифуркативной стадии в женской ветви номенклатуры документировано между серединой XIX и серединой XX вв. у ирокезов-могауков [2156]. Р.Лоуи отмечал, что у кроу и других сиуских этносов вокативная практика называния ДжРРм тем же ТР, что и Рж и ДжРРж возникла недавно (т.е. в начале XX в.) [1668, с. 20]. Случаи перехода от

бифуркативно-степенного типа к инкорпорирующему в 0 поколении зафиксированы в обществах, подвергшихся демографическому и культурному упадку в результате европейской колонизации. А.Спёр отмечает распространение терминов для сиблингов и ортокузенов на кросскузенов у чокто, чероки и криков в резервационный период вследствии разложения кланово-линиджной организации [2056]. П.Кирхгофф отметил смену бифуркации инкорпорацией у береговых локоно (араваки) между 1807 г. и началом XX в. [1568, с. 150-151]. В СТР баконго в XX в. исчезли следы МК, и ТР для сиблингов и ортокузенов (*mpangi*) включил в свою семантику значение «дети сестры отца» [654, с. 77]. Г.Доул, которая собрала и другие фактические свидетельства такого перехода в СТР аккультурированных групп [1245, с. 351 и сл.; 1248], думается, безосновательно воспользовалась этой позднейшей закономерностью для интерпретации генезиса сплошного массива инкорпорирующих номенклатур в 0 поколении у таких этнолигвистических общностей, как североамериканские юто-ацтеки (см. подробнее 10.10.8., 10.10.12.) и южноамериканские карибы и тупи-гуарани. Отстаивая вторичность инкорпорирующей номенклатуры по сравнению с бифуркативной в 0 поколении и выделяя «бифуркативно-генерационный» тип в качестве специфического варианта трансформации номенклатур с бифуркативностью во всех поколениях в условиях перехода общества от экзогамии к эндогамии, Г.Доул не учитывает, что СТР юто-ацтеков отличаются средне- и суперреципрокностью и сиблинговыми номенклатурами, включающими от 4 (шошоны) до 8 (ацтеки) классов; тогда как СТР карибов и тупи-гуарани обладают исключительно СИБ-5, СИБ-6, СИБ-7 и СИБ-8 [1792, с. 7]. Так, например, у екуана [2199, с. 52; 1055, с. 131-132]:

yáya +ДжР, +ДжДмРРм, ДжДмРРжЭм, +ДжДмРРжЭм, ДжДжРРж;
udúi +ДмРЭм, +ДмДмРРмЭм, +ДмДжРРжЭм;
adïya -ДжР, -ДжДмРРм, -ДжДжРРмЭм, -ДжДмРРжЭм, -ДжДжРРж;
yayáke +ДмРЭж, +ДмДмРРмЭж, +ДмДжРРмЭж, +ДмДмРРжЭж, +ДмДжРРжЭж;
yákonō -ДмР, -ДмДмРРм, -ДмДжРРж, -ДмДжРРмЭж, -ДмДмРРж.

Среди кросскузенов специальными ТР выделяются только ДмДжРРмЭм = ДмДмРРжЭм (*wáne*) и ДжДжРРмЭж = ДжДмРРжЭж (*yáko*), и, следовательно, логичнее и экономичнее будет предположить постепенное выделение класса кросскузенов из расширенной категориальной группы сиблингов, построенной на основе принципов относительного возраста и относительного пола, чем расширение значения некоторых ТР для сиблингов = ортокузенов на некоторые кросскузенные классы. У пемон *urui* +ДмРЭм, +ДмДхРРхЭм, *upasi* +ДжРЭж, +ДжДхРРхЭж, *uyakon* -ДмРЭм, -ДжРЭж, -ДхДхРРхЭу, *na*ʔ*nai* +ДжРЭм, +ДжДРРЭм, *uparusi* -ДжРЭм, -ДжДРРЭм, *upi* ДмРЭж, ДмДРРЭж [2102, с. 66]. Бифуркативный тип обозначения членов группы сиблингов одного пола с говорящим соседствует с инкорпорирующим типом обозначения членов группы сиблингов противоположного по отношению к полу эго пола. Сличение значений пемон. *uyakon* и екуан. *yákonō* и *yáko* заставляет сделать вывод, что екуан. *yáko* перешло из обозначения

сиблинга = кузена в обозначение кросскузена в результате утраты этим ТР параметров относительного возраста и относительного пола. Что касается другого екуанского ТР для кросскузена, а именно *wáne* (ср.: макиритаре *wáañe* «кросскузен; брат жены, муж сестры»), то он, видимо, происходит от распространенного у карибов и тупи скоса «помо» (см. 10.5.1.) ДмРРж → ДДхРРу в виду пемон. *wa'ɨni* ДжРРм, РжС [2102, с. 65-66]. Дополнительным подтверждением первичности инкорпорации в 0 поколении является тот факт, что у пемон брачное предписание формулируется в терминах +1 поколения: эго должен вступать в брак с членом категории *wa'ni mure*, т.е. буквально «детей сестры отца» [2102, с. 101-102]. Отсутствие представления о кросскузенах как о самостоятельной категории потенциальных брачных партнеров свидетельствует об их исконном слиянии с сиблингами и ортокузенами и увязывает МП как специфическую разновидность генерационного скоса с первичностью инкорпорационного принципа в 0 поколении.

Г.Доул ссылается на термин *ufau* «кросскузен» у исследованных ею в 1953–1954 гг. карибов-куйкуру как сохранившийся только в речи стариков; молодое поколение использует «в отношении кроскузенов те же самые ТР, что обозначают сиблингов и параллельных кузенов» [1248, с. 111][203]. Этот ТР, не различающий пола альтера, родственнен пемон. *upi*, *upasi* и *uparusi*, которые демонстрируют упрощение сиблинговой номенклатуры за счет утраты параметров относительного возраста (в денотатах) и пола альтера (в корневом тождестве этих терминов), однако сохраняют связь между классами сиблингов = ортокузенов и кросскузенов. В случае СТР майя и яна (см. 10.10.3., 10.8.1.) мы видели, что специальные термины для кросскузенов представляют собой (в частности, в ситуациях с сильнодифференцированной сиблинговой номенклатурой) старые термины для одного из классов расширенной группы сиблингов. Таким образом, утрата специального ТР для кросскузенов в речи молодого поколения куйкуру, если и означает переход от бифуркативного типа к инкорпорирующему, то не свидетельствует о древности бифуркативного типа в 0 поколении куйкуру. Как и у других карибских групп, выделению класса кросскузенов с нейтральными по полу эго, относительному возрасту и(или) полу альтера ТР, у куйкуру, по всей вероятности, предшествовала «сильнодифференцированная» инкорпорирующая классификация.

Взятый в отрыве от других характеристик СТР, инкорпорирующий принцип классификациияявляется чисто формальным и не позволяет разграничивать системы, имеющие разное происхождение. Инкорпорирующие номенклатуры, которые сочетаются в 0 поколении со сложными формами дифференциации сиблингов по относительному полу и относительному возрасту, а в +1 поколении с бифуркативно-линейными и(или) бифуркативными ситуациями следует строго отличать от таких СТР, как, например, СТР ботокудов-каинганг, где, очевидно, в результате вызванной европейской колонизацией демографической катастрофы произошло резкое сокращение признаваемых родственных категорий. У каинганг имеем: *yûng* «отец, дед, все мужчины старше эго»; *nyô* «мать,

бабка, все женщины старше эго»; *yavi* «все лица немного младше эго»; *yi* «дети, все лица намного младше эго» [1473, с. 177-178]. Аналогичную классификацию сообщает К.Тёрнбулл для пигмеев-мбути: *ета* «все женщины поколения матери», *ера* «все мужчины поколения отца», *tata* «дед; бабка», *miki* «ребенок», *apu'i* или *moko* «сиблинг; кузен». Для сестер матери и братьев отца часто маркируется относительный возраст – *от-ета*, *от-ера*, *mot-ета*, *mot-ера* [2129, с. 110-111][204]. Такого рода категориальная редукция, отмечаемая также в Полинезии, была, как известно ошибочно воспринята Л.Г.Морганом как свидетельство архаичности номенклатуры.

10.11.2. Имеются сведения о том, что у хайсла (вакаши) современная бифуркативно-степенная СТР сложилась как историческое развитие древней линейной номенклатуры [1504, с. 309]. Таджикская СТР показывает, что первоначальное развитие от инкорпорирующей модели к линейной сменилось обратным движением от линейной модели к бифуркативно-линейной. Это было связано с внедрением арабских терминов *амак* и *холак* для боковых альтеров +1 поколении и дескриптивов, образованных от них, в 0 поколении. Вместо обобщающего термина для кузенов *питиш*, ДмДмРРм стал обозначаться *амак-бача*, а ДжДжРРж – *хола духтар*. Проникновение арабских ТР началось со времени принятия ислама, причем в горных районах позднее, чем в равнинных [670, с. 179-183].

У цахуров становление КТР связано с заимствованием азербайджанских и лезгинских терминов и образованием на их основе дефинитивов *эмисий* ДмРРм (< *эмий*), *дайисий* ДмРРж (< *дайи*), *мамасий* ДжРРм (< *мама*), *халасий* ДжРРж (< *халай*). В рутульском диалекте вместе с тем сохранились элементарные ТР *гай* ДжРР, РжСм, *гагай* ДмРР, РмСм [360, с. 200].

Во многих кавказских ТР присутствует форма *шича, шинши, шуча, шичлаI, шич* и пр., обозначающий с различными вариациями альтеров 0 поколения. Ср.: вост.-груз. (хевсур.) *шинши*, *шниши* (альтернативно в словаре С.С.Орбелиани XVIII в.) ДДхРРх; зап.-груз. (мтиул., мохев., пшав., хевисск., чагма-тушин.) *шинши* ДДжРРж, цова-тушин. *шичлаI* ДДжРРж, ингуш. *шуча* ДДжРРж, чечен. *шича* «двоюродные братья и сестры» [578, с. 515], ДДРР [269, с. 92], кистин. *шич* ДДРР [269, с. 89; 267, с. 130 и сл.]. Происхождение общей для всех этих языков корневой морфемы остается неясным. Установленным можно считать только сопоставление форманта *-ш* с общекавказскими обозначениями сиблингов: абх. *а-уа-ша* ДмР, *а-уа-ho-ша* ДжР, ингуш. *уэша* ДжР, *wo-ша* ДмР и т.п. (см.: [1029]) с соответствующими классными показателями. Мнения расходятся относительно того, какой именно из двух формантов воспроизводит корень со значением сиблинг. Ю.Д.Дешериев отмечает, что груз. диал. *шинши* сохранил более древний морфологический облик, чем нахские и цова-тушинская формы, так как для кавказских языков переход *нш* > *ч* обычен, а обратный процесс невозможен; и предложил трактовку *шинши* от *шин йишийн* букв. «двухсестерный» (цит. по: [980, с. 11-12]). Таким образом, с названием сестры ассоциируется второй формант и древнейшее значение ТР определяется как ДжРРж. Правда,

остается без разъяснений формант *-ла* в цова-тушинском. Другие исследователи (Т.Гониашвили, Н.В.Джавахадзе и др.) [267, с. 135-136] в первой части слова (*ши-*, *шу-*) видят корень со значением «сиблинг»; второй же элемент идентифицируют как грамматический формант, находимый также в нахском групповом термине для обозначения родственников -1 поколения *мох-ча*, *мех-чи* и означающим в такой мегрельской форме, как *бадиши*, и такой сванской форме, как *нибашини*, «происхождение» или «принадлежность». Н.В.Джавахадзе не исключает, что нерасчлененное кистинское значение (*шич* ДДРР) отражает древнейшую семантику ТР, по-разному сузившуюся в других диалектах. Однако она обращает внимание на архаичность хевсурской культуры и привлекает хевсурский брачный обычай «шиншоба», который может указывать на значение «дети сестер» как на древнейшее [267, с. 133-134]. Добавим, что цова-тушин. форма *шичлаI* может иметь близкую параллель с авар. *вацгIал* ДмДРР < *вац* ДмР (из: [218, с. 25]). В более поздней работе Н.В.Джавахадзе расположила чеченскую и кистинскую СТР в конце эволюционного ряда [269, с. 96]. При этом она следовала общепринятой логике исторической типологии (бифуркативно-линейный → линейный), однако, не исключено, что здесь она неприемлема. В грузинских диалектах и в ингушском узкому значению термина *шинши* сопутствуют дескриптивные конструкции для других кузенных категорий (например, *дедидзмишвили* ДДмРРж, *бидзашвили* ДДмРРм, *мамидашвили* ДДжРРм в мтиульском), что, учитывая производный типологический статус КТР, позволяет говорить об историческом сужении значения ТР *шинши*. Это не исключает еще более древних аффилиаций *шинши* с ТР для сиблингов.

Линейные особенности, сочетающиеся с ослабленной кумулятивностью и в ряде говоров с МО, демонстрирует также аварская СТР [218].

10.11.3. М.В.Крюков придает особое значение выяснению причин альтернативных способов трансформации бифуркативного типа в инкорпорирующий (порой с образованием ССП) и бифуркативно-линейный, сочетающийся с элементами описательности [463, с. 289]. Он также сформулировал проблему большей предрасположенности +1 поколения к сдвигу от бифуркативности к бифуркативно-линейности, а 0 поколения – от бифуркативности к инкорпорации [467, с. 13; 480, с. 136]. Для М.В.Крюкова случаи обозначения однополых сиблингов породителей посредством терминов для самих породителей, снабженных показателями относительного возраста, всегда означают трансформацию бифуркативного типа в бифуркативно-линейный (см., например: [466, с. 179, 218; 475, с. 152]). При этом, это положение везде остается немотивированным. Древнейшее состояние китайской СТР, зафиксированное в тексте «Эръя», характеризовалось специальными ТР для породителей (*фу*, или *као*, и *му*, или *пи*)[205], тогда как их однополые сиблинги называются *шифу* +ДмРРм, *шуфу* -ДмРРм, *цунму* ДжРРж [466, с. 142-143]. Более ранние источники чжоусского и иньского периодов прямых оснований для того, чтобы реконструировать для протокитайской СТР идентичные ТР для породителей и их однополых сиблингов не дают.

Иденонимы типа «большой отец» (+ДмРРм) и «маленький отец» (-ДмРРм) сигнализируют морфологическую, но не лексическую, бифуркативность, и не понятно, почему эта ситуация не могла явиться результатом «присоединения» категорий +ДмРРм и -ДмРРм к категории Рм, последовавшего за этапом существования двух не связанных с термином «отец» терминов для +ДмРРм и -ДмРРм. Ведь наличие в латинском термина *avunculus* ДмРРж (букв. «маленький дед») не означает, что ранее «брат матери» обозначался в точности как и «дед», т.е. *avus*. Точно так же, выражение «Иван, Петров сын» не значит, что ранее Иван звался Петром. Именно о присоединении категории ДмРРм к категории Рм и категории ДмДмР к категории Дм свидетельствуют материалы СТР кераки, трансформирующейся от СРВМ к бифуркативно-степенной номенклатуре (см. 10.2.3.). У кераки *deve* Рм, *deve-toge* -ДмРРм, *toge* Дм+ДмР = Дм при *tasor* +ДмРРм = Д-ДмР, сохраняющем полную патру-усреципрокность [2203, с. 121][206].

Данные ИЕ языков также не дают оснований для реконструкции перехода от бифуркативного типа к бифуркативно-линейному в +1 поколении. Древнейшие ИЕ иденонимы для обозначения сиблингов родителей (например, лат. *patruus* ДмРРм при *pater* Рм, инд. *pitr-vyá* ДмРРм при *pitá* Рм, греч. *πατρ-ως* ДмРРм, ст.-верх.-нем. *fatur-eo* ДмРРм, *приближаясь* к бифуркативному типу отождествлений, его тем не менее не достигают, оставаясь дефинитивно-бифуркативными конструкциями. Нет никаких оснований для того, чтобы думать, что в ПИЕ **pd̥tér* значил «отец» и «брат отца». Бифуркативно-линейный способ группировки в +1 поколении нам видится более актуальным для ПИЕ. Частичное слияние терминов для породителей и их однополых сиблингов произошло, как кажется, в результате «нисхождения» из +2 поколения в +1 поколение корня **Hape-/*Hapu-* (др.-исл. *afi* «дед», гот. *fadar* «дед» (?) > «отец») и корня **Hawos*, который приобрел грамматическое значение обособления ТР для «брата отца» от ТР для «отца» (см. 10.4.1.). В дальнейшем дефинитивно-бифуркативные образования продолжали сохранять лексическую бифуркативно-линейность при помощи новых морфологических средств (например, аблаут в немецком; ср.: сред.-нем. *Vetter* ДмРРм от *fatur-eo*), которая, в конце концов, сменилась линейной конфигурацией (ср. совр. нем. *Onkel* ДмРР, заимствованный из французского, при *Vater* Рм; ТР *Vetter* «сполз» далее в 0 поколение). По нашему мнению, наблюдаемая «предрасположенность» +1 поколения к бифукативно-линейности, а 0 поколения к инкорпорации, в действительности, указывает на древнейшее состояние генеалогических параметров СТР, а не на пути их трансформации из бифуркативных моделей. В некоторых регионах за распадом кроссреципрокности следует своеобразное «перекрещивание» бифуркативно-линейных и инкорпорирующих моделей: инкорпорация развивается в +1 поколении (после прохождения стадии бифуркативности), бифуркативно-линейность – в 0 поколении. Например, если ССП скорее тяготеет к инкорпорирующему варианту в 0 и +1 поколениях, то КТР дает в обоих поколениях бифуркативно-линейную ситуацию. Требуется углубленная верификация каждой

из широко распространенных реконструкций бифуркативного типа в качестве первичного в +1 поколении, поскольку, в одних случаях, бифуркативно-линейная ситуация может быть реликтом суперреципрокной эпохи, а в других – результатом вторичного оформления +1 поколения в бифуркативно-линейном виде (уже без ВТР). Разберем три конкретных примера.

Мон-кхмеры. В СТР южнобанарских диалектов мон-кхмерской языковой семьи (Южный Вьетнам)[207] М.В.Крюков видит

«конкретный пример развития от наиболее ранних систем, отражающих дуально-родовую организацию с обязательным двусторонним кросскузенным браком, к терминологиям, порождаемым малой семьей как основной социальной ячейкой» [476, с. 150].

Он выстраивает все собранные им номенклатуры в многоэтапный, но унилинейный «эволюционный» ряд, который начинает СТР тринг (подгруппа кохо группы срэ-мнонг) и заканчивает СТР тамун (подгруппы храу группы стинг-храу), а системы тил, тола, ноп, срэ, ма (подгруппы срэ группы срэ-мнонг), будэ и було (подгруппы стинг группы стинг-храу) занимают промежуточные места, позволяющие М.В.Крюкову вывести СТР тамун из СТР тринг. Построение этого ряда начинается словами «Типологически более ранней должна быть признана СТР тринг» [476, с. 141], после чего в качестве основного довода приводится составной характер трингских ТР для «братьев отца» и «сестер матери» (*may* Рж, *may dong* +ДжРРж, *may et* -ДжРРж, *ba* Рм, *ba dong* +ДмРРм, *ba et* -ДмРРм; при *wa dong* +ДжРРм, *wa et* -ДжРРм, *koñ* ДмРРж). М.В.Крюков предполагает без особых оснований, что в протосистеме тринг *ba* значило «мужчина моей половины их поколения родителей», а *may* – «женщину моей половины из поколения родителей», а затем при помощи детерминативов со значениями «большой» и «малый» категории ДмРРм и ДжРРж были обособлены от породителей [476, с. 142]. Можно с тем же успехом предполагать, что СТР тринг движется *в сторону* бифуркативности, ослабляя противопосталение между однополыми сиблингами породителей и породителями. Чисто бифуркативно-степенная система фиксируется, например, в СТР седанг (севернобанарская группа), где *pa* Рм = ДмРРм, *mie* ДмРРж; *nou* Рж = ДжРРж [1863, с. 59], а также в черрапунджи (стандартном варианте мон-кхмерского языка хаси северо-восточной Индии) (*kpa* Рм = ДмРРм, *kmie* Рж = ДжРРж, *kñi* ДмРРж, *kñia* ДжРРм; при релевантности относительного возраста в СТР диалектов вар и вар джэнтия: *ñia* +ДжРРм, *ngi man* -ДжРРм) [1863, с. 57].

Когда дело доходит до СТР тола, М.В.Крюков не находит между ней и СТР тринг связующего звена, так как у тола *me* Рж, *bap* Рм, *wua* ДмРРм, *cong* ДжРРж, *melo* ДжРРм, *koñ* ДмРРж; и с легкостью постулирует замену составных терминов элементарными [476, с. 143]. Естественно, с таким подходом СТР мон-кхмерских народов демонстрируют переход от «ирокезской» системы к «арабской». «Арабские» черты в +1 поколении демонстрируют все остальные номенклатуры, которые и приводят М.В.Крюкова к линейной системе тамун. Хотя без соответствующего историко-филологического исследования эволюция мон-кхмерских номен-

клатур не может быть представлена в исчерпывающем виде, следует заметить, что единственное историческое изменение, которое показывают крюковские материалы, – это выделение (типологически равнозначное, а не историческое) СТР +1 поколения тринг и тамун в противопоставленные друг другу типы. За исключением номенклатур тамун и будэ, все известные нам мон-кхмерские СТР демонстрируют устойчивость в обозначении породителей (*me* и *bap, pa*; у тамун «отец» называется *ou*, а у будэ – *mom* /по ассимиляции с *me*?/); за исключением тринг и тамун, все СТР демонстрируют устойчивость в обозначении однополых и разнополых сиблингов породителей. В +1 поколении у тринг, було и тамун значимым является параметр относительного возраста (тринг см. выше; було *wa* +ДмРР, +ДжРР, *yo* -ДжРР, *koñ* ДмРРж; тамун *mih* +ДРР, *tih* -ДмРР, *pe* -ДжРР). Совершенно очевидно, что линейность СТР тамун и було сложилась на базе деления сиблингов породителей по относительному возрасту и – здесь М.В.Крюков прав – явилась трансформацией бифуркативно-линейной модели (ср. будэ *mom* Рм, *de* ДмРРм, *ma* ДмРРм, но *miñ* уже имеет линейный денотат ДжРР; в одной из номенклатур ма *mih* ДжРРм, *yong* ДжРРж, а в другой – *mih* ДжРР). Учитывая, что в двух наиболее разошедшихся номенклатурах, а именно тамун и тринг, критерий относительного возраста в +1 поколении значим, следует предположить его принадлежность прото-мон-кхмерской СТР. На это указывает и релевантность данного типологического параметра для некоторых западнобанарских СТР (*duč* -ДжРРм, *yăng* -ДжРРж, *mēt* -ДмРРм, *mā*, *ñô* -ДмРРж) и СТР йе (*ñu* -ДмРРм, *ma* -ДжРРж) (из: [1863, с. 59]).

Таким образом, исходной конфигурацией для мон-кхмерских СТР является такая, которая отличалась бифуркативно-линейностью и делением каждой из категорий сиблингов породителей по относительному возрасту. Тринг и тамун сместили эту симметричную структуру в сторону, соответственно, бифуркативности и линейности, но сохранили следы относительно-возрастного деления в +1 поколении, тогда как тил, тола, ноп, срэ и ма (промежуточные группы в эволюционной модели М.В.Крюкова) сохранили бифуркативно-линейность, но утратили относительно-возрастное деление. СТР еще двух близкородственных южнобанарских этносов – мнонг-гар и мнонг-рлам (подгруппа южно-центральных мнонг группы мнонг-срэ) – не привлекаемая М.В.Крюковым, примыкает одновременно и к СТР тринг, и к СТР тамун и було. С СТР тринг ее роднят дефинитивно-бифуркативная морфология терминов, а с СТР було и тамун – линейный принцип группировки. Помимо этого СТР мнонг гархарактеризуется МК, МП и ССП. Ср.: *mei êet* -ДжРРж = -ДжРРм (уравнение идентично було) = Дж+ДжРРм, *baap êet* -ДмРРм = Дм+ДжРРм, *waa* +ДмРР = +ДжРР (уравнение и ТР, идентичные було), *kôony* -ДмРРж и все мужчины сиба матери поколения матери, но младше ее по возрасту, Дм-ДмРРж (после смерти ДмРРж), *koon kôony* ДжДмРРжЭм; *mii* +ДР = ДмРРм, *oh* -ДР = -ДДмРРм = Д+ДР [1196, с. 22-24; 1625, с. 155]. СТР мнонг гархарактеризуется Р.Паркиным как переходная от симметрично-прескриптивной структуры к асимметричной (они практикуют кросскузенный брак с *koon kôony*), в

которой МК еще не оформилась в гармоничную конфигурацию, отражающуюся не только в 0 и +1, но и в 0 и -1 поколениях, и полностью соответствующая матрилинейности их сибов [1864]. Асимметричный прескриптивный альянс (с дочерью брата матери) является основным брачным порядком у мон-кхмерских этносов (см.: [1807, с. 116; 1861]. Вместе с тем сама СТР не дает оснований для того, чтобы реконструировать для мнонг-гар и мнонг-рлам бифуркативную модель. Такой ТР, как *waa* +ДмРР = +ДжРР (при було *wa* +ДмРР = +ДжРР, срэ *wa klau* ДмРРм, ма *wa* ДмРРм) демонстрирует присоединение категории +ДмРРм к категориям +ДмРРж и +ДжРР; тогда ТР *baap êet* -ДмРРм хорошо истолковывается как присоединение категории -ДмРРм к категории Рм. Этот киральный процесс указывает на древнюю бифуркативно-линейность в +1 поколении. Утрату ТР для однополых сиблингов породителей и присоединение этих категорий к породителям на морфологическом уровне в СТР тринг и мнонг гар легче представить себе, чем появление специальных терминов для ДмРРм и ДжРРм во всех остальных группах при полном отсутствии следов классификации этих категорий в «стиле» тринг. Учитывая, что все мон-кхмерские группы Южного Вьетнама чрезвычайно близки друг другу по языку (их диалекты почти взаимопонимаемы) [476, с. 150], трудно предположить, что у СТР тамун было время пройти тернистый путь от «типа тринг».

Типологические процессы, подобные процессам в мон-кхмерских СТР, как мы видели, протекали и в СТР тайских этносов, для которых мы предложили в качестве исходной модель ли, также характеризующуюся бифуркативно-линейностью в +1 поколении с делением сиблингов породителей по относительному возрасту и относящуюся к СРВМ (10.10.7.). Генерационные скосы и генерационное скольжение, присутствующее в СТР мнонг-гар и мнонг-рлам, которые по своей генетической принадлежности могут быть использованы для внешнего сравнения с СТР тринг, указывает на то, что в прото-мон-кхмерском можно ожидать черты суперреципрокной номенклатуры. В пределах австроазиатской семьи сенексо-, патруус- и матертерореципрокные формы, а также МСП, фиксируются (с морфологическими модификациями) у мунда (санталы, мундари, хо, хария) (см. 10.2.3., 10.5.2.)[208].

Аканы. Под влиянием крюковской теории, В.А.Попов интерпретирует аканский материал как показывающий переход от бифуркативности к бифуркативно-линейности:

«СТР ашантийцев на рубеже XIX и XX вв. представляет собой один из вариантов перехода от бифуркативного типа к бифуркативно-линейному… Материалы Р.С.Рэттрея, который, описывая СТР начала XX в., дает параллельно некоторую информацию о предыдущем состоянии СТР ашантийцев (будем называть эту стадию протосистемой), а также данные грамматики и словарей И.Г.Кристаллера позволяют реконструировать механизм смены одной типологической схемы другой. В протосистеме ашантийцев термином «**agya**» обозначали группу родственников, в которую входили породитель эго и все его мужские сиблинги (Рм = ДмРРм), а его сиблингов мужского пола сначала обозначали «**agya kakra**» («маленький **agya**»), а затем в зависимости от возраста относительно породителя: **agya panyin** (старший **agya**) – старше породителя и **agya kuma** (младший **agya**) – моложе породителя. Следовательно, в +1 поколении наблюдается обособление породителя от его сиблингов и сиблингов друг от друга посредством создания описательных терминов для

сиблингов с учетом их относительного возраста… Породительница эго и все ее женские сиблинги обозначаются термином «**ena**» и составляют все еще одну группу родственников (Рж = ДжРРж)» [689, с. 99-100].

Между тем, ситуация, в том виде, в котором она фиксируется в источниках, отражает более сложный и по-другому направленный процесс. Словарь И.Кристаллера 1881 г., основанный на диалекте аквапим с дополнениями из диалектов ашанти и фанти, переводит *agya* как «отец, родитель мужского пола, предок, хозяин» и отмечает, что у ашантийцев *agya* – это только отец говорящего, тогда как *ose* обозначает либо отца адресата (2 л.), либо отца третьего лица [1183, с. 157]. ДмРРм обозначается *agya kakra* [1183, с. 217] (близкий морфологический аналог лат. *avunculus*), а если необходимо подчеркнуть его возраст относительно породителя, то *agya panyin* или *agya kuma* [1183, с. 262, 360]. При этом, относительные прилагательные *panyin* и *kuma* могут присоединяться к любой другой категории родства, если требуется указать на относительный возраст референта (например, *ne ba akuma* «его самый младший ребенок», *me nua panyin* «мой старший брат»), и, таким образом, не являются специальной характеристикой класса родства ДмРРм.

Самая ранняя из документально известных стадий развития ашантийской СТР демонстрирует бифуркативно-линейный порядок номинации породителя и его однополого сиблинга, и ничто, как кажется, не говорит о том, что лексема *agya* означает Рм = ДмРРм. В порядке обозначения родственниц +1 поколения словарь И.Кристаллера фиксирует иную тенденцию: *ena* Рж (1 л.), *oni* Рж (2, 3 л.), *ena kakra* ДжРРж = ДжРРм [1183, с. 262]. Лексически это – линейно-степенная модель, морфологически (т.е. исходя из тождественности основного слова) – инкорпорирующая. Одновременно, вокативно «мать» называется *awó* [1183, с. 536]. При этом, имеются черты бифуркативно-гендерной модели в виду пары *ose* Рм (2, 3 л.), *osewa* ДжРРм (где -*wa* – феминизирующее окончание) [1183, с. 431]. В монографии Э.Рэттрея 1923 г. по ашантийцам [1914, с. 21-44], как и в грамматике фанти 1929 г. [1062] термины *agya kakra* и *ena kakra* не фигурируют, а даны *agya*, *osie* Рм, *agya* (*egya*) *panyin* +ДмРРм, *agya* (*egya*) *kuma* -ДмРРм и *ena* Рж = ДжРРж (фанти *na* Рж = -ДжРРж, *na panyin* +ДжРРж) и *sewa*, *ase* ДжРРм. Как уже отмечалось, в ашантийской СТР показатели *panyin* и *kuma* не имеют отношения к типологическому облику системы, и, таким образом, единственная типологически релевантная ситуация – это тождество *agya* как Рм и *agya* как ДмРРм. Бифуркативно-степенная конфигурация пришла на смену бифуркативно-линейной, а не наоборот. Новейшие данные по СТР фанти [1591] также фиксируют стабильную бифуркативно-степенную систему в мужской ветви +1 поколения.

Можно предполагать, что терминология для женской ветви +1 поколения развивалась следующим образом: 1) бифуркативно-линейная ситуация со специальными терминами для Рж, ДжРРж и ДжРРм; 2) формирование линейно-степенного (*ena kakra* ДжРР с лексическим противопоставлением *ena* Рж) и бифуркативно-гендерного (*ose* Рм ~ *osewa* ДжРРм) типов как альтернативных способов номинации; 3)

расподобление терминов для Рм и ДжРРм (*osie* vs. *sewa*, *ase*), перенос прагматического акцента с лексической противопоставленности [*ena kakra*] ≠ *ena* на морфологическое тождество *ena* ^{kakra} = *ena* и, соответственно, образование инкорпорируюшей ситуации; 4) постепенное возобладание лексемы *osewa* в значении ДжРРм и превращение морфологической инкорпорации в лексическую инкорпорацию. Исходный бифуркативно-линейный характер аканских номенклатур +1 поколения связан был, видимо, со среднереципрокностью их СТР. Этот вывод основывается на таких отождествлениях, как *nana* РР = ДД (аворецип рокность), *wofa* ДмРРж, *wofase* ДмДжР (*wofasewa* ДжДжР) (авункулорецип рокность), *osewa* ДжРРм = ДжДмРЭж [1183, с. 431] (> *ase* ДжРРм = ДжДмРЭж [1914, с. 25]) (амиторецип рокность). Распад среднереципрокности (см. 10.5.6.) сопровождался возникновением МК и МП (*osewa* ДжРРм = ДжДРРм = «кузина») [1183, с. 431], *ase* ДжДмРРж [1914, с. 25], *agya* как уважительное обращение к ДмДжРРм [1318, с. 271] с переходом к кумулятивным конструкциям (*sewa'ba* «ребенок *sewa*» ДДмРРж, если его жена – ДжРРм, *wofa'ba* ДДмРРж, *agya ba* «ребенок *agya*» ДжДмРРм, *agya wofase* «сын сестры *agya*» для ДмДжРРм [1914, с. 24-25].

Северные шошоны. Типологически сходную с аканской ситуацию демонстрируют СТР северных шошонов. На 1930-е гг. у группы снейк-ривер фиксируется следующая терминология для +1 поколения: *apu* Рм, *aputsi* ДмРРм, *bia* Рж, *biatsi* ДжРРж, где -*tsi* представляет собой диминутив, функционирующий в данном контексте как показатель ослабленности родственной связи [2070, с. 295]; у групп леми и форт-холл в период между началом XX в. и 1930-ми гг. – *apo* Рм, ДмРРм, *bia apo* +ДмРРм, букв. «большой отец», *nagahai apo* -ДмРРм, букв. «временный отец», *bia* Рж, *biavia* +ДжРРж, *nagahaivia* -ДжРРж [1659; 2070]; у уинд-ривер в 1924 г. – *apo* Рм, ДмРРм, *piə* Рж, ДжРРж [1666], в 1947 г. и в 1970 г. – *ape* Рм, ДмРРм, *cugu ape* +ДмРРм (*cugu* «старый»), *nde ape* –ДмРРм (*de:* «маленький»), *bia* Рж, ДжРРж, *nabia* ДжРРж (где *na-* является рефлексивным префиксом, передающим значение сходства, т.е. «как мать») [2029, с. 323; 2111]. Во всех диалектах ДжРРм и ДмРРж называются особыми терминами, идентичными терминам для их реципрокатов (соответственно, *baha*, *paha* и *ara*, *ada*). Сравнительный материал по нумическим[209] и – шире – юто-ацтекским группам (например, СТР тараумара, луисеньо, серрано, тюбатулабал, кавайису, пайютов-кайбаб, ютов) дает основания предполагать, что у всех указанных групп северных шошонов бифуркативным тенденциям в +1 поколениях предшествовал стадия, на которой однополые сиблинги породителей также были обособлены от родителей и связаны взаимными терминами со своими реципрокатами (бифуркативно-линейность *cum* суперрецип рокность)[210]. Северношошонский термин *ape*, *apo*, *apu* стоит особняком среди юто-ацтекских названий «отца»: стандартным обозначением этой категории в тех юто-ацтекских СТР, в которых +1 поколение характеризуется бифуркативно-линейностью, является лексема *pa* (см.: [2070]). Можно предполагать, что появление нового корня было приспособлено к новой структурной ситуации, при которой породитель и его однополый сиблинг

стали отождествляться на морфологическом и лексическом уровнях. Как видно, снейк-ривер пошли по пути установления морфологической бифуркативности (с сохранением лексической бифуркативно-линейности; ср.: шошон. Р + *tsi* и акан. Р + *kakra*), а леми и форт-холл выработали полную (лексическую) бифуркативно-степенную номенклатуру. Шошоны Уинд-Ривер сохраняли до 1970 г. бифуркативно-степенную номенклатуру в мужской ветви +1 поколения, в женской же ветви к 1947 г. появился новый термин *naβia*, неизвестный другим группам северных шошонов и маркирующий переход от полной бифуркативности к лексической бифуркативно-линейности. В -1 поколении СТР всех северношошонских групп дают бифуркативно-степенную номенклатуру (*dua* Дм = ДмДхРЭх, *bedu* Дж = ДжДхРЭх), но у снейк-ривер родные дети эго уже выделяются производными терминами *duфи* и *bedфи*.

10.11.4. В случае ССП, инкорпорирующие тенденции в 0 поколении не явились результатом трансформации бифуркативной номенклатуры, а сохранились от древнейшей бифуркативно-линейно-инкорпорирующей модели. Становление КТР, возможно, протекало на основе древних линейных номенклатур, хотя со всей надежностью это пока утверждать нельзя. Развитие бифуркативно-линейной дифференциации в «несвойственном» ей 0 поколении, а также противопоставленность терминов для членов малой семьи всем остальным терминам как элементарных дефинитивным и дескриптивным (своеобразная морфологическая линейность), как кажется, дают этой гипотезе логическое основание. Аканский и австронезийский материалы позволяют предположить, что после достижения терминологией +1 поколения бифуркативного или линейного полюса, она *может* начинать принимать инкорпорирующий облик, т.е. опять-таки 0 и +1 поколения «перекрещиваются», обмениваясь своими принципами организации.

10.12. Протосистема терминов родства *Homo sapiens*

10.12.0. Исходя из общих эволюционных закономерностей терминологического выражения генеалогических, иденологических и реляционных принципов организации СТР (полярного, взаимного и реляционного модусов иденной материи), *Homo sapiens*, из которого можно простейшим образом (т.е. примиряя сразу несколько конфликтных эволюционных тенденций) вывести все многообразие исторически засвидетельствованных СТР, приобретает следующий вид:

±2 поколения (4 реципрокных термина): РмРм = ДДмЭм, РжРм = ДДмЭж, РмРж = ДДжЭм, РжРж = ДДжЭж;

±1 поколения (10 реципрокных терминов): +ДжРРм = Д-ДмРЭж, -ДжРРм = Д+ДмРЭж, +ДмРРм = Д-ДмРЭм, -ДмРРм = Д+ДмРЭм, Рм = ДЭм, Рж = ДЭж, +ДмРРж = Д-ДжРЭм, -ДмРРж = Д+ДжРЭм, +ДжРРж = Д-ДжРЭж, -ДжРРж = Д+ДжРЭж;

0 поколение (8 реляционных терминов): +ДмР = +ДмДРР (Эм), -ДмР = -ДмДРР (Эм), +ДжР = +ДжДРР (Эм), -ДжР = -ДжДРР (Эм), +ДмР = +ДмДРР (Эж), -ДмР = -ДмДРР (Эж), +ДжР = +ДжДРР (Эж), -ДжР = -ДжДРР (Эж)[211].

Исходный тип СТР, включавший в себя 22 *основные* категории родства, можно назвать *кроссреципрокно-ортореляционным* (КРОРТ). Это – наиболее вероятное, на наш взгляд, распределение категорий в СТР

человеческого общества на этапе, предшествовавшем его этнолингвистической дифференциации и расселению по ойкумене. Категориальная разветвленность этой «суперструктуры родства» *Homo sapiens* (вместо предлагавшихся Л.Г.Морганом, Г.Доул и сторонниками «элементарных структур» вариантами «простых» протосистем) кажется вполне вероятной, если предполагать (разумеется, на основании данных по «первобытным» обществам), *во-первых*, важность связей по родству и межличностной гносеологии (так называемой «*personal idiom*») на ранних этапах социогенеза (см., например: [1510; 1855])[212]; а *во-вторых*, отсутствие на этих этапах терминологии свойства, которая впоследствии стала составлять часть общей классификации ближайшего социального окружения человека.

Вместе с тем, предлагаемую модель нельзя считать чем-то исключительным, учитывая, что, например, в письменном варианте китайской СТР насчитывается без малого 274 термина [466, с. 106], а у австралийских йирйоронт при наличии 4 различных ТР общее количество терминов составляет 130 единиц, а количество категорий родства – 32 [2025, с. 416, прим. 9, 423]. Необходимо также учитывать, что реципрокность межпоколенных категорий и реляционность категорий 0 поколения в видовой ПСТР, а также общая тенденция к упрощению морфологии терминов до моносиллабических и редуплицированных единиц, может указывать на то, что содержание этих древнейших «понятий родства» было весьма велико; следовательно, их объем, наоборот, был ограничен (см. об этом в логике: [927, с. 59]) – именно это отличает, например, предложения от лексем[213]. Как следствие, 22 категории не обязательно означает 22 термина, а скорее 22 «граммемы», вокруг которых организовывалось множество «предложений родства». Возможно, в иденонимы, входившие в состав КРОРТ, были результатом сиюминутного *сложения* (согласования) звуков эго и звуков альтера (ср. 7.3.1.) в первичные «обороты речи», являвшиеся предложениями по функции, вибрациями по внутренней структуре и диалогическими текстами по происхождению. Реконструированная ПСТР видового уровня может указывать на то, что древнейшее языковое сознание функционировало не в одной межсубъектной парадигме с устойчивой структурой «субъект – предикат – объект» и подстановкой в нее переменных, а во множестве онтологических миров. С точки зрения генеалогической классификации типов СТР, КРОРТ представлял собой бифуркативно-линейную модель в ±1 поколениях и инкорпорирующую модель в 0 поколении, однако эти конфигурации сами по себе не имели значимости, а являлись лишь «побочным продуктом» действия принципов кросс-реципрокности, относительного пола и относительного возраста. Остается открытым вопрос о характере классификации родственников в ±3 поколениях и далее (см. Приложение I). Возможно, они не учитывались вовсе или же существовал один термин для всех «пращуров» (как, например, у северных шошонов, у которых термин *dza(a)* обозначал $Р^3$ и $Д^3$, причем информанты Дж.Стюарда говорили, что родственники ±3 поколений редко живут в одно время [2070, с. 285]). В тех СТР, в которых наблю-

дается развернутая сенексореципрокная система, термины часто носят вторичный характер[214]. Нельзя исключить возможности, что в ПСТР видового уровня альтеры нисходящих поколений, при сохранении кроссреципрокности, разграничивались по полу так же, как разграничивались по полу альтеры восходящих поколений. Во всяком случае, на американском континенте зафиксированы номенклатуры, состоящие из 45–60 основных лексем. Это, во-первых, ТР коахуилтеков, существующая в уникальной записи миссионера Б.Гарсиа 1760 г. [1948, с. 229-230]; а во-вторых, ТР сери, записанная А.Кробером [1586]. Воспроизведем ТР коахуилтеков Сан-Антонио (Техас) полностью, как она приведена у К.Ромни, и расположим ТР с учетом полярности (в скобках даны варианты из диалекта района р. Рио-Гранде):

puc'al РмРм	*ha* ДДм
cuan РмРж	*cuant'an* ДДж
caca РжРм	*mat'an* ДмДж
cis (masis) РжРж	*tzatz'an* ДжДж
tai РжЭм	***pam* Дм**
t'anague РмЭм	
mama (janai) РмЭж	*palum* ДжЭм
leish РжЭж	*q'uia* ДжЭж
cou +ДмРРм	*pchatzjop* Д-ДмРЭм
cuanaj +ДмРРж	*jc'ou* Д-ДжРЭм
tache (taish) +ДжРРж	*ptaj* Д-ДжРЭж
chal -ДжРРж	***jont'an* Дм+ДжРЭж**
***apjaisht'an*[215] Дж+ДжРЭж**	
cochtan (cotstan) -ДмРРм	*mijal* Дм+ДмРЭм
cut'an -ДмРРж	*cant'an* ДДжРЭм
macit'an +ДжРРм	*p'ai* Д-ДмРЭж
jotal -ДжРРм	***tala (talt'an)* Дм+ДмРЭж**
***tzojal* Дж+ДмРЭж**	
jat'at +ДмРЭж	*matzan* -ДмРЭж
cuantitap (t'atal) +ДмРЭм	*macutzan* -ДмРЭм
tal (quital) +ДжРЭм	*yat'an* -ДжРЭм
tzaal +ДжРЭж	*tzutzlan (matzutzan)* -ДжРЭж
mamou ДмДРР	
mamocham ДжДРР	
cham РСм = СжДм	
pacuan guaco РмСж	*yagua* СмДж
pamacis guaco РжСж	
aptajai +ДмРС	*pacuatzo* -ДмРС
taish guaco +ДжРС	*michal guaco* -ДжРС

СТР коахуилтеков полностью воспроизводят категориальные характеристики системы, предлагаемой нами в качестве исходной для человеческого общества (с редукцией параметра «пол эго» для категории «сын» и, если полностью доверяться записи, переходом к линейно-степенной терминологии в 0 поколении), с двумя существенными отличиями. В СТР коахуилтеков и сери отсутствует кроссреципрокность (т.е. все межпоколенные отношения обозначены разными ТР), но в 0 поколении с отчетливостью проявляется СИБ-8[216]. При этом, пол эго – параметр, который жестко ассоциирован с суперреципрокностью, – релевантен для всех межпоколенных категорий (в том числе и для

категорий «родителей» и «детей»). По пути терминологического разъединения реципрокатов с сохранением 4 терминов в ±2 поколениях, релевантности пола эго, относительного возраста (для сиблингов породителей) и относительного возраста коннектора в 0 поколении (для детей сиблингов) пошла юманская система (см.: [1441]). В Калифорнии известны системы, в которых реципрокность, например, отсутствует в ±2 поколениях, но 4 полярных термина маркируют пол говорящего (см.: [1361]). У коахуилтеков одна пара ТР в ±2 поколениях (*cuan* и *cuant'an*) близка по морфологическому составу (*-t'an*, видимо, представляет собой диминутив), что, видимо, является материальным свидетельством прошлой реципрокности.

В СТР коахуилтеков и сери для некоторых категорий нисходящих поколений (*mat'an*, *tzatz'an*, *jont'an*, *apjaisht'an*, *tala (talt'an)*, *tzojal*) релевантен пол альтера. Если довести эту тенденцию до логического конца, то можно представить ПСТР *Homo sapiens* как состоящую из 20 реципрокных терминов в ±1 и ±2 поколениях (48 терминов всего); но, думается, все-таки, что с распадом гиперреципрокности у коахуилтеков и сери возникли специальные термины для «сына сына мужчины», «дочери дочери женщины», «дочери сына женщины», «сына сестры мужчины», «дочери сестры мужчины» и т.п. ПСТР видового уровня не знала деления по полу младших альтеров, входящих в кроссреципрокные пары. В качестве подтверждения вторичности деления младших по полу приведем СТР хануноо (Филлипины), где *bāpaq* ДмРРм = ДжДмРЭм, *bāyih* ДжРРж = ДмДжРЭж, *lakih* РмРж = ДжДжЭм, *quiduh* РжРж = ДжДжЭж, *qumput* РмРжРж = ДмДжДж, *pūpuh* РжРмРжРж = ДжДмДжДж [1128, с. 36]. Эти уравнения отчасти напоминают расщепленно-взаимную терминологию, обоснование развития которой из кроссреципрокности содержится в 10.4.2. Существенное отличие системы отождествлений у хануноо состоит в том, что здесь формально реципрокность сохраняется, но становится строго фиксированной по полу эго и альтера (ср. «вербальную взаимность» у А.Кробера). Вторичность системы с релевантностью пола обоих реципрокатов по сравнению с системой, неразличающей пол альтера нисходящего поколения («самообоюдность» А.Кробера) представляется неоспоримым.

10.12.1. В чем же отличие предлагаемой в качестве модели ПСТР *Homo sapiens* кроссреципрокно-реляционной системы от «тетраидной» модели Н.Аллена – хронологически последнего опыта воссоздания древнейшего состояния человеческого общества?

1) КРОРТ развивает заложенную в тетраидной *теории* идею первичности принципа слияния альтернативных поколений по сравнению с генеалогическим поколением, однако развивает ее в направлении, которое фактически опровергает тетраидную *модель* номенклатуры и системы социальных связей. Если довести феномен кроссреципрокности до своего логического завершения (а именно это и предлагается в настоящей работе), а не ограничивать его действие только ±2 поколениями (как это делает Н.Аллен и др.), то в ±1 поколениях номенклатура никак не может быть бифуркативной («ирокезской»,

«бифуркативно-сливающей», «дравидийской»). Она необходимо становится бифуркативно-линейной.

2) Кроссреципрокно-ортореляционная модель СТР определяет категориальные параметры группы сиблингов – аспект, который полностью отсутствует и у Л.Г.Моргана, и у Г.Доул, и у М.В.Крюкова, и у Н.Аллена, – подчеркивает сильную дифференцированность группы сиблингов по относительному возрасту и относительному полу и постулирует инкорпорирующий принцип соотношения между сиблингами и кузенами как логическое следствие категориальной перегруженности 0 поколения. Тем самым, кроссреципрокно-реляционная модель отрицает основополагающий принцип тетраидной модели и «дравидийских» систем – так называемый «принцип кроссности» (*crossness*) –, а именно противопоставление между категорией брачных партнеров («кузенов»), связанных повторяющимися из поколение в поколение билатеральными кросскузенными браками, и категорией лиц, с которым брак запрещен (сиблинги = ортокузены). Соответственно, в рамках предлагаемой модели отвергается концепция «дуально-родового общества» и «эпигамных общностей» как отражающая древнейшую стадию социогенеза.

Вопреки таким исследователям, как Д.А.Ольдерогге, М.В.Крюков, А.А.Бородатова, И.Ж.Кожановская и др., «принцип старшинства» не является этапом трансформации бифуркативной модели в бифуркативно-линейную, не свидетельствует о распаде единства альтернативных поколений (о разложении ВТР и упрощении сиблинговой номенклатуры свидетельствует отличающее МСП *объединение* сиблингов с категориями восходящих и нисходящих поколений) и не отражает формирование в обществе представлений о линейном течении времени [651, с. 138-139; 466, с. 236; 136, с. 69-70], а относится к древнейшему состоянию СТР. В том же контексте наличие в системе терминов для обозначения старших и младших однополых сиблингов породителей, которые объединены корневой морфемой с терминами для породителей, видимо, следует рассматривать не как пережиток бифуркативной стадии, а как лексическую ассимиляцию (бифуркатизацию) с сохранением древнейшего (некогда связанного с ВТР) деления сиблингов породителей по относительному возрасту. Этот вытекающий из реконструированного ПСТР видового уровня вывод находится в согласии с мнением других исследователей о том, что что категории возраста и пола, а не генеалогические параметры, присущие современным евроамериканским СТР, играли в прошлом ведущую роль в структурации семантики иденонимов [298, с. 42; 699, с. 137-138][217].

3) Если структурообразующим принципом «тетраидного» общества (фактически построенного по модели австралийских брачных классов) является противопоставление альтернативных (0, +2, -2) и смежных (+1, -1) («гармоничных» /*harmonic*/ и «дисгармоничных» /*disharmonic/* у современных австраловедов[218]) поколений, то структурообразующей характеристикой КРОРТ является противопоставление классов родства (групп терминов) 0 поколения (группы сиблингов) и межпоколенных классов

родства. Пользуясь терминами Э.Бенвениста [1101, с. 15; 100, с. 178]), мы будем говорить, соответственно, о *гомостатмических* и *гетеростатмических* группах. Негеналогический характер КРОРТ (см. выше понятие «фенотипического синтеза») делает употребление в отношение него термина «поколение» в биологическом смысле пустым: 0 «поколение» как *пучок* дифференцированных по относительному полу и отностельному возрасту категорий не могло ни осознаваться, ни *быть* поколением, в принятом понимании этого слова. Оно противопоставлялось не +1, +2, +3, -1, -2, -3 поколениям, а другому пучку дифференцированных по относительному полу и относительному возрасту категорий. В первом пучке эго называл альтера ТР, отличным от ТР, которым альтер называл его; во втором пучке ТР были попарно идентичными. Максимально дифференцированное со своей внутренней точки зрения 0 поколение представало в межпоколенной проекции в качестве единой категории (ср. нерелевантность пола альтера для младших членов кроссреципрокных пар в виде РмРм = ДДмЭм и т.п.).

4) Принципиальной ошибкой существующих исторических типологий СТР и моделей эволюции форм брака является разведение бифуркативных и линейных систем, с одной стороны, и «элементарных» и «сложных» структур родства и принципов определения брачных партнеров – с другой, по противоположным эволюционным и временным полюсам. Именно поэтому существование линейных систем у таких этносов, как андаманцы или бушмены, воспринимается как аномалия, истолковывается как результат регресса или вообще не включается в общие исследования по эволюции социальных структур. В нашей интерпретации, бифуркативный и линейный терминологические типы стадиально равнозначны и возникли на раннем этапе эволюции СТР как киральные производные древнейшего КРОРТ. Хотя общее направление эволюции СТР нами также понимается как движение от симметричных структур к асимметричным, отношение к бифуркативным системам как к симметричным (ср. «симметричные» терминологии у Р.Нидэма) и – на основании такого отношения – как к первичным представляется ошибочным в виду наличия киральных им линейных структур[219]. «Потолок» симметричности должен быть поднят на порядок выше. Хотя на эволюционном уровне первичной дихотомии «бифуркативность – линейность» бифуркативные системы составляют большинство в общемировом масштабе, следует отметить, что такие терминологические жанры, как ССП и КТР, имеющие солидную общую дистрибуцию, тяготеют к линейному, а не бифуркативному полюсу иденетической эволюции.

Представленная в настоящей работе реконструкция «простейшим образом» отличается от стандартной эволюционной схемы «от простого к сложному» тем, что относит эмпирически известные упрощенные системы к локальным по значению процессам. Полезная простота состоит в том, что не нужно локальные процессы возводить в ранг абсолютных законов, так как локальные вариации бесчисленны и, поэтому, реалистичнее всего объясняются именно как бесчисленные локальные варианты, демонстрирующие принцип киральности или комплементарности друг другу в связи с распадом предковых

суперреципрокных и сильнодифференцированных по относительному полу и относительному возрасту структур родства. В противном случае, мы будем вечно бросаться то к «малайскому» типу, то к «австралийскому» типу, то к «дравидийскому» типу, то к «пигмейскому» типу, то к «английскому» типу и каждый будет по-своему простейшим и исходным. При этом, реальность конкретных систем будет от нас ускользать, так как незнание дифференциальных *процессов*, приведших к существующему разнообразию СТР, будет неумело компенсироваться произвольным соположением *результатов* этих процессов под видом так называемых «типов систем» на эволюционной шкале, где развитие «дравидийской» системы в систему тараумара или, напротив, в пигмейскую будет важно только как иллюстрация действия принципов, заложенных в «дравидийской» модели, без внимания к принципам организации тараумарской или пигмейской систем.

Мы никоим образом не отрицаем существование систем, *приближающихся* к идеальной модели «тетраидного» общества. Мы лишь считаем их локальными вариантами трансформации КРОРТ (а не всеобщей стадией эволюции СТР), формирующимися, как правильно замечает Н.М.Гиренко, «в условиях относительной замкнутости общественного поля взаимодействий» [235, с. 146][220]. Те австралийские группы, СТР которых более или менее последовательно воплощают супер- и среднереципрокность (викмункан, йирйоронт, канджу, яралде, ворора, вунамбал, нариньин), а также те немногие, которые сохраняют инкорпорирующую структуру в 0 поколении (алуридья, бард, северные ньюл-ньюл, курнаи, каттанг [1511, с. 169-171; 1900, с. 56; 1277, т. 10. № 2, с. 204 и далее]), согласно схеме Берндтов [108, с. 42] и другим общим работам, не знают дуального и секционного деления. Относительно алуридья, бард и ньюл-ньюл А.Элькин специально отмечал, что у них не обнаруживается и следов дуально-родовой организации и что их СР представляет собой «независимый путь развития» (*positive development*), а не упадок системы, подобной системе «кариера» [1277, т. 10, № 2, с. 215-216]. Племена, организованные по секциям и подсекциям, имеют либо аворeципрокный тип с четырьмя терминами (аранда, бинбинга), либо упрощенный аворeципрокный тип (кариера, варрамунга, вальбири, гунвинггу, алуридья, андингари), либо демонстрируют отсутствие кроссгенерационной реципрокности (большинство групп восточной, западной и центральной Австралии)[221].

Среди австраловедов усиливается тенденция определять социальную функцию секций не как регулирование брачных контактов, а в терминах семиотического управления отношениями между множеством рассредоточенных по обширной территории «локальных групп», или «племен» (см.: [1554, с. 98-99]). Сходным образом описывает значение ЭВТ (см. 9.5., 10.4.1.) М.Салинз: оно состоит в «расширении периферии родства», когда посторонние могут быстро определить степень взаимного родства, не прибегая к сложным генеалогическим расчетам [1969, с. 155]. Как уже отмечалось, есть основания предполагать эволюцию ВТР в ЭВТ. В Австралии ЭВТ обнаруживается, насколько можно судить, у групп, не имеющих «брачных классов», и следовательно, этот терминологический

порядок можно расценивать либо как переходный этап от ВТР к секционной системе, либо как альтернативный вариант трансформации ВТР.

Таким образом, наша гипотеза такова, что кроссреципрокно-ортореляционная модель описывает социальную и терминологическую структуру на этапе, *предшествовавшем* складыванию австралийских брачных классов и таких систем, как «кариера» или «дравидийская» (ср. описание Э.Вивейрос-де-Кастро системы южноамериканских кива как «супер-кариера» [2153, с. 351-352], замечание А.Рэдклифф-Брауна о системе австралийских викмункан как о «особом варианте кариера» [1900] и Р.Нидэма о том же СТР как о «простом отклонении от простой системы» [1809], а также реконструкцию С.Тайлером [2143] собственно протодравидийской СТР как суперреципрокной, хотя автор реконструкции специально не акцентирует отличие своей реконструкции от «дравидийского» типа), с одной стороны, и линейно-степенных систем у эскимосов, чукчей, андаманцев, пигмеев, бушменов, огнеземельцев и других групп – с другой.

Теория происхождения «бифуркативно-генерационных» СТР Г.Доул – правильная в случае обществ, в СТР которых сильнодифференцированная сиблинговая номенклатура и суперреципрокность разложились задолго до колонизационного периода, и ошибочная в случае автохтонных номенклатур для 0 поколения в северо- и южноамериканских СТР – была некритически воспринята исследователями северо- и южноамериканских социальных структур, которые говорят о «гаваизации» карибских и атапаскских СТР и снятии терминологического противопоставления между родственниками и свойственниками как об одном из аспектов отклонения этих систем от классической «дравидийской модели» (см., например: [1252, с. 127; 1509, с. 179; 1522, с. 96 и сл.]). Понятие «гаваизации» 0 поколения (ср. «маккензиевский» тип у Л.Спира, «бифуркативно-генерационный» тип у Г.Доул, «экс-дравидийский» тип у А.Хорнборга) сформировалось в рамках парадигмы, которая (безосновательно, с нашей точки зрения) рассматривает «ирокезский» («дравидийский») тип в качестве эволюционно первичного и принимает за данность одинаковость исходных терминологических структур и, соответственно, линий развития в ±1 поколениях и в 0 поколении (см. 3.1.). Между тем, в Южной Америке известны системы, в которых инкорпорирующая модель в 0 поколении соседствует с линейной структурой в ±1 поколениях (например, СТР тоба, где *yaqaya* ДР = ДДРР, правда *yapichaqa* +ДмР, *yanoq* -ДмР, *yapilte* +ДжР, *yano'o* -ДжР, что указывает на линизацию 0 поколения) [1757]), так что стабильность инкорпорирующей модели в 0 поколении контрастирует с зеркальной вариативностью в ±1 поколениях.

На несоответствие в данном случае научной традиции эмпирическим фактам было вскользь обращено внимание М.Годелье в послесловии к недавнему сборнику «Трансформации родства». Подняв проблему «генерационных в 0 поколении ирокезских [так! – Г.Д.] систем»

(*generational* G^0 *Iroquois systems*) в американских номенклатурах, он написал:

«Мы еще не обнаружили процессы, которые привели к формированию полновесных гавайских терминологий; нам также неизвестны системы, в которых они зародились и трансформации, посредством которых они образовались» [1371, с. 400].

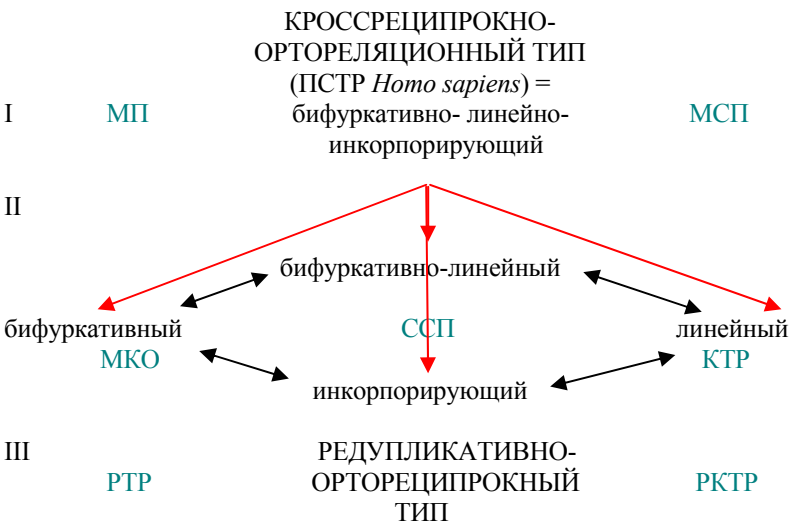
В действительности, специфика американских номенклатур заключается в том, что они *тяготеют* в направлении «дравидийской» (здесь этот жаргон особенно неудачен) модели, но *сохраняют* большое количество черт КРОРТ. В связи с этим не представляется убедительной реконструкция А.А. Бородатовой и И.Ж.Кожановской [136; 137] протомайясской СТР как «тетраидной», так как в ней не учитывается суперреципрокность и, в особенности, патруусреципрокность (а значит бифуркативно-линейность, а не бифуркативность) южнолакандонской СТР и фиксируемый лексически переход от инкорпорирующей ситуации к бифуркативной в 0 поколении в связи с появлением нормы кросскузенного брака (см.: [1324]). Среди относящихся к семье пенути групп чоли демонстрируют патруусреципрокность [136, с. 67], а михе и соке – сильные пережитки суперреципрокности (см.: [1323]). Периодически встречающиеся суждения, например, о «специфическом *развитии* дравидийской модели» в панских СТР [1509, с. 172; выделено мной. – Г.Д.] являются примером невнимания исследователей к критериям появления/исчезновения явлений в этносоциологических реконструкциях (см. об этом: [694, с. 65-66]). Тормозящим развитие унилатеральности-унилинейности влиянием КРОРТ объясняется преобладание в Южной Америке не МКО, а МП и МСП – моделей, которые подчеркивают присущее этому додравидийскому этапу неразличение кузенов и сиблингов, так же как и равновесное противопоставление патрилатератов и матрилатератов в +1 поколении. Перегруженность 0 поколения переменными «пол эго», «пол альтера» и «относительный возраст» компенсировалась отсутствием разграничения между сиблингами, орто- и кросс-кузенами, т.е. инкорпорирующим принципом группировки.

По всей видимости, можно говорить о двух «волнах» генерационного скоса и генерационного скольжения. Первая волна сложилась на базе архаичного бифуркативно-линейно-инкорпорирующего типа и привела к трансформации гипер- и суперреципрокных систем. Отсюда – неразличение в рамках МП патри- и матрилиний и значимость критерия относительного возраста в МСП. Вторичное скашивание – уже с четкой дихотомией «МК – МО» – возникло на базе бифуркативного типа СТР и сохранялось в случаях межпоколенного «перекрещивания», т.е. когда бифуркативно-линейность складывалась в 0 поколении (чаще всего на базе бифуркативно-степенной конфигурации, сменившей, в свою очередь инкорпорирующую модель классификации сиблингов), а инкорпорация – в +1 поколении (чаще всего на базе бифуркативно-степенной конфигурации, сменившей бифуркативно-линейную модель). Представляется, что именно эти процесы привели к тому разннобразию комбинаций МК, МО, с одной стороны, и «генеалогических» типов номенклатур, которые были исследованы В.А.Поповым [686, с. 50-53] (см. 5.1.9.).

Вторичный генерационный скос обнаруживает устойчивую корреляцию с филиацией общества.

10.12.2. Если попытаться сформулировать общий смысл эволюции СТР *Homo sapiens*, то в качестве наиболее существенной черты этого процесса можно назвать **преобразование кроссреципрокности в орторецип-рокность, с одной стороны, и преобразование орторелляционности в редупликативность и рекомбинированность – с другой**[222]. Универсальность и необратимость исторических трансформаций СТР заключается не в переходе от некой примитивной структуры (бифуркативной или примитивно изолирующей) к линейно-степенной номенклатуре современных европейских обществ, а в разложении и трансформации кроссгенерационной гиперреципрокности, нейтрализации параметров относительного возраста и пола во всех зонах СТР, замене сильнодифференцированной терминологии для сиблингов слабо дифференцированной и оформление всех межпоколенных терминов как редупликативных. Этот состояние СТР, в котором отчасти пребывают и(или) к которому отчасти стремятся все существующие номенклатуры, можно назвать *редупликативно-орторецип-рокным типом* (РОРТ). Прасемантическая типология, учитывающая как генеалогические, так и иденологические принципы организации СТР может быть представлена следующим образом (схема 12):

Схема 12



Первичное разложение и трансформация КРОРТ (фаза I → фаза II) могли вылиться в такие терминологические варианты, как, например, 1) бифуркативно-линейный (+1) и инкорпорирующий (0) типы без кроссреципрокности, относительновозрастного деления в ±1 поколениях и со слабо дифференцированной сиблинговой номенклатурой; 2)

бифуркативно-степенной тип в +1 или 0 поколениях (или в обоих) с частичным сохранением кроссреципрокных форм; 3) бифуркативно-гендерный; 4) линейно-реципрокный; 5) линейно-степенной; 6) линейно-гендерный; 7) комбинация бифуркативных, бифуркативно-линейных и линейных черт в разных возрастных и половых ветвях +1 поколения и комбинация бифуркативных, линейных и инкорпорирующих форм в 0 поколении. Этот этап, который можно действительно назвать хронологически древнейшим состоянием человеческих СТР, отличался большим разнообразием терминологических вариантов, соприсутствием разных принципов в одной номенклатуре, многолинейностью генерационных скосов. Эти особенности древнейших СТР не означают беспорядочность, непредсказуемость или бессистемность: они обязательно соотносились друг с другом на основе таких принципов, как оппозитивность, киральность и т.п. Характерные черты первичного этапа преобразования КРОРТ можно по-прежнему (или, по крайней мере, можно было к началу европейской колонизации) наблюдать в разных регионах мира. Парадоксально, но реликтовыми или плезиоморфными признаками СТР следует считать не какие-либо конкретные типы номенклатур, а именно разнообразие возможных принципов группировки родственников и ситуативность применения семантических правил группировки родственных категорий. *Второй этап* трансформации КРОРТ в РОРТ характеризовался стабилизацией классификационных принципов, типологическим «выравниванием» СТР, формированием историко-этнографических областей с однородными формами генерационного скоса (МКО, ССП, КТР), усилением унилатеральных тенденций в терминологиях. Здесь следует особо отметить различие между МП и МКО: МП складывается на основе ранней бифуркативно-линейно-инкорпорирующей модели (отсюда отсутствие противопоставления матрилатератов патрилатератам), тогда как МКО вырастает из более поздних бифуркативно-степенных номенклатур. Наконец, *третий (современный) этап* эволюции СТР характеризуется все более полным изживанием форм генерационного скоса, относительного возраста и относительного пола в номенклатурах и увеличением доли редупликативных и рекомбинативных терминов. Думается, что современная фаза развития СТР не обязательно предполагает переход всех номенклатур к линейно-степенным системам евроамериканского образца (хотя их влияние, естественно, является наиболее сильным в общемировом масштабе благодаря широкому распространению английского языка).

Схемы 11 и 12 демонстрируют структурный изоморфизм и исторический параллелизм в членении генеалогической, иденологической и реляционной парадигм: исходные симметричные и синтетические типы (бифуркативно-линейный, инкорпорирующий, гиперреципрокный, сильнодифференцированный) трансформируются в асимметричные и киральные (бифуркативный, линейный, МКО, относительно-половой, относительно-возрастной). Каждую конкретную СТР следует рассматривать как переп-

летение принципов, относящихся к генеалогической, иденологической и реляционной парадигмам.

10.12.3. Кроссреципрокно-ортореляционный тип СТР, выдвигаемый в настоящей работе в качестве гипотетической ПСТР *Homo sapiens*, является идеальной моделью, к которой стремились СТР населения, занимавшего прародину человечества до начала первичного расселения человека по земному шару. Реконструкция социальной организации на этапе КРОРТ и согласование ПСТР видового уровня с существующими представлениями об эволюции ранних форм общества требует специального исследования, и здесь мы ограничимся лишь предварительными замечаниями[223], которые никак не исключают других толкований.

Если варианты «тетраидных» моделей постулируют отсутствие терминологического разграничения между родственниками и свойственниками в условиях действия правила симметричного брачного альянса, то КРОРТ, не противопоставляющий кросскузенов как брачных партнеров сиблингам и ортокузенам, истолковывается как отсутствие такой категории межгруппового взаимодействия, как свойство, и, соответственно, отсутствие брачных правил, построенных на воспроизводстве брачно-ориентированных социальных категорий. КРОРТ согласуется с наличием на определенной территории множества мелких, фактически эндогамных коллективов, связанных друг с другом вариативными и индивидуализированными отношениями по обмену информацией, производственными навыками, людьми, «душами», «магическими силами» и частями тел как боевыми трофеями. Социальная близость определялась исключительно пространственной (географической) смежностью. Свойствó, как соционормативная установка (прескрипция) на биологическое воспроизводство, еще не выделилось из общей системы социальных связей, и, соответственно, сексуальные альянсы носили окказиональный и непрочный характер. Выдвинем гипотезу о том, что обязательный двусторонний кросскузенный брак, практикуемый двумя взаимобрачащимися (эпигамными) общностями, является локальным социальным институтом (зафиксированным, кстати, преимущественно в Старом Свете), а не эволюционным архетипом всех брачных систем; и что в ряде случаев односторонний кросскузенный брак не был результатом трансформации двустороннего. Как кажется, с точки зрения эволюции с переходом к кросскузенному браку утверждается социоцентрическая система брака там, где ранее существовала эгоцентрическая система альянсов. В отдельных, возможно, мотивированных демографическими обстоятельствами случаях, постепенное стягивание социальных групп в альянсы приводит в конце концов к обмену родными сестрами. На этом до-«классификационном» (в смысле Л.Г.Моргана) этапе человеческой истории основной социальной оппозицией было противопоставление внутренней, освоенной, «бытовой» (в том числе сексуальной) сферы и внешней, чужой, неизвестной, «церемониальной» сферы. Возможно, на месте позднейшей «подсистемы свойства» находилась развернутая

система описания категорий умерших родственников (аффективная подсистема), элементы которой сохранились в разных индейских СТР (см. 8.2.). Для такой системы посмертной номинации должны были быть релевантны такие параметры, как «умерший альтер X» и «альтер X в случае смерти коннектора У».

Непосредственный (прижизненный) обмен и дарение, возможно, протекавшие по каналам пола (т.е. от старшего мужского родственника к младшему мужскому родственнику, от старшей родственницы к младшей родственнице; см. 6.3.5.), существовали там, где впоследствии развились системы (посмертного) наследования. Отсутствие унилатеральных социальных группировок было вызвано тем, что основой групповой принадлежности была не долгосрочное правило, а реальное ситуативное взаимодействие, в результате которого то здесь, то там образовывались, так сказать, «сочленения фенотипов»; каждое межсубъектное отношение еще не было категориально обобщено, а имело, так сказать, свой «тотем». В этой связи уместно процитировать наблюдение исследователей культуры тараумара (юто-ацтекская семья), СТР которых отличается суперреципрокностью.

«Те же самые элементы, которые дают любому члену [малой] семьи свободу покинуть свою группу в любое время, также и сплачивают их вместе. В самой рыхлости [этой структуры] заложена ее сила» [1100, с. 231-232].

Не следует рассматривать КРОРТ как абсолютно первичную модель, т.е. такую, которой не предшествовала никакая другая система идентификации человеком себе подобных. Однако она способна указать путь, по которому, думается, стоит следовать в реконструкции более глубоких основ человеческого общества. Следует особо подчеркнуть, что КРОРТ выражал иденную материю, а не генеалогическую матрицу, и использование при его воспроизведении «кода Левина» призвано, хотя и несовершенными средствами, передать принципиально негенеалогический характер категорий ПСТР видового уровня. Так, иденная материя не подчеркивает филиационные отношения между, скажем, братом матери и детьми брата матери (последние входят в расширенную группу сиблингов и классифицируются по относительному возрасту и относительному полу) или между родителями и сиблингами (последние сливаются с кузенами). Иденная материя ни в чем не противоречит генеалогической матрице и не является менее «биологичной»; скорее, она более строго, чем генеалогическая матрица, передает взаимообусловленность, взаимозависимость и несводимость фенотипов членов социальной группы как самоорганизующегося ойкуменического синтеза (см. 6.3.6., 6.4.). КРОРТ отличается не только повышенной количественной, но и категориальной сложностью. Он построен на дизъюнктивных категориальных принципах, которые, как показывает детская психология, усваиваются человеком с особенным трудом (см. об этом: [1144]). Генеральное развитие СТР шло по линии смены дизъюнктивной категоризации конъюнктивной.

На этапе, предшествовавшем формированию КРОРТ, знаки, применявшиеся теми, кого *впоследствии стали называть*

родственниками и делить на сперва взаимные, а впоследствии полярные категории, были непосредственными «слепками» со строго индивидуальных процессов фенотипического взаимодействия. Иденонимы могли учитывать такие переменные как взаимное положение эго и альтера в пространстве в момент коммуникации, положение тела (стояние/сидение), внешние признаки типа цвета волос, глаз, роста и пр. Иными словами, СТР выражала не систему абсолютных и общих категорий поколения, степени и генеалогических линий, а более дробный *иденотип*, или систему мельчайших взаимно значимых фенотипических признаков конкретных индивидов.

Исходя из того, что матри- и патрireципрокные формы – явление крайне редкое в СТР, можно предположить, что именно они представляли собой первые попытки упростить систему идентификации за счет категориального выделения прямой линии родства. Предположение о том, что синтетические понятия «отец-сын», «отец-дочь» и «мать-сын», «мать-дочь» первыми выделились как категории в сознании человека вполне логично и не идет вразрез ни со здравым смыслом, ни с данными по формированию ребенком своих первых восприятий социального мира. На основе этого типа номенклатуры родства в дальнейшем сложилось кроссреципрокно-ортореляционное представление о строении сети первичных субъект-объектных связей, или реконструируемая нами ПСТР *Homo sapiens*. Не исключено, что до формирования этого чисто гипотетического типа СТР, состоявшего всего из 4 категориальных иденонимов, человечество не знало запрета на инцест как воспрещения половых связей (брака) с *категориально* очерченным кругом ближайших родственников. Возможность или невозможность сексуальной коммуникации определялась строго ситуативным соотношением фенотипических признаков потенциальных партнеров. Субъект *мог* входить в интимные отношения с лицами, *впоследствии осознанными* как его «мать» и «сестра» или ее «отец» и «брат» в социально или индивидуально значимых обстоятельствах, если те обладали социально или индивидуально значимыми фенотипическими признаками. Видимо, Л.Г.Морган мог оказаться правым в своей ставшей потом казаться абсурдной идее о первоначальной эпохе (для нас – категориального!) промискуитета в человеческом обществе. Это, однако, не означает, что в межполовых отношениях царил хаос; скорее, они структурировались на основе принципов, которые пока невозможно вычленить.

Сильнодифференцированная номенклатура для лиц 0 поколения, реконструируемая для человеческой ПСТР, возможно, сложилась в ту эпоху, когда был введен запрет на половые связи между родителями и детьми и установлено правило брака в пределах группы сиблингов (родных сиблингов или кузенов) с учетом относительного возраста партнеров. Позднейшие исследователи отвергли идею Л.Г.Моргана о кровнородственной семье не потому, что были найдены позитивные доказательства противного, а потому что было выявлено несоответствие малайской и гавайской СТР первичному типу номенклатур и отсутствие таких семей в историческом прошлом или настоящем этносов, имеющих

такую форму группировки родственников +1 поколения. Сильнодифференцированный тип сиблинговой номенклатуры содержит «малайские» черты, но эти черты имеют иную эволюционную значимость, нежели это представлялось Л.Г.Моргану (он реконструировал этот тип для +1 поколения) и социальная реальность, стоящая за этим типом СТР, относится к *другому* прошлому, чем то, которое виделось основателю этносоциологического подхода к феномену родству при исследовании значения «малайских» номенклатур[224].

Ошибкой существующих теорий происхождения экзогамии (или, по П.Л.Белкову, «первородным грехом этнографии») является молчаливая предпосылка о том, что наличествующий в обществе запрет нацелен на недопущение повторения ситуации, господствовавшей в прошлом и что он исторически первичен по отношению к позитивной (разрешенной) общественной стратегии. Но мишенью общественного табу является не действительная форма поведения членов общества, а иллюзии относительно его содержания[225]. Табу – это антизнак, который, не имея собственного денотативного значения, хранит сигнификативное значение (смысл) другого знака. На самом деле, запрет на инцест (или в случае многих элит – наоборот, на экзогамные связи) есть *продукт* процесса утверждения позитивного брачного обычая, нарастающий (или колеблющийся) в своей конкретности, натурализованности и непреложности по мере кристаллизации (в определенных условиях) реальных брачных предпочтений в идеальную брачную прескрипцию. Запрету на брак с «известным родственником» предшествовал не другой брачный запрет, а состояние фактического отсутствия браков с родственниками, так как единственными *переживаемыми* родственниками были умершие, с которыми брак был, разумеется, просто невозможен (см. 6.4.). Физиологические родственники не были связаны между собой *ничем, кроме* половых отношений и рождения детей (плотский симбиоз живых), тогда как живые и умершие были связаны между собой *всем, кроме* половых отношений и рождения детей (кровное родство). В ходе общественной эволюции фокус родства, как отношения мышления к своему бытия, постоянно передвигался, и, следуя его движению, напоминающему перемещение внимания говорящего, употребляющего шифтерные знаки «я», «ты» и «он», перераспределялись (центрировались) в различные типы социальных групп множества индивидов. В разных местах по-разному происходило постепенное «перетекание» крови из мира смерти в мир брака и, наконец, в мир рождения, а идеология брачного запрета (экзогамии) и брачной прескрипции (эндогамии) всякий раз создавалась заново как средство сохранения космогонии в зачатии[226]. Вопрос следует ставить не в форме «как произошел запрет на инцест» и «откуда возник институт кросскузенного брака», а каким образом (кросс)физические альянсы стали (кросс)кузенными браками, а (посмертное) родство стало инцестуальным[227].

Вопреки восходящей к Л.Г.Моргану традиции (во многом справедливой для «классификационного» этапа в эволюции СР),

первобытное племя (или этнос) было экзогамным, но не потому, что люди осознанно заключали браки вне своей осознанной культурной общности, а потому, что каждое племя черпало свои признаки, как племени, всегда из другого племени; первобытный род был эндогамным, но не потому, что люди осознанно занимались инцестом, а потому, что род становился родом только тогда, когда он был основан на браке. Только рождение ребенка было основанием для представления о происхождении от общего предка. Вектор родства направлен не от центра к периферии и не от периферии к центру (обе формулировки обратимы), а отовсюду вглубь: это циркуляция, размещение и разложение признаков, а не классификация, управление и манипуляция предметами.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ПРАСЕМАНТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ СИСТЕМ ТЕРМИНОВ РОДСТВА

11. Этногенетический субстрат прасемантической типологии

11.1. Современное состояние этногенетических реконструкций

11.1.0. В науке прочно утвердилась традиция решать кардинальные вопросы антропогенеза, этногенеза и этнической истории на основании дан-

ных лингвистики, археологии, физической антропологии и популяционной (антропологической) генетики. Как правило, результаты анализа закономерностей развития языковой системы накладываются на археологический материал и, наконец, сопоставляются с физико-антропологической и(или) молекулярной информацией – такова обобщенная схема процесса выяснения исторических судеб народов (см., например: [1406; 622; 622а]).

Сторонниками классических методов лингвистической компаративистики, созданных неограмматической школой XIX в., считается (на умозрительных, правда, основаниях), что языковые процессы, протекавшие ранее 8000-10000 лет назад, не подлежат надежному научному описанию в силу того, что неуклонный процесс фонетического дрейфа и языковой дивергенции делает невозможным идентифицикацию регулярных схождений между лексическими формами различных языков (см., например: [1551, с. 23]). Напротив, по мнению Дж.Гринберга, в достаточном для научного анализа количестве случаев сходства между формами, восходящими к одному прототипу, неизбывны и могут обнаруживаться путем визуальной инспекции определенного множества языков. Согласно его методу многолинейного (массового) сравнения (*multilateral /mass/ comparison*), вся совокупность языков, которые не демонстрируют регулярных звуковых соответствий, но занимают определенную территорию и принадлежат популяциям, имеющим многообразные антропологические и культурные сходства, анализируются на предмет формального сходства/различия в лексических формах, служащих для обозначения ограниченного набора понятий (см.: [1401]). Только после того, как при помощи этого метода очерчивается круг языков, связанных между собой значительным числом сходных по фонетическому строению и семантическому содержанию лексем, можно начинать поиск среди них регулярных звуковых соответствий.

Работа по установлению широких генетических связей между языковыми семьями первого порядка (индоевропейскими, уральскими, алтайскими и т.п.), ведущаяся на протяжении последних 30 лет в рамках российских «ностратической» и «бореальной» школ и американской «таксономической» школы, пока не привела к однозначным результатам, а в случае, например, америндской суперсемьи, предложенной Дж.Гринбергом для более, чем 1500 языков Нового Света [1401], вызвала обструкцию со стороны подавляющего большинства лингвистов (см., например: [1465]). Таксономическая лингвистика Дж.Гринберга напоминает о том, что путь к совершенствованию реконструкций праязыковых состояний идет через интеграцию трех известных лингвистике типов классификаций языковых феноменов, или трех способов описания языковой системы: *генетического*, *ареального* и *типологического* [125; 1025; 1011, с. 66; 555; 428]. Возможность выделения во множестве социальных систем признаков их *дивергенции*, *конвергенции* и *интерференции* друг с другом делает эти системы богатыми источниками информации о процессах, породивших современное этнокультурное разнообразие.

В своей дискретности и высокой интегрированности язык как знаковая система противостоит дискретности и интегрированности

молекулярных систем популяционного воспроизводства. До начала 1980-х гг. популяционная генетика знала только синхронные способы описания и сравнения генетического разнообразия популяций. Например, среди так называемых «классических» генных маркеров простейшей дифференциальной структурой обладают группы крови, которых известно четыре основные разновидности – А, В, АВ и О. Описание популяции с точки зрения частотности аллелей этих групп есть пример типологического анализа в популяционной генетике (см., например: [1396; 263]). Определение роли потока генов одной популяции в генетическом составе другой аналогично исследованию языковых или культурных заимствований в контактных зонах. Открытие нерекомбинирующихся и гипервариативных участков человеческого генома (митохондриальная ДНК, передающаяся только по материнской линии; у-хромосома, наследующаяся только по отцовской линии; мини- и микросателлиты и др.) позволило сформировать парадигму исследования глобальной популяционной истории человечества (см.: [1942; 1778]) и приблизительно соотнести ее с классификацией языков мира [1174].

Усиливающееся стремление ученых к всесторонней интеграция лингвистики, археологии, популяционной генетики и физической антропологии в деле исследования как макроэволюции *Homo sapiens*, так и микроэволюции отдельных популяций (например, аборигенов Америки или носителей ИЕ языков) (см., например: [1927; 1406; 841; 1207; 1603; 622; 425б; 425с; 426; 439а]) базируется на правильной посылке о неполноте каждого отдельного вида исторических источников, но наталкивается на следующие фундаментальные, на наш взгляд, методологические и практические проблемы.

11.1.1. *Во-первых*, до тех пор, пока историческая фонология не будет поставлена на прочную историко-семантическую основу, популяционная генетика – не будет согласована с эволюцией брачных норм, порядка воспроизводства и принципов построения круга лиц, вовлекаемых в физическую мобильность и географическую колонизацию на разных этапах человеческой истории и в разных областях ойкумены (ср.: [59; 60; 61; 62]), а археология – не вступит в обязательный диалог с местными фольклорными традициями и с этнографическими реконструкциями социальных структур (ср.: [1991; 2146; 1933; 1230; 1346]), глубокое соотнесение результатов лингвистических, генетических и археологических исследований человеческой истории будет постоянно затруднено отсутствием общего «кода» для их интерпретации.

Во-вторых, ни одна из задействованных в решении вопросов глобального и локального этногенеза дисциплин не обладает методикой дедуктивного определения исходной формы, из которой все многообразие эмпирических систем может быть далее выведено индуктивным путем. Искомый синтез не может быть достигнут в ходе применения некоторой процедуры совмещения информации, получаемой методами различных источниковедческих дисциплин; синтез должен быть обнаружен в объективной реальности и иметь вид самоописывающего текста и саморазвивающейся системы. Следует помнить, что помимо

того, что человек невольно оставляет следы своей деятельности в памятниках, исследуемых археологами, в языке, исследуемом лингвистами, или в своем собственном физическом облике, исследуемом физическими антропологами и генетиками, он еще интенционально и осознанно существует среди себе подобных, объективируя себя и субъективируя других. Обнаружение и исследование синтетического источника информации, материализующего саморазвивающиеся (временящиеся и пространствующие) этносоциальные организмы, в которых разворачивается драма рождения, взросления (инициации) и смерти индивидов, позволило бы не реконструировать искомый процесс, не восходить от известного к неизвестному, а про-конструировать его, т.е. прогнозировать настоящее с непосредственно наблюдаемой точки в прошлом и интерпретировать частные источники информации с позиции общей схемы течения социального времени.

В случае популяционной генетики в качестве моделей исходных для *Homo sapiens* генетических структур используются последовательности нуклеотидов антропоидных обезьян или, с недавнего времени, неандертальцев. Однако значение методики *межвидового* сравнения, как одного из вариантов «внешней реконструкции» (*out-group comparison*), являющейся наиболее действенным методом не только в генетике, но и в лингвистической компаративистике, невелико, так как получаемые при этом генеалогические древа молекулярных структур называют прямых потомков первой отпочковавшейся от антропоидных предков человека популяции (койсаны и пигмеи в большинстве исследований), но не в состоянии дать ясные описания процесса *внутривидовой* дивергенции человеческих групп (см., например: [2101]).

Если метод видового сравнения опирается на генетическую структуру, которая выдвигается на роль древнейшего видового нуклеотидного мотива, то метод сравнения степени генетического разнообразия популяций исходит из того, что наиболее дифференцированные популяции являются древнейшими. На этом основании в большинстве работ отстаивается точка зрения о том, что Африка, популяции которой демонстрируют наивысшее континентальное аллельное разнообразие в серии маркеров (например, митохондриальная ДНК, у-хромосома, минисателлиты) является прародиной *Homo sapiens* (см., например: [1743; 1053; 1446]). Привлечение фактора максимальной дифференцированности форм в пределах региона в качестве показателя прародины группы имеет длительную историю не только в популяционной биологии, но и в исторической лингвистике (см.: [1173, с. 67; 1261, с. 15; 1250, с. 11-12]). Для генетики этот метод не является бесспорным, так как, даже если отбросить фактор селекции, степень аллельной дифференцированности прямо пропорциональна размеру эффективной популяции. Прямая зависимость между регионом максимальной дифференцированности и местонахождением прародины не является абсолютным и для лингвистики, так как, с одной стороны, можно привести примеры, когда наивысшая дифференцированность в пределах языковой семьи приходилась на регион, языковая картина которого сложилась

относительно поздно (например, балканский ареал ИЕ семьи); а с другой – разнообразие, измеряемое по разным параметрам, зачастую приводит к разным результатам. Например, Африка является наиболее представительным континентом по количеству самостоятельных языков (около 2600), однако число языковых семей первого уровня[228], в которые эти языки группируются, невелико (всего около 20); в то же время американский континент, с одной стороны, характеризуется самым большим в мире разнообразием структурных типов языков, а с другой – содержит самое большое количество языковых семей (около 150 из 250), однако каждая из последних содержит сравнительно мало языков (см.: [1826; 1827; 1828]). В исторической лингвистике метод многолинейного сравнения Дж.Гринберга, номинально призванный устанавливать границы, в пределах которых следует в дальнейшем устанавливать фонетические соответствия, является примером не дедуктивного подхода, а радикально-волевым навязыванием индукции в качестве единственного метода исторического познания. В качестве доказательства правомерности массовых сопоставлений как источника информации о генетических связях между языками Дж.Гринберг особо отмечает (см.: [1403]), что установление родства ИЕ языков (от сэра У.Джоунса до Б.Грозны) шло от признания родственности форм на основе формального сходства звучания и значения к обнаружению правил их фонетических соотношений. Однако тот факт, что именно так обстояло дело в индоевропеистике, сам по себе не является критерием методологической правомерности и теоретической обоснованности такой процедуры.

В-третьих, все теории глобального этногенеза покоятся на серии априорных постулатов, истинность которых никогда не была верифицирована методами современной науки. Одной из таких «само собой разумеющихся положений» является, к примеру, представление о том, что американский континент был заселен из какого-то региона Старого Света. Зародившееся еще в сознании первооткрывателей Америки, это представление раз и навсегда избавило исследователей исторических контактов между Старым Светом и Новым Светом от необходимости доказывать, почему многочисленные и разнородные культурные, физические, генетические, археологические и лингвистические параллели между Америкой, с одной стороны, и Европой, Северной Азией, Юго-Восточной Азией и Полинезией – с другой, следует рассматривать как свидетельства сухопутных и морских миграций в Америку из Старого Света, а не наоборот. Существование таких древних археологических культур, как Монте-Верде (~13500 лет) и Монте-Верде II (~33000 лет) [1238], доказывающих присутствие людей на территории Америки к югу от ледникового щита, и нахождение всех потенциально наиболее древних культур (Педра-Фурада, Монте-Верде II и пр.) в Южной, а не в Северной Америке [1239]; сохранение на всем протяжении археологической истории Америки локального разнообразия в орудиях, занятиях и культуре [1239]; убывание памятников культуры «кловис» в Сев. Америке с юга на север, указывающее на движение населения по так называемому «ледовому

коридору» скорее «вверх» к Аляске, чем «вниз» в глубь американского континента (см. об этом: [1240; 1187])[229]; недавнее обнаружение вблизи побережья Охотского моря наконечника типа «кловис» (особенно близкого американской культуре Мармес-Рокшелтер) в более «молодом», чем в Америке радиоуглеродном контексте (~ 8600 лет) при полном отсутствии ранних аналогов «кловис» в Сибири [1563; 2042; 790, с. 168 и сл.][230]; передатировка «американоидного» [1893, с. 219-221] черепа из пещеры Чжоукоудянь (Китай) как не превышающего 10600 лет [1544] и обнаружение у чукчей и коряков вариантов типично индейских генов [1547] свидетельствует о высокой сложности верхнепалеолитических контактов между Старым и Новым Светом. Если учесть, что сами «параллели» между регионами нейтральны к проблеме направления миграций, *тезис о «заселении Америки» до сих пор не получил наглядного и законченного подтверждения* ни со стороны археологов (см.: [2058] и обзор: [1263]), ни со стороны генетиков (см.: [1481]), ни со стороны физических антропологов (см.: [359]), ни со стороны лингвистов. Одновременно американский континент характеризуется наивысшей степенью структурного и генетического языкового разнообразия[231]. Возможно, именно фокусированное сравнение с индейскими языками позволит, с одной стороны, пролить свет на происхождение так называемых «некоррелируемых» (с точки зрения Старого Света!) языков (кетского, айнского и др.), а с другой – разобраться с внутренней структурой «ностратической» и «евроазиатской» суперсемей. Недавнее осторожное и, думается, корректное сопоставление енисейского и надене лексического материала [1963], а также глагольных структур [2144] в этих языках – первое тому подтверждение[232].

В-четвертых, и лингвистика, и генетика, и физическая антропология, и археология оперируют не реальными пространственно-временными единицами внутривидового исторического процесса – *этносами*, – а лишь побочными продуктами реальной духовной, нравственной и физической вовлеченности человека в историю. В историко-лингвистических исследованиях несовпадение этноса-народа и языка признается несущественным [946, с. 97], но в то же самое время лингвисты признают тот факт, что

«факт языкового распада… определяется не собственно внутриязыковыми причинами (лингвисты и сегодня не имеют инструмента для точного определения статуса той или иной языковой единицы как диалекта или отдельного языка, тем более ничего подобного не могло иметь места в прошлом), а исключительно социальными обстоятельствами» [622, с. 112; 622а, с. 437-438].

Причина редукции объекта познания к инструменту познания (или действительного процесса к его симптому) заключается в том, что, во-первых, указанными дисциплинами принимается за данность *однородность* генетического аспекта сложения современного биологического и культурного разнообразия; во-вторых, этнографы не имеют адекватной теории, описывающей феномен этноса как такового; в-третьих, ни генетики, ни лингвисты, ни этнографы, ни археологи не обладают средствами описания биокультурного разнообразия с позиции

саморазвивающихся систем, т.е. таких систем, внутренняя структура каждой из которых не зависит от структуры других. Думается, путь к таким саморазвивающимся синтетическим системам был подсказан К.Ренфрю, который посетовал, что при решении вопросов глобальной истории человеческих групп «были оставлены без внимания структуры родства» [1927, с. 479]. Именно через *СТР как материальные средства преобразования фенотипического разнообразия в информационное и обратно* (7.3.4.), можно, как кажется, наблюдать те «исчезнувшие объемные структуры древнего мира» [426, с. 18] (и невидимые объемные структуры мира современного), от которых отходят в качестве абстрактных проекций структуры естественного языка и молекулярные структуры, физические типы и предметы материального быта. В структуре источников по древней истории человечества СТР занимают двоякое место: с одной стороны, это один из способов косвенного познания прошлого, в котором отражаются «некоторые общие принципы организации общества» на разных этапах его развития; с другой – это исторический метаисточник информации, организующий прочие источники в цельный ансамбль и отражающий ту избыточность реального социального бытия (социальную метаинформацию), которая компенсирует неполноту специализированных источников. СТР являются источниками социальной информации как для реальных людей, так и для науки. Поэтому их фактичность так же однозначна, как фактичность археологического артефакта; а их знаковость так же многомерна, как и знаковость научной истины.

11.2. Неоднородность генетического аспекта языковой системы. Субстратно-генетическое, адстратно-генетическое и суперстратно-генетическое родство языковых форм

11.2.0. Если краеугольным камнем структурной (здесь – синхронной) лингвистики является тезис о произвольности языкового знака, то ни один из постулатов исторической лингвистики не является, наверное, более общепризнанным, чем тезис о родстве знаков разных языков, или, проще говоря, о «родстве языков».

«Генеалогическая классификация языков – это классификация языков по родственным связям между ними, классификация, при которой объединяются родственные языки» [362, с. 5].

У лингвистов-компаративистов можно встретить следующие высказывания относительно того, что понимается под «родством языков»:

«Родственными могут быть только языки, происходящие из одного источника или от одного языка-предка» [781, с. 7].

«…Компаративистская процедура имеет дело с системой соответствий между праязыком и зафиксированными языками… То есть предметом исследования в компаративистике является система соответствий между праязыком и его потомками» [314, с. 44].

Современная историческая лингвистика исходит из того, что субъектом историко-генетического процесса является весь лексический состав языка, противостоящий всему лексическому составу другого языка. Фонетические изменения охватывают все входящие в язык

лексические единицы, что отрицает (или, точнее, делает мало значимым для компаративистики) наличие в одном языке нескольких принципиально различных в фонетическом отношении рефлексов одного протоязыкового корня. Древнейший слой лексики одного языка и древнейший слой лексики другого языка будут относиться к одному протоязыку, давшему начало только рассматриваемым дочерним языкам [314, с. 42]. Отсюда проистекает ключевая для исторической лингвистики языка задача отделения исконного лексического фонда от позднейших заимствований.

Единственным устойчивым критерием генетического родства считается наличие регулярных фонетических соответствий между языками, входящими в языковую семью, предполагающее определенное фонетическое событие (цепочку событий), имевшее место в масштабах всей языковой системы в интервале между распадом протоязыка и текущим моментом. Общность морфологического, синтаксического, грамматического строя относится к элементам типологического изоморфизма и не принимается в качестве признака восхождения языков к единому источнику. Например, изолирующие языки Южной Азии и Мезоамерики не связаны между собой никаким генетическим родством, которое исчислялось бы по этому признаку. Таким образом, складывается триада актуальных для компаративистики объяснений сходства между элементами различных языков – нисхождение от общей протоформы, заимствование из *другого* языка и случайное (типологическое) совпадение.

Хотя нет ни одного ученого-гуманитария, который бы сомневался в том, что языки обнаруживают такое свойство, как нахождение в родстве друг с другом, положение о языковом родстве, сложившееся еще до начала систематического изучения языков мира и до формирования общественно-научных эпистемологий, не основывается ни на каких теоретических разработках. Если бывают этимологии, признаваемые «народными» в противоположность «научным», то тезис о «родственных связях» между языками есть пример «народной» исторической лингвистики, вошедшей в современное общественно-научное мировоззрение без всякой аналитической «фильтрации». В существующем ныне виде понятие «языковое родство» сугубо метафорично. Американский вариант английского языка не отпочковывался в буквальном смысле слова от британского английского в результате переселения части англичан в Сев. Америку; просто он подвергся определенным фонетическим и лексическим изменениям, отличным от тех изменений, которые произошли в британском английском со времени образования первых колоний.

Изложенные выше «азбучные» истины компаративистики таят в себе серию логических неувязок и незаданных вопросов. Жесткое противопоставление генетического родства, контактного сродства и типологического изоморфизма ошибочно в связи с тем, что оно предполагает 1) принципиальную несовместимость этих трех классов причин сходства между языками; 2) отсутствие внутри каждого из них

значимой для компаративистики дифференциации и 3) возможность определить природу каждой из этих причин исключительно в сопоставлении с двумя другими, а не исходя из ее собственной дифференциации. Слова меняют свой фонетический, морфологический и семантический «облик» не потому, что «хотят» находиться в родстве со словами других языков и не потому, что носителей русского языка интересует формальное соответствие русских форм, скажем, польским; следовательно, раскрытию должно подвергаться не просто родство одних форм другим, а процесс исторического перехода от фонетического, морфологического и семантического состояния корня в момент времени t_1 к фонетическому, морфологическому и семантическому его состоянию в момент времени t_2, а также порядок «почкования» слов, возникших на основе данного корня. Соответственно, *ядро понятия* языкового родства должно формулироваться не как функция диахронического соотношения между рассредоточенными по разным языкам формами, а как функция соотношения между формами одного языка, относящимися к разным синхронным срезам. **Необходимо не просто использовать язык для констатации факта членения внутривидового разнообразия человечества на этнокультурные группы, а с позиции языка задаться вопросом о том, что приводит к выделению человеческих групп в самостоятельные этнокультурные единицы**. В этой связи важность приобретает вопрос о составляющих генетического (в строгом смысле слова) родства. Перспективность реконструкций праязыковых состояний, думается, зависит от четкого разделения *суперстратно-генетического*, *адстратно-генетического* и *субстратно-генетического* родства.

11.2.1. Как отмечают компаративисты, понятие языкового родства исходит из концепции произвольности языкового знака [314, с. 41] (со ссылкой на А.Мейе). Примечательно, что концепция произвольности знака – плод синхронной лингвистики и применима к внутриязыковым процессам, тогда как концепция родства между знаками относится только к диахронным отношениям и описывает соотношение между языками. Современная теория языкового знака предполагает, что в знаке совмещается материальная (фономорфологическая) и идеальная (понятийная, образная, признаковая – в зависимости от типа знака) стороны, между которыми нет необходимой связи (см. 7.1.0.). Раздутая в структурализме до масштабов глубокой эпистемологии формулировка «произвольность означающего по отношению к означаемому»[233] не имеет другого смысла, помимо инструментально-историографического: она хороша как *аргумент против* тенденции классических грамматиков искать в фонетическом облике слова следы воспроизведения материальных свойств объекта номинации, но не имеет никакого отношения к структуре знака как такового. Как претендующий на описание сущности знакового выражения, предикат «произвольный» фиктивен; как реально относящийся к природе методологической связи между исследователем и его языковым материалом, он лингвистической теорией невостребован.

Если то, что совмещается, имеет субстанционально различную природу, а самый механизм совмещения произволен, значит мы просто *не* знаем, какова природа языковой референции. Заложенное в основном тезисе структурной лингвистики и знаковой теории картезианское противопоставление материального и идеального заставляет думать, что означаемое как понятие (образ, признак) может существовать отдельно от означающего (звука), иначе вообще нельзя было бы говорить о («отсутствии необходимой») связи между ними. По-другому, интуитивно улавливаемая эмпирическая двойственность знака не оформлена в лингвистической теории в понятия, которые отвечали бы требованию «сущностной совместимости» М.Хайдеггера[234]. Каждое означающее находится в *действительной* связи со *своим* означаемым, и попытки представить этот тип связи как «произвольный» (равно как и через его прямой логический антипод – «мотивированный») касаются лишь интересующего *исследователя* явления, но не феномена, имманентного социальному и когнитивному функционированию знака. Действительная связь насыщеннее любой «необходимой», и что, видимо, хотел передать Ф. де Соссюр своей формулировкой *l'arbitraire du signe* с заложенным в ней двояким смыслом психологической непреложности и формальной произвольности знака, так это конкретное свойство *необратимости* связи означающего и означаемого во времени, без которого связь между языком как совокупностью правил комбинации знаков и речью как хронологической последовательностью знаков не была бы необходимой.

Как это первым показал Н.В.Крушевский (см.: [1020, 1021]; 7.1.0.), каждый языковой знак связан многофакторными отношениями по сходству и смежности с другими знаками, входящими в его лексическое «гнездо»; следовательно, связь между означаемым и означающим не является в полной мере произвольной (но при этом, добавим, остается необратимой). Лексическое гнездо (англ. *family of words*, франц. *famille de mots* «семья слов») кристаллизуется вокруг *корня*, т.е. общей для группы слов непроизводной части, воспроизводящей с фонетическими и семантическими модификациями праязыковой этимон. Хотя эти процессы хорошо известны и описаны в общей лингвистике, лексические гнезда не рассматриваются как форма языкового родства. Как кажется, достаточных оснований для этой традиции нет, и феномен «гнездования» лексем будет рассматриваться как *суперстратно-генетическое родство*. «Суперстратный» значит не синхронный, а своего рода «элементарно-диахронный».

Может ли корень как элементарная единица исторического развития лексической системы иметь какой-то статус в «синхронной» теории языкового знака? Каково *коренное* соотношение знака и действительности? На наш взгляд, эмпирическая пара «корень – слово» сопоставима с аналитической парой «означаемое – означающее», т.е. в основе языковой референции лежит связь между однопорядковыми сущностями, одна из которых исторически предшествует, логически предваряет, функционально детерминирует, но часто соотносится с гнездом других, как единичное с множественным. В языковом знаке нет

понятия, которое не было бы (как означаемое, а не как итоговый знак) звуковым рядом; и нет такого звукового ряда, который не нес бы смысловую нагрузку. Так, означаемым такой группы русских слов, как *продавать*, *давать*, *раздавать*, *дающий*, *издатель* будет корень *-да-*. Бессмысленно говорить, что означаемым таких слов, как рус. *давать*, англ. *give*, нем. *geben*, франц. *donner* является некое понятие «осуществлять акт переноса объекта из одного места в другое с сопутствующим присвоением этого объекта другим лицом». Каждое из этих слов в пределах своего языка опишет данное понятие лучше любой словарной статьи, сообщив при этом, через элементы своего лексического гнезда, дополнительные культурные коннотации. Однако, если слово является частью лексики конкретно-исторического языка и играет «этнодифференцирующую» роль (произнесенное, оно может быть узнано носителем языка), то корень слова принадлежит говорящему как представителю человеческого рода (он редко может быть узнан сам по себе, но всегда может быть активизирован говорящим для создания нового слова).

Тезис о «произвольности означающего по отношению к означаемому» следует переформулировать как *произвольность фонетической формы слова по отношению к его корню*. Это означает, что какие бы фонетические изменения ни претерпела корневая основа слова, за ними всегда будет угадываться структура этимона, и комбинации новых звуков будут накладываться «слоями» на более ранние формы. Пресловутые «регулярные фонетические соответствия» являются не генетическим, а сугубо типологическим параметром языковой системы, так как нет никаких оснований думать, что переход от смычных к фрикативным произошел только в прагерманском, а соответствие нулевого анлаута «ларингальной» фонеме отличает исключительно такую пару языков, как латинский и хеттский. Как следствие, фонетические соответствия нельзя рассматривать как структуры, *сообщающие* родство морфологическим или лексическим формам. Применение фонетических модификаций к уже родственным или еще тождественным формам *просто* не имеет *никакого* отношения к сущности родства между этими формами.

Не случайно, по-видимому, лингвисты сплошь и рядом вынуждены дополнять «звуковые соответствия» другими факторами «родства»:

«…Для установления родства совершенно необходимо обнаружение систематических звуковых соответствий между морфемами сравниваемых языков, *наличие некоторого корпуса общих "элементарных" слов, основ или морфем, выражающих эти элементарные понятия*, а также, как правило, наличие "соответствия в фонетическом облике морфологических элементов"» [314, с. 41; выделено мной.. – Г.Д.].

«Я… настаивал на том, что звуковые соответствия не являются ни достаточными, ни необходимыми в деле обоснования предложений об отдаленных генетических связях и что регулярные грамматические совпадения (*patterned grammatical matchings*) являются независимым от звуковых соответствий источником доказательства» [1165, с. 9].

«Что является убедительным для компаративиста, так это воссоздание не просто местоименных форм, а самой парадигмы лица и числа» [1829, с. 508].

За всеми этими «не только, но и…» скрывается подспудное осознание компаративистами того факта, что *классификационная* проблема

«установления родства» между *словами* и языками есть лишь зависимая часть *этимологической* задачи реконструкции системной истории *корней* как элементарных единиц языка, образующих семиологические классы слов. Примечательно, что для доказательства реальности америндской суперсемьи Дж.Гринберг и М.Рулен привлекают только формы местоимений 1 и 2 лица ед. ч., но не рассматривают соотношение между полными местоименными парадигмами.

Если в задачу компаративистики входит раскрытие исторического взаимодействия между корнями и словообразовательными элементами в пределах группы языков (в том числе процессы грамматикализации древних корневых основ), демонстрирующих регулярные сходства (соответствия) в фонетике и семантике этих корней и этих словообразовательных элементов, то иденетику интересует историческое взаимодействие между реконструируемыми корнями в пределах установленных языковых семей. Если традиционный сравнительно-исторический анализ обрывается либо на ограниченном списке праязыковых корней, из которых посредством разнообразных словообразовательных механизмов выводятся их диалектные производные, либо на широких списках слов как единственных функционально значимых единиц реальной языковой системы (см. об этом: [312, с. 17-19]), то иденетическая реконструкция призвана установить семантическое и фонетическое взаимодействие, с одной стороны, между праязыковыми иденонимами, а с другой – между ними и остальными праязыковыми корнями. Представляется оправданным считать появление в языке новых корней результатом не «выдумывания» их носителями языка, а трансформации более древних языковых единиц. Соответственно, в фокусе внимания иденетической реконструкции находятся не *этнодифференцирующие*, а *этногенерирующие* параметры языковой системы.

11.2.2. Если, в соответствии с устоявшейся традицией, расхождение языков возникает в результате отделения и дальнейшей географической изоляции одной группы от другой, то естественным будет предположить, что отпочковавшийся коллектив, состоящий из одной или нескольких инициирующих новых носителей языка ячеек (семей), «уносит» с собой одну или несколько «копий» функционировавших в материнской группе лексем. *Копирование* одними членами группы словоупотреблений других членов группы – обычный для любого языка процесс, во многом аналогичный межъязыковому заимствованию[235]. Строго говоря, такие слова, как, например, рус. *дед* и белорус. *дзяд*, восходят не к общему прототипу (обычно восстанавливаемому как **dědъ*), а каждый из них к своей копии этого прототипа. Внутриязыковое копирование (размножение элементов языка) можно считать формой «родства» только условно, точно так же, как трудно говорить о том, что тираж книги (одни копии которой со временем стали рваными, другие – грязными, третьи оказались с вырванными страницами, четвертые попали в «хорошие руки», пятые превратились в пепел) связан родственными узами. Как писал А.Мейе,

«...единственная реальность, с которой она [историческая филология. – Г.Д.] имеет дело – это соответствия между засвидетельствованными языками. Соответствия предполагают общую основу, но об этой общей основе можно составить себе представление только путем гипотез, и при том таких гипотез, которые проверить нельзя; поэтому только одни соответствия и составляют объект науки» [582, с. 73].

Таким образом, то, что обычно подразумевается в лингвистике под генетическим родством и на основании чего для группы эмпирических языков строится реконструкция единого протоязыка, следует считать лишь одной из форм языковой генетики, а именно *адстратно-генетическим родством* (ср.: «генетико-контактное» понимание протоязыка у Л.Палмайтиса [661] или «ареально-генетическое» родство у Е.А.Хелимского). Адстратно-генетическое родство предполагает диалектную неоднородность и континуальность протоязыка, в котором слияние и разделение социально-родственных групп и наличие между ними коммуникативных сетей различной плотности создают условия для выравнивания возникающих языковых различий.

Более глубокое, чем адстратное, языковое родство предполагает рассмотрение процессов не (внутри)языкового копирования, а (внутри)-языкового *кодирования*, при котором корень слова подвергается переосмыслению и порождает, посредством семантических (метафорических, метонимических, синекдохических и др.) и зависимых от них фонетических и морфологических операций, новое слово. Иными словами, внимание должно быть уделено процессу перекодирования прапротокорня (условно обозначим его как **DĚDЪ*) в этимон **dědъ*, давшему в дальнейшем рефлексы типа рус. *дед* и белорус. *дзяд*. Следует также задаться вопросом, сколько «детей», помимо корня **dědъ*, было у прапротокорня **DĚDЪ*. Ведь, например, слово *нога* «нижняя конечность тела» дало такие формы, как *ножка* (стула), *подножье* (горы) и *подножка* (трамвая), семантически ни имеющие друг с другом ничего общего. Следовательно, необходима реконструкция истории *появления* в протоязыковой общности корня, который впоследствии подвергся многократному копированию. Форма *нога* является субстратной по отношению к формам *ножка*, *подножье* и *подножка*, а язык, содержащий только форму *нога*, но еще не знающий форм *ножка, подножье* и *подножка*, является субстратным по отношению к языку, в котором эти новообразования уже присутствуют. Субстратно-генетическое родство включает в себя в качестве неотъемлемой составляющей тот компонент языковой системы, который обычно считается типологическим и семантическим. Таким образом, **сущность языкового родства коренится не в фонетике двух знаков разных языков и не в их «бессознательном», с точки зрения говорящих одного поколения, расхождении, а в инварианте исторического перехода от одного значения знака к другому – перехода, который производит осмысленное (социально значимое) размежевание двух поколений носителей языка (субстратного и суперстратного).**

Проблема языкового субстрата обычно рассматривается в лингвистике как частный случай языкового контакта в уникальных исторических

обстоятельствах. Например, двадцатиричная система счета во французском языке объясняется влиянием кельтского субстрата. Волго-окская топонимика представляет собой следы дофинно-угорского населения региона. Стоит, однако, прислушаться к некоторым высказываниям теоретиков субстрата, чтобы уловить в них признаки целесообразности возведения понятия субстрата в ранг дифференциальной формы не только ареального сродства, но и генетического родства языков. У В.И.Абаева читаем:

«Лингвистическое содержание понятия субстрата раскрывается в его противопоставлении родству и заимствованию… Родственными называются языки, имеющие в качестве исходной системы один и тот же язык. Все, что в каждой отдельной системе восходит к исходной системе или возникает в ней в силу внутренних законов развития, – есть основное, оригинальное, «свое». Все, что воспринято ею извне, – есть заимствованное, чужое.

К субстрату, строго говоря, неприменимо ни понятие «своего», ни понятие «чужого». Субстратные элементы не могут быть названы «своими», так как они не принадлежат к исходной системе, не связаны с ее традицией. Но они не могут рассматриваться и как «чужие», т.е. заимствованные, так как никакого внешнего заимствования при этом не происходит; **субстрат – это не то, что усвоено извне, а то, что данная среда удержала из своей прежней системы после того, как она перешла на новую систему**.

И субстрат, и заимствование предполагают проникновение элементов одной системы в другую. Но при субстрате это проникновение несравненно глубже, интимнее, значительнее. Оно может пронизать все структурные стороны языка, тогда как заимствование, как правило, распространяется только на некоторые разряды лексики. **Интимность и глубина сближают субстратные связи со связями, основанными на родстве. И субстрат, и родство предполагают этногенетические связи.** В отличие от них, заимствование ни в коей мере не связано с этногенезом» [2, с. 59-60; выделено мной. – Г.Д.].

В.И.Абаев подчеркивал, что имеется устойчивая группа слов, в которую он включал «названия частей тела, термины родства, местоимения и числительные» (т.е. иденотивы, в нашей терминологии), наименее подверженная заимствованиям и наиболее важная для решения проблемы субстрата [2, с. 64-65].

Единственным критерием определения относительной хронологии почкования диалектов в компаративистике считается принцип «независимых инноваций» (*independent innovations*). Полностью обходится вниманием отличие независимых инноваций от *независимых реликтов*, или таких сходств между языковыми формами двух разных языков, которые проистекают не из факта их происхождения из отдельного протоязыка, а из факта конвергентного сохранения ими черт прапротоязыка. В этом случае, отсутствие этих схождений в других языках может являться показателем не их генетической обособленности, а их географической изолированности. Разрешить формальную модифицированность этих языков методом поиска звуковых соответствий не представляется возможным из-за искусственно созданного отсутствия сравнительного материала. С этой точки зрения, такие случаи, как, допустим, привлекаемое Дж.Гринбергом тождество ПИЕ **eghom(e)* «я» и чукч. *gem* «я» (с *i*/*e*-префиксацией в диалектах) [1404] может быть более весомым доказательством того, что предки индоевропейцев и палеоазиатов были единой общностью, противостоящей предкам уральцев, чем десятки корней, общих между

индоевроевропейцами и уральцами, которые, в действительности, указывают на более древний праязык и(или) поздние языковые контакты.

Функция прапротоязыка как сообщающего близким по звучанию и значению языковым формам «другое», *субстратно-генетическое родство* остается вне поля зрения компаративистики, хотя сами по себе внушительные списки глобальных (общих для большинства языковых семей) корней [1961, с. 105] должны заставить исследователей со всей серьезностью рассмотреть эту возможность. Именно отсутствие принципов разграничения субстратно-генетического и привычного всем адстратно-генетического родства – проблема, являющаяся для компаративистики, думается, более важной, чем стандартная необходимость разграничения исконного и заимствованного – не дает гипотетическим образованиям типа «глобальных» языковых семей (ностратическая, евроазиатская, аустрическая, америндская и пр.) получить полный теоретический статус. Тот факт, что все языки мира восходят к единому протоязыку следует не доказывать [2027; 1961; 1962] или опровергать, а признать в качестве «нулевой гипотезы», вытекающей из концепции моногенеза человеческих популяций, типологического единства и взаимопереводимости всех языков. Наличие родственных языковых форм между языковыми семьями «первого порядка» – нормальное явление, которое не следует дискредитировать аргументами «случайных совпадений», заимствования или ономатопеи. В то же время без методики разграничения субстратно-генетического и адстратно-генетического родства определение порядка почкования диалектов «второго порядка» остается умозрительным занятием.

Субстратно-генетическое родство, проявляющееся в конвергентных «остатках» от пра-протоязыка, предшествовавшего формированию протоязыка, представляет собой применение к исторической лингвистике принципа чередующихся поколений. Положение о существовании субстратно-генетического родства лежит в русле сформировавшейся в последние десятилетия в компаративистике тенденции рассматривать праязык не как статическое состояние, а как динамический процесс. Диахроническая неоднородность праязыкового материала заставляет исследователей проводить различие между предварительной *реконструкцией* и более глубокой *интерпретацией*, или, в терминологии Г.Дёрфера, между «реконструктивным языкознанием» и «глоттогоническим языкознанием» (см.: [429]).

Таким образом, каждый язык и каждая языковая семья существуют не в одной (как это обычно считается), а в трех теоретически значимых генетических проекциях. Без признания сложности лингвистической генетики невозможны строгое понятийное разграничение родства, заимствования и совпадения, с одной стороны, и этимологическая реконструкция – с другой. Говорить о родстве сравниваемых языков можно, строго говоря, только в том случае, если учитыватся не бинарное противопоставление между «праязыком» и зафиксированными диалектами, а тройное соотношение прапротоязыка(ов), или языка(ов), играющего роль праязыка(ов) по отношению к группе протоязыков;

протоязыка, реконструируемого на материале зафиксированных языков, и актуальных языков-диалектов[236]. Представляется, что задача компаративистики заключается не в том, чтобы показать (или доказать) «родство» нескольких языков друг с другом. Это как раз доказывать не надо, так как все языки на всех уровнях своей структуры «родственны» между собой независимо от того, обнаруживаются ли между койсанским и польским «регулярные фонетические соответствия». **Задача состоит в обратном: показать, каким образом между языками возникло родство (уже без кавычек) как регулярное и закономерное *расхождение* в фонетике и семантике**. Иными словами, методология «позитивистской» компаративистики должна быть дополнена (не заменена!) методологией «критической» компаративистики, ориентированной не на словообразовательные, а на словоразрушительные процессы. В результате замены предиката «схождения» на предикат «расхождения» (при сохранении самих «звуковых соответствий»), предиката «формирование» на предикат «разрушение», предиката «сравнение» на предикат «расподобление», статичное описание некоторых результатов исторического процесса превращается в динамичное и каузальное описание всего многообразия процессов. В результате смещения фокуса сравнительно-исторических исследований с поиска регулярных (с точки зрения исследователя) сходств между словами на установление объективно закономерных различий между ними, возникает необходимость определения того локуса, с которого начинается или в котором инкубируется саморасподобление языков.

11.2.3. В естественном языке имеется две группы лексем, соотношение которых с протоязыком считается исторической лингвистикой неоднозначным. Это, с одной стороны, имитативы, а с другой – иденонимы (и возможно, иденотивы в целом). Сплошь и рядом нарушая правила звуковых соответствий (см. 10.1.11.), иденонимы и имитативы представляют камни преткновения для сравнительно-исторического анализа и нередко снабжаются пометками типа «nicht etymologisierbaren» или «этимологии нет» (см.: [1143, с. 490 (о скр. *pitar*, *matar*, *duhitar*, *devar*); 889, с. 15; 296, с. 148; 444; 447]). Существует длительная традиция рассмотрения изобразительных слов в качестве свидетельств первичного родства языков, что выразилось в концепциях *elementare Verwandtschaft* Г.Шухардта и *affinité élémentaire* В.Пизани. Ныне большинство компаративистов считает, что имитативы «не являются свидетельством родства в общепринятом его понимании» [1011, с. 153-154]. Это положение оспаривается теоретиками имитативов, которые предполагают отымитативное происхождение всех праязыковых корней [447]. Думается, что тенденцию к языковой специфике закономерно демонстрируют не изолированные в семантическом отношении слова, а те слова, семантика которых напрямую зависит от семантики других слов (прежде всего членов того же семиологического класса) и характера социальных связей между участниками праречевого акта.

По крайней мере, со времен Я.Гримма иденонимы считаются древнейшим слоем лексики и, как следствие, одним из главных материалов по установлению генетических связей между языками[237], однако практическое применение этого постулата наталкивается на постоянные трудности. Одни исследователи подчеркивают консервативность иденонимов, другие – их вариативность, третьи – идентичность основного иденонимического фонда во всех без исключения языках[238]. Так, например, А.Бомхард использует корень **am-* «мать» в ностратических реконструкциях [127, с. 46], Т.Виитсо считает возможным привлечь корень **appō* «отец; дед» для доказательства урало-пенутианского родства [2150, с. 123], В.Орел приводит в числе доказательств афразийско-синокавказско-ностратического единства («палеолитическая» суперсемья) протоафраз. **'ab* «отец», сев.-кавк. **'opVj* «отец», синотиб. **pă(H)* и енисейск. **'ob* [656, с. 100], а Р.Шейфер [2021, с. 108] интерпретирует в «сверхностратическом» ключе совпадение элементов *-ma, -ta* в юто-ацтекских, синотибетских и ИЕ ТР. В.А.Старостин, напротив, убежден, что универсальность формы ряда ТР не позволяет делать объективные выводы относительно родства/неродства языков [827, с. 202]. По поводу осет. *æda* «отец, дед» В.И.Абаев отмечает, что как «детское слово» оно «не связано с какой-либо одной [языковой] группой» [3, т. 1, с. 103]. М.Сводеш, поначалу включивший ТР в круг основной лексики, удобной для проведения лексикостатистического анализа [753, с. 37], в дальнейшем снял их на том основании, что они обнаруживают высокую степень вариативности [754, с. 63, 77, 79, 82, 84, 87].

Этимологическое исследование иденонимов может обрываться на утверждениях об отсутствии у простейших по морфологической структуре иденонимов этимологии, об их отглагольном или мимемном происхождении. Так, расхожим мнением, опирающимся на теорию Р.Якобсона (см. 4.1.16.), является мимемное происхождение корней ИЕ ТР **mā(ter)* и **pə́(ter)* (см.: [2085]). Теория происхождения простейших иденонимов от матронимов уже долгое время находится под огнем критики, хотя бы просто потому, что слова детского языка являются составной частью языка и, следовательно, заслуживают полновесного исследования (см.: [889, с. 193-196; 1621; 145, с. 83-84; 298, с. 43]). Если поведение иденонимов и имитативов в языке отлично от поведения других знаков (что призна́ют, наверное, все лингвисты), это не значит, что их следует игнорировать как источник для праязыковых реконструкций. Это также не значит, что они маркируют область, в которой правит «мифологическое мышление», заранее оправдывающее любые этимологические сближения. Если, как отмечают Р.Нидэм и А.Вежбицка [1818, с. 39; 2195, с. 132], любая теория семантики должна быть прежде всего апробирована на материале ТР; то любая глубокая теория языковых прасостояний должна ориентироваться прежде всего на описание тех частей лексики, которые характеризуются повышенным фонетическим и семантическим своеобразием и повышенной фонетической и семантической сложностью.

Как показывают историко-типологические исследования, иденонимический класс лексем в любом языке подвержен направленному структурному «дрейфу», т.е. представляет собой такую часть языка, которая подвергается системным историческим сдвигам вне зависимости от развития его фонологической системы. Иначе говоря, в каждом языке обнаруживаются регулярные семантические соответствия между стадиями развития заложенной в нем СТР. С этой точки зрения, формально противоречащие друг другу наблюдения разных исследователей на предмет консерватизма/вариативности иденонимов, возможно, объективно отражают специфику эволюции СТР: одни и те же корни циркулируют по различным регистрам системы, но на разных стадиях развития встречаются в разных морфологических и семантических контекстах. Отсюда можно предполагать, что для лексико-семантического класса «терминов родства» понятие «родства языков» имеет сложный семантико-морфофонетический смысл. Определив *языковое родство как объективное самораспoдобление языка* (11.2.2.), а *иденонимический семиозис как самораспoдобление фенотипа* (7.3.4.), мы приходим к представлению о семиотически обусловленных популяциях как реальных единицах исторического процесса внутри системы *Homo sapiens*.

11.3. К вопросу об определении феномена этноса

11.3.0. Если лингвистика и популяционная генетика знают три типа классификаций, а именно генетический, ареальный и типологический, то этнографы до сих пор оперировали только понятиями *ареального* сродства (имеется в виду учение об историко-этнографических областях) и *типологического изоморфизма* (учение о хозяйственно-культурных типах). Западная антропология, не оперирующая понятием «хозяйственно-культурный тип», типологическим изоморфизмом считает результаты любых кросскультурных сравнений. Считается, что, в отличие от лингвистики, сравнительный метод (*comparative method*) в антропологии устанавливает только предельно общие тенденции конвергентного развития и не в состоянии разрешать вопросы, связанные с общим происхождением и исторической дифференциацией популяций-носителей сравниваемых социокультурных признаков [1121, с. 223]. В том же духе отечественные этносоциологи ограничивают социокультурную, или этнографическую реконструкцию «общими закономерностями», лишенных «конкретных форм социальных институтов» [394, с. 67; 694, с. 63-64].

Как свидетельствует серия критических публикаций последних лет (см., например: [93; 438; 812а; 964]), этнос как феномен остается теоретически не описанным. Как следствие, этнология не имеет своего строгого метода наблюдения за этнической историей, отличного от методов смежных дисциплин и не разрабатывает принципы *историко-генетической классификации этносов-народов*.

11.3.1. Рассмотрение возможностей теоретического обоснования сущности этноса удобно начать с высказывания С.А.Токарева:

«В этнографической науке уже давно установился взгляд, что этнические общности, т.е. попросту народы, отличаются друг от друга не по одному какому-нибудь признаку, а по совокупности нескольких признаков: язык, территория, общее происхождение, экономические связи, политическое объединение, культурные особенности, религия и прочее. На первое место в числе этих признаков выдвигаются то одни, то другие. В то же время нельзя определять этническую общность путем перечисления всех "видовых" признаков, которые играют роль в том или ином случае, ибо ни один из этих признаков не оказывается обязательным» [867, с. 43].

Исследователи приходят к выводу, что единственным устойчивым признаком этноса является воплощенное в этнониме самосознание [261, с. 41; 139, с. 24; 93, с. 58], или, по определению Б.Андерсона, этносы – это «воображаемые сообщества» [1047]. Этническое самосознание – это неизбежно осознание себя через *общее происхождение* со «своими» и через отсутствие общего происхождения между «своими» и «чужими» (ср.: [986]). При этом, необходимо помнить, что действительное общее происхождение связывает всех людей; этнос же произвольно отрицает его для одних и утверждает – для других. Краеугольным камнем западной конструктивистской («инструменталистской», «эмерджентной») парадигмы исследования этнических и расовых процессов является выдвинутый Ф.Бартом тезис о том, что этнос следует определять не с точки зрения того «культурного вещества», который он якобы содержит (т.е. тех самых дифференциальных признаков, перечисление которых, согласно С.А.Токареву, не приближает нас к пониманию существа этноса), а с точки зрения *границ* между одной социальной группой и другой, которые устанавливают и поддерживают их деятели [1072] (см. также: [1190]). В конструктивистской интерпретации этнос – это социальный статус, являющийся продуктом взаимодействия идентификации деятеля другими с его собственным самоопределением. Этничность относится не к культурным различиям как таковым, а к «социальной организации» этих различий. Таким образом, современное состояние теории этноса требует рассмотрения этого феномена как особого рода *знаковой системы*, в рамках которой *самосознание* индивидов *имеет место* через установление *границ общего происхождения* (действительного *и* мнимого).

Однако, даже определив сущность этноса с конструктивистской точки зрения, не удается избежать метафизической объективации этого феномена. Понимание этноса как интегрированной совокупности некоторых признаков или как самосознания определенного *рода* неминуемо предполагает, что этносы существуют *в* пространстве и времени, т.е. как объективный феномен, данный субъекту в символической форме, с которой он может сознательно асоциироваться, или принадлежать. Этносы формируются, функционируют, потом гибнут (как у Л.Н.Гумилева), эволюционируют от первичных племен или родственных групп к развитым нациям (в историческом материализме или в социобиологии П. ван ден Берге), конструируются как политическая идеология Нового времени (Э.Геллнер, Б.Андерсон). Комбинация причин социокультурного свойства приводит к образованию субъективных и(или) объективных структур, связи внутри которых определяются

устойчивой ко времени и пространству логикой. Эта этнологика существует не как социальный способ бытия пространства-времени, а как телеологическое противостояние социума пространству и времени при помощи своей культуры. В результате складывается тенденция к символическому функционализму, когда культура объясняется как разновидность воспроизводящей себя во времени Культуры. На наш взгляд, **проблема сущности этноса может быть разрешена только в рамках теории, ставящей своей задачей описать не процесс объективного или субъективного формирования социальных, культурных, психологических структур, а процесс распада субъект-объектных структур.** Именно «распад» (кроссгенерационной взаимности) является, как было показано, сущностью эволюции СТР.

Как правило, субъект-объектная проекция этнического рассматривается в контексте этнического самосознания, понимаемого как осознание отличия между «нами» и «ими» [261, с. 41, 51; 139, с. 24]. Уязвимость такой формулировки заключается в том, что субъективное противопоставление «мы – они» переносится в разряд объективных признаков этноса, и в качестве объективного признака перестает быть сугубо этническим фактором. Противопоставление «мы – они» универсально и присуще любым коллективам от школьного класса до рок-группы и руководства банка. В теории Л.Н.Гумилева к дихотомии «мы – они» как установке, поддерживающей этнос в его бытии, имплицитно прибавляется оппозиция «я – вы (мн.ч.)», носителем которой являются личности, создающие новые этносы. (В оппозиции «я – вы» «вы» указывает не на отсутствующих в момент коммуникации иноэтничных индивидов («они»), а на непосредственно присутствующих лиц; сочетание «я» и «вы» указывает на существование социальных взаимоотношений между членами противопоставления.)

«Первой стадией развития является подобная взрыву *ломка устоявшихся взаимоотношений*. Это всегда происходит так: в *одном-двух поколениях* появляется некоторое количество персон, не мирящихся с ограничениями, которые охотно сносили их *деды*. Они требуют себе места в жизни, соответствующего их талантам, энергии, подвигам, а не заранее предназначенного, определенного только случайностью *рождения в той или иной семье*» [261, с. 368; выделено мной.. – Г.Д.].

Согласно Л.Н.Гумилеву, на «объективном» уровне коррелятом, или, точнее, причиной такого субъективного изменения являются биологические микромутации, возникающие у ограниченного числа особей популяции под влиянием «космической энергии» и рассредотачиваемые ими, как пассионариями, по особям следующих поколений. Пассионарные личности являются носителями этнического, или, иначе, субъектами, являющимися этносами, в отличие от «нормальных» особей, которые этносами не являются. Л.Н.Гумилев чередует субъективную проекцию с объективной, избегая в прямой экспликации своих взглядов реального субъект-объектного субстрата возникновения этноса, но косвенно выдавая его в таких словах, как «поколение», «деды», «семья», «рождение».

11.3.2. Более последовательно интеграцию субъективной и объективной проекций этнического проводит в серии публикаций

М.В.Крюков (см.: [476; 478; 479]). По его мнению, кросскультурный материал позволяет говорить о трех формах социокультурной интеграции в пределах конкретного региона. *Во-первых,* как утверждает М.В.Крюков, «в обществах с жестко структурированной системой социальных ячеек, основанных на обязательном браке, мы, как правило, не находим зримых проявлений этничности» [479, с. 14]. Очевидно, что в данном случае под «зримыми проявлениями этничности» М.В.Крюков имеет в виду этническое самосознание, так как «объективные» различия по культуре можно найти везде и всюду. «Безэтничность» связана с функционированием социально-родственных групп, вовлеченных в отношения прескриптивной экзогамии (билатеральный или унилатеральный кросскузенный брак) или прескриптивной эндогамии. Типичным примером безэтничности для М.В.Крюкова являются австралийские аборигены, организованные в «брачные» классы, и хиндиязычное население Индии, имеющее кастовую организацию. *Во-вторых,* имеются регионы, в которых «этносы», маркированные специальными терминами, включают в себя роды (унилатеральные группировки), ряд из которых являются общими сразу для нескольких этносов. Жесткий запрет на половые отношения и, соответственно, брак в пределах рода присутствует наряду с предпочтительными унилатеральными брачными альянсами. М.В.Крюков обнаруживает такую «этническую непрерывность» среди мон-кхмеров Южного Вьетнама, качинов Бирмы и гипотетически – у тюрков Южной Сибири, тунгусо-маньчжуров Приамурья и мандеязычных общностей Зап. Африки [479]. *Наконец*, «дискретная этничность» связана с отсутствием родовой организации и какой-то регламентации брака, за исключением запрета на инцест в пределах малой семьи. М.В.Крюков накладывает эволюцию форм этничности, т.е. этногенез, на модель эволюции форм брака К.Леви-Стросса и Р.Нидэма: «элементарные» структуры («симметричный альянс», «дуальная организация»), проходя через мириады локальных форм сначала прескриптивных, а позднее предпочтительных асимметричных альянсов, исторически сменяются «сложными» структурами европейского образца. Параллельно, в согласии с моделью эволюции СТР Н.Аллена, «дравидийская система родства» (безэтничность) сменяется асимметричными терминологиями, в частности МКО (этническая непрерывность) [479, с. 23]. Основным предикатом в описании этногенетического процесса М.В.Крюковым является не «смена» одного типа отношений другим (кровнородственного территориальным), а «распад» или «разрыв» отношений: связь между двумя эпигамными половинами распадается с образованием «цепочки родов», которая, в свою очередь, разрывается с попаданием некоторых линиджей одного рода в разные этносы; наконец, родовая организация разлагается окончательно и формируются этнические группировки, не связанные друг с другом никакими нормативными отношениями.

11.3.3. После анализа работ М.В.Крюкова остается неясным, во-первых, на каком основании можно говорить об этничности «вообще», если есть группы, этим свойством не обладающие; и во-вторых, почему

нельзя предположить, что «этнос», представление о котором сформировалось на основе европейских реалий, есть лишь одна из форм, которые может принимать лежащий в его основе принцип, а значит природу этого принципа нельзя постичь, исходя из его произвольной формы. Почему европейскую систему огосударствленных наций следует рассматривать в качестве эталона этничности, а не как социальное явление того же *типологического* порядка, что и «этническая непрерывность» Южной Сибири или Зап. Африки, «безэтничные» кастовые системы Индии, «брачные» классы австралийских аборигенов или «кормовые группы» шошонов Большого Бассейна?

Из положения о том, что ни один из «признаков» этноса не является обязательным, а «совокупность их вообще ничего не определяет» [261, с. 49], следует, что наличие языковых и культурных различий, так же как и наличие самоназваний, не имеет отношения к существу этноса. «Объективные» признаки языка, поведения, территории обитания, обычаев имеют смысл не как дифференцирующие этносы «по-одному», а как участвующие в построении целокупного – с точки зрения проживающего на данной территории субъекта – поля культурных различий. Так же, как отец является отцом, а брат матери – братом матери не потому, что они одеваются по-разному, ведут себя по-разному или говорят на разных языках (хотя это может быть частью их фенотипа), а потому, что их бытие в отношении эго таково, как гласит соответствующий термин; русские, немцы, поляки, грузины являются для субъекта таковыми не в силу своих физических или поведенческих отличий (в том числе и не в силу отличности своего самосознания), а в силу самого факта своего соприсутствия с субъектом на определенной территории. Аналогичным образом, «субъективное» самосознание имеет социальную значимость не само по себе и не для себя, а по отношению к другому самосознанию, локализованному в смежном с первым географическом пространстве. В мире этничности живут субъекты, не осознающие себя принадлежащими этносу, не создающие этносы, а *являющиеся* этносами друг для друга.

Думается, что тезис об «этническом разнообразии населения мира», подразумевающий, что этносы существуют как механическое нагромождение на поверхности Земли неких социальных «организмов», следует переосмыслить как многообразие этнических полей (термин из риторического арсенала Л.Н.Гумилева). *Этническое поле* представляет собой совокупность групп, реально вовлеченных в коммуникативные отношения друг с другом на определенной территории, формулирующих *в своих терминах* характер интегрированности этих «этносов» друг с другом (ср.: [1617]) и предполагающих субъекта-автора (см. 7.1.3.) в качестве центра системы этнического «родства». В качестве конкретизации понятия «этничность» этнос можно определить как такой комплекс признаков (включая «этническое самосознание»), который связан не внутренним единством, а *общей адаптацией* к *другому такому же* комплексу. Иными словами, этнография должна сместить фокус своего внимания с этнического «самосознания» на этнический модус самобытности и начать понимать этносы как *эпистенциальные популяции*

(см. 6.2.1.). В отличие от биологических популяций, в эпистенциальных популяциях физические особи не размножаются на определенной территории, а следуют в своем движении движению бытия, саморазвивающегося в потомствующих субъектов среды. Таким образом, вопреки Л.Н.Гумилеву [261, с. 224-225] (и в этом плане также Б.Андерсону), субъект выражает посредством этнического самосознания (самосознаний) свою принадлежность именно к популяции, но к такой популяции, которая не имеет аналогов в животном мире, так как она не размножается на определенной территории, а воспроизводит свою собственную среду (пространствует) посредством *откладывания потомства*. Человек – единственное живое существо, которое воспроизводит не формы, а принципы жизни, и не живет в среде *обитания*, а временится в среде *сбывания предков*. Посредством СТР он регулирует не брачные связи как средство размножения единичных себе подобных, а межпоколенную преемственность как способ выживания *потомков* этих единичных себе подобных (отсюда выражение «продолжение рода»). При помощи СТР «сколачивается» множество эпистенциальных популяций (этносов), каждая из которых имеет свой порядок размножения предков (эффективное поколение). **Таким образом, то, что обычно именуется традицией есть не обособленный довесок к неизменной системе размножения, а, напротив, особый ограниченный *Homo sapiens* как видом и отсутствующий у млекопитающих и, наверное, в природе вообще способ размножения, при котором размножаются не особи, а целые поколения особей, скрытых друг в друге наподобие фигур матрёшки**[239]. Тезис о человеке как «общественном животном» переформулируется в тезис о человеке как имеющим общественную форму размножения. Популяция в пределах *Homo sapiens* есть не совокупность совокупляющихся особей, а совокупность совокупляющихся совокупностей. Вместо генеалогических поколений, как формального следствия актов биологического размножения, мы будем иметь дело с *эффективными поколениями* как субъектами размножения.

Стадиальность СР (ойкуменическое родство → классификационное родство → описательное родство) заключается в принципиальном изменении способа, посредством которого предки размножаются в потомках. Выявляется устойчивая тенденция к уменьшению размеров эпистенциальных популяций (т.е. уменьшению исторической протяженности эффективных поколений), что находится в обратной связи с неуклонным ростом численности человеческого населения (т.е. увеличением размера эффективных популяций[240]). Иденологическая парадигма прасемантической типологии СТР четко фиксирует исторические изменения в структуре эффективных поколений, а именно постепенную замену, через ряд промежуточных звеньев типа МКО и ССП, локальных эгоцентрических поколений (маркируемых кроссреципрокностью) на генеалогические поколения (маркируемые полярными и редупликативными терминами). Именно это имел в виду Л.Г.Морган, когда писал о прогрессивном «рассеивании крови» в ходе эволюции человеческого общества. Добавим, что намеченный им процесс

протекал в тесной связи с расселением человека по ойкумене и сопутствующим этому глобальным демографическим ростом.

Стойкое сознание собственной принадлежности к одной из европейских наций не позволило ученым-этнографам понять, что это изолирующее «самосознание» есть не свойство Этноса «под каким бы названием он ни выступал» [139, с. 19], а специфический способ построения отношений *между* этносами-нациями конкретной территории (в данном случае – Европы). Можно сказать, что «этнос» – это институт *межгруппового* взаимодействия, зародившийся у европейцев в раннее средневековье, эволюционировавший в направлении слияния с политическими структурами и приобретший характер идеологии прескриптивной принадлежности субъекта к замкнутым по языку, территории и самосознанию общностей. Субъект располагается в центре сети разнокачественных отношений с поименованными группами типа «русских», «белорусов», «украинцев», «евреев», «грузин», «армян», «немцев» и пр. Симметричность радиальной структуры европейского этнического поля нарушена в силу того, что с одной (реже с двумя или тремя) из вовлеченных в поле групп автор находится в приоритетной (базисной) связи («мой этнос»).

Показательным будет сравнение асимметричности этнического поля с делением социальных поколений на «гармоничные» (альтернативные) и «дисгармоничные» (смежные) в австралийских системах брачных классов. Во многих австралийских группах эта оппозиция оформляется как «мы-кости» *vs*. «они-плоть» [1615]. У аранда члены гармоничной «поколенной половины» осознаются как люди одного склада, а члены дисгармоничной половины – как люди другого склада [2200]. Далабон п-ва Арнемленд относят к дисгармоничной также связь между аборигеном и европейцем, которые, предположим, путешествуют вместе. Говоря о такой паре, они используют специальный местоименный префикс для членов смежных поколений [1046, с. 73]. Этнос является спонтанно-эндогамным [478, с. 15-16], поколенная половина – прескриптивно-эндогамной [2161, с. 6; 1615, с. 72]. Принципиальное отличие этноса от поколенной половины состоит в порядке членства: в Европе субъект обычно принадлежит к тому же этносу, что и его родитель(и) (в случае разноэтничных родителей – по выбору, т.е. амбилинейно); в аборигенной Австралии субъект принадлежит к противоположной от его родителей половине. Правда, здесь возникает аргумент Л.Н.Гумилева о том, что новый этнос рождается из конфликта «отцов» (у Л.Н.Гумилева – «дедов») и «детей».

Если ограничить термином «этнос» только европейский вариант межгруппового взаимодействия, то тогда специфику этнической классификации у европейских «дикарей» можно охарактеризовать следующим образом. У европейцев бытует номенклатура классификационного родства, состоящая из двух групп лексем – *русский*, *Deutsch*, *English, Français*, *Poliak*, *Español* и остальные европейские эндоэтнонимы, с одной стороны, и *Russisch*, *немец*, *Allemand, German, French* и прочие европейские экзоэтнонимы – с другой. Территория

Европы поделена на земли, уроженцы каждой из которых обозначают «своих» независимо от их возраста терминами первой (взаимной) группы, а «чужих» – терминами, выбранными из второй (полярно-реляционной) группы в соответствии с территорией, уроженцами которой эти «чужие» являются. Можно предположить, что с каждой территорией связана определенная система терминов «этнического» родства, соотношение которых друг с другом образует специфические исторические «узоры».

Если бы все европейские экзоэтнонимы были абсолютно отличными морфологически от соответствующих эндоэтнонимов (как это наблюдается в случае с немцами, которых русские, англичане и французы называют разными терминами, ни один из которых не похож на самоназвание *Deutsch*), то мы получили бы «терминологию этнического родства», в точности повторяющую структуру реконструированной нами в качестве ПСТР видового уровня «терминологии кровного родства». ВТР сливают межпоколенные отношения по прямой линии родства, так как предполагается, что, например, если мой отец – русский, значит имеются основания для того, чтобы я тоже был русским; а раз я – русский, то и мой сын будет русским. Отождествление межпоколенных отношений в боковых линиях родства («брат матери – сын сестры», «брат отца – сын брата» и т.п.) аналогично понятию, которое эго имеет о *чужой* этничности, этничности, лично к нему не относящейся: если этот человек – немец, значит его дети будут немцами; если – поляк, то дети его тоже будут поляками.

В итоге, следует отметить, что единственной исторической реальностью являются не биоцентричные популяции, не фоноцентричные языки, не социоцентричные семьи, общины и линиджи и не представленные на определенной территории «этнические» группы, а эгоцентрирующие структуры категориальных слияний и разграничений, в которых происходит *воспроизводство говорящего* и находит свое отражение степень дискретности и интегрированности социальных связей.

11.4. Системы терминов родства как этногенетический источник

11.4.0. Задавшись вопросом о природе той реальности, которая лежит в основе, определяет и управляет историческим развитием СТР, приходится отвергнуть жесткие формационные, культурные, экономические, языковые рамки. Попытка представить тот или иной тип СТР как свойство определенной социально-экономической формации, определенного языка или языкового типа, определенного социокультурного комплекса неминуемо грозит насилием над фактами. Важно отметить, что прасемантическая типология необратима и многолинейна, а все эмпирически известные варианты родственной классификации являются локальными формами трансформации общего архетипа. Если традиционные исторические типологии ТР постулировали узко ограниченное число типов, которые соединялись друг с другом в жесткую эволюционную последовательность, то в основе представленных в настоящей работе типологических выкладок лежит

сформировавшееся в результате анализа имеющейся выборки представление о практически безграничном спектре вариантов классификации (нарастающем по мере установления все новых и новых связей между морфофонетической и семантической сторонами терминов), находящихся в пластичном соотношении друг с другом и однозначном соотношении с архетипом (КРОРТ). Историческая прогрессия СТР действует в мировом масштабе, раскрывая единый процесс разложения *субстратной для всех реальных систем* модели. Единственно возможным истолкованием внутренней обусловленности данной прогрессии нам видится признание ее этногенетической природы. Именно направленный этногенетический «дрейф», связанный с процессом видового воспроизводства, демографическим ростом, расселением из общего географического центра, колонизацией среды обитания и адаптацией к уникальным экологическим средам, может выступить в качестве силы, объемлющей элементы стадиально-формационного, культурного и языкового развития человечества и объяснить факт многогранности способов трансформации единой исходной структуры родства. Отчасти такая перспектива на глобальную историю человечества заложена уже в теориях «многолинейной эволюции» (см., например: [2071]), лишенных, однако, представления о связующем все локальные явления культуры процессе монофилетической дивергенции.

Последовательно «отслеживаемый» популяционно-этногенетический аспект, полностью отсутствующий в большинстве работ по «социальной эволюции», «эволюции семьи», «происхождению запрета на инцест», «происхождению брака и семьи» и т.п., способен избавить эволюционные теории от необходимости, с одной стороны, постулировать «всеобщие» закономерности, «всеобщие» первичные формы и «всеобщие» итоги развития, а с другой – основываться на произвольно-эклектически подобранном материале по «первобытным обществам». Реконструкция ранних этапов социогенеза может быть реалистичной только в том случае, если она исходит из теории, отвечающей на вопрос о том, откуда, куда и как шло расселение человеческих популяций. Накопленный к настоящему времени междисциплинарный материал и современное развитие комплексных методов этногенетических исследований позволяет не опасаться того, что включение популяционно-этногенетичского аспекта в этносоциологические реконструкции превратит их в опыты по «гадательной истории» (А.Рэдклифф-Браун) [1903]. Этносоциологам стоит прислушаться к мнению эволюционных биологов о том, что

> «существует уровень социальной структуры более глубокий, чем символическая или поведенческая структура. Это генетическая структура социальной группы» [1513, с. 141].

Во Введении уже обращалось внимание на то обстоятельство, что социологический ракурс моргановского интереса к «системам родства и свойства» сформировался не сразу и что изначальной предпосылкой его интереса к ТР было стремление решить проблему, казавшуюся не по зубам сравнительной филологии, а именно проблему происхождения и

развития «арийских» и «семитских» народов и их языков [1773, с. V-VI]. Л.Г.Морган полагал, что классификационные идеи, лежащие в основе номенклатур родства, более консервативны, чем сами термины, и, следовательно, могут хранить глубокую память об общем происхождении этнических групп. Именно такое понимание научного статуса ТР привело Л.Г.Моргана к объединению ТР группы североамериканских этносов с ТР дравидийских народов в «турано-ганованский» тип:

«Другими словами, системы родства и свойства туранской и ганованской семей восходят к одной и той же предковой общности, от которой они произошли… Когда первооткрыватели Нового Света, посчитав, что достигли Индии, окрестили его обитателей «индейцами», они не подозревали, что перед ними стояли потомки той же самой семьи, только живущие на другом континенте. Благодаря случайному совпадению, ошибка оказалась истиной» [1773, с. 508].

И.Лёббок поспешил указать, что ТР одной ирокезской группы отличается от другой более, чем от некоторых номенклатур Океании, что никак не может означать, что одни ирокезы «расово» более близки океанийцам, чем другим ирокезам. Как отметил М.В.Крюков, реальное соотношение исторической динамики формы и содержания в ТР прямо противоположно тому, каким его видел Л.Г.Морган: принципы группировки родственников меняются в зависимости от социальной структуры, тогда как сами термины могут сохранять следы былой общности сравниваемых групп [469, с. 121]. Попутно заметим, что противопоставление лексической и логико-семантической (типологической) сторон СТР, несущих разную информацию об этногенетическом процессе, не является абсолютным, так как, например, типологический признак редупликации сплошь и рядом определяет морфофонетический облик иденонимов. В трудах позднейших исследователей социологическое наследие Л.Г.Моргана было развито в ущерб двигавшему им этногенетическому императиву. Однако, как было показано в разделе 5, «рефлексионистские» теории генезиса различных терминологических особенностей заключают в себе ту слабость, что один локальный материал всегда будет отрицать универсалии, выведенные на основе другого локального материала. Иными словами, конкретный классификационный принцип наблюдается в СТР обществ, не имеющих устойчивых схождений в объективированных социальных институтах. Векторизованные изменения в СТР свидетельствуют о диахронических связях между типологическими принципами, а значит можно говорить о диахронических связях между одной СТР и другой (ср: [975, с. 180]).

А.Кробер и Р.Лоуи были, пожалуй, единственными представителями следующего после Л.Г.Моргана интеллектуального поколения, которые не проходили мимо очевидных закономерностей региональной дистрибуции типов СТР. Р.Лоуи посвятил специальную работу, озаглавленную «Исторические и социологические интерпретации терминологий родства», в которой, спасая моргановскую этногенетическую парадигму, утверждал, во-первых, что, если «расовые» объяснения сходств в СТР не могут быть признаны обоснованными, то это не касается возможности сохранения в СТР следов «культурных связей» между носителями одного типа СТР; во-вторых, что СТР

являются не менее важным показателем культурных контактов, чем обычаи, религиозные представления или орудия труда; и в-третьих, что элементарный статистический анализ в состоянии наглядно указать на центр распространения конкретной терминологической структуры и продемонстрировать ослабление структурных тенденций по мере продвижения от центра к периферии [1660, с. 293, 298-299].

Хотя в целом культурно-исторический или этногенетический аспекты эволюции СТР никогда не исследовались систематически, имеется серия работ локальной направленности, в которой демонстрировалась зависимость типологического облика СТР от характера протекания этнических процессов (см.: [469; 470; 475; 822; 70; 976; 118; 119; 1254; 2121; 2212]). Наиболее характерным примером соответствия типа номенклатуры этнолингвистической общности является господство ССП в пределах урало-алтайской языковой общности. Именно на этом примере М.А.Членов призвал всесторонне исследовать роль СТР как источника информации по этнической истории [1181, с. 168]). Как уже отмечалось (см. 10.7.2.), характер дистрибуции КТР напоминает дистрибуцию ССП, и, вдобавок, эти типы систем находятся в отношении ареальной комплементарности друг к другу.

Наблюдения за дистрибуцией МК и МО показывают, что им свойственно складываться в комплексы, находящиеся между собой в отношениях дополнительности, т.е. всюду, где есть МК, рядом будет МО, и наоборот.

Так, в Зап. Африке – регионе компактного средоточия генерационно-скошенных моделей – имеются как МК, так и МО, причем количественно первые превосходят вторых (13 МК против 6 МО; это при том, что общее количество зарегистрированных ТР с МО в два раза превышает ТР с МК). В Восточной Африке наблюдается обратная картина: 20 МО против 5 МК [686, с. 48]. В Юго-Восточной Азии и Океании МК и МО опять соседствуют, причем преобладают МО. Количество МО резко возрастает при переходе от Океании к Южной Азии и далее в Центральную Азию и Сибирь [686, с. 49]. В Сев. Америке МКО занимает в основном восточную часть континента (западная часть – зона первичных генерационных скосов, уходящая в Центральную и Южную Америку). Здесь наблюдается примерное равновесие МК и МО: 11 (учитывая Северо-Запад и хопи – 15) МК против 9 (учитывая кикапу – первоначально обитателей Вудленда – 10) МО [686, с. 50]. Среди этносов группы же (Южная Америка), каяпо, например, демонстрируют (наряду с МСП в +2 и +1 поколениях) МО в 0 и ±1 поколениях, крахо, гавиоэс и канела (рамкокамекра) – МК, а апинайе – и МК, и МО [1721, с. 119-120, 126-127].

В уже упоминавшейся работе Р.Лоуи обратил внимание на то, что обилие систем с ВТР у этнических групп западной части США и их практически полное отсутствие в регионах Вудленда, Великих Равнин и Юго-Востока можно объяснить только причинами культурно-исторического свойства [1660, с. 296-297]. П.Хаге [1429] заметил, что высокой концентрации ВТР на Тихоокеанском побережье Америки соответствует широкое распространение этих систем в Юго-Восточной Азии и Океании. В этой связи он привлек исследования Дж.Николс, отметившей регулярность типологических (и, возможно, в случае некоторых местоименных основ типа *m*- и *n*-, формальных) схождений в языках циркумтихоокеанского региона и соответствие этого факта дистрибуции одного из генетических маркеров, а именно так называемой структуры «с

утратой 9 пар оснований» (*9-bp deletion*) в V регионе митохондриальной ДНК (см.: [1830; 1831]).

Глубокая древность «слабодифференцированного» типа сиблинговой номенклатуры у этносов афразийской семьи (он фиксируется на предельно возможную историческую глубину, т.е. у вавилонян времен Хаммурапи, египтян Нового Царства и ветхозаветных евреев, и максимально широко пространственно, т.е. у вымерших гуанчей Канарских о-вов и кушитов-ираку Танзании) позволила Дж.Мёрдоку сделать вывод, созвучный мыслям Л.Г.Моргана:

«Данные… указывают на стабильность типов сиблинговой номенклатуры и на их тенденцию сохраняться, часто на протяжении тысяч лет, в группах обществ, говорящих на родственных языках» [1792, с. 8].

К этому следует добавить, что те же документальные источники фиксируют у древних египтян, вавилонян и евреев КТР, ассоциированную со «слабодифференцированной» сиблинговой структурой и в современных афразийских номенклатурах. Исследователи австронезийских СТР развивают наблюдение Дж.Мёрдока, и на этот раз географическую регулярность демонстрируют варианты «относительнополовой» структуры:

«Географическое распространение структурных типов классификации сиблингов не только хорошо согласуется с фактами, которые нам сообщают археология и сравнительная лингвистика, но и указывает на возможные доисторические контакты между тихоокеанскими группами» [1712, с. 618].

Этот обзор показывает, что дистрибуция пяти типов терминологической структуры (ВТР, ССП, КТР, слабодифференцированного и относительнополового сиблинговых типов), признаваемых исследователями хотя бы отчасти мотивированными этногеографией, находится в положительной корреляции с дистрибуцией других биологических и культурных аспектов, а значит связана с культурно-историческими процессами.

11.4.1. Исследование этнической истории на основании анализа языковых элементов распадается на две взаимосвязанные задачи: установление родства между лексическими формами (и отсюда – между языками) и определение прародины групп-носителей родственных языков и путей их миграций. Теорию и методологию этих двух видов историко-генетической реконструкции не следует путать, но разрабатывать и совершенствовать параллельными путями.

Если для решения первой задачи сравнительная филология обладает стандартной процедурой, то решение второй задачи посредством установления регулярных схождений в лексике, фонетике и морфологии языков невозможно. В этом случае лингвисты прибегают к типологическим и семантическим параметрам: степень диалектной дифференцированности может интерпретироваться как показатель продолжительности пребывания популяции на рассматриваемой территории; древнейшая лексика для обозначения пород деревьев, ландшафтных особенностей, флоры и фауны может сопоставляться с реальными топографическими и биологическими особенностями местности, рассматриваемой в качестве потенциальной прародины группы. Уникальным в этой связи следует

признать метод исторической лингвогеографии Р.Роджерса: он установил совпадение ареалов распространения крупнейших языковых семей Сев. Америки (юто-ацтекской, ирокезской, алгонкинской и др.) и экологических зон эпохи позднего плейстоцена и тем самым выдвинул предположение о минимальном возрасте этих семей (см.: [1943; 1944]).

Аналогичным образом, в отношении роли СТР как этногенетического источника можно выдвинуть гипотезу о том, что **если сами иденонимы, наравне с другими лексическими единицами языка, могут информировать о родственных связях между языками, то принципы группировки родственников могут указывать на возможную прародину популяций-носителей родственных терминов и на пути их исторических миграций.** На существование такой закономерности указал М.В.Крюков при анализе СТР полинезийцев:

«…Распределение двух стадиально обусловленных вариантов системы гавайского типа обнаруживает определенную закономерность: терминологии гавайского типа с пережиточными чертами ирокезского типа встречаются только в западной части Полинезии (включая Внешнюю и Западную Полинезию), а терминологии гавайского типа со следами намечающегося перехода к английской системе – только в Восточной Полинезии. Само по себе такое распределение основных структурных типов систем родства на территории Полинезии подтверждает предположение о том, что первоначальные группы населения в Полинезии двигались с запада на восток, а не с востока на запад» [469, с. 125].

Здесь может пригодиться концепция Г.Доул о том, что инкорпорирующий тип представляет собой способ адаптации к эндогамии [1248], которую для данного региона можно интерпретировать как следствие «островного типа» колонизации и сокращения числа актуальных для популяции линиджей. Аналогичная картина наблюдается в СТР ботокудов-каинганг и пигмеев-мбути (см. 10.10.10.).

К сходному выводу о связи терминологических изменений с миграционным процессом пришли М.Оплер [1850, с. 632], Д.Шимкин [2028, с. 234], Ч.Кэллендер и Дж.Максвелл [1724, с. 23], анализируя причины перехода апачских, команчских, центрально-алгонкинских и равнинно-алгонкинских терминологий от бифуркативно-линейного типа к бифуркативному. Ч.Кэллендер, в частности, писал:

«Появление бифуркативно-сливающих черт в терминологии родства или структуре поведения обществ центрально-алгонкинской языковой группы не связано с правилами прдпочтительных браков, порядком послебрачного поселения, клановыми системами, унилинейной филиацией и другими признаками, выдвинутыми Лоуи и Мёрдоком на роль факторов, влияющих на их развитие. Если эти терминологические сдвиги коррелируют с каким-то феноменом, то только с фактом переселения из лесной зоны. Экологическая адаптация, требующая крупномасштабного сотрудничества в земледелии и охоте на бизонов и приводящая к снижению роли малой семьи, также может быть привлечена в качестве объяснения [1161, с. 57].

Переход от бифуркативно-линейности к бифуркативности в +1 поколении явно имел место в СТР банноков – группы северных пайютов, которые в XIX в. переселились из Невады на терррриторию современных Айдахо и Вайоминга, и стали часто кочевать вместе с группами северных шошонов. Как отмечал Р.Лоуи, северные пайюты (павиотсо) разграничивали прямых и боковых родственников и имели специальные ТР для «брата отца» (*hai*), «сестры матери» (*piru'u*) и «детей брата мужчины»

(*hū'sa*), тогда как банноки эти категории смешали и стали употреблять один ТР для отца и его брата (*ina'* с показателем 1 лица ед.ч.), а другой – для матери и ее сестры (*ivi'a*) (в -1 поколении аналогично) [1671, с. 298]. Примечательно, что, как показывает сопоставление лексики и способов построения бифуркативных категорий, несмотря на тесное общение банноков и северных шошонов, эти изменения не были результатом заимствования.

Предполагается, что иденологическая парадигма СТР реагирует на популяционные процессы в той же мере, что и генеалогическая типология. С переселением банноков на север их СТР претерпела еще одно существенное изменение: распались ВТР, связывавшие, с одной стороны, ДмРРж и ДДжРЭм, а с другой – ДжРРм и ДДмРЭж. Категории восходящих поколений сохранили старые ТР (соответственно, *i.ā'ts* и *iva'wa*; ср. сев.-шош. *ata* и *baha*), тогда как для их младших реципрокатов возникли инновации в виде *imido'* ДДмРЭж и *inanák'wa* ДДжРЭм (с показателем взаимности *nana*-) [1671, с. 298]. Хопи, переместившиеся из Большого Бассейна на Юго-Запад (между 700 и 1100 гг. н.э.) и перешедшие от охотничье-собирательской экономики к земледельческой, трансформировали суперреципрокную номенклатуру своих родичей ютов, пайютов и шошонов в МК, наряду с изменением бифуркативно-линейной конфигурации на бифуркативную (см. 10.5.6.).

Как уже отмечалось (10.11.1.), в Австралии суперреципрокные номенклатуры (точнее – слегка модифицированные СРВМ) отличают этнические группы, не знающие дуальной организации и секционного деления. Главной зоной суперреципрокности на австралийском континенте является п-в Кейп-Йорк (ср. особо СТР викмункан и йирйоронт), по поводу брачных систем которого («браки с младшей») У.Макконнел имела основания написать [1686, с. 120-123]:

«Как принято считать, с п-ва Кейп-Йорк началось освоение континента первопоселенцами, и если встать на точку зрения, что социальная организация развивается поступательно, не возникает сразу в сложной форме, а проходит период адаптации и изменений, тогда брачные системы п-ва Кейп-Йорк должны представлять особый интерес для исследователей социальной организации австралийцев…. Представляется вероятным, что именно этот район был исходным пунктом или определяющим фактором в развитии всего того примечательного, что отличает сложнейшие системы родства австралийцев».

М.В.Крюков также подметил интересную особенность, связанную с ареальной обусловленностью семантики одного полинезийского ТР. В тонганской системе ТР *taokete* (у М.В.Крюкова этот термин дан в русской транскрипции) обозначает +ДхРЭх, а в восточно-полинезийских языках он служит обозначением «брата жены» [469, с. 128]. Если исходить из предложенной модели развития номенклатуры 0 поколения от инкорпорирующего типа к бифуркативному (см. 10.10.3.), то можно предположить, что первоначальное значение ТР *taokete* было «старший сиблинг-кузен одного пола с эго»; с переселением предков восточных полинезийцев в Восточную Полинезию это значение распалось: те, кто остался в западной части Полинезии, оставили себе значение «сиблинг», а те, кто ушли, забрали с собой значение «кросскузен» и трансформировали его далее в значение «свойственник 0 поколения»[241].

Наконец, приведем высказывание Н.М.Гиренко, в котором также содержится тезис об этногенетической природе изменений в СТР.

«Если исходить из первичности хозяйственной основы, то можно сказать, что на ранних стадиях родственник – тот, кто член хозяйственного коллектива, а на поздних – причастен к хозяйству тот, кто является родственником. Это – переход от превалирования хозяйства к возникновению родства как юридической нормы. Австралийские системы эпигамных секций, вероятно, являются особым вариантом развития социальных систем от стадии дуальной возрастной эпигамии по пути абсолютного закрепления принадлежности к эпигамной социальной ячейке. Это явление могло возникнуть лишь в тех условиях, когда привязанность к конкретной хозяйственной базе (общине, территории) не столь значима, как факт причастности к социальной группе (тотемной, родственной), что возможно только или на очень высоком уровне развития, или в том случае, когда перераспределение хозяйственной базы идет на очень больших пространствах. Здесь можно предположить, что секционный брачный принцип мог возникнуть в условиях, когда причастность к хозяйственной базе в обществе с уже оформившейся возрастной эпигамией и локальной экзогамией (как института) по каким-то причинам стала несущественной. *Произошел как бы отрыв хозяйственной (традиционной) базы от выросших на ней социальных институтов, что могло произойти в результате переноса социально-родственной системы в новые (причем более благоприятные) условия для традиционной хозяйственной деятельности.* В отношении брачных норм произошел «отрыв брачных групп от производственной структуры коллектива». Это могло привести к консервации, превращению в самостоятельный институт того, что до этого отрыва было лишь частью, одним из аспектов социальной организации – возрастной дуальной эпигамии. Секционные брачные отношения, оторвавшись от «родственных», из относительных групп (ячеек) превратились в абсолютные, где индивид принадлежит к одной секции пожизненно и пожизненно имеет один набор отношений [231, с. 25; выделено мной. – Г.Д.].

Л.Г.Морган был неправ, когда подходил к интерпретации типологического сходства между СТР разных этнических групп с позиции принципов исторической лингвистики, т.е. как к переменной, зависимой от общего происхождения этих групп и как пассивно отражающей исторические судьбы некоторого множества популяций. На наш взгляд, к эволюции СТР применима другая логика, вытекающая, в частности, из функции регулирования этими системами брачных связей или, точнее, межпоколенной преемственности в структурах биологического воспроизводства: **СТР организуют людей в популяции с учетом коллективных представлений об их общем происхождении, т.е. они создают сами популяции как эффективно взаимодействующие для продолжения рода группы людей.** Следовательно, этнические общности, язык которых был использован для взятия «пробы» идем, сами должны быть «нанизаны» на шкалу иденетической эволюции.

Типологическое развитие СТР, как и отсутствие типологических изменений в тех или иных зонах СТР, везде и всюду конвергентно, т.е., предположим, наличие ВТР у саамов и наличие ВТР у викмункан не означает их специфическую родственную близость точно так же, как бифуркативность ирокезской и тамильской СТР не свидетельствует об их принадлежности к отдельной предковой популяции; однако в этом случае именно конвергенция, т.е. независимость от исторических судеб народов и управление определенным их срезом, является наиболее информативной относительно характера протекания этнических процессов. При использовании СТР в качестве этногенетического

источника следует прежде всего определять степень и характер трансформированности конкретной системы по сравнению с эталонной видовой протосистемой, и, соответственно, сходство между различными системами является фактором их принадлежности к определенному *типу трансформации* видового архетипа. Это генетические связи, наблюдаемые не из настоящего (т.е. не в свете реликтов, выявляемых в результате сопоставления нескольких существующих систем), а из их источника в прошлом. С точки зрения видового архетипа, нет «близко родственных» и «отдаленно родственных» систем (точно так же, как большее отличие койсанского языка /культуры/ от польского языка, чем польского языка от чешского не делает койсанов менее родственными чехам как представителям *Homo sapiens*), и генетические связи устанавливаются не между системами, а между каждой из них и архетипом. Так, наличие инкорпорирующей ситуации в 0 поколении, скажем, у эскимосов, гавайцев и огони, при условии отсутствия в прошлом эволюционных повторов, говорит о том, что этот параметр, в отличие от, предположим, инкорпорирующего типа в +1 поколении, сохранился у них без изменений от эпохи господства КРОРТ. ССП у урало-алтайских этносов (здесь мы можем быть уверенными, что эта форма не возникала по нескольку раз в одной и той же группе) свидетельствует не о *существовании сейчас* более близкого родства между киргизами и манси, чем между ними и, допустим, австралийскими кариера, а об *отсутствии тогда еще киргизов и манси как таковых*. Иными словами, исследователь, записавший ТР у киргизов, селькупов, хантов, нганасан, туркмен и манси и обнаруживший, что все они принадлежат к одному типу, в действительности имеет дело не с *шестью идентичными и одновременными* вещами, а с *одной пространствующей и временящейся* системой.

Избегая крайностей, с одной стороны, эволюционизма, который располагал культуры на шкале общего развития и относил одни культуры в прошлое, а другие в настоящее, забывая, что все они одновременны (ср.: [1292a]), а с другой – культурного релятивизма, фактически отрицающего целостность временного потока, а отсюда существование целостно временящихся культурных систем, следует, как кажется, говорить о разных формах интеграции прошлого, настоящего и будущего в разных культурах и предметно выявлять многомерную систему видового времени *Homo sapiens*, в которую по-разному «вложены» локальные формы интеграции времени. Каждая СТР сродни археологическому памятнику: при помощи прасемантической типологии можно, во-первых, относительно датировать ее формирование, а во-вторых, определять «степень здешности» популяции-носителя и географически атрибутировать зону формирования той или иной этнокультурной общности, оценивая степень и параметры трансформированности КРОРТ и наличие/отсутствие в пределах данной языковой семьи типологически более древних номенклатур. Так же как нельзя сказать, что есть более развитые и менее развитые археологические памятники, но можно сказать, что есть более старые и более молодые археологические памятники; не существует более архаичных и более развитых

СТР, но есть более старые и более молодые типологические характеристики СТР. Роль СТР в исследовании древней истории также можно сравнить с ролью орнамента в археологии: если орнамент на поверхности материального предмета представляет собой единственный надежный способ привязать данную археологическую культуру к одной или нескольким современным культурам, то СТР, являясь своеобразным орнаментом на «поверхности» естественного языка[242], есть единственный способ идентифицировать *предков* носителей этого языка в их временном и пространственном соотношении с *предками* носителей других языков.

11.4.2. Гипотеза об отражении в прасемантической типологии популяционно-демографических процессов (миграций, сокращения/увеличения численности населения и т.п.) не противоречит результатам исследований корреляции между типами СТР и социальной структурой, а отвечает на два кардинальных вопроса:

1) Почему, при всем различии местных социальных условий, все СТР подобны друг другу настолько, что подлежат сравнению на всех уровнях своей организации?

2) Почему сходство местных социальных условий далеко не всегда находит единообразное отражение в СТР?

Любая социальная структура имеет пространственную форму существования (тема, которая интересовала Л.Г.Моргана в работе «Дома и домашняя жизнь американских индейцев», предполагавшейся в качестве заключительной главы «Древнего общества»), а распространение вида по территории обитания осуществляется силами социальных групп. Как отмечает К.Орем, на ранних этапах этносоциогенеза мотором популяционного процесса являются «динамические характеристики системы симметричных брачных альянсов» [1052, с. 300].

Стадиальная специфика популяционной мобильности зависит от структуры и численности социальных единиц (малая семья, большая семья, группа сиблингов, локальная группа, группа родов или линиджей, этнос), являющихся двигателями этого процесса, и характера репродуктивных и производственных взаимоотношений между ними. Развитие в +1 поколении полинезийских ТР инкорпорирующего типа, нейтрализующего различие между генеалогическими линиями, может считаться показателем сокращения эффективно взаимодействующих линиджей («*bottleneck*» популяционной генетики), характерного для островных колонизаций. Для сравнения: анализ митохондриальной ДНК полинезийцев демонстрирует прогрессивное уменьшение аллельного разнообразия с 90-100% фиксацией одного маркера при переходе из западной части Полинезии в восточную (см.: [1680]).

Типы иденологической трансформации важны как показатель исторических различий в характере популяционных перемещений. Суперреципрокные СТР кореллирует с охотничье-собирательской экономикой (исключение: земледельцы тараумара), отсутствием унилатеральных образований (исключение: пуэбло-лагуна, пуэбло-акома, викмункан), малыми размерами группы, или, по выражению Дж.Стюарда,

«семейным уровнем социокультурной интеграции» (см.: [278]). МК и МО регулярно соотносятся с унилатеральными группировками, связанными отношениями обобщенного брачного обмена и предполагающие широкий круг брачных парнеров и постоянное дробление социальных групп (см.: [1905; 516, с. 62]). ССП и КТР связаны с патрилинейными группировками, развитой земледельческой и скотоводческой экономикой, высокой численностью населения и тенденцией к эндогамии. Линейно-степенной тип современных европейских СТР складывался в контексте функционирования крупных этнических образований и вторичной социально-экономической формации. Однако следует учитывать, что, например, в случае сильных форм кроссреципрокности, коррелирующими с охотничье-собирательской экономикой, низкой плотностью и высокой мобильностью населения, важны не просто демографические параметры популяции, а историческая стабильность низкой численности и высокой мобильности населения. Иными словами, между терминологической структурой и демографическим состоянием, равно как и между ними и социальными институтами, имеется не причинно-следственная связь (т.е. наблюдаемая корреляция между сильными формами ВТР и низкой численностью популяции не значит, что язык любой популяции, резко потерявшей в численности, среагирует на это посредством формирования множества межпоколенно-взаимных терминов), а функционально-историческая связь.

На основе археологических, генетических и лингвистических данных К.Ренфрю построил следующую примерную модель популяционной истории человечества. В первичное расселение (ранее 15000 лет назад) были вовлечены охотничье-собирательские группы – предки современных австралийцев, койсанов, негритосов Юго-Восточной Азии. Земледельческое или кочевническое расселение осуществлялось предками урало-алтайцев, афразийцев и австронезийцев (после 10000 лет назад), а позднее индоевропейцами (около 6000 лет назад) [1927]. Эта интерпретация неплохо соотносится с ареальным распределением элементов иденологической парадигмы СТР. Такой показатель, как сохранение форм кроссреципрокности, указывает на бóльшую «архаичность» койсанов по сравнению с носителями нигеро-кордофанских и нило-сахарских языков в Африке, австралийцев – по сравнению с доавстронезийским населением Океании и австралийцев и аустрических этносов Океании (трансновогвинейцев, восточно- и западно-папуаских групп и др.) – по сравнению с австронезийцами[243]. Существует мнение, что система сегментарных линиджей, в классическом виде представленная в Тропической Африке и связанная с МКО в СТР, сложилась как средство адаптации к нехватке земли – фактору, вызывавшему мощную популяционную экспансию (см.: [1968; 1731; 1052]).

11.4.3. Особенностью представленной в работе прасемантической типологии СТР является то положение, которое в ней занимают СТР индейцев. После Л.Г.Моргана системное исследование типов индейских СТР в связи с их положением по отношению к СТР Старого Света практически не велось, и существующие исторические типологии (в том числе

типология Г.Доул, проводившей полевые исследования в Южной Америке) построены без систематического привлечения американского материала. Индейские СТР характеризуются следующей спецификой:

1) широкое распространение ВТР (около 150 этносов против 43 этносов в Африке, 51 группы Австралии, 34 этносов Южной и Юго-Восточной Азии и 83 этносов в Океании[244] и 3 этносов северной Евразии);

2) плотный массив из 15 суперрециприкных СТР (кутене, луисеньо, серрано, кауилья, кавайису, тюбатулабал, пайюты-кайбаб, юты, апачи, ат-сугеви, ачомави, тарагумара, кора, михе, соке) в сочетании с такими признаками, как 4 ТР для ±2 поколений (кватроаворецирокность), релевантность относительного возраста в пределах группы сиблингов;

3) наличие сильнодифференцированного типа сиблинговой номенклатуры, практически отсутствующей в Старом Свете и разработанность категории «пол эго» для всех отношений родства;

4) широкое распространение в западной части Сев. Америки бифуркативно-линейно-инкорпорирующей модели, предшествовавшей бифуркативной и линейной;

5) широкое распространение от Бразилии до Калифорнии МП и МСП, непосредственно выросших из суперрециприкных систем и составляющих неспециализированные формы терминологической кумулятивности (КТР Западной и Северной Африки, Передней Азии, Кавказа и Европы) и генерационного скольжения (ССП алтайской /кроме монгольской группы/ и восточно-уральской общностей);

6) представленность *всех* известных типов СТР, включая те, которые имеют в принципе локальную дистрибуцию в Старом Свете (ССП, КТР, линейно-степенной тип). Американский континент является своего рода «фондом первоэлементов СТР», многие из которых достигают полного развития в других регионах мира. Ярким примером этой закономерности является соответствие более типологически архаичного МСП (с общей формулой +ДмР = ДмРРж, +ДжР = ДжРРм, -ДмР = ДмДжР, -ДжР = ДжДжР, +ДмРРм = РмР, +ДжРРм = РжР), распространенного в северной части Сев. Америки (атапаскская, алгонкинская, сиуанская общности), сибирскому ССП (ср.: вариант ССП в СТР индейцев-блэкфут)[245].

7) развитость таких нехарактерных для других регионов мира подсистем родства, как аффективная, этнотивная и гендерная.

СТР индейцев отличаются наивысшей архаичностью, дифференцированностью и специфичностью и наиболее близко приближаются к реконструированной ПСТР *Homo sapiens*. Не будет преувеличением сказать, что все СТР Африки, Юго-Восточной Азии, Океании, Австралии и Евразии являются вторичными и производными от американских систем, которые выступают по отношению к ним в роли субстратных. Фактически прасемантическая типология СТР – это трансформация СТР индейцев в СТР всех остальных человеческих групп. В Старом Свете нет ни одной СТР, которую можно было бы признать более древней, чем американские системы. Индейские СТР осуществляют интегрирующую функцию по отношению ко всем типам СТР Старого

Света, которые, как бы «вылупливаясь» из американских систем, не являются соразмерными друг другу.

Практически полное отсутствие вторичного генерационного скашивания (МКО) в СТР южнее США является показателем того, что эта территория не знала массовых перемещений населения и ассимиляционно-аккультурационных процессов. Расселение человека по Новому Свету южнее современных США относится, очевидно, к очень ранней эпохе, т.е. до формирования эволюционной тенденции к унилатерализации социальных группировок, а миграции в северной и центральной части Сев. Америки протекали позже, чем в западной части Сев. Америки, а также в Центральной и Южной Америке[246]. Территориальная разбросанность сильнодифференцированного типа сиблинговой номенклатуры по всей Америке от эскимосов до тупи-гуарани и ее практически полное отсутствие в СТР этносов Старого Света показывает, что расселение человека по американскому континенту протекало по модели, неизвестной в Старом Свете. Гипотетически можно предполагать, что ранние миграции по американскому континенту осуществляли группы сиблингов, практиковавшие категориально-инцестуальные браки (см. 10.11.3.).

В этой связи может возникнуть возражение, что представленная в работе прасемантическая типология искусственно превращает особенности локальной эволюции в черты всеобщего развития (ср.: [238]). Сомнения подобного рода могут либо окончательно укрепиться, либо развеяться в ходе дальнейших конкретных исследований. Однако думается, что суть не в том, *кто* является носителем древних черт, а в том, *что* это за черты и в каком соотношении они находятся с другими чертами (см. принцип приоритета системы над организацией в 10.1.2.). Представляется немаловажным, что такие «особенности» американских номенклатур, как кроссреципрокность и дифференцированность 0 поколения по относительному полу и относительному возрасту отмечается с разной степенью развития на всех континентах и практически во всех языковых семьях Старого Света. Убывание кроссреципрокности фиксируется во многих СТР по всему миру, причем сильные формы кроссреципрокности фиксируются в ТР тех обществ, которые традиционно описываются как «архаичные», или «реликтовые» (например, австралийцы, бушмены, саамы). В Австралии различные варианты авореципрокности находятся в устойчивой корреляции с системой «брачных» классов, которая большинством исследователей признается самой ранней из *известных* форм социальной организации. СТР индейцев демонстрируют не структурные аномалии, а структурный архаизм. Незначительный удельный вес номенклатур с кроссреципрокностью и сильной дифференцированностью 0 поколения в мировом масштабе (примерно 5-10%) не является показателем аномальности этих систем; напротив, наиболее вероятный эволюционный сценарий предполагает сохранение *ядра архаических черт* именно у небольшого числа популяций, о которых имеются основания говорить как о генетической или генетико-контактной общности. Связанные с кроссреципрокностью и восходящие к ней терминологические комплексы типа МП, МКО, ССП и

КТР закономерно увеличивают число номенклатур и превращают иденологическую парадигму в центральный фактор эволюции всех СТР. Наконец, в истории индейских номенклатур буквально «на поверхности» лежат переходы от бифуркативно-линейной модели к бифуркативной в +1 поколении и от инкорпорирующей к бифуркативной в 0 поколении (но не наоборот), а критерии слияния/разграничения генеалогических линий относятся к общераспространенным и не могут свидетельствовать о гиперболизации локальных американских «особенностей». Американские номенклатуры рассматриваются нами не как эталон, избранный по какому-то произвольному признаку (например, простота построения категорий), а как массив типологически наиболее дифференцированных СТР, которые на ограниченной «площади» демонстрируют принципы перехода от одного типа к другому. То, что при этом частью этого разнообразия являются типологически древнейшие модели, которые в Старом Свете встречаются в редуцированном виде, является реальностью, а не исследовательским артефактом.

При этом наблюдаемые в СТР архаизмы (или, точнее, хронологические глубины) следует рассматривать не как «реликты», а как «дериваты», если воспользоваться классификацией А.И.Першица (см.: [666]), т.е. они не являются «мертвым грузом» прошлого, случайно сохранившиеся под воздействием уникальных внешних обстоятельств, а всегда обладают функциональной значимостью в системе в силу того, что функции тем и отличаются от структур, что сбываются в пределах определенного периода времени, задавая формы интеграции прошлого, настоящего и будущего (см. 6.2.). Время, используя исследования феноменологов (см., например: [596, с. 519 и сл.]), следует понимать не как последовательность моментов, а как матрёшкообразную вложенность прошлого, настоящего и будущего друг в друга. Этнография, прежде всего через такой традиционный источник информации о прошлом человечества, как СТР, в состоянии осуществить *относительную датировку* обществ/этносов/популяций, которые являются предковыми по отношению с существующим обществам/этносам/популяциям (ср. производимую археологией *абсолютную датировку* оставленных этими предковыми группами на местах своего обитания предметов быта). Никакую из индейских этнических групп-носителей типологически древнейших номенклатур нельзя назвать «живым ископаемым»: каждая индейская СТР является трансформированной относительно видового прасостояния и, входя в различные взаимоотношения с другими индейскими системами, выявляет все более глубокую «точку сборки» общеиндейского типологического разнообразия и все бóльшую степень трансформированности индивидуальных засвидетельствованных систем. Формы интеграции прошлого, настоящего и будущего, засвидетельствованные в индейских СТР, более информативны относительно форм интеграции прошлого, настоящего и будущего в Старом Свете, что делает маловероятным происхождение американских популяций от популяций Старого Света. Эволюционная модель «локальный архаизм, открывающий перспективу на более древнюю глобальную транс-

формацию, *vs*. локальная трансформация, открывающая перспективу на географически более широкий спектр инноваций»[247] является более динамичной, каузальной и реалистичной, чем модель «общий закон *vs*. частная аномалия», при которой постулируются две замкнутые на себе системы, связанные отношениями механической и произвольной деривации от глобального архаизма к локальной внеисторичности[248].

Ареальный анализ указывает на системное распределение черт ПСТР видового уровня: с наибольшей степенью плотности они встречаются у групп, относящихся к америндской макросемье[249]. В Старом Свете случаи системного взаимодействия между типологическими элементами глобальной ПСТР дисперсны и не образуют сколько-нибудь существенного историко-этнографического континуума (саамы, австралийцы, айны, папуасы, бушмены), тогда как в Америке эти предковые элементы сильно дифференцированы, системно интегрированы с другими типологическими единицами (например, с инкорпорирующей моделью без гиперреляционности в 0 поколении и бифуркативно-линейными моделями без гиперреципрокности в ±1 и ±2 поколениях), континентально распространены и географически континуальны. В дополнение к высокой степени дифференцированности предковых форм, американские СТР отличаются самым высоким абсолютным разнообразием – факт, который не позволяет считать американские номенклатуры плезиоморфами или продуктами узко локального, а значит, не связанного с генеральным направлением эволюции СТР, развития. Предлагаемая модель эволюции СТР, таким образом, удовлетворяет предъявляемым к ареальной дистрибуции требованиям (см. 10.1.9.) и, следовательно, оперирует реальными единицами исторического процесса.

Остается только заметить, что в предельно общем виде иденетическая картина в Америке созвучна таким характеристиками индейцев, как феноменальная генетическая дифференцированность на «племенном» уровне[250] в сочетании с однородностью на континентальном уровне (ср.: 150–200 языковых семей уровня ИЕ в пределах одной америндской макросемьи),[251] большой удельный вес уникальных генотипов (так называемые «private polymorphisms») – черты, характерные для ранних этапов популяционного развития (см.: [1820; 1821; 1822; 1823; 2172; 2171; 1462, с. 302]); «эталонное», с точки зрения популяционно-генетической теории, состояние мутационного равновесия, практически отсутствующее в популяциях Старого Света (см.: [1175; 2173]), почти стопроцентное преобладание филогенетически предковых митохондриальных морфов (см.: [1537; 1290], а также: [2101] с подтверждением филогенетической модели Джонсон-Эскофье методом «гнездового анализа») и присутствие «индейских» генов во всех континентальных популяциях Старого Света (см.: [1508])[252].

Из числа более частных, но интригующих совпадений между генетикой и иденетикой межконтинентальных связей отметим наличие у айнов, с одной стороны, такого типично американского (а также юговосточноазиатского и полинезийского) митохондриального маркера как «удаление 9 пар оснований» (регион V) [1521, с. 55] при полном

отсутствии этого признака в Сибири; а с другой – присутствие в одной из айнских групп (р. Сару) «сильнодифференцированного» типа группировки сиблингов (СИБ-6). Как уже отмечалось выше (10.9.), номенклатуры 0 поколения типа СИБ-6, СИБ-7, СИБ-8 совершенно нетипичны для Старого Света, но у полинезийцев изредка можно встретить СИБ-6 (при доминирующем австронезийском СИБ-4)[253]. В целом после индейских номенклатур наиболее близко к реконструированной прото-СТР видового уровня располагаются именно номенклатуры Восточной и Юго-Восточной Азии, Океании и Австралии и, в меньшей степени, Африки, Западной Азии и Европы; это полностью согласуется с выводами генетиков, физических антропологов и исследователей в области (эволюционной) лингвистической типологии о приоритетной близости индейских популяций, культур и языков различным регионам Азии и Океании.

В задачу настоящей работы входит лишь изложение и первичная интерпретация иденетического материала, а не решение вопросов глубокой истории человечества, требующих более широкого междисциплинарного подхода. Однако, если в представленной здесь исторической типологии СТР нет каких-то принципиальных ошибок фактического или логического плана, то, думается, она является серьезным поводом для того, чтобы усомниться в однозначности господствующего представления об относительно позднем (на рубеже плейстоцена и голоцена) заселении Нового Света (см.: [1406]), перестать рассматривать индейский этнокультурный ареал в качестве «дальнего угла» («мешка», по выражению А.Г.Козинцева) внутривидовой эволюции и переместить его в основание социальной, культурной и этнической истории человечества. Единственным альтернативным объяснением феномена высокой дифференцированности архаических типологических элементов СТР на американском континенте – объяснение, которое, правда, будет трудно подкрепить эмпирически, – является аномальное популяционное развитие индейцев, приведшее (в результате, предположим, длительной изоляции и глубокой адаптивной перестройки небольшой по размеру исходной популяции)[254], с одной стороны, к сохранению ими древнейших способов классификации родственников, а с другой – к последующему достижению ими предельной с видовой точки зрения дифференцированности и специфичности по иденентическому показателю. В этом случае придется задуматься над тем, что, возможно, европейская колонизация Америки прервала процесс формирования нового вида (квантовый тип видообразования) в составе отряда приматов. Однако демографическая катастрофа, которая при таком сценарии должна являться первопричиной специфики индейцев, не подтверждается популяционно-генетическими исследованиями. Напротив, указания на небольшой размер исходной популяции и последующий демографический рост отмечается в митохондриальном геноме Старого Света (отсюда – избыток локусного разнообразия по сравнению с нуклеотидным) (см.: [1743]).

Выскажем предположение, что на такой популяционный сценарий указывает и институт одностороннего и двустороннего кросскузенного

брака, который является субстратом и архетипом эволюционного развития брачных норм большинства обществ Старого Света и который был положен в основу всех существующих теорий социогенеза, будь то «элементарные структуры родства», «дуально-родовая организация», «симметричный брачный альянс» или «тетраидная теория». Построенные преимущественно на материалах Старого Света, эти модели, вероятно, и описывают то, что произошло в Старом Свете, а именно переход от «элементарных» брачных структур к «сложным», устойчивый демографический рост небольшой эндогамной предковой популяции (группы эндогамных локальных групп) и географическая экспансия (см. свидетельство о переходе к норме кросскузенного брака у полинезийцев-беллона в 10.10.3.). Что же касается Америки, то исследователи всегда испытывали сложности с реконструкцией для индейских обществ нормы кросскузенного брака, института эпигамных половин и «брачно-классовых» структур (см., например: [1439; 1272; 1269; 1235]), обнаруживая вместо этого «мультибилатеральные» браки, «псевдокросскузенные» браки, трехчастное деление на «ближних родственников», «дальних родственников (потенциальных свойственников)» и «свойственников (эффективных свойственников)», ассимиляцию оппозиции «кровное родство – свойство» «космическим альянсом», или широкой сетью отношений по ритуальному обмену фетишами, душами, именами, телами мертвых, головами и т.п. (см.: [2153, с. 367-368][255]. Имущество не наследовалось, а либо уничтожалось после смерти владельца, либо постепенно переходило «авансом» к детям еще при жизни родителей в виде подарков (так называемое «advanced inheritance» у тараумара) (см.: [1100, с. 227]); принадлежность к группе определялась относительным полом (девочки принадлежали роду матери, мальчики – роду отца, как у инков и этнических групп же). Если кросскузенные браки и фиксировались в отдельных регионах (например, у алгонкинов), то они никогда не были позитивным элементом социальной структурой и не коррелировали с «прескриптивной» («дравидийской») терминологией [1523, с. 106-107; 1235, с. 165]. В 1980 г. Ф.Эгган заявил по поводу социальных структур шошонов: «Целый мир социальных структур покоится *под* ‘Элементарными структурами родства’ К.Леви-Стросса» [1274, с. 188; выделено мной. – Г.Д.], а авторы недавнего исследования алгонкинских и атапаскских номенклатур Э.Дево и М.Зельц, назвав кросскузенный брак мифом для американского континента, пишут, что

«в Северной Америке, в тех местах, где имеются дравидийские системы, позитивная кросскузенная норма отсутствует… В действительности кросскузенный брак не является структурной реальностью. Мы находимся на уровне, лежащем глубже этого феномена. Дравидийские номенклатуры и этот тип брака не связаны друг с другом; *более того, последний начинает появляться по мере разложения первых* – насколько можно сейчас судить, в патрилатеральной форме у матрилинейных атапасков и в запрете на матрилатеральную форму у патрилинейных центральных алгонкинов» [1235, с. 165; выделено мной. – Г.Д.].

Наше уточнение позиции Э.Дево и М.Зельц касается того обстоятельства, что процесс системного разложения, приводящий к утверждению нормы кросскузенного брака, начинается не с «дравидийского» типа СТР, а с более древней системы, в которой

отсутствие категориального противопоставления параллельных и перекрестных родственников сочеталось и зависело от выделения каждого межпоколенного отношения в особую взаимную категорию (см. подробнее: [290]).

Рассмотрению особенностей индейских СТР как следствия аномального развития позднеплейстоценового изолята, препятствует и тот факт, что они являются не гипертрофированной трансформацией иденетических черт одного узкого региона Азии (Северо-Востока Сибири, Монголии[256] или Юго-Восточной Азии, где теми или иными исследователями предполагается зарождение праиндейской популяции), а соотносятся со всем Старым Светом, где по разным языковым семьям и разным континентам качестве реликтов *рассредоточены* характерные черты КРОРТ (**айны** как изолят с СИБ-8[257]; **саамы** в уральской общности, **радж-гонды и куи** в дравидийской, **ли** в тай-кадайской, **санталы**, **мундари**, **хо** и **хария** в мунда[258], **кераки** в аустрической, **викмункан**, **канджу, йирйоронт** и **яралде** в австралийской, **!кунг**, **хоа** и **нарон** в койсанской – все с умеренной дифференцированностью группы сиблингов, но с чертами СРВМ). По сравнению с индейскими моделями эти системы демонстрируют существенные модификации различного рода: например, у айнов практически нет следов кроссреципрокности; у саамов имеется всего 2 авореципрокных термина (а не 4) и 2 термина для сиблингов; у яралде, при наличии 4 авореципрокных терминов и 4 терминов для сиблингов (+ДмР, +ДжР, -ДмР, -ДжР), бифуркативно-степенная модель доминирует в 0 и ±1 поколениях, а матрилатеральная ветвь номенклатуры в ±1 поколениях вообще лишена кроссреципрокности; и т.п. В Юго-Восточной Азии и Океании отдельные архаичные черты отмечаются, например, у **байнинг** в восточно-папуасской семье, **хануноо** и **луаниуа** в австронезийской. В Африке субстратные типологические черты демонстрируют СТР **кордофанских** этносов (хейбан, оторо, тира, моро, месакин, коалиб, ньима, коронго – с авункулореципрокностью и авореципрокностью, туллиши – с патруус-реципрокностью), СТР **гураге** (*ebeya* ДмРРм = ДмДмР = ДмДмРРм; *anatčwat* ДжРРм = ДжДмР = ДжДмРРм, *mwena* ДмРРж = ДДмРРж, *mwänäbäya* ДДжР, ДДжРРм [1814, с. 139]; при бушм.-хоаск. *kyxoo* РжР = ДД = Д-ДжР = +ДжРР; *kux ana* РмР = +ДмРР = Д-ДмР [1412, с. 430, 434, 435]). Любопытно, что, при отсутствии языковых связей между койсанами и афразийцами, генетики усматривают родство на уровне аллельных частотностей между койсанами и эфиопами (см.: [1174]).

Трудно себе представить, что эти «потерянные племена сибирские», осуществившее якобы *самое позднее* из крупных колонизационных «операций» на земном шаре (12–15 тыс. лет назад по сравнению с 40–43 тыс. лет, по современным археологическим данным, в Сибири, 40–60 тыс. лет в Австралии, 40 тыс. лет в Европе) выбрало для сохранения и преумножения на новом континенте именно те категориальные принципы, которые представляют собой *древнейший* пласт *всех* СТР, но которые *сразу после* их отбытия стали усиленно изживаться *всеми* оставшимися в Старом Свете популяциями. Если «особый путь» развития американского человека еще можно себе представить, то «особый путь»

всего населения Старого Света, избранный ими после колонизации Америки какой-то сибирской популяцией, – совершенно невероятный сценарий. Кроме того, обычно привлекаемый для объяснения особенностей индейских культурных и биологических форм фактор географической изоляции для древнего и автохтонного населения более актуален, чем для позднего и пришлого.

12. Общие параллели между прасемантической типологией и другими знаковыми структурами. Этнокультурное значение принципа киральности. Сюжетность космоса родства

12.0. В отличие от семиотики, которая рассматривает естественный язык как первичный по сравнению с другими знаковыми системами, иденетика рассматривает КР, т.е. социальный организм воспроизводства человеческих «я», как *центральную знаковую систему*, а все остальные знаковые системы, включая естественный язык, как *периферические знаковые системы* (см. 7.3.). Периферические знаковые системы отпочковываются от центральной системы и в свою очередь служат средством воспроизводства КР. Изменения в КР происходят в моменты отпочковывания от нее новых систем и в моменты их вторичного взаимопроникновения. Социокультурная эволюция человеческих популяций имеет, таким образом, вид древа, от которого ответвляются побеги, а ствол (т.е. КР) растет и меняется в корреляции с каждым новым отпочковыванием. Именно признание динамической структуры «ствола» и последовательное наблюдение за его историческим поведением и составляет особенность *иденетического*, в отличие от *филогенетического*, подхода к социокультурной эволюции. Филогенетичекие древа в состоянии описать только соотношение между родственными формами, но не самый процесс их генезиса в автономные структуры (ср.: [622, с. 114]). Иденетика усматривает во внутривидовой эволюции симбиоз филогенетических и онтогенетических процессов.

Важным принципом этнокультурных трансформаций предлагается считать принцип киральности, обнаруживающий свое действие в структурах и ареальной дистрибуции СТР. Наблюдаемая киральность сигнализирует расщепление одной саморазвивающейся системы, вследствие упрощения внутрисистемного взаимодействия и усиления взаимодействия между этой системой и средой, с образованием двух, которые в дальнейшем дифференцируются на новые киральные системы. Эти системы могут проникать друг в друга. Существование социокультурных феноменов, комплементарных друг другу на основе противоположных характеристик, свидетельствует, что, во-первых, дифференциация предковых структур не порождает хаотического распределения дочерних элементов (в традиционной эволюционистской теории специфика последних определяется исключительно в терминах воздействия окружающей среды /или, иначе, «конкретно-исторических обстоятельтств»/); а во-вторых, наряду с методом установления между

формами «родства по сходству», историческая реконструкция может и должна использовать метод сличения форм на основе их противоположности друг другу. Хорошей иллюстрацией этого положения может служить ИЕ название «брата» (**bhrāter* в традиционной реконструкции, **arbh(H)ter)* – в нашей [288; 289]). Совмещение в одном семантическом гнезде противоположных по смыслу слов, т.е., с одной стороны, практически идентичных форм, обозначающих «брата» или «члена родственной группы» (*bhrátar*, *brátar*, *phráter*, *frater*, *brathir*, *bratru*, *pracer*), а с другой – формально непохожих терминов для обозначения свойственников 0 поколения (*с-ябер*, *g-aló-os*, *z-ŭlŭ-va*, *sv-ilar*, *a-elioi*, *sy-āla*, *шур-ин*), заставило пересмотреть направление метатезы и позволило реконструировать праязыковое значение «брат = кузен» (см. дискуссию в АР-5).

Предполагается, что выявление киральных пар в качестве «меток» исторического родства важнее для перспектив описания *процесса* образования обособленных популяций, чем поиск сходных форм, которые, скорее, касаются *результата* процесса почкования.

12.1. Реинкарнационный и адопционный комплексы

12.1.0. Одним из универсальных для первобытного сознания явлений обычно считается вера в реинкарнацию души умершего предка (архетипически – «деда» и «бабки») в потомке и связанный с этим обычай передавать новорожденному имя умершего[259]. Следует различать, во-первых, представления о немедленном возвращении умершего и более развитые концепции нескольких миров, по которым путешествует душа, прежде чем войти в новое тело; во-вторых, идею о вселении души конкретного родственника (часто по одной из генеалогических линий) от идеи вселения любого умершего, идеи передачи через реинкарнацию исключительных (шаманских, лидерских, творческих) свойств некоего умершего в случайного (социально не санкционированного) преемника; и, наконец, «зрелой» идеи существования сонма духов предков, не имеющих никаких генеалогических аффилиаций с ныне живущими и периодически, в ритуально оформленных ситуациях, вступающих с ними в контакт.

Реинкарнационный комплекс можно также дифференцировать на соединение в одной системе веры в переселение души, обычая наследования имени и проведения специальной церемонии «узнавания» умершего и ослабление этого «узла» (идеология + ритуал + социальная практика передачи имен), когда идея переселения души родственника (или предка) может бытовать без сопутствующего обычая передачи имени, или, наоборот, случаи наследования имени могут обнаруживаться при отсутствии идеологической подоплеки и т.д. В обоих случаях первые элементы логично будет рассматривать как более архаичные по сравнению со вторыми. Уже давно было подмечено, что «поклонение предкам составляет существенное отражение внутренних законов поведения в системе родства в частности и в обществе в целом» [2092, с. 154]. Как следствие, логические зависимости между вариантами

реинкарнационного феномена и общую тенденцию к разложению реинкарнационного комплекса можно предварительно поставить в корреляционную связь с переходом от билатеральности к унилатеральности и, далее, к уни- и билинейности. Ср.:

«Наблюдается существенная и позитивная корреляция между наличием в обществе суверенных родственных групп более высокого уровня, чем нуклеарная семья, и верой в то, что духи предков активно участвуют в делах живых» [2082, с. 108].

«В линейных обществах [т.е. обществах с унилатеральными/унилинейными институтами. – Г.Д.] реинкарнация полностью обусловлена родством. В матрилинейных обществах Северо-Западного побережья [Канады] реинкарнация, по-видимому, составляет одно целое с унилинейным наследованием, тогда как в билатеральных (*cognatic*) группах она находится с родством в более гибкой зависимости… Основное различие между унилинейными системами Северо-Западного побережья и унилинейными системами Зап. Африки заключается в том, что последние растягивают линиджи назад в прошлое в форме "культа предков". На Северо-Западном побережье специально хранятся в памяти только мифические предки, недавно умершие родственники и особо отличившиеся личности» [1453, с. 199, 209].

12.1.1. Приведенный в Приложении III перечень этносов, имеющих реинкарнационный комплекс, наглядно демонстрирует, что наибольшее значение этот комплекс приобрел в Северной Сибири[260]. Он ослабевает в средней части Сев. Америки и Центральной Америке, Европе (см.: [461]), Передней Азии, на Кавказе. В Средней Азии он некогда, видимо, был распространен повсеместно (см., например: [803, с. 126; 24]), но вышел из практики у киргизов (см.: [11; 12, с. 106-109; 400]), казахов [331] и каракалпаков. В Южной Сибири реинкарнационный комплекс сохранился в ослабленном виде у тувинцев, а у алтайцев бытовало поверье, что если ребенку дать имя умершего родственника, тому легче будет жить на том свете [415, с. 20]. Следы реинкарнационных представлений не фиксируются, насколько можно судить, у монголоязычных этносов Центральной Азии и калмыков, а также у китайцев. Далее наблюдается, как бы «чересполосно», усиление реинкарнационного комплекса в Юго-Восточной Азии, в тибето-бирманском мире, в Океании и в Австралии. В Австралии широкое распространение имеет не идея о воплощении конкретного умершего родственника, а концепция вселения в новорожденного тотемного предка (см.: [1542]). Слабость реинкарнационного комплекса в Передней Азии и Северной Африке сменяется повышением его влияния в Зап. Африке с постепенным повторным ослабеванием в центральных и южных областях, населенных бантуязычными народами.

12.1.2. В качестве социокультурного феномена, кирального реинкарнационному комплексу, предлагается рассматривать феномен адопции, или принятия ребенка (реже взрослого) в чужую социальную группу с передачей ему всех прав и обязанностей, присущих родным детям последней. В некоторых обществах, например, в эскимосских, адопция означает не фактическое переселение ребенка в новый дом, а приобретение им прав в новой семье при сохранении прав в старой [1413, с. 67]. Если в случае реинкарнации, душа умершего, приняв облик ребенка, приобщается к новой семье, то в случае адопции, к новой семье приобщается ребенок, причем не как развоплощенная душа, а как телесный организм, нуждающийся в кормлении.

В связи с практикой адопции и кормлением как ее минимальной составляющей вызывают интерес исследования Р.Макариуса и Л.Макариус, которые на широком сравнительном материале показали, что совместное потребление пищи является важным фактором разграничения кровного родства и свойства (см.: [1699, с. 176-210]). Например, у австралийцев мужчине и женщине запрещается прикасаться к пище, приготовленной родителями их супругов [1699, с. 179]. У мишме (Ассам) мужчинам и женщинам не позволяется есть мясо в присутствии друг друга, а мужу запрещено есть мясо в доме тестя [1699, с. 187]. У зулу теща и тесть не могут пить молоко, принадлежащее их зятю; девушка до свадьбы не может пить молоко в краале своего возлюбленного, а юноша не может употреблять молоко в краале своей невесты ни до, ни после свадьбы; только члены одного домохозяйства могут свободно пить молоко друг друга [1699, с. 188-189]. Н.А.Бутинов в длинной цепи публикаций (см.: [154–166]) углубляет наблюдения Р.Макариуса и Л.Макариус и разрабатывает проблему кормления как метафоры родства. Начав с традиционного для этносоциологии (см. 6.3.) противопоставления «биологическое родство – социальное родство» [154], Н.А.Бутинов в дальнейшем обратился к содержанию понятия «родство» у этносов Океании. По его мнению, африкано-европейская концепция родства как отношения по рождению, либо по происхождению, отличается от океанийского родства по «пище» и «кормлению» [164, с. 172-173] (см. также: [1064]). Как подчеркивала М.Мид, «отцовские права на ребенка основываются не на том, что он зачал ребенка, а на том, что он его выкормил» [597, с. 274]. Н.А.Бутинов назвал связь между людьми, возникающую независимо от рождения, термином «сродство»[261] и отметил, что такие варианты сродства, как побратимство, посестримство, усыновление, удочерение, принятие в род распространены не только в Океании, но и в обеих Америках, в Африке, на Кавказе, в русской дворовой общине [158, с. 165, 180].[262]

«Сродство может превратить дальнее родство, подчас генеалогически прослеживаемое с трудом, в близкое... Кроме того, сродственниками могут стать люди, между которыми нет никакого родства по крови» [158, с. 165].

В основе сродства и так называемых «классификационных систем родства» лежит, по Н.А.Бутинову, широкий смысл, который первобытный человек вкладывает в понятие индивидуального «я» [158, с. 179].

Приводимые Р.Макариусом, Л.Макариус и Н.А.Бутиновым факты свидетельствуют, как кажется, о том, что Океания является ареалом, в котором предикаты зачатия («биологического родства») и кормления («социального родства») не противопоставляются друг другу как самостоятельные понятийные области, относящиеся к происходящему в обособленные интервалы времени, а составляют единый причинно-следственный континуум. Так, у арапеш кормление начинается еще тогда, когда зародыш находится в утробе женщины. Она кормит зародыш грудным молоком (которое в утробном периоде течет внутрь), а мужчина – своим семенем [164, с. 173]. Само зачатие ребенка равнозначно акту кормления мужчиной

женщины. Напротив, в современной европейской городской идеологии беременность воспринимается не как социально значимый этап взаимодействия между родителями и ребенком, а как требуемый биологией, но неудобный период, отделяющий зачатие от рождения и последующего кормления. Н.А.Бутинов замечает, что до прихода европейцев океанийцы «не признавали за “природой” способности создавать родственные связи между людьми» [164, с. 175]. Весь процесс создания новой жизни протекал не просто под «контролем» общества, а на основе ресурсов общества.

Акцентируя оппозицию «зачатие – кормление», Н.А.Бутинов не уделяет достаточного внимания тому, что в рассматриваемых обществах само кормление понимается в отличном от «европейского» смысле.

Океанийцы считают, что в женщину вместе с пищей входит дух предка, оживляющий зародыш [164, с. 173-174][263]. Сибирские кеты верят, что душа человека переходит в животное или растение. Ребенок, находящийся в утробе матери, получает от нее шесть душ, которые в свою очередь попадают к ней вместе с пищей. Незадолго до рождения через половые органы матери в ребенка вселяется главная душа [24, с. 197]. У ваньика (Танзания) вхождение в новорожденного души умершего считается причиной сходства ребенка с отцом и матерью [850, с. 302]. У игбо (Нигерия) каждый новорожденный пристально рассматривается на предмет сходства с предком в родимых пятнах, форме носа и губ [1726, с. 49]. Коряки находили полное физическое сходство между умершим и новорожденным, в котором воплотилась его душа [37, с. 264]. Ненцы давали ребенку имя в честь того из умерших, на кого он был похож [682, с. 83; 864]. Индейцы-каяпо считают, что унаследовавший имя (обычно «внук» или «сын сестры») физически похож на донора имени, и сам термин для обозначения наследника имени, *tab-djuò*, означает «то, что похоже или идентично» [2131, с. 472].

Европейцы видят причину рождения в *факте* зачатия (см.: [1998]), океанийцы видят причину рождения в *символе* кормления, но понимают кормление не по-европейски, а как способ воплощения предка (эксплицитно присутствующем в идеологии коряков и ненцев), т.е. как акт, *истинно* тождественный «европейскому» зачатию. Проводимое в этносоциологии разграничение между биологическим отцом («генитором») и социальным отцом («патером») (см.: [1762; 1066]) здесь не совсем адекватно. «Отец» имеет не одну форму существования, а три ипостаси (здесь христианская терминология более чем уместна) – «генитор», «патер» и «креатор»[264]. Если брак влечет за собой зачатие, адопция – кормление, то инкарнация – причастие; соответственно, мёрдоковская триада «форма брака – форма брачного поселения – форма филиации» (см. 4.1.8.) должна быть увязана с триадой «форма (кровного) родства – форма адопции – форма инкарнации»[265].

Соответственно, каждая категория родства строится как единство *фактического* (собственно родства), *символического* (сродства) и *истинного* (прародства). Именно здесь, думается, лежит ключ к разрешению таких спорных вопросов этносоциологии, как соотношение индивидуального и классификационного, или действительного и мифического, в «первобытном» родстве, соотношение «первичного» и «вторичного» значений в семантике «классификационных» иденонимов, наличия/отсутствия в «первобытном мышлении» понятия физиологического отцовства и пр. Следует признать правоту и О.Ю.Артемовой, утверждающей, что нет таких культур, в которой люди

«мать родную не узнают» [49, с. 42] (ср. с убежденностью А.Вежбицкой, что в каждом австралийском языке, как и в любом другом, есть слова для обозначения физиологических породителей)[266]; и правоту Н.М.Гиренко, свидетельствующего в пользу «группового» значения бонгуанских ТР [236, с. 83][267].

12.1.3. Таким образом, в реинкарнационном и адопционном комплексах присутствует те же лица, что и в праречевом акте (см. 7.1.), но с разным распределением центричности. В реинкарнационном комплексе альтер – это реципиент имени, души, статуса, качества; автор – это донор этих субстанций (собственно умерший), а эго – это лицо, осуществляющее связь между живыми и умершими и контролирующее процесс передачи субстанции. В адопционном комплексе ребенок – это автор, осуществляющий связь между группой отдающих на воспитание (эго) и группой берущих на воспитание (альтер). Такое же распределение центричности демонстрировалось выше на примере фенонимов и этнонимов (см. 7.2.3.).

Если во многих реинкарнационных культурах фенонимы играют ключевую роль как носители циркулирующих душ (см. 12.1.3.), то практика адопции играет заметную роль в некоторых этнических полях (термин введен в 11.3.2.). Например, католический священник Л.Эннепин, путешествовавший в конце XVII в. по восточной части Сев. Америки, отмечает, что у сиу представителя другого народа могут принять в семью на место умершего родственника и, проведя специальную церемонию, передать ему в соответствии с его возрастом социальный статус «сына, брата, дяди, племянника или кузена» [1474, т. 2, с. 69].

У фоксов церемония усыновления имеет целью заместить умершего *родителя* и, таким образом, позволить душе отправиться в мир духов [517, с. 138-139]. Глубинную взаимосвязь между реинкарнацией и адопцией наглядно демонстрируют, например, эскимосы Гренландии, считающие, что ребенок «рождается» в двух семьях: в семье своих физических родителей и в семье, которой принадлежал воплотившийся в него умерший [1841, с. 87]. У квакиютлей-овикено, если новорожденный напоминает умершего ребенка, то родители последнего усыновляют его [1453, с. 199]. В Средней Азии представления о переселении души деда во внука известны у горных таджиков и туркмен; у других же этносов бытует норма, по которой дед и бабка как с отцовской, так и с материнской стороны играют главную роль в жизни ребенка[268]. У казахов, когда ребенка отнимают от груди, родители одного из супругов (обычно мужа) берут ребенка к себе (если живут врозь). Они воспитывают его, он называет их отцом и матерью, принимает их фамилию и считается их настоящим ребенком. Мать же свою ребенок приучается называть по имени [198, с. 88-89]. У таджиков Ура-Тюбе первые два ребенка называют своих деда и бабку с отцовской стороны *дада* Рм и *ана* Рж, а отца, если он молод, – не *дада*, а *ако* +ДмР [670, с. 184]. У узбеков на третий день после рождения ребенка сноха несла его отцу мужа и клала ребенка тому на колени, прося дать ему имя. Дед давал ребенку имя, и ребенок впредь называл его «большой отец» [348, с. 404]. Обычай воспитания первенца родственниками по прямой линии +2 поколения, видимо, вообще был широко распространен в тюркском мире. Он известен у башкир [743, с. 261-263], а самое раннее упоминание о нем, видимо, было сделано в X в. арабским путешественником Ибн-Фадланом в отношении волжских булгар [433, с. 137]. У каракалпаков [332, с. 518], туркмен [140, с. 211], сартов [619, с. 170], уйгуров [950, с. 247], а также тувинцев Западной Монголии [814, с. 125] и других этносов существовал обычай, по которому женщина рожала первенца в доме своих родителей[269]. Обычай адопции внука дедом и бабкой специально отмечается в этнографических описаниях бушменов: «Дед с бабкой, особенно по материнской линии, очень любят брать к

себе внуков. Они усыновляют их даже при жизни родителей. Как правило, именно бабка учит внука говорить» [1113, с. 67].

У бушменов-кунг, как и у эскимосов, ТР и фенонимическая система составляют единое целое. Фенонимическую систему эскимосов называют «референтивной системой родства, которую никто не слышит» [1305, с. 152]. У !кунг действует принцип: «термин родства идет вслед за именем» [1710, с. 2] (см. также: [1627, с. 357; 1711]). У !кунг человек получает имя в честь старшего (не обязательно умершего) родственника +2 или +1 поколений (но никогда – в честь отца или брата, хотя они могут быть тезками), и в соответствии с этим донор и реципиент имени употребляют в отношении друг друга взаимный иденоним. Меняется имя, меняется и иденоним [1710, с. 7-13].

У эскимосов о. Белчер имя передает живой член территориальной общины. Еще до рождения ребенка родители стараются уговорить носителя «хорошего» (т.е. приносящего удачу) стать тезкой их новорожденному. Наречение имени сообщает новорожденному качества личности, заложенные в его имени и присущие также донору имени [1413, с. 63]. Между тезками (всего носителей одного имени может быть не более трех) устанавливается особенная связь, и от поведения одного зависит благополучие другого [1413, с. 62-64]. Имя, по мнению !кунг, «каким-то образом составляет часть сущности человека, и когда кто-то другой нарекается в честь этого человека, то вместе с именем приобретает и часть сущности первого» [1710, с. 22]. У эскимосов о. Нельсон реинкарнация души умершего происходит через передачу его имени [1305, с. 152].

Череспоколенное наследование имен сопоставимо с практикой принятия имени убитого врага, распространенной, в частности, у папуасов Новой Гвинеи. У орокайва старое имя человека остается в ходу только в среде его ближайших друзей. Если воин убил женщину, он может дать имя убитой своей новорожденной дочери. Э.Уильямс предполагал, что обычай наследования имени убитого врага проистекает из страха перед местью со стороны души убитого [2201, с. 175-177].

Адопция-кормление, как и реинкарнация, часто ассоциируются с практикой иденонимической инверсии (см. 8.3.). Так, у фиджийцев [1056] и кариера [1278, с. 56] сын в детстве называет отца тем же ТР, которым в старости последний называет его, что, видимо, связано с переходом обязанности по заботе (кормления) со старшего родственника на младшего. На о. Гуденаф (Меланезия), когда одна община приглашает и угощает другую, те, кто пришел и ест, называются «детьми», а хозяева – «отцами». Когда эти общины меняются ролями, инвертируется и символическая терминология [158, с. 168].

12.1.4. В обществах с развитой реинкарнационной культурой обязательным считается ритуал приобщения души умершего к новому телу.

У эскимосов Гренландии сразу после рождения ребенка и на протяжении последующих месяцев или даже лет мать напевает ему *aqaat* – серию ласковых словечек или просто мелодию. *Aqaat* является личной собственностью матери, «нечто, что связывает ее с ребенком» (т.е. аналог и субститут пуповины); он тесно связан с представлениями о реинкарнации, и часто эта материнская песенка состоит из многократно повторяющегося описательного выражения типа *angelara* «мой вернувшийся домой» [1841, с. 86]. У кучинов беременной женщине на протяжении года являлась душа умершего. Первый сон приходит к ней тогда, когда плод начинает шевелиться. Сначала душа умершего видится ей как крохотный зародыш, но с каждым новым сном она увеличивается в размерах[270]. Перед

самым разрешением от бремени душа принимает облик маленького зверька (например, мыши) и проникает во влагалище женщины. Первое время после родов женщина внимательно следит за ребенком, стараясь уловить сходство со своими снами. Считается, что первым словом ребенка будет имя воплотившегося в него предка [2041, с. 138].

У многих народов существовала церемония гадания, которая, наряду с функцией приобщения умершего, была направлена на установление того, кто именно из умерших родственников воплотился в ребенке.

У чукчей и коряков к ветке тальника или к двум скрещенным палкам привязывали *аняпель* – небольшой камень, обшитый ровдугой. Мать держала на руках новорожденного, а специально приглашенная старуха перечисляла по очереди имена умерших. При чьем имени камень начинал раскачиваться, тот умерший и считался вселившимся [243, с. 104-110; 244]. У обских угров сразу после обрезания пуповины в доме собирались пожилые женщины. Они клали новорожденного в люльку, а под люльку подкладывали нож. Потом самая старая родственница начинала «взвешивать», т.е. немного приподнимать люльку. Другие в это время произносят имена умерших, и когда звучит имя вселившегося умершего, люлька должна прилипать к полу, а ребенок – переставать плакать [962, с. 139-140][271].

Пшавский обряд: если ребенок капризничал, считалось, что около него витает душа предка, желающая вновь обрести тело. Родители призывали гадалку, которая молилась и, перечисляя ряд имен, таинственным образом выведывала имя предка[272]. Ребенка нарекали этим именем, и он успокаивался. Бывало, что сама мать ребенка проводила гадание: скатывала лепешки, на каждой из них ставила обозначение соответствующего предка и бросала на стол; чья лепешка окажется впереди, тот и передавал ребенку имя. Нередко мать видела во сне предков, которые спорили о праве наречь новорожденного своим именем (такие же сны, по Дж.Фрэзеру, снились и саамской женщине; а у ирокезов сама душа будущего ребенка являлась беременной женщине во сне) [949, с. 138; 556, с. 113-114; 1310]. Сообщающие об этих обычаях наблюдатели упоминают в числе пшавских личных имен женское имя Дедука и мужское имя Мамука. Существование фенонимов, образованных от иденонимов, характеризует общества, в которых бытуют представления о реинкарнации умерших родственников (см. 8.3.).

Структурно идентичный обряд наречения имени существовал у викмункан. Сразу после рождения ребенка, когда еще не отделилась плацента, специальный человек тянул за пуповину, перечисляя при этом сначала имена по отцовской линии, затем имена по женской линии. Имя, которое произносилось в момент освобождения от плаценты, и становилось личным именем ребенка [1316]. У маори жрец читал перед новорожденным длинный ряд имен предков и останавливался на том, которое выбирал, криком или чиханием, сам ребенок [850, с. 303]. При наречении имени у тоба-батаков также зачитывался целый список имен, пока ребенок не подаст какого-либо знака. При этом имена умерших родственников повторно использовать запрещено [638, с. 130; 732]. У ндембу (Замбия), по полевым данным Э.Тёрнер 1950 и 1985 гг., существовало два ритуала определения имени новорожденного. Если ребенок начинал плакать чаще обычного, взрослые произносили имена предков по отцовской линии. Считалось, что ребенок перестанет плакать, когда услышит имя того духа (*mukishi*), который в нем воплотился. По-другому, отец ребенка мог сесть на стульчик, держа в левой руке пестик для толчения (женский инструмент) и уперев его перед собой в песок немного под наклоном. Затем он начинал мерно стучать пестиком о землю, произнося над ребенком имена предков и ожидая момента, когда тот перестанет плакать. Интересно, что ндембу матрилинейны, и вселение отцовского предка расценивается как вторжение в линидж матери. При обычных обстоятельствах ребенок получал имя из «родового запаса» материнского линиджа [2130, с. 79-80].

Нельзя считать случайным сходство этих обрядов узнавания умершего в новорожденным с фиксируемым у русских (Сибири, Астраханской и Рязанской губ.) обычаем, по которому, если ребенок не подает признаков жизни, отец бьет палкой в дно сковородки и выкрикивает имя матери, если родилась девочка, и свое имя, если родился мальчик [78, с. 118]. Обычай «метания над столом» у русских Сибири, посредством которого выявлялось сходство новорожденного с одним из родителей [78, с. 116-117], также имеет черты сходства

с обычаями узнавания умершего у коренных этносов Сибири и может свидетельствовать о культурных связях пришлого русского населения.

Индейский обычай адопции иноплеменников (и соответствующие ему ритуалы определения судьбы пленника и его родственного статуса в новой семье), вызвавший к жизни в XVII–XIX вв. практику бегства в индейские племена (ср. *sauvages volontaires*) и послуживший этнографической основой для целого жанра американской литературы под названием «романы о пленении» (*captivity novels*), является хорошей иллюстрацией киральности реинкарнации и адопции: тождественность структур обнаруживается в контексте противоположно направленной логики (мотивации). Умерший возрождается, чтобы умереть; живой умирает, чтобы возродиться[273].

12.1.5. Приведенные факты позволяют, думается, по-новому взглянуть на природу циклических знаков в Древнем Китае, которые сочетались среди прочего с иденонимами и применялись для обозначения усопших предков (см.: [473]). Тот факт, что жертвоприношения предку совершались в день, обозначенный тем же циклическим знаком, что и его имя, указывает на древний момент вселения умершего в новорожденного (ср. обычай гадания по циклическим знакам и обряды узнавания предка) [473, с. 109]. Сами циклические знаки могут интерпретироваться как древние лексемы родства (соответственно мужские и женские). Чередование табличек с именами предков в семейных храмах, как представляется, имеет реинкарнационную подоплеку, учитывая, что эти таблички пришли на смену куклам *хунь-бо* – заместителям умерших [944, с. 331] (см. о заместителях умерших ниже). Можно предположить, что первоначально между смертью и воскрешением существовал определенный промежуток времени (как, допустим, у обских угров), кодифицированный в дальнейшем в хронометрическую систему. (Ср.: у аканов хронометрическая система охватывает 7 дней, тогда как в Китае циклические знаки сначала служили для обозначения дней, а впоследствии приобрели функцию летосчисления [473, с. 107-108].) Переход иденонима в обозначение временного отрезка отмечается в сербо-хорватских диалектах, где слово *djed* «дед», помимо родственного значения, употребляется как название месяцев в связи с возрастом новорожденных младенцев. Э.Станкевич справедливо рассматривал этот семантический переход в контексте представлений о вселении души умершего в новорожденного [2060, с. 117].

Циклическими чертами обладает и китайская система чередования поколений, выраженная через пять первоэлементов, так что дерево порождает огонь, огонь порождает землю, земля порождает металл, металл порождает воду, которая в свою очередь порождает дерево и т.д. В средневековом Китае считалось, что если дети и внуки будут носить имена в последовательности пяти элементов, потомство не будет прерываться [466, с. 263]. Эта традиция включения в феноним человека знака соответствующей стихии, служившего своеобразным «ключом» к родственным связям, была воспринята как составная часть конфуцианского учения корейцами (система *ханън?ль*) [530, с. 61-62; 273, с. 104]. В дополнение к этому, в Корее каждая знатная фамилия имела свой цикл повторяющихся хронометрических знаков, которые присоединялись к личным именам членов фамилии в зависимости от дня рождения (устное сообщение жителя г. Сеула Сеунг Ван Чо). Последний

обычай несет в себе черты сходства как с китайской циклической моделью, так и с ашантийской (см. 8.3.).

Следует отметить, что у гренландских эскимосов (эскимосы и бушмены могут рассматриваться как эталоны реинкарнационно-антропонимической культуры) общность по личному имени развилась в более широкую систему взаимных отношений, в которой учитывались такие факторы, как рождение в один день и рождение в один год [1841, с. 92].

Отметим также в этой связи существование у балийцев четырех имен для детей, наречение которых зависит не от относительного возраста последних, а определяется посредством обряда гадания. Имена выбираются из корпуса имен, связанных с определенным днем астрологического календаря, и повторяются по кругу. Как только ребенок рождается, его родственники начинают обозначаться неотеронимически, т.е. «отец такого-то», «дед такого-то» и т.д. [1086, с. 14-15]. По мнению П.Бенедикта [1092, с. 123], эта система наименования детей является исконно австро-тайской. В ранний период китайско-тайских контактов она была заимствована китайцами и преобразована ими в нумеративную модель (см. 8.8.). Впоследствии, уже в видоизмененном виде, она была заимствована вместе с самими лексемами теперь уже тайцами у китайцев и напластовалась на сохранившуюся в отдельных регионах Юго-Восточной Азии (например, у балийцев, палаунгов [1091, с. 377, прим. 18], сеноев [1625, с. 181]) архаичную модель циклически повторяющихся имен. Зависимость порядка череспоколенного возврата имен от порядка рождения детей в семье также фиксируется у болгар Закарпатья, где первые дети нарекаются в честь РмРм и РжРм, вторые – в честь РмРж и РжРж, последующие – в честь родителей, дядьев и теток (см.: [568, с. 259]); значит, есть основания полагать, что специфическая форма имянаречения у балийцев, сеноев и палаунг, действительно, представляет собой древний феномен.

Системы альтероцентричных (именных) классов фиксируются у панских этносов Южной Америки.

У марубо имена передаются череспоколенно по женской линии, а у кашинауа и шаранауа – по мужской, образуя в обоих случаях 4 экзогамных «тезковых» класса (см. обзор: [1249, с. 382-383]. Однако только у кашинауа эти классы получили социоцентрические (автороцентрические, в нашей терминологии) наименования и стали полными аналогами австралийских «брачных» классов [1559, с. 231]. У этносов семьи же (бороро, рамкокамекра, каяпо, суя, шеренте и др.) имена и церемониальные роли, являющиеся собственностью унилатеральных родственных групп, регулярно передаются от деда к внуку, от бабки к внучке, от брата матери к сыну сестры, от сестры отца к дочери брата [1249, с. 390-391]. У североамериканского этноса фокс в доколониальный период все население делилось на два подразделения – *kic'ko* и *to'kan*. Если отец принадлежит к *kic'ko,* его старший ребенок является членом *to'kan*, следующий по возрасту – *kic'ko*, следующий после него – опять *to'kan* и т.д. Если же отец *to'kan*, то его первый ребенок *kic'ko* и т.д. Принадлежность детей к разным «половинам» в зависимости от возраста в системе фокс напоминает тайские модели имянаречения. Как и в Южной Америке, эти «половины» носили не брачный, а военно-церемониально-игровой характер [2096, с. 268-269][274].

В свете очерченной перспективы представляется несколько поспешной реконструкция Д.А.Ольдерогге, М.В.Крюковым и другими системы австралоидных брачных классов в древнекитайском обществе (см.: [466, с. 271]), равно как и реконструкция дуально-родового строя у праиндоевропейцев Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Ивановым [216, т. 2, с. 776 и сл.]. Необходимо построить типологию социальных институтов, основанных на принципе чередования поколений, а не рассматривать австралийскую модель в качестве единственно возможной формы его реализации. Структурно и ареально та серия элементов китайского общественного строя, которая интерпретируется как свидетельство «брачных классов», скорее тяготеет к другой форме реализации рэдклифф-

брауновского принципа слияния альтернативных поколений, а именно реинкарнационному комплексу. Возможно, существует связь между реинкарнационным комплексом и альтероцентричными именными классами, с одной стороны, и линейно-степенными СТР – с другой, так как именно в таких группах, как койсаны, эскимосы, палеоазиаты, тайцы (сенои), индоевропейцы фиксируются как системы чередования имен, так и разложение КРОРТ в «линейном» направлении.

12.1.6. У палеоазиатов обряды по случаю смерти человека симметричны обрядам, связанным с наречением новорожденного по имени умершего родственника.

После кончины человека сразу устраивается гадание: голову умершего обвязывали ремешком и привязывали свободный конец к посоху, рукоятке скребка или к палке (в зависимости от пола умершего) (ср. с поверьем коряков, что в верхнем мире к дому прародителя Ворона привязаны ремешками души нерожденных детей; какова длина ремешка, таковой будет и жизнь человека после того, как Ворон пошлет душу на землю /устное сообщение В.В.Горбачевой/). Один из старших родственников берет посох и обращается к умершему с вопросом о том, кто из присутствующих должен проводить гадание. При этом он перечислял всех находившихся в доме, в том числе гостей и детей семьи. Как только голова покойника легко приподнималась при имени участника обряда, ответ считался утвердительным. Выбранное лицо спрашивало у умершего о его пожеланиях. На поминках этот человек уходил с могилы последним, оставляя на могиле три камня, обозначавшие голову умершего, для того чтобы покойник не последовал за участниками обряда. После этого он получал ремень, которым был связан покойник, и становился на некоторое время защитником родственников умершего от покойника [244, с. 75-77].

Нетрудно уловить сходство между головой умершего, привязанной к посоху и двигающейся при проведении гадания, и камнем, одетым в одежду (также головой росомахи или волка, шапкой с куклой внутри [340, с. 45]) и называвшемся *аняпель* «маленькая бабушка», который раскачивался, привязанный к треноге, при наречении имени новорожденному (ср. с люлькой как изоморфным символом у обских угров). Два обряда являются киральными, и можно ожидать на предыдущем этапе их развития существование единого похоронно-реинкарнационного комплекса. Фигура гадающего на похоронах – «связного» между умершими и живыми – возникла, видимо, поздно, как этап разложения субстанциональной непрерывности, слиянности жизни и смерти.

Трансформация первичной структуры обусловливается возрастанием роли автора. В похоронно-поминальном комплексе автор может принимать следующие формы. *Во-первых*, это так называемые «лица-заместители умершего» (см.: [1000]).

У мордвы на поминках всегда присутствовал заместитель умершего. Он одевался в его костюм, родственники при обращении к нему называли его теми ТР, которыми они называли покойного [322, с. 66]. На роль заместителя старались подыскать человека, внешне похожего на умершего [599, с. 125]. На протяжении поминок заместителя расспрашивали о «его» жизни на том свете[275]. Лица-заместители умершего известны также у марийцев, коми, нганасан [791, с. 124; 742, с. 84-85; 1000, с. 68]. При этом у марийцев нередко сам умерший перед смертью назначал человека, который будет разыгрывать его роль на поминках. У американских эскимосов (малемут, уналит) новорожденного нарекали в честь только что умершего жителя деревни или в честь умершего родственника; после этого новый носитель имени играл роль умершего в поминальных обрядах в его честь [1824, с. 289]. Аналогичным

образом, у древних китайцев в поминальные дни роль умершего исполнял его внук или правнук (!), в которого на это время, как считалось, вселялась душа первого [944, с. 331].

Во-вторых, автор может репрезентироваться изображением умершего.

У мордвы иногда вместо заместителя умершего на поминках присутствовала кукла, одетая в одежду покойного [742, с. 84-85]. У обских угров душа *lili* перед тем, как вселиться в новое тело, обитала в особом изображении, которое носило название *тонгх* «череп» (также «медвежий череп», «собачий череп»). Иногда это был котел, который до переселения души одевали на голову покойнику [962, с. 130, 152] (ср.: айны покрывали черепа умерших горшками, и этот обычай имеет широкие параллели в Юго-Восточной Азии и в Меланезии) [1007, с. 582-583][276]. У ненцев *иттерма* – изображения умерших – присутствовали при рождении младенцев [390, с. 116].

Как кажется, в этих традициях изготовление фигур предков имеет своей целью прерывание цикла воплощений, т.е. маркирует разложение реинкарнационного комплекса. В Южной Сибири, где реинкарнационный комплекс практически не сохранился, а воплощение души умершего оценивается негативно как причина болезни (см.: [706, с. 220; 35, с. 263]), повсеместно развит культ *онгонов*, т.е. фигур предков. Широко распространенный в южных и северо-западных регионах Сибири, а также в Средней Азии (монголы, якуты, алтайцы, киргизы, нанайцы, эвенки, кеты, селькупы, ненцы и др. [1000; 1001; 1002; 12]), обычай изготовления фигур умерших из дерева, глины, камня не получил глубокого развития у палеоазиатов (ср.: коряки клали на место умершего только пучок травы, а чукчи отрезали кусок от платья умершего и присоединяли его к семейным амулетам). Нельзя исключить, видимо, ненецкое влияние в становлении культа фигур предков у обских угров, заимствовавших у первых специальные наименования для них – *иттерма* и *сидерянг*. Архаичной представляется ассоциация этих изображений с головой и черепом в свете данных о следах почитания черепов в Северной Азии, на Амуре и Северо-Западной Америке (см.: [134, с. 74-75; 252, с. 168; 124, с. 180-182; 388, с. 179-180; 532, с. 65-66; 2198]).

У нанайцев если умерший был старшим в роду, то оставшийся в живых мужчина, чаще всего внук(!) умершего или старший из сыновей, в результате беседы с покойником в сновидении[277] тайно брал череп своего деда или отца, очищал его от мозга и клал череп в большой глиняный сосуд, на дне которого устраивал гнездышко. Если почему-либо душа умершего не доставлялась в мир мертвых (*буни*), то череп покойного считался постоянным вместилищем души и не требовал особых действий шамана по отысканию и водворению ее в череп. Горшок с душой передавался из поколения в поколение или же со смертью первого хранителя черепа отправлялся в *буни*. Иногда в горшке хранился камень, имевший сходство с черепом. Заключенная в горшке душа становилась духом, который охранял детей(!) рода [532, с. 65-66].

Традиция почитания изображений умерших тяготеет к районам с ослабленным реинкарнационным комплексом и отсутствием терминологической инверсии. У обских угров эти два религиозно-культовых комплекса сосуществуют, но, видимо, второй постепенно вытесняется первым. Архаичная реципрокность, «умирая» в реинкарнационном комплексе, «воскресает» и получает новое материальное выражение в вещевом, сакральном знаке.

В-третьих, в качестве автора может выступать объект животного мира. Типичный пример – медведь и связанный с ним в северной Евразии и Сев. Америке культ. Фактически универсальным принципом почитания

медведя было отождествление его с умершим (см. особо: [27, с. 25-28]). Так, целый ряд признаков сближает медвежий культ кетов и описанный нами выше северный реинкарнационный комплекс: 1) вера в то, что умерший может навестить родственников в облике медведя всякий раз в одном и том же или разном возрасте, но всегда в пределах реально прожитого им жизненного срока; 2) обнаружение внешнего сходства между медведем и умершим; 3) гадание с целью «узнавания» умершего в медведе (орудие гадания – медвежья лапа) путем перечисления имен возможных кандидатов; утвердительным ответом считалось положение лапы подошвой вверх; 4) употребление в отношении медведя иденонимов.

Наконец, *в-четвертых*, в функции автора может выступать шаман.

У якутов шаман говорил на поминках от имени умершего [1000, с. 68]. У нанайцев шаман ловил душу умершего и водворял ее в камень или манекен, служивший вместилищем души умершего. Если таковым являлся череп самого покойника, к услугам шамана не прибегали. На поминках (*касатаури*) от шамана требовалось доставить душу в буни – загробный мир. В буни шаман вручал душу старейшине рода, что делалось в присутствии старших родственников покойного. Они должны были опознать своего родича. Для этого шаман тщательно перечислял имена не только всех родственников по восходящей линии, умерших ранее, с указанием, чьим правнуком, внуком, сыном, племянником или братом был хозяин вновь привезенной души, но должен был описать и индивидуальные черты покойного, чтобы по ним знавшие его предки опознали члена своего рода. В тот момент, когда душа опознавалась и принималась, руководитель обряда и ближайшие живые родственники умершего хватали изображение умершего и бросали его в огонь [532, с. 59-60].

Нанайский обряд узнавания предками вновь прибывшей в буни души является инвертированной копией североазиатского ритуала перечисления имен умерших при наречении имени новорожденного и узнавания умершего в ребенке. Оператором такого переворачивания служит шаман, появление которого нарушает цепь смертей-рождений посредством структурной перестройки посмертного ритуального комплекса.

На обряд *касатаури* у нанайцев шаман ехал окольным путем, нарочито петляя и увеличивая путь; по приезде на место родственники умершего величали его «приехавшим издалека», «уставшим с дороги» и т.п. [532, с. 59, прим. 1]. Символику этих действий можно раскрыть через сопоставление шамана с самим умершим. Идея смерти в мировоззрении сибирских народов была неразрывно связана с образом шамана, ведь, как известно, универсальной прелюдией к получению шаманского дара была символическая смерть человека (см., например: [746]).

Вселение души умершего шамана в посвящаемого отмечается также у тех этносов, у которых реинкарнационный комплекс слабо выражен. В первую очередь, это касается тюркского мира (см.: [720, с. 366]).

У тувинцев если обычный человек умирал и отправлялся навсегда в мир мертвых, то умерший шаман со временем входил в того или иного родственника, который наследовал его дар [23, с. 67-68; 174, с. 247, 262-263]. Вселение предка в будущего шамана известно также у алтайцев, шорцев, якутов [319, с. 269], ненцев [682, с. 90]. У селькупов шаманский дар передавался от отца к сыну или к внуку. Если в семье, где отец шаман, а сын не становится шаманом, то внук становится им обязательно. В фольклоре прослеживается только одна линия наследования – от деда к внуку [710, с. 337].

Думается, что в данном случае шаманское призвание ближе всего подходит к реинкарнационному комплексу. Шаманство реализует тенденцию к локализации этого комплекса в отдельно взятой сфере культуры (уловно – религиозной) в условиях его редукции в общекультурном масштабе. Аналогичным образом, локализация реинкарнационного феномена может происходить в светско-потестарной сфере.

В Сев. Америке у группы племен, известных под названием «нейтральных», умершие вожди после передачи их имени возрождаются в своих преемниках, обладающих их качествами и добродетелями. Акт поднятия души из могилы и воплощения ее в преемнике описывается в специальном пантомимическом танце [1514, с. 326-327].

Страбон, ссылаясь на Эратосфена (III в. до н.э.), писал в отношении южноаравийских царств (Сабейского, Минейского, Катабанского и Хадрамаутского), что престол там наследует «не сын от отца, но сын какого-нибудь знатного человека, первым родившийся после избрания царя. Поэтому вместе с избранием кого-нибудь на царство составляют список беременных жен знатных людей и приставляют к ним стражу для наблюдения, которая из них первой родит; по закону сына этой женщины царь усыновляет, и его воспитывают по-царски как будущего наследника» (Страбон XVI.4.3. [C 768]) (по: [449а, с. 238]). Близкое родство с приведенными в 12.1.13. эскимосскими обычаями, связывающими реинкарнацию и адопцию, может свидетельствовать о том, что в основе отмечаемого Страбоном правила престолонаследия в Южной Аравии лежит реинкарнационный комплекс, сохранившийся в потестарной сфере культуры. У нганасан самый старший по возрасту член рода получал в качестве личного имени старое название рода. После его смерти оно переходило к лицу, следующему за ним по возрасту, и т.д. В случае употребления старого названия рода в качестве фенонима, оно заменялось другим [301, с. 211]. У баньяруанда (Руанда) бытовало представление о воплощении в живом правителе умершего. Сохранились «имена-имиджи» правителей, сменявших друг друга, и, таким образом, поддерживавшие цикл [551, с. 65].

Думается, что существование форм «ограниченной реинкарнации» (религиозной, светско-потестарной и т.п.) органически связано с обычаем наречения детей именами выдающихся личностей, существующим у многих этносов.

У индейцев-пиеганов дети получали имена давно умерших соплеменников, отличавшихся выдающимися достоинствами. Считалось, что эти качества будут унаследованы новорожденным. Если имя, которому отдавалось предпочтение уже носил кто-нибудь из живущих, оно модифицировалось (например, вместо имени Маленькая Собака ребенок получал имя Белая Собака) [2197, с. 17].

12.1.7. Реинкарнационный (фенонимический и анимический) комплекс, распространенный в Зап. Африке имеет в качестве параллели циклическую систему возрастных классов, отмечаемую в Восточной Африке у таких этносов, как оромо, кикуйю, нанди, масаи, покомо, сук, кипсигис, доробо, меру, мурле [404, с. 82]. Выясняя соотношение между циклическими и линейными возрастными системами Восточной Африки (последние фиксируются у нуэр, топоса, латуко, гусии и других нилотов, а также карамоджонг), К.П.Калиновская пришла к выводу, что последние исторически предшествуют первым [404, с. 98]. Думается, однако, что следует определить соотношение обеих систем с третьей, а именно такой, в которой возрастные классы соединяются в чередующиеся пары.

Особенности такой системы демонстрируют общества оторо и тира в Кордофане. По достижении половой зрелости мальчики выходят из состояния пассивности (оторо – *nyare*) и образуют первый возрастной класс *dongoro* (11 –14 лет) у оторо и *narblata* (15 –18 лет) у

тира. Затем они переходят соответственно в классы *kamju* (14 –17 лет) и *amucu* (18 –21 год), *babo no nyare* (17 –20 лет) и *deten vonwora* (21 –23 года), *kamju kokoron* (20 –23 года), *urno* (23 –26 лет). У оторо последний класс называется *kurniya* (23 –26 лет) [1796, с. 134, 229]. Наблюдается чередование возрастных классов: у оторо нулевой класс *nyare*, третий класс – *babo no nyare* «отец мальчиков», второй класс *kamju*, четвертый – *kamju kokoron* «старые *kamju*»; у тира нулевой класс – *ronwora*, третий – *deten ronwora* «отец мальчиков». Последние классы (23 –26 лет) и у оторо, и у тира одинаково именуются «деды» (т.е. нет еще, как в циклических системах, специальных названий для возрастных классов, хотя по реальному возрасту члены *urno* и *kurniya* вряд ли подходят под определение «деды»).

Возрастные системы оторо и тира еще не определились с точки зрения циклических и линейных черт. В частности, при наличии определенной тенденции к цикличности два существенных признака циклических систем – зависимость вступления новичка от положения в системе его отца (т.е. функционально автора) и нерелевантность биологического возраста членов групп [404, с. 87] – у тира и оторо не выражены. Вместе с тем заслуживает внимания такой факты, как общее для обоих этносов значение названий для третьего класса – «отец мальчиков». Как отмечает З.Надель,

«класс “отцов” проявляет типично отцовское отношение (к младшим классам. – Г.Д.), а именно отношение строгих наставников и воспитателей, тогда как “деды” играют ту же роль, что и в реальной жизни – роль благосклонных друзей и помощников» [1796, с. 134].

Реинкарнационный комплекс и возрастные системы базируются, по существу, на одном принципе – возрасте, только линейные возрастные системы ориентируются на фактический его модус [404, с. 86], циклические – на символический модус [404, с. 87], а реинкарнационный комплекс – на истинный модус возраста[278].

12.1.8. Сопоставление реинкарнационного комплекса, адопционного комплекса, возрастных систем с прасемантической типологией раскрывает следующую закономерность: все эти объективированные (социоцентрические) феномены обнаруживаются в условиях убывания кроссреципрокности. Аналогичную зависимость между разложением ВТР и образованием австралийских «брачных» классов см. в 10.11.1.

В случае африканских возрастных систем обратим внимание на то, что в Восточной Африке редко можно встретить кроссреципрокность в СТР (авункулореципрокность сохранилась у нанди, масаи, тейта, суахили). Среди кордофанских общностей, демонстрирующих, по нашему мнению, раннюю форму возрастной организации, у оторо аворeципрокность в СТР не фиксируется (*kurna* $Р^2$м, *kurninya* $Р^2$ж, *luguneri* $Д^2$), но она есть у родственных им хейбан (*kurna* $Р^2 = Д^2$), что при тождестве лексем позволяет говорить о бытовании у первых этой особенности ТР в прошлом. У оторо **бывший кроссреципрокный термин перешел в систему обозначения возрастных классов**, и *dongoro* и *kurniya* называют друг друга *kurneri* (мн.ч. от *kurna*) [1796, с. 99-100, 134]. У тира аворeципрокность в СТР сохраняется (*urno* $Р^2 = Д^2$) [1195, с. 209], и два крайних класса еще не употребляют между собой этот ВТР, хотя старший из них называется *urno*. Аворeципрокный термин (*акакаю* $Р^2 = Д^2$) сохраняется в ТР одной из групп оромо (имеющих циклическую возрастную систему), а именно оромо Мача [440, с. 83, прим. 9][279].

В Зап. Африке, при развитости реинкарнационных культур, кроссреципрокность в СТР сохранился только в виде авореципрокности, сенексореципрокности (см. СТР мандеязычных этносов), изредка авункулореципрокности (см. списки иденонимов у этносов Зап. Африки в [1728]). Реинкарнационный комплекс Зап. Африки кирален линейным возрастным системам Восточной Африки. Это соответствует тенденции к образованию МК в СТР народов западноафриканского ареала и МО в СТР народов восточноафриканского ареала. Содержание киральности реинкарнационного комплекса и линейных возрастных систем состоит в том, что первый осуществляет накопление наследственной информации, а вторые – ее перераспределение.

Среди типов возрастных систем Восточной Африки сложилась та же ситуация, что и среди типов СТР в Восточной Евразии. Подобно тому, как в Восточной Евразии ССП является продолжением МО, в Восточной Африке циклические возрастные системы являются продолжением линейных. Фактически первые – это точная копия ССП на ином социоментальном уровне. Характерно, что эффект «скольжения» присущ как ССП, так и циклическим (по сути дела, спиралевидным) возрастным системам (см.: [603]). Подобно тому, как ССП Восточной Евразии комплементарен КТР Западной Евразии и Северной Африки, циклические возрастные системы Восточной Африки комплементарны, очевидно, тайным союзам Зап. Африки. Первые имеют дело с перераспределением, вторые – с накоплением информации уже на более высоком социоментальном уровне.

12.1.9. Дж.Мэтлок пришел к выводу о первичности терминологического слияния альтернативных поколений по сравнению с реинкарнационным комплексом (см.: [1719] и 4.1.3.). Исключение из этого правила, как выясняется, составляют австралийские викмункан, знающие и суперреципрокность (СРВМ), и реинкарнационный комплекс с наследованием имен, а также моно (Калифорния) и пайюты-павиотсо (Невада), обладающие среднереципрокной СТР. Эти случаи говорят о неравномерности развития терминологических структур и связанных с ними социальных институтов.

Распад суперреципрокности и параллельное формирование реинкарнационных представлений наглядно иллюстрируются материалами индейцев-атапасков. Если у южных атапасков (навахо, апачей) существуют сильные формы кроссреципрокности, но отсутствуют представления о переселении души умершего родственника в новорожденного, то у северных атапасков ситуация обратная – разнообразие реинкарнационной культуры в условиях слабости кроссреципрокного «импульса» в СТР (ср.: [1881, с. 90-91] об особенностях ареальной дистрибуции реинкарнационного комплекса у атапасков).

Представляется вероятным, что распад ВТР в обществах, имеющих реинкарнационные представления, шел через иденонимическую инверсию, при которой по отношению к новорожденному употребляют иденонимы, соответствующие степени родства говорящих с умершим (см. 8.3.). Зародыш терминологической инверсии, еще не выделившийся из ВТР,

можно распознать в языке кауилья (Калифорния). У кауилья СТР суперреципрокна, и для обозначения умерших родственников (см. 8.2. об аффективном праграмматическом падеже и 10.4.1. о трансформации ВТР через аффективную подсистему с активным коннектором) всегда используется специальная конструкция, в основе которой лежит взаимный иденоним с модификатором, указывающим на младшего члена пары (например, *ne-y-nesi-k* букв. «та, которая родственна мне, племяннице») (см.: [2012]). В 10.10.2. уже отмечалось формирование бифуркативно-степенной номенклатуры из бифуркативно-линейной в связи с разложением ВТР через аффективную подсистему у родственных кавайису тюбатулабал.

Как и обычай наследования имен в Южной Америке (см.: [1721; 1005, с. 386-387]; 10.5.4.), иденонимическая инверсия в СТР этносов циркумполярной зоны приводит к образованию терминологических конфигураций, аналогичные генерационному скосу (МП и МКО), обоснование производности которого от кроссреципрокности приводится в 10.5.4. и далее. Например, у цимшиан-гитксан человек мог назвать своего сверстника «дедом» или «отцом» в случае, если тот унаследовал имя его деда или отца [1549, с. 86-87]. Так же, как и у гитксан, у таких групп квакиютль, как хейлтсук и овикено «пути» реинкарнирующей души не контролировались социальными группировками, и новый носитель души определялся по таким варьирующим признакам, как фенотипическое сходство. Сложение устойчивых матрилатеральных объединений у других этнических групп Северо-Западного побережья Канады (начиная с квакиютль-хайсла и севернее) привело к тому, что души стали циркулировать только в пределах рода (от «брата матери» к «сыну сестры», от «отца матери» к «сыну дочери» и т.п.) [1453, с. 198].

Аналогичным образом, у добу после смерти отца ТР *tamana* переносится на сына женского сиблинга отца и на сына последнего, а ТР *kedeana* -ДжРРм – на дочь женского сиблинга отца и дочь последней [1322, с. 37-38]. Смерть отца делает сына нищим, так как все имущество передается по женской линии сыну женского сиблинга отца. Ему достается участок земли, пальмовые деревья, личное имя, статус и прочие ценности умершего. Родной же сын получает магические знания, которые ему предстоит воплотить в дальнейшем в материальный достаток [1322, с. 15]. Точно таков же механизм образования МК у ачем (Гана) [689, с. 150, прим. 11]. У мнонгар (Вьетнам) ТР *kôony* -ДмРРж становится обозначением ДмДмРРж после смерти ДмРРж [1196, с. 155].

Распад ВТР у моро (Кордофан) сопровождался концентрацией священных предметов (горшков – средоточий магии ветра, камней – средоточий магии дождя и т.д.) в руках *nyagar uteri* – букв. «дедов». Эти горшки передавались по наследству в пределах большой патриархальной семьи. У близко родственных им тира СТР демонстрирует аворецип рокность, а магия носит «абстрактный и текучий характер», не воплощаясь в сакральных объектах [1796, с. 205-207]. Добавим, что у тира господствует родовая организация, а у моро активно идет процесс сегментации рода с образованием больших патриархальных семей; у тира

– отношения между «дедами» и «внуками» равноправные и дружественные, а у моро в связи с тем, что «деды» приобрели реальную власть в семье и стали, по сути дела, выполнять жреческие функции, их отношение к «внукам» изменилось на строгое и требовательное. Можно задаться вопросом, не являются ли «магические знания» у добу и моро исторической трансформацией (объективацией) реинкарнирующей души. (Ср.: 12.1.6. о символике горшка как алломорфного голове образа в контексте реинкарнационных представлений в северной Евразии).

Таким образом, налицо следующая историческая прогрессия: кроссре-ципрокность и билатеральность (южные атапаски) → генерационный скос типа МП, иденонимическая инверсия и билатеральная кроссгенерационная трансмиссия имен и душ (эскимосы, гитксан, хейлтсук, овикено, кучины) → генерационный скос типа МКО, локализация циркулирующих имен и душ в пределах унилатеральных групп (хайсла); расщепление имущества умершего на материальные и духовные ценности с передачей одних по материнской линии, а других – по отцовской (добу); дробление рода и концентрация власти в руках «дедов» (моро)[280]. Этот процесс фиксируется как среди общностей с установленными генетическими (языковыми) связями, так и среди общностей, для которых такие связи не установлены.

12.1.10. Прослеживаемый переход от ВТР к феномену наследования имен согласуется с обоснованной выше (см. 7.3., 8.3.) структурной зависимости «иденоним → феноним». Иденонимическая инверсия приводит к тому, что семантика иденонима теряет социальную бинарность, ведь теперь индивид воплощает в себе и «деда» и «внука», и «отца» и «сына». *Человек индивидуализируется за счет присвоения им сущности социальной связи.* Преемственность имен от иденонимов усматривается также в такой ситуации, как существование особой связи между двумя лицами, носящими одно имя (эскимосы, койсаны и др.). У австралийских маритиель тезки называются *nirwat*, т.е. «патрилинейный тотем» [2061, с. 303-304] (ср. с таким же представлением у древних майя [513, с. 146]). Появление запрета на ношение двух одинаковых имен аналогично распаду кроссреципрокного иденонима (т.е. своего рода запрета на называние реципроката тем же термином, что используется реципрокатом в отношении эго). Этого запрета нет у австралийцев и эскимосов, но он есть у нивхов, демонстрирующих ослабление реинкарнационного комплекса).

В Южной Америке система передачи имен по наследству у камаюра, кубео, тукуна, барасана, рамкокамекра, тапирапе, апинайе является точной калькой ВТР. Репрезентативны в этой ситуации последние три этноса, у которых сын женского сиблинга наследует имя брата матери, а дочь женского сиблинга женщины – имя сестры отца [645, с. 185]. Разложение ВТР может приводить к образованию как наследственных имен, так и наследственных титулов. С распадом суперреципрокной ВТР и упадком системы наследования имени и души умершего (именно это произошло у нганасан по сравнению с обскими уграми и палеоазиатами) этот комплекс сохраняется в локальной сфере культуры (среди

правителей, старейшин), и фенонимы фактически превращаются в титулы.

Наконец, через стадию иденонимической инверсии реципрокность может трансформироваться в некронимию (см. 8.2.), герайтеронимию и неотеронимию. У молима ТР *geyawuna* обозначает одну из двух групп родственников умершего или узко: «тот, кто потерял дядю по матери или ребенка сестры» (см. 8.2.), в то время как у родственных им вагавага, бванабвана (тубетубе) и жителей залива Бартл-Бей когнат этого слова, *gariuana*, означает ДмРРж = ДДжР и употребляется обобщенно в отношении родственников по материнской линии [1181а, с. 98-99]. У пенанов следы ВТР обнаруживаются в модели употребления ТР *tфип*. В референтивной подсистеме *tфип* $Р^2$ (при *ри* вокат. $Р^2$, *tupou* вокат. $Д^2$). В случае, если человек умирает, его брат становится для его детей *tфип* (вокат. *ри*), а сам ДмРРм начинает называть ДДмР *tupou*. Жена умершего также становится для своих детей *tфип* (вокат. *ри*). В случае смерти сестры человека, ее дети для него становятся *tupou*. В другой местности по смерти ребенка его оставшиеся в живых сиблинги начинают называть родителей *ро* до рождения следующего ребенка или до смерти родителей [1801, с. 263-264].

Неотеронимия обнаруживает определенное структурное сходство с генерационным скосом, особенно когда родители супругов обозначаются через своих детей или внуков. Функционально оба феномена тождественны: они ломают кроссгенерационную реципрокность. Если при бытовании специальных терминов для указания социально-возрастного статуса человека ВТР сохраняется, то при обозначении родственников через младшего коннектора она распадается. По тому же принципу, что и герайтеронимия, строится КТР. Герайтеронимическое обозначение кузенов как «чьих-то внуков» демонстрирует сходство с МП (см. 10.7.1.).

Глобальная дистрибуция текнонимии (см. Приложение 2) показывает, что этот обычай тяготеет преимущественно к восточному полушарию (от Сибири до Индонезии), а в Америке, Африке, Европе и Австралии отмечается спорадически. В Америке и Австралии текнонимия, если и представлена, то чаще в своем раннем варианте, а именно как неотеронимия (см. 8.4.). Американский континент отличается широким (по сравнению со Старым Светом) распространением обозначения родителей супругов через их внуков, т.е. детей эго, а также других категорий свойственников как родителей «внуков» и «племянников» (северные шошоны, вашо, хопи, араваки, ботокуды), не всегда соседствующего с обозначением супругов по детям. В Евразии текнонимия, так же как и МО, обнаруживает устойчивую связь с тюркским миром (см.: [679, с. 24-25; 1017, с. 331]), что обусловливает его распространение на территорию, где в принципе он редкость (карачаевцы, балкарцы, кумыки, татары, башкиры, бесермяне)[281].

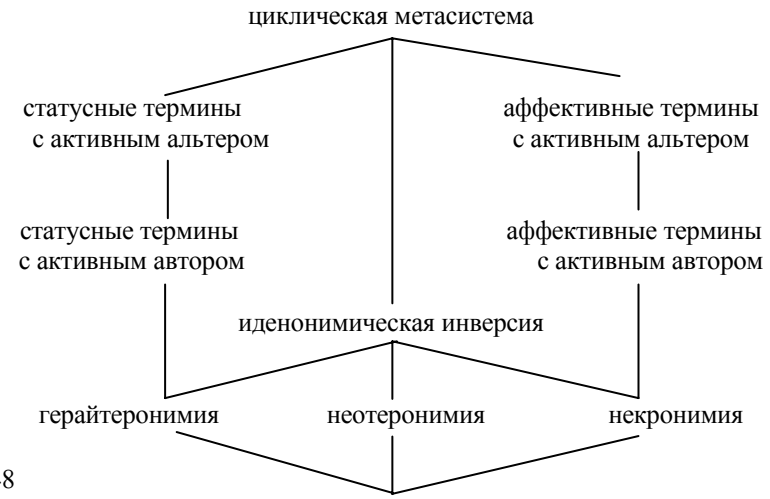
Зона распространения герайтеронимии и КТР совпадают; это – Европа, Передняя Азия и Северная Африка, т.е. типы называния «по младшим» и «по старшим» обнаруживают ту же географическую дополнительность, что и другие киральные модели. Исключение составляют факты бытования

герайтеронимии в палеоазиатском мире (ительмены [193а, с. 72], чукчи [124, с. 177-179]), где, правда, не фиксируется неотеронимия. В Америке функционирование фенонимов в форме «сын такого-то» отмечено наряду с неотеронимией у индейцев Антильских о-вов [21, с. 199, 167].

Возможно, исходной моделью для трех систем является реинкарнационный комплекс (см. 12.1.5. о неотеронимии у балийцев в контексте циклической передачи имен), предполагавший вертикальную трансмиссию душ, имен и иденонимов. Ряд этносов дает пример древнего симбиоза. Так, у пенанов ВТР отсутствует, но некронимия сочетается с текнонимией, а смерть коннектора способствует установлению между родственниками отношения *тэрип* (*tupou)* (см. выше); корневая морфема **e(m)pu-/*e(m)po-* в протоавстронезийской СТР имела значение РмР = ДД (см. 10.4.1.). У обских угров наряду с терминологической инверсией известны герайтеронимия и неотеронимия с некронимическим оттенком: давно умерших родственников они называют «отец такого-то», «младший брат такого-то» и т.д. [352, с. 145]. У ненцев по прошествии периода траура (не менее 5 лет) можно наследовать имена умерших; при этом только что вступивших в брак называют «брат такого-то», «тетка такого-то», когда у них родятся дети – то по детям, а когда у детей появятся свои дети – то по внукам. Кроме того, в случае смерти человека к иденониму добавляют специальный суффикс *-ye/-i* (> *Galya' nisyai* «отец Гали») [1895, с. 374-376; 864].

Таким образом, структурная (и вероятно, историческая) зависимость между циклической метасистемой (ВТР), с одной стороны, и аффективной и статусной подсистемами, а также производными от них неотеронимическими, герайтеронимическими и некронимическими классификациями – с другой, суммарно выглядит следующим образом (схема 13):

Схема 13



12.1.11. В сфере поведенческих стереотипов первую комплементарную (киральную) пару составляют шуточные отношения и обычай избегания. Эти два способа поведения родственников, по мнению А.Р.Рэдклифф-Брауна, имеют в основе одну социальную функцию (см.: [1904]). Выделяются, с одной стороны, шуточные отношения между родственниками и шуточные отношения между лицами одного поколения и лицами разных поколений. Среди родственников этот обычай чаще всего возникает между родственниками ±2 поколений. Факты показывают, что шуточные отношения между «дедами» и «внуками» могут возникнуть только после распада или значительной редукции авореципрокности.

Так, у апачей-чирикахуа в ±2 поколениях имеется 4 реципрокных термина, и шуточные отношения не отмечены [1850, с. 625-626], а у хикарилья авореципрокность совершенно отсутствует, но зато $Р^2$ и $Д^2$ жестоко шутят друг над другом [1850, с. 627; 1851, с. 219-220]. У западных апачей «сильная» форма авореципрокности, и практически нет шуточных отношений между «дедами» и «внуками» [1085, с. 97]. У кайова-апачей с ослаблением авункулореципрокности возникают шуточные отношения между ДмРРж и ДмДжР [1850]. У навахо авореципрокный тип редуцирован – шуточные отношения между этими родственниками развиты [1850, с. 630; 1085, с. 115]. Такая же закономерность прослеживается у атсугеви [1347, с. 355], серрано [1095, с. 372-373] и хопи [2113, с. 26].

Показателен в плане соотношения реципрокности и шуточных отношений регион Зап. Африки. Это настоящее «царство» обычаев шуточного родства (см.: [647, с. 126-136; 45]), которые здесь обязательно коррелируют с редуцированными формами авореципрокности или с полным их отсутствием (см.: [1728; 691, с. 64-65]; ср. также: [1476, с. 724-725]). У бушменов-!кунг каждое отношение родства, оформленное ВТР, сопряжено с шуточным стереотипом [1710, с. 19], причем кроссреципрокность в СТР !кунг испытала трансформацию в направлении выделения на ее основе циклической антропонимической системы.

Как кажется, первоначально шуточные стереотипы формируются между альтерами 0 поколения – свойственниками и потенциальными брачными партнерами (ср.: [1137, с. 161; 647, с. 132]). Об этом свидетельствуют общества с супер- и среднереципрокными СТР, для которых межпоколенное подшучивание не характерно [1347, с. 354-355; 1085, с. 100; 1095, с. 372-373; 1926, с. 72-73; 2068, с. 302-303]. У австралийских йирйоронт шуточные отношения возникают между запрещенными для брака кузенами (+ДжДмРРж и См+ДжДмРРж) в связи с тем, что на них начинают распространяться ТР для «отца» и «матери» (т.е. складывается МО) и создается «смешная» ситуация [1685, с. 444]. В дальнейшем происходит перенос межпоколенного подшучивания в подсистему родства и в частности на отношения «дедов» и «внуков». Об этом свидетельствует часто фиксируемая сексуальная тематика шуток между $Р^2$ и $Д^2$ [1085, с. 118; 1476, с. 724-725] и широко распространенный шуточный обычай называть альтеров ±2 поколений противоположного пола «мужем» или «женой» [1476, с. 724-725; 1728].

Постепенно переходя из подсистемы свойства и 0 поколения в подсистему родства и межпоколенье, шуточные стереотипы теряют связь с брачными отношениями, что дало основание некоторым исследователям отказывать им в жесткой зависимости от форм брака [1050, с. 161; 1832, с. 185-186]. В дальнейшем подшучивание становится содержанием отношений между двумя половинами коллектива или двумя разными, но связанными между собой этническими коллективами, вне всякой связи с подсистемами кровного родства и свойства и конкретными альтерами [45, с. 145-146; 1408, с. 110; 647, с. 130-135; 2057, с. 205; 1867, с. 595].

12.1.12. Второй киральной (комплементарной) парой в сфере межличностных взаимоотношений является *авункулат* и *патрилат*. Патрилат, т.е. необычайно теплые и эмоциональные отношения между отцом и сыном, обычно не выделяется в качестве института, сопоставимого с авункулатом. Между тем, такая ситуация, которая сложилась, предположим, у тробрианцев, когда отец и сын, по словам Б.Малиновского, настолько близки, что составляют «единую телесную субстанцию» и называют друг друга фактически одним термином (*tama* Рм, *tamana* Дм), заслуживает глубокого изучения и специального научного обозначения. Реализацией патрилата предлагается считать терминологическую инверсию и реинкарнационный комплекс, когда фактически считается, что отец и сын являются в равной мере породителями друг друга. В Средней Азии, где деда часто называют «отцом» или «большим отцом» породителя нередко отождествляют терминологически со старшим братом, либо называют по имени. Вообще, наблюдается следующая закономерность: в матрилинейных обществах, где ведущую, социально значимую роль играет мужской сиблинг матери, и в обществах, где поколение «дедов» пользуется значительным авторитетом и сохраняет власть над поколением родителей, отношения между отцом и сыном будут отличаться эмоциональной близостью (см.: [1050; 516, с. 42-47; 899]). По сути дела, в этнографии патрилатные отношения принято называть «кувадой», ведь, как правильно подметил К.Леви-Стросс, отец здесь «играет не роль матери, а роль ребенка» [517, с. 267].

12.1.13. В связи с корреляцией между распадом кроссреципрокности и формированием поведенческих стереотипов типа шуточных отношений интересно мнение И.Уитакера относительно психологического восприятия суперреципрокности, сложившееся у него после полевой работы среди северных саамов Каресуандо:

«Я очень сомневаюсь, что на практике эта связь [между лицами альтернативных поколений. – Г.Д.] осознается ее носителями» [2187, с. 94].

По всей видимости, И.Уитакер (в уточнение наблюдения Э.Сервиса, см. 5.1.3.) выявил общую закономерность, согласно которой в обществах с гипер- и суперреципрокными СТР родственные связи, отмеченные ВТР не являются социально маркированными. Это значит не то, что родственники разных поколений не считают себя таковыми, а то, что поведение эго в отношении одного родственника не стоит ни в какой зависимости от поведения эго в отношении другого родственника. Еще не

сложились структуры, в которых с «отцом» его связывают отношения подчинения, а с «дедом» – отношения раскованной дружбы (или наоборот), с «братом матери» – отношения свободного обмена имуществом и т.д. Именно тогда, когда терминологическая кроссреципрокность, попадая в фокус внимания людей, становится «проблемой», создаются первые необходимые предпосылки для ее распада. Этот тезис подтверждают материалы австралийцев-кариера. У них, когда дети вырастают, сын становится для отца *ibal* Рм, дочь становится для матери *yirmor* ДжРРм, сын сестры становится для брата матери *kaya* ДмРРж, дочь сестры становится для сестры матери *berai* Рж [1278, с. 56] (также: [1898, с. 154]). Мы усматриваем в этой «динамической кроссреципрокности» трансформацию суперреципрокной номенклатуры (с параллельным формированием бифуркативных отождествлений). Э.Элькин замечает, что данный вербальный обычай имеет отношение не к взаимному статусу этих родственников, а к правилам взаимного поведения между ними.

Распад кроссреципрокной номенклатуры сопровождается сложением направленного на конкретные категории родственников (ранее связанных кроссреципрокным термином) социоцентрического и устойчивого во времени поведенческого стереотипа. Видимо, тот же процесс усматривает в эволюции соотношения ВТР и поведенческих стереотипов у апачей Ч.Каут: он отметил, что с переходом от 4 авореципрокных ТР в системах чирикахуа и мескалеро к одному авореципрокному ТР у кайова-апачей (см. 10.4.2.) отношения между «дедами» и «внуками» из уважительных и отстраненных превратились в теплые и близкие. При этом у навахо, хикарилья и липан, имеющих 2 ТР в +2 поколении и 1 ТР в -2 поколении, который практически тождественнен одному из первых, между «дедами» и «внуками» допускается подшучивание [1552, с. 21]. Здесь подшучивание занимает промежуточное положение между социальным дистанцированием и эмоциональной близостью.

Представляется, что в обществах с сильными формами кроссреципрокности (чаще всего это общества с охотничье-собирательской экономикой, низкой плотностью населения и высокой мобильностью) родство, которое для европейца непременно связано (хотя бы в идеале) с эмоциональной близостью, отсутствует, а лица разных поколениий напоминают этносы, сошедшиеся на определенной территории: комплексы фенотипических признаков, связанные не внутренним единством, а общей адаптацией к другим таким же комплексам (см. 11.3.2.). По-видимому, лица, связанные межпоколенной ВТР (с кватроавореципрокностью), испытывали друг к другу такое же чувство, какое в Европе связано с принадлежностью к русской или немецкой «нации»; а эго словно принадлежал сразу к многим *микроэтносам* (см. подробнее: [290]). Напротив, в качестве аналога европейской семьи (т.е. своего рода *макросемьей*) выступала расширенная группа сиблингов с сильнодифференцированным категориальным членением. В эволюции такого института, как шуточные отношения, видимо, сыграло роль осознание родственниками двойственности, заложенной в социальном

отношении, который выражает межпоколенно-взаимный термин или в 0 поколении неразличение генеалогических линий (инкорпорирующий тип) вкупе с дифференциацией сиблингов по относительному возрасту и относительному полу.

12.2. Американо-евразийские трансформации мифологических мотивов («разоритель орлиных гнезд», «творение из яйца», «ныряльщик за землей»)

12.2.0. Концепция системности географического распределения мифологических сюжетов и значимости данных мифологии для реконструкции древнейших этнокультурных процессов обоснована в целом ряде работ (см., например: [1645; 375; 369, с. 85; 620; 104; 103, с. 141-167; 105]). Для Южной Америки Ю.Е.Березкин отмечает, что мифологические мотивы образуют ареалы, соответствующие хозяйственно-культурным типам и экологическим зонам и объединяющие население на основе общей адаптации. Структура мифа, или его мотив, консервативна и существует гораздо дольше, чем конкретно-исторические детали сюжета [104, с. 54; 105, с. 184-185]. Видимо, поэтому разительные параллели, которые существуют между южноамериканскими и европейскими мотивами, исследователь склонен рассматривать не как типологические сходства, а как реликты, сохранившиеся с самых древних времен [105, с. 305-306].

Согласно К.Леви-Строссу, наиболее расхожим мифологическим мотивом на американском континенте является миф о разорителе орлиных гнезд, восходящий к древнейшим этапам расселения человека в Америке [1645]. Ю.Е.Березкин также склонен относить его формирование к палеоиндейской эпохе конца плейстоцена [104, с. 58-59]. Американской мифологеме «разорения орлиных гнезд» чрезвычайно близки кетский и тофаларский мифы, которые исследователи считают свидетельством того, что этот мотив «был занесен с первыми волнами переселенцев из Азии» [375, с. 141]; но в целом в Евразии варианты мотива «разорителя орлиных гнезд» фиксируются спорадически.

В **шумеро-аккадской** мифологии орел, заключивший дружбу со змеей, нарушает договор, пожирая одного из ее детенышей. Змея, по совету судьи Шамаша, прячется в туше быка и нападает на орла, подлетевшего к туше. Она швыряет его в яму, ощипав предварительно перья. Этана – легендарный правитель г. Киша – спасает орла. В благодарность орел обещает поднять его на небо и достать «траву рождения», так как жена Этаны не могла разродиться. По одной версии, полет на орле испытал не Этана, а Гильгамеш [49, с. 671]. Известно также, что Гильгамеш согнал с дерева огромную птицу с львиной головой Анзу(д) и убил змею, поселившуюся у корней дерева [57, с. 82-83]. Победителем птицы также называются Нингирсу и Нинурта. С шумеро-аккадскими мифами перекликается предание, записанное у **узбеков** Хорезма. Бай приказал работнику залезть в шкуру быка и сказал: «Лежи тихо и жди. Прилетит огромная птица, унесет тебя на гору, разорвет шкуру и, испугавшись, улетит, а ты стой и смотри вокруг». Так все и вышло. Работник на вершине горы увидел драгоценные камни, которые сбросил баю. Бай наполнил ими восемь мешков и бросил работника. Тот оглянулся и увидел лишь человеческие черепа да кости. Бай уехал, а работник заснул и увидел прекрасный сон. В конце легенды ситуация меняется: на этот раз на горе оказывается бай, там он и остается. Богатства же переходят к работнику [804, с. 154-155]. В **алтайском** эпосе «Когутэй» богатырь Кускун-Кара-Матыр, прикинувшийся бобренком и поселившийся в семье старика Когутэя и

его жены, отправляется за семью жеребятами, украденными у его тестя гигантской небесной птицей Кан-Кереде. По дороге он узнает, что птенцам Кан-Кереде грозит смерть от змеи. Богатырь убивает змею стрелой, и благодарная птица не только возвращает ему жеребят, но и обещает прийти на помощь в критической ситуации [434]. Сходные версии содержит тувинский, бурятский и эвенкийский фольклор [896; 149; 575, с. 35-36, 233-234]. Алтайский сюжет обнаруживает особую близость к неинвертированному кетскому мифу за счет того, что в одном из его вариантов герой обернулся не бобренком, а лисенком [434, с. 177], а ведь Лисенком зовут главного персонажа мифа у кетов. В **мансийском** мифе Эква-Пырищ, облаченный сначала в шкурку горностая, затем – в шкурку мыши, взбирается по дереву в гнездо Крылатого Карса. Топориком он убивает железную лягушку, которая обгрызает крылья птенцам, и залезает в гнездо [960, с. 130-131; 431а, с. 32-36]. В роде Крылатого Старика (орла) юношу по достижении определенного возраста вели на священное родовое место, где заставляли влезть на дерево, на котором обитал крылатый предок рода. Пока посвящаемый находился на дереве, старики внизу молились за него, после чего юноша спускался на землю уже полноправным членом рода [962, с. 142-143]. В **курдской** сказке богатырь Осман, увидев, что какой-то змей поднимается по дереву к гнезду птицы Симыр, чтобы съесть ее детенышей, убивает змею мечом и бросает детенышам на съедение. Благодарная птица дала ему три пера из своего крыла (ср.: в кетском и американских мифах герой залезает на дерево именно за орлиными перьями) и обещала помочь в трудную минуту. Впоследствии Осман вызвал Симыра, и тот перенес его в далекую страну [885, с. 21-23]. В **армянском** фольклоре также имеется сказка о птице Синам. Юный царевич забыл указание, как ему выбраться на свет из глубокого подземелья при помощи черного, рыжего и белого баранов. Перепутав баранов, он попал в «темную страну» и там узнал, что вызволить его может только Синам. Раз в десять лет она выводит птенцов в гнезде на дереве, но змей всякий раз их пожирает. Юноша вступил в бой со змеем и разрубил его мечом. В благодарность Синам вынес царевича на свет [885, с. 23-24][282]. У **пшавов** и **сванов** записаны предания о птице Пашгунд (Паршмаг) – обитательнице нижнего неба. Герой спасает ее детей от змея-вишапа, и благодарная птица выносит его в верхний мир и дарит свои чудесные целебные перья [571, с. 2088-2089]. В **чувашской** легенде богатырь Туй-Тупал, родившийся от сломанных посохов, которые были сложены в мешок и повешены в клети, спас народ подземного мира от Змея, после чего поднялся на орлице в мир живых [977, с. 76-85][283]. В **русской** сказке (АТ № 301) герой отправляется на поиски трех исчезнувших царевен, но в результате происков своих коварных спутников падает в подземный мир. Там он находит большое дерево, спасает птенцов, и за это их мать-орлица выносит героя на свет [875, с. 83].

В Евразии данный мотив получил новое и устойчивое во многих вариантах продолжение. Герой попадает в затруднительное положение, возникает фигура антагониста и тема борьбы между ним и героем, и, наконец, герой выступает по отношению к орлу не в отрицательном (как в Америке), а в положительном качестве. Усиление этой известной в американском сюжете тенденции возникает по мере продвижения с востока на запад и юг: кетский и тофаларский варианты – самые американоидные; южносибирский, кавказский и славянский фольклор содержит сюжеты с сильной трансформацией рассматриваемой мифологемы. Самостоятельным ответвлением данного мотива в Евразии являются сюжеты о гибели гнезда в огне.

В басне Федра «Лисица и орел» орел уносит в гнездо лисят (ср. сжирание орлом одного из детенышей змеи в шумеро-аккадском мифе). Лисица похищает с алтаря горящий факел и поджигает дерево, где находится орлиное гнездо с детенышами. Спасая детей, орел возвращает лисят. У Эзопа орел сам похищает с алтаря часть жертвенного мяса с приставшими к нему горящими углями и поджигает свое гнездо. Орлята падают на землю и достаются лисе [706а, с. 257]. В индийской басне ястреб уносит воробьят. По просьбе воробья змея созывает других змей и сжигает орла вместе с его детьми [706а, с. 257-258]. В сербской песне девушка мстит соколу, сжигая его гнезда [706а, с. 188-189], а в русских и

украинских песнях гнезду с детенышами перепелки грозит погибнуть в огне [706а, с. 259-260].

В этих сюжетах акцентируется тема похищения огня, доминирующая в американо-кетских сюжетах, но здесь уже не герой добывает огонь, а огонь похищается либо самой птицей, либо антагонистом с губительными последствиями. Эта идея претерпевает дальнейшее переосмысление в греческом мифе о Прометее (ср.: [102, с. 124]) и ингушском сказании о богоборце Курюко, связь которых с «материнской» мифологемой наблюдается в том, что бог в наказание за дерзость посылает к гиганту орла (в одной из версий орел является воплощением Зевса). Структурный сдвиг, произошедший в Евразии в рамках данного мотива, можно охарактеризовать как инверсию: герой (либо сам орел в шумеро-аккадском сюжете) низвергается из верхнего мира в нижний (ср.: в грузинском предании птица – обитатель нижнего неба); герой из несущего угрозу для орла превращается в его защитника от антагониста (ср.: [377]). Сама фигура антагониста возникает в связи с перемещением точки отсчета в нижний. Наконец, в ряде случаев птица из хранителя огня превращается в жертву его действия. В целом, образ птицы постепенно снижается как функционально (это уже не грозное сверхъестественное существо), так и предметно – она превращается сперва в обычного орла, затем в сокола и, наконец, в перепелку[284].

12.2.1. Помимо линии самостоятельного развития, архетипическая для Евразии мифологема небесной птицы на вершине дерева дала две дочерние мифологемы: на западе – мотив творения мира из яйца, на востоке – мотив рождения героя из яйца. Западная мифологема рассматривает яйцо как символ всей Вселенной, составной частью которой является человек. Этой мифологеме присущ космический размах и пафос, взрыв яйца наполнен драматическим содержанием и имеет космические последствия. Становление мифологемы творения из яйца начинается еще в американских мифах.

Так, у дакота герой взбирается по стволу мирового дерева, в ветвях которого живет Птица Грома. На вершине дерева покоится огромное яйцо, высиживаемое этой птицей. Герой начинает раскачивать дерево так, что яйцо трясется, вот-вот готово упасть [2164]. В карело-финском эпосе орел вьет гнездо на колене Вяйнемяйнена и сносит три золотых яйца. Ветер сбивает яйца в воду, их проглатывает щука, орел ловит ее и разламывает пополам. Яйца, выпав, разбиваются, и из их частей возникает земля и небо [620, с. 29].

Здесь явственно прослеживается преемственность между американским мотивом «разорителя гнезд» (ср.: сбивание ветром яиц и раскачивание героем дерева, на вершине которого яйцо), его евразийскими трансформациями (ср.: хтоническое существо пожирает яйца (= детей) орла, также расчленение антагониста) и новой идеей творения мира из двух половин расколовшегося яйца. По сути дела, взрыв яйца – это то новое, что возникает в рассматриваемой супермифологеме. Драматизм подъема по мировому древу сменяется драматизмом падения и взрыва ценности.

В мифе **саамов** – единственном их мифе о творении – утка кладет пять яиц на травинку посреди океана, которая разрастается в землю: из яиц возникает растительность, рыбы и птицы, первая женщина и первый мужчина, от которых пошел человеческий род [620]. Миф **коми** гласит: утка снесла в воды первичного океана 6 яиц, 4 из которых утонули, а из двух она вывела демиургов Ена и Омоля. Рассказав им об утонувших яйцах, утка взлетела и, упав,

разбилась о воду. Ен и Омоль нырнули, достали по два яйца со дна, разбили их о тело утки. Ен из своего яйца сотворил солнце и добрых духов, а Омоль – из своего – луну и злых духов. Тело же утки стало землей [620, с. 29]. В одном из **эстонских** вариантов мифа ласточка свивает гнездо на перекладине качелей (ср.: подъем на дерево в люльке в кетском мифе), откладывает три яйца, из которых рождаются светила. В другой версии ветер сбил яблоко с яблони, оно упало в море, из моря вылетела птица, села на ольху и отложила три яйца. В **ижорском** мифе ласточка снесла три (или одно) яйца на кочке среди первичных вод, после чего ветер сбил их в море [620, с. 29]. С прибалтийско-финскими сюжетами обнаруживают параллель два **индийских** предания: в одном – море унесло яйца птицы турухтан. Турухтан обратился к Гаруде за помощью, тот в свою очередь отказался служить богу Вишну до тех пор, пока тот не вернет яйца турухтану. Вишну пригрозил осушить море, пустив в него огненную стрелу, и море в страхе вернуло яйца. В другом сказании несчастной птицей оказался Будда, которому Индра помог вернуть смытое морем гнездо с яйцами [706а, с. 256-257]. В чувашском мифе Праматерь мира выпустила мировые воды и на волнах океана появилось золотое яйцо, из которого возникла Вселенная [292, с. 86]. Мотив творения из яйца присутствует в **русских** сказках. Так, в АТ № 301 герой сначала свертывает в яйца три царства, а затем, выбравшись из подземного мира, снова творит их из яиц [875, с. 93]. С прибалтийско-финскими сюжетами роднятся сказки (Афанасьев, № 156, 157, 158, 269), в который из летящей утки яйцо падает в море, его достает щука и т.д. [875, с. 92].

По сравнению с образом Птицы Грома, птичьи персонажи мифов о творении мира из яйца деградировали (орел, утка, ласточка). Примечательно, что у лакота эти птицы, а также ворона и некоторые другие представители животного мира, называются помощниками Птицы Грома [2164].

Мифология качинов Бирмы содержит сюжет о том, как Творец Мутум насыпал землю на спину рыбе (крабу, крокодилу), а женский дух отложил на землю яйцо. Яйцо разделилось на верхнюю и нижнюю половины: верхняя стала небесным сводом, а нижняя осталась на земле, из ее осколков родились предки качинских вождей [964, с. 188]. У бирманских палаунов мифы повествуют о браке сына солнца и змееподобной женщины, от которого родились три яйца. Сын солнца покинул девушку, и она в гневе бросила два яйца в реку. Из этих яиц, выловленных людьми, родился будущий китайский император и правитель качинского государства. Третье яйцо, разбившись, дало месторождение золотых камней [588, с. 532-533]. В древнеиндийской «Чхандогье-упанишаде» (III, 19, 1-2) рассказывается, что земля и небо произошли из двух половин мирового яйца, в которое превратилось божество [875, с. 94].

Вообще пояс, протянувшийся от Китая на востоке до Греции на западе, характеризуется тем, что здесь две комплементарные мифологемы о творении из яйца всей Вселенной и рождении из яйца героя слиты воедино в фигурах космических божеств.

Из мирового яйца родился китайский демиург Пань-Гу. Он разрубил яйцо, в котором долгое время спал, топором, в результате чего все легкое и чистое (ян) поднялось вверх и образовало небо, а тяжелое и грязное (инь) опустилось вниз и превратилось в землю [1016, с. 40-42, 326; 1462, с. 89]. Первопредок иньцев Се родился из яйца, которое выронила ласточка и которое затем проглотила Цзянь-Ди [1016, с. 372]. Из золотого яйца в ведийской космогонии рождается творец Праджапати, а также Брахма, который, разбив яйцо, создал из частей небо и землю. Иногда творец Ишвара описывается живущим в мировом яйце на водах [879, с. 681, 592]. В «Ведах» мировой яйцо нередко отождествляется с солнцем. У орфиков известен миф о возникновении из плавающего в водах мирового яйца Фанеса – божественного творца, сияющего как солнце. В египетском мифе солнце возникает из яйца, снесенного птицей Гоготун [879, с. 681]. К этой группе сюжетов примыкает мордовское предание о высиживании гигантской птицей трех яиц на мировом древе, из которых родились три богини [620, с. 31]. Вместе с тем здесь заметны схождения и с западнофинской группой[285].

Мотив творения мира из яйца имеет продолжения в Зап. Африке. У йоруба божества-андрогины олицетворяют небо и землю и представляют две половины тыквенной калебасы, образующей нечто вроде яйца [983, с. 142] (ср.: в одной китайской версии Пань-гу родился в тыкве-горлянке, прикрытой блюдом [1016, с. 38]). У хауса небу дало начало яйцо, снесенное птицей Фуфунда [879, с. 681]. У фангов важную роль в религиозных представлениях и мифологии играл попугай, гнездо которого, располагаясь на вершине высокого дерева, было ближе всего к небесам [1303, с. 47]. Догоны верили, что Вселенная и человек возникли из яйца в результате нараставших внутренних вибраций [1408].

12.2.2. Кавказский регион демонстрирует разрыв в ареальной непрерывности распространения мифологемы творения из яйца. Во всяком случае, нам эти сюжеты на Кавказе неизвестны. Но можно предположить, каким способом этот мотив трансформировался. Популярнейшим сюжетом нартского эпоса является рождение богатырей-нартов из камня.

В ингушском предании о происхождении Газдиевых-Базоркиных рассказывается, что в одном месте был раздвоенный камень. Один юноша лег на него и заснул. Во сне ему явилась любимая девушка, и он имел с ней сношение: семя его попало в трещину камня. Когда юноша встал, то камень сомкнулся, и наверху образовалась шишка. Шишка все росла и росла, и на девятом месяце растрескалась, и из нее вышло дитя. Такова же история рождения нартов Сосруко и Батраза, а в Передней Азии бог Митра пустил семя на скалу, которая родила сына Диорфу [733, с. 90; 893]. Согласно ведийскому сюжету, Брахман пустил семя в мировые воды, и оно стало золотым яйцом [875, с. 93]. В китайском предании женщина на горе зачала ребенка от головы священного дракона (возможно, ипостась богатыря Син-тяня). Этим ребенком был Янь-ди – бог солнца [1016, с. 141, 341][286].

Кавказский трансформ яйца – камень – присутствует в древнейших сюжетах на рассматриваемую тему.

Так, у лакота дети Птицы Грома – камни [2164]; у чемегуэви известна огромная каменная птица, похожая на орла, которая уносит людей к себе в гнездо и пожирает их там [1604, с. 20]; у южноамериканских каяпо герой ломает руку своему шурину, который взял его в поход по добыче птичьих яиц, скидывая из гнезда попугая-мака вместо яйца камень (каяпо *kra* «рука», но также «сын») [2134, с. 62-63][287]. Возникновение фигуры камня/скалы на Кавказе и в Передней Азии, в отличие от американских параллелей, связано с антропогонической темой и приближается к восточному ареалу мифов о творении из яйца (ср. в этой связи якутское поверье: на севере в смертельном море растет шаманское дерево, на котором сидит мать-птица и высиживает шаманские души. Однако до этого лягушки, живущие в море, «рождают» четырехгранные камни. Эти камни в течение девяти дней и высиживает птица) [745, с. 92].

Любопытно, что в Америке мотив творения из яйца не фиксируется (см.: [1952]), но можно отметить наличие алломорфных яйцу мифологических символов.

У **индейцев Гаити** один миф повествует о появлении моря и островов. Жил человек по имени Иаиа. У него был сын Иаиаэлль. Сын хотел убить отца, но отец опередил его и сам убил. Кости сына он поместил в тыкву и подвесил к потолку хижины. Когда спустя некоторое время Иаиа открыл тыкву, из нее вышло множество рыб. Он хотел насытиться ими, но неожиданно появившиеся четыре близнеца, родившиеся в результате сечения живота их матери, опередили его и съели всю рыбу. Не дожидаясь возвращения Иаиа, братья поспешили повесить тыкву и разбили ее. Из тыквы хлынула вода, затопила всю землю, и так возникло море. Из гор образовались острова [21, с. 199-200]. В мифах **помо** и **мивок** (Центральная Калифорния) демиург Куксу изготовил шар из каучука и смолы и стал высиживать его, подобно яйцу, прежде чем бросить в воды первозданного океана, где шар превратился в земную твердь. По версии помо, демиург Марумда на длинной веревке подвесил шар к уху. Семь дней Марумда курил трубку и медитировал. Во сне-медитации он увидел будущую землю, плавающую в водах Мирового океана. На восьмой день шар

оторвался от уха Марумды, упал на поверхность воды и превратился в землю. Согласно одному из вариантов мифа, шар был сделан из пуха и перьев Куксу (Ворона) и длинных волшебных волос Марумды (кондора) [643, с. 200-201]. В мифологии **шошонов** и **пайютов** Койот попадает в обитель двух Водных женщин, которые пожирают утиные яйца своими влагалищами (мотив *Vagina Dentata*). Выломав им зубы, он совокупился с ними, и из их утроб вывалились дети. Койот собрал их в большую корзину и понес своему брату Волку. По дороге он, вопреки запрету, открыл корзину, и содержимое ее вывалилось в воду: то, что вывалилось, превратилось во врагов шошонов и пайютов, а остаток превратился в самих шошонов и пайютов [1659; 1667]. С этим мифом перекликается **эскимосское** представление о том, что дети живут в снегу, подобно яйцам, а потом заползают в утробу женщины [1514, с. 422] (Ср.: у нивхов считается, что женщина в сновидении берет душу ребенка в виде яйца [457, с. 89], а также что три души человека лежат в виде крошечных яичек в голове: одна из них выходит во время сна и ее приключения запечатлены в сновидениях; после смерти три души выходят из тела и превращаются в двойника человека [1009, с. 17, 48]).

Яйцо в американских мифах постоянно подменяется изоморфными символами (ср.: [643, с. 175-176]) (даже в шошоно-пайютской мифологеме функцию «евразийского» яйца выполняет корзина: яйца же выступают в качестве ее содержимого).

В мифах индейцев, обитающих к западу от Скалистых гор, корзина часто используется в качестве модели Вселенной и аналога яйца. Согласно одной из версий мифа **чемегуэви**, на куске перевернутой вверх дном церемониальной корзины, позднее превращенной в земную твердь, по волнам океана плавали демиурги [1604, с. 20; 643, с. 203]. У **атсугеви** миф повествует о том, как сердца сгоревших во время мирового пожара людей были помещены в корзину. Корзину на ночь опустили в воду, и наутро люди воскресли [643, с. 202]. В **юкутском** мифе дочь старухи-прародительницы Микити съедает медведь-гризли. На месте происшествия старуха находит листья клевера, обагренные кровью дочери. Она кладет их на дно одной корзины, сверху накрывает другой и оставляет это подобие яйца на ночь в ручье. Наутро она находит в сосуде младенца [643, с. 175-176]. У **оджибве** алломорфом яйца является сверкающая раковина, покоящаяся на волнах первичного океана, – образ, демонстрирующий точный параллелизм сверкающему яйцу шумеро-вавилонского и индийского эпосов[288]. Во время обрядов инициации у мивок персонификатор демиурга Куксу появлялся перед собравшимися с перламутровой раковиной во рту [643, с. 175]. На северо-западе Америки и в непосредственной близости к американского ареалу, а именно у **чукчей** северо-восточной Сибири, также фиксируется алломорф яйца, в данном случае мячи. Чукотский Ворон похитил у злого духа-кэле мячи, заключавшие в себе Солнце, Луну и звезды (т.е. структуры верхнего мира). У **тлинкитов** и **цимшиан** Ворон добывает мячи, также содержащие Солнце, Луну и звезды, у хранителя света (Старый вождь, Одинокая лунная женщина, Ворон с истоков р. Насс, Утка или Медведь-гризли). Он превращается в хвойную иголку (лист). Дочь хранителя света проглатывает ее и рождается ребенок, который есть Ворон. Ребенок капризничает, ему дают поиграться с мячами, он завладевает ими, выпускает небесные светила и улетает от своей мнимой матери [586, с. 45-46].

12.2.3. Комплементарной мотиву о творении мира из яйца в Восточной Азии является традиция рождения из яйца шамана-героя-предка. По предварительным наблюдениям, она была известна обским уграм [614, с. 89], алтайцам [614, с. 89], якутам [385; 745, с. 89, 92; 481, с. 29-32], нанайцам [993, с. 63], бурятам [745, с. 87-88], корейцам [579, с. 19], вьетам, качинам. В отличие от вьетов, у многих этносов Индокитая первопредки рождаются из тыквы (ср.: у цалисен Тайваня считалось, что их предки родились из горшков, упавших с неба; параллели этому имеются у айнов, где горшками покрывали черепа умерших [1007, с. 582-583]). В Сибири считается, что шаманы рождаются из яйца на вершине дерева (см.: [1006]). К этому кругу примыкает сакско-согдийский

эпический сюжет, в котором отец героя Рустама (в «Авесте» последний отсутствует) был найден в пустыне священной птицей Симург, которая вскормила его в своем гнезде [527, с. 436-437; 885, с. 21]. В Южной Сибири и у кетов бытовали предания о том, что первым шаманом был сам орел [1006]. Антропоморфное содержание восточноазиатской версии мифологемы о творении из яйца выражается также в представлениях о рождении людей из яиц.

Согласно представлениям юкагиров, души людей плодятся в гнездышках около небесного озера [532, с. 75-76]. Нанайцы полагали, что души плодятся в виде птенцов в гнездышках на мировом древе [1007, с. 491]. Случалось, что родственник покойного клал череп умершего в глиняный сосуд, на дне которого устраивал гнездо из осоки [532, с. 65; 378, с. 180]. А.Н.Липский видел отражение той же идеи в таштыкском обычае класть маску, а иногда и остатки трупосожжения на траву, сложенную в виде гнезда [532, с. 75-76].

12.2.4. На основе двух мифологем, объединенных общей темой о творении из яйца, сформировался урало-алтайский миф о ныряющей птице. Думается, не совсем прав В.В.Напольских, утверждающий, что миф о ныряющей птице и миф о творении из яйца – «две генетически не связанные космогонические традиции» [620, с. 28]. Об их связи говорит, например, коми-зырянский вариант о том, как демиурги достают со дна первичного океана не землю, а яйцо. Показателен в этой связи сюжет из одной украинской колядки: два голубя достают со дна мирового океана песок и камни, из которых творят соответственно небо и землю [487, с. 85-86]. Говорить в данном случае о локальном влиянии мифа о творении из яйца не приходится, так как сюжет о погружении яйца в воду и последующем извлечении его на поверхность имеет, как мы видели, широкие евразийские (и даже американские) параллели. Погружение – одна из ключевых динамических линий рассматриваемой супертемы: погружается и земля, и яйцо, и корзина (с зародышем у юкутов и атсугеви), и птица, и человек.

В мифе пима после потопа Творец, Старший Брат и Койот стали спорить: кто первым появится из воды, тот и будет старшим. Койот проиграл [1477, с. 521]. Китайское предание, содержащееся в «Каталоге гор и морей», гласит: «Воды потопа разлились до небес. Гунь не дождался приказа Предка и похитил саморастущую землю, чтобы преградить путь водам потопа. Приказал тогда Предок Заклинающему огонь казнить Гуня у Крыло-горы. Гунь воскрес и родил Юя». Юй (Молодой Дракон) и победил в конце концов потоп [416, с. 129].

Очевидно сходство последнего сюжета с мифом о Прометее, восходящем, как было отмечено, к мотиву «разорителя орлиных гнезд». Но здесь объектом похищения является не огонь (хотя эта тема звучит в имени «Заклинающий огонь»), а земля, волшебный рост которой напоминает о сотворении земли из горсти ила, принесенного со дна. Таким образом, китайский сюжет объединил пережиточную форму архетипа с зародышевой формой позднейшей мифологемы. Трудно согласиться с мнением В.В.Напольских об уральском происхождении мифа о ныряющей птице [620, с. 131], поскольку этот мотив широко распространен в алтайском мире (В.В.Напольских запоздало приводит башкирский вариант [621], существующий наряду с хакасским, алтайским и др.). Следует обратить внимание на киргизское предание об утке, летевшей над миром и свившей гнездо для своего яйца. Из гнезда произошла земля [132, с. 273]. Тем самым можно считать установленной

связь тюркских сюжетов о нырянии за землей с южными версиями мифа о «разорителе орлиных гнезд». Заметим, что ареальное продолжение мотив ныряния за землей находит в Индии, где в одном из мифов Праджапати достает землю со дна мирового океана [197, с. 97] (при этом он может фигурировать и как «золотой зародыш», т.е. яйцо). Ареальная дистрибуция мифа о творении мира из яйца и мифа о ныряющей птице своеобразна в поясе от Китая до Ближнего Востока. «Западная» ориентация первого нарушается благодаря тому, что этот миф обнаруживается в Китае и Индии. Миф о ныряющей птице, наоборот, заходит далеко на запад и встречается в Библии, богумильской и восточнославянской традициях (см.: [487])[289]. Так же как мотив творения мира из яйца комплементарен мотиву рождения личности из яйца, мотив ныряния за землей и творения суши из горсти земли кирален мотиву о сотворении первого человека из земли (песка, глины, грязи, теста), распространенного в алтайской, восточнославянской, мордовской, библейской и других традициях (см.: [487, с. 98-109])[290].

12.2.5. Суммарную цепь структурных зависимостей между рассмотренными мотивами можно представить следующим образом (схема 14):

Схема 14

Таким образом, на уровне сюжета и мотива мифы имеют тенденцию складываться в прогрессии и объединяться в динамические супертемы. Среди разнообразных реализаций одного мотива обнаруживаются тексты, которые содержат семантические элементы, раскрывающие субстрат данного мотива, т.е. архаизмы, уводящие сюжетную линию на «территорию» другого мотива. В этой связи целесообразным представляется привлечение концепции «эпического подтекста», выдвинутую Б.Н.Путиловым [713]. Хотя после пионерской работы Б.Н.Путилова исследователи сместили акцент с «генетического» типа взаимодействия между повествовательным текстом и системой его внешних мотивировок на «семантический» [522; 522а, с. 212] (т.е. стали понимать подтекст как своеобразный адстрат фокусного текста), в рассмотренных нами примерах ничто, как кажется, не мешает видеть генетические связи между мотивами. Мотив творения мира из яйца и мотив ныряния за землей обнаруживаются в уральской этнокультурной общности, историческая реальность которой не подлежит сомнению [622; 622а]; но семантическая связь между этими темами выявляется посредством

«внешнего сравнения» с мотивом «разорителя гнезд». Вводимая Г.А.Левинтоном жесткая альтернатива между сюжетной генетикой (точнее будет говорить о генетике элементов мотива) и сюжетной семантикой не учитывает того обстоятельства, что *знак или текст для того, чтобы сообщать о чем-то, должен содержать в себе самом предмет своего сообщения* и актуализировать бытие автора и читателя как сообщающихся информационно-идентификационных «сосудов». Миф, как справедливо указывает исследователь культуры бразильских каяпо Т.Тэрнер, обладает не только синхронной парадигматической структурой, отражающей, по К.Леви-Строссу, фундаментальные принципы работы человеческого мозга, но и диахронной синтагматической структурой, заложенной на сюжетном уровне мифа как нарратива и отражающей, так сказать, принципы «работы» человеческой истории (см.: [2132; 2134])[291]. Отражая биосоциальный контекст воспроизводства человеческого присутствия, мифы кодировали изменения в этнокультурной ситуации посредством трансформации одного мотива в другой. Думается, что одним из механизмов такой трансформации была селекция и повышение семиотической значимости символа: на основе древней дифференцированной сети алломорфных образов происходит изоляция одного какого-то элемента ряда с последующим использованием его в качестве опорной мифемы, самостоятельно организующей мифологический мотив[292]. Так, кристаллизация мифемы яйца в евразийских мифах протекало на основе серии алломорфных образов типа корзины, раковины, калебасы, мотка волокна, мячей и т.п.

Не совсем ясно формирование мифов о нырянии за землей в Америке. В Сев. Америке ареал его распространения охватывает восточную часть (см.: [620, с. 154-160; 1204]). Американские версии мотива содержат элементы, либо не выводимые из евразийских (например, у хидатса и кроу на дно ныряет красноглазая птица /ср. Птица Грома, глаза которой метают молнии/ [620, с. 154-155] – образ, перекликающийся с мифом о разорителе гнезд[293]), либо отсутствующие в них (например, сюжеты о нырянии не птицы, а животного). За пределами восточной части Сев. Америки мифологема ныряния за землей отмечена в Южной Америке у ботокудов-кайнганг и аре [1462, с. 107], а в Мезоамерике у ацтеков [1849], но эти варианты отличаются своеобразием, которое не позволяет их считать производными от евразийской мифологемы. Мифологема ныряния за землей обнаруживает параллель с ритуалом добычи моллюсков у яганов и алакалуфов Огненной Земли: женщины ныряют на глубоководье, достают со дна раковины, складывают их в корзину, всплывают на поверхность, держа корзину в зубах, и передают ее мужчинам (см.: [1576; 2072, с. 398]). Уникальный огнеземельский ритуал перекликается с нумическим (юто-ацтекском?) мифом о творении, в котором Бабушка-Богиня Моря (юж.-пайют. *Sĭ-tcom'-pa Ma-só-ĭts*), или Океанская Баба принесла со дна корзину (мешок) с яйцами (ср.: раковина на водах первичного океана у оджибве как алломорф яйца) и передала ее Волку с поручением доставить в нужное место, не открывая. Койот из

любопытства открыл корзину, яйца высыпались и образовали народы мира. Волк успел сохранить часть яиц, и из них родились пайюты (или шошоны или чемегуэви) (см., например: [1892, с. 28]). Нельзя исключить возможность, что огнеземельцы (андийская семья языков) и нума являются потомками палеоиндейского охотничье-собирательского населения, сохранившими с самых древнейших времен общие элементы культуры и сконцентрированными преимущественно в западной прибрежной части Америки. Именно древним «системам хозяйственно-культурных связей» приписывает Ю.Е.Березкин случаи параллелизма в мифологических сюжетах, обнаруживаемые в культурах, не имеющих друг с другом видимых генетических или территориальных связей [104, с. 56].

В духе структурного анализа К.Леви-Стросса ритуал добычи моллюсков у яганов и алакалуфов можно поставить в оппозицию с обычаем добычи перьев попугаев или молодых попугаев из гнезд у индейцев же (гнездо – дно, верх – низ, подъем – ныряние, вода – воздух, перья как ритуальное украшение мужчин – раковины как ритуальное украшение женщин и т.д.).

В Сев. Америке добыча молодых орлят из гнезд и выращивание их ради перьев известна, например, у калифорнийских мивок [1362, с. 394-396]. У ютоацтекоязычных (моно, луисеньо, габриелино, купеньо, кауилья) и хокаязычных (типай, пайпай) этносов южной Калифорнии молодых кондоров или орлов добывали прямо в гнездах, подкравшись к ним с подветренной стороны; принеся птиц в деревню, их сажали в клетку, откармливали и, наконец, ритуально убивали [643а, с. 275-276]. В средней части Сев. Америки практика добычи орлиных перьев приняла форму ловли взрослых орлов из специально сооруженной ямы в земле (ср. шумеро-аккадский миф о попадании орла на приманку).

К.Леви-Стросс предполагал, что в этих формах ловли орлов реализуется трансформация оппозиции «верх – низ» [517]. Огнеземельский обычай усиливает эту оппозицию и позволяет рассматривать ритуал ловли орлов как категориальный скос «воздух → земля», который нейтрализует более глубокую оппозицию «небо – дно моря», выраженную в ритуалах добычи раковин и добычи перьев из гнезд. В целом американские рефлексы разбираемой супертемы выглядят как зародыши тех мифологем, которые «расцветают» в Старом Свете. Америка демонстрирует своеобразную мифологическую непрерывность, из которой впоследствии выкристаллизовываются мотивы и сюжеты. Первой стадией такой кристаллизации (в избранной нами группе мотивов) можно считать миф о «разорителе орлиных гнезд», причем по сравнению с южноамериканскими рефлексами североамериканские кажутся более выпуклыми и концентрированными.

Аналогичным образом, если рассматривать как единый феномен комплекс представлений, ритуалов и социальных установлений, объединяемых обычно под рубрикой «шаманизм», то можно заметить, что тема «магического полета» или «магического погружения» шамана в потусторонний мир, равно как и противоположная ей по смыслу концепция вселения духа в шамана, – темы, широко представленные в Старом Свете, – в Америке вообще были выражены слабо [1241, с. 9; 1126а, с. 27; 1673, с. 423]. В Америке (в частности, у охотников и собирателей Большого Бассейна и Огненной Земли) мир духов и мир людей еще не разошлись полностью и существовали как бы «внахлест»: находившийся на стыке двух миров шаман «закладывал» во сне свою

душу в потусторонний мир в обмен на представителя мира духов, который становился частью естества шамана и подателем нужной людям информации (см. подробнее: [290]). Имманентная сопричастность (взаимность) шамана и духа (шаман *является* духом через свое сновидение, а так называемый дух-покровитель шамана *является* самим шаманом) делали ненужным долгое путешествие и сохраняли целостность личности шамана[294]. По сути дела, эта сопричастность превращала каждого человека в шамана, поэтому в Америке не столь велика разница между шаманским духом-покровителем и духом-покровителем рядового человека. Р.Лоуи назвал общеиндейскую модель «поиска видений» (*vision quest*) «демократичным шаманством» [1674, с. 312] (см. также: [1140; 1093; 1094; 1120; 1427; 1882, с. 22; 2151]). Вместе с другой общеамериканской культурной чертой, а именно ведущей ролью сновидения как средства сообщения с потусторонним миром, «поиск видений» образует идеологическую систему, стоящую обособленно от азиатского шаманства, но связанную с ним множеством мельчайших смысловых зависимостей. Он является менее специализированным и более вариативным феноменом, включающим в себя элементы «колдовского комплекса»[295]. Нельзя согласиться с мнением О.Хультканца, что американская традиция «поиска видений» есть «пережиток» сибирского шаманства [1515, с. 33-34]. Скорее сибирский шаманизм – это некоторое множество типологических форм, передающих все увеличивающееся по мере удаления от Америки расхождение между миром людей и миром духов и все усиливающееся напряжение, с которым люди преодолевают это расхождение. Представляется неслучайным (т.е. глубоко связанным с этногенетическими процессами, протекавшими между Америкой и Старым Светом) изоморфизм между кроссреципрокностью в СТР и идеологией «поиска сновидений» и между киральными формами генерационного скоса (МО *vs*. МК) и киральными формами взаимодействия между шаманом и миром духов (путешествие души *vs*. вселение духа). Если «магический полет» или «магическое погружение» шамана за информацией, характерные для Сибири, сравнимы с евразийскими трансформами мифа о разорителе орлиных гнезд и мифом о «нырянии за землей» (ср.: шаман как водоплавающая птица), то в Америке «поиск видений» изоморфен сугубо американским вариантам мифологемы «разорителя гнезд». У многих этносов равнинной части Сев. Америки посвящаемый забирался на вершину дерева и постился в ожидании контакта с духом-покровителем. Уже отмечалось, что шаманство и реинкарнация – взаимосвязанные феномены [1760, с. 8][296].

Предлагаемая нами модель структурных зависимостей между мотивами, организованными вокруг архетипа «птицы на дереве» и описывающими масштабные космо- и антропогонические процессы, обнаруживает определенное сходство с прасемантической типологией СТР, что кажется естественным ввиду сюжетности КР (см. 6.3.3.)[297]. Исходная суперструктура, ареально связанная с американским континентом, трансформируется с образованием серии киральных структур. Ареальное совпадение ССП и мифа о нырянии за землей (угры и самодийцы + алтайцы), КТР и мифа о

творении мира из яйца (прибалтийские и волжские финны; как уже отмечалось, ССП у мордвы, марийцев и удмуртов может отражать тюркское влияние), демонстрирующее «рассечение» уральской общности и примыкание ее восточных ветвей к алтайцам, поразительно и, видимо, отражает какие-то глубокие этноисторические процессы, например, проникновение на север кочевников из Южной Сибири во II–I тыс. до н.э. (см.: [786, с. 113]). Примечательно, что реинкарнационный комплекс и иденонимическая инверсия в Сибири обнаруживаются либо у тех этносов, которые избежали ассимиляции со стороны южных кочевников и были оттеснены на север (чукчи, коряки) /в их СТР МО не прослеживается/, либо у тех этносов, ассимиляция аборигенного субстрата в составе которых, видимо, зашла не так далеко, как в других областях Сибири (обские угры). Что касается специфики саамской СТР, то ее можно рассматривать как свидетельство того, что предки саамов мигрировали на запад либо до проникновения южных элементов в северную Сибирь, либо в самом начале их проникновения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ АЛЬТЕРА

«Культуру следует рассматривать не как некий довесок к уже сформировавшемуся, или почти сформировавшемуся животному, а как неотъемлемую составляющую самого процесса произведения этого животного».

Клиффорд Гёрц
«Истолкование культур»

В настоящей работе была предпринята попытка определить место феномена родства среди объектов рассмотрения общественных наук; сформулировать иденетическое понимание этого феномена и сориентировать его в общефилософской системе координат; обобщить результаты лингвистических, этносоциологических и историко-типологических исследований в области СР; доложить об итогах типологического наблюдения над СТР; построить прасемантическую типологию СТР на основании интегрированного учета признаков генеалогических линий, поколения, возраста, пола и (отчасти) морфологии самих терминов; и высветить спектр задач, которые, по нашему мнению, следует ставить при обращении к данной проблематике. Здесь остается только повторить в тезисной форме основные выводы работы и наметить пути дальнейших исследований.

Родство следует рассматривать не как биологическую по происхождению константу социального взаимодействия, а как саму возможность отношения мышления и бытия друг к другу. (Родство – это исторически вариативное «и» в формулировке «бытие *и* мышление».) Родство описывается как *переживание* взаимного обособления, по крайней мере, двух субъектов; *бытие* одной биологической особи как знака другой биологической особи, *мышление* себе подобными, *локализация* признака субъекта в сущности объекта и *рекапитуляция* истории присутствия по хранимой языком памяти. Таким образом, осмысление феномена родства должно разворачиваться не в узких дисциплинарных рамках биологии, этнологии, психологии или лингвистики, а на стыке фундаментальной (т.е. антропологической, по М.Хайдеггеру) онтологии и фундаментальной (социальной, культурной, антропологической) семиологии. Из обоснованного в работе скрытого родства хайдеггеровской аналитики *Dasein* («самобытности» в предлагаемом нами русском переводе) и этносоциологической/антропологической традиции изучения «систем родства» вытекает новая проблема бытия человека как *самородности*.

1. Сущность родства как социальной категории состоит не в принадлежности человека к исторически и культурно вариативным ячейкам типа семьи или линиджу, а в принадлежности человека человеческому роду. Пребывание в родстве означает актуализацию каждым человеком своей сущности (позитивное одиночествование) как принадлежащего к человеческому роду в присутствии себе подобных, разворачивающуюся *от зачатия*

и рождения до смерти. Человеческое бытие структурировано как (пра)естественный язык, и соответственно, любая коммуникация в человеческом обществе протекает между *уже сообщающимися* индивидами. Естественный язык является не только и не столько средством обмена информацией о внешнем мире, сколько средством построения каждым из коммуникантов информации о самом себе. В противовес лингвистической модели «говорящий – слушающий», в основе иденетического взгляда на язык лежит акт усвоения ребенком языка, а не акт его активного использования взрослыми. Основным структурообразующим принципом праестественного языка является противопоставление не между языком и речью, а между системой языка-речи и системой присутствия (модель «performance ⇔ presence». Система присутствия, или *праречевой акт*, описывается как триалог или единство *эго* (говорящего), *альтера* (понимающего) и *автора* (молчащего). «Предмет речи» структурализма перестает быть вещью, как явлением, лишенным для-себя-бытия, а вочеловечивается и становится живым источником и перспективным анализатором смыслов своего существования. Если феноменологический «скос» в философии XX в. начался с признания эксплицирующей свое собственное бытие рефлексии объективного мира (например, «ноэматическая рефлексия» Э.Гуссерля или «бессознательное» З.Фрейда) и перевел философское познание «на рельсы» языка, коммуникации, текстуальности и интерпретации, то предлагаемый в настоящей работе анализ выходит на подвижные системы *безопытных созвучий* реальных людей, основанных не на слиянии субъекта и объекта, а на трансформации границ между ними. Осуществляемый естественным языком *фенотипический синтез* (ойкуменический синтез, иденотип, самородность в различных функциональных контекстах), основанный на структурах относительного пола, относительного возраста и относительного поколения и в первом приближении описанный Л.Г.Морганом как «системы родства и свойства человеческой семьи», питает системы собственно коммуникативных и интенциональных опосредований в отношениях «человек – жизненный мир» и обеспечивают не просто познание субъектом объекта или раскрытие феноменов для субъекта, а *развитие* материи в индивида как следствие размежевания субъективного и объективного опыта. Как философская категория, развивающийся в человека мир был назван в работе *геноменом*; развитие материи в индивида – *генеалогией материи*, а система оппозиций, основанная на взаимном порождении и уничтожении признаков – *ойкуменическим родством*. Иденетика призвана стабилизировать философию, расторгнув возложенную на нее историей обязанность нести ответственность то за «истину», то за «человеческий удел», высвободив собственно воспроизводительные силы *cogito* и направив их из *метафизического* мира, образованного «бытием», «сознанием», «сущим», «сущностью», «существованием», «моралью», «волей», «властью» и т.п., в *полионтологический* мир «рождения», «взросления» и «смерти» (ср. с концепцией множественности онтологий Д.Зильбермана).

2. В структуре языка выделяется группа знаков-идем, своеобразных *семантических звуков*, отличных от символов, индексов и икон (имитативов), описываемых как произвольных в системе языка и в системе речи, идентифицирующих субъекта и объекта посредством воспроизводства (порождения одного элемента посредством уничтожения другого) своих собственных референтов и находящихся в специальной связи с системой присутствия. Иными словами, «термины родства» образуют системы не потому, что они совокупно соотносятся с общей им априорной данностью биологического свойства, а потому, что СТР образуют знаки, объединенные общим качеством быть каждый сам-себе-референтом, и это их качество сообщает людям свойство быть биологически данными. Хотелось бы верить, что именно на этот уровень языка пытался интуитивно выйти Л.Г.Морган, когда писал о пролегающих через язык «каналах крови». В плане выражения идемы складываются в лексико-семантический класс иденонимов или «терминов родства» в более привычной терминологии, являющийся наиболее сложно организованной и интенсивно структурированной частью лексики языка. Семиологический класс иденонимов как набор уникальных для каждого языка «семантических кирпичиков» находится в основании иерархической структуры языковой лексики и включает в себя элементы, обладающие предикативными, атрибутивными и именными свойствами, равно как и свойствами референтивных, дейктических и назывательных слов. Компонентный анализ иденонимического класса слов (будь-то стандартный или в рамках теории «семантических примитивов» А.Вежбицкой) не обладает эвристической значимостью в силу того, что каждая категория родства является автономной семантической переменной. Соответственно, лексика любого естественного языка представляет собой не простой набор идеографически организованных семантических полей, а иерархию структур, находящихся в качественно неодинаковых отношениях с действительностью. Идемная функция иденонимов заключается в управлении различными типами связей между знаковой системой и действительностью посредством *направленного превращения знаков в вещи, а вещей в знаки*. Историко-филологические реконструкции должны учитывать, во-первых, *семантически регулярные* процессы фонетического и морфологического уподобления (ср.: аналогия в лингвистической теории) и расподобления лексем, основанные на динамике слияниz и разграничениz в СТР, а не на статике сходств и различий в фонологической системе языка; во-вторых, возможность порождающего влияния иденонимов на другие иденонимы и остальные разряды слов и, соответственно, высокую сложность исторического соотношения между формами и смыслами. Прояснение семиотической природы «терминов родства» как знаков с «необычным» соотношением означающего и означаемого, заставляет переосмыслить соссюровский постулат «l'arbitraire du signe» как *необратимость* языкового знака во времени, а неограмматическое представление о «родстве языков» как необратимое расподобление языка во времени.

3. Как показывают историко-типологические исследования в области «систем родства», иденонимический класс слов обнаруживает устойчивую тенденцию к системной трансформации во времени. Более того, СТР образована языковыми знаками, существенными особенностями которых является их *ориентированность во времени* и самостоятельная *сюжетность* – свойства, заставляющее мыслить само *время как знаковую систему* с особым семиозисом, который может быть эмпирически описан на материале СТР. В отличие от существующих исторических типологий СТР, представленные в настоящей работе типологические выкладки демонстрируют устойчивые признаки «вертикального» дрейфа, при котором трансформацией охватываются принципы межпоколенной группировки родственников. Генеалогические критерии слияния/разграничения линий отца и матери, а также прямой и боковой линий являются вторичными и обратимыми (хотя и закономерно обратимыми). Обнаружены принципиальные различия в поведении категорий 0 поколения по сравнению с межпоколенными категориями. Реконструированная видовая протосистема показывает, что генеалогические категории, равно как и фонетические элементы, из которой состоят иденонимы, не являются универсальными и системообразующими, а скорее производными от общей дискретной системы описания «родства», в которой абстрактная генеалогическая *символика* свёрнута, а конкретная межсубъектная и фенотипическая (поколенно-половозрастная) *атрибутика* развёрнута. Эта *иденная материя* (генеалогия генеалогии и генеалогия фонетики) не противоречит «фактам» биологии, не является сугубо «культурным» продуктом а скорее представляет *объемно*, *эволюционно* и *феноменально* (т.е. культурно и психологически неопосредовано) действительную биологию родства, в которой, как в живой клетке, содержание информации определяется самим спсобом построения этой информации. Иными словами, *где-то в пространстве между «чистыми» знаками и «чистыми» генами* имеется структура (*иденом*), относительно которой оказываются взаимосвязанными между собой типы лексико-грамматического класса иденонимов в разных языках, и их взаимосвязи являются объективными и исчисляемыми. Стремление социальных отношений по полу, возрасту и поколению к самоорганизации, не было осознано Л.Г.Морганом и его последователями, что на долгое время замкнуло историко-типологические реконструкции СТР на мнимых константах генеалогических схем. Встречная реинтерпретация «классификационных» СР, предложенная такими ранними критиками Л.Г.Моргана, как Дж.Макленнан, К.Штарке и Э.Вестермарк, а также параллельный опыт реконструкции «древнейшего родства» у современника Л.Г.Моргана Н.-Д.Фюстель де Куланжа, не получили надлежащего развития в трудах последующих исследователей. Такая двойная слабость этносоциологической традиции в изучении феномена родства проистекает из неразличения синхронного содержания родственных классификаций (проблема, меньше всего интересовавшая Л.Г.Моргана) и диахронных форм коммуникации между родственниками, на первичное выяв-

ление которых были нацелены «Системы родства и свойства человеческой семьи». В настоящей работе делается попытка преодолеть эту двойную слабость и продемонстрировать, что самоорганизующиеся в генеалогические категории отношения по полу, возрасту и поколению являются тем реальным субстратом общественного взаимодействия, в котором активность, историчность и формальность соединены радикальным образом.

4. В ходе историко-типологического исследования была проведена атрибуция таких терминологических структур, как «взаимная терминология родства», модели «кроу/омаха», модели со «скользящим счетом поколений», «кумулятивная терминология родства», «редупликативная терминология родства» и «рекомбинативная терминология родства». Была показана историческая первичность для +1 поколения бифуркативно-линейного способа группировки родственников и инкорпорирующего типа для 0 поколения, что связано с гиперреципрокностью межпоколенных отношений и сильной степенью дифференцированности «группы сиблингов» в древнейших СТР. Варианты линейных и бифуркативных номенклатур являются киральными и, как следствие, эволюционно равнозначными. Киральность является ключевым принципом эволюции СТР, а идентификация киральных пар – важным методологическим инструментом иденетической реконструкции. Кирализация структур также обнаруживается в сфере социально-идеологических институтов (например, реинкарнация и адопция, авункулат и патрилат, путешествие души шамана в мир духов и вселение духа в шамана, скрывание жениха на свадьбе и возвращение невесты в родительский дом) и мифологических мотивов (например, мифологемы «творения мира из яйца» и «рождение героя из яйца»).

5. В работе развивается и конкретизируется концепция гетерохронности («стадиальной гетерогенности») СТР. Гетерохронность СТР проявляется не только в том, что каждая засвидетельствованная система составлена из разновременных по происхождению «частей», но и в том, что части каждой СТР развиваются в относительной независимости друг от друга, в результате чего сохранение, например, такой архаичной черты, как суперреципрокность может сопровождаться редукцией числа сиблинговых терминов; четырехчленная номенклатура в +2 поколении может соседствовать с бифуркативно-степенной номенклатурой в +1 поколении и т.п. Таким образом, реконструкция любой прото-СТР предполагает реконструкцию каждого структурного звена в отдельности, а не принятие какой-то конкретной номенклатуры за эталон древнего состояния. Относительная автономность частей СТР является структурным источником формирования глобального иденентического разнообразия.

6. Если до сих пор исследование СТР шло преимущественно по программе «от форм брака и других социальных институтов к терминологиям» («рефлексионизм», по Р.Маккинли) и наши интерпретации исторического развития номенклатур зависели от наших общеэволюционных представлений о том, какой должна была быть

ранняя структура человеческих обществ, то в настоящей работе последовательно отстаивается противоположная методологическая идея. СТР – это системы языкового типа (не только классифицирующие, но и коммуникативные) и, следовательно, их историческая динамика должна исследоваться в согласии с компаративистской теорией и практикой. Разница между иденетической и компаративистской реконструкцией состоит в том, что иденетика, развивая уже этносоциологическую традицию, усматривает в «терминах родства» особую категорию знаков, – выполняющих не только информирующую функцию, но и социальную функцию идентификации субъекта и объекта, – и исследует их в относительной замкнутости от других языковых знаков, в органической зависимости друг от друга и в глобальном масштабе. Неэффективность рефлексионистской практики установления соотношения между СТР и социальной реальностью коренится в неправильном понимания соотношения означаемого и означающего в СТР: ТР не символически отражают некую объективную реальность, а служат материальным субстратом, на котором эта реальность существует в знаковой форме как письменные знаки существуют на листе бумаги или куске дерева.

СТР, как формальные системы, дают более надежные основания для реконструкции прошлого, чем социальные институты; следовательно, на основе информации, полученной в ходе иденетической реконструкции, можно осуществлять проверку правильности реконструкций социальной организации. В работе опровергается тезис о первичности «дуально-родовой» организации общества, основанной на обязательном двустороннем кросскузенном браке и реализующей себя в бифуркативных («бифуркативно-сливающих», «дравидийских») системах в 0 и ±1 поколениях. Кросскузенный брак и «элементарные структуры родства» (К.Леви-Стросс) являются не эволюционным архетипом для всех брачно-родственных систем, а вариантом локального развития. Эта контроверза должна рассматриваться на конкретном материале, но следует иметь в виду, что различные «асимметричные» системы брака и «асимметричные» системы классификации могут не предполагать в качестве обязательной предковой формы «симметричные» системы (в виду комплементарных им по структуре линейных систем, системы бифуркативного круга не являются, строго говоря, симметричными), а восходить непосредственно к «суперсимметричным» (гипер- и суперрециприкным) структурам, реконструированным в работе под названием «кроссрециприкно-ортореляционного» типа СТР (КРОРТ). Следует особо подчеркнуть неприменимость архетипа кросскузенного брака для традиционных обществ Нового Света.

7. Благодаря ранним усилиям Л.Г.Моргана, изучение СТР является одной из самых старых источниковедческих дисциплин, информирующих научное сообщество о глобальной истории человечества. Популяционно-этногенетический процесс представляется нам наиболее вероятным механизмом эволюционной трансформации СТР, что не исключает, а ставит на более конкретную историческую основу, засвидетельствованные ассоциации между терминологическими типами и формами социальной организации. СТР как бытийное единство знака,

физического признака и материального предмета (ср. концепцию «целостного социального факта» М.Мосса) являются синтетическим источником информации о доистории человечества, непосредственно и «изнутри» отражающим реальное историческое напластование индивидуальных жизней – онтологического процесса, внешние симптомы которого прослеживаются в естественном языке, археологических культурах, антропологическом типе и молекулярных структурах. В работе предпринимается попытка выйти на уровень реальных (достоверных, ибо эгоцентричных и эгоцентрирующих) субъектов внутривидовой эволюции человечества, которые предварительно были обозначены как *эпистенциальные популяции*. В отличие от биологических популяций, в эпистенциальных популяциях биологические особи не организованы по принципу размножения на определенной территории, а воспроизводят свою собственную среду (пространствуют) посредством *откладывания потомства*. Человек – единственное живое существо, которое воспроизводит не формы, а принципы жизни, размножается не особями, а поколениями и не живет в среде *обитания*, а временится в среде *сбывания предков*. При помощи СТР он регулирует не брачные связи как средство размножения единичных себе подобных, а межпоколенную преемственность как способ выживания *потомков* этих единичных себе подобных. При помощи СТР сколачиваются множества эпистенциальных популяций (этносов), имеющих каждая свой порядок размножения предков (эффективное поколение). Стадиальность СР (ойкуменическое родство → классификационное родство → описательное родство) заключается в принципиальном изменении способа, посредством которого предки размножаются в потомках. Выявляется устойчивая тенденция к уменьшению исторической протяженности эффективных поколений (ср.: «рассеивание крови» у Л.Г.Моргана), что находится в обратной связи с неуклонным ростом общей численности населения (т.е. увеличением размера эффективных популяций). Иденологическая парадигма прасемантической типологии СТР четко фиксирует постепенную замену, через серию промежуточных звеньев типа моделей «кроу-омаха» и скользящего счета поколений) локальных эгоцентрических поколений (маркируемых кроссреципрокностью) на генеалогические поколения (маркируемые полярными и редупликативными терминами).

8. Проведенный в работе анализ СТР подтверждает выводы популяционной генетики о том, что этапу освоения человеком ойкумены и кумулятивного роста численности населения предшествовал достаточно длительный период демографической депрессии (*bottleneck*). Это нашло отражение в редукции категориальной дифференцированности в ±1 и ±2 поколениях, распаде кроссреципрокности и редукции сиблинговых категорий. Неожиданно обнаружилось, что иденетических следов демографической депрессии *не* обнаруживают СТР американских индейцев. Системный архаизм (хронологическая глубина) и высокая дифференцированность индейских СТР не имеет адекватного объяснения с точки зрения существующих теорий. Иденетическая реконструкция показывает постепенную и локально обусловленную трансформацию «американских» структур

родства в Старом Свете при ожидаемом обратном процессе. Прасемантическая типология показывает на объективном материале, что Америка имеет историю, независимую от и невозводимую к истории Старого Света, тогда как Старый Свет не имеет истории, независимой от истории Америки. Прасемантическая типология СТР не подтверждает общепринятую теорию происхождения атапасков (на-дене) с территории Аляски. В развитие идей М.Оплера и Ч.Каута и в противоположность позиции И.Дайена и Д.Эберли, южноатапаскские системы являются эволюционно первичными по отношению к северноатапаскским и калифорнийско-атапаскским и демонстрируют наивысшую дифференцированность в плане трансформации древнейших черт. Южноатапаскские системы обнаруживают характерную близость с другими североамериканскими СТР, в то время как в Старом Свете отсутствуют системы, которые можно было бы считать предковыми для систем на-дене. По сравнению с южноатапаскскими СТР, северноатапаскские системы редуцировали 4 ТР в ±2 поколениях до 2, почти полностью утратили кроссреципрокность и перешли от бифуркативно-линейности в ±1 поколениях к бифуркативности. Это свидетельствует о том, что современное этнокультурное разнообразие на-дене сложилось в результате выдвижения протоатапаскской общности из центральных р-нов Сев. Америки в циркумполярную зону и на тихоокеанское побережье. Возможно, составной частью той же экспансии были предки сибирских кетов.

9. Историческая динамика идемного уровня языка (*resp*. СТР) – системообразующего, всеобщего и универсального режима извлечения, хранения и передачи социокультурной информации – может быть описана не как процесс *формирования* и *функционирования* структур, а как процесс *распада* поверхностных структур и *сбывания* глубинных функций, что находится в соответствии с отстаиваемым в работе взглядом на эволюцию не как на процесс развития от более простых форм к более сложным, а как на обоюдный процесс упрощения внутрисистемного взаимодействия (внутренних принципов организации) и усложнения взаимодействия между системами различных уровней (внешних форм существования). Акт структурной дифференциации не уничтожает праформу, а позволяет ей продолжать «праформироваться» со все уменьшающейся амплитудой дифференциации. Концепция «распада структур/сбывания функций» представляется нам наиболее адекватным способом нейтрализации эпистемологического противостояния между объективизмом (структурализмом) и субъективизмом (феноменологией, конструктивизмом, герменевтикой), с одной стороны, и «философией тождества» (биологией наследственности) и «философией различия» (антропологией изменчивости) – с другой.

10. Отказ от идеи кросскузенного брака как носителя первичной социальности одновременно уничтожает уверенность в том, что введение запрета на инцест было тем «водоразделом», который противопоставил культурное настоящее человека его животному прошлому (точка зрения, наиболее последовательно отстаиваемая К.Леви-Строссом), а напротив заставляет задуматься о том, что у культуры имеется более глубокий субстрат, связанный не с примитивной социальной оппозицией «кровное

родство — свойство», от которой до сих пор прямой путь виделся к филогенетике «человека разумного» как сугубо биологического вида (что парадоксальным образом означает отличную от «человека реального» биологическую единицу); а с ойкуменической оппозицией «плотский симбиоз с живыми — кровное родство с умершими». Соответственно, человеком правит не *метафизический инстинкт* размножения себе подобных (напротив, человек осуществляет редукцию себе подобных до категориального состояния, и это то, что мы называем мышлением), а *кроссфизический инстинкт* утверждения всеединства разнородных (это то, что мы называем бытием как самому себе уподобляющееся множество). Этот фенотипический (ойкуменический) синтез лежит в основании не только синтеза трансцендентального и рационального, но и синтеза видового и биогенетического. Восходящая к Ч.Дарвину теория антропогенеза не подтверждается результатами «внутренней реконструкции» истории человеческого присутствия. В подходе к проблеме антропогенеза надежность общих выводов должна утверждаться не через *экзотику* россыпей примитивных каменных орудий и полузвериных скелетов, а через глубокую *аналитику* исторического взаимодействия человека с окружающей его средой.

Вопреки дарвинизму, организменное развитие *Homo sapiens* с присущей ему системой адаптации к среде обитания из другого биологического вида, обладавшего, естественно, другой системой адаптации, маловероятно. Не готовая информационная наследственность от предков, а самородная адаптация к среде обитания предков управляет *всеми* «регистрами» человеческого бытия. Человеческая эпистенция как система онтологического обоснования биологических мутаций не может сама быть результатом частной зоологической мутации: она восходит к древним химическим, энергетическим, механическим и квантовым структурам, и, как следствие, она старше самого человеческого генотипа. К экологической системе *Homo sapiens*, являющейся своего рода «искусственным спутником Земли», в принципе неприменима таксономическая ячейка под названием «биологический вид», а значит человекообразные обезьяны и *Homo sapiens* являются несопоставимыми онтическими структурами. Реальное соотношение человека и животного мира прямо противоположно привычным представлениям: человек обладает уникальной в масштабах живой природы общественной системой размножения, тогда как то, что принято считать его специфическим атрибутом, а именно мышление, есть элементарный инстинкт самосохранения природы. Каждая человеческая особь как личность сопоставима с категорией биологического вида; она входит в специфический в масштабе живой природы *иденоценоз* (т.е., так сказать, биоценоз, помноженный на ноосферу – реальность, на которую, пользуясь, естественно, понятийным аппаратом своего времени, безуспешно пытался обратить внимание научного сообщества современник Ч.Дарвина А.Уоллэс), и нет ничего удивительного в том, что, как показала иденетическая реконструкция, человек своими биологическими и культурными корнями уходит в Америку, где высшие приматы никогда не водились.

Вместо общей *эволюции* имеем частную *эпистенцию*, как структуру взаимодействия между опредковованным субъектом искусственной среды и саморазвивающимся в субъекта природным бытием. Историей двигают не изменения в способе физического производства при неизменном способе физиологического воспроизводства, а изменения в способе мышления себе подобными. Перифразируя К.Гёрца, человек живет в паутине родства, которую сам себе соткал; перифразируя Ф.Энгельса, не труд по изготовлению орудий, а подвиг по сотворению родства «создал самого человека»; перефразируя Э.Кассирера, человек – это не «символическое животное», а живой символ другого человека; перифразируя К.Леви-Стросса, родство – это непреложное развитие «реальной ситуации».

Как кажется, историческая типологизация СТР – задача по-прежнему актуальная, и настоящее исследование стоит расматривать как определенный вклад в разработку этой проблематики, но отнюдь не свод окончательных выводов. Требуется глубокое статистическое исследование зависимостей между различными типологическими параметрами СТР с целью создания максимально более детального представления о терминологическом контексте формирования терминологических же особенностей. Такое исследование позволит представить себе то необходимое, что несут в себе принципы группировки родственников для образования генерационного скоса, скольжения, межпоколенной сочлененности, кумулятивности и т.п. Реконструкция ПСТР *Homo sapiens* является неполной, пока остается неопределенным лингвистическая природа древнейших «терминов родства». Ими могли быть как лексические единицы, так и цельные предложения. Наше глубокое убеждение состоит в том, что СТР эволюционирует в необратимом, но неоднородном «режиме»; направленному историческому дрейфу подчинены все ее регистры – от морфологической и фонетической формы терминов до мельчайших нюансов группировки родственников отдаленных степеней. В связи с этим нельзя согласиться с часто высказываемым мнением о предельном количестве «типов систем родства». Разница заключается только в том, какой – микроскопический или макроскопический – взгляд на номенклатуры имеет конкретный исследователь. Вместе с тем, следует отметить иерархичность типологических единиц и их тесную взаимосвязь друг с другом.

В свете выдвинутой в работе *этногенетической гипотезы* происхождения номенклатур родства приобретает особую важность реконструкция фонетического и типологического облика различных локальных протосистем (в частности, ПИЕ) и исследование, как это уже предлагал М.В.Крюков, возможности использования систем иденонимов в глоттохронологических целях. Но уже на нынешнем этапе исследований в области СР можно констатировать, что в виде СТР этнография обладает надежным средством относительной датировки образования популяций, предковых по отношению к существующим популяциям. В работе остался практически неосвещенным вопрос о том, какая социальная и (или)

поведенческая структура соответствовала реконструированной протосистеме родства *Homo sapiens* и какие дополнения в наше знание закономерностей общественной эволюции может внести предложенный вариант исторической типологии СТР. Ответить на эти вопросы – дело будущего. Ясно одно: реконструировать древнейшую форму человеческого социума можно, если исходить из теории популяционной истории человечества, используя материалы прежде всего по тем обществам, которые можно считать считать «тамошними потомками» (в генеалогическом режиме обычно говорят о «прямых» потомках) древнейших человеческих популяций.

По сравнению с существующими интерпретациями древнейшей СТР, наша реконструкция не сводится к выбору из засвидетельствованных типов номенклатур эволюционно первичного с естественным следствием в виде механического переноса общественной организации такого «плезиоморфного» общества в предельно обозримое прошлое. Нами исследовалось диахроническое «поведение» номенклатур с точки зрения дифференцированной динамики их отдельных участков, и, следовательно, модель ПСТР видового уровня была выведена как *сумма, монтаж и ретроспективный продукт* различных тенденций, а не как произвольная замена одних состояний другими. Соответственно, в засвидетельствованной этнографической реальности нет ни одного готового образца древнейшего социального устройства. Последнее надлежит выводить на основе своего алгоритма складывания частей в когда-то единое целое. Мы попытались сделать особый акцент на необходимости исследовать соотношение эволюции терминологических структур («кости») и эволюции социальных институтов («тело») как самостоятельных исторических целых, а не заниматься поиском истоков типов номенклатур в социальной организации общества, в языке которого они обнаруживаются, не имея представления о том, какая терминологическая структура им предшествовала. Терминологические элементы СТР и элементы социальной системы находятся не в причинно-следственной связи и не в отношении вольной корреляции друг с другом, а в отношении *эволюционной конгруэнтности*: на каждом синхронном этапе они стыкуются на уровне тех пережитков своего прошлого, которые являются зачатками их будущих состояний.

Установка на параллельное исследование СТР и системы социальных институтов как коэкстенсивных друг другу целых в конечном итоге призвана решить задачу определения для каждой этнокультурной среды того «слоя» социального бытия, той формы изоляции индивидуальных опытов, которая является «местом падения» СТР как временящихся (т.е., по М.Хайдеггеру, идентичных самой длящейся природе времени) знаковых структур. Вместо того, чтобы постулировать, что СТР или СР являются одним из звеньев или одной из подсистем в общей системе социального взаимодействия, следует, как представляется, заняться практическим *вычленением* из культурной среды (мифа, ритуала, малых форм фольклора и т.п.) эгоцентричных и эгоцентрирующих систем, которые будут изоморфны или

изофункциональны СТР. Иными словами, «план содержания» должен быть выявлен феноменально с учетом характеристик «плана выражения», а не задан априори как некоторое множество «известных» детерминантов «известных» типов номенклатур. Определению объективных «оснований» и субъективных «мотиваций» терминологических изменений, практической «почвы», на которой они возникают, их, так сказать, культурно-смысловой «родины» следует отдавать безусловное предпочтение по сравнению с тактикой указывания на единичные функции единичных переменных. Настоящая работа содержит теорию и методологию «лабораторного» анализа, который не пытается отменить изучение заложенного в СТР социального контекста, а подготавливает описание невидимых для невооруженного глаза сочленений социальных практик, предлагая новый вариант осмысления общего соотношения между планом содержания и планом выражения социокультурных систем. Бессмысленно, с нашей точки зрения, «разменивать» информационный потенциал СТР на то, что лучше всего обнаруживается методом непосредственного наблюдения, а также посредством чтения этнографических монографий и устных текстов носителей культуры. Всесторонняя историко-культурная, лингвистическая и социологическая интерпретация прасемантической типологии СТР – необходимое продолжение данного исследования и необходимое звено в процессе построения антропологией своего предмета.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Дистрибуция взаимной терминологии родства[298]

Сенексореципрокные модели[299]

Сев. Америка: шошоны, тараумара [1100, с. 221], атсугеви [1347, с. 169], шаста, помо, ачомави, лутуами, майду, серрано, кауилья, купеньо, юма, камия, кокопа, палеуями, яуэлмани, центральные винтун [1361], вашо [1330, с. 356], оджибве [1609, с. 7; 1256, с. 75], цимшиан [1549, с. 84], тева [1454, с. 481-482], тонкава [2128, с. 321; 1534, с. 383], чехалис, коулиц [1564, с. 93], оканаган, колвилл [1722, с. 118, 119], эскимосы [1889, с. 181-182].

Центр. Америка: ацтеки [1345, с. 96-98; 1245, с. 116-118], паме.

Южн. Америка: аймара [1480, с. 48], инки[300].

Южн. Азия: тамилы [1484, с. 187], курухи [2121, с. 144], тибетцы [1089, с. 321], асур (мунда) [1525, с. 36, 39].

Юго-Вост. Азия: бадуи, яванцы [1573, с. 108-109], балийцы, хануноо [1107, с. 708-709], балангао, маманва, манобо, субанун, тагбанва, таусуг, тболи, тирурай (все – Филлипины) [1280], эма (Тимор) [1186, с. 69, 72], кео [1320, с. 101], мбае [1482, с. 79] (оба – Индонезия).

Океания: ваффа [2078, с. 548], коровай [1284, с. 144] (оба – Новая Гвинея, трансновогвинейская семья).

Европа: украинцы[301], валлийцы[302].

Авореципрокные модели[303]

Сев. Америка[304]: мивок (северные, равнинные) [1361, с. 88, 90], центр. винтун [1361, с. 97], чумаш-инезеньо [1361, с. 72], ачомави [1361, с. 38], майду [1361, с. 43-48; 1078, с. 374], купеньо [1361, с. 59], вийот [1361, с. 29], карок, атсугеви, кламат [1293], шаста, вашо, южн. яна (яхи), сев. яна [1979, с. 156-157, 162-163], вост. помо [1583, с. 370], центр. помо [1361, с. 107]; йокутс, вост. моно; луисеньо, серрано, тюбатулабал, кавайису, кауилья [1280], пима, папаго, шошоны, баннок, юты, сев. пайюты, южн. пайюты[305], команчи [2028; 2070; 1369; 1492, с. 441-442; 2068; 1671, с. 296-297; 1659; 1666; 1555]; тенино [1791], такелма, флэтхед [2137], неперсэ [1049; 1524], кутене; кайова-апачи, апачи (западные, чирикахуа, мескалеро), навахо [1387; 1850; 1851; 1926]; тева [1454, с. 480-481] (в том числе хано [1333]), кочити (вост. керес), зуньи; лагуна, акома (оба – зап. керес) [1272; 1869], кайова; синкаетк [1281], спокан, вишрам [2054], коулиц, кликитат, палус, уолла-уолла, лутуами; кучины [1853, с. 117], секани [1531, с. 51-52], каска[306], кэрриер, хэйр* [1262, с. 445], атна [1226, с. 655], эйяк [1579] (цит. по: [1522, с. 250]), слави [1698, с. 280-281], сатуотине [1965, с. 55-56, 63], верхн. танана, форт-лайардцы [1469, с. 291, 292, 295, прим. 2], квалиоква, тлатсканай [1262, с. 445], хупа [1262, с. 457], лассик, като [1361, с. 20, 25], оканаган, колвилл [1722, с. 119-120], веначи; юма [1441, с. 82-83][307], хавасупай, чероки [1366, с. 290, 291, 294, 321], хайда[308], кэддо [1632, с. 270-271], тонкава [2128, с. 321; 1534, с. 383-385].

Центр. Америка[309]**:** ацтеки, майя (лакандоны, юкатеки) [136][310], соке (чимальпа, тухтла, копайнала), михе (тотонтепек, олута, сайула) [1323], хуастеки, майо, опата, тараумара, кора, уичоль, тепехуано, яки (?), цельталь-чаналь [1948, с. 231-232], коахуилтек (по Б.Гарсия, 1760) [1948, с. 229], паме [1356, с. 78].

Южн. Америка[311]**:** арауканы, аймара, намбиквара[312], инки-керо [2178, с. 30], алакалуф [1962, с. 202][313], матсигуенга [1171, с. 122-123], пиароа [1546, с. 138], панаре [1473, с. 100, прим. 6], пемон [2102, с. 66] (все – Венесуэла, карибы), амахуако, кашибо, кашинауа, шаранауа, матис (все – пано) [1559, с. 157-174; 1562, с. 281], кива [1051, с. 25-26].

Южн. Азия: ладахи [1089, с. 321], сора, мундари, сантали, хо (все – мунда) [1860, с. 708-709], бассери, сема-нага, оллар, редди, ченчу, байга, радж-гонды, мальто, камар (все – дравиды) [1864; 2143].

Юго-Вост. Азия[314]**:** ли (Китай, тай) [1092, с. 305; 250, с. 251]; хануноо [1198, с. 36], ифугао [80], манобо, субанун, висайя, бонток, набалой, магиндонао, балангао, бинукид, блаан, касигуран думагат, гаданг, ибалой, илокано, бинонган, иватан, калинга, каллахан, канканай, маманва, мансака, самбал, тагбанва, таусуг, тболи, тирурай, якан, игорот (все – Филиппины) [1280; 1585]; сумбанцы, мангарай [1309, с. 11-13; 1319, с. 375], танимбарцы [1251, с. 145], энде [1812, с. 150, прим. 9], алор бесар [1068, с. 74], гитуа, селау [1121, с. 219], кео [1320, с. 98, 101, 103], мбае [1482, с. 79] (все – Индонезия); пуйума, ами, пайван [1682, с. 134, 136] (все – Тайвань).

Океания[315]**:**

1) **австронезийская семья:** са'а (о. Малайта, о. Трех Сестер), улава (диалект са'а о. Улава), лау (о. Малайта); фиу, хеуру, рафурафу [1937, т. 1, с. 238-240][316]; гела (о. Флорида); бирао, гари, ленго, маланго, талисе, лонггу, сусу'у, висале (все – о. Гвадалканал), пилени (о. Риф) [1937, т. 1, с. 229, 235-250; 1498, с. 401-402], таумако (диалект пилени о. Пилени)*[317]; бола (бакови), лесинг, куануа (Новая Британия); луаниуа (о. Онтонг-Ява) [1496, с. 412], тикопия [1307, с. 248-249], реннельцы [1495] (все – Соломоновы о-ва) [1223, с. 72-73]; мота, нароворово

(диалект баетора), мерлав (Банксовы о-ва), ло, хиу (Торресовы о-ва) [1189, с. 35-42; 1937, т. 1, с. 32-33, 178, 180], танна, анива [1937, т. 1, с. 392; 1172, с. 175]; паама, биребо, баки (о. Эпи)[318], амбрим [1612, с. 112-113], барабет (Пентекост) [1610, с. 715] (все – Вануату); добу, молима, киливила (Тробрианские о-ва), манам [1407, с. 106], суау, бонгго (бгу), варопен [1471] (все – Папуа Новая Гвинея), макин (Кирибати); ротуманцы [1612, с. 112-113], нарамбула, наканока, нандрау, намбамбудо, бау (мбау), коди, сиванг, каока, коло-вест, надрога (все – Фиджи) [1937, т. 1, с. 267, 277-278, 397-399; 1169; 1170]; футуна (о.Футуна); гавайцы [609, с. 235]; ниуе (о. Ниуэ) [1937, т. 1, с. 178, 180, 229], маори [916; 917], науру (о. Науру)[319];

2) **трансновогвинейская семья:** орокайва [2201, с. 109], кимам, киваи, кумай, экари (капауку) [1887], усаруфа (усуруфа) [1561, с. 796], комба [1690, с. 275], селепет [1689, с. 301], дадиби (дариби) [2163, с. 630], бонгу [158, с. 173], медлпа (мбовамп) [2077, с. 106-107][320] (все – Новая Гвинея);

3) **восточнопапуасская семья:** сиуай, буин (оба – о. Бугенвиль); саво [1937, т. 1, с. 235-250, 259], какет (байнинг) [2126, с. 354] (оба – Новая Британия) (все – Соломоновы о-ва);

4) **западно-папуасская семья:** кераки (хатам /мойре/, каригара, тендави, кераки, каунье, тугитил /туй/) [2203, с. 121].

5) **семья сепик-раму:** ятмул [2204, с. 534], банаро [2110, с. 339].

Австралия[321]:

1) **пама-ньюнганская группа:** арарнта (аранда), диери [1511, с. 163], кариярра (кариера), карадьери; викмункан, викнгатана, йирйоронт, канджу (кандью), йарайдьяна, вотати, итинадьяна, нгамити, мбейвун [1685; 1686; 1809; 2025, с. 413; 2081, с. 165; 2106][322], кууку-йа'у (коко-яо) [2106, с. 476], омпела [2109, с. 5], дьирбал [1243, с. 247] (все – п-в Кейп-Йорк); ворими (каттанг), тангатти [1503, с. 36]; йуон[323], вати-вати, варлпири (валбири) [1730], гугуйимидир (коко-йимидир), нарриньери, варумунгу (варрамунга), воргайя, луритья (лоридья), пинтупи (пинтуби) [1341, с. 476-477][324], калкутунг (калкадун), дьянгади (тангатти), лардил [1435, с. 32], йаньюва (анула), гуринджи (гуриндьи) [1687, с. 87]; адиньяматана (ваилпи), панкала, арабана, вильякали, вирангу, куката (южн. алуридья)[325] [1277, т. 8, № 4, с. 429, 436, 440; т. 9, № 1, с. 43; 1945, т. 10, № 2, с. 227, 233; 1946, т. 10, № 3, с. 334];

2) **прочие:** гунвинггу, муррин-пата (муринбата) [2062], умбайя (в том числе диалект бинбинга), мара [1577, с. 115]; мардудунера, андингари; йарилдекалд (ярал-де), нгангуруку, нгайяванг (найяу), мараура [1899, с. 233-235, 244, 246-247; 537, с. 199], курнаи [1511, с. 169-170], гнаньи, арабана, колор-курндит, митакуди, эвамин (воммин), ньянгумарта (ньянгумарада) [1842, с. 7], мардуджара [2116, с. 46].

Африка: бушмены (!кунг, !о!кунг, хоа, хам, нарон, ауэн) [1113, с. 62-63, 68; 1115, с. 439-440; 1412][326], хадза[327], дзинг (Заир) [1746, с. 216], тейта (Кения), ашанти, акваму (оба – Гана), тив, гуре, чавай, кахугу, каре-каре, нгизим, нгамо, болева, канакуру, лонгуда, габин, хона, юнгур (все – Нигерия); малинке, сонинке, бобо, бамбара [46; 2160; 573], манья [443], ньякьюса, ньямвези* [231, с. 24], машона [1359, с. 51 и сл.]; ньоро [1958, с. 32, 34], ланго [1253, с. 178-180] (оба – Уганда), нанди [1451], масаи [1501, с. 474-476], сара (Чад) [580, с. 279]; хейбан, оторо, тира, коронго, месакин, туллиши (все – Судан) [1796], сарамакка (буш-негры Суринама) [1476].

Европа: саамы [501; 502; 504; 1874; 2187; 1383], молдоване[328], этруски[329].

Авункуло- и амиторециприкный модели

Сев. Америка: шошоны [2070], юты [1977; 1773, с. 252], пайюты [2070], споканы, якима [1773, с. 247, 252-253], квинольт [1846, с. 91-92], сахаптины (флэтхед) [1773, с. 247, 252, 253], команчи [1492], хавасупаи, папаго, серрано, луисеньо, тюбатулабал, кавайису [2052, с. 76; 1360; 1583]; юма[330], камия, кокопа, дигеньо [1361, с. 65, 67, 69][331]; атсугеви [1347], ачомави (ДжРРм = ДДмРЭж) [1361, с. 38], юго-вост. помо, юрок, вийот, лутуами [1361, с. 27, 29, 42], яхи (южн. яна) [1979, с. 156-157, 163], апачи (западные, липан, мескалеро, чирикахуа, кайова-апачи) [1085][332], лассик, синкьон [1262, с. 178], кэрриер, каска[333], бивер [1262, с. 448-449], хэйр [1452, с. 245-246], атна [1226, с. 655], секани [1531, с. 51-52], кайова [1665, с. 279], китсай [1632, с. 262], тонкава [2128, с. 321; 1534, с. 399], пуэбло (зуньи [1584, с. 64], акома, лагуна [1867; 1584]), вишрам [2054, с. 263], кламат [2053, с. 62-64], кутене [1978, с. 415], вичита [2051, с. 259][334].

Центр. Америка: тараумара [1100, с. 221], тепехуано, чонталь [1048, с. 104, 106], кора, миштек, михе (айютла, хуитепеки), соке (тухтла, копайнала) [1907; 1323, с. 332], паме* [1356, с. 79], амузго [1948, с. 229], майя (юкатек [1948, с. 228], лакандон [1134, с. 8]).

Южн. Америка: аймара (XVII в.) [1600, с. 139-140], арауканы,[335] панаре (Венесуэла) [1473, с. 238], марубо, шаранауа, амахуака, матис, матсес (все – пано) [1734, с. 99-103; 1559, с. 172-173; 1945, с. 293; 1304, с. 17-18], пирауа [1380, с. 210-211], коги, кива, кубео [2046], паракана* [2154, с. 163-164].

Юго-Вост. Азия: хануноо [1198, с. 36], ли [250, с. 251].

Океания:

1) **австронезийская семья:** са'а (о. Малайта, о. Трех Сестер), уги (диалект са'а) [1189, с. 42, прим. 1], улава (диалект са'а о. Улава), лау (о. Малайта)[336]; гела (о. Флорида); бирао, гари, ленго, маланго, талисе, лонгту (все – о. Гвадалканал); буготу, гао (нггао) (оба – о. Санта-Изабель); санта-крузцы [1937, т. 1, с. 221, 235-237, 240, 246, 247, 249, 393]; кауа (о-ва Санта-Ана, Санта-Каталина), ванго (диалект ароси), фагани (оба – о. Макира)[337] [1189, с. 42, прим. 1], луаниуа (о. Онтонг-Ява) [1496, с. 412], мота (Банксовы о-ва), рафурафу (все – Соломоновы о-ва); киливила (Тробрианские о-ва) [1657, с. 148-149], добу [1322, с. 37], вагавага, бванабвана (тубетубе) [1181а, с. 98-99], билеки (лакалай), кове [1182, с. 232], моту[338] (все – Папуа Новая Гвинея); моала [1969, с. 37]; мбау [1937, т. 1, с. 267], такаундроув [1488, с. 107-108], намбомбудо [1937, т. 1, с. 285] (все – Фиджи)[339] [1509, с. 714]; науру (о. Науру) [2179, с. 379-380]; паама (Вануату) [1223, с. 508], япцы [1994, с. 39-40];

2) **трансновогвинейская семья:** камано, форе, усаруфа (усуруфа) [1103, с. 33, 34, 36], тайрора, бинумариен, айуана, гадсуп, агараби, ава[340], коита [2014, с. 66], кума (чимбу) [1834, с. 43-45; 1920, с. XV –XVI], энга, ваги (вак, вака) [1729, с. 93], экари (капауку) [1887, с. 195-196]; гедагед (грагед) [158, с. 173], медлпа (мбовамп) [2077, с. 106-107] (все – Новая Гвинея);

3) **восточно-папуасская семья:** саво [1937, т. 1, с. 235-250, 259], какет (байнинг) [2126, с. 354] (оба – Новая Британия, Соломоновы о-ва);

4) **западно-папуасская семья:** кераки [2203, с. 121].

Австралия:

1) **пама-ньюнганская группа:** викмункан, йирйоронт, викнгатана [1685; 1686], омпела [2109, с. 5], дьирбал [1243, с. 247-248], кариярра (кариера) (ДжРРмЭм = ДмДмРЭж) [1898][341];

2) **прочие:** вулна[342], ворора, вунамбал, нариньин (ДжРРм = ДжДмР) [1676, с. 55, 75, 77], комбинегерри[343], йарилдекалд (яралде)[344].

Африка: бушмены (нарон, акоэ /ауэн/, хоа) [1113, с. 64, 68][345], хейбан, оторо, тира, моро, месакин, коалиб, ньима (Судан) [1796], ньякьюса (Танзания) [2205, с. 139], ньямвези* [231, с. 27], суахили (Танзания) [601, с. 25-27], нанди (Кения) [1501, с. 62-63; 1451, с. 776], тив [1130, с. 59-60], чабин, джибу, хона, канакуру, юнгур (все – Нигерия) [1728], ашанти, фанти, акваму (все – Гана) [1914, с. 25; 1183, с. 537, 431; 689, с. 90-96], гураге (Эфиопия) [1814, с. 139].

Евразия: саамы [501, с. 17; 1874, с. 27-29; 2187, с. 86-89], кеты (ДДжР = ДмРРж) [450, с. 109][346], тибетцы [1089, с. 321-322].

Патруус- и матертерореципрокные модели

Сев. Америка: флэтхед [2137, с. 58], спокан, якима [1773, с. 245, 253], юма [1441, с. 432-433, 438; 1361, с. 63][347], камия, кокопа, дигеньо [1361, с. 65, 67, 69], китанемук, серрано [1361, с. 54][348], кутене [1978, с. 415], юты [1977, с. 252; 1269], пайюты-кайбаб [1270], атсугеви [1347, с. 349], ачомави [1361, с. 38], навахо, апачи [1085, с. 71, 94-95, 112, 137], кэрриер [1262, с. 448; 1533, с. 526-527].

Центр. Америка: чоль [137, с. 67], соке (по Ф.Гонсалесу, 1672) [1323, с. 236], михе (по А. де Квинтане, 1733) [1323, с. 337], майя [1134, с. 8], амузго [1948, с. 229], тараумара [1100, с. 221].

Южн. Америка: когуи, паумари, куива, тукано [2046, с. 37, 62-63, 102], арауканы [1614, с. 357-358; 1293], шаранауа [2040, с. 53-55], пирауа.

Южн. Азия: куи (конды), радж-гонды [1915, с. 153-154; 2121, с. 141-142; 2143], асур [1525, с. 36, 39], сантали, мундари, хо [1109, с. 450].

Юго-Вост. Азия: хануноо [1198, с. 36], ли [250, с. 251].

Океания:

1) **австронезийская семья:** луаниуа (о. Онтонг-Ява) [1496, с. 412];

2) **трансновогвинейская семья:** какет (байнинг) [1322, с. 354], комба [1690, с. 275], селепет [1689, с. 301] (все – Новая Гвинея);

3) **западно-папуасская семья:** кераки [2203, с. 121].

Австралия:

1) **пама-ньюнганская группа:** викмункан [1685; 1686; 1809, с. 229], омпела [2109, с. 5], йирйоронт, викнгатана [2081, с. 165] (все – п-ов Кейп-Йорк);

2) **прочие:** йарилдекалд (яралде) [1899, с. 233-235; 537, с. 199], ворора, нариньин [1676, с. 54, 75], комбинегерри [1858, с. 326].

Африка: туллиши [1796, с. 331], гураге [1814, с. 139], бушмены-хоа [1412, с. 434][349], хадза[350].

Евразия: саамы, иранцы (?)[351].

Дистрибуция генерационно-скошенных терминологий[352]

Тип кроу

Сев. Америка: *абсарока* (кроу), мандан, хидатса, арикара, чероки(?),чикасо, чокто, *хопи*, пуэбло (акома, зуньи, хано), *вапо*, *южные помо*[353], хайда, тлинкиты, апачи [1085, с. 102], пиеганы [2197, с. 15][354], южн. тутчоны [1684, с. 404], каска (росс-ривер, аппер-лайард)[355], талтаны [1505, с. 78], набесна [1262, с. 457], верхн. танана [1469, с. 291], тимуква, семинолы, крики, натчезы, пауни.

Южн. Америка: бороро (?), тукано[356], гоахиро [2199, с. 57], суруи [2046, с. 17-19], тшикао [1735, с. 330], *оронао* [1713, с. 101-102].

Юго-Вост. Азия: канаури (тибето-бирманцы) [1088, с. 53][357], батаки [1121, с. 224], мнонгар, мнонг рлам (мон-кхмеры) [1864, с. 62].

Океания: понапеанцы, моту, мота, киливила, россельцы, эфате, сеньянг, мевун, манус, арио усай, трукцы, пентекосцы, япцы, улити, байнинг (бифуркативный тип) [2126, с. 353-354], нгуна [1414, с. 105], сиуай (бифуркативный тип) [1844, с. 289], пилени, баньата (Новая Гвинея) [1985], кахуа, уги, токелау (Новая Зеландия) [1121, с. 224].

Африка: лоби, бирифор, даян, аброн; акваму, ачем, ашанти, фанти; монго, конго, пенде, сукума, чамба-дака, чамба-лекон, лугуда, лонгуда, ндоро, ловиили, гурма, ираку, мбугве, камба (Кения) [1654, с. 367, 375].

Австралия: арабана (пама-ньюнганская группа) (?)[358].

Тип омаха

Сев. Америка: омаха, ото, фокс, меномини, майями, шони, виннебаго, потаватоми, мивок, винтун, патвин, помо, канза, понка, айова, оседжи, кикапу, иллиной (бифуркативный тип) [1201, с. 31-32, 35-36], кэддо (бифуркативно-линейно-инкорпорирующий тип) [2051, с. 261-262], йокутс [1361, с. 80-85], каска Диз-Ривер (см. прим. 297).

Центр. Америка: *цельталь*, *цоциль* [1948, с. 232-234], коахуилтек[359].

Южн. Америка: шеренте, шаванте, мапуче (арауканы), корегуахе [2046, 45-46]; мауэ, синта-ларга, тупари (все – тупи) [1622, с. 68; 2154, с. 159], аймара [1480, с. 48].

Африка: игбира, кадара, банда, амба, луа, нуэр, бари, джолуо, джагга, тейта, хаджа, кикуйу, тонга, шона-зезуру, игбо, машона[360], шангана, ронга, ленге [1905, с. 34], ачоли, ланго, гбари, матакам, консо, ньоро, доробо, ваи, конкомба, сога, ндау, катаб [1728, с. 27], дан, гуро, тура (все – Кот-д'Ивуар) [1231; 381], нгбанди [573], чопи, нама (готтентоты) [1493, с. 19-20], шлех семлал.

Южн. и Юго-Вост. Азия: чадо, сема-нага, ангами-нага, аймоль, качин, хакачин, шерпа, ренгма, ао, лхота, пурум, лакхер, ория (Индия, индоевропейская семья) (бифуркативный тип) [1084, с. 36], вайпей (Индия, сино-тибетская семья) [1806], лушей (и все остальные представители группы куки) [1089, с. 325-326], маказайазайа [1092, с. 303], кеданг [1069, с. 266], бунун (Тайвань) [1681; 1682, с. 132]; насупо (Китай) [480, с, 131], ламет [1807].

Океания: каму-абелам, муйу, токелаусцы, амбрим, эпи, мбау, самоанцы, эддистонцы; буа, вануа-леву, макуата (все – Фиджи); бугету, нгао (оба – о. Санта-Изабль, Соломоновы о-ва) [1169, с. 198; 1170, с. 117]; биребо, баки (о. Эпи, Вануату) (бифуркативный тип) [1167, с. 79]; коровай [1284, с. 141-144], комбай [2159, с. 109-110], орокайва[361], мой [1428] (все – Новая Гвинея)[362], ятмул, арапеш, квома.

Австралия: грут-айлендцы, ворора, вунамбал, наринджин, альявара, гуринджи, лардил; викмункан, йирйоронт, канджу [1685, с. 444; 1686, с. 108][363], викнгатана, лардил, омпела [1046, с. 23-24] (все – пама-ньюнганская группа).

Сев. Азия: якуты, ханты, манси, кеты, нивхи [414, с. 29-30], ненцы [499], селькупы [307, с. 93-94], нганасаны [911, с. 228-229], алтайцы [316, с. 257], шорцы [317, с. 265], сибирские татары [307, с. 73], хакасы [307, с. 82], тувинцы [173, с. 129], долганы [683, с. 74].

Средн. Азия: казахи, узбеки, монголы, калмыки, киргизы, таджики [424, с. 151-156], туркмены [182, с. 201-202], каракалпаки [610, с. 120], дунгане [998, с. 86].

Поволжье: башкиры [114, с. 5; 118], удмурты[364].

Кавказ: осетины [121, с. 9], рутульцы, цахуры [361, с. 205-206], лезгины, цезы, табасаранцы, агулы, крызцы, будухи [583, с. 129], авары [218, с. 27-28; 747, с. 19] (термин *худули*), ногайцы [420, с. 194, 197].

Европа: древние римляне, албанцы [339, с. 182], болгары [889, с. 73; 222].

Дистрибуция кумулятивной терминологии родства[365]

Передняя Азия и Сев. Африка: турки* [782, с. 256-258], арабы [609; 1002а], друзы, иранцы [2057, с. 24-25], курды, евреи, горные сокотрийцы* [624, с. 85], берберы [101], египтяне [576; 577], туареги [1832], амхарцы [1018, с. 17], нубийцы [347, с. 56].

Кавказ:

1) армяне [273б, с. 10-11 (список); 354, с. 151-152; 748а, с. 177], осетины [210, с. 114-115; 267; 121; 176, с. 12-13];

2) грузины [662; 818];

3) чеченцы [564, с. 30-31; 269], ингуши [1028, с. 43-46; 266], кисты [270; 980];

4) даргинцы, рутульцы, лакцы, цахуры, табасаранцы, аварцы, андийцы, цезы, дидойцы [583, с. 127-135; 126, с. 66-70; 660; 708], лезгины [584];

5) абхазы [996], абазины [997], адыги [595; 439б];

6) азербайджанцы [274], карачаевцы, балкарцы* [659, с. 74-89], кумыки* [6].

Европа: 1) шведы [1843, с. 159-165], датчане [485; 1599, с. 11, 13], исландцы [1742; 1929; 1930], ирландцы, шотландцы, англичане (–), французы (–), поляки (–) [994], болгары* [222; 978], сербы*, хорваты*, черногорцы* [570], албанцы*, украинцы* [152], русские (до XV–XVI вв.)* [889][366]; 2) коми* [90, с. 294-297], эстонцы* [201], финны* [1129, с. 113], карелы [558], саамы-лайниовуома (–) [2187, с. 90, 92][367], мордва (–) [69, с. 11; 70, с. 348]; 3) бесермяне* [918, с. 119, 128], удмурты (–) [918, с. 130], татары* [143, с. 117].

Южн. Азия: бенгальцы, бихари, гуджараты, хинди [272; 1484], маратхи, урия, пенджабцы, раджастханцы, синдхи [1548; 1885, с. 61], пали [1484, с. 191-192], андхра (–) [466, с. 216], китайцы* [466, с. 289].

Средн. Азия: таджики* [424, с. 151-156].

Сибирь: кеты (–) [24, с. 158, прим. 10], ханты васюганские (–) [548, с. 274], ненцы* [716, с. 24, 75, 191, 281], эвены [820, с. 129-130], нивхи (–).

Зап. Африка: фон (вост. эве), зап. эве*, йоруба*, эдо* [649; 651, с. 141-151], догоны* [311], ашанти (–) [689, с. 100-101], огони (–) [423, с. 82-83], манья (–) [443], дзинг [1746, с. 216], коранко*, лимба*.

Вост. Африка: нанди (–) [1451, с. 777], коалиб (–) [1796, с. 367-368], азанде (–), ланго* [1253, с. 79], ньоро* [1958, с. 32-35], багесу*, басабей*, нуэр*, бачига*, динка*, шиллуки*, масаи* [1501], гураге (–) [1629, с. 167, 407-408].

Америка: тлинкиты (–), тараски (–), соке (–), аймара [1600, с. 139-140], инки, бороро* [1837, с. 579], хуаве (–) [1948, с. 230], хуаве Сан-Матео [1237], бара*, тукано*, уанено*, макуна*, барасана* (все – тукано) [1052, с. 343-344; 1179, с. 85-87], ючи (–) [2048, с. 69], хайда (–) [1782, с. 363, 366, 370], кубео [1379, с. 126, 134].

Юго-Вост. Азия: батаки (–).

Океания: самоанцы [1937, т. 1, с. 37; т. 2, с. 40][368], санта-крузцы* [1937, т. 1, с. 221], наватусила (–), даваниса (–), тавуа (–), ноканока (–), намбомбудо (–), мбау (–) (все – Фиджи) [1169, с. 111-113; 1937, т. 2, с. 41], фотуна (–), тонга (–) [870, с. 57-61], рафурафу (–) [1937, т. 1, с. 240; т. 2, с. 42].

Дистрибуция линейно-степенной терминологии родства[369]

Юго-Вост. Азия: хануноо [1198, с. 36], андаманцы [1707, с. 126, 441 и сл.; 1901, с. 52-69], сенои, сакаи, семанги, мах-мери (+1) (с инкорпорирующей моделью в 0 поколении) [1625, с. 179, 184; 948, с. 127-130]; раде (кадай) (+1), сиамцы (0, +1), тхо (0), диой, нханг (+1), лао, шаны, ахом, ли, шуй, мулао (все – тайцы) [1090; 250], вьетнамцы (0), моны, кхмеры (0, +1) [1625, с. 97, 102, 166], карен (тибето-бирманцы) [1625, с. 61]; мокен (Бирма), малайцы (0, +1) [1625, с. 259, 265], атта (+1), балангао (+1), бинукид (+1), блаан (+1), кебуано (0, +1), касигуран-думагат (+1), умирай-думагат (+1, 0?), гаданг (0, +1), хилигайнон (0, +1), ибалой (0, +1), ифугао (+1), илокано (0, +1), иснаг (0, +1), итнег (+1), иватан (0, +1), калаган (+1), калинга (0, +1), каллахан (+1), канканай (0, +1), магинданао (+1), маманва (+1), манобо (0, +1), мансака (+1), пангасинан (0, +1), самбал (0, +1), субанун (+1), субанон (+1), тагалог (0, +1), тагбанва (+1), таусуг (0, +1), тболи (0, +1), якан (0, +1) (см.: [1280]), реджанг, тирурай, котабато манобо (0, +1) (все – Филлипины), нгадха, энде, наге (+1) (все – центр. Флорес), атайал, седек (+1) (оба – Тайвань) [1319, с. 378].

Сев. Азия: айны, чукчи, коряки [823], юкагиры (+1, старшая ветвь) [387, с. 238-239], саамы (0) [943, с. 254-260; 504], эвенки (+1, старшая и младшая ветви) [177, с. 145; 147, с. 268-269], нганасаны (+1, старшая ветвь) [911, с. 228-229], ненцы (+1, старшая ветвь) [499, с. 169], корейцы [763, с. 21].

Сев. Америка: эскимосы (туле, западной Гренландии, северо-западной Гренпандии, Лабрадора, карибу, умингаматормиут, кангерджаурмиут, игулик, нетсилинмиут, уткухикджалингмиут, коппер, кангианермиут, п-ов Симпсон, мыс Принца Уэльсского /все – 0/ [1245, с. 203-204; 1841, с. 79-80][370], р. Маккензи (+1, 0) [1469, с. 293], нунамиут (0, +1) [1889, с. 182-183; 1888, с. 428-429]; сатуготине (+1) [1965, с. 55], чиппевайи Сноудрифт, чиппевайи Мишн (+1) [1522, с. 210-211], целона-каска (+1, женская ветвь) [1505, с. 82] (все – атапаски); юрок (+1) [1361, с. 27; 1583, с. 374][371], сев. яна (0) [1979], ачомави (0) [1361, с. 38], вашо [1330, с. 360][372], квакиютль (+1) [1847, с. 253; 1848, с. 335; 1558, с. 328], квилеут (+1) [1891, с. 432], хайсла [1504, с. 309], ючи (+1, мужская ветвь) [2048, с. 69], сиксика, кайна, пиеганы (+1, мужская старшая и младшая ветви) [1214, с. 171-172; 1752, с. 330; 1449], вичита (+1, женская ветвь) [2051, с. 258], тева (кроме хано) (0, +1) [1454, с. 482, 487-488]; чехалис, квинольт, тилламук, коулиц, белла-кула, сквомиш, мусквем, нуксак, лумми, клаллам (все – береговые селиши, +1) [1564, с. 88-90].

Центр. Америка: соке (0, +1) [1948, с. 236], какчикель, хорти (оба – майя, +1) [1948, с. 224, 227].

Южн. Америка: она (0), яганы [1422a, с. 418-419; 1422b, с. 788-789; 1245, с. 204], коги (+1) [2046, с. 37], черные карибы [2045, с. 153-155], тоба [1757], кандоши [2098].

Океания: рао (Новая Гвинея)[373].

Австралия: туравал (мулула), кабикаби (каби) [563, с. 54, 63][374].

Африка: бушмены (!кунг, акоэ /ауэн/, хоа) [1113, с. 64; 1114, с. 110-111][375], пигмеи (?)[376].

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Дистрибуция неотеронимии

Америка: эскимосы [1305, с. 152], северные шошоны [2070, с. 286], вашо [1361, с. 74], хопи [1670, с. 377-378; 789, с. 81-82], зуньи [1584, с. 72-73], лагуна [1869, с. 163-167], кроу [1668, с. 28], кри [849, с. 6-7], араваки [2100; 22, с. 113; 21, с. 199], ботокуды [565, с. 117], ваи-ваи, вост. тимбира, пиароа [1005, с. 387; 1545a; 1546, с. 148], тшикао [1735, с. 333], чулупи [2192, с. 486].

Сибирь: кеты [310, с. 6], нанайцы [799, с. 167; 544, с. 170], нганасаны [862, с. 43-44; 863], негидальцы [956, с. 17], орочи [801, с. 245], ненцы [861, с. 66; 1895, с. 374], нивхи [658, с. 91; 852, с. 239], удэгейцы [677, с. 212], ханты, манси [352, с. 145], эвенки [177, с. 226], энцы [300, с. 39], юкагиры, долганы [683, с. 62; 668, с. 41-42], алтайцы [984, с. 24].

Южн. и Юго-Вост. Азия: японцы [315, с. 72-73], китайцы [1302; 466, с. 209-210], монголы [957, с. 114], корейцы [352, с. 140; 530, с. 61], тайцы [1856, с. 12-13], вьетнамцы [528, с. 99-100], чин [249, с. 115, 122], сингалы [455, с. 171], ведды [1663, с. 108], нага [935, с. 282], кхаси [849, с. 5], даяки [935, с. 282; 638, с. 213-214], яванцы [496, с. 180], сенои [1005, с. 387], альфуры [935, с. 281-282], андаманцы [566, с. 164], пенаны [1803], бадуи [1106, с. 197-198].

Австралия: викмункан [2107, с. 381], курнаи («аборигены Гипсленда») [935, с. 281].

Африка: куаним па (Судан, подгруппа удук нило-сахарской семьи) [1005, с. 387], бечуаны [849, с. 5], эве [1663, с. 107], йоруба [1074, с. 42], фульбе [358, с. 322].

Европа: башкиры [120, с. 171], татары [956, с. 17], марийцы [437, с. 37; 326, с. 47; 567, с. 63; 179, с. 77], русские [352, с. 140-141], греки [38, с. 225-226], удмурты [52, с. 101; 53, с. 126], бесермяне [859, с. 196].

Кавказ: карачаевцы, балкарцы [659, с. 79; 936, с. 85], кумыки [202, с. 139], халаджи [592, с. 131], армяне [354, с. 155].

Передняя Азия: арабы [382, с. 293-294; 784, с. 44; 739, с. 8-9].

Средн. Азия: уйгуры [950, с. 245], туркмены [641, с. 156-157; 492, с. 64], таджики [730, с. 186; 425, с. 56; 220, с. 281], киргизы [318, с. 15].

ПРИЛОЖЕНИЕ III[377]

Дистрибуция реинкарнационного комплекса

Америка: эскимосы* [1009, с. 309-310; 1824, с. 363-379, 424; 1913, с. 219-220, 505; 1216, с. 13-15], тлинкиты*, хайда* [352, с. 119-120; 1782, с. 357], такулли*, комокс, ковичан [850, с. 302], кэрриер*, санпойл*, алгонкины, виннебаго, ючи [850, с. 302; 1514, с. 326-327], вишрам* [2054, с. 258], чинук* [1916, с. 66-67],

клаллам* [1421, с. 238], пуйлапп* [935, с. 290], юрок* [517, с. 262], моно*, пайюты-павиотсо* [1364, с. 46-47], карибы* [2099, с. 185-191; 13, с. 167, 178], камаюра*, кубео*, тукуна* [454, с. 272, 269, 271], барасана* [1512, с. 133, 165], тегуэльчи [2080, с. 193], рамкокамекра*, тапирапе*, апинайе* [645, с. 185].

Сибирь: эскимосы [594, с. 53-54], юкагиры, эвены [262, с. 255], кеты [26, с. 103], нивхи [457, с. 89], нанайцы, ульчи [802, с. 123], негидальцы [1007, с. 539], удэгейцы* [677, с. 212], ненцы* [861, с. 62], энцы* [300, с. 38], нганасаны* [862, с. 41-42], чукчи* [124, с. 177-179; 340; 529; 183, с. 161; 788, с. 338-339], коряки* [391, с. 113-114; 37, с. 264; 87, с. 73-74; 243, с. 104, 110], ительмены [392, с. 100-101], обские угры* [807, с. 270; 808, с. 173; 809; 810, с. 110-111; 961, с. 170-171; 962, с. 137-141], сибирские татары* [749, с. 55-56; 723, с. 10; 724, с.12-13], тувинцы [321, с. 280], долганы* [683, с. 55], буряты* [355, с. 19; 86, с. 36, 38].

Юго-Вост. Азия: малые народы Индии (бхилы*, санталы*, мунда*, варли*, ораоны*, бирхоры*, хо*, бхумиджи*, конды*) [850, с. 303; 757, с. 221-223; 1981, с. 116-117], шаны* [248, с. 17], бирманцы* [678, с. 103], нага [995, с. 189-190], пахари [1864, с. 8], гурунги [552, с. 205].

Африка: ашанти [689, с. 53-54; 693, с. 164], ваньика [850, с. 302], йоруба [850, с. 302-303; 935, с. 290-291; 983, с. 144], кпелле, бамбара [983, с. 131, 136-137], эве [194, с. 341], игбо [1726], янзи (кьянзи) [411, с. 45], куба [411, с. 45], тио* [2145, с. 202], огони* [423, с. 84], эдо [983, с. 150], бушмены* [1710], баганда*, макалака [1329, с. 369], курия [19, с. 18-19]*.

Австралия и Океания: йейдьи, бугай [1542, с. 396], викмункан* [2107, с. 380; 2108], маори* [850, с. 303], тробрианцы [1702, с. 25-29, 30-32], полинезийцы в целом [917, с. 196].

Передняя Азия: ливанцы* [739, с. 8, 11], египтяне* [1487].

Средн. Азия: горные таджики* [886, с. 125; 219, с. 283; 733, с. 290-297; 31, с. 83-84; 729, с. 138-139; 730; 412, с. 181-182], туркмены* [815, с. 43-44; 34, с. 201].

Европа: африканеры* [1864, с. 16, прим. 10], саамы* [935, с. 290], болгары* [568, с. 259; 639, с. 83], сербы [2060, с. 117], южнорусские евреи* [175, с. 82-87], русские*[378], греки* [380, с. 102], швейцарцы* [1864, с. 19], валлийцы* [1922, с. 143].

Кавказ: армяне* [512, с. 82], кумыки* [851], грузины [949, с. 138].

ПРИМЕЧАНИЯ

---

[1] Термин *феноним* (от греч. *phainein* «показывать»; ср. «фенотип» в биологии), как техническое обозначение личного имени, вводится впервые. Наряду с общеупотребительным, но неточным термином «антропоним» для обозначения личного имени имеется еще термин «автоним», используемый К.Леви-Строссом [424, с. 264].

[2] Основные достижения в этой области касаются ИЕ языков и связаны с именами В.Дееке [1225], Б.Дельбрюка [1227], Э.Тапполе [2091], В.Шоофа [2001], О.Шрадера [2003], Ч.Кэмбелла [1162], О.Н.Трубачева [889], Э.Бенвениста [100, с. 144-186], П.Фридриха [1335], О.Семереньи [2085], Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванова [216, т. 2]. Сравнительно-историческое изучение ТР в уральских языках было проведено А.Алквистом [1040, с. 203-214] и Б.Коллиндером [1193]. Прауральские архетипы восстанавливал Я.Гулья [1416]. Целый ряд историко-этимологических реконструкций ТР проведен американскими учеными. Прежде всего следует отметить капитальный труд И.Дайена и Д.Эберли по протоатапаскской системе [1262]. Отдельные работы посвящены восстановлению протоалгонкинской [1490], протосахаптинской [1049], общеютоацтекской [2028; 1759], протосиуской [1716] и протоюманской [1947] СТР. Для южноазиатского региона отметим прадравидийскую лексическую реконструкцию М.Эмено [1282] и дре-

внетайскую реконструкцию В.И.Гохмана [247; 250], прамеланезийскую реконструкцию В.Мильке [1755] и протоавстронезийскую реконструкцию Р.Бласта [1121]. Рабочий вариант протодравидийской СТР предложил С.Тайлер [2143].

[3] Как было продемонстрировано в недавней статье Е.П.Ивановой, принятый перевод франц. *arbitraire* на русский как «произвольный» не отвечает ни тому смыслу, который в него вкладывал Ф. де Соссюр, ни тому пониманию соссюровского постулата, которое демонстрируют франкоязычные авторы. В соссюровском словоупотреблении "l'arbitraire du signe" заложено такое понимание языковых знаков, при котором они «историчны и социальны одновременно и радикальным образом» (Р.Амакер), а отношение между означающим и означаемым непреложно и обязательно для всех носителей языка в данном его состоянии [379, с. 35, 38]. Таким образом, за "l'arbitraire du signe" скрывается не «произвольность знака», а «непреложность знака».

[4] Любопытно сопоставить параметры различия между *mind* и *consciousness* у Л.Г.Моргана с содержанием фрейдовской оппозиции «сознание – бессознательное», так как последнее разъясняется в следующем отрывке из «Я и Оно»: «"Быть сознательным" есть чисто описательный термин, ссылающийся на наиболее непосредственные и наиболее надежные восприятия. Но дальше опыт показывает нам, что психический элемент, например, представление обычно не осознается длительно. Напротив, характерно то, что состояние осознательности быстро проходит; осознанное сейчас представление в следующий момент сделается неосознанным, но при известных легко осуществимых условиях может снова вернуться в сознание» [930, с. 352-353].

[5] Ср. у М.Элиаде: «Когда наступает психический кризис, человек должен вернуться именно в младенчество, чтобы заново пережить и встать лицом к лицу с тем событием, которое этот кризис вызвало» [1012а, с. 57-58].

[6] К той же сфере относятся интересы активно развивающейся в последние десятилетия психофизики. Исследователи отмечают, что телепатическая связь особенно хорошо удается между родственниками и видят в «генетическом сходстве их мозговых структур» (или «внутреннем родстве индивидуальных сознаний») причину существования психофизического взаимодействия и так называемых спинно-торсионных полей (см.: [17, с. 114; 612, с. 24]).

[7] Данное положение К.Леви-Стросса является типичным рассуждением из аналитической философии, как показывает сравнение его со следующим высказыванием Г.Фреге о числе: «…Законы чисел собственно неприменимы к внешним вещам; они не являются законами природы. Они не утверждают связь между естественными явлениями, но утверждают таковую между суждениями; а к последними принадлежат и законы природы» [927, с. 109].

[8] После выхода в свет «Элементарных структур родства» за термином «альянс» закрепилось понятие любого социального статуса, не предписанного рождением и происхождением, а открытого для выбора и изменения.

[9] Из этого направления в изучении СР выросла концепция Э.Геллнера относительно природы национализма, согласно которой «национализм создает нации там, где они реально не существуют» [1352]. Еще в 1953 г. Ф.Фогет отмечал, со ссылкой на своих информантов, что сформировавшаяся у группы индейцев-могауков практика употребления терминов «племянник», «племянница» и «внук(чка)» есть «попытка подчеркнуть степень родства, которой в действительности не существует» [2156, с. 391].

[10] В оригинале – *naturalizing power*. В английском языке существительное *power* «сила, власть, мощь» означает не только и не столько материальную силу (*force*), сколько интенциональное властное поведение. «Натурализующая воля», или «воля к натурализации» у феминистских антропологов относится как к доминирующей патриархальной и буржуазной тенденции представлять культурно-детерминированные символы родства в качестве биологической данности, так и к освободительной воле политических «левых» возродить истинную роль телесного естества человека как вместилища сокровенных и сугубо личностных желаний. В определении М.Фуко – политического философа, внедрившего такое понимание термина *power* (франц. *pouvoir*) в антропологическую теорию, – «воля» представляет собой

проистекающее отовсюду и не сосредоточенное ни в одном этическом центре безличное целеполагание.

[11] В том же духе П.Л.Белков предостерегает, что «к СТР нельзя относиться как к инструкции, спущенной “сверху” раз и навсегда... Первобытный человек учит язык родства, создавая (“употребляя”) этот язык» [95, с. 91].

[12] Сам Б.Уорф отдавал должное Ф.Боасу как сделавшему первые шаги в создании этой гипотезы [421, с. 11].

[13] В настоящее время КА с успехом применяется в морфологии (см.: [129; 130]) и синтаксисе [958], но особенную роль он приобрел для исследования лексической семантики (см.: [1197; 1833; 618; 1087; 63, с. 9-10; 184, с. 217-219; 509; 43; 258; 265; 302; 303; 227; 840; 606; 988; 759; 760; 761; 762; 559; 963; 958, с. 16; 798]).

[14] Активно применялся КА в изучении СТР представителями российской лингвистической [519; 259; 407; 484; 1599; 170; 765] и этнографической [466; 969; 973; 423; 443; 46; 687; 688; 689; 691; 118; 267; 271; 997; 501; 502; 504; 817; 818; 226; 625; 128; 580] школ. Применение КА не ограничивается рамками естественного языка и СТР (см.: [472]). В.В.Пименов подверг КА традиционную культуру удмуртов (см.: [669]). В.В.Иванов и В.Н.Топоров использовали метод поиска дифференциальных переменных для описания религиозно-мифологических систем [351, с. 140-141; 876].

[15] См. также дискуссию по поводу статьи Р.Бёрлинга «Компонентный анализ: панацея или фокус-покус» [1328; 1442; 1519; 1157].

[16] Ср. у А.Кробера: «Термины родства отражают не социологию, а психологию. Они определяются главным образом языком и могут использоваться для социологического анализа очень осторожно» [1582, с. 27].

[17] Следует отметить, что идеи Ф.Лаунсбери о значении социального контекста для терминологической системы были восприняты, с одной стороны, Кембриджской школой «тезаурусов», выдвинувшей концепцию языка как системы контекстов (см.: [336; 39, с. 124-127; 180, с. 162]); а с другой – теорией семантических прототипов [1605, с. 22-23]. Само применение ТА не к синтаксису, а к общей лексике нашло продолжение в работах других исследователей (см., например: [535]).

[18] М.Дурбин предложил применять ГА также для описания религиозных систем, в частности таких высоко формализованных, как джайнизм (см.: [1258]). Некоторые частные методы ГА, например, выделение поверхностных и глубинных структур, апробированы на материале мифов (см.: [1150]).

[19] Между генетикой и лингвистикой обнаружились точки соприкосновения после того, как выяснилось, что генетический и языковой коды объединены структурным сходством, с одной стороны, и функциональной близостью – с другой: оба кода служат для передачи информации (см. в этой связи дискуссию между Р.Якобсоном и Ф.Жакобом: [1022; 330], а также: [213; 214; 221; 726]).

[20] См. Приложение I и 10.10.10. относительно линейности пигмейских номенклатур (по К.Тёрнбуллу).

[21] Наряду с симметрично-прескриптивной (*symmetric prescriptive*) номенклатурой с диагностическим уравнением в 0 поколении ДДхРРу = С (= ДхРСх), Р.Нидэм и его последователи пользуются такими типологическими единицами, как симметрично-линейная (*symmetric lineal*) (ДДхРРу ≠ ДДхРРх), асимметрично-линейная (*asymmetric lineal*) (ДДмРРж ≠ ДДжРРм ≠ [ДДмРРм = ДДжРРж]), асимметрично-прескриптивная (*asymmetric prescriptive*) (ДДжРРм ≠ [ДДмРРж = С (= ДхРСх)] и когнатная (*cognatic*) номенклатуры (ДДхРРу = ДДхРРх = ДР) (см. обобщение в [1413, с. 273]). Когнатный тип тождественнен генерационному («малайскому», «гавайскому») или, в нашей терминологии, инкорпорирующему типу.

[22] Брачная прескрипция является частным случаем (или, в некоторых трактовках, фундаментальным основанием, восходящим к безусловному инстинкту биологического воспроизводства) общей системы, описываемой гипотезой первобытного синкретизма, «целостного социального факта», «единой символической классификации», которая

разрабатывалась в разное время М.Моссом А.Хокартом, К.Леви-Строссом и самим Р.Нидэмом (см., например: [367]).

[23] Исследователями неоднократно признавалась значимость принципа взаимности для социальной жизни как архаических, так и современных обществ (см.: [1635; 1639; 1391]). Х.Бекер даже присвоил человеку имя *Homo reciprocus* [1082], а Б.Малиновский одну из глав своей работы «Преступление и обычай в первобытном обществе» прямо назвал «Взаимность – основа социальной структуры» [1701, с. 46-49]. В ней он отмечает, что у тробрианцев все отношения между людьми «организованы в хорошо сбалансированную цепочку взаимных услуг» [1701, с. 46]. Впоследствии идеи Б.Малиновского о циркуляции материальных благ и услуг между людьми были развиты сторонниками субстантивизма в экономической антропологии (К.Полани, М.Салинзом) [752, с. 178]. С.Такс считал взаимность исходной моделью поведенческих форм. «Если отсутствуют основания для обратного, люди ведут себя в отношении друг друга одинаково» [2097, с. 21]. З.Фрейд, М.Фортес и Д.Фриман возводили в ранг «первичной связи» амбивалентность как психологическое содержание социальной взаимности [930, с. 377; 1315, с. 237; 1331]. В другой форме идея о «фундаментальном чувстве взаимности» зародилась в недрах французской социологической школы. Начало ей положил М.Мосс, указавший на значение дара и обмена в архаических обществах [1723]. К.Леви-Стросс подхватил эту идею и построил теорию универсального обмена, согласно которой вся жизнь общества представляет собой постоянный обмен – обмен подарками, взаимными услугами, женщинами. В настоящее время семиотические исследования рассматривают универсум как таксономию различных видов обмена, наивысшим из которых признается обмен информацией (см.: [546]). Значение взаимности отмечается не только современной социологией, но и первобытной космологией. Так, древнеиндийский символ пространства-времени Пуруша обладал свойством «быть родителем своих родителей». От него родилась Вирадж, а он родился от нее («Ригведа», X, 190). Ср. в родословной Адитьев: «От Адити Дакша родился, И от Дакши – Адити» («Ригведа», X, 72, 4-5).

[24] В дальнейшем разные исследователи неоднократно повторяли вывод о том, что ВТР обозначает не конкретных родственников (группы родственников), а само родственное отношение (см.: [1938, с. 701; 1661, с. 166; 2017, с. 69; 537, с. 205-207]).

[25] Ряд других этнографов также связывали различные варианты СТР с особенностями языка (см., например: [1569; 1365, с. 193]), однако неразработанность проблемы соотношения знака и значения для ТР, а также факт несовпадения языковых групп и семей с типами СТР (см.: [1670]) не позволили продолжить исследование в данном направлении.

[26] В отличие от матрилатерального кросскузенного брака, который устанавливает «кольцевую связь родов» (Д.А.Ольдерогге) и повторяет в каждом поколении структуру распределения ролей «давателей жен» и «получателей жен», патрилатеральный кросскузенный брак в каждом новом поколении переворачивает эту структуру, и женщины начинают циркулировать в обратном направлении. В результате этого унилатеральные группы вовлекаются в «прямой обмен» попарно.

[27] Термин «киральность (хиральность)» широко применяется в стереохимии по отношению к оптически активным молекулам, т.е. молекулам, не тождественным своему зеркальному отражению [806, с. 12-13]. В биологических системах киральная молекула и ее зеркальное отражение, описываемые с точки зрения направленности их вращательной дисперсии (левосторонней или правосторонней), являются энергетически равноценными (энантиомерными). Нарушение паритета силами слабого взаимодействия приводит к активизации одних молекул и стабилизации других. За исключением некоторых видов бактерий, стенки клеток которых содержат правосторонне вращающиеся аминокислоты, белковая основа большинства живых организмов состоит из 20 левосторонних аминокислот (см.: [1714]). Действию принципа киральности отводится центральное место в теориях происхождения жизни (см., например: [1970]). В процессе эволюционного перехода от добиотической к живой материи формированию противоположно направленных молекул на поверхности земли могло способствовать неравномерное распределение в течение суток правосторонне поляризованного и левосторонне

поляризованного солнечного света (см.: [2209; 1235а]). В.А.Попов, введший понятие киральности в гуманитарную сферу, усматривает действие этого принципа в некоторых структурах родства (МК и МО, бифуркативно-линейность и генерационность) [691, с. 69, прим. 106], в механизмах перераспределения прибавочного продукта в раннеполитических организмах [698, с. 330], в открытых И.Ш.Козинским [436] универсалиях глагольной аффиксации и порядка слов в языках мира. В ракурсе принципа киральности можно, думается, рассматривать и теорию положительно и отрицательно пассионарных личностей Л.Н.Гумилева (см.: [261, с. 258-298]). Пассионарии, осуществляющие целенаправленную работу в узкой сфере интересов, вносят асимметрию в общественное разделение труда. Об энантиоморфизме и киральности в анатомическом и физиологическом строении человека и отражении этих структурных особенностей в языке см.: [1633]. Киральность – частный случай принципа комплементарности, значение которого для социальных наук было определено Н.Бором [131] и Г.Гьессингом [1368].

[28] Специальную критику позиции Э. Бенвениста см. в: [2120, с. 84-88].

[29] Термин «дисперсный брачный альянс» был введен в оборот Р.Маккинли [1694, с. 411-412]. Дж.Мёрдок предложил термин «максимальная унилинейная экзогамия» [1786, с. 672]. Это понятие входит в круг таких явлений, как билатеральный кросскузенный брак, прескриптивный унилатеральный кросскузенный брак, кольцевая связь родов и описывает брачный порядок, при котором унилатеральная или унилинейная единица (клан, линидж) входит в брачные отношения не с одной группой, а с как можно бóльшим количеством других родов или линиджей. Дисперсный брачный альянс идентифицируется присутствием запрета на брак с членами линиджа матери в патрилинейном обществе или с членами линиджа отца в матрилинейном обществе. По К.Леви-Строссу, слияние кросскузенов с членами матрилинии отца в МК и с членами патрилинии матери в МО маркирует перенос запрета инцеста на эти категории лиц.

[30] Этот подход получил высокую оценку современников [1315, с. 76], а принцип единства группы сиблингов по-прежнему считается основным структурообразующим принципом СР архаических обществ (см.: [228, 48-49; 234; 602; 689, с. 110-112]). Для некоторых случаев генерационного скоса, например, когда в обществе с «двойной филиацией» присутствует и МК, и МО, принцип «единства линиджа» считается наиболее адекватным объяснением [1348, с. 319].

[31] Теория Р.Маккинли встретила резкую критику Р.Барнеса [1071], но получила поддержку П.Хэнена, исследовавшего «скос омаха» у папуасов-мой [1428].

[32] Ср. утверждение Ф.Эггана о том, что ВТР у акома и лагуна (пуэбло) «особенно хорошо согласуются с “вневременным” характером линиджа и рода, поскольку они воспринимаются как бесконечно протяженные в прошлое и в будущее. Каждое поколение представляет собой лишь одно из бесконечного ряда поколений и имеет значение лишь для собственных членов» [1272, с. 269].

[33] У Н.М.Гиренко: «унилатеральным социальным организмом родства» [230, с. 20].

[34] В рамках имеющейся в российской этносоциологии теории различия между унилатеральными (основанными на групповом счете родстве) и унилинейными (основанными на индивидуальном счете родства) институтами (см.: [228; 230; 689, с. 122–129], а также дискуссию в АР-3 и библиографию в [285, с. 225-226]), можно сказать, что у минангкабау отсутствие генерационного скоса сочетается с матрилатеральностью, а у аканов наличие скоса коррелирует с матрилинейностью.

[35] Шкалограмный метод был разработан психологами и успешно применялся в других отраслях знания (в частности, в археологии). Его цель – классификация однородных объектов в шкальные типы на основе наборов логических соответствий. В СТР такие соответствия возникают в результате формального отождествления различных родственных отношений (например, Рм = ДмРРм, $Р^2 = Д^2$, ДДхРРх = ДР).

[36] Рецензии на работы мимологов см.: [82; 296; 854; 952].

[37] В современной этносоциологии явление тождественности имен родовых объединений, входящих в состав разных этнических групп, называется этнической непрерывностью (см.: [479; 45]).

[38] Не случайно, по-видимому, романтическое увлечение европейцев индейской культурой, как и романтическая привязанность антропологии к «родству», нередко аллегорически уподобляются «любовному роману» (см.: [1877, с. 344-345; 1896]).

[39] В свете предлагаемого здесь перевода *Dasein* как «самобытность», перевод другого понятия из хайдеггеровской аналитики повседневности, а именно *Selbst-sein* (букв. «самобытие»), следует также сместить со своего подстрочника и понимать как «самостоятельность», что точно передает его смысл как состояния определенности, приобретаемое *Dasein* в процессе жизни.

[40] Дополнительное подтверждение разумности перевода *Dasein* как самобытности содержится у самого М.Хайдеггера, который, со ссылкой на В. фон Гумбольдта, указывает на связь в ряде языков обстоятельств места («здесь», нем. *da*) с личным местоимением 1 лица ед.ч. («я») [939, с. 119] (на этот момент обращается внимание в [824, с. 47-48]).

[41] В частности, на псевдородственников может распространяться вся совокупность экзогамных запретов (см., например: [257, с. 122; 304, с. 111-112; 908, с. 121; 277а]).

[42] Как отмечает в критической статье, посвященной М.Хайдеггеру, В.А.Подорога, «даль может быть бесконечно более близкой, чем самая близкая близость, исчисляемая метрическими параметрами, и наоборот» [677а, с. 40].

[43] Категория служебности (*Dienlichkeit*) рассматривается М.Хайдеггером в работе «Исток художественного творения» [938].

[44] Ср. также толкование смерти в «Даре смерти» Ж.Деррида [1234а] как единственной ситуации, в которой человек остается действительно наедине с самим собой.

[45] Из факта такого осознания родства закономерно следует употребление иденонимов в отношении объектов нечеловеческого пространства – животных, растений, вещей, духов и т.п. (см., например: [386, с. 51; 673, с. 111; 27, с. 26-29; 802, с. 84-85]).

[46] Ср. у М.Хайдеггера: «Если, соответственно, в качестве от-чего ужаса выступает ничто, т.е. мир как таковой, то этим сказано: перед чем ужасается ужас, есть само бытие-в-мире» [939, с. 187].

[47] Под названием «парадокса Рассела» в философии известна антиномия, на которую Б.Рассел указал в письме Г.Фреге от 1902 г. и которая формулируется им как проблема приложимости предиката «быть предикатом, который не приложим к самому себе» к самому себе (см.: [926, с. 42-44].

[48] У индейцев-хопи детей с раннего детства приучали к тому, что Качина действительно боги, являющиеся в селение каждый год и наказывающие детей за непослушание. И только во время обряда инициации (т.е. в 7-10 лет) ребенок узнавал, что под масками Качина скрываются реальные люди – его родственники-мужчины. Одна из женщин-хопи так описывала психологические последствия такого открытия: «Всю ночь я рыдала, уткнувшись в овечью шкуру. Я поняла, как жестоко была обманута. Как после этого я буду опять смотреть на то, как пляшут Качина? Я ненавидела родителей, мне казалось, что никогда больше я не поверю в эти басни. Неужели Боги действительно танцуют перед хопи, как те утверждают, а людей действительно ждет жизнь после смерти?! Мне невыносимо было смотреть, как обманывают других детей, меня бесило, когда мне говорили, что теперь я уже взрослая и должна вести себя как подобает взрослой. Но я боялась рассказать другим правду, зная, что за это меня исхлещут до смерти. Теперь-то я знаю, что лучшего способа научить детей уму-разуму нет, но прошел немалый срок прежде чем я это поняла. Надеюсь, моим детям не придется пережить подобное» [1271, с. 364, прим. 17].

[49] Ср. в этой связи *иденоглифы* – первобытные татуировки как знаки принадлежности к возрастному, брачному классу, а также телесные знаки (точки, линии), выполнявшие роль «терминов родства» у южноамериканских ботокудов-кайнганг (см.: [1475]). Иденоглифы можно противопоставить фенемам как идентификационно значимым телесным признакам, среди которых важную роль играют родимые пятна, используемые некоторыми группами в качестве идентификаторов реинкарнировавшегося предка и фигурирующих в эпосе как средства признания героями своего родства (например, в некоторых вариантах мотива борьбы Ильи Муромца с сыном) (см., например: [882, с. 138; 78, с. 116-117]).

[50] Ср.: «У всех теоретиков системы и у философов поразительно схожи сами определения понятия системы, хотя ни у тех, ни у других это понятие не имеет действенного значения как инструмент, облегчающий конкретную исследовательскую работу» [36, с. 24]. П.К.Анохин, стремясь феноменологически нейтральное понятие системы сделать более активным и каузальным, заменяет термин «взаимодействие» неологизмом «взаимосодействие» и ставит во главу угла понятие результата: «Системой можно назвать только такой комплекс избирательно вовлеченных компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношение приобретают характер взаимосодействия компонентов на получение фокусированного полезного результата» [36, с. 33]. К такому выводу ученый пришел в экспериментальной лаборатории, изучая конкретные процессы компенсаторного регулирования. Взаимную открытость элементов у М.Хайдеггера можно сравнить с понятием «взаимосодействия» у физиолога П.К.Анохина.

[51] М.М.Бахтин в работе «К философии поступка» [84] пришел к тому же выводу, что и Н.Луман: каждое человеческое действие обладает статусом знака. Б.Малиновский отмечал, что «слова являются составной частью действия и тождественны действию» [1706, с. 9]. Ту же мысль высказывала и О.М.Фрейденберг относительно ритуала: «Всякое слово тождественно действию; всякое название есть воспроизведение действия» [934, с. 104].

[52] Ср. мысль М.М.Бахтина, перекликающуюся с онтологией М.Хайдеггера: «*Не-я* во мне, то есть бытие во мне, нечто большее меня во мне» [85, с. 371; выделено в оригинале].

[53] В несколько ином контексте та же идея присутствует уже у Б.Малиновского, который писал относительно «отцовства» у тробрианцев: «До сих пор я пользовался словом «отец», когда указывал на то родственное отношение, которое обнаруживается в обществе тробрианцев, но читателю должно было понятно, что это слово должно быть взято не с теми разнообразными юридическими, моральными или биологическими импликациями, которые оно имеет у нас, а в смысле, сугубо специфичным для общества, с которым мы имеем дело. Чтобы избежать реального искажения лучше всего было бы пользоваться не нашим словом «отец», а местным *tama* и говорить не об «отцовстве», а об «отношении *tama*» [1702, с. 15].

[54] Согласно статистике А.Хорнборга, из 48 обследованных этносов тропической Южной Америки такую форму наследования имеют 28 этносов [1509, с. 185, прим. 11].

[55] О необходимости согласования фаз развития СР со стадиальностью менталитета см.: [695; 696].

[56] «Она [форма родства. – Г.Д.] является действительной необходимостью для всех без исключения, ибо каждое родственное отношение глубоко личностно для Эго» [1773, с. 15].

[57] Ср. наблюдение М.Мерло-Понти о том, что во времени, как и в пространстве, имеется уровень проносящихся «перед носом» движущегося субъекта предметов и уровень предметов, застывших на горизонте [596, с. 531].

[58] В этой сказке люди не могли посчитать всех членов своей компании, потому что каждый, кто брался за счет, забывал посчитать самого себя. Помог прохожий, посоветовавший им ткнуться носами в землю и пересчитать ямки.

[59] В качестве параллели предлагаемой модели эволюции СР приведем мысль В.Н.Топорова об эволюции организации пространства в архаическом искусстве: «Коренное отличие “искусства” палеолитической эпохи от искусства эпохи “мирового дерева” заключается в следующем: если в палеолитической живописи *отсутствие организации внутри каждого отдельного рисунка…компенсировалась организацией всей данной совокупности рисунков, обусловленной структурой подземного святилища*…, то в искусстве эпохи “мирового дерева” организация извне вводится в изобразительное пространство…, оно приобретает черту идеально организованной системы, которая моделирует и статические и динамические аспекты бытия…» [877, с. 95; выделено мной. – Г.Д.].

[60] Ср.: миф как повествовательный текст и миф как «парадигматическая единица, для которой повествовательный текст… является только реализацией» [75, с. 234].

[61] Ср.: у Н.М.Гиренко: «Если исходить из первичности хозяйственной основы, то можно сказать, что на ранних стадиях родственник – тот, кто член хозяйственного коллектива, а на поздних – причастен к хозяйству тот, кто является родственником. Это – переход от

превалирования хозяйства к возникновению родства как юридической нормы [231, с. 25; курсив мой. – Г.Д.] (см. также: [235, с. 103]).

[62] В качестве примера экономического обмена как основы родственно-свойственной связи приведем следующее описание СР ньякьюса: «Пока не передан скот, – говорят ньякьюса, – между группой мужа и группой жены нет родства (*ubukamu*). “Жена, за которую не был отдан скот, не является моей родственницей (*unkamu*)… Среди нас скот – это и есть родство (*Uswe ubukamu syo nombe*)”» [2205, с. 121].

[63] Здесь уместно вспомнить современника Л.Г.Моргана Н.-Д.Фюстель де Куланжа, который в книге «Древний город» (1864) выдвинул теорию, согласно которой в древности (он имел в виду прежде всего Грецию, Рим и ведическую Индию) «домашнее почитание предков и составляло родство» [1341а, с. 58 и далее].

[64] Ср.: «…Предельная возможность смерти – это способ бытия *Dasein*, при котором оно просто-напросто отбрасывается к себе самому, – целиком и полностью, так что даже событие [т.е. рождение в нашей системе интерпретации М.Хайдеггера. – Г.Д.] в его конкретности становится иррелевантным» [940, с. 335].

[65] Неоднократно отмеченные уникальные способности человека к адаптации к любой естественной среде следует понимать не как специальное *свойство* человека как вида, явившееся *результатом* его эволюции, а как условие и принцип эволюции живой природы как таковой, заставляющие переосмыслить общую эволюцию как частную эпистенцию.

[66] М.Хайдеггер особо обращает внимание на то, что под установлением границы следует понимать не отрезание, а собирание; и что «граница является тем, исходя откуда и в чем нечто начинается, распускается в качестве того, что оно есть» [941, с. 127].

[67] Нередко можно встретить утверждение, что в «социальном организме родства» основу составляет половозрастной дуализм [231], хотя у того же автора присутствует идея пересечения «половозрасной дуальности» с «локальной дуальностью» в смысле «наша – не наша группа» [231, с. 25]. Понятие локальной дуальности приближается к нашему пониманию категории поколения.

[68] В рамках традиции или моды на «прелогическое» мышление об этом еще писала в 1924 г. Л.Аксельрод: «Незнание законов и содержания собственной духовной природы приводит его [дикаря. – Г.Д.] к тому, что он отделяет свою психическую жизнь от самого себя, удваивает чувстсвенно воспринимаемый реальный мир и самого себя…» [18, с. 112] (см. также: [1009, с. 2-3]). Не писала она только о том, что цивилизованный человек делает то же самое, но в другом месте (или точнее: на другом *витке* места).

[69] Ср.: у П.Л.Белкова: «В системе современных представлений о родстве [т.е. в «описательной» СР. – Г.Д.] “растворена”, “зашифрована” в разъятом виде идея “локального” родства» [96, с. 75].

[70] Как известно, К.Леви-Стросс выступил яростным противником теории «прелогического» мышления Л.Леви-Брюля и доказывал, что тотемистические представления и мифологические повествования основываются на тех же мыслительных операциях, что и формальная логика. Просто они оперируют разным материалом: понятийное мышление работает с понятиями, а мифологическое мышление работает с образами окружающего мира – животными видами, орудиями труда, частями тела и т.п. Мифотворчество – это и есть наглядно-ситуативный способ обобщения [720а, с. 67]. По нашему мнению, отличия между «первобытным» мышлением и «цивилизованным» являются не просто «щепками» технологического прогресса, меняющего материальные средства мыслительных операций, а отражают глубинные трансформации в структурах адаптации человеческих особей друг к другу, которые параллельно вызывают к жизни и технологические изменения.

[71] Разграничение предмета языка и предмета речи выражается в традиции рассмотрения семантического плана языка как неоднородного и структурированного (ср.: «значение» и «смысл» у Г.Фреге, «экстенсионал» и «интенсионал» у Р.Карнапа, «референция» и «значение» у У.Куайна, «денотат» и «сигнификат» у А.Черча, «форма плана содержания» и «субстанция плана содержания» у Л.Ельмслева, «семиотика» и «семантика» у Э.Бенвениста).

[72] Эти элементы также известны как «индексы» [1884], «эгоцентрические частицы» [725, с. 119-127; 44], «знаково-возвратные слова» [734, с. 130], «дейктические слова» [41; 462], «подвижные определители» [873], «дейктонимы» [8]. Термин «дейктоним» представляется наиболее удачным.

[73] Примечательно в данной связи частое соотнесение в различных языках пространственно-временных лексем с частями человеческого тела (см., например: [1633]).

[74] Ср.: «По своей действительной сущности язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый момент преходящее. Даже его фиксация посредством письма представляет собой далеко не совершенное мумиеобразное состояние, которое предполагает воссоздание его в живой речи. Язык есть не продукт деятельности (*Ergon*), а деятельность (*Energeia*). Его истинное определение может быть поэтому только генетическим. Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли» [260, с. 70]).

[75] Ту же мысль высказывала и О.М.Фрейденберг относительно ритуала: «Всякое слово тождественно действию; всякое название есть воспроизведение действия» [934, с. 104].

[76] Показательны в этой связм названия серийных лексикологических исследований. Например, из под пера О.Н.Трубачева выходят такие работы: «История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя» (1959), «Происхождение названий домашних животных в славянских языках» (1960), «Из истории названий каш в славянских языках» (1960). Серия махачкалинских сборников под общим названием «Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков» включает в себя такие выпуски, как «Термины родства и свойства» (1985), «Соматические термины» (1986), «Названия деревьев, трав, кустарников» (1989).

[77] Во многих языках ребенок обозначается словами, буквально значащими «неговорящий», например *enfant*, *отрок*, *немовля*. У эфиопских оромо старики и неинициированные дети объединяются в одну категорию под названием «немые» [401, с. 20-21].

[78] Это противопоставление не учитывается в существующих грамматико-семантических теориях. «Бытийность рассматривается нами как семантическая категория, объединяющая различные варианты значений существования, бытия, наличия» [855, с. 52].

[79] В русском языке значимость «личной сферы» проявляется, например, в эксклюзивной привязке посессивной конструкции «у X есть Y» к именам, обозначающим 1) часть тела (*В молодости у него были усы*); 2) лицо (*У него есть брат*); 3) опредмеченное качество, свойство, внутреннее состояние X-а (*У мальчика есть талант*; *У меня озноб*); 4) событие (*У нас собрание*; *У соседей несчастье*) [855, с. 102].

[80] Ср. у М.Мерло-Понти: «…“Понимать” значит постигать тотальную интенцию – не только то, чем могут быть для представления “свойства” воспринятой вещи…, но и единственный в своем роде способ существования» [596, с. 18].

[81] М.Мерло-Понти описывает клинические последствия ранения в голову у одного из больных, которые, думается, описывают именно нарушение структур молчания, а не структур говорения и понимания: «Бывает, что словарный запас, синтаксис, тело языка кажутся незатронутыми (с той единственной оговоркой, что в речи преобладают главные предложения), но больной не пользуется этими материалами как нормальный субъект. Он говорит лишь в том случае, если его спрашивают или если сам берется задать какой-то вопрос, его вопросы всегда стереотипны, как те, что он ежедневно задает своим детям, когда они возвращаются из школы…. Он может говорить только при том условии, что подготовил свои фразы. Нельзя сказать, что речь стала у него автоматической, ничто не свидетельствует об ослаблении общей способности мышления, и слова организуются именно посредством их смысла. Но этот смысл словно застыл. Шнайдер никогда не чувствует надобности говорить, его опыт никогда не обращается к речи, не порождает в нем никакого вопроса, он все время пребывает в своего рода очевидности и достаточности реального, которое душит всякое вопрошание, всякую отсылку к возможному, всякое удивление, всякую импровизацию. *По контрасту здесь выявляется сущность нормального языка: интенция речи может обретаться лишь в открытом опыте,*

она появляется как кипение жидкости, когда в толще бытия образуются и устремляются вовне какие-то пустоты» [596, с. 254-255; выделено мной. – Г.Д.]

[82] У многих этносов бытует обычай скрывать личное имя или иметь два имени: тайное и публичное.

[83] Эту же триаду можно определить и как «бытие-в-себе», «бытие-для-себя» и «бытие-само». В философии обычно признаются только первые два вида бытия, которые суть вещный мир и познающее сознание.

[84] Фактор молчания представляется актуальным и для общей теории индивидуального самосознания. Психоанализ, особенно его лакановская версия, а также так называемые «culture studies» систематически включают в описание структур субъективности параметр «активного отсутствия» и «фрагментированной идентичности»: то, что такое «я» неотделимо от того, чем я не являюсь, чем я хотел бы быть и чем я мог бы быть.

[85] Термин «регистр» воспринят здесь из функциональных исследований грамматики и речевых стилей (см., например: [1437; 1438]). Им обозначается род деятельности, в которую вовлечены участники речевого общения. Языковой регистр включает в себя понятия средства общения (устное, письменное и т.п.), сферы деятельности (наука, религия, искусство и т.п.) и взаимного социального статуса коммуникантов.

[86] Выступая против лингвистического логоцентризма, Ж.Деррида ставит в таких же терминах проблему соотношения языка и письма: если письменное слово считается искусственным искажением и огрублением слова произнесенного, значит можно подозревать, что письмо относится к сущности языка более непосредственно, чем устная речь. Анализируя мнение К.Леви-Стросса о том, что с появлением письменности «традиционная» культура намбиквара была лишена своей естественности, Ж.Деррида отмечает, что классификационные схемы всегда вписаны в человеческую коммуникацию и, в качестве прописьма, выступают в роли структурирующего начала языка [1233].

[87] Принципиальное отличие данной формулировки от моделей «*competence* ⇔ *performance*» и «смысл ⇔ текст», претендующих на описание атомарного уровня языка и преобразований «атомов» языка в языковые «организмы» состоит в том, что в нашей модели «performance ⇔ presence» эти мельчайшие языковые элементы понимаются не как конструируемые исследователем на основании его собственных представлений о языке, а как уже существующие в языке и имеющие фонетическую форму и абстрактное содержание, отличие которых от формы и содержания остальных языковых элементов подобно отличию условия существования предмета от способа существования предмета. Аналогичным образом, элементарные структурные единицы мифов («мифемы» К.Леви-Стросса, понимаемые им как фразы, организованные вокруг определенного предиката, и далее как пучки предикатов) должны в каждом языке маркироваться особыми классами слов.

[88] Понятие контроля не нашло своего места в якобсоновской модели речевого акта, хотя с этим феноменом Р.Якобсон непосредственно сталкивался при исследовании афазии и прочих речевых отклонений, а также процесса усвоения языка детьми.

[89] Такое употребление термина «подтекст» не противоречит принятому в литературоведении и фольклористике значению этого слова как скрытой семантической мотивировки сюжета, проистекающей из биографии автора, действительности или другого текста (см.: [713; 522]).

[90] Ср. употребление английского термина *event* в сходном смысле: [1557; 1220]).

[91] Известен обычай давать ребенку как оберег имя, производное от названий соседних (нередко враждебных) народов [124, с. 179; 717, с. 102].

[92] Ср. в этой связи фольклорный мотив о друзьях-«близнецах», герои которого рождены в один день, но от разных родителей, обладают разительным физическим сходством и предуготованы к дружбе божественной волей (см.: [755]).

[93] Об определении внешнего и внутреннего свойства см.: [973, с. 19].

[94] Функцию медиаторов выполняют и другие элементы языка: например, связка *быть* нейтрализует оппозицию между глаголами действия и глаголами состояния; шифтер *теперь* – оппозицию между *сейчас* и *потом*; местоимение *я* – оппозицию между эксклюзивным и инклюзивным *мы*; числительное *один* – оппозицию между *два* и *половина*.

[95] Иденотивный характер числительных, затемненный в абстрактной системе счета, присущей живым индоевропейским языкам, более явственно просматривается в языках архаических обществ. Например, в каяпо понятие «один» выражается как *pudi* «один, в одиночестве»; «два» – как *amaikrut*, букв. «оба», «три» – как *amaikrut i keket*, «четыре» – как *amaikrut amaikrut*, «пять» – как *amaikrut amaikrut keket*, «шесть» – как *amaikrut amaikrut amaikrut* [1709, с. 236].

[96] «Коннектором», или «связующим родственником» обозначается генеалогическая категория, через которую отсчитывается родственное отношение между эго и альтером. Например, «отец» определяется как коннектор между эго и его «дядей по отцу» (см.: [689, с. 149, прим. 3]). Троичность генеалогической матрицы следующим образом описывается А.Рэдклифф-Брауном: «Посредством вышеперечисленных правил, которые в конкретной форме могут быть выражены на генеалогических схемах, можно немедленно установить степень родства между двумя любыми лицами, показав степень их родства с третьим лицом» [1899, с. 154].

[97] В языке гураге (Эфиопия) «бабка» обозначается как «верхняя мать» (см.: [1629]).

[98] Приведем несколько примеров, показывающих взаимодействие иденонимов и фенонимов. У ньямвези (Танзания) существует особый ритуал приветствий. При встрече двух ньямвези если один желает проявить к другому особое уважение, то он перечисляет ряд имен «дедов» (т.е. предков через поколение) второго. У ньямвези и кимбу ТР повторяется «по принципу деды – отцы – деды – отцы и т.д.» [231, с. 34-39]. Такая «чересполосная», как назвал ее Н.М.Гиренко, номенклатура фиксируется также у балийцев [235, с. 280].

[99] Этимологическая связь между иденонимами (гамонимами) и этнонимами может быть либо весьма прозрачна (см.: [1378]), либо обнаруживаться после глубокого анализа (см.: [83]).

[100] Напомним, что Дж.Макленнан, полемизируя с Л.Г.Морганом, вообще сводил иденонимы к формам взаимных приветствий [1697, с. 331-407]. Связь иденонимов с индексальными ционимами может выражаться и в обратном, а именно в их частом вхождении в инвективные обороты (об использовании иденонимов в инвективах см., например: [2005, с. 104 /о хауса/; 2106 /об австралийцах п-ва Кейп-Йорк/; 333; 334]).

[101] Показателен в этой связи фрагмент из рассказа В.А.Гиляровского «Дядя»: «Всю последнюю турецкую войну я пробыл в партизанской команде, в Азии. Командовал нами старый есаул... Звали мы его все «дядя». *И не было ему другого подходящего названия*. Рост – вершков двадцать, сухой, жилистый, серебряный целковый в трубочку свертывал, а шашка у него была семифунтовая; были примеры, что этой самой шашкой он при отступлении и голову, и правую руку вместе с плечом, наискось, через грудь, отсекал. Вот к такому-то молодцу и попал я, и любимцем его сделался. Куда он – туда и я... Кого он любил – племяшем звал» [225, с. 200-201; выделено мной. – Г.Д.].

[102] Или: «Термин родства сам по себе бессмыслен, структурное значение имеет только отношение, выраженное парой полярных терминов» [1620, с. 34-35].

[103] О парадоксе в противоположность тавтологии см.: [549а].

[104] Подобным же образом, в философии М.Хайдеггера истина (греч. *áletheia*, букв. «непотаенность») представляется не как результат разложения вещи на составные части, а как открытость субъекта ее самородной наполненности, усиление и слияние с ее таинственностью.

[105] Связь по сходству есть функция восприятия (перцепции), метонимическая связь есть функция материального мира, синекдохическая связь есть функция категориальная (о различии между метонимией и синекдохой как о различии эмпирического и категориального см.: [2020]), тогда как притяжательность – это функция социальная.

[106] Семантическая структура иденонима может быть эмпирически проиллюстрирована на примере представлений некоторых групп о реинкарнации (см. 12.1. и Приложение III).

[107] Основываясь на классическом труде Г.Зиммеля [2038], можно сказать, что товарно-денежная экономика сыграла в европейской культуре двойственную роль: с одной стороны, деньги разорвали старые семейно-патриархальные узы, а с другой – упростили создание новых социальных связей за счет внедрения алгоритма максимальной нейтрализации личностных различий. Если иденонимы – это своего рода деньги, то социальная функция личности есть соответствующий им товар. Исследователи указывают на близкое сходство

поведения «душ» в традиционном обществе, циркулирующих от поколения к поколению в виде родовых имен и осознаваемых как движимое имущество родственного коллектива (скажем, «душевно-именные отношения»), и товаров в индустриальных обществах, циркуляция которых разворачивается не во времени, а в пространстве (см.: [2037; 1422]). Интересно, что в концепции «фетишизации товара» К.Маркса, как метафорической интерпретации значения предмета экономического обмена в терминах значения предмета религиозного поклонения, присутствует такое же парадоксальное соединение форм, что и в знаковой сущности иденонима.

[108] Наличие более высокого уровня «письменности», чем письменность фонетическая, свидетельствует против мнения об иерархическом и однозначно эволюционном отношении между фонетическим и пиктографическим видами письма. Две формы общего содержания не могут происходить друг от друга.

[109] Термин «семасиография» был введен И.Гельбом для обозначения всей совокупности нефонетических систем передачи информации от пиктограмм до «мнемонических средств» типа алгонкинских вампумов или кечуанских кипу [1349a]. В отличие от фонетического письма, семасиографии не воспроизводят звуковые ряды названий вещей, а соотносятся непосредственно с самими вещами и передают не дискретную информацию, а непрерывный поток социальной деятельности в повседневных и ритуальных контекстах [1971, с. 2-3].

[110] Заметим, что диалогичность, разграничение предметной и персональной сфер, акты кодирования и декодирования сообщений – краеугольные камни существующих моделей речевого акта – применимы для описания общения посредством символов и индексов. Мимемные знаки строго монологистичны.

[111] Это утверждение можно считать избыточным, коль скоро в представленной в работе перспективе существующая система описания естественного языка (включая такие понятия, как «произвольность», «мотивированность» знака, «система языка», «система речи») не имеет операционного значения для описания иденонимов.

[112] Речевую произвольность демонстрируют и другие имена «релятивной семантики» (один и тот же человек является *учеником* для одного (учителя) и *одноклассником* для другого), но количество потенциально применимых к одному лицу терминов в этом случае значительно меньше, чем в случае иденонимов.

[113] Ср., например: у дербетов *баава, бааже*, *дээдэ, ээдэ* Рм для старших детей, а *аава* Рм для младших детей; *аака* Рж для старших детей, а *ээж* Рж для младших детей [264, с. 170]); у корейцев ребенок зовет своего отца *а.ппа*, а взрослый – *а.пô.чи*; ребенок зовет своего старшего брата *хйôнъ*, а взрослый – *хйôнъ-ним* и др. [55, с. 199]; у туркменов-йомудов *ата, кака* «отец в пожилом возрасте», *дэдэ* «отец средних лет» [493, с. 80-81]; у саамов один холостяк настаивал на том, чтобы дети его племянника называли его так же, как их отец *(æno),* хотя нормативно он был для них *ad'dja* (с коннотацией «старик»). Это было вызвано тем, что, по мнению первого, этот термин его старил [2187, с. 105] (там же другой пример подобного рода). В условиях ухудшения брачной обстановки один из лидеров яноама (Бразилия) перевел некоторых своих классификационных сестер в другие категории для того, чтобы его сыновья могли взять их дочерей себе в жены [1005, с. 365]. Ф.Роуз на примере австралийских аборигенов показал, что употребление иденонимов может меняться в ходе человеческой жизни по мере того, как происходит смена брачных партнеров [740, с. 169, 281].

[114] Ср. у индейцев-хопи, по описанию этнографов, дед зовет малолетнего внука *babahuya*, что обычно значит «дед», и «ожидает, что внук будет повторять его за ним» [1134, с. 379] (см. об инверсии называния 8.3.).

[115] Понятие праестественного языка также имеет глоттогенетическое содержание. Имеет смысл задуматься о том, что разгадку происхождения человеческого языка нужно искать не в коммуникации приматов, не в палеонтологических находках и не в особенностях креольских языков, а в структуре самого языка. В каждом конкретно-историческом языке содержится группа слов-иденонимов, взаимосвязи между которыми сохраняют память (или точнее инвариант) о древнейших этапах развития языка. Возможно также, что эти лексические единицы играют ключевую роль в усвоении языка ребенком, который, научаясь употреблять

иденонимы, словно рекапитулирует в кратчайший срок глоттогенез. Примечательно, что, по мысли такого исследователя глоттогенеза, как Г.Е.Корнилова, корни слов древнее словообразовательных компонентов лексемы, т.е. древнее самих слов, и «было время, когда слово в современном смысле отсутствовало, но речь была, она состояла из одних корней» [448, с. 3]. Слова в те времена представляли собой *предикативно-атрибутивные синтагмы*, функционально равнозначные современному предложению [447, с. 174]. Для Г.Е.Корнилова эти корни, правда, имели имитативную природу, что представляется спорным.

[116] Этот картографический образ можно сравнить с картами индейцев-навахо, сделанных из песка данной местности. Как семиотические системы такие карты объединяют иконичность, индексальность и символичность.

[117] «Соотношение систем терминов родства и социальных институтов аналогично соотношению одежды и человеческого тела: было бы неверным утверждение, что тело "определяет" одежду или одежда "отражает" тело» [1588, с. 339] (ср.: [2110, с. 371–372]).

[118] В отличие от К.Леви-Стросса, А.К.Байбурин и Г.А.Левинтон предпочитают говорить не о функции медиации, а о функции нейтрализации, отмечая, что «[ритуальный] переход трудно считать медиацией, так как наряду со снятием различий в нем в большей степени присутствует их акцентирование» [74, с. 82].

[119] Близкую проблематику затрагивает М.Тауссиг [2095; 2094], который говорит о фетишизации государства как о «скрепленной страхом иллюзии порядка». Его анализ зарождения дадаистского движения сообщает об остром переживании открывших в Цюрихе первое представление дада под звуки артиллерийской канонады Г.Балля и Э.Хеннингс своего существования как «птичек в клетке, окруженной львами» [2093]. Как известно, дадаизм объединил граждан воюющих стран в общественное движение, направленное на преодоление политического и экономического хаоса, в который ввергла Европу Первая мировая война. Дадаистское движение оказало формирующее влияние на все современное искусство, заложило основы принципов общественно-политических движений Новейшего времени и изобрело принципы коммерческой рекламы. Само бессмысленное слово *дада* обладает типичной структурой иденонима (матронима) и несет в себе самое исконное и элементарное отношение субъекта к миру. «Манифест Дада» 1918 г. упоминает, что во французском *dada* – «игрушечная лошадка», в русском – «да-да», в одном из африканских языков – «хвост священной коровы», в некоторых диалектах итальянского – «мать».

[120] В разное время было дано несколько определений взаимных иденонимов. А.Кробер считал, что «взаимные термины образуются тогда, когда все лица, которые связаны родством, выраженным одним термином, называют одним термином всех тех, кто употребляет этот термин в отношении их. При крайней степени взаимности две группы родственников используют один и тот же термин» [1582, с. 23-24]. Р.Лоуи определял терминологическую взаимность как явление употребления одного термина для обозначения двух родственников, принадлежащих двум поколениям [1661, с. 165]. Э.Гиффорд относил к взаимным «все термины, инвертированные значения которых покрываются одним термином» [1361, с. 274]. Р.Пиддингтон писал: «Когда один и тот же термин родства используется двумя родственниками при обозначении или при обращениии друг к другу, данный термин считается взаимным, например, когда одним термином обозначается отец отца и сын сына. Наш термин *«brother»* является взаимным, а *«uncle»* – нет» [1883, с. 127]. П.Ааби дает следующее определение понятию: «Взаимность – это такой феномен, при котором альтер может употреблять известные термины только по отношению к эго, а именно термины, совпадающие с термином, которым эго наделяет альтера» [1032, с. 97]. У Э.Г.Соселия: «Термин *a* является самообоюдным, если конверсия обозначаемого отношения есть само это отношение» [817, с. 137].

[121] Нечто подобное наблюдается в так называемом «дативе сопричастия», выражаемом в индоевропейских языках либо грамматически (ср. рус. *мне хочется песен*), либо синтаксически (ср.: англ. *The car broke* ***on me*** «У меня сломалась машина» /но не «Моя машина сломалась»/, неграмматически «*Мне* сломалась машина», как в «Он *мне* тут такого наделал»). Здесь также заслуживает упоминания мысль Н.С.Трубецкого о том, что в славянских языках притяжательные прилагательные, образованные от имен одушевленных

существ (например, ст.-слав. *богъ ~ божии*), «принадлежат парадигме склонения этого существительного так же, как причастия принадлежат парадигме спряжения глаголов» [895, с. 220]. В.В.Иванов [376, с. 26-27] возвращается к этой теме в связи с исследованием Дж.Корбетта [1200] об особой форме притяжательности в верхнелужском типа *mojeho bratrowe dźěći* «дети моего брата» и ее типологических параллелях в других славянских языках. В.В.Иванов называет этот притяжательный падеж одушевленных существительных приименным, или адноминальным генитивом. Если учесть такие типологические единицы, как датив сопричастия или приименной родительный падеж, то праграмматические падежи можно представить как свернутую серию грамматических падежей, а субъект-объектное пространство – как иерархию коммуникативной активности (от иденонимов к одушевленным именам и далее к неодушевленным существительным). Отражение в языке такого иерархического членения субъект-объектного пространства подробно описано для австралийских языков (см.: [2033; 1964].

[122] Ср.: у хопи, принадлежащих к той же юто-ацтекской языковой семье, принято было давать умершему новое имя [1514, с. 327, прим. 67]. Видимо, это та же модель, но с закономерным переходом на фенонимы (см. 7.3.0.).

[123] В последних двух случаях мы имеем дело, очевидно, с одной традицией, так как в культуре сибирских татар присутствует сильный уральский (угорский?) субстрат [758, с. 16].

[124] Ср. также рус. диал. *братáк* «двоюродный брат» [398, с. 241] с тем же суффиксом и *братáн* «то же» при гэльском феноним *Bratronius*. Здесь же имя иллирийского князя *Бато* [1580, с. 245] с отпадением начального слога, видимо, в связи с его безударностью.

[125] В.И.Абаев придерживается традиционного мнения о направлении метатезы в индоевропейских названиях «брата» и ввиду структуры сарматского фенонима относит осетинскую форму к вторичным образованиям. Подробнее см. 10.9.3. и дискуссию в АР-5.

[126] О.Н.Трубачев [889, с. 71] связывает эти фенонимы с такими формами, приводимыми в лексиконе Гезихия, как греч.-ион. *γύγης* «πάππος», *χοχχύας* «предок», *χουχα˜* «πάππων» [‘*ή χυχεωνα*], но почему-то отрицает их связь с хет. *huhhaš*, предложенную М.Грошели [1411, с. 42].

[127] Более ранний исследователь отмечает у кумыков только имена, образованные от русских иденонимов *Mamasam, Papam* [750, с. 106].

[128] У аканов ребенок получает сразу после рождения в зависимости от дня недели первое имя (*акрадини*). С каждым днем недели ассоциировано имя окры – души-дыхания, получаемой при рождении от верховного божества. Понедельнику соответствуют мужские имена *Коджо*, *Квадво*, женские – *Адуа*, *Аджо*, имя окры – *Аджо*, *Аво*, четвергу – соответственно *Квао* и *Яо*, *Яа* и *Аба*, *Аво* и *Аберао*, воскресенью – *Кваси* и *Квеси*, *Акосуа*, *Эси* и *Акосиа*, *Авуси* и *Айиси* и т.д. [693, с. 163-164]. Возможно, часть этих имен некогда функционировала в качестве иденонимов: ср.: *Аво*, *Аба* и сарамакка *avo* $Р^2 = Д^2$, языки лагунных племен *awo* «клан», аканс. *awo* вокатив. Рж; *Авуси* и акан. *wofase* (< *awofase*) ДмДжР, *Акуа* и ашант. *akwada* «ребенок», фанти *akwada*, *akwa rora* «старик», *Аберао* и *aberaw* – вежливое обращение к равному [1183, с. 14], *Яа* и *уа* – вежливый ответ на приветствие [1183, с. 552][128]. У аканов сохранилось представление о передаче души и имени от предка к потомку [693, с. 163], но вышеприведенные факты показывают, что, видимо, в прошлом наследовались имена и души близких и известных родственников.

[129] Э.Гиффорд использовал термин «послерóдовая терминология» (*post-issue terms*) [1361, с. 74].

[130] Подробно системы с развитыми относительно-возрастными критериями употребления иденонимов рассматриваются в 10.9.

[131] В.Уотерхауз и У.Меррифилд зафиксировали у мексиканских чонталей практику называния родительскими терминами любых лиц родственного или неродственного статуса, которые берут на себя заботу о сиротах после смерти родителей. Эту терминологию они назвали «проксимальной» [2175, с. 193]. Ср. также такие «омонимические» случаи, как категориальное смещение значения термина; например, у тева термин *talle* в ритуальной жизни имеет значение ДмЭм, а в обыденной жизни – ДмДмРЭж [1584, с. 66-67].

[132] Ср.: в лингвистике деление языков на флективные, инкорпорирующие, изолирующие и агглютинативные учитывает не только морфологический, но и

синтаксический критерий (см.: [596а; 786а; 1030а, с. 9]); а функциональная сторона морфолого-синтаксической типологии Э.Сэпира [848, с. 117-138] нацелена на отражение взаимозависимости морфологического и грамматического планов языка.

[133] Для обозначения данного феномена предлагались различные термины: «подставные слова», «потайной, тайный язык», «система иносказаний» и др. [442, с. 268]. Термин «метафорические замены» был введен К.В. Чистовым исходя из стилистических особенностей русских причитаний. Для описания прибалтийско-финской причети он не совсем удобен в виду того, что замены иденонимов в них могут осуществляться не только метафорическими, но и метонимическими, синекдохическими и другими средствами [442, с. 268].

[134] Эллиптические конструкции не ограничиваются иденонимами: ср. др.-инд. *mitra «*Митра и Варуна», *ahaini* «день и ночь», лат. *cereves* «Церера и Прозерпина» [1142, с. 416]. К группе эллиптивов примыкают слова, состоящие из двух взаимоисключающих компонентов, но передающие значение лишь одного: например, англ. *without «*без» *(with* «с» + *out* «вне»), нем. диал. *mitohne «*без» (*mit* «с» + *ohne* «без»), копт. *khelseri* «молодой» (*khel* «молодой» + *seri* «старый»), *ueston* «близкий» (*ues* «далекий» + *on* «близкий») и др. [560, с. 45]. Иденонимы, образованные таким эллиптивно-коннективным путем, нам неизвестны, но нет оснований категорически отрицать их существование, особенно в свете копт. *khelseri*.

[135] У гавайцев «префикс родства» *kai-* прибавляется к референтивным иденонимам в противоположность вокативным (например, *kaina* вок. -ДхРЭх = -ДхДРРЭх, *kai-kaina* реф. «то же» [1894].

[136] Межпоколенная «инверсия называния» обнаруживает сходство, с одной стороны, с такой фигурой речи, как ирония (оформление отрицательного смысла в положительных терминах), а с другой – с явлением, получившим в сравнительно недавнее время широкое распространение в европейских языках, а именно превращение негативного значения оценочных слов и инвектив в позитивное. Например, англ. *awesome* «ужасный» употребляется в разговорной речи в значении «отличный, крутой» (ср. болг. *страхотно* и рус. *ужасно интересно*), *scare* «ужас» – в значении «приятный сюрприз», *bastard* «ублюдок» – в роли ласкового обращения (ср. рус. *сущий дьявол* в поощрительном смысле) и т.д. На это языковое явление первым обратил внимание классик психологии В.Вундт, который отметил, что в аффективных контекстах функцией изменения значения слова с положительного на отрицательное служит увеличение эмоциональной интенсивности. Современный нейропсихологические исследования подтверждают эту интерпретацию и демонстрируют, в частности, что переживания страха и гнева вызывают учащенный сердечный ритм в большей мере, чем переживании счастья. Подробнее об этом феномене см.: [2158].

[137] В лингвистике значение типологической информации для усовершенствования интерпретаций первичных языковых реконструкций было признано после программного доклада Р.Якобсона на VIII Международном конгрессе лингвистов в 1958 г., в котором говорилось: «Типологическая верификация повышает вероятность реконструируемых фонетических и морфологических форм и позволяет превратить реконструкцию из чисто количественного каталога в более реалистическое отображение языковой системы» [1526, с. 12]. Конкретную значимость типологического анализа для реконструкции протоязыка убедительно продемонстрировали создатели «глоттальной теории» ПИЕ состояния Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванов (см.: [216]).

[138] Ошибкой типологической схемы Г.Доул является предположение о том, что простейшие СТР типа СТР андаманцев или пигмеев Тропической Африки являются эволюционно первичными по отношению ко всем остальным системам.

[139] Недостатком классической реконструкции ПИЕ фонологической системы была ее типологическая изолированность от фонологических систем других языковых семей. «Глоттальная» теория нацелена на построение «мостика» между индоевропейскими языками и языками ностратического круга (в частности, картвельскими).

[140] О пользе привлечения лингвистической оппозиции между базовыми и маркированными элементами к описанию СТР см.: [1402; 1429; 1430].

[141] Например, гот. *atta* «отец» не подверглось замене смычного на шумный в ходе первого германского перемещения согласных; пашто *nikə* «дед» не утратило медиальный согласный при историческом переходе от авест. *nyaka* [1775, с. 52]; франц. *aieul* «дед, предок» (< народ.-лат. *aviolus* < лат. *avus*) утратило /v/ и не заменило его дифтонгом, как в случае с *avare* < лат. *avarus*, *oiseau* < лат. *avis* и т.п. В этимологическом словаре по этому поводу говорится: «développement phonétique irrégulier, comme il arrive souvent dans les termes de parenté» [1119, с. 14]. Против нерегулярности *aieul* см.: [313]. Исследователи отмечают склонность иденотивов в целом (типа индоевропейских слов для обозначения «языка», «пуповины», «утробы», «имени») к фонетической бессистемности (см.: [1733, т. 2, с. 1339; 1098, с. 74]).

[142] На этот момент, в частности, обращал внимание Э.Хэмп в критике методологии реконструкции ПСТР И.Дайеном и Д.Эберли, которая не учитывает специфики СТР как относительно закрытой лексико-семантической системы [1448, с. 126].

[143] Это положение было сформулировано В.Пизани [667]. В настоящее время оно развивается А.А.Бурыкиным (см., например: [148, с. 191; 146]).

[144] В случае маркированной эволюции иденонима из неиденонима следует рассматривать возможность такого явления, как табуирование, широко известного по названиям «естественных классов» типа рус. *медведь* «едящий мед» (см. об этом: [2060]).

[145] У Д.Блик вымерший язык хам представлен в форме Xam-ka-!'e с географической пометкой «мыс Колони».

[146] Данная парадигма демонстрируется всеми диалектами ютского языка. См. также общее описание ютской СТР по неопубликованным материалам Дж.Йоргенсена с особым указанием на неразличение [ДжРРм = ДДмРЭж] по относительному возрасту в [1160а, с. 352-353].

[147] Конечный формант -*ni* везде является притяжательным местоимением 1 л. ед.ч.

[148] Эта особенность также фиксируется у авореципрокных терминов в языке папуасов-банаро [2110, с. 339-340].

[149] В -2 поколении термин *pepi* может употребляться вместо терминов *selad* и *tamur*.

[150] Кроссреципрокность реконструируется для таких протоязыков как дравидийский [2143], юто-ацтекский [2028], макроотоманге [1740], австронезийский [1755; 1121, с. 214 и след., 219 и след.] и др.

[151] Значение лат. *aviaticus*, который явно восходит к термину +2 поколения, неясно: Э.Тапполе [2091, с. 49] переводит его как «внук», тогда как словарь Эрну-Мейе [1733, с. 110] – как «дядя».

[152] Ср.: у ньякьюса термин *mwizukulu* значит [$Р^2$м = $Д^2$м], у ньямвези *mwizukulu* – это только $Д^2$, но имеется вокативный термин *guku* (гипокористически редуплицированный от *mwizukulu*?) в значении [$Р^2$м = $Д^2$м]; в то же время у вангонде и вахенге *mwizukulu* – это обозначение $Р^2$ [231, с. 24].

[153] О.Демпвольф первым предолжил этот корень для ПА и связал его с другим корнем **(tT)umpu* «предок, господин» (отсюда даяк. *tempo* «господин, хозяин, владелец»).

[154] Все термины, если не указано особо, взяты из [1280].

[155] Формы взяты из источников, указанных в Приложении I «Авореципрокность / Юго-Вост. Азия».

[156] Основная масса форм взята из [1937, т. 1]. Прочие источники даны в Приложении I «Авореципрокность / Океания / австронезийская семья».

[157] В связи с гипотетическими айнско-полинезийскими контактами интересно сопоставить айн. *po* с австронез. **e(m)pu-*/**e(m)po* (ср. пенан. *pu* вокат. $Р^2$, *tupou* вокат. $Д^2$, *тэpun* рефер. $Р^2$ [1204, с. 263]; маори *tupuna (tipuna)* $Р^2$, «предки», *puna* «предки» /с тем же семантическим сдвигом!/, *mokopuna* $Д^2$, *poua* $Р^2$м [752, с. 186]; реннел. *tupuna* $Р^2$, *makupuna* $Д^2$ [1056, с. 177]). В контексте этих соответствий айн. *shut* представляется состоящим из *shu* + *t* (ср.: выпадение конечного -*t* в сах.-айн. *mih* $Д^2$, «старик» при яп.-айн. *mit-po* $Д^2$, ительмен. *митх* $Р^2$).

[158] Например, у манобо-дибабавон *pataqapuq* «дед и внук», *pataqanggam* «брат отца и дети сиблинга» (от *anggam* ДмРРм), *pataqatoboy* «сестра и брат; кузен и кузина» (от *atoboy* ДжР = ДжДРРЭм), *patamaqama* «брат и сестра», «кузен и кузина» (от *maqama* ДмР = ДмДРРЭж), *pataqugang* «родитель супруга и супруг ребенка», где *pata-* – реципрокный

префикс [1280, с. 159]; у манобо-сарангани *telebataq* «ребенок и родитель» (от *bataq* Д), *teleqemayun* «брат отца и сын сиблинга» (от *emayun* ДмРРм), *teleqinayun* «сестра родителя и сын сиблинга» (от *inayun* ДжРР), *teleqetebay* «сестра и брат» (от *etebay* ДжР = ДжДРРЭм), *telemeqama* «брат и сестра» (от *meqama* ДмР = ДмДРРЭж), *telekedowa* «сиблинги» (от *kedowa* ДР), *teleqesawa* «муж и жена» (от *esawa* «супруг(а)»), *teledoway* «жены одного мужчины» (*doway* «со-жена» /*co-wife*/), *telesalaq* «любовник и любовница» и др., где префикс *tele-* означает «связан как», «родственнен как» [1280, с. 167].

[159] С.Тайлер полагает, что в протодравидийском существовала «система терминов, обозначающая диады», которая была связана с ВТР [2142, с. 624].

[160] При МК, к которой принято относить эту систему, должно было быть ДжРРм = ДжДжРРм; «участие» Рж в скосе – свойство МО.

[161] Для всех СТР группы северных же характерны такие уравнения, как РмР = ДмРРж = СмДжРРм (*geti*), РжР = ДжРРм = СжДмРРж (*tui*). У апинайе Р. да Матта зафиксировал 8 случаев группировки кросскузенов по модели «омаха», 8 – по модели «кроу» и 3 – по инкорпорирующему принципу [1721, с. 125-126].

[162] Исследователи неверно атрибутируют эту систему как МК [1837, с. 58].

[163] Приведенные равенства убеждают в несостоятельности принятой точки зрения о принадлежности СТР сирионо к МК [1502, с. 54; 1785, с. 51]. В «Этнографическом атласе» Дж.Мёрдока эта система квалифицируется также как МК, однако в другой публикации Дж.Мёрдок осторожно говорит о том, что ТР сирионо принадлежат к типу кроу [1785, с. 44]. Р.Нидэм впервые подметил несоответствие СТР сирионо принятым определениям генерационно-скошенных моделей [1808, с. 249-250].

[164] Пуэбло-лагуна патрилинейны и матрилокальны, но отнести их СТР к типу омаха или к типу кроу [2052, с. 74; 686, с. 52] вряд ли возможно.

[165] Исследователи затрудняются квалифицировать скашивание в этих системах как МК или МО [1262, с. 128-163].

[166] А.Кробер отмечал, что среди калифорнийских атапасков отождествление «старшей сестры» и «сестры отца» встречается повсеместно [1589, с. 604].

[167] Ф.Эгган не фиксирует эту терминологическую структуру у шайенов и арапахо, однако не испытывает сомнений к данным Э.Кёртиса, который собрал свою информацию в северных группах шайенов и арапахо, которые либо лучше сохранили древние черты СТР, либо заимствовали их у пиеганов [1268, с. 47, 91-92]. Нельзя исключить и третье: северные группы сохранили древние особенности благодаря соседству родственников-пиеганов.

[168] См. также специальные работы А.Манастера Рамера [1909; 1910].

[169] Ср.: сантали *aji* РжРм = +ДжР; мундари, корва *aji* РжРм = +ДжР; горум *bibi* РжРж = +ДжР, бхумий *dada* ДмД = +ДмР (предположительно заимствовано, так как в бенгальском *dada* РмР = +ДмР [1860, с. 708; 1862, с. 77], хуанг *aji* +ДжР = РжР, *ka* +ДмР, *aja* РмР, *boko* -ДмР, *bokorae* -ДжР, *bokolap* ДмД, *bokosen* ДжД [1688а, с. 329, 331]; при кроссреципрокном мундари, сантали, хо *jia* РжР, *jai* ДД (с метатезой).

[170] О СТР койя см. серию специальных работ С.Тайлера [2138; 2139; 2140; 2141].

[171] Как медиатора межгруппового обмена и актанта генерационного скоса типа «кроу» у апинайе рассматривает «брата матери», например, Р. да Матта, который отмечает, что именно переход имен от ДмРРж к ДмДжР составляет рациональное основание данной особенности их СТР. Аналогичным образом, в МО таким медиатором является ДжРРм [1721, с. 101, 128].

[172] Ср. также лид. *γυγαίη* «дед», ион.-греч. *γύγης* «πάππος», *χοχχύας* «предок», *χουχα˜* «πάππων» [‘*ἡ χυχεωνα*] (в глоссах Гезихия) [1990, т. 1, с. 448; т. 2, с. 525; 1478, с. 209-210].

[173] Эта форма приводится в [51, с. 39-40, прим. 112], где предполагается ее вокативное происхождение из **awi*.

[174] Эта форма (см.: [2220, с. 150]) интересна как идентичная с точки зрения своей редуплицированности в.-луж. *wowa*.

[175] Эта форма, приводимая Э.Сэпиром [1980, с. 326], интересна тем, что термин, засвидетельствованный в готском и отсутствующий в древненемецких текстах, сохраняется в современном диалекте немецкого языка.

[176] Специально рассматривается в [2007]. О.Н.Трубачев ссылается на эту лужицкую форму в опровержение распространенного мнения об отсутствии в славянских языках прямых (т.е. семантически не скошенных на «брата матери») рефлексов ПИЕ **HauHo-* [892, с. 187].

[177] На эту форму как на возможный рефлекс ПИЕ **HauHo-* обращается внимание в [2104, с. 161].

[178] Хотя идентификация суффикса в этих формах не вызывает сомнений, выведение авест. *tuirya* ДмРРм из **ptuirya*, а ст.-слав. *str-ъjъ*, др.-рус. *стрый* ДмРРм из **(p)tr-oujъ*, представляется ошибочной (правильно **(H)auterwyos* «брат отца; сын брата» в виду др.-англ. *suhterga*, *suhtriga* «брат отца, сын брата», ср.-перс. *afdar* «брат отца», каб. *auder*, ормури *audūr*; см.: [289]).

[179] Традиционно восстанавливаемая форма **awa-haima* [1410, с. 1198] вызывает немыслимые этимологии типа той, что видит во втором компоненте воспроизведение ПИЕ **k^{w}oimos* с итоговой глоссой «дорогой дед» в смысле «равнозначный деду» [1854, с. 452]; или той, что усматривает родство с германским обозначением дома (нем. *Heim*, англ. *home*) с итоговым значением «тот, кто живет в доме моего деда» [1751]. Исходную форму, напротив, следует представить как **auh-am* и поставить первый сегмент в один ряд с первым сегментом германских терминов *zeih-hur*, *daúh-tar* и *suh-tor* (< **s-auh-ter*, с подвижным *s*-). Германский корень **auh*-, видимо, демонстрирует рефлекс ПИЕ структуры с двумя ларингальными, т.е. **HauHHo-*, с утратой ларингального в анлауте и его спирантизацией в инлауте (см.: [288]).

[180] Р.Бикс ссылается на римские надписи, в которых значение «сын сестры, племянник» наличествует с конца II в. н.э., но с полной достоверностью это значение формы *nepos* фиксируется только в тексте IV в. Hieronymus, *Chron. Euseb.*, a 31, Ep. 14, 2, 3 и 60, 9, 1 [1990, с. 49-50].

[181] Серб. *нерица*, *nebuca* («племянница») заимствованы из латинского.

[182] Предпринимаются также попытки реконструировать генерационный скос для ностратического праязыка [368, с. 58, прим. 41; 371, с. 184; 373, с. 191-192; 374, с. 136-138; 428а, с. 168-169]. Базой для этого служит близость хеттских, лувийских, негидальских, ненецких, картвельских слов, обозначающих -ДжР, Дж, СжДм и т.п. Даже если видеть во всех междиалектных семантических колебаниях свидетельство прошлых состояний СТР, приведенные равенства никак не могут быть отнесены к МКО.

[183] Ср. лат. *avus* Р^{2}м, *avunculus* ДмРРж.

[184] Скошенная ситуация «в стиле омаха» возникает в СТР чувашей при наложении отношений ритуального родства на генеалогическую матрицу: термином *кукка* ДмРРж принято называть сыновей *хаймaтлаха* (функционально и лексически близкого *аталыку* тюркского и кавказского мира), тогда как сам *хаймaтлах* зовется *кукаçи* РмРж [776, с. 45-46].

[185] Для основы *syvær/suvær* В.И.Абаев предлагает этимологию от **su-bara* «вместилище (*bara*) плода (*su*)» при скр. *śiśu* «дитя», *śava* «детеныш животного», греч. *χύος* «утробный плод» [3, т. 3, с. 213].

[186] В шумерских рукописях встречается обозначение сестры человека как «дочери его бога», а его самого – как «сына своего бога» [1027, с. 184]. Согласно представлениям древних шумеров, у каждого человека есть свой личный бог, который переходит к нему из тела отца и матери [1027, с. 182-186]. Здесь же отметим библейские имена типа *Бено* «сын его», *Бенони* «сын скорби», *Беньямин* «сын десницы» и др. [112].

[187] Ср. в этой связи некронимическую терминологию чулупи (Парагвай), в которой всем референтивным иденонимам соответствуют редуплицированные формы (см. 8.2.) [2192, с. 486].

[188] Например, «Wigalois nennt den Bruder seiner Mutter *nëve*, aber auch König Artus, dessen Schwester Wigalois Grossmutter von väterliche Seite war, heisst des Königs Wigalois *nëve*» или «Nach dem Frauendienst nennt meine *niftel* mich *nëve*».

[189] Так, в *Dentzler Clavis linguae latinae* (1716) *vettern* определяются как «brüderkinder, fratres patruelis [ДДмРРм], schwester kinder and consobrini [ДДжРРж]» [1410, т. 12, с. 29].

[190] Ср.: общеафраз. **add* «дядя», «тетя», «отец», «старший брат», «любимый» > юж.-арав. *dd*, сир. *dada* «любимец, ребенок», магриб. *dada* «то же», евр. *dod* ДмРР, сокотр. *dedo* ДмРРм [508, с. 40, 83].

[191] В кавказских языках фиксируется сходство лексем для обозначения Д и ДР: ср. груз. *švili* Дм, кабард. *къуэш* ДмР (*къуэ* Дм + *шы* ДР), *баш* (*пхъу* Дж + *шы* ДР) [608, с. 65]. Ср. в этой связи приводимую Дж.Бенгстоном параллель между баскским и хурритским (баск. *alha-ba* Дж, хурр. *ela* ДжР; баск. *seme* Дм, хурр. *seni* ДмР) где значения лексем регулярно инвертируются [1099, с. 135].

[192] Ср. использование классных показателей (-*v, -j*) для передачи переменной «пол эго» в предложении из аварского языка: *dun v-ugo hani-u* «я здесь» (Эм), *dun j-igo hani-j* «я здесь» (Эж).

[193] Суффикс -*ɛ*, регулярно присоединяемый в тева к ТР для младших реципрокатов (ср. также *t'ɛtɛ* РмР ~ *t'ɛtɛ'ɛ* ДДЭм, *sa*$^{\alpha}$*ja* РжР ~ *sa*$^{\alpha}$*ja'ɛ* ДДЭж), восходит к основе со значением «отпрыск, сын, дочь» и выполняет общеязыковую диминутивную функцию. Вместе с тем, в иденонимах его диминутивная функция весьма условна, так как такое словосочетание, как, например, *kc'ɛ'ɛ'ɛ* «теткин маленький племянник (племянница)» будет иметь как -*ɛ* в составе ТР, так и -*ɛ* с действительным значением «маленький» [1454, с. 473].

[194] Р.Маккеннан при исследовании общества верхних танана (северные атапаски), демонстрирующих бифуркативно-линейную модель в +1 поколении и бифуркативно-степенную в -1 поколении, отмечает в связи с гипотезой Р.Лоуи, что верхние танана практикуют сороратные и левиратные браки и что «слияние термина для отца с термином для брата отца, а термина для матери с термином для сестры матери никак не нарушит логику расматриваемой системы» [1692, с. 23].

[195] По выражению одного из информантов Г.Ландара, «кому-то это может не понравиться, он решит, что его заносят в женскую категорию. Поэтому они предпочитают, чтобы их звали *ši'žé$^{?}$é`yáží*. Это придает им мужественности» [1608, с. 989].

[196] Как отмечает Г.Ландер, называние ДжРРж тем же ТР, что и Рм (*še´má*) есть высшее проявление вежливости; как правило, ДжРРж зовут *še´máyáží*. Вокативное употребление специального ТР для ДжРРж (*ší´kà$^{?}$í*) вызывает смех, в частности, из-за своего созвучия со словом *ší´kàí$^{?}$* «мое бедро» [1608, с. 990]. Точно так же стало «более приличествующим» называть ДмДж не *tcèi*, *tcài* РмРж, а *tsúi* ДмД, т.е. так же, как и всех других внуков [1608, с. 988].

[197] Импликации этого вывода для этногенеза южных атапасков здесь не рассматриваются, но стоит отметить такой параллельный факт, как более интенсивное молекулярное родство между южными атапасками и америндскими группами, чем между последними и северными атапасками. Например, среди на-дене южные атапаски являются единственными носителями митохондриальной гаплогруппы B, которая характеризует многие индейские популяции Северной и Южной Америки [1651b, с. 318; 1264a, с. 219]. Реальных оснований для того, чтобы считать это принципиальное сходство результатом потока генов от некой америндской группы в популяции южных атапасков нет. Таким образом, генетически южные атапаски являются более дифференцированными, чем северные атапаски, а снижение молекулярного разнообразия в результате миграции – естественный популяционный процесс. Подробнее см. 11.4.3.

[198] Интересно сопоставить этот обычай называния возможных и невозможных брачных партнеров по частям тела с шошонским термином *amasaumфи* «перекрестная кузина», где *ama* «верхняя чать тела» (см. 10.9.1.).

[199] Ср. также тибет. *shaŋ* ДмРРж, *tsha* ДДжР, *tshan* «кузен», *tsha-yug* ДД, *shaŋ-tsha* ДмДмР [1089, с. 321-322], которые могут восходить к тому же корню с тем же авореципрокным значением, что и ли *tsha*. Если это так, то эта тибетская лексическая парадигма служит иллюстрацией еще одного способа разложения ВТР и ее преобразования в МП или МК. П.Бенедикт предполагал родство тиб.-бирм. **p'u* РмР (> тиб. *spo*, *po*, *a-po* РмР, *spun* «кузен»), тай-кадай. **pui* РмРм (ли РмРм = ДДмЭм) и австронез. **e(m)pu-*/**e(m)po-* РмР = ДД [1088; 1089].

[200] В +1 поколении СТР нганасан бифуркативно-степенная модель в вокативной подсистеме (*идя* Рм = +ДмРРм) сочетается с линейно-степенной в референтивной подсистеме (*иси* +ДмРР, *дясы* Рм) [911, с. 228-229].

[201] Согласно современным классификациям [946, с. 95-96], камасинские диалекты составляют отдельную подгруппу в составе самодийской группы уральской семьи, наряду с северносамодийской (энецкий, ненецкий и нганасанский), селькупской и маторской подгруппами.

[202] Реальность такого поведения информантов при сборе антропологами «терминов родства» отмечалась Д.Шнайдером и М.Блоком.

[203] Примерно в то же самое время Э.Гальвао отмечает для куйкуру и мехинаку инкорпорирующую модель в 0 поколении [1344].

[204] У пигмеев-бира имеются термины для ДмРРж (*noko*), ДжРРм (*kola*), +ДмР (*homioné*), +ДжР (*alwané*) и -ДР (*moto*; ср. мбути *moko*) [2129, с. 110].

[205] М.В.Крюков предполагает, что вторые термины в этих парах имели аффективное значение – соответственно, «покойный отец» и «покойная мать» [466, с. 157, прим. 9].

[206] По тем же причинам не внушает доверия возведение к инкорпорирующей протомодели в +1 поколении эмпирических случаев (например, в австронезийских языках Юго-Восточной Азии), когда ТР для разнополых сиблингов породителей образованы от основы со значением Рм = ДмРРм или Рж = ДжРРж с добавлением детерминативов (см.: [1323b, с. 41; 1413a, с. 285]). Не имея возможности судить о всех ситуациях предметно, заметим, что развитие бифуркативности из бифуркативно-линейности с последующим *поддержанием* первой модели в форме лексической бифуркативности (морфологической инкорпорации по асиммиляции с ТР для разнополых сиблингов породителей) теоретически представляет не менее вероятный сценарий.

[207] Здесь и далее идентификация привлекаемых М.В.Крюковым мон-кхмерских диалектов производится согласно классификации «Этнолог».

[208] Ср. покло-сакай. *ngíau* «дядя» и сантали (также мундари и хо с другим вокализмом) *goŋgo* +ДмРРм = Д-ДмР [1109, с. 450].

[209] Нумическая группа юто-ацтекской языковой семьи ацтеко-таноанской суперсумьи подразделяется на 3 ветви: северную (северно-пайютскую) (моно, банноки, павиотсо), центральную, или шошонскую (северные шошоны, южные шошоны, панаминт, тюбатулабал) и южную (южнопайютскую) (южные пайюты, кавайису, чемегуэви, юты) (см.: [2155]).

[210] Пайюты, северные и западные шошоны сохранили в ±1 поколениях только авункуло- и амитореципрокность. У пима и папаго ВТР сохранилась только в аворецип рокной форме, а у ацтеков отмечен только сенексореципрокный тип [1911, с. 116-118].

[211] Предлагаемая реконструкция может считаться прямым ответом на поставленную М.Годелье в послесловии к последнему сборнику статей по проблемам эволюции СТР «Трансформации родства» задачу интеграции всех реально засвидетельствованных исторических переходов в СТР в глобальную схему развития номенклатур из одной или нескольких протосистем [1371, с. 404].

[212] Ср.: «Общий вектор эволюции систем родства можно сформулировать следующим образом: это движение от максимального количества социально значимых родственников, охватывавшего весь этнос, к минимальному…» [231, с. 15].

[213] Ср. у Л.С.Выготского: «Первичное слово – это скорее картина, умственный рисунок понятия, маленькое повествование о нем. Оно именно художественное произведение» [199, с. 146] (ср. у Б. Малиновского, 7.1.1.).

[214] Например, тараумара *umúli* $Р^3$ = $Д^3$, *tcokóboa-la* $Р^4$ = $Д^4$, *danígowa-la* $Р^5$ = $Д^5$ [1100, с. 221], кауилья *piwi* $Р^3$ = $Д^3$, *wala*, *ñaa* $Р^4$, *walama*, *ñaama* $Д^4$; при *pas* $Р^5$м, *yul* $Д^5$м, *kis* $Р^6$м, *nawal* $Д^6$м; купеньо *p^{i}yu* $Р^3$, *puwima* $Д^3$, *wala* $Р^4$, *walama* $Д^4$; юма *kiyi* $Р^3$мЭм = $Д^3$мЭм, *siyi* $Р^3$жЭж = $Д^3$жЭж, *eme emist* $Р^4$ =$Д^4$, букв. «волосы на моей ноге», *eme kwilyako* $Р^5$ = $Д^5$, букв. «пальцы моих ног», камия *kiyi* $Р^3$м = $Д^3$мЭм, *siyi* $Р^3$м = $Д^3$мЭж [1361, с. 56, 59, 62, 65]; яуэлмани *mokotci* $Р^3$, $Д^3$, *hahetcau* $Р^4$, $Д^4$, букв. «то, на что можно указать, но нельзя увидеть» [1361, с. 80]. У филлипинских этносов родственники ±3…±10 поколений именуются ВТР, образованными от ТР для «деда» и «внука» с добавлением лексем со значениями «колено», «локоть», «ухо», «нос», «глаз», «рот», «нога (ступня)», «рука» (см.: [1280]).

[215] Диал. *apjat'an*.

[216] Вымерший язык коахуилтеко не имеет надежных генетических связей с другими языками. Э.Сэпир считал его родственным семье языков хока, к которой принадлежат, в частности, сери, а также яна, атсугеви и ачомави в Калифорнии. Последние 3 этноса

демонстрируют сильные формы кроссреципрокности. Л.Кэмбелл [1164] отвергает все свидетельства в пользу внешних связей коахуилтеко.

[217] В связи с этим принцип деления сиблингов по относительному возрасту, встречающийся во многих австралийских СТР (например, у кариера с 4 брачными классами *kaja* +ДмР = +ДмДхРРх, *margara* -ДмР = -ДмДхРРх, *turdu* +ДжР = +ДжДхРРх, *mari* -ДжР = -ДжДхРРх; у мурдудхунера с 4 брачными классами *kaia* +ДмР = +ДмДхРРх, *turdu* +ДжР = +ДжДхРРх, *paldha* -ДР = -ДДхРРх [1899, с. 153, 177]; у яралде, не имеющих «брачных классов» *kela* +ДмР = +ДмДхРРх, *mara* +ДжР = ДжДхРРх, *tarte* -ДР = -ДДхРРх; у дьяминдьюнг, имеющих 8-секционную систему, *ŋaba* +ДмР = +ДмДхРРх, *kalaytj* -ДмР = -ДмДхРРх и пр.) следует рассматривать не как историческую модификацию «тетраидной структуры», а как пережиток КРОРТ.

[218] Термины «гармоничные» и «дисгармоничные» поколения введены К.Хейлом [1434].

[219] Стандартное объяснение принципа, на который указывает понятие «симметричная» номенклатура, как слияние матрилатеральных и патрилатеральных кросскузенов (в противоположность их терминологическому обособлению в «асимметричных» системах) (см., например: [1413а, с. 273]) содержит в качестве своего аргумента признак, не имеющий никакого отношения к проблеме симметричности *vs*. асимметричности; в то же время оппозиция между кросскузенами и группой сиблингов (родные сиблинги + ортокузены), обычно принимаемая за нулевую степень развития признака, сама является асимметричной.

[220] Имеются случаи, когда этнографы искусственно подгоняли объективную социальную реальность под симметричную секционную модель наподобие австралийской, а затем их описание некритически использовалось авторами обобщающих работ (ср., например, к пересмотру сконструированной Р.Тёрнвальдом и воспринятой П.Рубель и А.Росманом «дуальной организации» у новогвинейских банаро: [1538]).

[221] Хотя У.Станнер отмечал, что для ±1 поколений австралийских СТР реципрокность не характерна [2062, с. 212-213], есть фактические основания полагать, что в прошлом СТР австралийцев более полно воплощали кроссреципрокный принцип. Помимо вышеперечисленных групп с сильной реципрокностью, в качестве доказательства этого предположения можно привести авункулореципрокные черты у вулна [563, с. 55], междиалектную авункулореципрокность у питта-питта и калкадун [563, с. 80], у которых распространены матрилинейные половины и фратрии, секции сложились недавно [108, с. 43-44]), а также сокрореципрокность (СмДжЭм = РмСж) у диери, курнаи, нарриньери, вативати, колор-курндит (все эти группы не организованы по секционному принципу), расщепленно-реципрокная модель у варрамунга (РмСж = ДмДжРЭм [563, с. 89]), пинтупи (*ngamini* ДмРРж = СмДж), луритья (*kameru* ДмРРж = СмДж) [1341, с. 476] (ср.: у бинбинга *napitji* РмСж = ДмДжЭж, *napitjina* РжРм [464, с. 90]); у аранда, мара, тьингилли, бинбинга, умбайя, варрамунга СмДж = ДмРРж (все эти группы делятся на 8 брачных классов); у калкадун, митакуди, бакуньи, арабана, нггерикуди СмДж = ДмДжРЭм, РмСж = ДмРРж [563]).

[222] По-другому можно сказать, что описание межпоколенных отношений подвергается *депарадоксализации* (условно – дед не есть внук), а описание отношений в пределах 0 поколения – *тавтологизации* (брат есть брат). Распад кроссреципрокности имеет полный аналог в системной теории, которая описывает процесс «размыкания самореференции» (прерывания «циркулярности самореференции») в ходе укрупнения и дифференциации (бифуркации) сложных систем. Отмечается, что в ходе депарадоксализации системного самоописания придается невидимость как самой операции, так и самой проблеме, и это то, что составляет идеологию [1651а; 549а, с. 198]. Это бросает интересный свет на «идеологическое» объяснение, данное МКО (образующимся, как мы видели, из ВТР с переходом от бифуркативно-линейности к бифуркативности) Р.Маккинли: генерационный скос создает иллюзию неизменности во времени брачных правил (см. 5.1.6.).

[223] Ср. некоторые сходства между нашей интерпретацией и, с одной стороны, размышлениями Н.М.Гиренко по поводу «первичного социума» и «доклассификаторского» этапа в эволю-

ции СТР [235, с. 142 и сл.], а с другой – мыслительным экспериментом по воссозданию «докатегориальной» стадии межполового взаимодействия, проведенного С.Кучиари [1210].

[224] Браки между сиблингами значительно чаще, чем браки между родителями и детьми, фигурируют в мифах [1765] и были разрешены уже в историческую эпоху в кругу правящей элиты миштеков [534, с. 186-187], гавайцев [372, с. 103-106], египтян [577, с. 56], средневекового африканского царства Мономотапа [910, с. 79-80] и др. У некоторых этносов (добу, талленси) инцест с сестрой или матерью не встречал санкций со стороны общества [1322, с. 61; 1312, с. 244-246]. Примечательно, что в устном фольклоре популярен мотив неотвратимости инцеста и последующего «раскрытия родства» [712, с. 228-229; 587], что можно рассматривать как историческую память о становлении категориального представления о родстве.

[225] Этот тезис лежит в русле критики структурализма П.Бурдье, который рассматривает социальные практики как следование культурной модели [1135, с. 29].

[226] См. об этом: [418а].

[227] Ср. у П.Л.Белкова: «Данный институт не может возникнуть однажды и навсегда, но должен непрерывно воспроизводиться с неизбежным смещением смысла в рамках инверсии центростремительного и центробежного движения культуры, внутреннего и внешнего единства: инверсии «родство – свойство», «происхождение – брачные узы» и т.п.» [96, с. 70]. Добавим, что описание метаморфоз динамического дуализма, не зависящего от, а напротив, диктующего распределение форм в пространстве, возможно через тройственную структуру типа «родство – свойство – смерть (посмертство)», предоставляющую себя в качестве матрицы, в которой неуловимое означаемое функционирует как видимое означающее-вещь, а *любое* означающее становится строгим термином его описания.

[228] Языковыми семьями первого уровня, или *language stocks* в англоязычной литературе считаются те группы, реальность которых может быть установлена посредством стандартной компаративистской процедуры (см., например: [1829]).

[229] Аляскинские культуры Ненана и Меса синхронны с культурой Кловис или даже несколько моложе последней, а археологические культуры, расположенные на сибирской стороне Берингова пролива, моложе культур Ненана и Меса [2215, с. 12].

[230] С.Слободин, раскопавший культуру Уптар, высказывает точку зрения о возможной реэмиграции населения из Сев. Америки в Сибирь и отмечает, что, культура Уптар не имеет четких аналогов в Северо-Восточной Азии, но обнаруживает сходство в крупных листовидных двухсторонних наконечниках с Осиповской культурой на р. Амур, относящейся к рубежу плейстоцена и голоцена [2042, с. 487]. Если внезапное появление и широчайшее распространение культуры наконечников в Америке всегда было трудно объяснить с позиции такого исторического сценария, как заселение Америки с территории Сибири (Ср. у А.Кригера: «…Никто не может сказать с уверенностью, где зародилась культура выемчатых наконечников, но ясно одно: старое представление о том, что она была занесена в Сев. Америку из Азии через аляскинский мост, должно быть отвергнуто, так как в Азии эта культура не обнаруживается» [1580а, с. 55]), то наличие разрозненных американоидных особенностей в археологических культурах сибирского голоцена вполне реалистично истолковывается как ломка традиционной хозяйственно-технологической системы американских популяций, переселившихся через Берингов пролив в северо-восточную и восточную Азию.

[231] По подсчетам М.Пея, из 2796 языков мира более 1200 составляли к 1950-м гг. индейские языки (см: [1465, с. 143]). Дж.Николс подсчитала, что на формирование гринбергской макросемьи америнд, охватывающей все языки Нового Света, за исключением на-дене и эска-алеутских, потребовалось 35000–50000 лет [1829]. Д.Неттл [1828] выдвинул контраргумент, указав, что языковая дифференцированность обратно пропорциональна возрасту континентального населения. Однако, устанавливая общие принципы зависимости языкового разнообразия от возраста континентальной популяции, он опирается на существующий археологический консенсус, а не на внутриязыковые данные. Это противоречит сформулированному Дж.Гринбергом принципу, согласно которому «только языковые данные имеют значение для построения лингвистических классификаций» [1400,

с. 1]. В археологии подобный принцип получил название «регрессивной пурификации» [426, с. 19].

[232] Из более ранних опытов сравнения индейской языковой семьи с евразийской отметим работу Т.Виитсо по калифорнийским пенути и уральским языкам [2149], получившую положительно-выжидательный отклик В.В.Напольских [662, с. 167]. Отметим также включение Дж.Гринбергом эска-алеутской семьи в «евроазиатскую» (*Eurasiatic*) суперсемью и объяснение ПИЕ **eghom(e)* «я» из палеоазиатских и эскимосских форм [1404]. Стоит вспомнить, что участниками Джезуповской экспедиции (1897–1902) была выдвинута теория «эскимосского клина», согласно которой палеоазиатские этносы Сибири, на основании «дистрибуции, языков и человеческих типов», следует считать выходцами с американского континента [1124, с. 98-99; 1125, с. 534; 2066; 1535; 1176; 1177; 1242]. Мне неизвестны причины, по которым гипотеза Ф.Боаса не получила дальнейшего развития в России, хотя Н.Я.Марр, видимо, под влиянием В.Г.Богораза, допускал возможность смешения пришлого сибирсккого элемента с автохтонным американским и считал «американскую проблему» неотделимой от проблемы происхождения населения Старого Света [572а, с. 97-99]. В то же время забвение этой идеи в американской антропологии явно связано с тем, что до обнаружения первого наконечника культуры «кловис» в 1926 г. заселение Америки датировалось, благодаря стараниям А.Хрдлички, периодом «не ранее 3 000 лет». В последние годы выводы джезуповцев подтвердились в ходе исследований митохондриальной ДНК и Y хромосомы у палеоазиатов и индейцев (см.: [1481; 1744, с. 424; 1547]), хотя, по собственному признанию генетика Т.Шура, гипотеза Ф.Боаса не была известна участникам их рабочей группы.

[233] Возможно, данный упрек будет применим только к отечественным сторонникам структурализма (см. прим. 3).

[234] Ср. сходную критику П.Л.Белковым существующих определений понятий «государство», «вождество» и пр. как мифологических, а не эвристических [94].

[235] В случае межъязыковых заимствований, заимствованные слова приспосабливаются к структуре языка-реципиента и могут даже демонстрировать регулярные звуковые соответствия с иноязычными оригиналами.

[236] Видимо, та же мысль формулируется Г.Е.Корниловым: «Каждое слово имеет свое индивидуальное время возникновения и пережило свою индивидуальную историю функционирования и распространения, поэтому реконструкция архетипов для всех современных слов отдельного языка или семьи языков в единый хронологический срез так называемого праязыка или предиалектов является антиисторичной» [447, с. 173].

[237] Согласно Н.А.Баскакову, помимо ТР, древнейший слой лексики обнаруживается также в обрядовой номенклатуре и в языке детских игр [81, с. 20]. По мнению К.Бака, по своей устойчивости в языке ТР уступают только другому члену иденотивного суперкласса (в нашей терминологии), а именно числительным [1152, с. 936].

[238] Ср., например, эрзя-морд. *ава* Рж, сарамакка *avo* $Р^2$; викмункан *pip* Рм, рус. *nana*; манья *ba* Рж, рус. *баб-ушка* $Р^2$ж; тева *sey* Дм, лоло *zo* Дм, англ. *son* Дм; тева *tunu* ДмРР, маори *tungane* ДмР; лоло *da* Рм, рус. *дед* $Р^2$м, лоло *adzi* +ДжР, шошон. *badzi* +ДжР; хопи *i-naa* Рм, ашанти *nana* $Р^2 = Д^2$, киргиз. *ене* Рж, общефин.-угор. *ни* Сж и т.п. (более подробные списки см. [396]).

[239] Это положение перекликается с одной из социобиологических теорий родства как «стратегии откладывания потомства» (*descendant-leaving strategy*), согласно которой родители не только влияют на поведение своих потомков, но, влияя на их поведение, они тем самым влияют на способ, посредством которого их потомки будут влиять на своих потомков, и т.д. до бесконечности [1857; 2005]. Авторы этой теории цитируют Р.Даукинса, отмечающего, что выживаемость (*fitness*) «может быть измерена только с грубой приблизительностью. Если ее измерять по количеству родившихся детей, то из поля зрения выпадет детская смертность и родительская забота. Если ее измерять по количеству детей, достигших репродуктивного возраста, то из поля зрения выпадет репродуктивный успех взрослого потомства. Если ее измерять по количеству внуков, то из поля зрения выпадет… и т.д. до бесконечности. В идеале нужно подсчитывать относительное количество потомков,

оставшихся в живых по прошествии большого числа поколений» [1222а, с. 184]. См. также 6.4.1.

[240] В популяционной генетике под «эффективной популяцией», или «эффективным размером популяции» понимается совокупность особей, действительно вовлеченных в биологическое воспроизводство, т.е. особей фертильного возраста и кондиции (см.: [398а, с. 99, 105]).

[241] Ср. сходную ситуацию расщепления значения прототермина по линии «брат – свойственник 0 поколения» в индоевропейских языках [288; 289].

[242] О реальном сходстве между МКО и структурами орнамента см.: [1145].

[243] Бóльшая архаичность СТР неавстронезийских групп Океании (так же как и СТР австралийцев) состоит в устойчивости и морфологической немодифицированности кроссреципрокных форм, сохранению в ряде систем (например, кераки) черт СРВМ, наличием систем с релевантностью пола эго для межпоколенных реципрокатов (например, буин) и т.д. Наличие этих структурных особенностей, противопоставляющих СТР неавстронезийцев СТР австронезийцев согласуется с таким наблюдением лингвистов относительно неавстронезийских языков, как высокая вариативность словаря при наличии общих структурных черт типа именных классов [1168, с. 371].

[244] Большое количество номенклатур с кроссреципрокностью в зоне Океании (см. Приложение I) объясняется тем, что в список вошли практически все австронезийские группы, которые демонстрируют пережиточные формы одного-единственного протоавстронезийского кроссреципрокного корня **po-/pu-*.

[245] Возраст расхождения митохондриальных гаплогрупп C и D в Сибири моложе возраста расхождения этих гаплогрупп в Америке (соответственно 13500–27000 лет и 18750–37500 лет при известной условности «молекулярных часов») [2117; 2118; 1575]. Правда, здесь не исключена погрешность, вызванная бóльшим размером американской выборки (мнение Т.Шура, высказанное им на конференции «Clovis and Beyond» (Санта-Фе, 1999 г.).

[246] Арауканы, СТР которых едва ли не единственная в Южной Америке, имеющая МО без МСП или МП, представляют загадку этнической истории этого региона. Если верны лингвистические свидетельства их связи с Мезоамерикой (майя?) (см.: [1447; 1562]), тогда МО в СТР арауканов кодирует единственное значительное позднее перемещение населения в Южной Америке.

[247] Такая формулировка, привлекающая фактор географической дистрибуции и исторической потенции, избавляет от тавтологичности следующую попытку Н.М.Гиренко вывести критерии различения архаизмов и инноваций в культуре: «Предшествующую (эволюционно) форму мы прежде всего определяем по наличию общих свойств с последующей и по отсутствию последующих стадиально обусловленных свойств в предшествующей. При этом обязательно будут сопутствующие культурные и социальные характеристики, которые, однако, могут повторяться и на других стадиальных уровнях, но не будут сами по себе нести стадиальной обусловленности» [235, с. 287].

[248] Ср. работу этих двух эволюционных моделей в конкретной ситуации выбора между сценарием «общеиндоевропейской метатезы» и сценарием «осетинско-армянской (или осетинской и армянской) метатезы» [288; 289].

[249] Хотя реальность гринбергской классификации индейских языков оспаривается большинством лингвистов-американистов, нам представляется более важным установление соотношения (качественного и временнóго) между такого рода семьями в Америке и в Старом Свете. Даже самые ярые противники америндской семьи не отрицают наличия лексических панамериканизмов и считают вероятным принадлежность всех представителей этой макросемьи к единой генетической общности, но считают, что историческая лингвистика пока не в состоянии это адекватно продемонстрировать (см.: [1166; 1163]). Генетики единодушны во мнении относительно общего происхождения всех коренных жителей Америки (т.е. америндов, на-дене и эска-алеутов) и не поддерживают интерпретацию трехчастного членения индейских языков как свидетельство трех разновременных миграций (см.: [1744; 1575; 1311; 2074; 1840, с. 25]. Если, с одной стороны, классификация Дж.Гринберга является правильной, а с другой – трихотомия индейских

языков есть следствие не независимого их происхождения от разных популяций Старого Света, а дифференциации *in situ*, такое утверждение Дж.Гринберга (высказанное в личной беседе), как «америндская семья – это *ветвь* евроазиатской» [т.е. фактически ностратической], следует перевернуть.

[250] Митохондриальный возраст некоторых индейских групп (ну-чах-нултх, майя) оценивается порядка 70000 лет [2172; неопубликованные данные Э.Мерривезера]. Эта цифра относительна, так как «молекулярные часы» на сегодняшний день не отличаются надежностью, но в любом случае аллельное разнообразие только в упомянутых этнических группах чрезвычайно велико и соответствует примерно 62% аллельного разнообразия всей Африки южнее Сахары. Нуклеотидное разнообразие этих групп – одно из самых высоких в мире ($\pi = 0.016$ у ну-чах-нултх при $\pi = 0.018$ у монголов [1575, с. 1328; 2172]).

[251] Для сравнения: панамериканскими являются, по крайней мере, 4 митохондриальные гаплогруппы (еще одна, группа X, надежно зафиксирована в Сев. Америке), тогда как панафриканскими – только 3 (L1a, L2 и L3) [2176, с. 695]. Из них гаплотип L3a является также видовым маркером, обнаруженным во *всех* американских группах [2176, с. 694, 696; 1290]. Ср. также почти 100% преобладание группы крови О, являющейся универсальной донорской кровью, у большинства индейских групп к югу от р. Рио-Гранде [1779, с. 268-270; 1541, с. 4-5]. В Старом Свете только население северной и восточной Австралии, некоторых областей Африки южнее Сахары и Сибири демонстрируют высокое содержание группы крови 0 (75-80%, 70-85% и 70-75%). Исследование среди кэддоязычных этносов показало, что в резервационный период увеличение содержания групп А и В произошло у вичита и пони, испытавших резкий упадок численности с последующим ростом, тогда как у собственно кэддо, численность которых только упала, группа 0 продолжала содержаться в частотностях, приближающихся к 100% [1396].

[252] Четыре панамериканских митохондриальных гаплогруппы (A, C, D, характеризуемые точечными мутациями, и B, характеризуемая удалением 9 пар оснований) распространены с пониженной частотностью в Сибири, Южной и Юго-Восточной Азии, Океании, Австралии и Африке, а пятая гаплогруппа X, фиксируемая в Сев. Америке, наблюдается также у европеоидов [2043]. Y-хромосомный гаплотип, предковый для европеоидов, но в их геноме не отмеченный, обнаруживается среди североамериканских индейцев [1975]. Ни один другой расовый геном не демонстрирует таких системных связей с другими геномами.

[253] Антропологические характеристики так называемого Кенневикского человека из Невады (~ 9000 лет) указывает на наличие «айнских» и «юговосточноазиатских» черт в некоторых американских популяциях раннего голоцена (см.: [1436; 2211]).

[254] Мутационное равновесие, демонстрируемое митохондриальным и нуклеарным геномами индейцев, не стыкуется с представлением о заселении Америки небольшой или небольшими группами [1175]. Вместе с тем, трудно себе представить, что по узкому коридору, соединявшему Америку и Старый Свет могла перейти многотысячная человеческая популяция. К тому же 10000–12000 лет назад степень интеграции человеческих групп должна была быть весьма низкой.

[255] Тот факт, что кросскузенный брак не является структурной реальностью в основной массе засвидетельствованных индейских обществ и, видимо, не был таковым в доконтактный период, ставит в интересную систему координат предложение П.Л.Белкова ограничить компетенцию этнографов в вопросах, связанных с проблемой возникновения экзогамии, проблемой происхождени кросскузенного брака как «максимально допустимой формы инцеста, которая предписывается культурой» [96, с. 70]. Либо индейские общества стоят вне компетенции этнографов, либо этнография не может осознать себя в проблемах, которые ставят перед ней индейские общества.

[256] Монголы – единственная группа в Старом Свете, обладающая 4 главными американскими митохондриальными гаплогруппами (A, B, C и D). Ни одна сибирская группа такой концентрации американских генов не имеет. Это позволило исследователям (см.: [1745]) сформулировать гипотезу о том, что Монголия была плацдармом для заселения Америки.

[257] Кроссреципрокность у айнов не фиксируется, но у сахалинских айнов термином *mih* ДД обозначаются также старики и старухи [823, с. 53].

[258] Заимствование кроссреципрокного термина из дравидского в мунда (см. 10.2.3.) может указывать и на структурное заимствование, однако этому противоречит общая значимость признака относительного возраста межпоколенных реципрокатов в СТР мунда.

[259] См. обзоры: [851, с. 301-304; 935, с. 290-291; 98, с. 44-50; 635, с. 166; 787, с. 48; 1329, с. 368-371; 163, с. 11-12; 1206].

[260] Нами была предпринята попытка на основании нового прочтения одного из фрагментов «Истории» Геродота и анализа скифских личных имен доказать существование у скифов реинкарнационного комплекса и иденонимической инверсии (см. 8.3.), сопоставимых с развитыми обскоугорскими и палеоазиатскими системами (см.: [281]). В качестве дополнительного факта, относящегося к бытованию данного комплекса у индоевропейцев, отметим болг. *бабица* «внук, похожий на бабушку» [756, с. 397]. У болгар сохранилась разветвленная система наследственных имен [568, с. 259; 639, с. 83]. В сочетании с другими данными по индоевропейским языкам, эта реконструкция позволяет говорить о глубокой древности и развернутости реинкарнационной системы у индоевропейцев, а также о возможных генетических связях ее с северосибирскими комплексами.

[261] В лингвистике «сродством» (франц. *affinité*) принято обозначать совокупность негенетических связей между языками (см.: [555]).

[262] О месте искусственного родства в ритуальной организации общества см.: [72, с. 139].

[263] Б.Малиновский приводит высказывание одного из своих информантов, которое дает исчерпывающее разъяснение проблеме «известна или нет первобытным людям связь между половым актом и рождением ребенка»: «Сам по себе половой акт не приводит к рождению ребенка. Иные девушки изо дня в день совокупляются. А детей нет… Они учат, семя делает ребенка. Ложь! На самом деле это духи, которые ночью приносят детей» [1702, с. 61-62].

[264] А. ван Геннеп отмечал, что «понятие тотемного родства складывается из трех элементов: родства физиологического, родства социального и родства космического и классификационного...» [1355, с. 345-346].

[265] Ср. у пуйума (Тайвань) при доминирующей матрилатеральности индивид мог либо по собственному желанию, либо по желанию душ предков, открывшегося ему через гадание, вступить в род отца. Это – вариант амбилатеральной (амбилинейной) филиации, описанной Р.Фирсом для маорийского *hapu* [1682, с. 136]. Ср. 12.1.4. о ндембу.

[266] Ср.: у викмункан *pip* Рм = -ДмРРм, «группа отцов», *pip mäny'* -ДмРРм (букв. «маленькие отцы», *pip emätt* ДмРРм (букв. «растущий отец»), *pip wunpun* «физиологический отец». +ДмРРм исключается из группы «отцов» и обозначается термином *pinya* (при *pinyaya* Д-ДмРЭм). Действительное отцовство подчеркивается специальной церемонией представления новорожденного отцу [2107, с. 384].

[267] В качестве материала к дискуссии на эту тему, развернувшейся в АР-3, приведем ответ девушки хопи на вопрос о том, почему она, в дополнение к своим обязанностям в родном доме, помогает еще и сестре своей матери (терминологически тождественной «матери»): «Потому что она – *наша* мать. Белому человеку этого не понять» [1271, с. 364]. Почти буквально эту же мысль повторяет в своей автобиографии индеец-лакота Хромой Олень: «У индейцев дети зовут свою тетку [по матери. – Г.Д.] “матерью” не просто из вежливости, а потому что тетка относится к ним как мать» [1607а, с. 34]. (В последнем случае, правда, нельзя исключить ни вторичное переосмысление семантики лакотских ТР в их отличии от английских, ни влияние этнографической литературы на переводчика и соавтора автобиографии Р.Эрдоша, на что в другом контексте обращает внимание литературный критик Дж.Райс [1931]). Ср. также: у бушменов-хам ТР *ibbo* (букв. «наш отец») употреблялся в тех случаях, когда европеец сказал бы «мой отец», и заимствование у буров молодым поколением бушменов слова *tata* для обозначения «моего отца» вызывало сожаление у лиц старшего поколения (по: [1115, с. 194]).

[268] Последние два случая, возможно, имеют генетическую связь с ВТР и реинкарнационным комплексом дравидов Индии. Считается, что в земледельческой зоне Средней Азии предшественниками индоиранцев были протодравиды, идентифицируемые по анауской культуре южного Туркменистана (V–IV тыс. до н.э.) [718, с. 38]. У дравидов

реинкарнационный комплекс хорошо развит (см.: [1864]), поэтому представления о реинкарнации у туркмен и таджиков, возможно, являются следствием влияния дравидского субстрата.

[269] М.О.Косвен сравнивает институт «возвращения детей» мужскому сиблингу матери или деду с обычаем «возвращения невесты» [451, с. 11-15; 452]. Например, у мордвы через одну-две недели после свадьбы за невестой приезжали ее братья и отвозили в родительский дом, где она оставалась до месяца [323, с. 307-308; 922, с. 45]. Обычай «возвращения домой» является неотъемлемым компонентом свадьбы у мордвы, удмуртов, марийцев, башкир, бурят, эвенков, уйгуров, туркмен, турок, осетин, грузин, чеченцев [451; 561, с. 62-64; 942, с. 39; 739, с. 434; 589, с. 74; 782, с. 252]. По письменным источникам он известен у тюрков-теле [10, с. 297] и огузов [782, с. 252]. Возвращение невесты домой широко практиковалось на Балканах (греки, болгары, албанцы и др.) [956, с. 91; 379, с. 203; 37, с. 224-225]. На Балканах и Карпатах этот обычай лег в основу ряда фольклорных сюжетов на мотив «Приход мертвого брата» [954, с. 25-26; 955, с. 143; 325]. Наконец, тот же свадебный обычай встречаем у кагоро, камуку и тив Нигерии [1419, с. 98; 1420, с. 68; 1130, с. 63].

[270] Ср. сообщение о сонгай (Западная Африка): «L'ancêtre est représenté comme une sorte d'être hybride, à la foi sur-homme et enfant…» [1960, с. 53].

[271] Отголосок той же ритуальной практики можно усмотреть в обычае коми слегка раскачивать на сосновой жерди гроб с покойником перед тем, как опустить его в могилу [982, с. 89].

[272] У русских Новгородской губ. при наречении имени по святцам родители перечисляли ряд имен святых и по крику ребенка определяли имя (РЭМ, архив Тенишева, д. 781, л. 8). В этом обычае логично видеть христианское переосмысление древней нормы наречения ребенка по родственникам.

[273] В плане комплементарности различий между реинкарнацией и адопцией любопытно противоположное отношение к этим идеям в буддизме и христианстве. В буддизме, в продолжение шаманства (?), идея реинкарнации имеет космическое значение (см.: [341]). В то же время в христианстве реинкарнационная идея была, как известно, запрещена на V Вселенском конгрессе в Константинополе в 533 г. н.э., тогда как священная адопция (греч. *huiotesia*), т.е. духовное перерождение, составляет в апостольских писаниях главный способ передачи природы связи между христианским Богом и верующими (см.: [2147]).

[274] Некоторые исследователи [1249; 2186] предполагают, что функция регулирования брачных связей этими индейскими институтами была утрачена вместе с нормой обязательного кросскузенного брака, но надежных свидетельств этому нет (см. 10.10.2.).

[275] У мордвы-мокши дети на поминках ломали дужку (вилообразную птичью кость). Так они гадали, чей дед или бабка раньше умрет [322, с. 31]. Этот обычай сопоставим с представлением бамбара (Зап.Африка) о том, что дед, дергая внука за уши, помогает ему расти, а внук, дергая деда за уши, способствует его смерти [2160, с. 78]. Сходные поверья имеются у многих африканских этносов [871, с. 36-37; 689, с. 87]. Они соседствуют с аво- и сенексореципрокностью в СТР. У атсугеви (Сев. Америка) $Р^3$ и $Д^3$ называются *asmuk* «мое ухо», хотя там считается, что родственник, названный этим ТР, будет всегда сообщать человеку о грозящей ему опасности [1347, с. 351].

[276] Находимые в земле горшки айны приписывали мифическому народу тоньчи, который айны вытеснили в результате войн. Видимо, название этого народа как-то связано с обскоугор. *тонгх* «череп» (ср.: эвенкийское название юкагиров *тонг-джон*, этноним *тунгус*, монг. *tenggri* «небо, высшее божество», корей. *Тангун* – легендарный предок). Связь с монг. *tenggri* и корей. *Тангун* проясняется после сопоставления с представлением тайваньских цалисенов о том, что такие горшки священны, так как они упали с неба и из них вышли предки [1007, с. 582-583].

[277] Ср.: у кетов изображение умершего (*дангольс)* делали после того, как человек увидит во сне умершего родственника [812, с. 165]; а у саамов, когда женщине приходило время рожать, во сне ей являлся предок и сообщал о том, кто из умерших воплотится в будущем ребенке [935, с. 290].

[278] Взгляд на возраст как на биологическую (т.е. возраст, отсчитываемый с момента рождения) и социальную (т.е. возраст, отсчитываемый с социально значимого этапа жизни) категорию не учитывает, помимо реинкарнационной концепции, такие факты, как тюрко-монгольский и корейский обычай исчислять возраст с учетом внутриутробного развития [173, с. 131].

[279] Возможно, что некогда СТР оромо была сходна с СТР гураге (так же, как и оромо, говорящих на языке афразийской семьи) – единственной (наряду с койсанскими) СТР в Африке, которая характеризуется среднереципрокностью и МО.

[280] У ряда этносов известны представления о том, что душа при каждой новой инкарнации меняет пол (ср.: удэгейцы [677, с. 212; 676, с. 104], орочи [13, с. 329-330]). (Ср.: у ангами-нага в голове человека живет дух *rhopfu,* который по своей природе женский [995, с. 185-186]). Напротив, у хайсла и других матрилатеральных групп Северо-Запада Америки пол донора души и реципиента души всегда один и тот же [1452, с. 198]. МКО в СТР основывается на своего рода концептуальном травестизме, обнаруживающем параллели с травестизмом в сфере культуры. Последний также имеет киральные формы, а именно принятие мужчинами женских стереотипов поведения, с одной стороны, и принятие женщинами мужских форм поведения – с другой.

[281] Для марийцев не исключено тюркское влияние, так как в конструкциях *аваже* «его мать», *ачаже* «его отец» формант *-же (-жо, -шо, -ше)* – показатель 3 л. ед.ч., а также сам термин *ача*, заимствованы из чувашского языка [919, с. 33].

[282] Образ птицы восходит к древнеиранской традиции, где известна вещая орлоподобная птица Симург. В пехлевийских текстах VI в. говорится, что Симург (Сэнмурв) обитает «на дереве всех семян, исцеляющем от зла», и что рыба Кара всегда кружит вокруг дерева и защищает птицу от жабы и других вредоносных [885, с. 11-12] (ср. с обскоугорским сюжетом).

[283] Мотив выноса птицей человека в верхний мир обнаруживает параллель в майясской танатологии. Согласно представлениям майя, душу человека через 819 дней после смерти выносит из преисподней в клюве Аист, после чего она попадает в утробу женщины [135, с. 70] (ср.: нивхи втыкали в надгробный домик перья орла, необходимые для благополучного прибытия на тот свет [1006, с. 732]). Образ птицы на вершине дерева имеет широкое распространение в Мезоамерике (Кецаль с головой бога дождя на рельефах Паленке, Сокол в эпосе киче и юкатеков, Аист в текстах на сосудах) [135, с. 71].

[284] Евразийский мотив «разорителя орлиных гнезд» может иметь (наряду с другими) реинкарнационную подоснову (см. прим. 283 о представлениях майя). Исходя из этого предположения, поддается объяснению наличие в армянском имени небесной птицы форманта *hawg* (*Sinamahawg*), который можно сопоставить с арм. *haw* «дед» (ср.: тюрк. *ajы* «творец», «гром», «дед» как эпитет орла [1006, с. 721-722], а также древнеиндийскую традицию нарекать мифических персонажей иденонимами и конструировать фенонимы из иденонимов в сочетании с именами мифических персонажей, например, *cem-pul-cey* «красный сын прекрасной птицы», где под птицей подразумевается Гаруда [29, с. 45]).

[285] Отдельную ветвь данной мифологемы составляет мотив рождения из яйца зловредных существ-чудовищ: Тифона в греческих мифах, западноевропейского Василиска, славянского Рарога, литовского Айтвараса и др. [875, с. 89]. В древнеиндийском мифе две сестры Кадру и Винату снесли яйца: у Кадру через пятьсот лет вылупились тысяча могучих змеев, а у Винату из одного яйца родилась небесная птица Гаруда [490, с.56]. У русских считалось, что петух старше семи лет может снести яйцо, из которого родится огненный Змей. Ср. также сюжет о Кощеевой смерти, хранящейся в яйце [875, с. 89].

[286] Ср.: в эпосе киче «Пополь-Вух» вторая пара близнецов была зачата от семени (или слюны) повешенной на дерево отрубленной головы героя-полубога Хун-Хун-ахпу [700, с. 38-40, 45; 135, с. 71].

[287] За пределами евразийско-африканского ареала мотив творения мира из яйца практически неизвестен. Среди сюжетов, принадлежащих этому кругу, отметим миф полинезийцев, в котором рассказывается о том, что божество в виде птицы отложило на воде яйцо, из которого образовались Гавайские о-ва [377, с. 347]. В Австралии у унгариньин был записан следующий миф: Клинохвостый Орел положил два яйца в свое гнездо на вершине

дерева. Пока он охотился на кенгуру, голубь выбросил яйца на землю и сел на них. Орел вернулся, не нашел яиц, но, увидев голубя, все понял. Он погнался за ним, но поймать не сумел. Тем временем друг голубя сова Дьюнггум бумерангом убил орла, а яйца превратились в два камня [1683, с. 118]. В другом австралийском племени рассказывали, что журавль бросил яйцо в небо, оно разбилось и из него возникло солнце [875, с. 93, прим. 37]. В Австралии (например, у камиларои) известны ритуалы инициации, частью которых является сооружение гнезда небесной птицы [1717, с. 417], что в точности повторяет инициационные обряды индейцев-же (в частности, каяпо). У папуасов-мбовамб рассказывается миф о том, как девушка нашла в лесу гнездо, свитое из прутьев кустарника *мунт* с птичьим яйцом на подстилке из листьев внутри. Когда она подняла яйцо, оно разбилось. Девушка съела его сырым, забеременела и родила сына. Когда мифическое существо Тайво в образе коршуна вернулось в свое гнездо, оно признало себя отцом мальчика. Когда мальчик вырос, он принес жертву на месте, где его мать нашла яйцо, и у него родились 4 сына, которые стали родоначальниками 4 групп мбовамб. В мифе родственных им минеимби говорится, что девушка, найдя яйцо, положила его себе в сумку. Придя домой, она решила его сварить, но когда открыла сумку, то обнаружила в ней вместо яйца новорожденного мальчика, который стал расти не по дням, а по часам [1523а, с. 26-27; 2077, с. 25 и далее, 35] (на мифы мбовамб и минеимби нам любезно указал П.Л.Белков). В папуасских мифах отчетливо прослеживается тема вселения в девушку души ребенка в виде яйца – тема, родственная, с одной стороны, австралийским представлениям о том, как женщины беременеют, посидев на камне, находящемся в тотемическом центре; а с другой – представлениям аборигенов Океании о вселении в женщину души предка через пищу. В мифе мбовамб девушка, родившая божественного ребенка, осознает, что не может дать ему свое имя (мбовамб патрилинейны) и поэтому называет его Мунтка — по имени кустарника, из которого было сделано гнездо; в мифе минеимби она дает ему имя Минеимби-Кой («птица Минеимби»). Обращает на себя внимание также тема варения «яйца», которая перекликается с обычаями «перепекания детей» у восточных славян с заложенным в них символическим тождеством материнского лона и печи, как дающей ребенку новое «социальное» рождение (см.: [872а]).

[288] Алломорфы яйца встречаются также в культуре андаманцев. В одной из их легенд говорится, что первый из людей родился в колене толстого ствола бамбука («как птица в яйце»). Бамбук раскололся, и первопредок вышел из него [566, с. 208].

[289] Вылавливают землю из вод мирового океана также скандинавский Тор, индийский Праджапати и полинезийский Мауи [719, с. 466].

[290] На существование комплементарных (киральных) повествовательных сюжетов указывал еще О.Миллер, когда писал об известном в Европе эпическом мотиве «Бой отца с сыном»: «Первичная основа сказания о бое между отцом и сыном распалась, по-видимому, на две ветви: в одной сын погибает от руки отца, в другой отец – от руки сына» [598, с. 12].

[291] Важность концепции Т.Тэрнера для семиотических исследований и ее перекличку с идеями Ю.М.Лотмана относительно литературных текстов отмечает Г.А.Левинтон, который, правда, по недоразумению называет этнолога, специалиста по культуре южноамериканских индейцев, «филологом-классиком» [522а, с. 234, прим. 48]. Критика Т.Тэрнера леви-строссовской концепции универсальных структур сознания с позиции южноамериканской мифологии имеет в качестве своей близкой параллели критику того же положения со стороны Д.Лабби, который, описывая культуру ямцев, в марксистском духе придает экономическим структурам, разворачивающимся в истории, роль двигателя эволюции СР [1600а].

[292] Обособление части внутренне дифференцированного целого, его автономизация и новый виток дифференциации является общепризнанным сценарием развития сложных систем, который в рутинном порядке применяется в популяционной генетике (новая популяция уносит с собой часть аллельного разнообразия предковой популяции), исторической лингвистике (ср. выделение языков банту из массы «бантоидных» языков Африки в теории Дж.Гринберга) и исторической этнографии (ср.: развитие австралийских эпигамных систем в результате «консервации, превращению в самостоятельный институт того, что до этого отрыва было лишь частью, одним из аспектов социальной организации» у Н.М.Гиренко [231, с. 25]).

[293] Ср.: у кашинауа (Бразилия) гром и молнии производятся небесными людьми, во главе которых стоит лысый человек с красной головой; у сыновей его красные волосы [1748, с. 133].

[294] Р.Лоуи отметил необычайно тесную связь песни и сверхъестественного в Америке по сравнению со Старым Светом [1673а, с. 424] Песнопения занимали центральное место в шаманском искусстве; песней шаман призывал своего духа-покровителя. Ср.: у она и яганов Огненной Земли шаман песней вызывал своего духа-покровителя, после чего душа шамана уступала ему место и уже дух подхватывал песню [1673а, с. 424].

[295] Можно предположить, что киральным коррелятом шаманства является колдовство. Насколько можно судить (хотя пока эта тема освещена в литературе не столь развернуто, как шаманство), колдовство как социокультурный феномен играет значительную роль в Западной Евразии и в Африке (см., например: [1518; 1648; 631; 1012; 1797]). Структура этого феномена и его роль в жизни общества сопоставимы со структурой и ролью шаманского комплекса в Сибири и Юго-Восточной Азии. Примечательна ареальная комплементарность шаманства и колдовства, граница между которыми пролегает по Уральским горам, и сходство между дистрибуцией шаманства и колдовства, с одной стороны, и мифологем «творения из яйца» и «ныряния за землей», КТР и ССП в пределах урало-алтайского этнокультурного массива – с другой. Шаманство самодийцев и обских угров примыкает к алтайскому миру и противостоит колдовскому комплексу прибалтийских и волжских финнов.

[296] Ср., например, плач и капризы новорожденного, интерпретируемые в реинкарнационных традициях как стремление духа умершего воплотиться в новом теле, и такие признаки шаманского дара, как нечленораздельные вопли и плач человека, одержимого духами. Однако, например, у тамангов (Непал) в нового шамана вселяется не душа его деда по отцу, а шаманский дух (*tutelary spirit*) последнего [1882, с. 22-23].

[297] Пересечение родственного и мифологического кодов обнаруживается также в свете лексико-семантических соответствий: 1) коми *чож* ДмРРж, *чужны* «родиться», *чож* «утка», *чужмор* «горностай» (ср. обско-угорский миф), морд. *чачомс* «родиться»; 2) нанай. *омо* «гнездо», *омокта* «яйцо», *омол* «внук», *омог* «род», *Омоси мама* – старуха-покровительница детей, эвк. *оми* «душа, изображение человека из камня, глины», *Омиси* – хозяйка детских душ, манчж. *Оми, Уми* – то же [763, с. 125], тюрк. *Умай* – женское божество.

[298] В этом и других списках учитываются те ТР, в которых реципрокаты обозначаются либо одним ТР, либо двумя ТР с общей корневой морфемой. Знаком * отмечены те СТР, в которых отождествление происходит в вокативной подсистеме.

[299] Сенексореципрокность не отслеживалась автором систематически, поэтому приводимый здесь список далек от полноты.

[300] В рукописи Э.Принсипа от 1622 г. указывается, что инки синонимичными ТР *villca* и *mallqui* обозначали «прадеда» и «правнука» как одно понятие [2221, с. 19]. В работе 1977 г. Р.Зайдема укеазывает в качестве денотата *villca* только ДмДД [2222, с. 245], и не понятно, является ли это ошибкой или результатом утраты ТР значения родственника +2 поколения.

[301] В украинских диалектах известно взаимное употребление термина *пращур* [152, с. 62], которое в русском языке представляет собой устаревшее название предка. В середине XIX в. в церковных законах под этим термином фигурировал $Р^5$ («пращур выше прапрадеда»), однако «Кормчая книга» (гл. 48, грань 7) фиксирует для него значение $Д^5$ («пращур ниже праправнука») [786, с. 208]. В старопольском *praszchur* также означал «правнука» [892, с. 72]. Этимология ст.-слав. *-štur* (< **stur*) неясна, но, исходя из обоснованной в [288; 289] индоевропейской метатезы и довольно устойчивого в пределах индоевропейской семьи, хотя и спорадического, соответствия «*s-mobile* ~ ларингальный», можно допустить родство праслав. **stur* «правнук, прадед» и хетт. *Hartu* «правнук» (**Hartu* > **Htur* > **stur* > **štur*). В этом случае, ПИЕ и ПС СТР, видимо, имели сенексореципрокные черты.

[302] Сенексореципрокность нам видится в тождественности корневых основ *caw* и *gaw* (после сонанта) в таких формах, как *caw* $Д^4$, *gorchaw* $Д^5$, *hengaw* $Р^4$м, *gorhengaw* $Р^5$м, *carcaw* «родственник или потомок в девятом поколении» [1395, с. 77].

[303] См. общие работы: [1793; 1034; 1661; 1719].

[304] См. общие работы по континенту и по регионам: [2052; 1361; 1365; 1583].

[305] Несмотря на общее имя «пайюты», северные пайюты, или павиотсо, и южные пайюты обособлены в языковом и культурном отношении.

[306] Каска *tsuu* РжР, *tsuwa* ДД, ДДжРРм [1262, с. 445; каска верховьев р. Лайард *(e)stsii'e* РмР = ДмДмРРжЭм =РмС, *(e)stsuu'* РжР = ДжРРм = ДжДжРРмЭм = РжС, *(e)stca'* ДД = СжДм [1505, с. 75-76]; каска оз. Фрэнсес *istsuu* РжР = ДжРРм = РжС, *istsuue* ДД [1505, с. 82].

[307] У юма **a'áw* ДДм, **namáw* РжРм, **napáw* РмРм, где *n-* – специальный префикс, используемый только с иденонимами и означающий «иметь кого-то, кто» [1441, с. 429, 431, 437].

[308] Атрибуция проведена на основе хайда *tc'αn* РмР, *t'a'kαn* ДД (из: [1782, с. 356-357]).

[309] См. общие работы: [1906; 1907].

[310] Майяск. *mam* РмРж = ДмДжЭм = ДмДхРРх [1267, с. 190-192]; юкат.-майяск. *mam* РмРж = ДмДжЭм [1194, с. 303-304]; лаканд.-майяск. *mam* РмРж = ДДж = ДДхРРу = СмДжР = ДмРСж, (сев.-лаканд.) См; *mim* РжРм = ДДмЭж, *chiich* РжРж = ДДжЭж; юж.-лаканд. *chan mam* (букв. «маленький *mam*») РмРж = ДДжЭм [1134, с. 8, 19, 20]. Дж.Мэтлок [1719, с. 275] также упоминает «отождествление альтернативных поколений» у майя-мам Гватемалы, но источник, на который он ссылается [2162] такой информации не содержит.

[311] См. общие работы: [1249].

[312] К.Леви-Стросс [1636, с. 19-22] дает следующие ТР намбиквара: *asoúnosu* РмР, ДмРРж, *asui'ittu* ДД, ДмРРР, *asuēlisu* ДмРДД. Однако в ходе своей сравнительно недавней полевой работы среди намбиквара С.Кук (согласно Г.Шеффлеру и Ф.Лаунсбери) обнаружила, что *asui'ittu* and *asuēlisu* всегда использовались взаимно не только между боковыми родственниками, но и между родственниками прямой линии ± 2 поколений [1987, с. 184-185].

[313] ТР консервативной группы кечуа-керо сохраняют утраченный в других диалектах ВТР *qoway* РжРж, *haway* ДД. На его древность указывает параллель из родственного кечуа языка алакалуф (андийская семья языков): *se-kway-ok* РжР, *se-kwai* ДД.

[314] См. общие работы: [1811, с. 11, 15].

[315] См. общие работы: [1503; 2014].

[316] У У.Риверса даны этнонимы рафурафу, фиу и хеуру (у рафурафу также авункулореципрокность), которые отсутствуют в справочнике «Этнолог». Рафурафу может быть идентично с таварафа (о-ва Санта-Ана и Санта-Каталина), один из диалектов которого (кауа) фигурирует у Р.Кодрингтона (см. авункулореципрокность).

[317] Помимо полного авореципрокного вокативного термина *apu* ДД, РР, у таумако фиксируется типичные для Океании модифицированные рефлексы того же протоавстронезийского корня: *hipa* РР, *makupu* ДД [1219, с. 161-166].

[318] Терминологическое слияние «дедов» и «внуков» фиксируется Б.Диконом для СТР обитателей западного побережья о. Эпи [1223, с. 498]. Для других районов, в частности для северо-запада острова, эта особенность не характерна [1167, с. 79].

[319] В Океании, как и в Юго-Восточной Азии, большинство СТР демонстрирует рефлексы ПА **pu-* РР = ДД.

[320] В вокативном употреблении все реципрокаты разных поколений пользуются одинаковыми терминами: например, *ta* Рм = Дм; *ma* Рж = Дж; *anda* РмР = ДДЭм, *ap* РжР = ДДЭж, *apa* ДмРРж = ДДжР, *ata* ДжРРм = ДДмР, *wo ta* ДмРРм = ДДмР, *nonda* (букв. «гриб» — апеллятив, трактуемый как «псевдоним» этого отношения) РСж = СмДж [2077, с. 106-107].

[321] См. общие работы: [108; 563; 1900; 1899; 1277].

[322] Йарайдьяна, вотати, итинадьяна, мбейвум и нгамити, имеющие сильно модифицированные авореципрокные ТР (всего 4) и обозначенные У.Макконелл как «племена», могут представлять собой диалекты одного языка. Ср. йарайд., вотати, нгамити *woraθa* (итинад. *wola*) РмРм, *woruka* (итинад. *wolongan*) ДДмЭм, *ätiθa* (итинад. *äti*) РмРж, *ätuka* (итинад. *ätingan*) ДДжЭм (у мбейвун лексическая диссимиляция в этих категориях еще более существенна: *ulwu* РмРм, *olont* ДДмЭм, *tye:e:tyi* РмРж, *ntyi* ДДжЭм /ср. антиингит *antyi* РмРж/); йарайд, вотати *apiθa* (итинад. *äpi*, мбейвум *päp*) РжРм, *apuka* (итинад. *äpingan*,

мбейвум *'pe'*) ДДмЭж, йарайд, вотати, нгамити *ämiθa* (итинад. *ämi*, мбейвум *mäm*) РжРж, *ämuka*, *ämukan* (итинад. *ämingan*, мбейвум *me'*) ДДжЭж (по: [1686, с. 129 и сл.]).

[323] Видимо, йуин пама-ньюнганской группы.

[324] Диалект называется пинтупи-луритья и является общим для «племен» пинтупи и луритья.

[325] Авореципрокность отсутствует в СТР северных и северо-восточных алуридья: ср. куката *bagali* РмР = ДмД, *kabili* РжР, *kabali* ДжД при сев.-алур. *djamo* РмР, *kami* РжР, *bagali* ДмД, *pileri* ДжД.

[326] Ауэн (акоэ) – северная группа бушменских языков; нарон – юго-западная подподгруппа подгруппы тшу-кве центральной группы; хоа – подгруппа хуа южной группы.

[327] Хадза *koku* РмРм = ДД, *goku* РР, *akai* «дед», *akaije* «внук, внучка» [1115, с. 48, 98, 7].

[328] В молдавских диалектах фиксируется термин *moş* во взаимном значении «дед; внук» [590, с. 30] при общерум. *moş*, арум. *moaşă* «старик, дед» (заимствовано саксонским диалектом немецкого в форме *moš*, *moschu* с теми же значениями [2006, с. 364; 1432, т. 7, с. 258]), молд. *moşán* «наследник», *moşíje* «родина», позднее «усадьба» [607, с. 395], алб. *moshë* (диал. *mocë*, с более архаичным консонантизмом) «возраст», *mot* «год, возраст; погода, буря, гроза» [630, с. 206; 1138, с. 649; 1852, с. 274]. В.П.Нерознак относит эту форму к палеобалканскому наследию в албанском и предполагает заимствование из албанского в румынский. Семантическая сторона вопроса не дает подтверждения этой точке зрения, так как родственное значение румынской формы представляется более архаичным. Скорее можно предполагать конвергентное фонетическое развитие этих форм в албанском, румынском и сохранение в румынском архаичного спектра значений и семантическое развитие в албанском типа «дед = внук > «старший» vs. «младший» > возраст (ср. типологически кит. *шаньцянь* «глубина» от *шань* «глубокий» + *цянь* «мелкий» [766, с. 12]) > год > погода».

[329] В этрусском фиксируются такие формы, как *papa* РмР, *papals* ДмДЭм (*-l-* – генитив, *-s* – номинатив), букв. «принадлежащий деду»; *teta* РжР, *tetals* ДжДЭж [1132, с. 74, 89].

[330] У юма **napí* ДжРРм, **varapí* ДДмРЭж (амитореципрокность) с префиксами *n-* (см. «Авункулореципрокность / Сев. Америка / юма») и *war* [1441, с. 432-433, 438]

[331] Амитореципрокность реконструируется на основании следующих схождений: камия *enpi* (кокопа *enyipi*, дигеньо *inpi*) ДжРРм, *epii* (кокопа *haiapi*, дигеньо *ipii*) ДДмРЭж.

[332] У кайова-апачей авункулореципрокный термин *bá·ye* ДмРРж = ДДжРЭм сохранился на положении альтернативного [1552, с. 24].

[333] Каска Диз-Ривер и верховьев р. Лайард *seze* (*seze'*) ДмРРж = ДДжР [1505, с. 75, 77].

[334] Вичитск. *nati-watsiõssi* ДмРРж и *nati-tsĕwatsī* ДжДжР, очевидно, содержат общую основу *watsi* (при *nati* «мой») (из: [2051, с. 259]).

[335] Существует всего один список иденонимов этого этноса, в котором женский сиблинг породителя отождествляется с дочерью мужского сиблинга женщины. Он был составлен в 1922 г. со слов одного индейца, находившегося в тот момент в г. Филадельфия (США) [1440, с. 491]. Другие записи эту особенность не фиксируют.

[336] Лау *aia* ДжРРм = ДДмРЭж [1121, с. 216]. Ср. сика *aʔa* ДжРРм, фиу *aiʔa* ДжРРм, добу *yaia-na* «женщина первого восходящего поколения из деревни отца», букиндон-манобо *aya-ʔ* «тетка» (формы там же) с исчезновением кроссреципрокности.

[337] У Р.Кодрингтона о. Макира указан под своим старым названием Сан-Кристобаль.

[338] Моту *lala* (< **aya*) ДжРРм = ДДмРЭж [1121, с. 217].

[339] В одном из ранних источников упоминается термин *vugo* ДмРРж, ДмДжРЭм, ДмДмРЭж, СД для всех фиджийцев без уточнения группы [2105, с. 372, 378].

[340] Во всех этих диалектах восточной группы трансновогвинейской семьи отмечаются идентичные авункуло- и амитореципрокные ТР [1561, с. 795-796] (см. 10.14.1.).

[341] Помимо амитореципрокного равенства, у кариера, если ДмДжР старше эго, то он становится для него ДмРРж, и наоборот [1898, с. 154].

[342] В исследовании Э.Кёрра [1213, с. 267], цитируемом А.Н.Максимовым [563, с. 55], интересующие нас реципрокаты обозначены *nawer* с глоссой «дядя и племянник».

[343] В источнике даны очевидные когнаты *barboon* ДжРРм и *barba* «племянница» [1858, с. 326], так что специфика последней категории не ясна (ДжДмРЭж, ДжДмР или ДжДР).

[344] Авункуло-реципрокность отсутствует; амитореципрокность наблюдается на стадии распада: ср. *yámbar*, *yámbarno*, *mbárno* ДжРРм, *yámb*, *yámbar*, *mbárno*, *mbári* ДДмРЭж [1899, с. 233].

[345] СТР ауэн и хоа обладают рыхлой структурой, так что авункуло- и амитореципрокные отождествления являются частью более широких категориальных слияний. Так, у хоа женские сиблинги родителей и дети младших сиблингов эго называются одним ТР, а ТР для старших мужских сиблингов родителей несколько от него отличается [1412, с. 434-435]; у ауэн *!ku-ma* ДмДР, ДмДРР, *di !ku-ma* ДжДР, ДжДРР, *ba !ku-ma* ДжРРм, ДмРРм [1113, с. 64].

[346] Автор выражает признательность Е.А.Алексеенко за возможность поработать с ее конспектом статьи Г.М.Корсакова, которая была сдана в печать, но так и не вышла в свет.

[347] Ср.: юма **naví* +ДмРРм (с префиксом *n-*), **avét* Д-ДмРЭм [1441, с. 433] с патруусреципрокностью и делением реципрокатов по относительному возрасту, как в СРВМ.

[348] Атрибуция основывается на родстве китан. *makai* и серр. *mak* -ДмРРм, соответственно, с *a'kuna* ДмДмРЭм и *aka* Д+ДмРЭм, с утратой начального сонанта и дополнительной суффиксацией в последних двух случаях.

[349] У бушменов-!кунг мужской сиблинг отца и сын мужского сиблинга могли употреблять в отношении друг друга один и тот же ТР. Но при этом нужно иметь в виду, что СТР !кунг была подчинена фенонимической системе, т.е. ВТР устанавливалась между эго и тем родственником, в честь которого он был назван [1710; 1711].

[350] Хадза *simiki* ДмРРм = ДмДмР [1115, с. 180].

[351] В своем обширном исследовании по ИЕ ТР О.Семереньи [2085, с. 59] упоминает перс. *afdar* в значении «племянник, дядя». Однако в словаре Г.Моргенстьерне, на который дана ссылка, нов.-иран. *afdar*, каб. *auder*, ормури *audūr* дается только значение «дядя по отцу» [1775, с. 81; 1776, с. 386]). Другая работа, в которой используются материалы Г.Моргенстьерне, а именно [1989, с. 74], также не содержит указаний на кроссреципрокное значение этой формы. Однако эти формы сопоставимы с др.-англ. *suhterga*, который фиксируется в значении «сын брата, брат отца; дядя» (см.: [1162]), а также со ст.-слав. *str-ъjъ*, др.-рус. *стрый* «брат отца», в.-луж. *tryk*. Вопреки распространенному мнению (см.: [1753, с. 124-125; 2148; 892, с. 80; 2085, с. 55-57]), славянские названия «брата отца» не являются редуцированным **patruios* (славянские языки вообще не знают рефлексов **pVtér* в значении «отец»), а восходит к **sŭtruios* и далее к **auetruiós* и **awo-ter* (см. подробнее: [289]).

[352] Подчеркиванием выделены этнические группы, отсутствующие в более ранних перечнях Дж.Мёрдока [1790] и В.А.Попова [686, с. 50-52]). Некоторые из этнических групп, значащихся у Дж.Мёрдока и В.А.Попова как имеющие генерационно-скошенную номенклатуру, здесь отсутствуют: они были переатрибутированы, как МП или МСП. Курсивом выделены системы, которые демонстрируют МК или МО с соответствующей филиацией, но при этом имеют также МСП в виде уравнений +ДмР = ДмРРж или +ДжР = ДжРРм.

[353] Ср.: ваппо ***etsa* -ДжРРм = +ДжР = Дж+ДжРРм = Дж+ДмРРм = Дж+ДжРРж**, *atsa* ДДжДмРЭж, *etcis* Дм+ДжРЭм, *etcisbi* Дж+ДжР; *yau* -ДмР = Дм+ДмРЭж = Дм-ДмРРм = Дм-ДжРРж = Дм-ДмРРжЭж, *yapi* -ДжР = Дж+ДмРЭж = Дж-ДжРРжЭж; ***olo* -ДмРРм = Дм+ДжРРм,** *ek'a* **Дм-ДмРРжЭм** = Дм+ДмРЭм = Дм+ДжРЭж; южные помо *abatsin* РмРм = +ДмРРм, *acatsen* РжРж, *acutsen* +ДжРРж, *amatsin* РжРм, *amutsin* ДжРРм, *kad'en* ДмД = Дм-ДмРЭм = Дм-ДжРЭж, *kademde* Дж-ДмРЭм = Дж-ДжРЭж, ***adjigin* -ДмРРм = ДмДжРРм, *adigin* Дж+ДмРРм = Дж+ДжРРж, *amutsin* ДжРРм = ДжДжРРм, *apakin* Дм = Дм+ДмРЭм = Дм+ДжРЭж = ДмДмРРжЭм, *apankin* Дж = Дж+ДмРЭм = Дж+ДжРЭж = ДжДмРРжЭм** [1361, с. 113-114, 116]. Черным выделены уравнения, содержащие МК.

[354] Ср.: *naa*^{x}*sa* РРЭж = ДжРРмЭж = СмДжРРмЭж, *nitau'ka*^{x}*s* РжРЭм = ДжРРмЭм = РжСжЭм, *naa*^{x}*s* РРЭж = РСжЭж (редко), *nicĭnnnaua*^{x}*s* РмРЭм = РмСжЭм (редко) [2206, с. 15].

[355] Ср. вариативность скосов по диалектам: росс-ривер *esu*$_{c}$ РжРм = ДжРРжРм = ДжРРм = РжСм [1522, с. 225]; аппер-лайард *(e)stsii'e* РмР = ДмДжРРмЭм = РмС, *(e)stsuu'* РжР =

ДжРРм = ДжДмРРжЭм = РжС, *(e)stca'* ДД = СжДм [1506, с. 75-76]; диз-ривер *estsuwa* ДмД = ДДжРРмЭм, *estsii* РмР= РмС, *estsuu* РжР = РжС [1506, с. 77-78].

[356] У тукано *wameocjo* РжРм, *wameo* ДжРРм [2046, с. 65].

[357] В своей гарвардской диссертации П.Бенедикт дает для канаури (гималайская группа синотибетской семьи) уравнение *banu* ДжДжР = ДжДмРРж, *banaa* ДмДжР = ДмДмРРж. В восходящих поколениях скоса не наблюдается (термин для ДмРРж представлен явно нескошенным). Правда, П.Бенедикт не дает термина для ДДжРРм, так что, возможно, это огрехи фиксации.

[358] В конце XIX в. У.Спенсер и Ф.Гиллен зафиксировали у арабуна термин *nowillie* РжРм = ДжРРм без параллельного скоса в нисходящих поколениях [2049, с. 59-68]. Данные А.Элькина (1930-е гг.) эту информацию не подтверждают, и в целом генерационный скос для австралийских СТР не характерен [1277, т. 8, № 4, с. 438]. Нельзя, однако, исключить и редукцию ТР для РжРм (*bilya*, в записи А.Элькина) от основы *nowillie/ngauwili* в виду того, что у вонгконгуру РжРм – *abila*, а ДжРРм – *baiyeyi* [1277, т. 9, № 1, с. 63].

[359] Аттрибуция основывается на очевидной производности *cuanaj* +ДмРРж от *cuan* РмРж [1948, с. 229-230].

[360] У машона *vatete* ДжРРм, *muzukuru* ДД = ДДжРРмЭм, *sekuru* РмР = ДмРРж = ДмДмРРж (*mayi nini* ДжДмРРж), *mbuya* РжР = РжСж, *mnana wa vatete* (описат.) ДДжРРмЭж [1063, с. 213].

[361] У орокайва *abije* РР, ДД, ДДжР при отсутствии соответствующего скоса в +2 и -2 поколениях. Для ДДжР имеется альтернативный ТР *mei abije*, где *mej* – Дм [2201, с. 109].

[362] МО фиксируется у трансновогвинейцев, населяющих р-ны Стар-Маунтинс, Мандобо и Муджу, а также у представителей семьи телефомин [1890, с. 138, 160, прим. 6].

[363] У викмункан и канджу Дж+ДмРРж называется «кузина-мать»; у йирйоронт, помимо этого, ее муж зовется *pinya* «отец». Параллельного сдвига в нисходящих поколениях нет. У ярайдьяна вся линия СмДжРРмРж называется линией «ложного отца» (*gammon-father line*).

[364] Редкое употребление термина *чужмурт* ДмРРж в отношении РмРж [123, с. 40, 62].

[365] Знаком * отмечена среднекумулятивность, а знаком (–) – слабокумулятивность.

[366] Среди древних ИЕ языков кумулятивность фиксируется в древнеисландском [2152, с. 26], ср.-нем. (типа *muhmesohn*, *muhmekind* (*momenkint*, *momenchint*) (< *mohme* ДжРРж) [1410, т. 6, с. 2647] и хеттском (см., например, *anna-neka* ДжРРж, от *anna* Рж и *neka* ДжР (см.: [1334]).

[367] Кумулятивная система заимствована у шведов.

[368] Сильная форма кумулятивности используется самоанцами наряду с системой, основанной на инкорпорирующем принципе и относительном возрасте.

[369] В данном списке не перечислены индоевропейские этносы – носители линейно-степенных СТР. В послевоенную эпоху сдвиг от бифуркативно-линейной модели (*уйек* ДмРРж, *стрыек* ДмРРм) к линейно-степенной (*уйек* ДмРР) произошел в польской СТР (см.: [1866]).

[370] Л.Спир [2052] и Дж.Мёрдок [1789, с. 223] называли линейный тип «эскимосским».

[371] Согласно А.Кроберу, в 0 поколении СТР юрок линейно-степенной тип сосуществует с инкорпорирующим, однако Э.Гиффорд фиксирует только инкорпорирующую ситуацию.

[372] У вашо линейно-степенная структура фиксируется в речи младшего поколения (информация 1960 г.) носителей языка, что делает возможным влияние англо-американского языка.

[373] В женской ветви +1 поколения: *nam* Рж, *nam viam* ДжРР (также СжДмРРм, СжДмРРж, Сж+ДмР) [2059, с. 122].

[374] Туравал (туррубул) – название языка, мулула (у А.Н.Максимова) – название группы. Туравал относится к юин-курской подгруппе, а кабикаби – к подгруппе вака-каби пама-ньюнганской группы.

[375] У бушменов-хоа для патри- и матрилатератов в +1 поколении используются различные типы номенклатуры – бифуркативно-линейный и линейный [1412, с. 423-424].

[376] Хотя Г.Доул причисляет пигмейские СТР к «примитивно-изолирующим», К.Тёрнбулл не фиксирует у мбути и бира линейных номенклатур (см.: [2129, с. 110 и след.]).

[377] Знаком * отмечены группы, у которых эта концепция связана с обычаем наследования имен.

[378] Сведения о бытовании у русских этого обычая в XIX в. относятся к Саратовской, Новгородской, Владимирской, Калужской губ., Сибири и Северному Кавказу (см.: [795, с. 255; 557, с. 98; 769, с. 6; 78, с. 116-117], а также РЭМ, архив Тенишева, д. 52, 821, 541, 802, 781, 796). Мы благодарны Д.А.Баранову за предоставленную информацию. Наречение новорожденного по именам деда или бабки, а также поверья о физической и энергетической связи между лицами альтернативных поколений зафиксировано в настоящий момент в среде сельских и городских жителей Карелии, Архангельской и Ленинградской обл. (см.: [721]; а также: [73, с. 24]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абаев В.И.* Скифский язык // *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М., 1949.

2. *Абаев В.И.* О языковом субстрате // Докл. и сообщ. Ин-та яз-ния АН СССР. М., 1956.

3. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1-4. Л., 1958-1989.

4. *Абаев В.И.* О родовых отношениях и терминах родства у осетин // Энгельс и языкознание. М., 1972.

5. *Абаев В.И.* Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. М., 1979.

6. *Абакарова М.М., Гаджиахмедов Н.Э.* Термины родства в диалектах кумыкского языка // ПОЛДЯ.

7. *Абдуллаев А.А.* Лакские термины родства в условиях двуязычия // ПОЛДЯ.

8. *Абдуллаев З.Г.* К генезису терминов родства даргинского языка // ПОЛДЯ.

9. *Абдуллаев З.Г.* Предисловие // ПОЛДЯ.

10. *Абрамзон С.А.* Формы семьи у дотюркских и тюркских племен Южной Сибири, Семиречья и Тянь-Шаня в древности и средневековье // Тюркологич. сб. М., 1972.

11. *Абрамзон С.М.* “Тул” как пережиток анимизма у киргизов // Белек С.Е. Малову. Фрунзе, 1946.

12. *Абрамзон С.М.* Рождение и детство киргизского ребенка // Сб. МАЭ. Т. 12. 1949.

13. *Аврорин В.А., Козьминский И.И.* Представления орочей о Вселенной, переселении душ и путешествии шамана, изображенных на карте // Сб. МАЭ. Т. 11. 1949.

14. *Аврорин В.А., Лебедева Е.П.* Инцест в фольклоре орочей и классификационная система родства // Изв. Сибирского отд. АН СССР. Сер. обществ. наук. 1979. Вып. 1.

15. *Автамонов Я.* Символика растений в великорусских песнях // ЖМНП. 1902.

16. *Айбазова Е.С.* Термины родства в ногайском языке // Актуальные проблемы карачаево-балкарского и ногайского языков. Ставрополь, 1981.

17. *Акимов А.Е., Бинги В.Н.* О физике и психофизике // Сознание и физический мир. Вып. 1. М., 1995.

18. *Аксельрод Л.* Против идеализма. М., 1924.

19. *Аксенова И.С., Топорова И.Н.* Тексты курия // Младописьменные языки Африки. М., 1981.

20. *Алатырев В.И.* Имена с аффиксом -*эсь* // Зап. Удмуртск. НИИ. Вып. 21. Ижевск, 1970.

21. *Александренков Э.Г.* Индейцы Антильских островов до европейского завоевания. М., 1976.

22. *Александренков Э.Г.* “Таино”, “макори”, “гуатиао” – три формы этнической ориентации индейцев Антильских островов // Исторические судьбы американских индейцев. М., 1985.

23. *Алексеев Н.А.* Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири. Нсб., 1992.

24. *Алексеенко Е.А.* Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967.

25. *Алексеенко Е.А.* К вопросу о роли фактора родства в социальной жизни кетов // ОСР.

26. *Алексеенко Е.А.* Представления кетов о мире // ПЧРП.

27. *Алексеенко Е.А.* К изучению мифологических параллелей медвежьему культу кетов // Системные исследования взаимосвязи древних культур Сибири и Северной Америки. Вып. 2. СПб., 1995.

28. *Аллен Н.Дж.* Начальный этап эволюции терминологии родства дравидийского типа // АР-1.

29. *Альбедиль М.Ф.* Типы протоиндийских надписей // ДСП.

30. Аналитическая философия. Избранные тексты. М., 1993.

31. *Андреев М.С.* Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи). Т. 1. Сталинабад, 1953.

32. *Андреев Н.Д., Суник О.П.* О проблеме родства алтайских языков и методах ее решения // ВЯ. 1981, № 2.

33. *Анисимов А.Ф.* Родовой строй у эвенков. Л., 1936.

34. *Аннаклычев Ш.* Мотивы выбора имен у туркмен // ЛИП.

35. *Анохин А.В.* Душа и ее свойства по представлениям телеут // Сб. МАЭ. Т. 8. 1929.

36. *Анохин П.К.* Теория функциональной системы // Успехи физиологических наук. 1970. Т. 1, № 1.

37. *Антропова В.В.* Представления коряков о рождении, болезни и смерти // ПЧРП.

38. *Анфертьев А.Н.* Греки // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1988.

39. *Апресян Ю.Д.* Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики // Проблемы структурной лингвистики. М., 1963.

40. *Апресян Ю.Д.* Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966.

41. *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. 1986.

42. *Апсатарова С.* Употребление форм множественности в мишкинском говоре марийского языка // Linguistica Uralica. 1998. Vol. 34, № 1.

43. *Арнольд И.В.* Дифференциальные семантические признаки // XVIII Герценовские чтения. Филол. науки. Тез. докл. Л., 1965.

44. *Арнольд И.В.* Эгоцентрические слова // Анализ текста. Лексика и лексикография. М., 1989.

45. *Арсеньев В.Р.* Общности по “клановому имени” (“джаму”) у населения верховьев

Сенегала и Нигера // Этническая история Африки. М., 1977.
46. *Арсеньев В.Р., Попов В.А.* К типологической характеристике современной системы терминов родства бамбара // Полев. иссл. Ин-та этногр. 1978. М., 1980.
47. *Арсланов Л.Ш.* Язык юртовских татар // Мат-лы по татарской диалектологии. Казань, 1976.
48. *Артемова (Чудинова) О.Ю.* Предисловие // *Макконнел У.* Мифы мункан. М., 1981.
49. *Артемова О.Ю.* Лукавство или самообман? (О "латеральности" счета родства и о некоторых историко-социологических реконструкциях) // АР-3.
50. *Арутюнова Н.Д.* Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка. 1981, № 3.
51. *Асмангулян А.А.* История армянских терминов родства. Ереван, 1983.
52. *Атаманов М.Г.* Обряды и поверья удмуртов, связанные с именами // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII–XX вв. Устинов, 1985.
53. *Атаманов М.Г.* Удмуртская ономастика. Ижевск, 1988.
54. *Атаян Э.Р.* Метафора. Метонимия. Синекдоха // Вест. Ереван. гос. ун-та. 1978, № 1.
55. *Аткнин В.Д.* Корейская терминология родства // АР-4.
56. *Афанасьев В.Г.* О системном подходе в социальном познании // ВФ. 1973, № 6.
57. *Афанасьева В.К.* Анзуд // МНМ. Т. 1.
58. *Афанасьева В.К.* Этана // МНМ. Т. 2.
59. *Афанасьева Г.М.* Традиционная система воспроизводства нганасан (Проблемы репродукции обособленных популяций). Ч. 1. М., 1990.
60. *Афанасьева Г.М.* Цели и методы исследования порядка репродукции аборигенов Северной Сибири // Этносы и этнические процессы. М., 1993.
61. *Афанасьева Г.М., Симченко Ю.Б.* О брачных системах автохтонных народов Северной Азии // СЭ. 1981, № 4.
62. *Афанасьева Г.М., Симченко Ю.Б.* Метод генеалогических описаний и возможности его использования при сборе данных о порядке репродукции, брачных нормах и номенклатуре родства // Методика и методология антропологических исследований. М., 1992.
63. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
64. *Ахметьянов Р.Г.* По поводу теории имитативов // ДТП. Вып. 9. 1981.
65. *Ашмарин Н.И.* Основы чувашской мимологии. Казань, 1918.
66. *Ашмарин Н.И.* Подражание в языках Среднего Поволжья // Изв. Азерб. ун-та. Сер. обществ. наук. 1925. Вып. 1-4.
67. *Ашмарин Н.И.* О морфологических категориях подражаний в чувашском языке. Казань, 1928.
68. *Бабакаев В.Д.* Очерки морфологической структуры ассамского языка. М., 1980.
69. *Бабушкина Р.В.* Термины родства на материале мокша-мордовского языка // Тез. докл. и сообщ. к Всесоюзн. конф. по вопр. финно-угорского языкознания. Ужгород, 1963.
70. *Бабушкина Р.В.* Термины родства как факты генетической связи мордовского народа с другими финно-угорскими // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965.
71. *Бабушкина Р.В.* Способы выражения категории собирательности в системе волжско-финских языков // Актуальные вопросы мордовского языкознания. Саранск, 1988.
72. *Байбурин А.К.* Коды обряда и их взаимодействие // Фольклор: Проблемы сохранения, изучения и пропаганды. Ч. 1. М., 1988.
73. *Байбурин А.К.* Ритуал: между биологическим и социальным // ФЭД.
74. *Байбурин А.К., Левинтон Г.А.* Тезисы к проблеме "Волшебная сказка" и свадьба // Quinquagenario. Сб. статей молодых филологов к 50-летию проф. Ю.М.Лотмана. Тарту, 1972.
75. *Байбурин А.К., Левинтон Г.А.* К проблеме "У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов" // Фольклор и этнография. Л., 1984.
76. *Бакланова Е.Н.* Личные имена вологодских крестьян по переписи 1717 г. // ЛИП.
77. *Балдаев С.П.* Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ, 1959.
78. *Баранов Д.А.* «Незнакомые» дети (К характеристике образа новорожденного в русской традиционной культуре) // ЭО. 1998, № 4.
79. *Барт Р.* Мифологии. М., 2000.

80. *Бартон Р.Ф.* Предварительный анализ древнейшего слоя терминов родства у племени ифугао // Советская этнография. Сб. статей. Вып. 3. М.-Л., 1940.

81. *Баскаков Н.А.* Каракалпакский язык. II. Фонетика и морфология. М., 1952.

82. *Баскаков Н.А.* [Рец.]: *Корнилов Г.Е.* Теория имитативов и данные чувашских диалектов (К теории имитативов I–IV) // Советская тюркология. 1981, № 3.

83. *Баскаков Н.А.* О происхождении этнонима *БАШКИР* // ЭОН.

84. *Бахтин М.М.* К философии поступка // Философия и социология науки и техники. 1984-1985. М., 1986.

85. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986.

86. *Башкуев Б.В.* Своеобразие личных имен предбайкальских бурят // Бурятские антропонимы и топонимы. Улан-Удэ, 1981.

87. *Бауэрман К.* Следы тотемического родового устройства у паренских коряков // Советский Север, № 2. Л., 1934.

88. *Бегжанов Т.* Термины родства в муйнакском говоре каракалпакского языка // Вопросы диалектологии тюркских языков. Вып. IV. Баку, 1966.

89. *Бекмуратова А.Т.* Терминология родства у каракалпаков // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978.

90. *Белицер В.Н.* Очерки по этнографии народов коми // ТИЭ. Т. 45. 1958.

91. *Белков П.Л.* Племя и вождество: К определению понятий // Племя и государство в Африке. М., 1991.

92. *Белков П.Л.* Синтез пространства и времени в представлениях первобытного человека // Пространство и время в архаических культурах. М., 1992.

93. *Белков П.Л.* О методе построения теории этноса // Этносы и этнические процессы. М., 1993.

94. *Белков П.Л.* Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? // Ранние формы политической организации. М., 1995.

95. *Белков П.Л.* Тетраидная теория как элемент научного познания, или По поводу смысла “алгебры родства” // АР-1.

96. *Белков П.Л.* Система экзогамии // АР-4.

97. *Белков П.Л.* Миф и категории социального пространства (Понятие рода у аборигенов Австралии) // Ранние формы социальной организации. СПб., 2000.

98. *Беляев П.* Религиозные и психологические представления первобытных народов // ЭО. 1913, № 1.

99. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.

100. *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.

101. *Бенуис Э.* Терминология родства берберов Марокко и Ливии // АР-1.

102. *Березкин Ю.Е.* Сюжеты южноамериканской мифологии // Исторические судьбы американских индейцев. М., 1985.

103. *Березкин Ю.Е.* Голос дьявола среди снегов и джунглей. Л., 1987.

104. *Березкин Ю.Е.* Аномалии в южноамериканской мифологии // ФЭД.

105. *Березкин Ю.Е.* Мифы индейцев Южной Америки. СПб., 1994.

106. *Беркли Э.* Символическая логика и разумные машины. М., 1961.

107. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М., 1988.

108. *Берндт Р.М., Берндт К.Х.* Мир первых австралийцев. М., 1981.

109. *Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков. М.-Л., 1946.

110. *Берталанфи Л. фон.* История и статус общей теории систем // Системные исследования. М., 1973.

111. *Бехерт И.* Эргативность как исходный пункт изучения прагматической основы грамматических категорий // НЗЛ. Вып. 11. 1982.

112. Библейская энциклопедия. М., 1891.

113. *Бикбулатов Н.В.* Терминология и система родства башкир // Археология и этнография Башкирии. Т. 2. Уфа, 1962.

114. *Бикбулатов Н.В.* Система родства башкир. М., 1964.

115. *Бикбулатов Н.В.* Антропонимы и термины родства // Ономастика Поволжья. Вып. 3. Уфа, 1973.

116. *Бикбулатов Н.В.* Историческое развитие башкирской системы родства // Обычаи и культурно-бытовые традиции башкир. Уфа, 1980.

117. *Бикбулатов Н.В.* Система родства у тюркоязычных народов и проблема большой семьи // Проблемы современной тюркологии. Алма-Ата, 1980.

118. *Бикбулатов Н.В.* Башкирская система родства. М., 1981.

119. *Бикбулатов Н.В.* Скользящий счет поколений в урало-алтайских системах родства // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1983.

120. *Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф.* Семейный быт башкир XIX–XX вв. М., 1991.

121. *Битарова З.А.* Лексика родства и родственных отношений в осетинском языке / АКД. Тбилиси, 1974.

122. *Благова Г.Ф.* К характеристике типов раннетюркских антропонимов // ВЯ. 1998, № 4.

122а. *Блауберг И.В., Юдин Э.Г.* Системный подход в социальном познании // Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. М., 1972.

123. *Богаевский П.М.* Очерк быта сарапульских вотяков // Сб. мат-лов по этнографии, издаваемый при Дашковском этногр. музее. Вып. 3. М., 1888.

124. *Богораз В.Г.* Чукчи. Т. 2. Л., 1939.

125. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Проблемы языкового родства // Избр. труды. Т. 2. М., 1963.

126. *Бокарев Е.А.* Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961.

127. *Бомхард А.Р.* Очерк сравнительной фонологии так называемых «ностратических языков» // ВЯ. 1989, № 3.

128. *Бондарев Д.Г.* Системы терминов родства канури и канембу // АР-2.

129. *Бондарко А.В.* Теория морфологических категорий. Л., 1976.

130. *Бондарко А.В.* Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.

131. *Бор Н.* Философия естествознания и культуры народов // *Бор Н.* Атомная физика и человеческое познание. М., 1961.

132. *Боргояков М.И.* Об одном древнейшем мифологическом сюжете, его эволюции и отражении в фольклоре народов Евразии // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.

133. *Борисковский П.И.* О пережитках родовых отношений на северо-востоке Азии (Юкагиры и коряки) // СЭ. 1935, № 4-5.

134. *Борисов А.А.* У самоедов. Петроград, (б.г.).

135. *Бородатова А.А.* Изображения на керамике майя как историко-этнографический источник // Исторические судьбы американских индейцев. М., 1985.

136. *Бородатова А.А., Кожановская И.Ж.* Протосистема родства майя: Попытка реконструкции // АР-1.

137. *Бородатова А.А., Кожановская И.Ж.* Древняя пиктограмма говорит «да» тетраидной модели Ника Аллена // Concepts of Humans and Behavior Patterns in the Cultures of the East and the West: Interdisciplinary Approach. Moscow, 1998.

138. *Браун Дж.Э.* Примечания // *Черный Лось.* Священная трубка. М., 1994.

139. *Бромлей Ю.В.* Современные проблемы этнографии. М., 1981.

140. *Брюллова-Шаскольская Н.В.* Пережитки древних форм брака у туркмен // Изв. Средне-Азиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы. Вып. 3. Ташкент, 1928.

141. *Бубрих Д.В.* Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск, 1953.

142. *Бунаков Ю.В.* Термины родства в китайском языке / Тез. канд. дисс. М., 1935.

143. *Бурнашева С.А.* Некоторые вопросы лексики татарского языка // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Вып. 4. М., 1962.

144. *Бурыкин А.А.* Семантическая структура эвенских терминов родства и свойства // АР-2.

145. *Бурыкин А.А.* Термины родства как объект лингвистического анализа // АР-2.

146. *Бурыкин А.А.* Какая реальность наблюдается исследователями при описании систем терминов родства // АР-5.

147. *Бурыкин А.А., Булатова Н.Я.* Система терминов родства эвенков // АР-3.
148. *Бурыкин А.А., Летягина Н.И.* Терминология родства тувинцев в сравнении с терминами родства других тюркских народов Сибири // АР-4.
149. Бурятские волшебные сказки. Нсб., 1993.
150. *Бурячок А.А.* Названия родства и свойства в украинском языке / АКД. Киев, 1954.
151. *Бурячок А.А.* Синоніми на позначення поняття "батько" в українскій мові // Наукові записки Київского держ. пед. ін-ту. 1956. Т. 20.
152. *Бурячок А.А.* Назви спорідненості і свояцтва в українскій мові. Київ, 1961.
153. *Буслаев Ф.И.* О влиянии христианства на славянский язык. М., 1848.
154. *Бутинов Н.А.* Проблема экзогамии // Родовое общество. М., 1951.
155. *Бутинов Н.А.* Папуасы Новой Гвинеи. М., 1968.
156. *Бутинов Н.А.* О специфике производственных отношений общинно-родовой формации // СЭ. 1977, № 3.
157. *Бутинов Н.А.* Типология родства // Проблемы типологии культуры. М., 1979.
158. *Бутинов Н.А.* Родство и сродство в Меланезии // Пути развития Австралии и Океании. М., 1981.
159. *Бутинов Н.А.* Пища, родство, инцест // Сб. МАЭ. Т. 39. 1984.
160. *Бутинов Н.А.* Общинное и семейное родство в доклассовом обществе // КСД. 1983. Л., 1985.
161. *Бутинов Н.А.* Социальная организация полинезийцев. М., 1985.
162. *Бутинов Н.А.* К вопросу о концепции родства // СЭ. 1990, № 3.
163. *Бутинов Н.А.* Детство в условиях общинно-родового строя // ЭДА.
164. *Бутинов Н.А.* Родство: океанийская модель // АР-1.
165. *Бутинов Н.А.* Экзогенное родство // АР-4.
166. *Бутинов Н.А.* Ранняя семья (по материалам народов Меланезии) // Ранние формы социальной организации. СПб., 2000.
167. *Бушмакин С.К.* Дохристианские личные имена удмуртов // ЛИП.
168. *Бушмакин С.К.* Лексико-семантический анализ древнеудмуртских антропонимов // Антропонимика. М., 1970.
169. *Бюлер К.* Теория языка. М., 1993.
170. *Вавра К.И.* Семантический анализ терминов родства угорских языков // Советское финно-угроведение. 1966, № 3.
171. *Вавра К.И.* Терминология родства венгерского и мансийского языков / АКД. Тарту, 1970.
172. *Вайнштейн С.И.* Тувинцы-тоджинцы. М., 1961.
173. *Вайнштейн С.И.* Личные имена, термины родства и прозвища у тувинцев // Ономастика. М., 1969.
174. *Вайнштейн С.И.* Мир кочевников Центра Азии. М., 1991.
175. *Вайсенберг С.* Имена южнорусских евреев // ЭО. 1913, № 1.
176. *Ванеев З.Н.* Из истории родового быта в Юго-Осетии. Тбилиси, 1955.
177. *Василевич Г.М.* Эвенки. Л., 1969.
178. *Василевич Г.М.* Собственные имена эвенков // ЛИП.
179. *Васильев В.М.* О внутренних законах развития марийского языка // Уч. зап. Марийск. науч.-иссл. ин-та языка, лит-ры и истории. Вып. V. Йошкар-Ола, 1953.
180. *Васильев Л.М.* Методы семантического анализа // Исследования по семантике. Вып. 1. Уфа, 1975.
181. *Васильев Л.М.* Достоинства и недостатки компонентного анализа в семантических исследованиях // Исследования по семантике. Вып. 10. Уфа, 1984.
182. *Васильева Г.П.* Туркмены-ноxурли // ТИЭ. Т. 21. 1954.
183. *Вдовин И.С.* Ваегские чукчи // СЭС. Вып. 4. 1962.
184. *Вейнрейх У.* О семантической структуре языка // НЛ. Вып. 5. 1970.
185. *Веретенников А.А.* Об антропонимии дариязычного населения Афганистана // Восток. 1994, № 2.
186. *Вереш П.* Некоторые вопросы этногенеза венгерского народа // Урало-

алтаистика. Нсб., 1985.
187. *Вереш П., Калман Б.Т.* Венгры // СЛИНМ.
188. *Веске М.П.* Славяно-финские культурные отношения по данным языка // Изв. об-ва археол., ист. и этнографии при Казанском ун-те. 1890. Т. 8, Вып. 1.
189. *Вестерман Д.* Множественное число и именные классы в некоторых африканских языках // Африканское языкознание. М., 1963.
190. *Винников И.Н.* К вопросу о возникновении института избегания // СЭМ. 1927, № 2.
191. *Винокур Т.Г.* Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993.
192. *Винтер В.* Некоторые мысли об индоевропейских числительных // ВЯ. 1989, № 4.
193. *Внуков В.* Психоанализ // Большая медицинская энциклопедия. 1933. Т. 27.
193а. *Вологдин А.П.* О структуре ительменских имен собственных (по материалам фольклора) // ЭОН.
194. *Вологдина В.Н.* Эве // СЛИНМ.
195. *Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка. Л., 1929.
196. *Волощук Р.Г.* Синоніми в позначення поняття “Батько” і “Мати” в українських народних жартівливих і танцювальних піснях Наддніпрянщини // Українська народна лексика. Дніпропетровськ, 1973.
197. *Волчок Б.Я.* Протоиндийский бог разлива // ДСП.
198. *Востров В.В.* Казахи Джаныбекского района Западно-Казахстанской области // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР. Т. 3. 1956.
199. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.-Л., 1934.
200. *Вяткина К.В.* Монголы Монгольской Народной Республики // ТИЭ. Т. 60. 1960.
201. *Вяяри Э.* Терминология родства в прибалтийско-финских языках / АКД. Тарту, 1953.
202. *Гаджиахмедов Н.Э.* Морфологические признаки терминов родства в кумыкском языке // ПОЛДЯ.
203. *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961.
204. *Гаджиева С.Ш.* Очерки истории семьи и брака у ногайцев. М., 1979.
205. *Гаджиева С.Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX–начале XX вв. М., 1985.
206. *Газов-Гинзберг А.М.* Был ли язык изобразителен в своих истоках? (Свидетельства прасемитского запаса корней). М., 1965.
207. *Газов-Гинзберг А.М.* Символизм прасемитской флексии. М., 1974.
208. *Гак В.Г.* К проблеме общих семантических законов // Общее и романское языкознание. М., 1972.
209. *Гак В.Г.* К типологии языковых номинаций // Языковая номинация. М., 1977.
210. *Гакстгаузен А. фон.* Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. СПб., 1857.
211. *Галкин И.С.* Историческая грамматика марийского языка. Йошкар-Ола, 1964.
212. *Гамкрелидзе Т.В.* К проблеме произвольности языкового знака // ВЯ. 1972, № 6.
213. *Гамкрелидзе Т.В.* Бессознательное и проблема структурного изоморфизма между генетическими и лингвистическими кодами // Бессознательное. Т. 4. Тбилиси, 1985.
214. *Гамкрелидзе Т.В.* Р.О.Якобсон и проблема изоморфизма между генетическим и лингвистическим кодами // ВЯ. 1988, № 3.
215. *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Активная типология языка и происхождение праиндоевропейских местоименных и глагольных парадигм // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры. и языка. 1982. Т. 41, № 1.
216. *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. 1-2. Тбилиси, 1984.
217. *Ганиев Ф.А.* О семантике парных слов в татарском языке // Лексика и стилистика татарского языка. Казань, 1982.
218. *Гарунова К.И.* К вопросу о терминологии родства в некоторых говорах южного наречия аварского языка // ПОЛДЯ.
219. *Гафуров А.Г.* Способы и виды наречения детей у таджиков // Индийская и иранская филология. М., 1964.

220. *Гафуров А.Г.* Таджикская антропонимия // ЛИП.
221. *Гельфанд М.С.* Коды генетического языка и естественный язык // ВЯ. 1990, № 6.
222. *Георгиева И., Москова Д., Радева Л.* Опыт изучения системы кровного родства у болгар // СЭ. 1973, № 2.
223. *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.
224. *Гильберт Д., Аккерман В.* Основы теоретической логики. М., 1947.
225. *Гиляровский В.А.* Дядя // Соч. в 3-х томах. Т. 2. Трущобные люди. М., 1996.
226. *Гиндо Мусса А.* Система родства бамбара как аспект культуры носителей языка бамана // Народы Азии и Африки. 1988, № 3.
227. *Гинзбург Р.С.* Значение слова и методика компонентного анализа // Иностранные языки в школе. 1978, № 5.
228. *Гиренко Н.М.* Система терминов родства и система социальных категорий // СЭ. 1974, № 6.
229. *Гиренко Н.М.* О соотношении билатерального и унилатерального социальных организмов родства // КСД. 1972–1973. Л., 1974.
230. *Гиренко Н.М.* Традиционная социальная организация ньямвези / АКД. Л., 1975.
231. *Гиренко Н.М.* К вопросу об эволюции систем родства у некоторых народов Экваториальной и Тропической Африки // АЭС. Вып. 4. 1978.
232. *Гиренко Н.М.* Дуальная организация и турано-ганованские системы: К вопросу о статике и динамике в социальной структуре // АЭС. Вып. 12. 1980.
233. *Гиренко Н.М.* Классификаторский принцип и периодизация эволюции систем родства. К вопросу о социогенезе в первичной формации // АЭС. Вып. 12. 1980.
234. *Гиренко Н.М.* Брат – сестра (к соотношению типов терминологии и социогенеза) // АЭС. Вып. 13. 1982.
235. *Гиренко Н.М.* Социология племени. Л., 1991.
236. *Гиренко Н.М.* Госпожа Артемова познала все (ответы на некоторые вопросы О.Ю.Артемовой по поводу систем родства, систем терминов родства и их соотношения с другими социальными институтами) // АР-3.
237. *Гиренко Н.М.* Что в сухом остатке? // АР-3.
238. *Гиренко Н.М.* Несколько замечаний о теории и методологии иденетической реконструкции систем терминов родства // АР-5.
239. *Гоббс Т.* О теле // Сочинения в 2-х томах. Т. 1. М., 1989.
240. *Гоготишвили Л.А.* Философия языка М.М.Бахтина и проблема ценностного релятивизма // М.М.Бахтин как философ. М., 1992.
241. *Головнев А.В.* “Свое и чужое” в представлениях хантов // Материалы к серии “Народы и культуры”. Вып. 7. Обские угры (ханты и манси). М., 1991.
241а. *Голосовкер Я.Э.* Логика мифа. М., 1987.
242. *Гондатти Н.Л.* Следы языческих верований у маньзов // Тр. этногр. отд. об-ва люб. естест., антроп. и этногр. Кн. 8. М., 1888.
243. *Горбачева В.В.* Традиционные личные и семейные “охранители” ачайваямских оленеводов // СЭ. 1986, № 5.
244. *Горбачева В.В.* Похоронно-поминальная обрядность амгуэмских чукчей // Историческая этнография. СПб., 1993.
245. *Горбачева В.В.* Семейные и личные охранители оленных чукчей в собрании РЭМ // Этносемиотика ритуальных предметов. СПб., 1993.
246. *Горелов И.Н.* Энантиосемия как столкновение противоречивых тенденций языкового развития // ВЯ. 1986, № 4.
247. *Гохман В.И.* К реконструкции древнетайской системы терминов родства // СЭ. 1978, № 6.
248. *Гохман В.И.* Традиционные формы социализации детей и подростков у шанов Бирмы // ЭДВ.
249. *Гохман В.И.* Социализация детей и подростков у чинов // ЭДЮ.
250. *Гохман В.И.* Тайская система терминов родства (генетические и типологические аспекты реконструкции) // АР-3.

251. *Гранде Б.М.* Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 1963.

252. *Грачева Г.Н.* Культовый комплекс нганасан // Сб. МАЭ. Т. 37. 1981.

253. *Григоровский С.* Сборник церковных и гражданских законов о браке и разводе и судопроизводство по делам брачным. С дополнениями и разъяснениями по циркулярным и сепаратным указам Святейшего Синода и с приложением таблиц графического изображения степеней родства и свойства. СПб., 1896.

254. *Григоровский С.* О родстве и свойстве. Виды и степени родства, исчисление степеней и значений родства и свойства, как препятствия к браку, по существующим указаниям. СПб., 1898.

255. *Гринберг Дж.* Фонологические универсалии в синхронии и диахронии // ПТАЯРС.

256. *Гродеков Н.* Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Ташкент, 1889.

257. *Громыко М.М.* Обычай побратимства в былинах // Фольклор и этнография. Л., 1984.

258. *Гудавичюс А.* Компонентный анализ и описание значений слов // Уч. зап. вузов Литовской ССР. Языкознание. Вып. 21. 1970.

259. *Гулыга Е.В., Шендельс Е.И.* О компонентном анализе значимых единиц языка // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.

260. *Гумбольдт В. фон.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избр. труды по языкознанию. М., 1984.

261. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.

262. *Гурвич И.С.* Корякские промысловые праздники // СЭС. Вып. 4. 1962.

263. *Давыдова Г.М.* Популяционно-генетические исследования манси // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М., 1974.

264. *Дарбеева А.А.* О соотношении назывных и звательных слов в системе терминов родства в монгольских языках // Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 2. Сер. лингвистики. М., 1975.

265. *Джаббарова Р.Дж, Гиясов С.Т.* Применение метода компонентного анализа к изучению качественных прилагательных узбекского языка // Советская тюркология. 1978, № 2.

266. *Джавахадзе Н.В.* Термины родства у горных ингушей // КЭС. Т. 2. 1968.

267. *Джавахадзе Н.В.* Типологическая характеристика осетинской системы родства // КЭС. Т. 5, Вып. 2. 1979.

268. *Джавахадзе Н.В.* Система родства осетин / АКД. Тбилиси, 1983.

269. *Джавахадзе Н.В.* Грузино-вейнахские параллели в типологии систем родства // КЭС. Вып. 6. 1986.

270. *Джавахадзе Н.В.* Этнорегиональные аспекты системы терминов родства кистов Панкиси // КЭС. Вып. 7. 1988.

271. *Джавахадзе Н.В., Мгеладзе Н.В.* Компонентный метод изучения системы родства в советской этнографии // Этнографические исследования. Тбилиси, 1988.

272. *Джалилова Ш.И.* Структура терминов родства и свойства в языке хинди // Народы Азии и Африки. 1972, № 4.

273. *Джарылгасинова Р.Ш.* Основные компоненты традиционной корейской антропонимии // ЭОН.

273а. *Джаукян Г.Б.* Опыт анализа терминов родства на принципах универсальной лингвистической модели // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка. 1982. Т. 41, № 1.

273б. *Джаукян Г.Б.* Опыт семантической классификации и ареального распределения индоевропейской лексики армянского языка // ОСЛ.

274. *Джафаров Г.Г.* О системе терминов родства в азербайджанском языке // Изв. АН Азерб. ССР. Сер. лит-ры, языка и искусства. 1970, № 3.

275. *Джафаров Г.Г.* О терминах седьмой и одиннадцатой ступеней родства по прямой линии в азербайджанском языке // ССАЯРС.

276. *Джафаров Г.Г.* Термины родства в семантической системе и грамматической структуре языка (на материалах азербайджанского и русского языков) // Советская тюркология. 1974, № 3.

277. *Джумагулов А.* Семья и брак у киргизов Чуйской долины. Фрунзе, 1960.

277а. *Дзадзиев А.Б.* Формы искусственного родства у осетин // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.

278. *Дзибель Г.В.* К вопросу о природе социальных объединений у северных шошонов // Открытие Америки продолжается. Вып. 2. СПб., 1994.

279. *Дзибель Г.В.* К построению типологии взаимной терминологии родства // Африка: Проблемы перехода к гражданскому обществу. Тез. докл. Вып. 2. М., 1994.

280. *Дзибель Г.В.* "Аномальные" системы родства: В поисках структурных аналогов // Африка: Культура и общество. М., 1995.

281. *Дзибель Г.В.* Возможное дополнение к духовной культуре скифов // Курган: Историко-культурные исслледования и реконструкции. Тез. докл. СПб., 1995.

281а. *Дзибель Г.В.* К построению парадигмы мордовского свадебного обряда // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Сыктывкар, 1995.

282. *Дзибель Г.В.* О системном подходе к феномену родства // КЭТ. Вып. 7. 1995.

283. *Дзибель Г.В.* О тетраидной теории Н.Дж.Аллена // АР-1.

284. *Дзибель Г.В.* Феномен генерационного скашивания в системах родства // АР-1.

285. *Дзибель Г.В.* Аннотированная библиография научных трудов по родству, системам родства и системам терминов родства на русском языке // АР-2.

286. *Дзибель Г.В.* Термин родства и система терминов родства: лингвистический контекст в отношении к этнографическому // АР-2.

287. *Дзибель Г.В.* Безреципрокные термины, иденетика и основные формы систем родства // АР-4.

288. *Дзибель Г.В.* К теории и методологии иденетической реконструкции систем терминов родства // АР-5.

289. *Дзибель Г.В.* Теория и практика в сравнительно-исторических исследованиях // АР-5.

290. *Дзибель Г.В.* К историко-типологической характеристике системы терминов родства северных шошонов // АР-7.

291. *Дзибель Г.В., Дзибель В.В.* Полевые материалы экспедиции к мордве-эрзи Самарской области в июле 1995 г. // Архив РЭМ.

292. *Дмитриев И.А.* Кепе как символ культуры и знак обрядовых действий // Чувашское искусство. Вып. 1. Чебоксары, 1994.

293. *Дмитриев И.Д.* О показателе множественности *-as* в вотяцком // Докл. Акад. наук. № 10. Л., 1928.

294. *Дмитриев Н.К.* О парных словосочетаниях в башкирском языке // ИАН. Отд. гум. наук. 1930, № 7.

295. *Дмитриев Н.К.* Строй тюркских языков. М., 1962.

296. *Добродомов И.Г., Романова Г.Я.* Теория имитативов и сравнительно-историческое языкознание // ДТП. Вып. 7. 1979.

297. *Добродомов И.Г.* Антропонимы или этнонимы? // Ономастика Востока. М., 1980.

298. *Добронравин Н.А.* Термины родства, имена родства и компаративистика // АР-2.

299. *Дожье Э.П.* Американский Юго-Запад // Североамериканские индейцы. М., 1978.

300. *Долгих Б.О.* Старинные обычаи энцев, связанные с рождением ребенка и выбором ему имени // Кратк. сообщ. Ин-та этнографии. Т. 20. 1954.

301. *Долгих Б.О.* Родовая экзогамия у нганасанов // СЭС. Вып. 4. 1962.

302. *Долгих Н.Г.* Основные направления в разработке метода компонентного анализа // Иностранный язык. Вып. 5. Алма-Ата, 1970.

303. *Долгих Н.Г.* О трех направлениях в разработке метода компонентного анализа применительно к лексическому материалу // Филологические науки. 1974, № 2.

303а. *Дондуа К.Д.* К вопросу об особой форме множественного числа в сванских терминах родства // Статьи по общему и кавказскому языкознанию. Л., 1975.

304. *Дридзо А.Д.* "Братство по кораблю" // СЭ. 1977, № 2.

305. *Дридзо А.Д.* "Братство по кораблю" (Новые материалы) // ЭО. 1993, № 5.

306. *Дридзо А.Д.* "Братство по кораблю" как вариант псевдородства // АР-1.

307. *Дульзон А.П.* Термины родства и свойства в языках Нарымского края и

Причулымья // Уч. зап. Томск. гос. пед. ин-та. Т. 11. 1954.
308. *Дульзон А.П.* Выступление на заседании Ученого совета Ин-та языкознания АН СССР по проблеме субстрата // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. 1956, № 9.
309. *Дульзон А.П.* Термины родства и свойства енисейских кетов // СЭ. 1959, № 6.
310. *Дульзон А.П.* Кетские имена и прозвища // Ономастика Востока. М., 1980.
311. *Дуньон И.* Терминология родства догонов Мали // АР-1.
312. *Дыбо А.В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М., 1996.
313. *Дыбо А.В.* О теории и методологии иденетической реконструкции протосистем терминов родства // АР-5.
314. *Дыбо В.А.* Язык – этнос – археологическая культура (Несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы) // Язык, культура, этнос. М., 1994.
315. *Дыбовский А.С.* Обращение в современном японском языке // Новое в японской филологии. Слово и образ. М., 1990.
316. *Дыренкова Н.П.* Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Вып. 1. Л., 1926.
317. *Дыренкова Н.П.* Родство и психические запреты у шорцев // Там же.
318. *Дыренкова Н.П.* Брак, термины родства и “психические запреты” у кыргызов // СЭМ. № 2. Л., 1927.
319. *Дыренкова Н.П.* Получение шаманского дара по воззрениям турецких племен // Сб. МАЭ. Т. 9. 1930.
320. *Дыренкова Н.П.* Идеология материнского рода у алтайских тюрок // Сб. памяти В.Богораза. М., 1937.
321. *Дьяконова В.П.* Религиозные представления алтайцев и тувинцев о природе и человеке // ПЧРП.
322. *Евсевьев М.Е.* Эрзянь-рузонь валкс (Мордовско-русский словарь). М., 1931.
323. *Евсевьев М.Е.* Примечания к описанию мордовской свадьбы // Избр. труды. Т. 5. Саранск, 1966.
324. *Егоров Н.И.* Опыт этимологизации чувашских терминов родства и свойства II. Отец (Родитель) // Исследования по этимологии чувашского языка. Чебоксары, 1981.
325. *Еремина В.И.* Обычай “возвращения в родной дом” в славянских поэтических отражениях // Русский фольклор. Вып. 27. СПб., 1993.
326. *Ерусланов П.* Родственный союз по понятиям восточных черемис // ЭО. 1885, № 2.
327. *Ершова Г.Г.* Заупокойные надписи майя // ДСП.
328. *Жабелова Л.Ж.* Парные имена существительные в современном карачаево-балкарском языке // Аспекты лингвистического анализа. М., 1974.
329. *Жакаров Ш.* Об этно-антропонимах кыргыз, ногой, озбек и арап // Ономастика Киргизии. Фрунзе, 1985.
330. *Жакоб Ф.* Лингвистическая модель в биологии // ВЯ. 1992, № 2.
331. *Жанузаков Т.Ж.* Обычаи и традиции в казахской антропонимии // ЭИ.
332. *Жданко Т.А.* Каракалпаки Хорезмского оазиса // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 1. М., 1952.
333. *Жельвис В.И.* Инвектива: опыт тематической и функциональной классификации // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985.
334. *Жельвис В.И.* Инвектива: мужское и женское предпочтения // ЭСМЖП.
335. *Жижева Е.Г.* О значении суффикса *-ось* // Лингвистический сборник. Сыктывкар, 1952.
336. *Жолковский А.К.* Статьи по машинному переводу “Кэмбриджской лингвистической группы” // МППЛ. Вып. 5. 1961.
337. *Жолковский А.К.* Предисловие // МППЛ. Вып. 8. 1964.
338. *Жолковский А.К.* Работы Сэпира по структурной семантике // МППЛ. Вып. 8. 1964.
339. *Жугра А.В.* Албанские соционимы и система терминов родства // АР-2.
340. *Жукова А.Н.* Этимология некоторых личных имен чукчей // ЭИ.

341. *Жуковская Н.Л.* К вопросу о типологическом сходстве явлений в шаманстве и буддизме // СЭ. 1970, № 6.

342. *Журинская М.А.* К исследованию притяжательных отношений // Аспекты лингвистического анализа. М., 1974.

343. *Журинская М.А.* Именные посессивные конструкции и проблема неотторжимой принадлежности // Категории бытия и обладания в языке. М., 1977.

344. *Журинская М.А.* О выражении значения неотторжимости в русском языке // Семантическое и формальное варьирования. М., 1979.

345. *Журинская М.А.* Об именах релятивной семантики в системе языка // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка. 1979. Т. 38. Вып. 3.

346. *Журинская М.А.* Именные посессивные конструкции в языках Меланезии // О языках, фольклоре и литературе Океании. М., 1979.

347. *Завадовский Ю.Н., Смагина Е.Б.* Нубийский язык. М., 1986.

348. *Задыхина К.Л.* Узбеки дельты Аму-Дарьи // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 1. М., 1952.

349. *Зайцева В.А.* Шифтеры Якобсона и речевые акты // Р.Якобсон: Тексты, документы, исследования. М., 1999.

350. *Зайцева М.И.* Термины родства в вепсском языке // Fenno-Ugristica. Труды по финно-угроведению. 1. Тарту, 1975.

351. *Зализняк А.А., Иванов Вяч.В., Топоров В.Н.* О возможности структурно-типологического изучения некоторых моделирующих семиотических систем // Структурно-типологические исследования. М., 1962.

352. *Зеленин Д.К.* Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии // Сб. МАЭ. Т. 8-9. 1929-1930.

353. *Зеленин Д.К.* Дореволюционный быт мордвы // СЭ. 1938, № 1.

354. *Зелинский С.П.* Народно-юридические обычаи у армян Закавказского края. I. Родство // Изв. Кавказ. отд. Русск. географ. об-ва. Т. 12. Вып. 3. 1899.

355. *Зимин Ж.А.* Имена и фамилии аларских бурят // Бурятские антропонимы и топонимы. Улан-Удэ, 1981.

356. *Золотарев А.М.* Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939.

357. *Золотарев А.М.* Из истории ранних форм группового брака // Уч. зап. истфака Московского обл. пед. ин-та. Т. 2. 1940.

358. *Зубко Г.В.* Фульбе // СЛИНМ.

359. *Зубов А.А.* Биолого-антропологическая характеристика коренного доевропейского населения Америки // Население Нового Света: Проблемы формирования и социокультурного развития. М., 1999.

360. *Ибрагимов Г.Х.* Термины родства в цахурском языке // ПОЛДЯ.

361. *Ибрагимов Г.Х., Гусейнова Ф.И.* Термины родства в диалектах рутульского языка // ПОЛДЯ.

362. *Иванов В.В.* Генеалогическая классификация языков и понятие языкового родства. М., 1954.

363. *Иванов В.В.* Лингвистика и гуманитарные проблемы семиотики // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка. 1968. Т. 27, № 3.

364. *Иванов В.В.* Семантическая категория малости-величины в некоторых языках Африки и типологические параллели в других языках мира // Проблемы африканского языкознания. М., 1972.

365. *Иванов В.В.* Значение идей М.М.Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики // ТЗС. Т. 6. 1973.

366. *Иванов В.В.* Из этимологических наблюдений над балтийской лексикой. 1. Латыш. *māsa* ‘сестра’ и индоевропейские названия сестры // Zeitschrift für Slawistik. 1974. Bd. 19, № 2.

367. *Иванов В.В.* Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976.

368. *Иванов В.В.* К семиотической теории карнавала как инверсии двоичных противопоставлений // ТЗС. Т. 8. 1977.

369. *Иванов В.В.* Клод Леви-Стросс и структурная антропология // Природа. 1978, № 1.

370. *Иванов В.В.* Категория определенности–неопределенности и шифтеры // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.

371. *Иванов В.В.* [Рец.]: *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Сравнительный словарь (I–3). Указатели // Этимология. 1977. М., 1979.

372. *Иванов В.В.* Урартск. *Mari*, хурритск. *Marianne*, хайасск. *Marija* // Переднеазиатский сборник. Вып. 3. М., 1979.

373. *Иванов В.В.* Праязыки как объекты описания в издании "Языки мира" // Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980.

374. *Иванов В.В.* Разыскания в области анатолийского языкознания. 15а, 18а, 19а, 20-24 // Этимология. 1979. М., 1981.

375. *Иванов В.В.* Кетско-американдейские связи в области мифологии // Кетский сборник. Л., 1982.

376. *Иванов В.В.* Об исследовании структуры лингвистики и ее языка // ВЯ. 1988, № 2.

377. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Птицы // МНМ. Т. 2.

378. *Иванов С.В.* Представления нанайцев о человеке и его жизненном цикле // ПЧРП.

379. *Иванова Е.П.* В каком смысле лингвистический знак произволен? (К трактовке словоупотребления Ф. де Соссюра "L'arbitraire du signe") // Вестн. СПбГУ. 2000. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. Вып. 2, № 9.

380. *Иванова Ю.В.* Греки // СЛИНМ.

381. *Идиатов Д.И.* Система терминов родства тура // АР-5.

382. *Илизаров А.С., Старостин Б.А., Хейри А.* О внутренней форме и происхождении арабских имен // ЛИП.

383. *Ильенков Э.В.* Философия и культура. М., 1991.

384. *Инка Гарсиласо де ла Вега.* История государства инков. Л., 1974.

385. *Ионов В.М.* Орел по воззрениям якутов // Сб. МАЭ. Т. 16. 1913.

386. *Ионов В.М.* Медведь по воззрениям якутов // Живая старина. Вып. III. 1915.

387. *Иохельсон В.И.* Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. I. Образцы народной словесности юкагиров. СПб., 1900.

388. *Иохельсон В.И.* Одульский (юкагирский язык) // Языки и письменность народов Севера. Ч. III. М. – Л., 1934.

389. *Исаченко А.В.* О грамматическом значении // ВЯ. 1961, № 1.

390. *Иславин В.* Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847.

391. История и культура коряков. СПб., 1993.

392. История и культура ительменов. Л., 1990.

393. *Итс Р.Ф.* Введение в этнографию. Л., 1991.

394. *Кабо В.Р.* История первобытного общества и этнография // ОСР.

395. *Каган М.С.* Системный подход и гуманитарное знание. Л., 1991.

396. *Казанков А.А.* Системы терминов родства и теория монофилетического происхождения языков // АР-5.

397. Казахи: Историко-этнографическое исследование. Алматы, 1995.

398. *Казаченко Б.Н.* Краткий словарь забытых и вышедших из употребления русских терминов родства, свойства и сватовства // АР-4.

398а. *Кайданов Л.З.* Генетика популяций. М., 1996.

399. *Кайдаров А.Т.* Парные слова в современном уйгурском языке. Алма-Ата, 1958.

400. *Калилов К.* Имянаречение у киргизов в прошлом и настоящем // Ономастика Средней Азии. Вып. 2. Фрунзе, 1980.

401. *Калиновская К.П.* Возрастные группы народов Восточной Африки. М., 1976.

402. *Калиновская К.П.* Принципы взаимосвязи поколений (по материалам народов Восточной Африки) // КСД. 1974–1976. Л., 1977.

403. *Калиновская К.П.* Категория "возраст" в представлениях некоторых народов Восточной Африки // АЭС. 1980. Вып. 12.

404. *Калиновская К.П.* Циклические и линейные возрастные системы народов

Восточной Африки // АЭС. 1980. Вып. 12.
405. *Калиновская К.П.* К характеристике социально-возрастного поколения в возрастных системах народов Восточной Африки // АЭС. 1982. Вып. 13.
406. *Калиновская К.П., Марков Г.Е.* Возрастные отношения в системе традиционно-патриархального самосознания в Азии и Африке // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1995, № 4.
407. *Калужнин Л.А., Скороходько Э.Ф.* Некоторые замечания о лексической семантике (на материале терминологии родства и свойства) // Исследования по структурной типологии. М., 1963.
408. *Кальянов В.И.* Классификация сложных слов в санскрите // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка. 1947. Т. 6. Вып. 1.
409. *Калюта А.В.* Система терминов родства древних науа: опыт историко-типологической реконструкции // АР-3.
410. *Кант И.* Критика чистого разума // Сочинения в 6 томах. Т. 3. М., 1964.
411. *Кара-Мурза А.А.* К проблеме культа предков у африканских народов // Религии мира. М., 1986.
412. *Карамшоев Д.К.* Памирские имена // Ономастика. Типология. Стратиграфия. М., 1988.
413. *Каргер Н.К.* Кетский язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. III. М. – Л., 1934.
414. *Каргер Н.К.* Классификационная система родства у гольдов // СЭМ. Вып. 2. Л., 1927.
415. *Каруновская Л.Э.* Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком // Сб. МАЭ. Т. 6. 1927.
416. Каталог гор и морей (Шаньхай изин). М., 1977.
417. *Кацнельсон С.Д.* К генезису номинативного предложения. Л., 1936.
418. *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
418а. *Кейпер Ф.* Труды по ведийской мифологии. М., 1986.
419. *Кемени Дж., Снелл Дж., Томпсон Дж.* Введение в конечную математику. М., 1963.
420. *Керейтов Р.Х.* Терминология родства у ногайцев // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1982.
420а. *Керимбаев Е.А.* К проблеме родства и происхождения языков // СИТИ.
421. *Кёрнер Э.Ф.К.* Вильгельм фон Гумбольдт и этнолингвистика в Северной Америке от Боаса (1894) до Хаймса (1961) // ВЯ. 1992, № 1.
422. *Кибрик А.Е.* Стратегия организации базовой структуры предложения и интегральная типология языков // Вестн. МГУ. Филология. 1994, № 3.
423. *Киебел К.Б., Попов В.А.* Современная система терминов родства и некоторые элементы традиционной социальной организации огони // АЭС. Вып. 13. 1982.
424. *Кисляков Н.А.* Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло. М.-Л., 1936.
425. *Кисляков Н.А.* Семья и брак у таджиков // ТИЭ. Т. 44. 1959.
425а. *Кларк Г.Г., Карлсон Т.В.* Слушающие и речевой акт // НЗЛ. Вып. 17. 1986.
425б. *Клейн Л.С.* Откуда арии пришли в Индию? // Вестн. ЛГУ. 1980, № 20, вып. 4.
425с. *Клейн Л.С.* Археология и этногенез (новый подход) // Методические проблемы исследования этнических культур. Ереван, 1978.
426. *Клейн Л.С.* Стратегия синтеза в исследованиях по этногенезу // СЭ. 1988, № 4.
427. *Климов Г.А.* Типология языков активного строя. М., 1977.
428. *Климов Г.А.* К взаимоотношению генеалогических, типологических и ареальных классификаций языков // Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980.
428а. *Климов Г.А.* Несколько картвельских индоевропеизмов // Этимология. 1979. М., 1981.
429. *Климов Г.А.* Реконструкция и диахроническая интерпретация в компаративистике // ВЯ. 1988, № 3.
430. *Климов Г.А.* Основы лингвистической компаративистики. М., 1990.
431. *Климов Г.А., Эдельман Д.И.* К перспективам реконструкции истории изолированного языка (на материале языка бурушаски) // ВЯ. 1995, № 5.
432. *Клуру Э.* Отражение матрилинейного счета родства в ижорских причитаниях // СЭ. 1975, № 4.

433. *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956.

434. Когутэй. Алтайский эпос. М.-Л., 1935.

435. *Кожановская И.Ж.* О тетраидной теории Н.Дж.Аллена: Некоторые предварительные замечания // АР-1.

436. *Козинский И.Ш.* Универсалии, управляющие порядком глагольных аффиксов и порядком слов в языках мира // Типология как раздел языкознания. М., 1976.

436а. *Козинцева Н.А.* Категория эвиденциальности // ВЯ. 1994, № 3.

437. *Кокла П.* Притяжательные суффиксы в марийском языке / АКД. Таллин, 1963.

438. *Колпаков Е.М.* Этнос и этничность // ЭО. 1995, № 5.

439. Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985.

439а. *Комри Б.* Язык и доистория: К многодисциплинарному подходу // ВЯ. 2000, № 5.

439б. *Конджария В.Х.* Термины родства и семейные отношения в абхазо-адыгских диалектах // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Т. 2. Тбилиси, 1975.

440. *Конкка У.С.* Имя, волосы и “белая воля” невесты – главные объекты оплакивания в карельских свадебных плачах // Фольклористика Карелии. Вып. 1. Петрозаводск, 1978.

441. *Конкка У.С.* Табу слов и закон иносказания в карельских плачах // Проблемы фольклора. М., 1975.

442. *Конкка У.С.* Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск, 1992.

443. *Конне С., Попов В.А.* Система терминов родства манья (Либерия) // АР-1.

444. *Корнилов Г.Е.* Теория имитативов, ностратика и тюркология // Языкознание: Тез. докл. III Всесоюз. тюркологич. конф. Ташкент, 1980.

445. *Корнилов Г.Е.* К теории имитативов. I-V // ДТП. Вып. 5-9. 1977–1981.

446. *Корнилов Г.Е.* Имитативы в чувашском языке. Чебоксары, 1984.

447. *Корнилов Г.Е.* Некоторые новые аспекты подготовки и интерпретации исходных данных для решения проблем урало-алтаистики // Урало-алтаистика. Нсб., 1985.

448. *Корнилов Г.Е.* Об отымитативном происхождении языка. Чебоксары, 1991.

449. *Коротаев А.В.* О соотношении систем терминов родства и типов социальных систем: Опыт количественного кросс-культурного анализа // АР-3.

449а. *Коротаев А.В.* От государства к вождеству? От вождества к племени? (Некоторые общие тенденции эволюции южноаравийских социально-политических систем за последние три тысячи лет) // Ранние формы социальной организации. СПб., 2000.

450. *Корсаков Г.М.* Кеты Подкаменной Тунгуски // Советский Север, № 5. Л., 1941.

451. *Косвен М.О.* Обычай возвращения домой (Из истории брака) // Кратк. сообщ. Ин-та этнографии. Т. 1. 1946.

452. *Косвен М.О.* Авункулат // СЭ. 1948, № 1.

453. *Котляр Е.С.* Догонов мифология // МНМ. Т. 1.

454. *Котовская М.Г., Файнберг Л.А.* Индейцы Бразилии // Семья у народов Америки. М., 1991.

455. *Краснодембская Н.Г.* Дети и их воспитание в сингальской среде // ЭДП.

456. *Краснодембская Н.Г.* О терминах и категориях родства у народов Южной Азии // АР-3.

457. *Крейнович Е.А.* Рождение и смерть человека по воззрениям гиляков // СЭ. 1930, № 1.

458. *Крейнович Е.А.* Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л., 1979.

459. *Кривощекова-Гантман А.С.* О грамматизации самостоятельных слов (на материале пермских языков) // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. 4. Ижевск, 1967.

460. *Кривощекова-Гантман А.С.* Коми-пермяки // СЛИНМ.

461. *Криничная Н.А.* Мотив реинкарнации в преданиях народов уральской языковой семьи // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т. 1. М., 1989.

462. *Крылов С.А.* К типологии дейктических систем // Лингвистические исследования. Типология. Диалектология. Этимология. Компаративистика. Ч. 1. М., 1984.

463. *Крюков М.В.* Древнекитайская система родства и вопрос о приоритете систем турано-ганованского типа. М., 1964.

464. *Крюков М.В.* Типы систем родства и их историческое соотношение // Проблемы истории докапиталистических обществ. Т. 1. М., 1968.

465. *Крюков М.В.* К методике сбора полевого материала по системам родства // СЭ. 1972, № 4.

466. *Крюков М.В.* Система родства китайцев. М., 1972.

467. *Крюков М.В.* Эволюция систем родства: механизм трансформации. М., 1973.

468. *Крюков М.В.* Можно ли заглянуть в глубь истории Бонгу? (Очерк системы родства) // На берегу Маклая. М., 1975.

469. *Крюков М.В.* Полинезийские системы родства как этногенетический источник // Австралия и Океания. М., 1978.

470. *Крюков М.В.* Полинезийские системы родства как этногенетический источник // XIV Тихоокеанский науч. конгресс. Хабаровск, август 1979. Секция III. Тез. докл. Т. 2. М., 1979.

471. *Крюков М.В.* Личное имя и термины родства // Ономастика Востока. М., 1980.

472. *Крюков М.В.* О принципах типологического исследования культуры // СЭ. 1983, № 5.

473. *Крюков М.В.* «Люди», «настоящие люди» (к проблеме исторической типологии этнических самоназваний) // ЭОН.

474. *Крюков М.В.* К проблеме циклических знаков в Древнем Китае // ДСП.

475. *Крюков М.В.* Терминология родства как показатель этнической ситуации (К изучению системы родства мяо) // Историческая динамика расовой и этнической дифференциации населения Азии. М., 1987.

476. *Крюков М.В.* Новые данные по терминологии родства мон-кхмерских народов Южного Вьетнама // Новое в этнографии. Полевые исследования. Вып. 1. М., 1989.

477. *Крюков М.В.* [Рец.]: *Евсюков В.В.* Мифология китайского неолита. Нсб., 1988 // Народы Азии и Африки. 1989, № 6.

478. *Крюков М.В.* Этничность, безэтничность, этническая непрерывность // РН. Вып. 19. 1989.

479. *Крюков М.В.* Социальное и этническое: проблемы соотношения // РН. Вып. 22. 1993.

480. *Крюков М.В.* Синхронно-диахронный метод и концепция трансформационной многолинейности систем родства // АР-1.

481. *Ксенофонтов Г.В.* Легенды о шаманах. Иркутск, 1928.

482. *Куайн У. ван О.* Слово и объект. М., 2000.

483. *Кудачина Н.А.* Некоторые термины родства и свойства в составе эвфемизмов в алтайском языке // Вопросы изучения алтайского языка. Горно-Алтайск, 1981.

484. *Кузнецов А.М.* О применении метода компонентного анализа в лексике // ССАЯРС.

485. *Кузнецов А.М.* Сопоставительно-типологический анализ терминов родства английского, датского, французского и испанского языков // ССАЯРС.

486. *Кузнецов И.В.* Принцип причинности и его роль в познании природы // Проблема причинности в современной физике. М., 1960.

487. *Кузнецова В.С.* Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции. Нсб., 1998.

488. *Кузнецова М.* Об одном табуистическом зооним в марийском языке // Советское финно-угроведение. 1989. Т. 25, № 2.

489. *Кузнецова М.* Происхождение названий животных в марийском языке // Linguistica Uralica. 1993. Т. 29, № 3.

490. *Кузьмина Е.Н.* Трансформация древнеиндийского мифа в фольклоре тюрко-монгольских народов // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. филол. 1995, № 4.

491. *Куклин В.Н.* Некоторые вопросы эрзя-мордовской антропонимии // Ономастика Поволжья. Вып. 2. Горький, 1971.

492. *Кулиев А.* О терминах родства в туркменском языке (термины, обозначающие “мать”) // Изв. АН Туркмен. ССР. Сер. обществ. наук. 1966, № 3.

493. *Кулиев А.* О некоторых терминах родства в туркменском языке // Изв. АН Туркмен. ССР. Сер. обществ. наук. 1967, № 3.

494. *Кулланда С.В.* Где кончается лингвистика и где начинается история? // ЛРДИВ. Ч. 1.

495. *Кулланда С.В.* Праязыковые этимоны и историко-социологические реконструкции // Ранние формы социальной стратификации. М., 1993.

496. *Кулланда С.В.* [Рец.]: *Lombard D.* Le carrefour javais. Essai d’histoire globale. P., 1990 // Восток. 1995, № 3.

497. *Кулланда С.В.* Системы терминов родства и праязыковые реконструкции // АР-2.
498. *Кумахова З.Ю.* О составе исконных личных имен в адыгских языках // Антропонимика. М., 1970.
499. *Куприянова З.Н.* Терминология родства в устном народном творчестве ненцев // Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1954. Т. 101.
500. *Курилов Г.Н.* О терминах родства и свойства тундренных юкагиров // СЭ. 1969, № 2.
501. *Куропятник М.С.* Формы социальной организации саамов Кольского полуострова в конце XIX – начале XX в. / АКД. Л., 1989.
502. *Куропятник М.С.* К характеристике системы родства у саамов Кольского полуострова // Современная духовная культура народов Сибири и Севера. Омск, 1989.
503. *Куропятник М.С.* Система родства кольских саамов: взаимодействие категорий пола и относительного возраста // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Материалы к конференции. Ч. III. СПб., 1993.
504. *Куропятник М.С.* Система терминов родства кольских саамов // АР-1.
505. *Куропятник М.С.* Социальная структура саамов: К проблеме билатерального счета родства // Социология и социальная антропология. СПб., 1997.
506. *Кучигашева Н.А.* Термины родства в телеутском диалекте алтайского языка // Вопросы изучения алтайского языка. Горно-Алтайск, 1981.
507. *Лабзина В.П.* Мандинго // СЛИНМ.
508. *Лавровский П.А.* Коренное значение в названиях родства у славян. СПб., 1867.
509. *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
510. *Лакан Ж.* Семинары. Книга 2. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/1955). М., 1999.
511. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
512. *Лалаянц Е.А.* Ванский вилайет (Васкуракан) // СМОМПК. 1915. Т. 44. Отд. 2.
513. *Ланда Д. де.* Сообщение о делах в Юкатане. М., 1994.
514. *Ларькин В.Г.* Этнографическое изучение иманских и хунгарийских удэгейцев // Тр. Дальневосточного филиала Сибирского отд. АН СССР. Сер. истор. Т. 1. 1959.
515. *Леви-Брюль Л.* Выражение принадлежности в меланезийских языках // Эргативная конструкция предложения. М., 1950.
516. *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М., 1983.
517. *Леви-Стросс К.* Первобытное мышление. М., 1994.
518. *Левин Ю.И.* Об описании системы лингвистических объектов, обладающих общими свойствами // ВЯ. 1964, № 4.
519. *Левин Ю.И.* Об описании системы терминов родства // СЭ. 1970, № 4.
520. *Левин Ю.И.* О некоторых алгебрах, связанных с отношениями родства // Математическое программирование и расчет строительных конструкций (Сб. трудов Московского инженерно-строительного ин-та, № 121). М., 1974.
521. *Левин Ю.И.* Семантическая структура загадки // Паремиологический сборник. М., 1978.
522. *Левинтон Г.А.* К проблеме эпического подтекста // ФЭД.
522а. *Левинтон Г.А.* Мужской и женский текст в свадебном обряде // ЭСМЖП.
523. *Левицкий В.В.* Фонетическая мотивированность слова // ВЯ. 1994, № 1.
524. Легенды и сказки хантов. Томск, 1973.
525. *Ледяйкин В.И.* Городецкая культура и древняя мордва / АКД. М., 1971.
526. *Лезина И.Н., Суперанская А.В.* Словарь-справочник тюркских родоплеменных названий. М., 1994.
527. *Лелеков Л.А.* Симург // МНМ. Т. 2.
528. *Лескинен А.Н.* Вьетнамцы // СЛИНМ.
528а. *Леонтьев А.Н., Лурия А.Р.* Психологические воззрения Л.С.Выготского // *Выготский Л.С.* Избранные психологические произведения. М., 1956.
529. *Леонтьев В.В.* О чукотском именнике // Ономастика Востока. М., 1980.
530. *Ли Г.В.* Корейские имена как этнографический источник // Этническая история и современное национальное развитие народов мира. М., 1967.

531. *Лиз Р.Б.* Что такое трансформация // ВЯ. 1961, № 3.

532. *Липский А.Н.* Некоторые вопросы таштыкской культуры в свете сибирской этнографии // Краеведч. сборник Хакасского обл. краев. музея, № 1. Абакан, 1956.

533. *Лисициан С.Д.* Очерки этнографии дореволюционной Армении // КЭС. Вып. 1. 1955.

534. *Лисненко Л.П.* Миштекские генеалогии: европейские параллели и различия // Америка после Колумба: Взаимодействие двух миров. М., 1992.

535. *Литвин Ф.А., Черемисина М.И.* Использование метода трансформационного анализа при исследовании типов лексического значения слова // Учен. зап. Орловск. пед. ин-та. Фак-т иностр. языков. 1963. Т. 17. Вып. 2.

536. *Лихтенберг Ю.М.* К вопросу о так называемых аномальных формах брака // СЭ. 1959, № 2.

537. *Лихтенберг Ю.М.* Происхождение некоторых особенностей классификаторских систем родства (турано-ганованского типа) // ТИЭ. Т. 54. 1960.

538. *Лихтенберг Ю.М.* Системы родства папуасов Новой Гвинеи // ТИЭ. Т. 80. 1962.

539. *Лобашов М.Е.* Генетика. М., 1969.

540. *Локк Дж.* Избранные философские произведения. Т. 1 .М., 1960.

541. *Ломтев Т.П.* Конструктивное построение смыслов имен с помощью комбинаторной методики (термины родства в русском языке) // Филологические науки. 1964, № 2.

542. *Ломтев Т.П.* Принципы выделения дифференциальных семантических элементов // Учен. зап. Пермского ун-та. 1969, № 192.

543. *Ломтев Т.П.* Принцип отражения и его значение для лингвистической семантики // Филологические науки. 1970, № 1.

544. *Лопатин И.А.* Гольды амурские, уссурийские, сунгарийские. Владивосток, 1922.

545. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Последние века. М., 1988.

545а. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. М., 2001.

545б. *Лотман Ю.М.* О метаязыке типологических описаний культуры // ТЗС. Вып. 4. 1969.

546. *Лотман Ю.М.* Статьи по типологии культуры. Тарту, 1973.

547. *Лотман Ю.М., Успенский Б.М.* Миф — имя — культура // ТЗС. Т. 6. 1973.

548. *Лукина Н.В.* Терминология родства хантов р. Аган // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973.

549. *Лукина Н.В.* Изменения в терминологии родства васюганских хантов // Советское финно-угроведение. 1975, № 4.

549а. *Луман Н.* Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социологос: Социология. Антропология. Метафизика. Вып. 1. М., 1991.

549б. *Лурия А.П.* Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974.

550. *Лыткин В.И.* К происхождению суффикса множественного числа YOS в удмуртском языке // Учен. зап. НИИ народов Советского Востока. Т. 2. М., 1931.

551. *Львова Э.С.* Время и пространство в культурах Африки: вчера и сегодня // Пространство и время в архаических культурах. М., 1992.

552. *Мазурина В.Н.* Собака в религиозных представлениях народов Непала // КЭТ. 1994. Вып. 5-6.

553. *Майнов В.Н.* Очерки юридического быта мордвы. СПб., 1885.

554. *Майтинская К.Е.* К вопросу о категории двойственного числа в уральских языках // Советское финно-угроведение. 1968, № 3.

555. *Макаев Э.А.* О соотношении генетических и типологических критериев при установлении языкового родства // Энгельс и языкознание. М., 1972.

556. *Макалатия С.И.* Из старого народного быта пшавов // СЭСС.

557. *Макаренко А.А.* Материалы по народной медицине Ужурской вол., Ачинского округа, Енисейской губ. // Живая старина. Вып. 1. 1897.

558. *Макаров Г.Н.* Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск, 1990.

559. *Маковский М.М.* [Рец.]: *Greimas A.-J.* Semantique structurale. P., 1966 // ВЯ. 1967, № 5.

560. *Маковский А.А.* Системность и асистемность в языке. М., 1980.
561. *Максимов А.Н.* Из истории семьи у русских инородцев // ЭО. 1902, № 1.
562. *Максимов А.Н.* Системы родства // ЭО. 1909. Кн. 33, № 4.
563. *Максимов А.Н.* Системы родства австралийцев // ЭО. 1912. Кн. 42-43, № 1-2.
564. *Мамакаев М.А.* Чеченский тайп в период его разложения. Грозный, 1973.
565. *Манизер Г.Г.* Ботокуды (боруны) по наблюдениям во время пребывания среди них в 1915 году // Ежегодник Русского антропологического об-ва при Петроградском ун-те. 1916.
566. *Маретина С.А.* Андаманцы. СПб., 1995.
567. *Маркелов М.* Системы родства у угро-финских народностей // Этнография. 1928, № 1.
568. *Маркова Л.В.* О влиянии смешенных браков на процесс ассимиляции национальных групп (болгары Закарпатья) // Славянское и балканское языкознание. М., 1975.
569. *Маркова Л.В.* Постоянны ли критерии для типологизации систем родства? // Токаревские чтения. М., 1995.
570. *Маркова Л.В.* Трансформация южнославянской системы родства и ее соотношение с семейнородственной структурой. М., 1973.
571. *Марр Н.Я.* Ossetica-Japhetica. I. *Фagond-i* осетинских сказок и яфетический термин *фaskund* ‘маг’, ‘вестник’, ‘вещая птица’ // Изв. Российской АН. 1918. Т. 12, № 18.
572. *Марр Н.Я.* Две новые работы C.C.Uhlenbeck’a по баскскому языку // Язык и литература. 1926. Т. 1.
572а. *Марр Н.Я.* Происхождение американского человека и яфетическое языкознание // *Марр Н.Я.* Избранные труды. Т. 4. Л., 1937.
573. *Маслов А.А.* Системы родства манде // АР-7.
574. *Маслова Е.С.* Реципрок в юкагирском языке // Советское финно-угроведение. 1989. Т. 25, № 2.
575. Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Вып. 1. Л, 1936.
576. *Матье М.Э.* Термины родства в древнем Египте // Уч. зап. ЛГУ. Вып. 9. 1941.
577. *Матье М.Э.* Из истории семьи и рода в древнем Египте // Вестник древней истории. 1954, № 3.
578. *Мациев А.Г.* Чеченско-русский словарь. М., 1961.
579. *Мацокин Н.* Материнская филиация в Восточной и Центральной Азии. Вып. 1. Материнская филиация у китайцев, корейцев и японцев. Владивосток, 1910.
580. *Мбайкенг М., Попов В.А.* Современная система терминов родства сара // АР-3.
581. *Медведев П.Н.* Формальный метод в литературоведении: Критическое введение в социологическую поэтику. Л., 1928.
582. *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л., 1938.
583. *Мейланова У.А.* Семья, терминология родственных отношений // Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971.
584. *Мейланова У.А.* Основные термины кровного родства в языках лезгинской группы // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Т. 12. Тбилиси, 1985.
585. *Мейли Р.* Структура личности // Экспериментальная психология. Вып. 5. М., 1975.
586. *Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса. М., 1963.
587. *Мелетинский Е.М.* Об архетипе инцеста в фольклорной традиции // Фольклор и этнография. Л., 1984.
588. *Мелетинский Е.М.* Тузанди // МНМ. Т. 2.
589. *Меликишвили Л.Ш.* Структура чеченского свадебного обряда и ее место в комплексе свадебных обрядов Центрального Кавказа // КЭС. Вып. 6. 1986.
589а. *Меликян С.В.* Речевой акт молчания в структуре общения / АКД. Воронеж, 2000.
590. *Мельник В.* Ын легэтурэ ку пэтрундеря елементулуй слав рэсэритян ын граюриле молдовенешть (терминшт пентру ноциуня “буник”) // Лимба ши литература Молдовеняскэ. 1961, № 4.
591. *Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». Семантика, синтаксис. М., 1999.
592. *Мемедов М.А.* Личные имена ираноязычных халаджей // Ономастика Кавказа.

Махачкала, 1976.
593. *Меметов А.* О терминах родства в крымско-татарском языке // Советская тюркология. 1980, № 6.
594. *Меновщиков Г.А.* Личные имена азиатских эскимосов // Антропонимика. М., 1970.
595. *Меретуков М.А.* Система родства и свойства у адыгов // Уч. зап. Адыгейского науч.-иссл. ин-та языка, лит-ры и истории. Т. XI. Майкоп, 1970.
596. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб., 1999.
596а.*Мещанинов И.И.* Проблемы развития языка. Л., 1975.
597. *Мид М.* Культура и мир детства. М., 1988.
598. *Миллер О.* Илья Муромец и богатырство Киевское. СПб., 1869.
599. *Минх А.Н.* Моляны и обряды мордвы Саратовской губернии // ЭО. 1892, № 4.
600. *Мисюгин В.М.* Об отношении австралийских брачных классов к турано-ганованской системе терминов родства // Основные проблемы африканистики. М., 1973.
601. *Мисюгин В.М.* Занзибарская терминология родства // АЭС. Вып. 12. 1980.
602. *Мисюгин В.М.* "Правило" ндугу и следы социально-возрастного деления у некоторых европейских народов раннего средневековья // АЭС. Вып. 12. 1980.
603. *Мисюгин В.М., Чернецов С.Б.* "История галла" как этноисторический источник // АЭС. Вып. 11. 1978.
604. *Митрошкина А.Г.* Личные имена западных бурят и их заменители // Бурятские антропонимы и топонимы. Улан-Удэ, 1981.
605. *Михайлов М.И.* Домашний и семейный быт зырян // Журнал Министерства внутренних дел. Кн. 3. 1852.
606. *Михедова Л.Г.* Опыт компонентного анализа лексики // Вестн. МГУ. 1969, № 1.
607. *Моисеев А.И.* Термины родства в современном русском языке // Филологические науки. 1963, № 3.
608. Молдавско-русский словарь. М., 1961.
609. *Морган Л.Г.* Древнее общество. Л., 1934.
609а. *Морган Л.Г.* Лига ходеносауни,или ирокезов. М., 1983.
610. *Морозова А.С.* Следы древних форм семьи у каракалпаков // Тр. Ташкентск. гос. ун-та. Археология Средней Азии. 1960. Вып. 172, № 5.
611. Морфология, орфография и грамматическая терминология эрзянского и мокшанского языков. Саранск, 1938.
612. *Московский А.В., Мирзалис И.В.* Сознание и физический мир // Сознание и физический мир. Вып. 1. М., 1995.
613. *Мошков В.А.* Гагаузы Бендерского уезда. VI. Семейные и общественные отношения // ЭО. 1901, № 2.
614. *Мусаев К.М.* Термины родства в современных западнокыпчакских тюркских языках // Sprache, Geschichte und Kultur der Altaischen Völker. Berlin, 1974.
615. *Мухаммедова З.Б.* К вопросу о личной ономастике у туркмен // Тр. Ин-та языка и литературы. Вып. 2. Ашхабад, 1957.
616. *Мухаммедова З.Б.* Личная ономастика у туркмен // Питання ономастики. Київ, 1965.
617. *Мухамедова Р.Г.* Семейно-родственные отношения // Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967.
618. *Найда Е.А.* Анализ значения и составление словосочетаний // НЛ. Вып. 2. 1962.
619. *Наливкин В., Наливкин М.* Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886.
620. *Напольских В.В.* Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции. М., 1991.
621. *Напольских В.В.* Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи (данные мифологической реконструкции) / АДД. Ижевск, 1992.
622. *Напольских В.В.* Введение в историческую уралистику. Ижевск, 1997.
622а. *Напольских В.В.* Предыстория уральских народов // Acta Ethnographica Hungarica. 1999. Vol. 44, № 3-4.
623. *Насыров Д.С., Толстова Л.С.* Каракалпаки // СЛИНМ.

624. *Наумкин В.В., Порхомовский В.Я.* Очерки по этнолингвистике Сокотры. М., 1981.
625. *Нго Тхи Тинь.* Система родства вьетов / АКД. М., 1984.
626. *Невская Л.Г. Мать* в погребальном фольклоре // Балто-славянские исследования. 1982. М., 1983.
627. *Невская Л.Г.* Балто-славянское причитание. Реконструкция семантической структуры. М., 1993.
628. *Невский Н.А.* Материалы по говорам языка цоу. Словарь диалекта северных цоу. М., 1981.
629. *Немировский М.Я.* Способы обозначения пола в языках мира // Памяти Н.Я.Марра. М.-Л., 1938.
630. *Нерознак В.П.* Палеобалканские языки. М., 1978.
631. *Никитина Н.А.* К вопросу о русских колдунах // Сб. МАЭ. Т. 7. 1928.
632. *Николаев С.Д.* Терминология родства и свойства // Мордва Заволжья. Саранск, 1994.
633. *Николаева И.А.* О соответствии уральских аффрикат и сибилянтов в юкагирских языках // Советское финно-угроведение. 1988. Т. 24, № 2.
634. *Николаева Т.М.* Что такое трансформационный анализ? // ВЯ. 1960, № 1.
635. *Никонов В.А.* Личное имя – социальный знак // СЭ. 1967, № 5.
636. *Никонов В.В.* Этнонимия // ЭТН.
637. *Никулин Н.И.* Вьето-мыонгская мифология // МНМ. Т. 1.
638. *Никулина Л.В.* Особенности антропонимической модели тоба-батаков // ЭОН.
639. *Никулина М.В.* Болгары // СЛИНМ.
640. Образцы народной литературы мордвов. Казань, 1886.
641. *Овезбердыев К.* Материалы по этнографии туркмен-сарыков Пендинского оазиса // Тр. Ин-та истории, археол. и этногр. АН Туркмен. ССР. Сер. этнографическая. Т. VI. Ашхабад, 1962.
642. *Овшиева Н.Л.* Фактор адресата и типы спонтанной ситуативной речи (на материале английского языка) // Вестн. СПбГУ. 1999. Сер. 2. Вып. 2.
643. *Окладникова Е.А.* Символика мужского и женского начал в космогонических представлениях индейцев Северной и Центральной Калифорнии // ЭСМЖП.
643а. *Окладникова Е.А.* Символы власти в традиционной культуре индейцев Тихоокеанского побережья Северной Америки // Символы и атрибуты власти. СПб., 1996.
644. *Ольдерогге Д.А.* Кольцевая связь родов или трехродовой союз (Gens triplex) // Кратк. сообщ. Ин-та этнографии. Т. 1. 1946.
645. *Ольдерогге Д.А.* О социальном строе отсталых племен Южной Америки // СЭ. 1948, № 1.
646. *Ольдерогге Д.А.* Некоторые вопросы изучения систем родства // СЭ. 1958, № 1.
647. *Ольдерогге Д.А.* Западный Судан в XV–XIX вв. // ТИЭ. Т. 53. 1960.
648. *Ольдерогге Д.А.* Основные черты развития систем родства // СЭ. 1960, № 6.
649. *Ольдерогге Д.А.* Описательные системы родства народов Зап. Судана. М., 1964.
650. *Ольдерогге Д.А.* Брат – сын матери (псевдоматриархат) // АЭС. Вып. 10. 1975.
651. *Ольдерогге Д.А.* Малайская система родства // ОЭ.
652. *Ольдерогге Д.А.* Система лобола и различные формы кузенного брака в Южной Африке // ОЭ.
653. *Ольдерогге Д.А.* Система нкита (взаимоотношения родов у нкунду по данным конца XIX–начала XX в.) // ОЭ.
654. *Ольдерогге Д.А.* Система родства баконго в XVII в. // ОЭ.
655. *Омакаева Э.У., Бурыкин А.А.* Системы терминов родства и свойства калмыков // АР-4.
656. *Орел В.* Семитохамитский, синокавказский, ностратический // Московский лингвистический журнал. 1995, № 1.
657. *Орузбаева Б.О.* Об одном киргизском этноантропониме // ОК.
658. *Отаина Г.А., Гонтмахер П.Я.* Личные имена нивхов // ФДВ.
659. *Отаров И.М.* Очерки карачаево-балкарской терминологии. Нальчик, 1987.
660. Отраслевая лексика дагестанских языков. Махачкала, 1984.
661. *Палмайтис Л.* Праязык – генетическая или контактная общность // ВЯ. 1978, № 1.

662. *Панек Л.Б.* О терминах родства в грузинском языке // Сб. МАЭ. Т. 12. 1949.
663. *Паркин Р.* Трансформация и методология // АР-1.
664. *Пелих Г.И.* Кольцевая связь у селькупов Нарымского края // СЭС. 1962. Вып. 4.
665. *Пенгитов Н.Т.* Формы числа имен и особенности их употребления в марийском языке // Тр. МНИИЯЛИ. 1957. Вып. 10.
666. *Перпиц А.И.* Остаточные явления в культуре // Природа. 1982, № 10.
667. *Пизани В.* Этимология. История – Проблемы – Метод. М., 1956.
668. *Пика А.И.* Гомеостаз в демографической истории народов Севера (XVII–XIX вв.): реальность или иллюзия? // СЭ. 1986, № 3.
669. *Пименов В.В.* Удмурты: Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977.
669а. *Пимпирева Ж.* Родствени отношения при гагаузите в България // Българска етнология. 2000. Бр. 3.
670. *Писарчик А.К.* О некоторых терминах родства таджиков // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР. Сталинабад, 1953. Т. 17.
671. *Пицхелаури М.К.* Терминология родства как предмет этнографии и лингвистики // Республиканская конференция молодых ученых-филологов. Батуми, 1982.
672. *Плесовский Ф.В.* К вопросу о развитии семьи у коми и удмуртов (по терминам родства) // Историко-филологический сборник. Вып. VI. Сыктывкар, 1960.
673. *Плесовский Ф.В.* Медведь как прообраз дракона в волшебных сказках коми // Проблемы финно-угорского фольклора. Саранск, 1972.
674. *Плунгян В.А.* Именная классификация и “скрытые категории”: язык догон // Африка: Проблемы перехода к гражданскому обществу. Тез. докл. Вып. 2. М., 1994.
675. *Плунгян В.А.* Общая морфология. М., 2000.
676. *Подмаскин В.В.* Удэгейские личные имена // ФДВ.
677. *Подмаскин В.В., Старцев А.Ф.* Удэгейские имена // Ономастика: Типология. Стратиграфия. М., 1988.
677а. *Подорога В.А.* «Фундаментальная антропология» М.Хайдеггера // Буржуазная философская антропология XX века. М., 1986.
678. *Поздеева Т.А.* Социализация детей у бирманцев // ЭДЮ.
679. *Покровская Л.А.* Термины родства в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.
680. *Покровская Л.А.* Гагаузские термины родства // АР-1.
681. *Попов А.А.* Материалы по родовому строю долган // СЭ. 1934, № 6.
682. *Попов А.А.* Енисейские ненцы (юраки) // Изв. Всесоюз. географ. об-ва. 1944. Т. 76. Вып. 2-3.
683. *Попов А.А.* Семейная жизнь у долган // СЭ. 1946, № 4.
684. *Попов В.А.* Системы родства типа кроу-омаха у народов Западной Африки / Дипл. работа, кафедра этнографии и антропологии ЛГУ. Л., 1974.
685. *Попов В.А.* О вариантах систем терминов родства типа кроу у народов Западной Африки // КСД. 1974-1976. Л., 1977.
686. *Попов В.А.* К исторической типологии систем терминов родства: типы кроу и омаха // СЭ. 1977, № 2.
687. *Попов В.А.* Системы терминов родства народов акан. Опыт историко-типологического анализа // СЭ. 1977, № 6.
688. *Попов В.А.* Опыт компонентного анализа систем терминов родства ашанти и фанти // Этнокультурные процессы в современных и традиционных обществах. М., 1979.
689. *Попов В.А.* Ашантийцы в XIX в. М., 1982.
690. *Попов В.А.* Половозрастная стратификация в этносоциологических реконструкциях первобытности (вместо ответа оппонентам) // СЭ. 1982, № 1.
691. *Попов В.А.* Системы терминов родства аканов как этносоциологический источник // АЭС. Вып. 13. 1982.
692. *Попов В.А.* Ашантийцы в этнографии и этнография ашантийцев: фатальная несовместимость? // СЭ. 1989, № 5.
693. *Попов В.А.* Этносоциальная история аканов в XVI–XIX веках. М., 1990.

694. *Попов В.А.* К аксиоматике этносоциологических реконструкций первичной формации: пять методологических постулатов // АЭС. Вып. 15. 1991.

695. *Попов В.А.* Экологическое время и циклические структуры возрастных и родственных систем // Пространство и время в архаических культурах. М., 1992.

696. *Попов В.А.* О природе цикличности в первичных системах родства // Маклаевские чтения. 1993–1994 гг. СПб., 1994.

697. *Попов В.А.* Тетраидность и тетраидная теория: Некоторые заключительные замечания // АР-1.

698. *Попов В.А.* "Хождение в Абомей в сухое время года", или к вопросу об инверсиях полюдья // Ранние формы политической организации. М., 1995.

699. *Попов В.А.* Номенклатура родства и система терминов родства: соотношение лингвистического и этнографического // АР-2.

700. Пополь-Вух. Родословная владык Тотоникапана. М., 1993.

701. *Поппе Н.Н.* Чуваши и их соседи. Чебоксары, 1927.

702. *Порхомовский В.Я.* Системы родства в сравнительно-историческом и типологическом освещении // ЛРДИВ. Ч. 3.

703. *Потанин Г.Н.* Очерки северо-западной Монголии. Вып. 4. СПб., 1883.

704. *Потапов Л.П.* Материалы по семейно-родовому строю у узбеков "кунград" // Научная мысль. № 1. Самарканд –Ташкент, 1930.

705. *Потапов Л.П.* Очерки по истории алтайцев. Нсб., 1948.

706. *Потапов Л.П.* Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957.

706а. *Потебня А.А.* Объяснения малорусских и сродных народных песен. Варшава, 1887.

707. *Почепцов О.Г.* Основы прагматического описания предложения. Киев, 1986.

708. Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков (Термины родства и свойства). Махачкала, 1985.

709. *Прокофьев Г.Н.* Остяко-самоеды Туруханского края // Этнография. 1928, № 2.

710. *Прокофьева Е.Д.* Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана // Сб. МАЭ. Т. 11. 1949.

711. *Прохорова В.Н.* О словах с противоположными значениями в русских говорах // Филологические науки. 1961, № 1.

711а. *Птенцова А.В.* Глаголы *знати* и *ведети*: Семантическое сходство и различия (на материале древнерусских памятников XI-XIV вв.) // Вестн. МГУ. Сер. 9. Филология. 2000, № 4.

712. *Путилов Б.Н.* Русский и южнославянский героический эпос. М., 1971.

713. *Путилов Б.Н.* Об эпическом подтексте // Славянский фольклор. М., 1972.

714. *Путягин Г.А.* Компонентный анализ лексико-семантической группы слов, называющих ребенка // Научн. тр. Курск. пед. ин-та. Т. 21. 1974.

715. *Путягин Г.А.* Семантический анализ слов, называющих человека по возрасту // Научн. тр. Курск. пед. ин-та. Т. 47. 1974.

716. *Пырерка А.П., Терещенко Н.М.* Русско-ненецкий словарь. М., 1948.

717. *Пюрбеев Г.Ц.* Личные имена калмыков из топонимов и этнонимов // Ономастика Поволжья. Вып. 4. Саранск, 1976.

718. *Пьянков И.В.* Некоторые вопросы этнической истории древней Средней Азии // Восток. 1995, № 6.

719. *Рабинович Е.Г.* Земля // МНМ. Т.1.

720. *Радлов В.В.* Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989.

720а. *Раевский Д.С.* О генезисе повествовательной мифологии как средства моделирования мира // ФИ. Л., 1984.

721. *Разумова И.А.* Фольклорная традиция семейно-родственных групп // ЭО. 1999, № 5.

722. *Рамазанов К.Т.* Парные слова, обозначающие родство (на материале огузской группы тюркских языков) // Изв. АН Азерб. ССР. Сер. лит-ры., языка и искусства. 1970, № 3.

723. *Рамазанова Д.Б.* Ареальная терминология родства и некоторые вопросы этнического формирования татар Приуралья // Мат-лы по татарской диалектологии. Казань, 1990.

724. *Рамазанова Д.Б.* Термины родства в татарском языке. Казань, 1992.

725. *Рассел Б.* Человеческое познание, его сфера и границы. М., 1957.

726. *Ратнер В.* Линейная упорядоченность генетических сообщений // Проблемы кибернетики. Вып. 16. 1966.

727. *Раушенбах Б.В.* О логике триединости // ВФ. 1990, № 11.

728. *Рахилина Е.В.* Посессивность и вопрос // Теория функциональной грамматики. Локативность, бытийность, посессивность, обусловленность. СПб., 1996.

729. *Рахимов Р.Р.* Термины родства и личные имена у таджиков верхней предгорной части долины р. Зеравшан // КСД. 1972–1973. Л., 1974.

730. *Рахимов Р.Р.* Две заметки по антропонимии Зеравшанской долины. II. Термины родства и личные имена // Ономастика Средней Азии. М., 1978.

731. *Ревзина О.Г.* Язык и дискурс // Вестн. МГУ. Сер. 9. Филология. 1999, № 1.

732. *Ревуненкова Е.В.* Ребенок в представлениях батаков северной Суматры // ЭДЮ.

733. *Резник Д.Г.* Язгулямские термины родства // Учен. зап. Кулябского гос. пед. ин-та. Вып. 4. 1957.

734. *Рейхенбах Г.* Философия пространства и времени. М., 1985.

735. *Решетов А.М.* Некоторые наблюдения над системами родства // ОСР.

736. *Решетов А.М.* О “цепочке имен” у народов мира // КСД. 1972–1973. Л., 1974.

737. *Роборовский В.И.* Труды экспедиции Русск. географ. об-ва. по Центральной Азии. Ч. I. Вып. 3. СПб., 1901.

738. *Рогава Г.В.* К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956.

739. *Родионов М.А.* Традиционная модель социализации детей в современном Ливане // ЭДП.

740. *Роуз Ф.* Аборигены Австралии: Традиционное общество. М., 1989.

741. *Руденко Д.И.* Собственные имена в контексте современных теорий референций // ВЯ. 1988, № 3.

742. *Руденко С.И.* Чувашские надгробные памятники // Сб. мат-лов по этнографии России. Вып. 1. СПб., 1910.

743. *Руденко С.И.* Башкиры. М.-Л., 1955.

744. Русско-марийский словарь. Йошкар-Ола, 1979.

745. *Сагалаев А.М.* Урало-алтайская мифология. Нсб., 1991.

746. *Сагалаев А.М., Октябрьская И.В.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Нсб., 1990.

747. *Саидова П.А.* Терминология родства и свойства в аваро-андийских языках // ПОЛДЯ.

748. *Самойлова А.* Запретные слова в языке казак-киргизской замужней женщины // Живая старина. Вып. 3. 1915.

748а. *Сараджева Л.А.* Опыт лексико-семантического анализа генетически общей лексики в древнеармянском и славянском языках. 2. Генетическое соотношение армянских и славянских терминов родства // ОСЛ.

749. *Саттаров Г.Ф.* Сословные титулы и древнетатарские личные имена // Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1969.

750. *Сатыбалов А.А.* К вопросу о личной ономастике у кумыков // Сов. языкознание. Т. 2. 1936.

751. *Сахаров В.П.* О запрещении браков в родстве. Опыт исследования из области брачного права Православной церкви. Вып. 1. О родстве и его видах. Екатеринослав, 1899.

752. Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986.

753. *Сводеш М.* Лексико-статистическое даторование доисторических этнических контактов // НЛ. Вып. 1. 1960.

754. *Сводеш М.* К вопросу о повышении точности в лексико-статистическом датировании // НЛ. Вып. 1. 1960.

755. *Сегре Ч.* Две истории о друзьях-«близнецах». К вопросу об определении мотива // От мифа к литературе. М., 1993.

756. *Седакова И.А.* К изучению общеславянской лексики в русском и болгарском языках // Philologia slavica. М., 1993.

757. *Седловская А.Н.* Обряд наречения имени у малых народов Центральной Индии // ЛИП.
758. *Селезнев А.Г.* Барабинские татары. Истоки этноса и культуры. Нсб., 1994.
759. *Селиверстова О.Н.* Опыт семантического анализа слов типа *все* и типа *кто-нибудь* // ВЯ. 1964, № 4.
760. *Селиверстова О.Н.* Обзор семантических работ по компонентному анализу // Филологические науки. 1967, № 5.
761. *Селиверстова О.Н.* О роли исследования денотатов при выделении семантических компонентов // Материалы 2-го симпозиума по психолингвистике. М., 1968.
762. *Селиверстова О.Н.* Компонентный анализ многозначных слов. На материале некоторых русских глаголов. М., 1975.
763. *Сем Т.Ю.* Традиционные представления негидальцев о мире и человеке // Религиоведческие исследования в этнографических музеях. Л., 1990.
764. *Сем Ю.А.* Космогонические представления нанайцев "Верхний мир" // Там же.
765. *Семека Е.С.* Компонентный анализ системы родства общества с кросскузенным браком (на примере сингальской) // V Всесоюзный симпозиум по кибернетике. Тбилиси, 1970.
766. *Семенас А.С.* Копулятивный тип связи в лексике современного китайского языка / АКД. М., 1973.
767. *Семенас А.С.* Некоторые особенности семантики сложения в изолирующих языках // Лингвистическая типология. М., 1985.
768. *Семенас А.С.* Лексикология современного китайского языка. М., 1992.
769. *Семенов П.* О народной медицине в станице Слепцовской Сунженского отдела Терской обл. // СМОМПК. Вып. 16. Отд. 2. 1893.
770. *Семенов Ю.И.* О некоторых теоретических проблемах истории первобытности (По поводу статьи М.В.Крюкова "О соотношении родовой и патронимической /клановой/ организации) // СЭ. 1968, № 4.
771. *Семенов Ю.И.* [Рец.]: *Крюков М.В.* Система родства китайцев. М., 1972 // СЭ. 1973, № 2.
772. *Семенов Ю.И.* Происхождение брака и семьи. М., 1974.
773. *Семенов Ю.И.* О методике реконструкции развития первобытного общества по данным этнографии // Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М., 1979.
774. *Семенов Ю.И.* Завершение становления человеческого общества и возникновение первобытной родовой общины // История первобытного общества: Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986.
775. *Сепеев Г.А.* Марийцы // Народы Поволжья и Приуралья. М., 1985.
776. *Сергеев Л.П.* Термины родства у чувашей // Чуваши. Ч. II. Чебоксары, 1970.
777. *Серебренников Б.А.* Историческая морфология пермских языков. М., 1963.
778. *Серебренников Б.А.* Историческая морфология мордовских языков. М., 1967.
779. *Серебренников Б.А.* К уточнению некоторых этимологий // Советское финно-угроведение. 1973. Т. 9, № 1.
780. *Серебренников Б.А.* Из истории звуков и форм тюркских языков (о чередовании начальных *в* и *т*) // Советская тюркология. 1974, № 6.
781. *Серебренников Б.А.* Проблема достаточности основания в гипотезах, касающихся генетического родства языков // Теоретические основы классификации языков мира. М., 1982.
782. *Серебрякова М.Н.* О некоторых пережитках материнского рода и ранних форм семейно-брачных отношений у турок Малой Азии // Страны и народы Востока. Вып. 8. М., 1969.
783. *Сидоров А.С.* Термины родства у коми // Избр. статьи по коми языку. Сыктывкар, 1992.
784. *Сикстулис Я.П. и др.* Арабы // СЛИНМ.
785. Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. М., 1974.
786. *Скворцов И.* О видах и степенях родства // Руководство для сельских пастырей. Т. 1, № 8. Киев, 1861.

786а. *Скорик П.Я.* К вопросу о принципах типологической классификации языков // Типология как раздел языкознания. М., 1976.

787. *Скорик П.Я.* Антропонимические процессы у малых народностей Севера // Антропонимика. М., 1970.

788. *Скорик П.Я.* Чукчи // СЛИНМ.

789. *Скрозникова В.А.* Тайна индейских имен. М., 1991.

790. *Слободин С.Б.* Археология Колымы и континентального Приохотья в позднем Плейстоцене и раннем Голоцене. Магадан, 1999.

791. *Смирнов И.Н.* Черемисы. Казань, 1889.

792. *Смирнов И.Н.* Вотяки. Казань, 1890.

793. *Смирнов И.Н.* Пермяки. Казань, 1891.

794. *Смирнов И.Н.* Мордва. Казань, 1895.

795. *Смирнова М.* Родильные и крестильные обряды крестьян... Саратовской губ. // ЭО. 1911, № 1-2.

796. *Смирнова О.И.* Один случай энантиосемии // Лексикология и словообразование древнерусского языка. М., 1966.

797. *Смирнова Я.С.* Искусственное родство у народов Северного Кавказа: формы и эволюция // КЭС. М., 1989.

798. *Смолина К.П.* Компонентный анализ и семантическая реконструкция в истории слова // ВЯ. 1986, № 4.

799. *Смоляк А.В.* Личные имена нанайцев // ЛИП.

800. *Смоляк А.В.* О некоторых элементах сходства в культурах коренных жителей Нижнего Амура, тюркоязычных и монголоязычных народов // ПЭИ.

801. *Смоляк А.В.* Орочи // СЛИНМ.

802. *Смоляк А.В.* Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы Нижнего Амура). М., 1991.

803. *Снесарев Г.П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.

804. *Снесарев Г.П.* Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М., 1983.

805. *Соболева Е.С.* Социализация детей на острове Тимор // ЭДА.

806. *Соколов В.И.* Новое в стереохимии. М., 1975.

807. *Соколова З.П.* О происхождении обско-угорских имен и фамилий // ЛИП.

808. *Соколова З.П.* Новые данные о погребальном обряде северных хантов // Полев. иссл. Ин-та этногр. 1974. М., 1975.

809. *Соколова З.П.* Наследственные, или предковые, имена у обских угров и связанные с ними обычаи // СЭ. 1975, № 5.

810. *Соколова З.П.* Страна Югория. М., 1976.

811. *Соколова З.П.* О культе предков у хантов и манси // Мировоззрение финно-угорских народов. Нсб., 1990.

812. *Соколова З.П.* Изображения умерших у хантов и манси // Шаманизм и ранние религиозные представления. М., 1995.

812а. *Соколовский С.В.* Парадигмы этнологического знания // ЭО. 1994, № 2.

813. *Соловьева Л.Т.* Динамика обрядности детского цикла у грузин картли и кахети // Этно-культурные процессы: Методы исторического и синхронного изучения. М., 1982.

814. *Соломатина С.Н.* Тувинцы: Символическое поведение, связанное с ребенком // Этносы и этнические процессы. М., 1993.

815. *Сопиева Г.К.* Лексические источники личных имен у туркмен // Ономастика Средней Азии. М., 1978.

816. *Соселия Э.Г.* Некоторые обобщения, касающиеся семантической стороны терминов родства // Типология как раздел языкознания. М., 1976.

817. *Соселия Э.Г.* Общие вопросы анализа систем терминов родства // Изв. АН Груз. ССР. Сер. языка и лит-ры. 1977, № 1.

818. *Соселия Э.Г.* Анализ систем терминов родства (по материалам картвельских

языков). Тбилиси, 1979.
819. *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М., 1977.
820. *Спеваковский А.Б.* Материалы по системе терминов родства и свойства эвенов Камчатки // Полев. иссл. Ин-та этногр. 1978. М., 1980.
821. *Спеваковский А.Б.* Система терминов родства айнов бассейна реки Сару // Взаимосвязь социальных и этнических факторов в современной и традиционной культуре. М., 1983.
822. *Спеваковский А.Б.* Терминология родства как этногенетический источник (на примере системы терминов родства айнов) // КСД. 1983. Л., 1985.
823. *Спеваковский А.Б.* Айнская терминология родства // СЭ. 1986, № 2.
824. *Ставцев С.Н.* Введение в философию Хайдеггера. СПб., 2000.
825. *Станюкович М.В.* Социализация детей и подростков у ифугао (Филиппины) // ЭДВ.
826. *Старостин Б.А.* О некоторых структурных особенностях собственных имен // Языковая практика и теория языка. Вып. 1. М., 1974.
827. *Старостин С.А.* Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник. Л., 1982.
828. *Стеблин-Каменский М.И.* Миф. Л., 1976.
829. *Стебницкий С.Н.* Нымыланы – алюторцы (К вопросу о происхождении оленеводства у южных коряков) // СЭСС.
830. *Степанов Ю.С.* Семиотическая структура языка (три функции и три формальных аппарата языка) // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка. 1973. Т. 32, № 4.
831. *Степанов Ю.С.* К универсальной классификации предикатов // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка. 1980. Т. 39, № 4.
832. *Степанов Ю.С.* В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.
833. *Степанов Ю.С.* Комментарий // *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
834. *Степанова А.С.* О метафорических заменах терминов родства в севернокарельских причитаниях // Вопросы финно-угроведения. Вып. V. Йошкар-Ола, 1970.
835. *Степанова А.С.* Примечания // Карельские причитания. Петрозаводск, 1976.
836. *Степанова А.С.* Метафорические замены терминов родства в причитаниях прибалтийско-финских народов // Фольклористика Карелии. Вып. 1. Петрозаводск, 1978.
837. *Степанова А.С.* Эпитет в системе метафорических замен карельских причитаний // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1980.
838. *Степанова А.С.* Метафорический мир карельских причитаний. Л., 1985.
839. *Степанова А.С.* Метафорические замены в прибалтийско-финской плачевой традиции (к семантике терминов родства) // Фольклористика Карелии. Вып. 4. Петрозаводск, 1986.
840. *Степанова М.Д.* Вопросы компонентного анализа в лексике // Иностранные языки в школе. 1966, № 5.
841. *Сукерник Р.И. и др.* Первоначальное заселение Америки в свете данных популяционной генетики // Экология американских индейцев и эскимосов. М., 1988.
842. *Суник О.П.* О категории отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности в тунгусо-манчжурских языках // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и я.зыка 1947. Т. 6. Вып. 5.
843. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. М., 1973.
844. *Сухарева О.А.* Некоторые вопросы брака и свадебные обряды таджиков кишлака Шахристана // Сб. научн. кружка при Вост. ф-те Среднеазиат. гос. ун-та. Вып. 1. Ташкент, 1928.
845. *Сысоева Н.М.* Камасинцы (Некоторые вопросы семейного быта и духовной культуры) // Этнические и этнокультурные процессы у народов Сибири. Кемерово, 1992.
846. *Сэпир Э.* Аномальные речевые приемы в нутка // СИТ.
847. *Сэпир Э.* Мужской и женский варианты речи в языке яна // СИТ.
848. *Сэпир Э.* Язык. Введение в изучение речи // СИТ.
849. *Тайлор Э.* О методе исследования развития учреждений // ЭО. 1890, № 2.

850. *Тайлор (Тэйлор)* Э. Первобытная культура. М., 1939.
851. *Таймасханова Т.Г.* Кумыкские личные имена от терминов родства // ПОЛДЯ.
852. *Таксами Ч.М.* Нивхи // СЛИНМ.
853. *Тарасова И.П.* Структура смысла и структура личности коммуниканта // ВЯ. 1992, № 4.
854. *Тенишев Э.Р.* Новое исследование по теории имитативов // ДТП. Вып. 8. 1980.
855. Теория функциональной грамматики. Локативность, бытийность, посессивность, обусловленность. СПб., 1996.
856. *Тепляшина Т.И.* Тюркские элементы в терминах родства удмуртов Башкирии // Башкирская лексика. Уфа, 1966.
857. *Тепляшина Т.И.* Загадочные термины родства в удмуртском языке // Советское финно-угроведение. 1968, № 4.
858. *Тепляшина Т.И.* Удмуртские личные имена, связанные с этнонимами // ЭИ.
859. *Тепляшина Т.И.* Способы выражения вокативности в удмуртском языке // Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 3. Ижевск, 1975.
860. *Терещенко Н.М.* Материалы и исследования по языку ненцев. М.-Л., 1956.
861. *Терещенко Н.М.* Собственные имена людей у ненцев // Вопросы финно-угроведения. Вып. 3. М., 1965.
862. *Терещенко Н.М.* Личные имена у нганасанов // ЭИ.
863. *Терещенко Н.М.* К сравнительному изучению лексики самодийских языков // Советское финно-угроведение. 1971, № 4.
864. *Терещенко Н.М.* Ненцы // СЛИНМ.
865. *Ткаченко Б.И.* Основы физиологии человека. Т. 2. СПб., 1994.
866. *Токарев С.А.* О системах родства у австралийцев // Этнография. 1929, № 1.
867. *Токарев С.А.* Проблема типов этнических общностей // ВФ. 1964, № 11.
868. *Толстова Л.С.* Топонимы и этнонимы в антропонимии каракалпаков // Ономастика Средней Азии. Вып. 2. Фрунзе, 1980.
869. *Толстой Н.И.* Из опытов типологического исследования славянского словарного запаса II. // ВЯ. 1966, № 5.
870. *Томсон Дж.* Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1958.
871. *Томчина С.И.* Бамана: терминология родства ду // АЭС. Вып. 9. 1972.
872. *Томчина С.И.* Еще раз о “двух видах принадлежности” в языке манинка // АЭС. Вып. 14. 1984.
872а. *Топорков А.Л.* «Перепекание детей» в ритуалах и сказках восточных славян» // ФЭТ.
873. *Топоров В.Н.* [Рец.]: *Jakobson R.* Shifters, verbal categories and the Russian verb. Harvard, 1957 // Структурно-типологические исследования. М., 1962.
874. *Топоров В.Н.* О трансформационном методе // Трансформационный метод структурной лингвистики. М., 1964.
875. *Топоров В.Н.* К реконструкции мифа о мировом яйце (на материале русских сказок) // ТЗС. 1967.
876. *Топоров В.Н.* О типологическом подобии мифологических структур у кетов и соседних с ними народов // Кетский сборник. М., 1969.
877. *Топоров В.Н. К* происхождению некоторых поэтических символов (палеолитическая эпоха) // Ранние формы искусства. М., 1972.
878. *Топоров В.Н.* Космос // МНР. Т. 2.
879. *Топоров В.Н.* Яйцо мировое // МНМ. Т. 2.
880. *Топоров В.Н.* Предисловие // *Евзлин М.* Космогония и ритуал. М., 1993.
881. *Топоров В.Н.* Об «эктропическом» пространстве поэзии (поэт и текст в их единстве) // От мифа к литературе. М., 1993.
882. *Топоров В.Н.* Из индоевропейской этимологии. V (1) // Этимология. 1991-1993. М., 1994.
883. *Топорова И.Н.* Об одной группе терминов родства в языках банту // Лексикология и словообразование африканских языков. М., 1988.
884. *Торпусман А.Н.* Евреи // СЛИНМ.
885. *Тревер К.В.* Сэнмурв-Паскудж. Собака-Птица. Л., 1937.
886. *Троицкая А.Л.* Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины

Зеравшана // СЭ. 1935, № 6.
887. *Тромбетти А.* О теории пассивного характера глагола // Эргативная конструкция предложения. М., 1950.
888. *Тротманн Т.Р.* Дравидийская система родства как культурный и как структурный тип // АР-1.
889. *Трубачев О.Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
890. *Трубачев О.Н.* К вопросу о реконструкции различных систем лексики // Лексикографический сборник. Вып. 6. М., 1963.
891. *Трубачев О.Н.* Реконструкция слов и их значений // ВЯ. 1980, № 3.
892. *Трубачев О.Н.* [Рец.]: *Szemerényi O.* Studies in kinship terminology of the Indo-European languages Teheran; Liege, 1977 // Этимология. 1979. М., 1981.
893. *Трубецкой Н.С.* Кавказские параллели к фригийскому мифу о рождении из камня // ЭО. 1908, № 3.
894. *Трубецкой Н.С.* Основы фонологии. М., 2000 (1960).
895. *Трубецкой Н.С.* Избранные труды по филологии. М., 1987.
896. Тувинские народные сказки. Нсб., 1994.
897. *Тульвисте П.* Об исторической гетерогенности мышления // Сб. м-лов по проблеме: “Психика человека в единстве теории и практики”. Тарту, 1975.
898. *Тульвисте П.* К интерпретации параллелей между онтогенезом и историческим развитием мышления // ТЗС. Вып. 8. 1977.
899. *Тэрнер В.* Символ и ритуал. М., 1983.
900. *Уайлдер У.Д.* Безреципрокные термины родства: непризнанная область изучения // АР-4.
901. *Уайт Х.* Модели систем родства с предписанным браком // Математические методы в социальных науках. М., 1973.
902. *Убрятова Е.И.* Парные слова в якутском языке // Язык и мышление. Вып. 11. 1948.
903. *Убрятова Е.И.* Язык норильских долган. Нсб., 1985.
904. *Уленбек Х.К.* Идентифицирующий характер посессивной флексии в языках Северной Америки // Эргативная конструкция предложения. М., 1950.
905. *Уорф Б.Л.* Отношение норм поведения и мышения к языку // НЛ. Вып. 1. 1960.
906. *Ураксин З.Г.* Основные критерии выбора имен у башкир // ЛИП.
907. *Ураксин З.Г.* Башкирские антропонимы из этнонимов // Ономастика Поволжья. Вып. 3. Уфа, 1973.
908. *Успенский Б.А.* Historia *sub specie* semioticae // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. I (5). Тарту, 1974.
909. *Уфимцева А.А.* Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. М., 1989.
910. *Фадеев Л.А.* Мономотапа // АЭС. Вып. 4. 1962.
911. *Файнберг Л.А.* Терминология родства нганасан как исторический источник // СЭС. Вып. 4. 1962.
912. *Фанти С.* Микропсихоанализ. М., 1993.
913. *Фанти С.* Практический словарь по психоанализу и микропсихоанализу. М., 1997.
914. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1967-1971.
915. *Федоров Г.С.* Этническая история Северо-Восточного Дагестана (Проблема происхождения кумыков) / АДД. Махачкала, 1995.
916. *Федорова И.К.* Термины родства у рапануйцев // Австралия и Океания. М., 1978.
917. *Федорова И.К.* Семантика некоторых терминов родства у маори Новой Зеландии // АР-1.
918. *Федотов М.И.* Термины родства бесермян // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII–XX вв. Устинов, 1985.
919. *Федотов М.Р.* Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. Ч. 1. Чувашско-марийские связи. Чебоксары, 1965.
920. *Федянович Т.П.* Обряды при наречении имен у мордвы // Ономастика Поволжья.

Вып. 4. Саранск, 1976.
921. *Федянович Т.П.* Утрата имени новобрачной у мордвы // Ономастика Востока. М., 1980.
922. *Федянович Т.П.* Свадебные обряды мордвы // Семейные обряды мордвы. Саранск, 1984.
923. *Филин Ф.П.* О терминах родства и родственных отношениях в древнерусском литературном языке // Язык и мышление. Вып. 11. 1948.
924. *Филин Ф.П.* Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. М., 1949.
924а.*Филиппов А.Ф.* Социология и космос // Социологос: Социология. Антропология. Метафизика. Вып. 1. М., 1991.
925. *Фойт В.* Иконичность ранних форм искусства // От мифа к литературе. М,1993.
926. *Фреге Г.* Логика и логическая семантика. М., 2000.
927. *Фреге Г.* Основоположения арифметики. Томск, 2000.
928. *Фрейд З.* Леонардо да Винчи. М., 1912.
929. *Фрейд З.* Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии // *Фрейд З.* “Я” и “Оно”. Труды разных лет. Т. 1. Тбилиси, 1991.
930. *Фрейд З.* Я и Оно // Там же.
931. *Фрейд З.* Достоевский и отцеубийство // Там же. Т. 2.
932. *Фрейд З.* Будущее одной иллюзии // *Фрейд З.* Психоанализ. Религия. Культура. М., 1992.
933. *Фрейд З.* Человек по имени Моисей и монотеистическая религия. М., 1993.
934. *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936.
935. *Фрэзер Дж.Дж.* Золотая ветвь. М., 1980.
936. *Хаджилаев Х.-М.* Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970.
937. *Хайдеггер М.* Время и бытие. М., 1993.
938. *Хайдеггер М.* Работы и размышления разных лет. М., 1993.
939. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1997.
940. *Хайдеггер М.* Пролегомены к истории понятия времени. Томск, 1998.
941. *Хайдеггер М.* Положение об основании. СПб., 2000.
942. *Хангалов М.* Свадебные обряды, обычаи, поверья и предания у бурят Унгинского Инородческого ведомства Балаганского округа // ЭО. 1898, № 1.
943. *Харузин Н.* Русские лопари. М., 1890.
944. *Харузин Н.* Этнография. IV. Верования. СПб., 1905.
945. *Хасанов Б.* Обращение как объект изучения социолингвистики // Тюркское языкознание. Материалы III Всесоюзной тюркологической конференции. Ташкент, 1985.
946. *Хелимский Е.А.* Самодийская лингвистическая реконструкция и праистория самодийцев // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. М., 1991.
947. *Хельбиг Г.* Учение Хэрриса и Хомского о трансформации в языке // Иностранные языки в школе. 1966, № 5.
948. *Херрманн Ф.-В. фон.* Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля. Минск, 2000.
949. *Хизанашвили Д.* Пшавия и пшавцы. Брак и взаимные отношения между членами пшавской семьи // Зап. Кавк. отд. Русск. географ. об-ва. 1896. Т. 18.
950. *Ходжаева Р.Д.* Общественное положение и семейный быт уйгурской женщины Казахстана // Тр. Ин-та ист., археол. и этногр. АН Казахск. ССР. Т. 3. 1956.
951. *Хомский Н.* Синтаксические структуры // НЛ. Вып. 2. 1962.
952. *Хузангай А.П.* [Рец.]: *Корнилов Г.Е.* Имитативы в чувашском языке. Чебоксары, 1984 // ВЯ. 1987, № 6.
953. *Цивьян Т.В.* Баллада о “мертвом брате” в балканском фольклоре // Тез. докл. IV Летней школы по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1970.
954. *Цивьян Т.В.* Сюжет “Приход мертвого брата” в балканском фольклоре: К анализу сходных мотивов // ТЗС. 1973. Т. 6.
955. *Цивьян Т.В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.
956. *Цинциус В.И.* Алтайские термины родства и проблема их этимологии // Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.
957. *Цэрэнханд Г.* Некоторые обычаи избегания у монголов // СЭ. 1991, № 5.
958. *Чейф У.Л.* Значение и структура языка. М., 1975.

959. *Черемисина М.И.* Системное место синтаксиса среди лингвистических дисциплин и проблема выделения его единиц // СИТИ.

960. *Чернецов В.Н.* К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // ТИЭ. Т. 1. 1947.

961. *Чернецов В.Н.* К истории родового строя у обских угров // Советская этнография. Сборник статей. Вып. 6-7. М.-Л., 1947.

962. *Чернецов В.Н.* Представления о душе у обских угров // ТИЭ. Т. 51. 1959.

962а. *Черниговская Т.В., Деглин В.Л.* Метафорическое и силлогистическое мышление как проявление функциональной асимметрии мозга // ТЗС. Вып. 19. 1986.

963. *Черняк В.Д.* О применении компонентного анализа в исследовании синонимов // Филологические науки. XXIII Герценовские чтения. Л., 1970

964. *Чеснов Я.В.* Мутум // МНМ. Т. 2.

965. *Чешко С.В.* Человек и этничность // ЭО. 1994, № 6.

966. *Чикобава А.* Отраслевая лексика и научная актуальность ее изучения // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Т. 2. Тбилиси, 1975.

967. *Чистов К.В.* Русская причеть // Причитания. Л., 1960.

968. *Чистов К.В.* Севернорусские причитания как источник для изучения крестьянской семьи XIX в. // Фольклор и этнография. Л., 1977.

969. *Членов М.А.* О целях компонентного анализа систем родства // V Всесоюзный симпозиум по кибернетике. Тбилиси, 1970.

970. *Членов М.А.* Формальные методы изучения систем родства в современной американской этнографии // Этнологические исследования за рубежом. М., 1972.

971. *Членов М.А.* Реферат статьи Маккинли // Общественные науки за рубежом. История. М., 1973.

972. *Членов М.А.* К характеристике социальной организации азиатских эскимосов. М., 1973.

973. *Членов М.А.* Опыт исследования малайской системы родства // Малайско-индонезийские исследования. М., 1977.

974. *Членов М.А.* Зависимость развития этнических процессов от лабильности или прескриптивности социальных институтов // Методические проблемы исследования этнических культур. Ереван, 1978.

975. *Членов М.А.* Об ареальном подходе к изучению систем родства // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Уфа, 1985.

976. *Членов М.А.* Некоторые проблемы типологии систем родства тюркских народов Сибири // ПЭИ.

977. Чувашские легенды и сказки. Чебоксары, 1979.

978. *Шабашов А.В.* Опыт сравнительного изучения болгарской и гагаузской систем родства (по материалам Южной Украины) // ЭО. 1995. № 3.

979. *Шабашов А.В.* К проблеме типологизации систем терминов родства некоторых этнических общностей Северной Евразии // АР-4.

980. *Шавхелишвили Б.А.* Термины родства в нахских языках / АКД. М., 1978.

981. *Шаниязов К.* Узбеки-карлуки. Ташкент, 1964.

982. *Шарапов В.Э., Несанелис Д.А.* Мотив “раскачивания” в мифопоэтических представлениях народов коми // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Сыктывкар, 1995.

983. *Шаревская Б.И.* Старые и новые религии Тропической и Южной Африки. М., 1964.

984. *Шатинова И.Н.* Алтайцы // СЛИНМ.

985. *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

986. *Шелепов Г.В.* Общность происхождения – признак этнической общности // СЭ. 1968, № 4.

987. *Шерцль В.* О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантиосемии) // Филологические записки. 1883, № 5–6.

988. *Шехтман Н.А.* Семантические поля и семантические множители // Мат-лы конф. “Актуальные вопросы современного языкознания”. Т. 1. Самарканд, 1964.

989. *Шибаева Ю.А.* Система родства у хакасов // Учен. зап. Тадж. гос. ун-та. Сер. гуман. наук. Т. 2. 1954.

990. *Шиловский А.Н.* Комбинаторная методика Т.П.Ломтева и возможности ее применения / Учеб. пособие. Днепропетровск, 1970.

991. *Шиловский А.Н.* Комбинаторно-конструктивное исследование древнерусских терминов, обозначающих должностных лиц местного управления в московском государстве // Вопросы прикладной лингвистики. Вып. 3. Днепропетровск, 1971.

992. *Шиловский А.Н.* Принципы и приемы комбинаторной методики, разработанные профессором Т.П.Ломтевым // Филологические науки. 1973, № 3.

993. *Шимкевич П.П.* Материалы для изучения шаманства у гольдов // Зап. Приамурского отд. Русск. географ. об-ва. Т. 2. Вып. 1. Хабаровск, 1896.

994. *Шимчак М.* Термины родства и семейного свойства в истории и диалектах польского языка // Славянская лексикография и лексикология. М., 1966.

995. *Шинкарев В.Н.* Представления тибето-бирманцев о судьбе // Историческая динамика расовой и этнической дифференциации населения Азии. М., 1987.

996. *Шинкуба А.Е.* Опыт анализа терминов родства у абхазов // Изв. Абхазского ин-та языка, литературы и истории. Сер. история и экономика. Вып. XIII. Тбилиси, 1985.

997. *Шинкуба А.Е.* Абазинская система терминов родства / АКД. М., 1987.

998. *Шинло Л.Т.* Культура и быт советских дунган. Фрунзе, 1965.

999. *Шихмурзаев Д.М.* Термины родства и свойства в ногайском языке // ПОЛДЯ.

1000. *Шишло Б.П.* Культ предков и заместители умерших // Вестн. ЛГУ. Серия истории, языка и лит-ры. 1972, № 8.

1001. *Шишло Б.П.* Погребальный обряд и представления о душе у нанайцев // Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1974.

1002. *Шишло Б.П.* Среднеазиатский тул и его сибирские параллели // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975.

1002а. *Шмайлова Н.* Сравнительный анализ исторического развития систем терминов родства в русском и арабском языках. Дипл. работа. Фак-т теоретической и прикладной лингвистики РГГУ. М., 1999.

1003. *Шмелева Т.В.* Выбор номинации: фактор адресата // Деривация в речевой деятельности. Пермь, 1988.

1004. *Шмелева Т.В.* Диалогичность модуса // Вестн. МГУ. Филология. 1995, № 5.

1005. *Шнирельман В.А.* Позднепервобытная община земледельцев-скотоводов и высших охотников, рыболовов и собирателей // История первобытного общества: Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986.

1006. *Штернберг Л.Я.* Культ орла у сибирских народов // Сб. МАЭ. Т. 5. Вып. 2. 1925.

1007. *Штернберг Л.Я.* Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.

1008. *Штернберг Л.Я.* Семья и род у народов Северо-восточной Азии. Л., 1933.

1009. *Штернберг Л.Я.* Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.

1010. *Щерба Л.В.* О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // ЗИЯ.

1011. *Щербак А.М.* Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб., 1994.

1012. *Эванс-Причард Э.Э.* Колдовство, оракулы и магия у азанде // Магический кристалл. М., 1992.

1012а. *Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии. М., 1996.

1013. *Элкайр У.Х.* Сиблинговые группы. Мужская и женская власть на Центральных Каролинах // СЭ. 1988, № 4.

1014. *Эрдниев У.Э.* Калмыки (конец XIX–начало XX вв.). Элиста, 1970.

1015. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н.Трубачева. М., 1974 – …

1016. *Юань Кэ*. Мифы Древнего Китая. М., 1965.

1017. *Юлдашев А.А.* Звательные слова в тюркских языках // Исследования по сравнительной морфологии тюркских языков. Ч. 2. Морфология. М., 1956.

1018. *Юшманов Н.В.* Строй амхарского языка. Л., 1936.

1019. *Яблоков А.В., Ларина Н.И.* Введение в фенетику популяций. М., 1985.

1020. *Якобсон Р.* Выступление на I Международном симпозиуме “Знак и система

языка” (Эрфурт, ГДР, 1959) // ЗИЯ.
1021. *Якобсон Р.* Значение Крушевского в развитии науки о языке // ЯИР.
1022. *Якобсон Р.* Лингвистика в ее отношении к другим наукам // ЯИР.
1023. *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: “за” и “против”. М., 1975.
1024. *Якобсон Р.* О лингвистических аспектах перевода // ЯИР.
1025. *Якобсон Р.* Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // НЛ. Вып. 3. 1963.
1026. *Якобсон Р.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // ПТАЯРС.
1027. *Якобсон Т.* Сокровища тьмы. История месопотамской религии. М., 1995.
1028. *Яковлев Н.Ф.* Ингуши: Популярный очерк. М.-Л., 1925.
1029. *Яковлев Н.Ф.* Термины “мать” – “отец”, “брат” – “сестра”, “дочь” – “сын” в северокавказских яфетических и некоторых других языках // Уч. зап. Ин-та этнической и национальной культуры народов Востока. Т. 1. М., 1930.
1030. *Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.* Грамматика адыгейского литературного языка. М., 1941.
1030а. *Ярцева В.Н.* К определению понятия “языковой тип” // Лингвистическая типология. М., 1985.
1031. *Aaby P.S.* The criterion of polarity // AA. 1970. Vol. 72, № 2.
1032. *Aaby P.S.* Murdock’s criteria of kinship terminology: A confusion of different approaches // Folk. 1971. Vol. 13.
1033. *Aberle D.F.* The kinship system of the Kalmuk Mongols // University of New Mexico Publications in Anthropology. 1953, № 8.
1034. *Aberle D.F.* A scale of alternate generation terminology // SWJA. 1967. Vol. 23, № 3.
1035. *Ackerman C.* Omaha and “Omaha” // AE. 1976. Vol. 3, № 4.
1036. *Adam L.* The social organization and customary law of the Nepalese tribes // AA. 1936. Vol. 38, № 4.
1037. African Systems of Kinship and Marriage. L.– N.Y., 1987 (1950).
1038. *Aginsky B.W.* Kinship systems and the forms of marriage // MAAA. 1935, № 45.
1039. *Aginsky B.W.* Mechanics of kinship // AA. 1935. Vol. 37, № 3.
1039а. *Aginsky B.W.* Time levels in societal analysis // AA. 1939. Vol. 41, № 3.
1040. *Ahlqvist A.* Die Kulturwörter der Westfinnischen Sprachen. Ein Beitrag zu der Älteren Kulturgeschichte der Finnen. Helsingfors, 1875.
1041. *Albisetti C., Venturelli Â.J.* Enciclopedia Bororo. Vocabulários e Etnografia. Vol. 1. Campo Grande – Mato Grosso, 1962.
1042. *Allen N.J.* Byansi kinship terminology: A study in symmetry // Man. 1975. Vol. 10, № 1.
1043. *Allen N.J.* Tetradic theory: An approach to kinship // JASO. 1986. Vol. 17, № 2.
1044. *Allen N.J.* Assimilation of alternate generations // JASO. 1989. Vol. 20, № 1.
1045. *Allen N.J.* The evolution of kinship terminologies // Lingua. 1989. Vol. 77, № 2.
1046. *Alpher B.* Dalabon dual-subject prefixes, kinship categories, and generation skewing // LKAA.
1047. *Anderson B.* Imagined Communities. Reflections on the Origns and Spread of Nationalism. L. – N.Y., 1991.
1048. *Angulo J. de.* Kinship terms in some languages of Southern Mexico // AA. 1925. Vol. 27, № 1.
1049. *Aoki H.* Nez Perce and Proto-Sahaptin kinship terms // IJAL. 1966. Vol. 32.
1050. *Apple D.* The social structure of grandparenthood // AA. 1956. Vol. 58, № 4.
1051. *Arcand B.* The logic of kinship: An example from the Cuiva // ICA-42.
1052. *Århem K.* Makuna Social Organization: A Study in Descent, Alliance and the Formation of Corporate Groups in the North-Western Amazon. Uppsala, 1981.
1053. *Armour J.A.L. et al.* Minisatellite diversity supports a recent African origin for modern humans // Nature Genetics. 1996. Vol. 13.
1054. *Arutyunov S.* Ethnography and linguistics // Soviet and Western Anthropology. L., 1980.
1055. *Arvelo-Jiménez N.* Relaciones Políticas en una Sociedad Tribal: Estudio de los Ye’cuana, Indígenas del Amazonas Venezolano. México, 1974.
1056. *Asesela Ravuvu.* Dependency as a determinant of kinship terminology // JPS. 1971.

Vol. 80, № 4.
1057. *Ayoub M.R.* Bi-polarity in Arabic kinship terms // Proceedings of the 9th International Congress of Linguistics. The Hague, 1964.
1058. *Badcock C.* Evolution and Individual Behavior: An Introduction to Human Sociobiology. Oxford, 1991.
1059. *Bader F.* Noms de parenté anatolien et formations à laryngale // Die Laryngaltheorie und die Reonstruktion des Indogermanischen Laut- und Formensystems. Heidelberg, 1988.
1060. *Bakhtin M.* Forms of time and the chronotope in the novel // The Dialogic Imagination. Austin, 1981(1937).
1061. *Bally C.* The expression of concepts of the personal domain and indivisibility in Indo-European languages // The Grammar of Inalienability. Berlin — N.Y., 1996 (1926).
1062. *Balmer W.T., Grant F.C.F.* A Grammar of the Fante-Akan Language. L., 1929.
1063. *Barnes B.H.* Relationships in Mashonaland // Man. 1931. Vol. 31, № 210.
1064. *Barnes I.* African models in the New Guinea Highlands // Man. 1962. Vol. 62.
1065. *Barnes J.A.* Physical and social kinship // Philosophy of Science. 1961. Vol. 28, № 3.
1066. *Barnes J.A.* Genetrix: Genitor: Nature: Culture? // CK.
1067. *Barnes J.A.* Kinship studies: Some impressions of the current state of play // Man. 1980. Vol. 15, № 2.
1068. *Barnes R.H.* Two terminologies of symmetrical prescriptive alliance from Pantar and Alor in Eastern Indonesia // Sociologus. 1972. J. 23, H. 1.
1069. *Barnes R.H.* Kédang: A Study of the Collective Thought of an Eastern Indonesian People. Oxford, 1974.
1070. *Barnes R.H.* Introduction // *Köhler J.* On the Prehistory of Marriage: Totemism, Group Marriage, Mother Right. Chicago, 1975.
1071. *Barnes R.H.* Dispersed alliance and the prohibition of marriage: Reconsideration of McKinley's explanation of Crow-Omaha terminologies // Man. 1976. Vol. 11, № 3.
1072. *Barth F.* Introduction // Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organisation of Cultural Differences. Boston, 1969.
1073. *Barton R.F.* Ifugao law // UCPAAE. 1919. Vol. 15, № 1.
1074. *Bascom W.R.* The principle of seniority in the social structure of the Yoruba // AA. 1942. Vol. 44, № 1.
1075. *Bataillon P.* Langage d'Uvea. P., 1932.
1076. *Baugh T.G.* A structural perspective on Plains Indian society. Comments on Maxwell's "The Evolution of Plains Indian Kin Terminologies: A Non-Reflectionist Account // Plains Anthropologist. 1979. Vol. 24, № 1, pt. 1.
1077. *Beaglehole E., Beaglehole P.* Ethnology of Pukapuka. Honolulu, 1938.
1078. *Beals R.L.* Ethnology of the Nisenan // UCPAAE. 1933. Vol. 31, № 6.
1079. *Beattie J.H. M.* Nyoro kinship // Africa. 1957. Vol. 27.
1080. *Beattie J.H.M.* Kinship and social anthropology // Man. 1964. Vol. 64.
1081. *Beck B.E.F.* The kin nucleus in Tamil folklore // KHSA.
1082. *Becker H.* Man in Reciprocity. N.Y., 1956.
1083. *Beekes R.S.P.* Uncle and nephew // The Journal of Indo-European Studies. 1976. Vol. 4, № 1.
1084. *Behura N.K.* Aspects of Bad-Bhatia kinship in an Orissan Village // Man in India. 1965. Vol. 45.
1085. *Bellah R.N.* Apache kinship systems. Cambridge (Mass.), 1952.
1085a. *Bellah R.N.* Review: *The Western Apache Clan System* by C.R. Kaut // AA. 1958. Vol. 60, № 3.
1086. *Belo J.* A study of a Balinese family // AA. 1936. Vol. 38, № 1.
1087. *Bendix E.H.* Componental analysis of general vocabulary // IJAL. 1966. Vol. 32, № 2, pt. 2.
1088. *Benedict P.K.* Kinship in Southeastern Asia / PDD. Harvard University. Cambridge, 1941.
1089. *Benedict P.K.* Tibetan and Chinese kinship terms // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1941. Vol. 6.

1090. *Benedict P.K.* Studies in Thai kinship terminology // Journal of the American Oriental Society. 1943. Vol. 63, № 2.
1091. *Benedict P.K.* An analysis of Annamese kinship terms // SWJA. 1947. Vol. 3.
1092. *Benedict P.K.* Austro-Thai Language and Culture. New Haven, 1975.
1093. *Benedict R.F.* The vision in Plains culture // AA. 1922. Vol. 24, № 1.
1094. *Benedict R.F.* The concept of the guardian spirit // MAAA. 1923. Vol. 29.
1095. *Benedict R.F.* A brief sketch of Serrano culture // AA. 1924. Vol. 26, № 3.
1096. *Benedict R.F.* Franz Boas as an ethnologist // Franz Boas, 1858–1942. MAAA. 1943. Vol. 61.
1097. *Bénéi V.* De l'importance de la relation frère-soeur au Maharashtra (Inde) // L'Homme. 1997, № 141.
1098. *Bengston J.* Notes on Sino-Caucasian // Dene-Sino-Caucasian Languages. Bochum, 1991.
1099. *Bengston J.* Some Macro-Caucasian etymologies // там же.
1100. *Bennett W.C., Zingg R.M.* The Tarahumara. Chicago, 1935.
1101. *Benventiste E.* Termes de parenté dans les langues indo-européennes // L'Homme. 1965. T. 5, № 3-4.
1102. *Berghe P.L. van den*. The Ethnic Phenomenon. N.Y., 1981.
1103. *Berndt R.M.* Kamano, Late, Usurufa and Fore kinship of the Eastern Highlands of New Guinea: A preliminary account // Oceania. 1954. Vol. 25, № 1-2.
1104. *Bernhöft F.* Verwandtschaftsnamen und Eheformen der Nordamerikanischen Volksstämme: Ein Beitrag zur Vorgeschichte der Ehe. Rostock, 1888.
1105. *Berry M.* An Introduction to Systemic Linguistics. Vol. 1. Structures and Systems. N.Y., 1975.
1106. *Berthe L.* Aînés et cadets: L'Alliance et la hiérarchie chez les Badui (Java occidental) // L'Homme. 1965. T. 5, № 3-4.
1107. *Berthe L.* Parenté, pouvoir et mode de reproduction: Eléments pour typologie des sociétés agricoles de l'Indonésie // Studies in General Anthropology. Échanges et Communications. Vol. 2. The Hague – P., 1970.
1108. *Besnier N.* Tuvalu kinship terminologies / Manuscript. 1996.
1109. *Bhattacharya S.* Kinship terms in the Munda languages // Anthropos. 1970. Vol. 65, № 3-4.
1110. *Birke L., Himmelweit S., Vines G.* Tomorrow's Child. Reproductive Technologies in the 9Os. L., 1990.
1111. *Birket-Smith K.* An Ethnological Sketch of Rennell Island, a Polynesian Outlier in Melanesia. Copenhagen, 1956.
1112. *Blust R.* Early Austronesian social organization: The evidence of language // CA. 1980. Vol. 21, № 2.
1113. *Bleek D.F.* Bushman terms of relationship // Bantu Studies. 1924. Vol. 2
1114. *Bleek D.F.* Bushmen of Central Angola // Bantu Studies. 1928. Vol. 3, № 2.
1115. *Bleek D.F.* A Bushman Dictionary. New Haven, 1956.
1116. *Bloch M.* The moral and tactical mening of kinship terms // Man. 1971. Vol. 6, № 1.
1117. *Bloch M.* Ritual, History and Power: Selected Papers in Anthropology. L., 1989.
1118. *Bloch M.* Questions not to ask of Malagasy carvings // Interpreting Archaeology. L., 1995.
1119. *Bloch O.* Dictionnaire Étymologique de la Langue Française. P., 1950.
1120. *Blumensohn J.* The fast among North American Indians // AA. 1933. Vol. 35, № 3.
1121. *Blust R.* Early Austronesian social organization: The evidence of language // CA. 1980. Vol. 21, № 2.
1122. *Blust R.* Comment on Mac Marshall's *Structural patterns of sibling classification in Island Oceania: Implications for culture history* // CA. 1984. Vol. 25, № 5.
1123. *Blust R.* Austronesian sibling terms and culture history // BTLV. 1993. Vol. 149, № 1.
1124. *Boas F.* The Jesup North Pacific Expedition // Proceedings of the 13th International Congress of Americanists. New York, 1902. Easton, 1905.
1125. *Boas F.* Ethnological problems in Canada // JRAI. 1910. Vol. 40.
1126. *Boas F.* Introduction to Handbook of American Indian Languages // BAE-40. 1911, pt. 1.
1126a. *Boas F.* America and the Old World // 21st International Congress of Americanists. Pt. 2. Göteborg, 1925.

1127. *Bock P.K.* Some generative rules for American kinship terminology // AL. 1968. Vol. 10, № 6.
1128. *Bodrogi T.* Some problems regarding investigations into the Hungarian kinship terminology // Academiae Ethnographica Scientiarum Hungaricae. 1962. T. 2, Fasc. 4.
1129. *Bodrogi T.* Die Geselschaftsorganisation der Finnisch-ugrischen Völker // Congressus Quartus Fenno-Ugristarum. Pt. 1. Budapest, 1975.
1130. *Bohannan L., Bohannan P.* The Tiv of Central Nigeria. L., 1953.
1131. *Bohannan P.* Social Anthropology. N.Y., 1963.
1132. *Bonfante G., Bonfante L.* The Etruscan Language: An Introduction. Manchester, 1983.
1133. *Boodberg P.* Two notes on the history of the Chinese frontier // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1936. Vol. 1, № 3-4.
1134. *Boremanse D.* A comparative study of two Maya kinship systems // Sociologus. 1981. Vol. 31, № 1.
1135. *Bourdieu P.* Outline of a Theory of Practice. N.Y., 1978.
1136. *Bourdieu P.* Ce Que Parler Veut Dire. L'Economie des Échanges Linguistique. P., 1982.
1137. *Brant C.S.* On joking relationships // AA. 1948. Vol. 50, № 1.
1138. *Breban V.* Dictionar General al Limbii Române. Bucureşti, 1987.
1138a. *Breitborde L.B.* Jacaltec kinship semantics: The rule of uniform reciprocals, covert classes, and their consequences // AL. 1979. Vol. 21, № 5.
1139. *Bright W., Minnick J.* Reduction rules in Fox kinship // SWJA. 1966. Vol. 22, № 4.
1140. *Brinton D.* Nagualism. Philadelphia, 1894.
1141. *Brown R., Ford M.* Address in American English // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1961. Vol. 62, № 2.
1142. *Brugmann K.* Kurze Vergleichende Grammatik der Indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1903.
1143. *Brugmann K.* Griech. *υἱύς υἱός υἱωνός* und ai. *sūnúš*, got. *sunus* // Indogermanische Forschungen. 1904. Bd. 17, H. 1-4.
1144. *Bruner J.S., Goodnow J.J., Austin G.A.* A Study of Thinking. N.Y., 1956.
1145. *Buchler I.R.* Cubical and tridimensional block models of Crow kinship structure // Man. 1964. Vol. 64, № 3.
1146. *Buchler I.R.* Measuring the development of kinship terminologies: scalogram and transformational accounts of Crow-type systems // AA. 1964. Vol. 66, № 4, pt. 1.
1147. *Buchler I.R.* On physical and social kinship // Anthropological Quarterly. 1966. Vol. 39, № 1.
1148. *Buchler I.R.* Measuring the development of kinship terminology: Scalogram and transformation account of Omaha-type systems // BTLV. 1969. D. 122.
1149. *Buchler I.R., Nutini H.G.* Structural change in the kinship terminology of San Bernardino Contla: A Nahuatl-Speaking village of the Central Mexican Highlands // AL. 1965. Vol. 7, № 3.
1150. *Buchler I.R., Selby H.A.* A Formal Study of Myth. Austin, 1968.
1151. *Buchler I.R., Selby H.A.* Kinship and Social Organization. N.Y.-L., 1968.
1152. *Buck C.D.* A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago – L., 1949.
1153. *Burling R.* A structural restatement of Njamal kinship terminology // Man. 1962. Vol. 62, № 201.
1154. *Burling R.* Garo kinship terms and the analysis of meaning // ET. 1963. Vol. 2, № 1.
1155. *Burling R.* Cognition and componental analysis: God's truth or hocus-pocus? // AA. 1964. Vol. 66, № 1.
1156. *Burling R.* Burmese kinship terminology // AA. 1965. Vol. 67, № 5, pt. 2.
1157. *Burling R.* Rejoinder (to Hymes and Frake) // Theory in Anthropology. L., 1968.
1158. *Burling R.* American kinship terms once more // SWJA. 1970. Vol. 26, № 1.
1159. *Burridge K.O.L.* Siblings in Tangu // Oceania. 1959. Vol. 30, № 2.
1160. *Burrows E.G.* Ethnology of Futuna. Honolulu, 1936.
1160a. *Callaway D., Janetski J., Stewart O.C.* Ute // HNAI. 1986. Vol. 11. Great Basin.
1161. *Callender C.* Social Organization of the Central Algonkian Indians. Milwaukee, 1962.
1162. *Campbell C.* The Names of Relationship in English. Strassburg, 1905.

1163. *Campbell L.* Comment on *Greenberg, Joseph H., Christy G. Turner and S. Zegura.* The settlement of the Americas: A comparison of the linguistic, dental, and genetic evidence // CA. 1986. Vol. 27.

1164. *Campbell L.* Coahuiltecan: A closer look // AL. 1996. Vol. 38, № 4.

1165. *Campbell L.* The true confession of a reluctant linguistic crusader: Inside the American Indian language classification debate / Manuscript. (n.d.).

1166. *Campbell L., Kaufman T.* On Mesoamerican linguistics // AA. 1980. Vol. 82.

1167. *Capell A.* The regulation of marriage in Epi and Nguna // Man. 1938. Vol. 38, № 77.

1168. *Capell A.* Oceanic linguistics today // CA. 1962. Vol. 3, № 4.

1169. *Capell A., Lester R.H.* Kinship in Fiji. I. // Oceania. 1945. Vol. 15, № 3.

1170. *Capell A., Lester R.H.* Kinship in Fiji. II. // Oceania. 1945. Vol. 16, № 2.

1171. *Casevitz F.-M.* Du proche au loin: Étude du fonctionnement des systèmes de la parenté et de l'alliance Matsiguenga // ICA-42.

1172. *Casson R.W., Gregory R.J.* Kinship in Tanna, Southern New Hebrides: Marriage rules and equivalence rules // AL. 1976. Vol. 18, № 4.

1173. *Cavalli-Sforza L.L., Cavalli-Sforza F.* The Great Human Diasporas: The History of Diversity and Evolution. N.Y., 1995.

1174. *Cavalli-Sforza L.L. et al.* Reconstruction of human evolution: bringing together genetic, archaeological and linguistic data // PNAS. 1988. Vol. 85.

1175. *Chakraborty R., Weiss K.* Genetic variation of the mitochondrial DNA genome in American Indians is at mutation drift equilibrium // AJPA. 1991. Vol. 86.

1176. *Chamberlain A.F.* The problems of the unity or plurality and the probable place of origin of the American aborigines. The problem from the standpoint of linguistics // AA. 1912. Vol. 14, № 1.

1177. *Chamberlain A.F.* Recent opinion as to the position of the American Indians among the races of man // AA. 1912. Vol.14, № 1.

1178. The Character of Kinship. Cambridge, 1975.

1179. *Chernela J.* Hierarchy and Economy of the Uanano (Kotria) Speaking Peoples of the Middle Vaupes Basin / PDD. University of Michigan. Ann Arbor, 1983.

1180. *Cheung H.-N.S.* Terms of address in Cantonese // Journal of Chinese Linguistics. 1990. Vol. 18, № 1.

1181. *Chlenov M.* Geography of kinship systems of the peoples of Siberia and the Soviet Far East // Soviet Studies in Ethnography. Moscow, 1978.

1181a. *Chowning A.* Cognatic kin groups among the Molima of Ferguson Island // ET. 1962. Vol. 1, № 1.

1182. *Chowning A.* Comment on Blust's *Early Austronesian social organization: The evidence of language* // CA. 1980. Vol. 21, № 2.

1183. *Christaller J.G.* A Dictionary of the Asante and Fante Languages. Basel, 1881.

1184. *Churchward C.M.* Tongan Dictionary. Tonga, 1959.

1185. *Cicourel A.V.* Cognitive Sociology: Language and Meaning in Social Interaction. N.Y., 1974.

1186. *Clamagirand B.* Marobo. Organization Sociale et Rites d'une Communauté / PDD. École Pratique des Hautes Études. P., 1975.

1187. *Clark D.W.* The Northern (Alaska-Yukon) fluted points // Clovis: Origins and Adaptations. Corvallis, 1991.

1188. *Clark R.* Comment on Polynesian sibling terms // AA. 1975. Vol. 77, № 1.

1189. *Codrington R.H.* The Melanesians: Studies in Their Anthropology and Folklore. Oxford, 1891.

1190. *Cohen A.P.* The Symbolic Construction of Community. L., 1985.

1191. *Colby B.N.* Ethnographic semantics: A preliminary survey // CA. 1966 Vol. 7, № 1.

1192. *Collard C.* Les "noms-numéros" chez les Guidar (Cameroons) // L'Homme. 1973. Vol. 13, № 1.

1193. *Collinder B.* An Etymological Dictionary of the Uralic Languages. Stockholm, 1955.

1194. *Collins J.M.* Kinship behavior and terminology of the Yucatecac Maya // Atti del XL

Congresso Internazionale degli Americanisti. Vol. 2. Genova, 1972.
1195. *Conant F.P.* Jarawa kin systems of reference and address: a componental comparison // AL. 1961. Vol. 3, № 2.
1196. *Condominas G.* Les Mnong Gar du Centre Viêtnam // SSSA.
1197. *Conklin H.C.* Hanunoo color categories // SWJA. 1955. Vol. 11, № 4.
1198. *Conklin H.C.* Ethnogenealogical method // ECA.
1199. Contemporary Perspectives in the Philosophy of Language. Minneapolis, 1979.
1200. *Corbett G.* The morphology/syntax interface // Language. 1987. Vol. 63, № 2.
1201. *Costa D.J.* The kinship terminology of the Miami-Illinois language // AL. 1999. Vol. 41, № 1.
1202. *Coult A.D.* Terminological correlates of cross-cousin marriage // BTLV. 1965. D. 121, Afl. 1.
1203. *Coult A.D.* Lineage solidarity, transformational analysis and the meaning of kinship terminologies // Man. 1967. Vol. 2, № 1.
1204. *Count E.W.* The Earth-Diver and the rival twins: A clue to time correlation in North-Eurasiatic and North American mythology // ITAA.
1205. *Courrége P.* Un modèle mathématique des structures élémentaires de parenté // L'Homme. 1965. T. 5, № 3-4.
1206. *Craig D.* Immortality through kinship: The vertical transmission of substance and symbolic estate // AA. 1979. Vol. 81, № 1.
1207. *Crawford M.H.* The Origins of Native Americans. Evidence From Anthropological Genetics. Cambridge, 1998.
1208. *Cribb R.* Modelling relationships: a computerised approach to aboriginal genealogy, family history and kinship studies // Australian Aboriginal Studies. 1993, № 1.
1208a. *Crocker J.C.* Why are the Bororo matrilineal // ICA-42.
1209. *Crocker J.C.* My brother the parrot // Animal Myths and Metaphors of South America. Salt Lake City, 1985.
1210. *Cucchiari S.* The gender revolution and the transition from bisexual horde to patrilocal band: The origins of gender hierarchy // Sexual Meanings. The Cultural Constructions of Gender and Sexuality. Cambridge, 1981.
1211. *Cuisenier J., Miquel A.* La terminologie arabe de la parenté: Analyse sémantique et analyse componentielle // L'Homme. 1965. T. 5, № 3-4.
1212. *Cunow H.* Die Verwandtschafts-Organisationen der Australneger. Stuttgart, 1894.
1213. *Curr E.M.* The Australian Race. Vol. 1. Melbourne, 1886.
1214. *Curtis E.S.* The North American Indian, being a series of volumes picturing and describing the Indians of the United States and Alaska. Vol. 6. Norwood, 1911.
1215. *Dahl O.C.* Comment on Blust's *Early Austronesian social organization: The evidence of language* // CA. 1980. Vol. 21, № 2.
1216. *Damas D.* Three kinship systems from the Central Arctic // Arctic Anthropology. 1975. Vol. 12, № 1.
1217. *Danziger E.* Parts and their counterparts: Spatial and social relationships in Mopan Maya // JRAI. 1996. Vol. 2, № 1.
1218. *Darwin C.* On the Origin of Species by Means of Natural Selection, or the Preservarion of Favoured Races in the Struggle for Life. L., 1859.
1218a. *Davenport W.* Unilineal descent and descent groups // AA. 1959. Vol. 61, № 4.
1219. *Davenport W.* Social organization notes on the Northern Santa Cruz Islands: The Duff Islands (Taumako) // Baessler-Archiv. 1968. Bd. 16.
1220. *Davies W.D.* Events in Madurese reciprocals // Oceanic Linguistics. 2000. Vol. 39, № 1.
1221. *Davis K., Warner W.L.* Structural analysis of kinship // AA. 1937. Vol. 39, № 2.
1222. *Davis S.* On the nature of internal reduplication // Theoretical Morphology. N.Y., 1988.
1222a. *Dawkins R.* The Extended Phenotype. Oxford, 1982.
1223. *Deacon B.A.* Notes on some islands of the New Hebrides // JRAI. 1929. Vol. 59.
1224. *Deacon T.W.* The Symbolic Species. The Co-Evolution of Language and the Mind. N.Y., 1997.

1225. *Deecke W.* Die Deutschen Verwandtschaftsnamen. Weimar, 1870.
1226. *DeLaguna F., MacClellan C.* Ahtna // HNAI. 1981. Vol. 6.
1227. *Delbrück B.* Die Indogermanischen Verwandtschaftsnamen. Leipzig, 1889.
1228. *Deleuze G.* Nietzsche and Philosophy. N.Y., 1983.
1229. *Deloria P.J.* Playing Indian. New Haven – L., 1998.
1230. *Deloria V.* Red Earth, White Lies: Native Americans and the Myth of Scientific Fact. N.Y., 1995.
1231. *Deluz A.* Variations ivoiriennes sur un thème Omaha // L'Homme. 1973. Vol. 13, № 3.
1232. *Dentan R.K.* Hocus pocus and extensionism in Central Malaya: Notes on Sema kinship terminology // AA. 1970. Vol. 72, № 2.
1233. *Derrida J.* Of Grammatology. Baltimore, 1976.
1234. *Derrida J.* Margins of Philosophy. Chicago, 1982.
1234a. *Derrida J.* The Gift of Death. Chicago, 1996.
1235. *Désveaux E., Selz M.* Dravidian nomenclature as an expression of ego-centered dualism // Transformations of Kinship. Washington – L., 1998.
1235a. *Deutsch D.H.* A mechanism for molecular asymmetry // JME. 1991. Vol. 33.
1236. *Devereux G.* Considérations psychanalytiques sur la notion de parenté // L'Homme. 1965. T. 5, № 3-4.
1237. *Diebold A.R.* The reflection of coresidence in Mareño kinship terminology // ET. 1966. Vol. 5, № 1.
1238. *Dillehay T.D.* Monte Verde: A Late Pleistocene Settlement in Chile. Vol. 2. Archaeological Context. Washington, 1997.
1239. *Dillehay T.D. et al.* Earliest hunters and gatherers of South America // Journal of World Prehistory. 1992. Vol. 6, № 2.
1240. *Dixon E.J.* Quest for the Origins of the First Americans. Albuquerque, 1993.
1241. *Dixon R.B.* Some aspects of the American shaman // JAFL. 1908. Vol. 21.
1242. *Dixon R.B.* The problems of the unity or plurality and the probable place of origin of the American aborigines. Mythology // AA. 1912. Vol. 14, № 1.
1243. *Dixon R.M.W.* The Dyirbal kinship system // Oceania. 1989. Vol. 59, № 4.
1244. *Dobrovsky J.* Geschichte der Böhmischen Sprache und Ältern Literatur. Prag, 1818.
1245. *Dole G.E.* The development of patterns of kinship nomenclature / PDD. University of Michigan. Ann Arbor, 1957.
1246. *Dole G.E.* The classification of Yankee nomenclature in the light of evolution of kinship // Essays In the Science of Culture. N.Y., 1960.
1247. *Dole G.E.* The lineage pattern of kinship nomenclature: Its significance and development // SWJA. 1965. Vol. 21, № 1.
1248. *Dole G.E.* Generation kinship nomenclature as an adaptation to endogamy // SWJA. 1969. Vol. 25, № 2.
1249. *Dole G.E.* The development of kinship in Tropical South America // Profiles in Cultural Evolution. Ann Arbor, 1991.
1250. *Dolgopolsky A.* The Indo-European homeland and lexical contacts of Proto-Indo-European with other languages // Mediterranean Language Review. 1987. Vol. 3.
1251. *Drabbe P.* Het leven van den Tanémbarees. Leiden, 1940.
1252. *Dreyfus S.* Systèmes dravidiens à filiations cognatique en Amazonie // L'Homme. 1993. Vol. 33, № 2-4.
1253. *Driberg J.H.* The Lango. A Nilotic Tribe of Uganda. London, 1923.
1254. *Dumont L.* The Dravidian kinship terminology as an expression of marriage // Man. 1953. Vol. 53.
1255. *Dumont L.* Descent or intermarriage? A relational view of Australian section systems // SWJA. 1966. Vol. 22, № 3.
1256. *Dunning R.W.* Social and Economic Change among the Northern Ojibwa. Toronto, 1959.
1257. *Durbin M.* The goals of ethnoscience // AL. 1966. Vol. 8, № 8.
1258. *Durbin M.A.* The transformational model of linguistics and its implications for an ethnology of religion: A case study of Jainism // AA. 1970. Vol. 72, № 2.

1259. *Durbin M., Saltarelli M.* Patterns in kinship // AL. 1966. Vol. 9, № 3.
1260. *Durkheim É.* Zur Urgeschichte der Ehe. Prof. J. Kohler // AS. 1897. Vol. 1.
1261. *Dyen I.* A lexicostatistical classification of the Austronesian languages // IJAL. 1965. Vol. 31.
1262. *Dyen I., Aberle D.F.* Lexical Reconstruction: The Case of the Proto-Athapascan Kinship System. Cambridge, 1974.
1263. *Dziebel G.V.* Towards the testing of the null hypothesis for the origins of the First Americans // Current Research in Pleistocene. 2000.
1264. *Dziebel G.V.* Kin terminology database / Manuscript, 1993-….
1264a. *Easton R.D. et al.* mtDNA variation in the Yanomami: Evidence for additional New World founding lineages // AJHG. 1996.Vol. 59, № 1.
1265. *Edmonson M.S.* Kinship terms and kinship concept // AA. 1957. Vol. 59, № 2.
1266. *Edmonson M.S.* Status Terminology and the Social Structure of North American Indians. Seattle, 1958.
1267. *Eggan F.* The Maya kinship system and cross-cousin marriage // AA. 1934. Vol. 36, № 2.
1268. *Eggan F.* Cheyenne and Arapaho kinship systems // SANAT.
1269. *Eggan F.* Social anthropology: Methods and results // SANAT.
1270. *Eggan F.* Historical changes in the Choctaw kinship system // AA. 1937. Vol. 39, № 1.
1271. *Eggan F.* The general problem of Hopi adjustment // AA. 1943. Vol. 45, № 3, pt. 1.
1272. *Eggan F.* Social Organization of the Western Pueblo. Chicago, 1950.
1273. *Eggan F.* The Sagada Igorots of Northern Luzon // SSSA.
1274. *Eggan F.* Shoshone kinship structures and their significance for anthropological theory // Journal of the Steward Anthropological Society. 1980. Vol. 11, № 2.
1275. *Einstein A.* Relativity: The Special and the General Theory. L., 1993 (1920).
1276. *Elkin A.P.* The social organization of South Australian tribes // Oceania. 1931. Vol. 2, № 1.
1277. *Elkin A.P.* Kinship in South Australia // Oceania. 1938. Vol. 8, № 4, Vol. 9, № 1; 1939. Vol. 10, № 2; 1940. Vol. 10, № 3, Vol. 10, № 4.
1278. *Elkin A.P.* The Australian Aborigines. Sydney – L., 1943.
1279. *Elkins R.E.* Three models of Western Bukidnon Manobo kinship // ET. 1968. Vol. 7, № 2.
1280. *Elkins R.E., Hendrickson G.R.* A Sampling of Philippine Kinship Patterns. Manila, 1984.
1281. *Elmendorf W.W.* System change in Salish kinship // SWJA. 1961. Vol. 17, № 4.
1282. *Emeneau M.B.* Dravidian kinship terms // IJAL. 1953. Vol. 29, № 3.
1283. *Emory K.P.* Kapingamarangi: Social and Religious Life of a Polynesian Atoll. Honolulu, 1965.
1284. *Enk G.J. van, Vries L. de.* The Korowai of Irian Jaya. N.Y. – Oxford, 1997.
1285. *Epling P.J.* A note on Njamal kin-term usage // Man. 1961. Vol. 61, № 184.
1286. *Epling P.J., Kirk J., Boyd J.P.* Genetic relations of Polynesian sibling terminologies // AA. 1973. Vol. 75.
1287. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Berlin, 1993.
1288. *Evans-Pritchard E.* Kinship and Marriage Among the Nuer. Oxford, 1951.
1289. Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology. Norwood, 1986.
1290. *Excoffier L., Langaney A.* Origin and differentiation of human mitochondrial DNA // AJHG. 1989. Vol. 44, № 1.
1291. *Eyde D.B., Postal P.M.* Avunculocality and incest: The development of unilateral cross-cousin marriage and Crow–Omaha kinship systems // AA. 1961. Vol. 63, № 4.
1292. *Fabian J.* Rule and process: Thoughts on ethnography as communication // Philosophy of the Social Sciences. 1979. Vol. 9.
1292a. *Fabian J.* Time and the Other: How Anthropology Makes Its Object. N.Y., 1983.
1293. *Faron L.C.* Araucanian patriorganization and the Omaha system // AA. 1956. Vol. 58, № 3.
1294. *Faron L.C.* The Dakota–Omaha continuum in Mapuche society // JRAI. 1961. Vol. 91, pt. 1.
1295. *Fausto C.* De primos e sobrinhas: Terminologia e aliança entre os Parakanã (Tupi) do Pará // Antropologia do Parentesco. Estudos Ameríndios. Rio de Janeiro, 1995.
1296. *Feeley-Harnik G.* "Communities of blood": The natural history of kinship in nineteenth-century America // Comparative Studies in Society and History. 1999.

1297. *Feeley-Harnik G.* The ethnography of creation: Lewis Henry Morgan and the American beaver // New Directions in Kinship Studies. Berkeley, 2000.

1298. *Feeley-Harnik G.* "The mystery of life in all its forms": Religious dimensions of culture in early American anthropology // Religion in the Era of Cultural Studies. Princeton, 2000.

1299. *Feinberg R.* The meaning of 'sibling' on Anuta Island // Siblingship in Oceania: Studies in the Meaning of Kin Relations. Ann Arbor, 1979.

1300. *Feng-Fu Tsao*. Reduplication in Chinese kinship terms and what it means // Proceedings of the National Science Council. Part C: Humanities and Social Sciences. Vol. 2, № 1. Bedjing, 1992.

1301. *Feng Han-Yi*. Teknonimy as a formative factor in the Chinese kinship system // AA. 1936. Vol. 38, № 1.

1302. *Feng Han Yi.* The Chinese kinship system // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1937. Vol. 2.

1303. *Fernandez J.W.* Revitalized words from "The Parrot's Egg" and "The Bull That Crashes in the Kraal: African cult sermons // Essays on the Verbal and Visual Arts. Seattle – L., 1967.

1304. *Fields H.L., Merrifield W.R.* Mayoruna (Panoan) kinship // ET. 1980. Vol. 19, № 1.

1305. *Fienap-Riordan A.* The Nelson Island Eskimo. Social Structure and Ritual Distribution. Anchorage, 1983.

1306. *Fillenbaum S., Rappoport A.* Structures in the Subjective Lexicon. N.Y., 1971.

1307. *Firth R.C.* We, the Tikopia. L., 1936.

1308. *Firth R.C.* Sibling terms in Polynesia // JPS. 1970. Vol. 79.

1309. *Fischer H.T.* Some notes on kinship systems and relationship terms of Sumba, Manggarai and South Timor // Internationales Archiv für Ethnographie. 1957. Vol. 48, pt. 1.

1310. *Fogelson R.D.* Intensive Study of a Culture: Iroquois / Lecture Course. The University of Chicago Anthropology Department, Winter 1998-1999.

1311. *Forster P. et al.* Origin and evolution of Native American mtDNA variation: A reappraisal // AJHG. 1996. Vol. 59, № 4.

1312. *Fortes M.* Kinship, incest and exogamy of the Northern Territories of the Gold Coast // Custom is King. L., 1936.

1313. *Fortes M.* The Web of Kinship among the Tallensi. L. – N.Y., 1949.

1314. *Fortes M.* Kinship and marriage among the Ashanti // ASKM.

1315. *Fortes M.* Malinowski and the study of kinship // Man and Culture. L., 1957.

1316. *Fortes M.* Kinship and the Social Order. L., 1970.

1317. *Fortes M.* Time and Social Structure and Other Essays. L. – N.Y., 1970.

1318. *Fortes M.* The structure of unilineal descent groups // RKSS.

1319. *Forth G.* From symmetry to asymmetry: An evolutionary interpretation of Eastern Sumbanese relationship terminology // Anthropos. 1990. Vol. 85.

1320. *Forth G.* Keo kin terms // Anthropos. 1994. Vol. 89.

1321. *Forth G.* Two terminologies from Eastern Keo // Sociologus. 1995. Vol. 45, № 2.

1322. *Fortune R.F.* Sorcerers of Dobu. L., 1932.

1323. *Foster G.M.* Sierra Popoluca kinship terminology and its wider relationships // SWJA. 1949. Vol. 5, № 4.

1323a. *Fowler D., Fowler C.S.* Anthropology of the Numa: John Wesley Powell's Manuscripts on the Numic Peoples of Western North America. Washington, 1971.

1323b. *Fox J.* Possible models of early Austronesian social organization // Asian Perspectives. 1984. Vol. 26.

1324. *Fox J.* Kinship terminology and social process: Two Mayan etymologies // IJAL. 1985. Vol. 51.

1325. *Fox R.* Kinship and Marriage. L., 1967.

1326. *Fox R.* "Totem and Taboo" reconsidered // The Structural Study of Myth and Totemism. L., 1967.

1327. *Frake C.* The Eastern Subanun of Mindanao // SSSA.

1328. *Frake C*. Further discussion of Burling // Theory in Anthropology. L., 1968.

1329. *Frazer J.G.* The Golden Bough. Vol. III. L., 1922.
1330. *Freed S.* Changing Washo kinship // UCAR. 1960. Vol. 14, № 6.
1331. *Freeman D.* Kinship, attachment behaviour and the primary bond // CK.
1332. *Frege G.* Über Sinn und Bedeutung // Zeitschrift für Philosophie und Philologische Kritik. 1892. Bd. 100.
1333. *Freire-Marreco B.* Tewa kinship terms from the Pueblo of Hano // AA. 1914. Vol. 16, № 2.
1334. *Friedrich J.* Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1953.
1335. *Friedrich P.* Proto-Indo-European kinship // ET. 1966. Vol. 5, № 1.
1336. *Friedrich P.* Shape in grammar // SA.
1337. *Friedrich P.* Social context and semantic feature: The Russian pronominal usage // DSL.
1338. *Frisch J.A.* A formal analysis of Synhalese kinship terms // AL. 1971. Vol. 13, № 3.
1339. *Frish J.A., Shutz N.* Componentional analysis and semantic reconstruction: Proto-Yuman kinship terminology // ET. 1967. Vol. 6.
1340. *Fruzetti L., Akos O.* Is there a structure to North Indian kinship terminology? // Contributions to Indian Sociology. 1976. Vol. 10.
1341. *Fry H.K.* Kinship in Western Central Australia // Oceania. 1934. Vol. 4, № 2.
1341a. *Fustel de Coulanges N.-D.* La Cité Antique. Étude sur le Culte, le Droit, les Institutions de la Grèce et de Rome. P., 1984.
1342. *Galaty J.G.* Being "Maasai"; being "people-of-cattle": Ethnic shifters in East Africa // AE. 1982. Vol. 9, № 1.
1343. *Galton H.* The Indo-European kinship terminology // ZfE. 1957. Bd. 82.
1344. *Galvão E.* Cultura e sistema de parentesco das tribos do alto Rio Xingu // Boletim do Museo Nacional, Antropologia. Vol. 14. Rio de Janeiro, 1953.
1345. *Gardner B.* Structural and semantic analysis of Classical Nahuatl kinship terminology // Estudios de Cultural Nahuatl. 1982. Vol. 15.
1346. *Gargett R., Hayden B.* Site structure, kinship, and sharing in aboriginal Australia // The Interpretation of Archaeological Spatial Patterning. N.Y. – L., 1991.
1347. *Garth T.R.* Kinship terminology, marriage practices and behavior toward kin among the Atsugewi // AA. 1944. Vol. 46, № 3.
1348. *Gausset Q.* Double unilineal descent and triple kinship terminology: The case of the Kwanja of Cameroon // JRAI. 1998. Vol. 4, № 2.
1349. *Geertz C.* The Interpretation of Cultures. N.Y., 1973.
1349a. *Gelb I.I.* A Study of Writing: A Foundation of Grammatology. L., 1952.
1350. *Gelfand M.* Shona Religion. Capetown etc., 1962.
1351. *Gellner E.* The concept of kinship // Philosophy of Science. 1960. Vol. 27.
1352. *Gellner E.* Encounters with Nationalism. Oxford, 1994.
1353. Genealogical Mathematics. P., 1974.
1354. Gender and Kinship: Toward a Unified Analysis. Stanford, 1987.
1355. *Gennep A. van.* L'État Actuel du Probleme Totémique. P., 1920.
1356. *Gibson L.F.* El systema de parentesco Pame // Yan. 1954. Vol. 2, № 3.
1357. *Giddens A.* The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Cambridge, 1984.
1358. *Giddens A.* Goffman as a systematic social theorist // Erving Goffman. Exploring the Interaction Order. Cambridge, 1998.
1359. *Gifford E.W.* Miwok moieties // UCPAAE. 1916. Vol. 12, № 4.
1360. *Gifford E.W.* Tübatulabal and Kawaiisu kinship terms // UCPAAE. 1917. Vol. 12, № 6.
1361. *Gifford E.W.* California kinship terminologies // UCPAAE. 1922. Vol. 18.
1362. *Gifford E.W.* Miwok cults // UCPAAE. 1926. Vol. 18, № 3.
1363. *Gifford E.W.* Tongan Society. Honolulu, 1929.
1364. *Gifford E.W.* The Northfork Mono // UCPAAE. 1932. Vol. 31, № 2.
1365. *Gifford E.W.* A problem in kinship terminology // AA. 1940. Vol. 42, № 2.
1366. *Gilbert W.H.* Eastern Cherokee social organization // SANA.
1367. *Gillin J.* The Barama River Caribs of British Guiana // PPMAAE. 1936. Vol. 14, № 2.

1368. *Gjessing G.* Complementarity as a socio-cultural concept // Folk. 1966/67. Vol. 8-9.
1369. *Gladwin T.* Comanche kin behavior // AA. 1948. Vol. 50, № 1.
1370. *Glick L.B.* The role of choice in Gimi kinship // SWJA. 1967. Vol. 23.
1371. *Godelier M.* Afterword // Transformations of Kinship. Washington – L., 1998.
1372. *Goffman E.* The Presentation of Self in Everyday Life. N.Y., 1959.
1373. *Goffman E.* Encounters: Two Studies in the Sociology of Interactions. Indianapolis, 1961.
1374. *Goffman E.* Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings. N.Y., 1963.
1375. *Goffman E.* Interaction Ritual: Essays in Face-to-Face Behavior. Garden City, 1967.
1376. *Goffman E.* Frame Analysis: An Essay On the Organization of Experience. N.Y., 1974.
1377. *Goffman E.* Forms of Talk. Oxford, 1981.
1378. *Gołab Z.* About the connection between kinship terms and some ethnica in Slavic (The case of **Širbi* and *Slovene*) // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1982. Vol. XXV–XXVI.
1379. *Goldman I.* The Cubeo. Indians of the Northwest Amazon. Urbana, etc., 1979.
1380. *Gonçalves M.A.* A produção da afinidade no sistema de parentesco Piraha // Antropologia do Parentesco. Estudos Ameríndios. Rio de Janeiro, 1995.
1381. *Goodenough W.H.* Property, kin and community on Truk // YUPA. 1951, № 46.
1382. *Goodenough W.H.* Componental analysis and the study of meaning // Language. 1956. Vol. 32, № 1.
1383. *Goodenough W.H.* Componential analysis of Könkämä Lapp kinship terminology // ECA.
1384. *Goodenough W.H.* Yankee kinship terminology: A problem in componental analysis // AA. 1965. Vol. 67, № 5, pt. 2.
1385. *Goodenough W.H.* Componental analysis // International Encyclopedia of Social Sciences. Vol. 3. N.Y., 1966.
1386. *Goodenough W.* Componential Analysis // Science. 1967, № 156.
1387. *Goodwin G.* The Social Organization of the Western Apache. Chicago, 1942.
1388. *Goody J.R.* Comparative Studies in Kinship. Stanford, 1969.
1389. *Goody J.R.* Cousin terms // SWJA. 1970. Vol. 26, № 2.
1390. *Gould S.J.* Ontogeny and philogeny. Cambridge (Mass.), 1977.
1391. *Gouldner A.W.* The norm of reciprocity: a preliminary statement // American Sociological Review. 1960. Vol. 25, № 2.
1392. *Graburn D.* The meaning of kin terms: Formal and componental analysis // RKSS.
1393. The Grammar of Inalienability. Berlin – N.Y., 1996.
1394. *Granet M.* Catégories matrimoniales et rélations de proximité dans la Chine ancienne // Annales Sociologiques. 1939. Series B, pt. 1-3.
1395. *Graves E.V.* The Old Cornish Vocabulary / PDD. Columbia University N.Y., 1962.
1396. *Gray M.P., Laughlin W.S.* Blood groups of Caddoan Indians of Oklahoma // AJPA. 1960. Vol. 12, № 1.
1397. *Green J.A., Gustafson G.E.* Individual recognition of human infants on the basis of cries alone // Developmental Psychobiology. 1983. Vol. 16.
1398. *Greenberg J.H.* Essays in Linguistics. Chicago, 1958.
1399. *Greenberg J.H.* Language universals // Current Trends in Linguistics. Vol. 3. 1966.
1400. *Greenberg J.H.* The Languages of Africa. Bloomington, 1966.
1401. *Greenberg J.H.* Languages in America. Stanford, 1989.
1402. *Greenberg J.H.* Universals of kinship terminology // On Language: Selected Writings of J. H.Greenberg. Stanford, 1990.
1403. *Greenberg, J.H.* The American Indian language controversy // California Linguistic Newsletter.1991. Vol. 22, № 3.
1404. *Greenberg J.H.* The Indo-European first and second person pronouns in the perspective of Eurasiatic, especially Chukotkan // AL. 1997. Vol. 39, № 2.
1405. *Greenberg J.H.* Indo-Europeans and Their Closest Relatives. Stanford, 2000.
1406. *Greenberg J.H., Turner C.G., Zegura S.* The settlement of the Americas: A comparison of the linguistic, dental, and genetic evidence // CA. 1986. Vol. 27.

1407. *Gregersen E.A.* A note on the Manam language of Papua New Guinea // AL. 1976. Vol. 18, № 3.

1408. *Griaule M., Dieterlen G.* The Dogon of the French Sudan // African Worlds. L., 1955.

1409. *Grimes J.E., Grimes B.F.* Semantic distinctions in Huichol (Uto-Aztecan) kinship // AA. 1962. Vol. 64, № 1, pt. 1.

1410. *Grimm J., Grimm W.* Deutsches Wörterbuch. Vol. 1-16. Leipzig, 1854-1971.

1411. *Grošelj M.* Notes d'étymologie grecque // Razprave. Slovenska Akademija Znanosti in Umetnosti. T. 2. Ljubljana, 1956.

1412. *Gruber J.S.* ǂ Hoa kinship terms // Linguistic Inquiry. 1973. Vol. 4, № 4.

1413. *Guemple L.* Kinship and alliance in Belcher Island Eskimo society // Alliance in Eskimo Society. Proceedings of the 1971 American Ethnological Society Meetings. Seattle – L., 1972.

1413a. *Guermonprez J.-F.* Transformations of kinship systems in Eastern Indonesia // Transformations of Kinship. Washington – L., 1998.

1414. *Guiart J.* Marriage regulations and kinship in the South Central New Hebrides // ET. 1964. Vol. 3, № 1.

1415. *Gulya J.* Some eighteenth century antecedents of nineteenth century linguistics: The discovery of Finno-Ugrian // Studies in the History of Linguistics. Bloomington, 1974.

1416. *Gulya J.* Survival-Erscheinung in der Verwandtschaftstermini der uralischen Völker // Ural-Altaische Jahrbücher. Bd. 3. Wiesbaden, 1983.

1417. *Gumerman G.J., Dean J.S.* Prehistoric Cooperation and Competition in the Western Anasazi Area // Dynamics of Southwest Prehistory. Washington, 1989.

1418. *Gumperz J.* On interactional sociolinguistic method // Talk, Work and Institutional Order. Berlin, 1999.

1419. *Gunn H.D.* Pagan Peoples of the Central Area of Northern Nigeria. L., 1956.

1420. *Gunn H.D., Conant F.P.* Peoples of the Middle Niger Region Northern Nigeria. L., 1960.

1421. *Gunther E.* Klallam ethnography // UWPA. 1927. Vol. 1, № 5.

1422. *Gupta A.* The reincarnation of souls and the rebirth of commodities: Representations of time in 'East' and 'West' // Remapping Memory: The Politics of Timespace. Minneapolis, 1994.

1422a. *Gusinde M.* Die Feuerland-Indianer. Bd. 1. Die Selk'nam. Wien, 1931.

1422b. *Gusinde M.* Die Feuerland-Indianer. Bd. 2. Die Yamana. Wien, 1937.

1423. *Haas M.R.* Natchez and Chitimacha clans and kinship terminology // AA. 1939. Vol. 41, № 4.

1424. *Haas M.R.* A new linguistic relationship in North America: Algonkian and Gulf languages // SWJA. 1958. Vol. 14.

1425. *Haas M.R.* Sibling terms as used by marriage partners // SWJA. 1969. Vol. 25, № 3.

1426. *Habermas J.* The Philosophical Discourse of Modernity. Cambridge, 1987.

1427. *Haekel J.* Zum Problem des individual-totemismus in Nordamerika // International Archiv für Ethnographie. 1938. Vol. 35.

1428. *Haenen P.* Textures of reciprocity: Social structure among the Moi of Irian Jaya // Oceania Newsletter. 1992, № 10.

1429. *Hage P.* Alternate generation terminology: A theory for a finding // Journal of Anthropological Research. 1999. Vol. 55.

1430. *Hage P.* Linguistic evidence for primogeniture and ranking in proto-Oceanic society // Oceanic Linguistics. 1999. Vol. 38, № 2.

1431. *Hage P., Harary F.* Island Networks: Communication, Kinship, and Classification Structures in Oceania. Cambridge, 1996.

1432. *Hajdú P.* The connective-reciprocal suffix in the Samoyed // *Hajdú P.* Samojedische Schriften. Szeged, 1975.

1433. *Haldenwang S., Maurer U., Thudt A.* Siebenbürgisch-Sächsisches Wörterbuch. Bd. 7. Bucureşti – Köln etc, 1998.

1434. *Hale K.* Kinship reflections in syntax // Word. 1966. Vol. 22.

1435. *Hale K.* The logic of Damin kinship terminology // LKAA.

1436. *Hall D.A.* Remarkable discovery: Though science sometimes takes time, the

consequences can be spectacular // Mammoth Trumpet. 1997. Vol. 12, № 2.
1437. *Halliday M.A.K.* Language as a Social Semiotic. L., 1978.
1438. *Halliday M.A.K.* An Introduction to Functional Grammar. L., 1985.
1439. *Hallowell A.I.* Was cross-cousin marriage practised by the North-Central Algonkian? // Proceedings of the XXIII International Congress of Americanists. N.Y., 1930.
1440. *Hallowell I.A.* Araucanian parallels to the Omaha kinship pattern // AA. 1943. Vol. 45, № 3, pt. 1.
1441. *Halpern A.M.* Yuma kinship terms // AA. 1942. Vol. 44, № 3.
1442. *Hammel E.A.* Further comments on componential analysis // AA. 1964. Vol. 66.
1443. *Hammel E.A.* An algorithm for Crow-Omaha solutions // AA. 1965. Vol. 67, № 5.
1444. *Hammel E.A.* Introduction // AA. 1965. Vol. 67, № 5, pt. 2.
1445. *Hammel E.A.* A transformational analysis of Comanche kinship terminology // AA. 1965. Vol. 67, № 5, pt. 2.
1446. *Hammer M.F. et al.* Out of Africa and back again: Nested cladistic analysis of human Y chromosome variation // Molecular Biology and Evolution. 1998. Vol. 15, № 4.
1447. *Hamp F.P.* On Mayan-Araucanian comparative phonology // IJAL. 1971. Vol. 37, № 3.
1448. *Hamp E.P.* On the reconstruction of kinship and kin terms // Abstracts of the 85th Annual Meeting of the American Anthropological Association. Philadelphia, 1986.
1449. *Hanks L.M., Hanks J.R.* Observations on Northern Blackfoot Kinship. N.Y., 1945.
1450. *Hanks W.F.* Texts and textuality // Annual Review of Anthropology. 1989. Vol. 18.
1451. *Hantingford G.W.B.* Nandi kinship and class // Anthropos. 1972. Bd. 67, H. 5-6.
1452. *Hara H.S.* The Hare Indians and Their World. Ottawa, 1980.
1453. *Harkin M.E.* Person, time, and being: Northwest Coast rebirth in comparative perspective // ARR.
1454. *Harrington J.P.* Tewa relationship terms // AA. 1912. Vol. 14, № 3.
1455. *Harris R.* Integrational linguistics and the structuralist legacy // Language and Communication. 1999. Vol. 19.
1456. *Harris Z.* Simultaneous components in phonology // Language. 1944. Vol. 20.
1457. *Harris Z.* Componential analysis of a Hebrew paradigm // Language. 1948. Vol. 24.
1458. *Harris Z.* Methods in Structural Linguistics. Chicago, 1951.
1459. *Harris Z.* Cooccurrence and transformation in linguistic structure // Language. 1957. Vol. 33, № 2.
1460. *Hart D.* Kinship and social organization in a Bisayan Filipino village // Anthropos. 1980. Vol. 75.
1461. *Hartl D.L., Clark A.G.* Principles of Population Genetics. Sunderland, 1989.
1462. *Harva U.* Die Religiösen Vorstellungen der Altaischen Völker. Helsinki, 1938.
1463. *Heath J.* Introduction // LKAA.
1464. *Heath J.* Functional Grammar of Nunggubuyu. Canberra, 1984.
1465. *Heath J.* Review: *Handbook of North American Indians. Vol. 17. Languages* // AL. 1998. Vol. 40, № 1.
1466. *Hedican E.J.* Sibling terminology and information theory: An hypothesis concerning the growth of folk taxonomy // ET. 1986. Vol. 25, № 4.
1467. *Heidegger M.* An Introduction to Metaphysics. New Haven, 1959.
1468. *Heidegger M.* Identity and Difference. N.Y., 1969.
1469. *Heinrich A.C., Anderson R.L.* Co-affinal siblingship as a structural feature among some Northern North American peoples // ET. 1968. Vol. 7, № 3.
1470. *Heinrich A., Anderson R.L.* Some formal aspects of a kinship system // CA. 1971. Vol. 12, № 4-5.
1471. *Held G.J.* The Papuans of Waropen. The Hague, 1957.
1472. *Helmig T.* Navajo kin classification and Crow-type structures // ZfE. 1992. Vol. 117.
1473. *Henley P.* The Panare. New Haven – L., 1982.
1474. *Hennepin L.F.* A New Discovery of a Vast Country in America. Vol. 1-2. L., 1699.
1475. *Henry J.* Jungle People. A Kaingáng Tribe of the Highlands of Brazil. Richmond, 1941.
1476. *Herskovits M.J.* The social organization of the Bush-Negroes of Suriname // Procee-

dings of the XXIII International Congress of Americanists. N.Y., 1930.
1477. *Herzog G.* Note on Pima moieties // AA. 1936. Vol. 38, № 3, pt. 1.
1478. *Heubeck A.* Kleinasiatisches. 2. Lyd. Verwandtschaftsbezeichnungen // Die Sprache. 1960. Bd. 6, H. 2.
1479. *Heydorn R.* Das Manya. Ein in Liberia gesprochener Mandingodialekt // Zeitschrift für Eingeborenen Sprachen. 1944. Bd. 34, H. 1.
1480. *Hickman J.M., Stuart W.T.* Descent, alliance, and moiety in Chucuito, Peru: An explanatory sketch of Aymara social organization // AKM.
1481. *Hicks A.M. Letter to the editor*: Alternative explanation for similarities between Native Americans and Siberians // Human Biology. 1998. Vol. 70, № 1.
1482. *Hicks D.* A transitional two-section system among the Mbae-speakers of Manggarai, Eastern Indonesia // Sociologus. 1985. Vol. 35, H. 1
1483. *Hocart A.M.* The uterine nephew // Man. 1923. Vol. 23, № 4.
1484. *Hocart A.M.* The Indo-European kinship system // Ceylon Journal of Science. Section G. Archaeology, Ethnology etc. 1924. Vol. 1.
1485. *Hocart A.M.* Alternate genetations in Fiji // Man. 1931. Vol. 31, № 214.
1486. *Hocart A.M.* Kinship systems // Kinship and Social Organization. Garden City, 1968.
1487. *Hocart A.M.* Alternate generations in Egypt // Man. 1938. Vol. 38, № 31.
1488. *Hocart A.M.* The Northern states of Fiji. L., 1952.
1489. *Hockett C.F.* Problems of morphemic analysis // Language. 1947. Vol. 23.
1490. *Hockett C.F. The* Proto Central Algonquian kinship system // ECA.
1491. *Hockett C.F.* Review: *Lexical Reconstruction: The Case of the Proto-Athapascan Kinship System* by I.Dyen and D.F.Aberle // CA. 1977. Vol. 18, № 1.
1492. *Hoebel E.A.* Comanche and Hзkandika Shoshone relationship systems // AA. 1939. Vol. 41, № 3.
1493. *Hoernlé A.W.* The social organization of the Nama Hottentots of Southwest Africa // AA. 1925. Vol. 27, № 1.
1494. *Höfler O.* Über die Grenzen semasiologischer Personennamenforschung // Germanistische Linguistik. 1993. Bd. 114, № 2.
1495. *Hogbin H.I.* A note on Rennell Island // Oceania. 1931. Vol. 2, № 2.
1496. *Hogbin H.I.* Social organization of Ontong Java // Oceania. 1931. Vol. 1, № 4.
1497. *Hogbin H.I.* Adoption in Wogeo // JPS. 1936. Vol. 45, № 1.
1498. *Hogbin H.I.* Social organization of Guadalcanal and Florida, Solomon Islands // Oceania. 1937. Vol. 8, № 4.
1499. *Hogbin H.I., Wedgewood C.* Local grouping in Melanesia // Oceania. 1953. Vol. 23.
1500. *Hollis A.C.* The Nandi. Oxford, 1909.
1501. *Hollis A.C.* A note on the Masai system of relationship and other matters connected therewith // JRAI. 1910. Vol. 40.
1502. *Holmberg A.R.* Nomads of the Long Bow: The Siriono of Eastern Bolivia // Smithsonian Institution, Institute of Social Anthropology. 1950, № 10.
1503. *Holmer N.M.* Oceanic semantics // Australian Essays and Studies. Vol. 5. Uppsala, 1966.
1504. *Homori-Torok C.* Haisla // HNAI. 1990. Vol. 7.
1505. *Honigmann J.J.* The Kaska Indians: An Ethnographic Reconstruction // YUPA. 1954, № 51.
1506. *Hoogshagen S.S., Merrifield W.R.* Coatlan Mixe kinship // SWJA. 1961. Vol. 17, № 3.
1507. *Hopkins N.A.* A formal account of Chalchihuitán Tzotzil kinship terminology // ET. 1969. Vol. 8, № 1.
1508. *Horai S. et al.* Peopling of the Americas, founded by four major lineages of mitochondrial DNA // Molecular Biology and Evolution. 1993. Vol. 10.
1509. *Hornborg A.* Serial redundancy in Amazonian social structure: Is there a method for post-structuralist comparison? // Transformations of Kinship. Washington – L., 1998.
1510. *Horton R.* Material-object language and theoretical language: Towards a Strawssonian sociology of thought // Philosophical Disputes in Social Sciences. Brighton, 1979.
1511. *Howitt A.W.* The Native Tribes of South-East Australia. L., 1904.

1512. *Hugh-Jones C.* From the Mill River: Spatial and Temporal Processes in Northwest Amazonia. Cambridge, 1979.

1513. *Hughes A.L.* Evolution and Human Kinship. N.Y., 1988.

1514. *Hultkrantz Å.* Conceptions of the Soul among North American Indians. A Study in Religious Ethnology. Stockholm, 1953.

1515. *Hultkrantz Å.* Spirit Lodge: A North American shamanistic seance // Studies in Shamanism. Stockholm, 1967.

1516. *Humphreys E.* The Taliesin Tradition. A Quest for the Welsh Identity. L., 1983.

1517. *Hunt E.* The meaning of kinship in San Juan: Genealogical and social models // ET. 1969. Vol. 8, № 1.

1518. *Hunter-Wilson M.* Witch beliefs and social structure // American Journal of Sociology. 1951. Vol. 56, № 4.

1519. *Hymes D.H.* Discussion of Burling's paper // Theory in Anthropology. L., 1968.

1520. *Inden R.B., Nicholas R.W.* Kinship in Bengali Culture. Chicago – L., 1977.

1521. *Ishida H.* Ancient people of the North Pacific Rim: Ainu biological relationships with their neighbors // Ainu: Spirit of a Northern People. Washington, 1999.

1522. *Ives J.W.* A Theory of Northern Athapascan Prehistory. Boulder etc., 1990.

1523. *Ives J.W.* Developmental processes in the pre-contact history of Athapascan, Algonquian, and Numic kin systems // Transformations of Kinship. Washington – L., 1998.

1523a. *Jachmann F.* Seelen- und Totenvorstellungen bei Drei Bevölkerungsgruppen in Neuguinea. Wiesbaden, 1969.

1524. *Jacobs M.* Northern Sahaptin kinship terms // AA. 1932. Vol. 34, № 4.

1525. *Jain R.K.* Features of kinship in an Asur village // Eastern Anthropologist. 1959. Vol. 12, № 1.

1526. *Jakobson R.* Typological studies and their contributions to historical comparative linguistics // Proceedings of the VIIIth International Congress of Linguists. Oslo, 1958.

1527. *Jakobson R.* Selected writings. Vol. 1. The Hague, 1962.

1528. *Jakobson R.* Why "mama" and "papa"? // SWJ. Vol. 1. 1962.

1529. *Jakobson R.* Shifters, verbal categories and the Russian verb // SWJ. Vol. 2. 1971.

1530. *Jamous R.* La relation frère-soeur. Parenté et rites chez les Meo de l'Inde du Nord. P., 1991.

1531. *Jenness D.* The Sekani Indians of British Columbia. Ottawa, 1937.

1532. *Jenness D.* The Sarcee Indians of Alberta. Ottawa, 1938.

1533. *Jenness D.* The Carrier Indians of the Bulkley River. BBAE-133. 1943.

1534. *Jespersen O.* Language: Its Nature, Development and Origin. N.Y., 1949.

1535. *Johelson W.* Essay on the grammar of the Yukaghir language // Annals of the New York Academy of Sciences. 1905. Vol. 16, pt. 2.

1536. *Johnson L.* The reconstructed Crow terminology of the Titskanwatits, or Tonkawas, with inferred social correlates // Plains Anthropologist. 1994. Vol. 39, № 150.

1537. *Johnson M.J. et al.* Radiation of human mitochondrial DNA types analyzed by restriction endonuclease cleavage patterns // JME. 1983. Vol. 19.

1538. *Juillerat B.* Do the Banaro really exist? Going back after Richard Thurnwald // Oceania. 2000. Vol. 71, № 1.

1539. *Jung C.G.* Dream Analysis Seminar. Lecture V and VIII. Albuquerque, 1929-1930.

1540. *Jung C.G.* Psychological aspects of the Mother architype // The Collected Works of C.G.Jung. Princeton, 1954. Vol. 9, pt. 1.

1541. *Kabat E.A.* Blood Group Substances. Their Chemistry and Immunochemistry. N.Y., 1956.

1542. *Kaberry P.M.* Spirit-children and spirit centers of the North Kimberley Division, West Australia // Oceania. 1936. Vol. 6, № 4.

1543. *Kahn J.* Marxist anthropology and segmentary societies: A review of the literature // The Anthropology of Pre-Capitalist Societies. L., 1981.

1544. *Kamminga J.* New interpretations of the Upper Cave, Zhoukoudian // The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia. Tokyo, 1992.

1545. *Kapadia K.* "Kinship burns!": Kinship discourses and gender in Tamil South India //

Social Anthropology. 1994. Vol. 2, pt. 3.
1545a. *Kaplan J.O.* Cognation, endogamy and teknonymy: The Piaroa example // SWJA. 1972. Vol. 28.
1546. *Kaplan J.O.* Dualisms as an expression of difference and danger: Marriage exchange and reciprocity among the Piaroa of Venezuela // MPL.
1547. *Karafet T. et al.* Y chromosome markers and Trans-Bering Strait dispersals // AJPA. 1997. Vol. 102, № 3.
1548. *Karve I.* Kinship Organization in India. N.Y., 1968 (1953).
1549. *Kasakoff A.B.* Gitksan kin term usage // The Tsimshian and their Neighbors of the North Pacific Coast. Seattle – L., 1984.
1550. *Katz J.* The semantic component of a linguistic description // Zeichen und System der Sprache. Bd. 3. Berlin, 1966.
1551. *Kaufman T.* Language history in South America: What we know and how to know more // Amazonian Linguistics. Austin, 1990.
1552. *Kaut C.R.* The Western Apache Clan System. Albuquerque, 1957.
1553. *Kay P.* The generative analysis of kinship semantics: Reanalysis of the Seneca data // Foundations of Language. 1975. Vol. 13.
1554. *Keen I.* Twenty five years of aboriginal kinship studies // Social Anthropology and Australian Aboriginal Studies: A Contemporary Overview. Canberra, 1988.
1555. *Kelly I.T.* Ethnography of the Surprise Valley Paiute // UCPAAE. 1932. Vol. 31, № 3.
1556. *Kelly R.* Etoro Social Structure: A Study in Structural Contradiction. Ann Arbor, 1977.
1557. *Kemmer S.* The Middle Voice. Amsterdam, 1993.
1558. *Kennedy D.I.D., Bouchard R.T.* Bella Coola // HNAI. 1990. Vol. 7.
1559. *Kensinger K.M.* How Real People Ought To Live. The Cashinahua of Eastern Peru. Prospects Heights, 1995.
1560. *Kernan K.T., Coult A.D.* The cross-genetational relative age criterion of kinship terminology // SWJA. 1965. Vol. 21, № 2.
1561. *Kerr H.B.* The Proto-Kainantu kinship system of the East New Guinea // The Languages of the Eastern Family of the East New Guinean Highlands Stock. Seattle, 1973.
1562. *Key M.R.* Araucanian genetic relationship // IJAL. 1978. Vol. 44, № 4.
1563. *King M.L., Slobodin S.B.* A fluted point from the Uptar Site, Northeastern Siberia // Science. 1996. Vol. 273, № 5275.
1564. *Kinkade M.D.* Kinship terminology in Upper Chehalis in a historical framework // AL. 1992. Vol. 34, № 1.
1565. Kinship and Cosmology // Mankind. 1989. Vol. 19, № 3.
1566. Kinship and Culture. Chicago, 1971.
1567. Kinship and Social Organization. N.Y., 1968.
1568. *Kirchhoff P.* Verwandtschaftsorganization der Urwaldtstämme Sudamerikas // ZfE. 1931. Bd. 63.
1569. *Kirchhoff P.* Verwandtschaftsbezeichnungen und Verwandtenheirat // ZfE. 1932. Vol. 64.
1570. *Kirchhoff P.* The principles of clanship in human society // Davidson Journal of Anthropology. 1955. Vol. 1, № 1.
1571. *Kleiber G.* La Sémantique du Prototype. P., 1990.
1572. *Kluge F.* Etymologische Wörterbuch der Deutschen Sprache. Berlin – N.Y., 1989.
1573. *Koentjaraningrat R.M.* The Javanese of South Central Java // SSSA.
1574. *Köhler J.* Zur Urgeschichte der Ehe: Totemismus, Gruppenehe, Mutterrecht. Stuttgart, 1897.
1575. *Kolman C.J. et al.* Mitochondrial DNA analysis of Mongolian populations and implications for the origin of New World founders // Genetics. 1996. Vol. 142, № 4.
1576. *Koppers W.* Unter Feuerland-Indianern. Stuttgart, 1924.
1577. *Korn F.* Elementary Structures Reconsidered: Lévi-Strauss on Kinship. Berkeley – Los Angeles, 1973.
1578. *Koski M.* The terms “uncle” and “aunt” in their semantic field // Linguistica Uralica. 1990. Vol. 26, № 4.
1579. *Krauss M.E.* The Proto-Athapascan and Eyak kin term system / Manuscript (n.d.).

1579a *Krauss M.E., Golla V.K.* Northern Athapascan languages // HNAI. 1981. Vol. 6.
1580. *Kretschmer P.* Einleitung in die Geschichte der Griechischen Sprache. Göttingen, 1896.
1580a. *Krieger A.D.* Early man in the New World // Prehistoric Man in the New World. Chicago – L., 1964.
1581. *Kripke S.* Naming and Necessity. Cambridge, 1980.
1582. *Kroeber A.L.* Classificatory systems of relationship // JRAI. 1909. Vol. 39.
1583. *Kroeber A.L.* California kinship systems // UCPAAE. 1917. Vol. 12, № 9.
1584. *Kroeber A.L.* Zuni kin and clan // APAMNH. 1917. Vol. 18, pt. 2.
1585. *Kroeber A.L.* Kinship in the Philippines // APAMNH. 1919. Vol. 19, pt. 3.
1586. *Kroeber A.L.* The Seri // Southwest Museum Papers. Los Angeles, 1931, № 6.
1587. *Kroeber A.L.* Yurok and neighboring kin term systems // UCPAAE. 1934. Vol. 35, № 1.
1588. *Kroeber A.L.* Kinship and history // AA. 1936. Vol. 38, № 3.
1589. *Kroeber A.L.* Athabascan kin term systems // AA. 1937. Vol. 39, № 4, pt. 1.
1590. *Kroeber A.L.* Comparative notes on the structure of Yurok culture // Washington State University Research Studies. Monographic Supplement № 2. 1960.
1591. *Kronenfeld D.B.* Fanti kinship: The structure of terminology and behavior // AA. 1973. Vol. 75, № 6.
1592. *Kronenfeld D.B.* Computer analysis of skewed kinship terminologies // Language. 1976. Vol. 52, № 6.
1593. *Kronenfeld D.B.* A formal analysis of Fanti kinship terminology (Ghana) // Anthropos. 1980. Vol. 765, № 4.
1594. *Kronenfeld D.B.* Particularistic or universalistic analyses of Fanti kin terminology: The alternative goals of terminological analysis // Man. 1980. Vol. 15, № 1.
1595. *Kronenfeld D.B.* Morgan vs Dorsey on the Omaha cross/parallel contrast: Theoretical implications // L'Homme. 1988. Vol. 29.
1596. *Kronenfeld D.B. et al.* Exploring the internal structure of linguistic categories. An extensionist semantic view // Directions in Cognitive Anthropology. Urbana – Chicago, 1985.
1597. *Kruyt A.C.* De Timoreezen // BTLV. 1923. Vol. 79.
1598. *Kurylowicz J.* ∂ indo-europeen et *h* hittite // Symbolae Grammaticae In Honorem Ioannis Rozwadowski. Vol. 1. Krakow, 1927.
1599. *Kuznecov A.M.* On the typology of the semantic field of kinship terms // Linguistics. 1974. Vol. 125.
1600. *La Barre W.* The Aymara Indians of the Lake Titicaca Plateau, Bolivia // MAAA. 1948, № 68.
1600a. *Labby D.* The Demystification of Yap. Dialectics of Culture on a Micronesian Island. Chicago – L., 1976.
1601. *Labov W.* The Social Stratification of English in New York City. Washington, 1966.
1602. *Laclau E., Mouffe C.* Hegemony and Socialist Strategy. L., 1985.
1603. *Lahr M.M.* The Evolution of Modern Human Diversity: A Study of Cranial Variation. Cambridge, 1996.
1604. *Laird C.* Chemehuevi religions beliefs and practices // Journal of California Anthropology. 1974. Vol. 1, № 1.
1605. *Lakoff G.* Women, Fire and Dangerous Things. Chicago, 1987.
1606. *Lamb S.M.* Kinship terminology and linguistic structure // AA. 1965. Vol. 67, № 5, pt. 2.
1607. *Lamb S.M.* The classification of the Uto-Aztecan languages // The Great Basin Shoshonean Sourcebook. N.Y., 1986.
1607a. *Lame Deer J., Erdoes R.* Lame Deer: Seeker of Visions. N.Y. (Touchstone Books), 1972.
1608. *Landar H.* Fluctuation of forms in Navaho kinship terminology // AA. 1962. Vol. 64, № 5, pt. 1.
1609. *Landes R.* Ojibwa Sociology. N.Y., 1937.
1610. *Lane R.B.* A reconsideration of Malayo-Polynesian social organization // AA. 1961. Vol. 63, № 4.
1611. *Lane R.B.* Patrilateral cross-cousin marriage: Structural analysis and ethnographic cases // ET. 1962. Vol. 1, № 4.

1612. *Lane R.B., Lane B.* The evolution of Ambrym kinship // SWJA. 1958. Vol. 14.
1613. *Lane R.B., Lane B.* On the development of Dakota-Iroquois and Crow-Omaha kinship terminologies // SWJA. 1959. Vol. 15.
1614. *Latcham R.E.* Ethnology of the Araucanos // JRAI. 1910. Vol. 39.
1615. *Laughren M.* Warlpiri kinship structure // LKAA.
1616. *Lawrence W.E.* Alternating generations in Australia // Studies in the Science of Culture. New Haven, 1937.
1617. *Leach E.R.* Political Systems of Highland Burma. Boston, 1965 (1954).
1618. *Leach E.R.* The epistemological background to Malinowski's empiricism // Man and Culture. An Evaluation of the Work of Bronislaw Malinowski. L., 1957.
1619. *Leach E.R.* Concerning Trobriand clans and kinship category *tabu* // The Developmental Cycle of Domestic Groups. Cambridge, 1958.
1620. *Leach E.R.* Rethinking Anthropology. L., 1966.
1621. *Leach E.R.* More about "mama" and "papa" // RKM.
1622. *Leacock S.* Maué kinship and Omaha terminology // Journal of Anthropological Research. 1973. Vol. 29, № 1.
1623. *Leaf M.J.* The Punjabi kinship terminology as a semantic system // AA. 1971. Vol. 73, № 3.
1624. *Leak G., Christopher S.B.* Freudian psychoanalysis and sociobiology // American Psychologist. 1982. Vol. 37.
1625. *LeBar F.M. et al.* Ethnic Groups of Mainland Southeast Asia. New Haven, 1964.
1625a. *Lee D.D.* The place of kinship terms in Wintu·ʼ speech // AA. 1940. Vol. 42, № 4, pt. 1.
1626. *Lee D.D.* Lineal and nonlineal codifications of reality // SA.
1627. *Lee R.B.* The Kung Bushmen of Botswana // Hunters and Gatherers Today. N.Y., 1972.
1628. *Leeuw G. van der.* La Structure de la Mentalité Primitive. P., 1928.
1629. *Leslau W.* Etymological Dictionary of Gurage. Vol. 3. Wiesbaden, 1979.
1630. *Lesser A.* Kinship origins in the light of some distributions // AA. 1929. Vol. 31, № 4.
1631. *Lesser A.* Some aspects of Siouan kinship // Proceedings of the XXIIId International Congress of Americanists (September 17–22, 1928). N.Y., 1930.
1632. *Lesser A.* Caddoan kinship systems // Nebraska History. 1979. Vol. 60, № 2.
1633. *Levinson S.C., Brown P.* Immanuel Kant among the Tenejapans // Ethos. 1994. Vol. 22, № 1.
1634. *Lévi-Strauss C.* The social use of kinship terms among Brasilian indians // AA. 1943. Vol. 45, № 3, pt. 1.
1635. *Lévi-Strauss C.* Reciprocity and hierarchy // AA. 1944. Vol. 46, № 2, pt. 1.
1636. *Lévi-Strauss C.* La Vie Familiale et Sociale des Indiens Nambikwara. P., 1948.
1637. *Lévi-Strauss C.* Les Structures Élémentaires de la Parenté. P., 1949.
1638. *Lévi-Strauss C.* Language and the analysis of social laws // AA. 1951. Vol. 53, № 2.
1639. *Lévi-Strauss C.* Les structures sociales dans le Brésil Central et Oriental // ITAA.
1640. *Lévi-Strauss C.* Structural Anthropology. N.Y., 1967.
1641. *Lévi-Strauss C.* Elementary Structures of Kinship. Boston, 1969.
1642. *Lévi-Strauss C.* The Savage Mind. N.Y., 1972.
1643. *Lévi-Srauss C.* Tristes Tropiques. N.Y., 1974.
1644. *Lévi-Strauss C.* Review: *Scheffler H.W.* Australian kin classification // L'Homme. 1980. Vol. 20, № 1.
1645. *Lévi-Strauss C.* The Naked Man. L., 1981.
1646. *Lévi-Strauss C.* Paroles Données. P., 1984.
1647. *Lévy-Bruhl L. Les* Fonctions Mentales dans les Sociétés Inférieurs. P., 1951.
1648. *Lindenbaum S.* Sorcerers, ghosts and polluting women: An analysis of a religious belief and polulation control // ET. 1972. Vol. 11, № 3.
1649. *Liu P.-H.* Foundations of Kinship Mathematics. Nankang, 1986.
1650. *Livingston F.B.* Genetic, ecology and the origins of incest and exogamy // CA. 1969. Vol. 10, № 1.
1651. *Loeb E.M.* History and Traditions of Niue. Honolulu, 1926.
1651a. *Löfgren L.* Some foundational views of general systems and the Hempel paradox //

International Journal of General Systems. 1978. Vol. 4.
1651b. *Lorenz J.G., Smith D.J.* Distribution of four founding mtDNA haplogroups among Native North Americans // AJPA. 1996. Vol. 101.
1652. *Lorimer D.L.R.* Werchikwar-English Vocabulary. Oslo, 1962.
1653. *Lounsbury F.G.* A semantic analysis of the Pawnee kinship usage // Language. 1956. Vol. 32, № 1.
1654. *Lounsbury F.G.* A formal account of the Crow- and Omaha-type kinship terminologies // ECA.
1655. *Lounsbury F.G.* The structural analysis of kinship semantics // Proceedings of the 9th International Congress of Linguists. The Hague, 1964.
1656. *Lounsbury F.G.* The structure of the Latin kinship system and its relation to Roman social organization // VII Междунар. конгр. археол. и этногр. наук. Т. 4. М., 1967.
1657. *Lounsbury F.G.* Another view on Trobriand kinship categories // AA. 1965. Vol. 67, № 5, pt. 2.
1658. *Lounsbury F.G.* Language and culture // Language and philosophy. N.Y., 1969.
1659. *Lowie R.H.* The Northern Shoshone // APAMNH. 1908. Vol. 2.
1660. *Lowie R.H.* Historical and sociological interpretations of kinship terminologies // HAV.
1661. *Lowie R.H.* Culture and Ethnology. N.Y., 1917.
1662. *Lowie R.H.* Family and sib // AA. 1919. Vol. 21, № 1.
1663. *Lowie R.H.* Primitive Society. L., 1920.
1664. *Lowie R.H.* Relationship terms // Encyclopedia Britannica. 12th ed., 1922.
1665. *Lowie R.H.* A note on Kiowa kinship usages // AA. 1923. Vol. 25, № 2.
1666. *Lowie R.H.* Notes on Shoshonean ethnography // APAMNH. 1924. Vol. 20, pt. 3.
1667. *Lowie R.H.* Shoshonean tales // JAFL. Vol. 37. 1924, № 143-144.
1668. *Lowie R.H.* The Crow Indians. N.Y., 1925.
1669. *Lowie R.H.* Note on relationship terminologies // AA. 1928. Vol. 30, № 2.
1670. *Lowie R.H.* Hopi kinship // APAMNH. 1929. Vol. 30, pt. 7.
1671. *Lowie R.H.* The kinship terminology of the Bannock Indians // AA. 1930. Vol. 32, № 2.
1672. *Lowie R.H.* The Omaha and Crow kinship terminologies // Verhandlungen des XXIV International Amerikanistenkongresses. Hamburg, 1930.
1673. *Lowie R.H.* American culture history // AA. 1940. Vol. 42, № 3.
1674. *Lowie R.H.* An Introduction to Cultural Anthropology. N.Y., 1940.
1675. *Lubbock J.* The Origin of Civilization and the Primitive Condition of Man. L., 1971.
1676. *Lucich P.* The Development of Omaha Kinship Terminology in the Three Australian Aboriginal Tribes of the Kimberly Division. Canberra, 1968.
1677. *Luhmann N.* Temporalization of complexity // Sociocybernetics: An Actor-Oriented Social Systems Approach. Leiden, 1978.
1678. *Luhmann N.* Soziale Systeme. Frankfurt-am- Main, 1984.
1679. *Luhmann N.* Essays on Self-Reference. N.Y. – Oxford, 1990.
1680. *Lum K.J. et al.* Polynesian DNAs reveal three deep maternal lineage clusters // Human Biology. 1994. Vol. 66.
1681. *Mabuchi T.* The Omaha type of kinship terminology among the Bunun // Proceedings of the VIIIth Pacific Science Congress. Manila, 1953.
1682. *Mabuchi T.* The aboriginal peoples of Formosa // SSSA.
1683. *MacCarthy F.D.* Australian Aborigines. Melbourne, 1957.
1684. *McClellan C.* My Old People Say: An Ethnographic Survey of Southern Yukon Territory. Ottawa, 1975.
1685. *McConnell U.H.* Social organization of the tribes of Cape York Peninsula // Oceania. 1940. Vol. 10, № 4.
1686. *McConnell U.H.* Junior marriage systems: Comparative survey // Oceania. 1950. Vol. 21, № 2.
1687. *McConvell P.* Neutralization and degrees of respect in Gurindji // LKAA.
1688. *McCoy J.* Chinese kin terms of reference and address // Family and Kinship in Chinese Society. Stanford, 1970.

1688a. *McDougal C.* Juang categories and joking relations // SWJA. 1964. Vol. 20, № 4.
1689. *McElhanon K.P.* Selepet social organization and kinship // ET. 1969. Vol. 7, № 3.
1690. *McElhanon K.P.* Komba kinship terminology // ET. 1970. Vol. 8, № 3.
1691. *MacGregor G.* Ethnology of Tokelau Islands. Honolulu, 1937.
1692. *McKennan R.A.* The Upper Tanana Indians // YUPA. 1959, № 55.
1693. *McKinley R.* A critique of the reflectionist theory of kinship terminology: The Crow-Omaha case // Man. 1971. Vol. 6, № 2.
1694. *McKinley R.* Why do Crow and Omaha kinship terminologies exist? A sociology of knowledge interpretation // Man. 1971. Vol. 6, № 3.
1695. *McLendon S.* Sketch of Eastern Pomo, a Pomoan language // HNAI. 1990. Vol. 17.
1696. *McLennan J.F.* The worship of animals and plants // The Fortnightly Review. 1869–1870. Vol. 6-7.
1697. *McLennan J.F.* Studies in Ancient History. L., 1876.
1698. *MacNeish J.H.* Kin terms of the Arctic Drainage Dene: Hare, Slavey, Chipewyan // AA. 1960. Vol. 62, № 2.
1699. *Makarius R., Makarius L.* L'Origine de L'Exogamie et du Totémisme. P., 1961.
1700. *Malinowski B.* The family among the Australian Aborigines. L., 1913.
1701. *Malinowski B.* Crime and Custom in Savage Society. L., 1926.
1702. *Malinowski B.* The Father in Primitive Psychology. N.Y., 1966 (1927).
1703. *Malinowski B.* The problem of meaning in primitive languages // The Meaning of Meaning. L., 1927.
1704. *Malinowski B.* The Sexual Life of Savages in Northwestern Melanesia. L., 1929.
1705. *Malinowski B.* Kinship // Man. 1930. Vol. 30, № 17.
1706. *Malinowski B.* Coral Gardens and Their Magic. Vol. 2. Bloomington, 1965.
1707. *Man E.H.* On the aboriginal inhabitants of the Andaman Islands // JRAI. 1883. Vol. 12.
1708. *Mao-Chi Fu.* The Lolo kinship terms as affected by the sex of the speaker // Asia Major. Vol. 2, pt. 1. L., 1951.
1709. *Maria A.* Essai de grammaire Kaiapó, langue des Indiens Kaiapó, Brésil // AN. 1914. Vol. 9.
1710. *Marshall L.* The kin terminology of the !Kung Bushmen // Africa. 1957. Vol. 27, № 1.
1711. *Marshall L.* The !Kung of Nyae Nyae. Cambridge, 1976.
1712. *Marshall M.* Structural patterns of sibling classification in Island Oceania: Implications for culture history // CA. 1984. Vol. 25, № 5.
1713. *Mason A.F.* Oronaó Social Structure /PDD. University of California. Davis, 1975.
1714. *Mason S.F.* Biomolecular handedness, origins and significance // Biochemical Pharmacology. 1988. Vol. 37.
1715. Mathematical models of social and cognitive structures. Urbana, 1974.
1716. *Mathews G.N.* Proto-Siouan kinship terminology // AA. 1959. Vol. 61, № 2.
1717. *Mathews R.H.* The Bora, or initiation ceremonies of the Kamilaroi tribe // JRAI. 1895. Vol. 24.
1718. *Mathews W.* Ethnography and Philology of the Hidatsa Indians. Washington, 1877.
1719. *Matlock J.G.* Alternate-generation equivalence and the recycling of souls: Amerindian rebirth in global perspective // ARR.
1720. *Matta R. da.* The Apinayé relationship system: Terminology and ideology // DS.
1721. *Matta R. da.* A Divided World: Apinayé Social Structure. Cambridge, 1982.
1722. *Mattina A., Jack C.* Okanagan-Colville kinship terms // AL. 1992. Vol. 34, № 1-4.
1723. *Mauss M.* Essai sur le don, forme archaique de l'échange // AS. 1924. Vol. 1.
1724. *Maxwell J.A.* The evolution of Plains Indian kin terminologies: A non-reflectionist account // Plains Anthropologist. 1978. Vol. 23, № 79.
1725. *Maybury-Lewis D.* Akwe-Shavante Society. Oxford, 1967.
1726. *Mbabuike M.C.* The cosmology of Igbo anthroponyms: Life continuum and liturgy of culture // Dialectical Anthropology. 1996. Vol. 21.
1727. *Mead M.* Social Organization of Manua. Honolulu, 1930.
1728. *Meek G.K.* Tribal Studies in Northern Nigeria. Vol. 2. L., 1931.
1729. *Meggitt M.J.* The Valleys of the Upper Wage Lai Rivers // Oceania. 1956. Vol. 27, № 2.

1730. *Meggitt M.J.* Desert People. A Study of the Walbiri Aborigines of Central Australia. Chicago – L., 1965.
1731. *Meggitt M.J.* The Lineage System of the Mae-Enga of New Guinea. Edinburgh – L., 1965.
1732. *Meillassoux C.* Maidens, Meal, and Money: Capitalism and the Domestic Community. Cambridge, 1984.
1733. *Meillet A., Ernout A.* Dictionnaire Etymologique de la Langue Latine. P., 1951.
1734. *Melatti J.C.* Estrutura social Marubo: Um sistema australiano na Amazonia // Annuario Antropologico. Vol. 76. Rio de Janeiro, 1977.
1735. *Menget P.* Adresse et référence dans la classification sociale Txicáo // ICA-42.
1736. *Merlan F.* "Egocentric" and "altercentric" usage of kin terms in Manarayi // LKAA.
1737. *Merlan F., Heath J.* Dyadic kinship terms // LKAA.
1738. *Merrifield W.R.* Chinantec kinship in Palantla, Oaxaca, Mexico // AA. 1959. Vol. 61, № 5, pt. 1.
1739. *Merrifield W.R.* Sierra Popoluca kinship // AA. 1963. Vol. 65, № 3, pt. 1.
1740. *Merrifield W.R.* Proto Otomanguean Kinship. Dallas, 1981.
1741. *Merrifield W.R.* On the formal analysis of kinship terminologies // Essays in Honor of Charles F. Hockett. Leiden, 1983.
1742. *Merrill R.T.* Notes on Icelandic kinship terminology // AA. 1964. Vol. 66, № 4, pt. 1.
1743. *Merriwether D.A. et al.* The structure of human mitochondrial DNA variation // JME. 1991. Vol. 33.
1744. *Merriwether D.A. et al.* Distribution of the four founding lineage haplotypes in Native Americans suggests a single wave of migration for the New World // AJPA. 1995. Vol. 98.
1745. *Merriwether D.A. et al.* mtDNA variation indicates Mongolia may have been the source of the founding population for the New World. // AJHG. 1996. Vol. 59, № 1.
1746. *Mertens J.* Les Ba Dzing de la Kamtsha. Pt. 1. Bruxelles, 1935.
1747. *Metraux A.* Ethnology of Easter Island. Honolulu, 1940.
1748. *Metraux A.* South American Thunderbirds // JAFL. 1944. Vol. 57, № 224.
1749. *Meyer R.M.* Bedeutungssysteme // Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indo-germanischen Sprachen. 1910. Bd. 43, № 4.
1750. *Meyer-Lübke W.* Romanisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1911.
1751. *Mezger F.* Oheim und Neffe // ZVS. 1960. Bd. 76.
1752. *Michelson T.* Notes on the Piegan system of consanguinity // HAV.
1753. *Mikkola J.J.* Zur slavischen Etymologie. 6. Abg. *stryj* 'patruus' // Indogermanische Forschungen. 1908-1909. Bd. 23.
1754. *Milke W.* Die Benennung der Geschwister in der Austronesischen Sprachen Ozeaniens // ZfE. 1938. Bd. 63, H. 1-2.
1755. *Milke W.* Ozeanische Verwandtschaftsnamen // ZfE. 1958. Bd. 83, H. 2.
1756. *Mill J.S.* A System of Logic Rationainative and Inductive. Vol. 1. L., 1865.
1757. *Miller E.S.* Toba kin terms // ET. 1966. Vol. 5, № 2.
1758. *Miller G.A.* The magical number seven, plus or minus two: Some limits on our capacity for processing information // Psychological Review. 1956. Vol. 63.
1759. *Miller W.R.* Uto-Aztecan cognate sets // University of California Publications in Linguistics. 1967. Vol. 48.
1760. *Mills A.* Introduction // ARR.
1761. *Mitzka W., Schmitt L.E.* Deutscher Wortatlas. Bd. 6. Giessen, 1957.
1762. *Monberg T.* Fathers were not genitors // Man. 1975. Vol. 10.
1763. *Monberg T.* Ungrammatical "love" on Bellona (Mungiki) // JPS. 1976. Vol. 85.
1764. *Moore S.F.* Oblique and asymmetrical cross-cousin marriage and Crow-Omaha terminology // AA. 1963. Vol. 65, № 2.
1765. *Moore S.F.* Descent and symbolic filiation // AA. 1964. Vol. 66.
1766. *Moravcsik E.A.* Reduplicative constructions // Universals of Human Language. Vol. 3. Word Structure. Stanford, 1978.
1767. *Morgan L.H.* The League of the Ho-de-no-sau-nee, or Iroquois. Rochester, 1851.
1768. *Morgan L.H.* Laws of descent of the Iroquois // Proceedings of the American Associ-

ation for the Advancement of Science. 1857. Vol. 11.
1769. *Morgan L.H.* The Systems of Relationship of the Red Race. Rochester, 1859.
1770. *Morgan L.H.* The Welsh Indians // Cambrian Journal. 1860. Vol. 9.
1771. *Morgan L.H.* The American Beaver and his Works. Mineola, 1996 (1868).
1772. *Morgan L.H.* A conjectural solution of the origin of the classificatory system of relationship // Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences. 1868. Vol. 7.
1773. *Morgan L.H.* Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family. Washington, 1871.
1774. *Morgan L.M.* When does life begin? A cross-cultural perspective on the personhood of fetuses and young children // Abortion Rights and Fetal "Personhood". Long Beach, 1989.
1775. *Morgenstierne G.* An Etymological Vocabulary of the Pashto. Oslo, 1927.
1776. *Morgenstierne G.* Indo-Iranian Frontier Languages. Vol. 1. Parachi and Ormuri. Oslo, 1929.
1777. *Morgenstierne G.* Indo-Iranian Frontier Languages. Vol. 2. Iranian Pamir Languages (Yidga-Munji, Sanglechi-Ishkashmi and Wakhi). Oslo, 1973.
1778. *Mountain J.L.* Molecular evolution and modern human origins // Evolutionary Anthropology. 1998. Vol. 7.
1779. *Mourant A.E. et al.* The ABO Blood Groups. Comprehensive Tables and Maps of World Distribution. Oxford, 1958.
1780. *Mulch R.* Südhessesches Wörterbuch. Marburg, 1965-1968.
1781. *Muller J.-C.* Straight sister-exchange and the transition from elementary to complex structures // AE. 1980. Vol. 7, № 3.
1782. *Murdock G.P.* Kinship and social behavior among the Haida // AA. 1934. Vol. 36, № 2.
1783. *Murdock G.P.* The Witoto kinship system // AA. 1936. Vol. 38, № 3, pt. 1.
1784. *Murdock G.P.* Social Structure. N.Y., 1949.
1785. *Murdock G.P.* Outline of South American Cultures. New Haven, 1951.
1786. *Murdock G.P.* World ethnographic sample // AA. 1957. Vol. 59, № 4.
1787. *Murdock G.P.* Africa, Its Peoples and Their Culture History. N.Y., 1959.
1788. *Murdock G.P.* Cross-language parallels in parental kin terms // AL. 1959. Vol. 1, № 1.
1789. *Murdock G.P.* Social Organization. N.Y., 1962.
1790. *Murdock G.P.* Ethnographic Atlas // ET. 1962. Vol. 1, № 1-4; 1963. Vol. 2, № 1-4; 1964. Vol. 3, № 1-4.
1791. *Murdock G.P.* Social organization of the Tenino // *Murdock G.P.* Culture and Society. Pittsburg, 1965.
1792. *Murdock G.P.* Patterns of sibling terminology // ET. 1968. Vol. 7, № 1.
1793. *Murdock G.P.* Kin term patterns and their distribution // ET. 1970. Vol. 9, № 2.
1794. *Murphy R.H.* Matrilocality and patrilineality in Mundurucú society // AA. 1956. Vol. 58, № 3.
1795. *Murphy R.H.* Tuareg kinship // AA. 1967. Vol. 69, № 2.
1796. *Nadel S.F.* The Nuba. L.-N.Y.-Toronto, 1947.
1797. *Nadel S.F.* Witchcraft in four African societies: An essay in comparison // AA. 1952. Vol. 54, № 1.
1798. *Nakao K., Romney A.K.* A method for testing alternative theories: An example from English kinship // AA. 1984. Vol. 86, № 3.
1799. Natural Histories of Discourse. Chicago, 1996.
1800. Naturalizing Power: Essays in Feminist Cultural Analysis. N.Y., 1995.
1801. *Needham R.* A Penan mourning usage // BTL. 1954. D. 110, Afl. 3.
1802. *Needham R.* Reference to the dead among the Penan // Man. 1954. Vol. 54, № 1.
1803. *Needham R.* The system of teknonyms and deathnames of the Penan // SWJA. 1954. Vol. 10, № 4.
1804. *Needham R.* (Anonymous). Relative age and kinship categories // Eastern Anthropologist. 1956. Vol. 10, № 1.
1805. *Needham R.* Mourning terms // BTL. 1959. D. 115, Afl. 1.
1806. *Needham R.* Vaiphei social structure // SWJA. 1959. Vol. 15, № 3.
1807. *Needham R.* Alliance and classification among the Lamet // Sociologus. 1960. Vol. 10.

1808. *Needham R.* An analytical note on the structure of Siriono society // SWJA. 1961. Vol. 17, № 3.
1809. *Needham R.* Genealogy and category in Wikmunkan society // ET. 1962. Vol. 1, № 2.
1810. *Needham R.* Death-names and solidarity in Penan society // BTLV. 1965. D. 121, Afl. 1.
1811. *Needham R.* Age, category and descent // BTLV. 1966. D. 122, Afl. 1.
1812. *Needham R.* Terminology and alliance. I – Garo, Manggarai // Sociologus. 1966. J. 16, H. 2.
1813. *Needham R.* Terminology and alliance II – Mapuche; Conclusions // Sociologus. 1967. J. 17, H. 1.
1814. *Needham R.* Gurage social classification: Formal notes on an unusual system // Africa. 1969. Vol. 39, № 2.
1815. *Needham R.* Remarks on the analysis of kinship and marriage // RKM.
1816. *Needham R.* Prescription // Oceania. 1973. Vol. 43, № 3.
1817. *Needham R.* The evolution of social classification: The Warao case // BTLV. 1974. D. 130, Afl. 1.
1818. *Needham R.* Remarks and Inventions: Skeptical Essays About Kinship. L., 1974.
1819. *Needham R.* Editor's introduction // Imagination and Proof. Selected Essays of A.M.Hocart. Tucson, 1987.
1820. *Neel J.V.* Lessons from a "primitive people" // Science. 1970, № 170 (3960).
1821. *Neel J.V.* "Private" genetic variants and the frequency of mutation among South American Indians // PNAS. 1973.Vol. 70, № 12, pt. 1.
1822. *Neel J.V.* The population structure of an Amerindian tribe, the Yanomama // Annual Review of Genetics. 1978. Vol. 12.
1823. *Neel J.V.* Rare variants, private polymorphisms, and locus heterozygosity in Amerindian populations // AJHG. 1978. Vol. 30.
1824. *Nelson E.W.* The Eskimo about Bering Strait // ARBAE. 1899. Vol. 18, pt. 1.
1825. *Nerlove S.B., Burton M.L.* A further examination of cognitive aspects of English kin terms // AA. 1972. Vol. 74.
1826. *Nettle D.* Explaining global patterns of language diversity // Journal of Anthropological Archaeology. 1998. Vol. 17.
1827. *Nettle D.* Linguistic Diversity. Oxford, 1999.
1828. *Nettle D.* Linguistic diversity of the Americas can be reconciled with a recent colonization // PNAS. 1999. Vol. 96.
1829. *Nichols J.* Linguistic diversity and the first peopling of the New World // Language. 1990.Vol. 66, № 3.
1830. *Nichols J.* Linguistic Diversity in Space and Time. Chicago, 1992.
1831. *Nichols J., Peterson D.* The Amerind personal pronouns // Language. 1996. Vol. 72.
1832. *Nicolaisen J.* The structural study of kinship behaviour with particular reference to Tuareg concept // Folk.1971. Vol. 13.
1833. *Nida E.A.* Semantic components // Babel. 1962. Vol. 8, № 4.
1834. *Nilles J.* The Kuman of the Chimbu Region, Central Highlands, New Guinea // Oceania. 1950. Vol. 21, № 1.
1835. *Nimuendajú C.* The Šerente. Los Angeles, 1942.
1836. *Nimuendajú C.* The Northern Cayapo / Manuscript. (n.d.).
1837. *Nimuendajú C., Lowie R.H.* The dual organizations of the Ramko'kamekra (Canella) of Northern Brasil // AA. 1937. Vol. 39, № 4, pt. 1.
1838. *Nogle L.E.* Method and Theory in the Semantics and Cognition of Kinship Terminology. The Hague-P., 1974.
1839. *Noricks J.S.* Testing for cognitive validity // AA. 1987. Vol. 89, № 2.
1840. *Novick G.E. et al.* Polymorphic *Alu* insertions and the Asian origin of Native American populations // Human Biology. 1998. Vol. 70, № 1.
1841. *Nuttal M.* Arctic Homeland: Kinship, Community and Development in Northwest Greenland. Toronto – Buffalo, 1992.
1842. *O'Grady G.N., Mooney K.A.* Nyangumarda kinship terminology // AL. 1973. Vol. 15, № 1.
1843. *Ohman S.* Wortinhalt und Weltbild. Stockholm, 1951.

1844. *Oliver D.L.* A Solomon Island Society: Kinship and Leadership among the Sinai of Bougainville. Cambridge, 1955.
1845. *Olmsted D.L.* Tequistlatec kinship terminology // SWJA. 1958. Vol. 14.
1846. *Olson R.L.* The Quinault Indians // UWPA. 1936. Vol. 6, № 1.
1847. *Olson R.L.* Social life of the Owikeno Kwakiutl // UCAR. 1954. Vol. 14, № 3.
1848. *Olson R.L.* Notes on Bella Bella Kwakiutl // UCAR. 1955. Vol. 14, № 5.
1849. *O'Mack S.* Yacateuctli and Ehecatl-Quetzalcoatl: Earth-Divers in Aztec Central Mexico // Ethnohistory. 1991. Vol. 38, № 1.
1850. *Opler M.E.* The kinship systems of the Southern Athabaskan-speaking tribes // AA. 1936. Vol. 38, № 4.
1851. *Opler M.E.* A summary of Jicarilla Apache culture // AA. 1936. Vol. 38, № 2.
1852. *Orel V.* Albanian Etymological Dictionary. Leiden, 1998.
1853. *Osgood C.* Contributions to the ethnography of the Kutchin // YUPA. 1936, № 14.
1854. *Osthoff H.* Etymologica I. 10. Oheim // Beiträge zur Geschichte der Deutschen Sprache und Literatur. 1888. Bd. 13.
1855. *Overing J.* Today I shall call him 'Mummy': Multiple worlds and classificatory confusion // Reason and Reality. L. – N.Y., 1985.
1856. *Palakornkul A.* A socio-linguistic study of pronominal usage in spoken Bangkok Thai // International Journal of the Sociology of Language. Vol. 5. Sociolinguistics in Southeast Asia. The Hague – P., 1975.
1857. *Palmer C.T., Steadman L.B.* Human kinship as a descendant-leaving strategy: A solution to an evolutionary puzzle // JSES. 1997. Vol. 20, № 1.
1858. *Palmer E.* Notes on some Australian tribes // JRAI. 1883–1884. Vol. 13.
1859. *Panoff M.* La terminologie de la parenté en Polynésie: Essai d'analyse formelle // L'Homme. 1965. T. 5, № 3-4.
1860. *Parkin R.J.* Munda kinship terminologies // Man. 1985. Vol. 20, № 4.
1861. *Parkin R.J.* Prescriptive Alliane in Southeast Asia: The Austroasiatic Evidence // Sociologus. 1986. Bd. 36, H. 1.
1862. *Parkin R.J.* Marriage, behaviour and generation among the Munda of Eastern India // ZfE. 1988. Bd. 113, H. 1.
1863. *Parkin R.J.* Prescription and transformation in Mon-Khmer kinship terminologies // Sociologus. 1988. Bd. 38, H. 1.
1864. *Parkin R.J.* Reincarnation and alternate generation equivalence in Middle India // Journal of Anthropological Research. 1988. Vol. 44.
1865. *Parkin R.J.* Middle Indian kinship systems: A critique of Georg Pfeffer's interpretations // Anthropos. 1993. Vol. 88.
1866. *Parkin R.J.* The contemporary evolution of Polish kinship terminology // Sociologus. 1995. Bd. 45.
1867. *Parsons E.C.* Laguna genealogies // APAMNH. 1923. Vol. 19, pt. 5.
1868. *Parsons E.C.* Spanish elements in the Kachina cult of the Pueblos // Proceedings of the 23rd International Congress of Americanists. N.Y., 1930.
1869. *Parsons E.C.* The kinship nomenclature of the Pueblo Indians // AA. 1932. Vol. 34, № 3.
1870. *Pasternak B.* Introduction to Kinship and Social Organization. Englewood Cliffs, 1976.
1871. *Pawley A.K., Ross M.D.* The prehistory of the Oceanic languages: A current view // The Austronesians: Historical and Comparative Perspectives. 1995.
1872. *Pedersen H.* Albanesische Etymologien // Beiträge zur Kunde der Indogermanischen Sprachen. 1894. Bd. 20.
1873. *Pehrson R.N.* Bilateral kin grouping as a structural type // Journal of East Asiatic Studies. 1954. Vol. 3.
1874. *Pehrson R.N.* The bilateral network of social relations in Könköma Lapp district // IJAL. 1957. Vol. 23, № 1.
1875. *Pehrson R.N., Whitaker I.* Naming among the Karesuando Lapps // JSF. 1952, № 56.
1876. Philosophical Ethics in Reproductive Medicine. Manchester, 1990.
1877. *Peletz M.G.* Kinship studies in late twentieth-century anthropology // Annual Review

of Anthropology. 1995. Vol. 24.
1878. *Pelto P.J.* Individualism in Scolt Lapp Society. Helsinki, 1962.
1879. *Pelto P.J.* Cognitive aspects of the contemporary United States // AA. 1966. Vol. 68, № 1.
1880. *Peng F.C.C.* Kinship systems and marriage patterns in the Ainu community // The Ainu: The Past in the Present. Hiroshima, 1977.
1881. *Perry R.J.* Western Apache Heritage: People of the Mountain Corridor. Austin, 1991.
1882. *Peters L.G.* Trance, initiation, and psychotherapy in Tamang shamanism // AE. 1982. Vol. 9, № 1.
1883. *Piddington R.* An Introduction to Social Anthropology. L., 1950.
1884. *Pierce C.S.* Icon, index and symbol // Philosophy and Phenomenological Research. 1949. Vol. 9.
1885. *Pillai M.S.* Caste isoglosses in kinship terms // AL. 1965. Vol. 7, № 3.
1886. *Porter R.J. et al.* Odor signatures and kin recognition // Physiology and Behavior. 1985. Vol. 34.
1887. *Pospisil L.* The Kapauku Papuans and their kinship organization // Oceania. 1960. Vol. 30, № 3.
1888. *Pospisil L.* Law and societal structure among the Nunamiut Eskimo // ECA.
1889. *Pospisil L., Laughlin W.S.* Kinship terminology and kindred among the Nunamiut Eskimo // ET. 1963. Vol. 2, № 2.
1890. *Pouwer J.* A social system in the Star Mountains: Toward a reorientation of the study of social systems // AA. 1964. Vol. 66, № 4, pt. 2.
1891. *Powell J.V.* Quileute // HNAI. 1990. Vol. 7.
1892. *Powell J.W.* Sketch of the mythology of the North American Indians // ARBAE. 1879–1880. Vol. 1.
1893. *Pucciarelli H.* The Zhoukoudian Upper Cave skull 101 as seen from the Americas // Journal of Human Evolution. 1998. Vol. 34.
1894. *Pukui M.K., Elbert S.H.* Hawaiian Dictionary. Honolulu, 1986.
1895. *Pushkareva E.* Nenets personal names // Folk Belief Today. Tartu, 1995.
1896. *Rabodzeenko J.R.* Russian "Indianists": A romance with the image of the North American Indian // Anthropology of East Europe Review. 1995. Vol. 13, № 2.
1897. *Radanovics K.* Über den Ursprung einiger finnisch-ugrischen Völkernamen // Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum. Budapest, 1963.
1898. *(Radcliffe-)Brown A.R.* Three tribes of Western Australia // JRAI. 1913. Vol. 43.
1899. *(Radcliffe-)Brown A.R.* Notes on the social organization of Australian tribes // JRAI. 1918. Vol. 48.
1900. *Radcliffe-Brown A.R.* The social organization of Australian tribes // Oceania Monographs. 1931. Vol. 1, № 4.
1901. *Radcliffe-Brown A.R.* The Andaman Islanders. Cambridge, 1933.
1902. *Radcliffe-Brown A.R.* On social structure // JRAI. 1940. Vol. 70, pt. 1.
1903. *Radcliffe-Brown A.R.* The study of kinship systems // JRAI. 1941. Vol. 71, № 1.
1904. *Radcliffe-Brown A.R.* Introduction // ASKM.
1905. *Radcliffe-Brown A.R.* Structure and Function in Primitive Society. L., 1952.
1906. *Radin P.* Maya, Nahuatl and Tarascan kinship terms // AA. 1925. Vol. 27, № 1.
1907. *Radin P.* Mexican kinship terms // UCPAAE. 1931. Vol. 31, № 1.
1908. *Raibourn D.D.* Two forms of Iroquois cousin terminology and their functions // Proceedings of the Indiana Academy of Sciences. 1959. Vol. 69.
1909. *Ramer A.M.* Some Tubatulabal etymologies // California Linguistic Newsletter. 1991. Vol. 22, № 3.
1910. *Ramer A.M.* Proto-Uto-Aztecan **pi* «younger sister» > «great-grandmother» // American Indian Culture and Research Journal. 1992. Vol. 16, № 1.
1911. *Rammov H.* Die Verwandtschaftsbezeihnungen im Klassischen Aztekischen. Hamburg, 1964.
1912. *Ranby P.* A Nanumea Lexicon. Canberra, 1980.
1913. *Rasmussen K.* The Netsilik Eskimos // Report of the 5th Tule Expedition 1921–1924.

Vol. 8. Copenhagen, 1931.
1914. *Rattray R.S.* Ashanti. Oxford, 1923.
1915. *Ray G.* Characteristic features of Kondh kinship terminology // Eastern Anthropologist. 1950. Vol. 3, № 4.
1916. *Ray V.F.* Lower Chinook ethnographic notes // UWPA. 1938. Vol. 7, № 2.
1917. *Ray V.F.* Culture element distribution: Plateau // UCAR. 1942. Vol. 8.
1918. *Read D.W.* An algebraic account of the American kinship terminology // CA. 1984. Vol. 25, № 4.
1919. Readings in Kinship and Social Structure. N.Y., 1971.
1920. *Reay M.* The Kuma: Freedom and Conformity in the New Guinea Highlands. Melbourne, 1959.
1921. Reciprocals: Forms and Functions. Amsterdam, 2000.
1922. *Rees A.* Alternate generations in Wales // Man. 1938. Vol. 38, № 168.
1923. *Rees M.* Mathematical Models of Lacandon Kinship / PDD. Tulane University. Ann Arbor, 1979 (1977).
1924. Reflexive Language. Cambridge, 1993.
1925. *Regier T.* Reduplication and the arbitrariness of the sign // Proceedings of the 20th Annual Conference of the Cognitive Science Society. Mahwah, 1998.
1926. *Reichard G.A.* Social life of the Navajo Indians, with some attention to minor ceremonies // Columbia University Contributions to Anthropology. 1928, № 7.
1927. *Renfrew C.* Archaeology, genetics and linguistic diversity // Man. 1992. Vol. 27, № 3.
1928. Reproductive Technologies. Gender, Motherhood and Medicine. Oxford, 1987.
1929. *Rich G.W.* Changing Icelandic kinship // ET. 1976. Vol. 15, № 1.
1930. *Rich G.W.* Kinship and friendship in Iceland // ET. 1980. Vol. 19, № 4.
1931. *Rice J.* A ventriloquy of anthros: Densmore, Dorsey, Lame Deer, and Erdoes // American Indian Quarterly. 1994. Vol. 18, № 2.
1932. *Riddington R.* Kin categories versus kin groups: A two-section system without sections // ET. 1969. Vol. 8, № 4.
1933. *Riding In J.* Without ethics and morality: A historical archaeology and American Indians // Arizona State Law Journal. 1992. Vol. 24, № 1.
1934. *Rieschild V.R.* Lebanese Arabic reverse role vocatives // AL. 1998. Vol. 40, № 4.
1935. *Rink H.J.* The Eskimo Tribes. L. – Kopenhagen, 1887.
1936. *Risley H.H.* Tribes and Castes of Bengal (Ethnographic Glossary). Calcutta, 1892.
1937. *Rivers W.H.R.* The History of Melanesian Society. Cambridge, 1914.
1938. *Rivers W.H.R.* Kin, kinship // Encyclopaedia of Religion and Ethics. 1914. Vol. 7.
1939. *Rivers W.H.R.* Kinship and Social Organization. L., 1914.
1940. *Rivers W.H.R.* Social Organization. L., 1926.
1941. *Riviére P.G.* Age: A determinant of social classification // SWJA. 1966. Vol. 22, № 1.
1942. *Rogers A.R., Jorde L.B.* Genetic evidence on modern human origins // Human Biology. 1995. Vol. 67, № 1.
1943. *Rogers R.A. et al.* Ice-age geography and the distribution of native American languages // Journal of Biogeography. 1990. Vol. 17.
1944. *Rogers R.A. et al.* Native American biological diversity and the biogeographic influence of Ice Age refugia // Там же. 1991. Vol. 18.
1945. *Romanoff S.A.* Matses Adaptations in the Peruvian Amazon / PDD. Columbia University. N.Y, 1984.
1946. *Romney A.K.* Kalmuk Mongol and the classifications of lineal kinship terminoligies // AA. 1965. Vol. 67, № 5, pt. 2.
1947. *Romney A.K.* Internal reconstruction of Yuman kinship terminology // Studies in Southwestern Ethnolinguistics. The Hague – P., 1967.
1948. *Romney A.K.* Kinship and family // Handbook of Middle American Indians. Vol. 6. Austin, 1967.
1949. *Romney A.K., D'Andrade R.G.* Cognitive aspects of English kin terms // Transcultural Studies in Cognition. AA. 1964. Vol. 66, № 3, pt. 2.

1950. *Romney A.K., Epling E.J.* A simplified model of Kariera kinship // AA. 1958. Vol. 60, № 1.
1951. *Romney A.K., Magana J.R.* A Comparison of Mexican and U.S. Semantic Structures of Kinship Terms // University of California School of Social Sciences. Social Sciences Working Paper № 89. Irvine, 1976.
1952. *Rooth A.B.* The creation myths of the North American Indians // Anthropos. 1957. Vol. 52.
1953. *Rorty R.* Philosophy and the Mirror of Nature. Princeton, 1979.
1954. *Rosch E.H.* Natural categories // Cognitive Psychology. 1973. Vol. 4.
1955. *Rosch E.H.* Principles of categorization // Cognition and Categorization. Hillsdale, 1978.
1956. *Rosch E.H.* Prototype classification and logical classification: The two systems // New Trends in Cognitive Representation: Challenges to Piaget's Theory. Hillsdale, 1981.
1957. *Rosch E.H., Mervis C.B.* Family resemblances: Studies in the internal structure of categories // Cognitive Psychology. 1975. Vol. 7.
1958. *Roscoe J.* The Northern Bantu. An Account of Some Central African Tribes of the Uganda Protectorate. Cambridge, 1915.
1959. *Rose M.D., Romney K.A.* Cognitive pluralism or individual differences: A comparison of alternative models of American English kinship terms // AE. 1979. Vol. 6, № 4.
1960. *Rouche J.* La Religion et la Magie Songhay. Bruxelles, 1989.
1961. *Ruhlen M.* The Origin of Language. Tracing the Evolution of the Mother Tongue. N.Y., 1994.
1962. *Ruhlen M.* On the Origins of Languages. Studies in Linguistic Taxonomy. Stanford, 1994.
1963. *Ruhlen M.* The origin of the Na-Dene // PNAS. 1998. Vol. 95.
1964. *Rukeyser A.* A Typology of the Nominal Dual: Evidence from Indo-European, Finno-Ugric, Semitic and Australian Languages // Davis Working Papers in Linguistics. 1997. Vol. 6.
1965. *Rushforth S.* Bear Lake Athapaskan Kinship and Task Group Formation. Ottawa, 1984.
1966. *Rygaloff A.* Deux points de nomenclature dans le systèmes chinois de parenté // L'Homme. 1962. Vol. 2.
1967. *Sadock J.M.* Hypersentences // Papers in Linguistics. 1969. Vol. 1.
1968. *Sahlins M.* The segmentary lineage: An organization for predatory expansion // AA. 1961. Vol. 63, № 3.
1969. *Sahlins M.* Moala. Culture and Nature on a Fijian Island. Ann Arbor, 1962.
1970. *Salam A.* The role of chirality in the origin of life // JME. 1991. Vol. 33.
1971. *Salomon F.* How an Andean "writing without words" works // CA. 2001. Vol. 42, № 1.
1972. *Saltarelli M., Durbin M.* A semantic interpretation of kinship systems // Linguistics. 1967. Vol. 33.
1973. *Sanday P.R.* The "psychological reality" of American-English kinship terms: An information-processing approach // AA. 1968. Vol. 70, № 3.
1974. *Sanday P.R.* Analysis of the psychological reality of American-English kin terms in an urban poverty environment // AA. 1971. Vol. 73, № 3.
1975. *Santos F.R. et al.* The Central Siberian origin for Native American Y chromosomes // AJHG. 1999. Vol. 64.
1976. *Sapir E.* Terms of relationship and the levirate // AA. 1910. Vol. 17, № 3.
1977. *Sapir E.* A note on reciprocal terms of relationship // AA. 1913. Vol. 15.
1978. *Sapir E.* Kinship terms of the Kootenay Indians // AA. 1918. Vol. 20, № 4.
1979. *Sapir E.* Yana terms of relationship // UCPAAE. 1918. Vol. 13, № 4.
1980. *Sapir E.* Corrigenda and addenda to W.D.Wallis' «Indo-Germanic relationship terms as historical evidence» // AA. 1919. Vol. 21, № 2.
1981. *Save K.J.* The Warlis. Bombay, 1945.
1982. *Scheffler H.W.* On scaling kinship terminologies // SWJA. 1967. Vol. 23, № 2.
1983. *Scheffler H.W. The Elementary Structures of Kinship* by Claude Lévi-Strauss: A review article // AA. 1970. Vol. 72, № 2.
1984. *Scheffler H.W.* Baniata kinship terminology: The case for extensions // SWJA. 1972. Vol. 28, № 3.
1985. *Scheffler H.W.* On the "rule of uniform reciprocals" in systems of kin classification // AL. 1977. Vol. 19.

1986. *Scheffler H.W.* Australian Kin Classification. Cambridge, 1978.
1987. *Scheffler H.W., Lounsbury F.G.* A Study in Structural Semantics. The Siriono Kinship System. Englewood Cliffs, 1971.
1988. *Schiller K., Lübben A.* Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Bd. 3. Bremen, 1877.
1989. *Schmidt G.* Die iranischen Wörter für "Tochter" und "Vater" und die Reflexe des interconsonantischen *H* (*∂*) in den idg. Sprachen // ZVS. 1973. Bd. 87.
1990. *Schmidt M.* Hesychii Alexandrini Lexicon. Ienae, 1858-1860.
1991. *Schmidt P.R.* Historical Archaeology: A Structural Approach in an African Culture. Westport, 1978.
1992. *Schmitt-Brandt R.* Die Entwicklung des Indogermanischen Vokalsystems. Heidelberg, 1973.
1993. *Schmitz U.* Eloquent silence // http://www.linse.uni-essen.de/papers/silence/html
1994. *Schneider D.M.* The Kinship System and Village Organization of Yap, West Caroline Islands, Micronesia: A Structural and Functional Account / PDD. Harvard University. Cambridge, 1949.
1995. *Schneider D.M.* The nature of kinship // Man. 1964. Vol. 64, № 217.
1996. *Schneider D.M.* American kin terms and terms for kinsmen: A critique of Goodenogh's componental analysis of Yankee kinship terminology // AA. 1965. Vol. 67, № 5, pt. 2.
1997. *Schneider D.M.* Kinship and biology // Aspects of the Analysis of Family Structure. Princeton, 1965.
1998. *Schneider D.M.* American Kinship: A Cultural Account. Englewood Cliffs, 1968.
1999. *Schneider D.M., Homans G.C.* Kinship terminology and the American kinship system // AA. 1955. Vol. 57.
2000. Schneider – Lévi-Strauss Correspondence / Manuscript. Stanford University Department of Cultural and Social Anthropology Archives. 1972.
2001. *Schoof W.* Die deutschen Verwandtschaftsnamen // Zeitschrift für Hochdeutsche Mundarten. 1900. Bd. 1.
2002. *Schoolcraft H.R.* An Address, Delivered before the Was-Ah-Ho-De-No-Son-Ne, or New Confederacy of the Iroquois. Rochester, 1846.
2003. *Schrader O.* Reallexikon der Indogermanischen Altertumskunde. Strassburg, 1901.
2004. *Schrader O.* Über Beziechungen für die Heiratsverwandtschaft bei den Indogermanischen Völkern // Indogermanishe Forschungen. 1904. Bd. 17, H. 1-4.
2005. *Schuh R.G.* A note on inalienable possession in Hausa // The Journal of West African Languages. 1974. Vol. 9, № 3.
2006. *Schullerus A.* Siebenbürgisch-Sächsisches Wörterbuch. Bd. 1. Berlin – Leipzig, 1924.
2007. *Schuster-Šewc H.* Zur slawischen Bezeichnung der 'Grossmutter' // Zeitschrift für Slawistik. 1961. Bd. 6.
2008. *Scollon R.* Athapascan kinship: Still an open question // University of Hawaii Working Papers in Linguistics. 1975. Vol. 7, № 3.
2009. The Scottish National Dictionary. Edinburgh, 1965.
2010. *Sebestyén I.N.* Die possessiven Fügungen im Samojedischen und das Problem des Uralischen Genitivus // Acta Linguistica. T. 6, Fasc. 3-4. Budapest, 1958.
2011. *Seibicke W.* Historisches Deutsches Vornamenbuch. Berlin – N.Y., 1996.
2012. *Seiler H.* Two systems of Cahuilla kinship expressions: Labeling and descriptive // Arbeiten des Kölner Universalien-Projekts. 1977, № 27.
2013. *Seligman B.Z.* The relationship systems of the Nandi, Massai and Thonga // Man. 1917. Vol. 17.
2014. *Seligman C.G.* The Melanesians of British New Guinea. L., 1910.
2015. *Serres M.* Conversations on Science, Culture, and Time. Ann Arbor, 1995.
2016. *Service E.R.* Kinship terminology and evolution // AA. 1960. Vol. 62, № 5.
2017. *Service E.R.* Primitive Social Organization: An Evolutionary Perspective. N.Y., 1962.
2018. *Setälä E.N.* N.Smirnows Untersuchungen über die Ostfinnen // JSF. 1900. Vol. 17.
2019. *Setälä E.N.* Zur finnisch-ugrischen Lautlehre // Finnisch-Ugrische Forschungen. Vol. 11. Helsinki, 1902.

2020. *Seto K.* Distiguishing metonymy from synecdoche // Metonymy in Language and Thought. Amsterdam – Philadelphia, 1999.
2021. *Shafer R.* Some Uto-Aztecan Sino-Tibetan comparisons and their significance // Orbis. 1964. Vol. 13, № 1.
2022. *Shapiro J.R.* Marriage rules, marriage exchange, and the definition of marriage in Lowland South America // MPL.
2023. *Shapiro J.R.* Kinship // HNAI. 1986. Vol. 11. Great Basin.
2024. *Shapiro W.* On the classification of bifurcate merging systems // BTLV. 1966. D. 8.
2025. *Sharp L.* The social organization of the Yir-Yoront tribe, Cape York Peninsula // Oceania. 1934. Vol. 4, № 4.
2026. *Shepardson M., Hammond B.* The Navajo Mountain Community. Berkeley, 1970.
2027. *Shevoroshkin V.* The Mother Tongue: How linguists have reconstructed the ancestor of all living languages // The Sciences. 1990. May/June.
2028. *Shimkin D.B.* The Uto-Aztecan system of kinship terminology // AA. 1941. Vol. 43, № 2.
2029. *Shimkin D.B.* Childhood and development among the Wind River Shoshone // UCAR. 1947. Vol. 5, № 5.
2030. Siblingship in Oceania: Studies in the Meaning of Kin Relations. Ann Arbor, 1981.
2031. *Sugiura K., Befu H.* Kinship organization of the Saru Ainu // ET. 1962. Vol. 1, № 3.
2032. *Silverblatt I.* Moon, Sun and Witches: Gender Ideologies and Class in Inca and Colonial Peru. Princeton, 1986.
2033. *Silverstein M.* Hierarchy of features and ergativity // Grammatical Categories in Australian Languages. New Jersey, 1976.
2034. *Silverstein M.* Shifters, linguistic categories, and cultural description // Meaning in Anthropology. Albuquerque, 1976.
2035. *Silverstein M.* Language structure and linguistic ideology // The Elements. Chicago, 1979.
2036. *Silverstein M.* Metapragmatic function and metapragmatic discourse // Reflexive Language: Reported Speech and Metapragmatics. Cambridge, 1993.
2037. *Silverstein M.* Tra(ns)ducing the (co(n))text(ure) of culture: Naming and the necessarily transformative nature of "translation" // http://www.uni-leipzig.de/~ethno/paper-silver.html
2038. *Simmel G.* The Philosophy of Money. L., 1978.
2039. *Simons G.* Semantic reconstruction and change in the kinship systems of the Southeast Solomons / Paper presented at the 15th Pacific Science Congress. Dunedin (New Zeland), 1983.
2040. *Siskind J.* To Hunt in the Morning. N.Y., 1973.
2041. *Slobodin R.* Kutchin concepts of reincarnation // ARR.
2042. *Slobodin S.* Northeast Asia in the Late Pleistocene and Early Holocene // World Archaeology. 1999. Vol. 30, № 3.
2043. *Smith D.G. et al.* Distribution of mtDNA haplogroup X among Native North Americans // AJPA. 1999. Vol. 110.
2044. Sociocybernetics: Complexity, Autopoiesis, and Observation of Social Systems. Westport, 2000.
2045. *Solien N.L.* Changes in Black Carib kinship terminology // AA. 1951. Vol. 53, № 2.
2046. South American Kinship: Eight Kinship Systems from Brazil and Colombia. Dallas, 1985.
2047. *Spears R.* The form of Mandingo kinship terms // AL. 1972. Vol. 14, № 3.
2048. *Speck F.G.* Ethnology of the Yuchi Indians // Anthropological Publications of the Museum of the University of Pennsylvania. 1909. Vol. 1, № 1.
2049. *Spencer W.B, Gillen F.J.* The Native Tribes of Central Australia. L., 1899.
2050. *Spicer E.H.* Linguistic aspects of Yaqui acculturation // AA. 1943. Vol. 45, № 3, pt. 1.
2051. *Spier L.* Wichita and Caddo relationship terms // AA. 1924. Vol. 26, № 2.
2052. *Spier L.* The distribution of kinship systems in North America // UWPA. 1925. Vol. 1, № 2.
2053. *Spier L.* Klamath ethnography // UCPAAE. 1930. Vol. 30.
2054. *Spier L., Sapir E.* Wishram ethnography // UWPA. 1930. Vol. 3.

2055. *Spiro M.* Kinship and Marriage: A Cultural and Psychodynamic Analysis. Berkeley, 1977.
2056. *Spoehr A.* Changing kinship systems. A study in the acculturation of the Creeks, Cherokee and Choctaw // Anthropological Series of the Field Museum of Natural History. 1947. Vol. 33, № 4.
2057. *Spooner B.* Kinship and marriage in Eastern Persia // Sociologus. 1965. J. 15, H. 1.
2058. *Stanford D.* Alternative views on the peopling of the Americas / Paper presented at the conference "Clovis and Beyond". Santa Fe, 1999.
2059. *Stanhope J.M.* Clan and totem in Rao society // Oceania. 1970. Vol. 41, № 2.
2060. *Stankiewicz E.* Slavic kinship terms and the perils of the soul // JAFL. 1958. Vol. 71, № 280.
2061. *Stanner W.E.H.* Aboriginal modes of adress and reference in the North-West of the Northern Territory // Oceania. 1936. Vol. 7, № 3.
2062. *Stanner W.E.H.* Murinbata kinship and totemism // Oceania. 1936. Vol. 7, № 2.
2063. *Starcke C.N.* The Primitive Family. L., 1889.
2064. *Steinen K. von den.* Unter den Naturvölkern Zentral-Brasiliens. Reisesschilderung und Ergebnisse der Zweiten Schingú-Expedition 1887-1888. Berlin, 1894.
2065. *Steinitz W.* Das System der finnisch-ugrischen Verwandtschaftstermini // Ostyakologische Arbeiten. Bd. 1. The Hague – P. – N.Y., 1980.
2066. *Sternberg L.J.* Bemerkungen über Beziechungen zwischen der Morphologie der giljakischen und amerikanischen Sprachen // 14te Internationales Amerikanistes Kongress. Stuttgart, 1906.
2067. *Stevens A.* Archetype: A Natural History of the Self. L., 1982.
2068. *Steward J.H.* Ethnography of the Owens Valley Paiute // UCPAAE. 1933. Vol. 33, № 3.
2069. *Steward J.H.* Linguistic distributions and political groups of the Great Basin Shoshoneans // AA. 1937. Vol. 39, № 5.
2070. *Steward J.H.* Basin-Plateau Aboriginal Sociopolitical Groups // BBAE-20. 1938.
2071. *Steward J.H.* Theory of Culture Change: The Methodology of Multiliner Evolution. Urbana, 1972.
2072. *Steward J.H., Faron L.C.* Native Peoples of South America. N.Y. etc, 1959.
2073. *Stolcke V.* New reproductive technologies – same old fatherhood // Critique of Anthropology. 1986, № 6.
2074. *Stone A.C., Stoneking M.* mtDNA analysis of a prehistoric Oneota population: Implications for the peopling of the New World // AJHG. 1998. Vol. 62, № 5.
2075. *Straight S.H.* The transformational-generative grammar of American English kinship terminology: A revision of Bock's 1968 analysis // AL. 1976. Vol. 18, № 4.
2076. *Strathern M.* Reproducing the Future. Essays on Anthropology, Kinship and the New Reproductive Technologies. Manchester, 1992.
2077. *Strauss H.* Die *Mi*-Kultur der Hagenberg-Stämme im Östlichen Zentral-Neuguinea. Hamburg, 1962.
2078. *Stringer M., Hotz J.* The occurrence and coocurrence of Waffa noun suffixes // The Languages of the Eastern Family of the East New Guinean Highlands Stock. Seattle, 1973.
2079. *Sturtevant W.C.* Studies in ethnoscience // Theory in Anthropology. L., 1968.
2080. *Suarez J.A.* A case of absolute synonyms // IJAL. 1971. Vol. 37, № 7.
2081. *Sutton P.* Personal power, kin classification and speech etiquette in aboriginal Australia // LKAA.
2082. *Swanson G.E.* The Birth of the Gods. The Origin of Primitive Beliefs. Ann Arbor, 1960.
2083. *Swanton J.R.* Social organization of the Haida // Proceedings of the 13th International Congress of Americanists. Easton, 1905.
2084. *Swanton J.R.* Terms of relationship in Timucua // HAV.
2085. *Szemerényi O.* Studies in the Kinship Terminology of the Indo-European Languages. Leiden, 1977.
2086. *Szíj E.* A permi rokonságnevek rendszeréről [О терминах родства и свойства в пермских языках] // Nyelvtudonanyi Kozlemenyek. 1979. Bd. 81.
2087. *Szíj E.* A permi rokonságnevek rendszeréről II. // Там же. 1980. Bd. 82, № 1-2.
2088. *Szíj E.* Some problems of the kinship terminology in Permian // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pt. 2. Turku, 1980.
2089. *Szynkiewicz S.* What is wrong with some restrictive interpretations of the Crow-

Omaha terminology // Ethnologia Polona. 1979. Vol. 5.
2090. *Tambiah S.* Kinship fact and fiction in the relation to the Kandyan Sinhalese // JRAI. 1965. Vol. 95.
2091. *Tappolet E.* Die Romanischen Verwandtschaftsnamen. Strassburg, 1895.
2092. *Tatje T., Hsu F.L.K.* Variations in ancestor worship beliefs and their relation to kinship // SWJA. 1969. Vol. 25, № 2.
2093. *Taussig M.* The nervous system: Homesickness and Dada // Stanford Humanities Review. 1989, № 1.
2094. *Taussig M.* The Nervous System. L., 1992.
2095. *Taussig M.* Mimesis and Alterity: A Particular History of the Senses. L., 1993.
2096. *Tax S.* The social organization of the Fox Indians // SANAT.
2097. *Tax S.* Some problems of social organization // SANAT.
2098. *Taylor A.-C.* Jivaro kinship: "Simple" and "complex" formulas: A Dravidian transformation group // Transformations of Kinship. Washington – L., 1998.
2099. *Taylor D.* Kinship and social structure of the Island Carib // SWJA. 1946. Vol. 2, № 2.
2100. *Taylor D.* Some remarks on teknonymy in Arawakan // IJAL. 1961. Vol. 27, № 1.
2101. *Templeton A.R.* Human races: A genetic and evolutionary perspective // AA. 1999. Vol. 100, № 3.
2102. *Thomas D.J.* Order Without Government. The Society of the Pemon Indians of Venezuela. Urbana, 1982.
2103. *Thomas L.L.* Crow-type skewing in Akan kinship vocabulary and its absence in Minangkabau // AE. 1980. Vol. 7, № 3.
2104. *Thomas W.* Tocharisch B *orotse-pacere* «Grosseltern»? // Historische Sprachforschung. 1988. Bd. 101, H. 1.
2105. *Thomson B.H.* Concubitancy in the classificatory system of relationship // JRAI. 1895. Vol. 24.
2106. *Thomson D.F.* The joking relationship and organised obscenity in North Queensland // AA. 1935. Vol. 37, № 3, pt. 1.
2107. *Thomson D.F.* Fatherhood in the WikMonkan tribe // AA. 1936. Vol. 38, № 3, pt. 1.
2108. *Thomson D.F.* Manes and naming in the Wik Munkan tribes // JRAI. 1946. Vol. 76, pt. 2.
2109. *Thomson D.F.* Kinship and Behaviour in North Queensland. Canberra, 1972.
2110. *Thurnwald R.* Banaro society. Social organization and kinship system of a tribe in the Interior of New Guinea // MAAA. 1916. Vol. 3, № 3.
2111. *Tidzump M.* Shoshone Thesaurus. Grand Forks, 1970.
2112. *Titiev M.* Unilocal residence // AA. 1943. Vol. 45, № 4.
2113. *Titiev M.* Old Oraibi // PPMAAE. 1944. Vol. 22, № 1.
2114. *Titiev M.* The importance of space in primitive kinship // AA. 1956. Vol. 58.
2115. *Tjon Sie Fat F.E.* On the formal analysis of "Dravidian", "Iroquois", and "Generational" varieties as nearly associative combinations // TK.
2116. *Tonkinson R.* The Mardujara Aborigines. N.Y., 1978.
2117. *Torroni M. et al.* Asian affinities and continental rariation of the four founding Native American mtDNAs // AJHG. 1993. Vol. 53.
2118. *Torroni M. et al.* mtDNA variation of aboriginal Siberians reveals distinct genetic affinities with Native Americans // AJHG. 1993. Vol. 54.
2119. *Trager G.L.* The kinship and status terms of the Tiwa languages // AA. 1943. Vol. 45, № 4, pt. 1.
2120. *Trautmann T.R.* Cross-cousin marriage in ancient North India // KHSA.
2121. *Trautmann T.R.* Dravidian Kinship. Cambridge, 1981.
2122. *Trautmann T.R.* Lewis Henry Morgan and the Invention of Kinship. Berkeley, 1987.
2123. *Trautmann T.R.* India and the study of kinship terminologies // L'Homme. 2000. Vol. 154.
2124. *Trautmann T.R.* The whole history of kinship in three chapters: Before Morgan, Morgan and After Morgan // Anthropological Theory. 2001 (в печати).
2125. *Trawick M.* Notes on Love in a Tamil Family. Berkeley, 1990.
2126. *Trevitt J.W.* Notes on the social organization of North-East Gazelle Peninsula, New

Britain // Oceania. 1940. Vol. 10, № 3.
2127. *Trier J.* Das sprachliche Feld. Eine Auseinandersetzung // Neue Jahrbücher für Wissenschaft und Jugendbildung. 1934. Bd. 10.
2128. *Troike R.C.* Evidence for change in the Tonkawa kinship system // Verhandlungen des XXXVIII. Internationalen Amerikanistenkongresses. Bd. 2. München, 1970.
2129. *Turnbull C.M.* Wayward Servants: The Two Worlds of the African Pygmies. Garden City, 1965.
2130. *Turner E.* Behind Inupiaq reincarnation: Cosmological cycling // ARR.
2131. *Turner T.S.* Social Structure and Political Organization among the Northern Cayapo / PDD. Harvard University. Cambridge, 1965.
2132. *Turner T.S.* Oedipus: Time and structure in narrative form // Forms of Symbolic Action. Seattle, 1969.
2133. *Turner T.S.* Kinship, household and community structure among the Kayapó // DS.
2134. *Turner T.S.* Animal symbolism, totemism, and the structure of myth // Animal Myths and Metaphors of South America. Salt Lake City, 1985.
2135. *Turner T.S.* "We are Parrots", "Twins are Birds": Play of tropes as operational structure // Beyond Metaphor: The Theory of Tropes in Anthropology. Stanford, 1991.
2136. *Turner T.S.* Intensive Study of a Culture: Cayapo / Lecture Course. The University of Chicago Anthropology Department, Winter 1998-1999.
2137. *Turney-High H.H.* The Flathead Indians of Montana // MAAA. 1937. Vol. 48.
2138. *Tyler S.A.* Koya Kinship: The Relation between Roles and Behavior / PDD. Stanford University. Stanford, 1964.
2139. *Tyler S.A.* Context and variation in Koya kinship terminology // AA. 1966. Vol. 68.
2140. *Tyler S.A.* Formal analysis of Koya kinship terminology // Emeneau Felicitation Volume. Poona, 1967.
2141. *Tyler S.A.* Context and variation in Koya kinship terminology // DSL.
2142. *Tyler S.A.* Review: *Dravidian Kinship* by Thomas R. Trautmann // AE. 1983. Vol. 10, № 3.
2143. *Tyler S.A.* Alternating generation kinship terminology in proto-Dravidian // Die Vielfalt der Kultur. Ethnologische Aspekte von Verwadtschaft, Kunst und Weltauffassung. Berlin, 1990.
2144. *Vaida E.* Yeniseian and Athabaskan-Eyak-Tlingit: Some grammatical evidence of a genetic relationship // СИТИ.
2145. *Vansina J.* The Tio Kingdom of the Middle Congo. 1880–1892. N.Y., 1973.
2146. *Vansina J.* Oral Tradition as History. L., 1985.
2147. *Vasmer M.* Russisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1953.
2148. *Vellanickal M.* The Divine Sonship of Christians in the Johannine Writings. Rome, 1977.
2149. *Vey M.* Slave *st-* provenant de i.-e. **pt-* // Bullétin de la Sociéte Linguistique de Paris. 1931. T. 32.
2150. *Viitso T.-R.* Preliminary data on the relation of Californian Penutian to Uralic and other Nostratic languages // Советское финно-угроведение. 1971. Т. 7, № 2.
2151. *Villa Rojas A.* Kinship and nagualism in a Tzeltal community, Southeastern Mexico // AA. 1947. Vol. 49, № 4, pt. 1.
2152. *Vinogradoff P.* Geschlecht und Verwandtschaft in altnorwegischen Rechte // Zeitschrift für Sozial- und Wirtschaftgeschichte. 1900. Bd. 7.
2153. *Viveiros de Castro E.* Dravidian and related kinship systems // TK.
2154. *Viveiros de Castro E., Fausto C.* La puissance et l'acte. La parenté dans les basses terres d'Amérique du Sud // L'Homme. 1993. Vol. 23, № 2-4.
2155. *Voegelin C.F., Voegelin F.M.* Southwestern and Great Basin languages // Current Trends in Linguistics. Vol. 10, pt. 2. 1973.
2156. *Voget F.W.* Kinship changes at Caughnawaga // AA. 1953. Vol. 55, № 3.
2157. *Voland E., Voland R.* Parent-offspring conflict, the extended phenotype, and the evolution of conscience // JSES. 1995. Vol. 18, № 4.
2158. *Voßhagen C.* Opposition as a metonymic principle // Metonymy in Language and Thought. Amsterdam – Philadelphia, 1999.
2159. *Vries L. de.* Kombai kinship terminology // Irian, Bulletin of Irian Jaya. 1987. Vol. 15.

2160. *Vydrine V.F.* La terminologie de la parenté en Bamana: Structure d'un groupe lexical // Mandenkan. Bullelin Semestriel D'Études Linguistiques Mande. 1991, № 22.
2161. *Wafer J.* A Simple Introduction to Central Australian Kinship Systems. Alice Springs, 1982.
2162. *Wagley C.* The Social and Religious Life of a Guatemalan Village // AA. 1949. Vol. 51, № 4, pt. 2.
2163. *Wagner R.* Analogic kinship: A Daribi example // AE. 1977. Vol. 4, № 4.
2164. *Walker J.R.* The Sun Dance and other the Oglala division of the Teton Dakota // APAMNH. 1917. Vol. 16, pt. 2.
2165. *Wallace A.F.C.* On being just complicated enough // PNAS. 1961. Vol. 47.
2166. *Wallace A.F.C.* The problem of the psychological validity of componental analyses // AA. 1965. Vol. 67, № 5, pt. 2.
2167. *Wallace A.F.C.* A relational analysis of American kinship terminology // AA. 1970. Vol. 72, № 4.
2168. *Wallace A.F.C, Atkins J.* The meaning of kinship terms // AA. 1960. Vol. 62, № 1.
2169. *Wallis W.D.* Indo-Germanic relationship terms as historical evidence // AA. 1918. Vol. 20, № 4.
2170. *Walters S.* Algorythms and architypes: Evolutionary psychology and Carl Jung's theory of the collective unconscious // JSES. 1994. Vol. 17, № 3.
2171. *Ward R.H.* Phylogeography of human mtDNA: An Amerindian perspective // Progress in Population Genetics and Human Evolution. N.Y., 1997.
2172. *Ward R.H. et al.* Extensive mitochondrial diversity within a single Amerindian tribe // PNAS. 1991. Vol. 88.
2173. *Ward R.H. et al.* Genetic and linguistic differentiation in the Americas // PNAS. 1993. Vol. 90.
2174. *Wartburg W. von*. Französisches Etymologisches Wörterbuch. Bonn, 1928.
2175. *Waterhouse V., Merrifield W.R.* Coastal Chontal of Oaxaca kinship // ET. 1968. Vol. 7, № 2.
2176. *Watson E. et al.* Mitochondrial footprints of human expansion in Africa // AJHG. 1997. Vol. 61, № 3.
2177. *Webster G.W.* Customs and beliefs of the Fulani: Notes collected during 24 Years' residence in Northern Nigeria // Man. 1931. Vol. 31, № 242.
2178. *Webster S.S.* Kinship and affinity in a native Quechua community // AKM.
2179. *Wedgewood C.H.* Report onresearch work in Nauru // Oceania. 1936. Vol. 6, № 4; 1936. Vol. 7, № 1.
2180. *Wells P.A.* Kin recognition in humans // Kin Recognition in Animals. Cambridge, 1987.
2181. *Welter V.* Verwandtschaftsterminologie und Sozialorganisation: Einige Ethnosoziologische Interpretationen der Crow-Omaha-Systeme. Emsdetten, 1988.
2182. *Werner O.* Pragmatics and ethnoscience // AL. 1966. Vol. 8, № 8.
2183. *Westermarck E.* The History of Human Marriage. L. – N.Y., 1894.
2184. *Weston K.* Families We Choose: Lesbians, Gays, Kinship. N.Y., 1992.
2185. *Wexler K.N., Romney A.K.* Individual variations in cognitive structures // Multidimensional Scaling. N.Y., 1974. Vol. 2.
2186. *Wheeler C.J.* An inquiry into the Proto-Algonquian system of social classification and marriage: A possible system of symmetric prescriptive alliance in a Lake Forest Archaic culture during the Third millenium B.C. // JASO. 1982. Vol. 13.
2187. *Whitaker J.* The kinship and affinal terminology of the Karesuando Lapps (Sami) // Finnisch-Ugrische Forschungen. Bd. 43, № 1-3. Helsinki, 1979.
2188. *White H.C.* An Anatomy of Kinship. Mathematical Models for Structures of Cumulated Roles. Englewood Cliffs, 1963.
2189. *White L.A.* A problem in kinship terminology // AA. 1939. Vol. 41, № 4.
2190. *White L.A.* What is a classificatory kinship term // SWJA. 1958. Vol. 14.
2191. *White R.G.* Comments on *Heinrich A., Anderson R.L. Some formal aspects of a kinship system* // CA. 1971. Vol. 12, № 4-5.
2192. *Wicke C.R., Chase-Sardi M.* Componential analysis of Chulupi (Ashlusay) kinship termi-

nology // ET. 1969. Vol. 8, № 4.
2193. *Wierzbicka A.* Semantic Primitives. Frankfurt, 1972.
2194. *Wierzbicka A.* Semantis and the interpretation of cultures: The meaning of 'alternate generations' devices in Australian languages // Man. 1986. Vol. 21.
2195. *Wierzbicka A.* Kinship semantics as a key to psychological reality // AL. 1987. Vol. 29, № 2.
2196. *Wierzbicka A.* Semantics. Primes and Universals. Oxford – N.Y., 1996.
2197. *Wierzbicka A.* Russian emotional expressions // Ethos. 1998. Vol. 26, № 4.
2198. *Wike J.* The role of the dead in Northwest Coast culture // ITAA.
2199. *Wilbert J.* Kinship and social organization of the Yekuána and Goajiro // SWJA. 1958. Vol. 14.
2200. *Wilkins D.P.* Switch-reference in Mparntwe Arrernte (Aranda): Form, function, and problems of identity // Complex Sentence Constructions in Australian Languages. Amsterdam, 1988.
2201. *Williams F.E.* Orokaiva Society. London, 1930.
2202. *Williams F.E.* Sex affiliation and its implications // JRAI. 1932. Vol. 61.
2203. *Williams F.E.* Papuans of the Trans-Fly. Oxford, 1969.
2204. *Williamson M.H.* Omaha terminology and the unilateral marriage on the Sepik // AE. 1980. Vol. 7, № 3.
2205. *Wilson M.* Nyakyusa kinship // ASKM.
2206. *Wissler C.* The Social Life of the Blackfoot Indians // APAMNH. 1911. Vol. 7, pt. 1.
2207. *Witherspoon G.* Navajo Kinship and Marriage. Chicago, 1975.
2208. *Wittgenstein L.* Philosophical Investigations. Oxford, 1953.
2209. *Wolstencroft R.D.* Astronomical sources of circularly polarized light and their role in determining molecular chirality on earth // The Search for Extraterrestrial Life: Recent Developments. Boston, 1984.
2210. *Woolford E.* Universals and rule options in kinship terminology: A synthesis of three formal approaches // AE. 1984. Vol. 11, № 4.
2211. *Wright K.* First Americans // Discover. 1999. Vol. 20, № 2.
2212. *Yalman N.* Under the Bo Tree. Studies in Caste, Kinship, and Marriage in the Interior of Ceylon. Berkeley – Los Angeles, 1967.
2213. *Yalman N.* The semantics of kinship in South India and Ceylon // CTL. 1969. Vol. 5.
2214. *Yassin M.A.F.* Kinship terms in Kuwaiti Arabic // AL. 1977. Vol. 19, № 3.
2215. *Yi S., Clark G.* The "Dyuktai culture" and New World origins // CA. 1985. Vol. 26, № 1.
2216. *Yokoyama O.T.* Shifters and non-verbal categories of Russian // New Vistas in Grammar: Invariances and Variation. Amsterdam – Philadelphia, 1991.
2217. *Young P.A.* A structural model of Ngawbe marriage // ET. 1970. Vol. 9, № 1.
2218. *Zeleny M., Hufford K.D.* All autopoietic systems must be social systems (Living implies autopoietic. But autopoietic does not imply living): An application of autopoietic criteria in systems analysis // Journal of Social and Biological Structures. 1991. Vol. 14, № 3.
2219. *Zigmond M.L. et al.* Kawaiisu: A grammar and dictionary with texts // University of California Publications in Linguistics. 1990, № 119.
2220. *Zimmermann A.* Lateinische Kinderworte als Verwandtschaftsbezeichnungen // Zeitschrift für Vergleichende Sprachvorschung. 1922. Bd. 50.
2221. *Zuidema R.T.* Kinship and ancestor cult in three Peruvian communities: Hernández Príncipe's account of 1622 // Bulletin de L'Institut Française d'Etudes Andines. 1973. Vol. 2, № 1.
2222. *Zuidema R.T.* The Inca kinship system: A new theoretical view // AKM.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВТР – взаимная терминология родства, взаимный термин родства
ИЕ – индоевропейский
КР – космос родства
КРОРТ – кроссреципрокно-орторелляционный тип
КТР – кумулятивная терминология родства
МК – модель кроу
МКО – модели кроу и омаха
МО – модель омаха
МП – модель помо
МСП – модель с сочлененными поколениями
ПА – протоавстронезийский
ПИЕ – праиндоевропейский
ПС – праславянский
ПСТР – протосистема(ы) терминов родства
ПЮА – праюто-ацтекский
ПСК – прасеверокавказский
РКТР – рекомбинативная терминология родства
РОРТ – редупликативно-орторецирокный тип
РТР – редупликативная терминология родства
СИБ-4, СИБ-5, СИБ-6, СИБ-7, СИБ-8 – сиблинговая номенклатура, состоящая из 4, 5, 6, 7 или 8 терминов (классов)
ССП – скользящий счет поколений
СР – система(ы) родства
СРВМ – суперреципрокно-возрастная модель
СТР – система(ы) терминов родства
ТР – терминология родства, термин родства
КА – компонентный анализ
ГА – генеративный анализ
ТА – трансформационный анализ
ЭВТ – эллиптико-взаимная терминология
ЮА – юто-ацтекский

АДД – Автореферат докторской диссертации.
АКД – Автореферат кандидатской диссертации.
АР-1 – Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. Вып. 1. СПб., 1995.
АР-2 – Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. Вып. 2. СПб., 1998.
АР-3 – Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. Вып. 3. СПб., 1999.
АР-4 – Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. Вып. 4. СПб., 1999.
АР-5 – Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. Вып. 5. СПб., 2000.
АР-7 – Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. Вып. 7. СПб., 2001.
АЭС – Африканский этнографический сборник.
ВФ – Вопросы философии.
ВЯ – Вопросы языкознания.
ДСП – Древние системы письма. Этническая семиотика. М., 1986.
ДТП – Диалекты и топонимия Поволжья.

ЗИЯ – *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1965.
КСД – Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ин-та этнографии.
КЭС – Кавказский этнографический сборник. Тбилиси.
КЭТ – Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб.

ЛИП – Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. Проблемы антропонимики. М., 1970.
ЛРДИВ – Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М., 1989.
МНМ – Мифы народов мира. Т. 1-2. М., 1991.
МППЛ – Машинный перевод и прикладная лингвистика. М.
НЗЛ – Новое в зарубежной лингвистике.
НЛ – Новое в лингвистике.
ОСЛ – Очерки по сравнительной лексикологии армянского языка. Ереван, 1983.
ОСР – Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.
ОЭ – *Ольдерогге Д.А.* Эпигамия. Избранные статьи. М., 1983.
ПОЛДЯ – Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков. Махачкала, 1985.
ПТАЯРС – Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
ПЧРП – Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири.
ПЭИ – Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск, 1987.
РН – Расы и народы. Ежегодник.
РЭМ – Российский этнографический музей.
Сб. МАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии.
СИТ – *Сэпир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
СИТИ – Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. XXII Дульзоновские чтения. Ч. 2. Томск, 2000.
СЛИНМ – Системы личных имен у народов мира. М., 1989.
СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.
ССАЯРС – Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. М., 1971.
СЭ – Советская этнография.
СЭМ – Сборник этнографических материалов.
СЭС – Сибирский этнографический сборник.
СЭСС – Советская этнография. Сборник статей. Вып. 1. М.-Л., 1938.
ТЗС – Труды по знаковым системам. Тарту.
ТИЭ – Труды Института этнографии.
ФДВ – Филология народов Дальнего Востока. Ономастика. Владивосток, 1977.
ФЭД – Фольклор и этнографическая действительность. СПб., 1992.

ЭДА – Этнография детства: Традиционные методы воспитания детей у народов Австралии, Океании и Индонезии. М., 1992.
ЭДВ – Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1983.
ЭДП – Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии. М., 1983.
ЭДЮ – Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1988.
ЭИ – Этнография имен. М., 1971.
ЭО – Этнографическое обозрение.
ЭОН – Этническая ономастика. М., 1984.
ЭСМЖП – Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991.
ЯИР – *Якобсон Р.* Избранные работы. М., 1985.

AA – American Anthropologist.
AE – American Ethnologist.
AJHG – American Journal of Human Genetics.
AJPA – American Journal of Physical Anthropology.
AKM – Andean Kinship and Marriage. Washington, 1977.
AL – Anthropological Linguistics.
APAMNH – Anthropological Papers of the American Museum of Natural History.
ARBAE – Anthropological Records of the Bureau of American Ethnology.
ARR – Amerindian Rebirth: Reincarnation Belief among North American Indians and Inuit. Toronto, 1994.
AS – L'Année Sociologique.
ASKM – African Systems of Kinship and Marriage. L. – N.Y., 1987 (1950).
BBAE – Bulletin of the Bureau of American Ethnology.
BTLV – Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde.
CA – Current Anthropology.
CK – The Character of Kinship. Cambridge, 1975.
DS – Dialectical Societies: The Gê and Bororo of Central Brazil. Cambridge – L., 1979.
DSL – Directions in Sociolinguistics. The Ethnography of Communication. Oxford – N.Y., 1989.
ECA – Explorations in Cultural Anthropology. N.Y., 1964.
ET – Ethnology.
HAV – Holmes Anniversary Volume. Washington, 1916.
HNAI – Handbook of North American Indians. Washington.
ICA-42 – Actes du XLIIe Congrès International des Américanistes. Vol. 2. Social Time and Social Space in Lowland South American Societies. P., 1977.
IJAL – International Journal of American Linguistics.
ITAA – Indian Tribes of Aboriginal America. Chicago, 1952.
JAFL – Journal of American Folklore.
JASO – Journal of the Anthropological Society of Oxford.
JME – Journal of Molecular Evolution.
JPS – Journal of Polynesian Society.
JRAI – Journal of the Royal Anthropological Institute.
JSES – Journal of Social and Evolutionary Systems.
JSF – Journal de la Sociéte Finno-Ougrienne. Helsinki.
KHSA – Kinship and History in South Asia. Ann Arbor, 1974.
LKAA – Languages of Kinship in Aboriginal Australia. Sydney, 1982.
MAAA – Memoirs of the American Anthropological Association.
MPL – Marriage Practices in Lowland South America. Urbana – Chicago, 1984.
PDD – Ph.D. dissertation.
PNAS – Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA.
PPMAAE – Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology.
RKM – Rethinking Kinship and Marriage. L., 1971.
RKSS – Readings in Kinship and Social Structure. N.Y., 1971.
SA – Symbolic Anthropology. A Reader in the Study of Symbols and Meanings. N.Y., 1977.
SANAT – Social Anthropology of North American Tribes. Chicago, 1955 (1937).
SSSA – Social Structure in Southeast Asia. Chicago, 1960.
SWJ – Selected Writings of R.Jakobson. The Hague.
SWJA – Southwestern Journal of Anthropology.
UCPAAE – University of California Publications in American Archaeology and Ethnology.
UCAR – University of California Anthropological Records.
UWPA – University of Washington Publications in Anthropology.

YUPA – Yale University Publications in Anthropology.
ZfE – Zeitschrift für Ethnographie.
ZVS – Zeitschrift für Vergleichende Sprachvorschung.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие эго 5
Введение: Феномен родства как объект научного познания 11
1.1. Генос и гнозис: от христианства к наукам о человеке..... 11
1.2. «Системы родства и свойства человеческой семьи» 13
1.3. Психоанализ и марксизм в «эдиповом» клубке..... 16
История изучения феномена родства в антропологии и лингвистике: Проблемы, методы, критика..... 20
2. Феномен родства как этносоциологическая проблема 20
3. Феномен родства как этнолингвистическая проблема..... 25
4. Феномен родства как историко-типологическая проблема..... 32
5. Историография исследований категорий поколения, пола и возраста в терминологиях родства..... 43
5.1. Иденологическая парадигма (взаимная терминология родства, модели кроу и омаха, скользящий счет поколений, кумулятивная терминология родства, редупликативная терминология родства).. 43
5.2. Парадигма возраста и пола..... 63
5.3. Итоги этносоциологического и этнолингвистического изучения феномена родства 66
Феномен и сущность родства: Онтология предмета антропологии и лингвистики..... 68
6. Родство как категория фундаментальной онтологии 68
6.1. Л.Г.Морган и исторические истоки «изобретения родства» 68
6.2. Морфология сознания, феноменология опыта, генеалогия материи. Родство как фенотипический синтез. Структуры эпистенции 74
6.3. Биологическое и социальное в феномене родства. Родство как система и текст..... 90
6.4. Классификационное, описательное, ойкуменическое родство 102
7. Космос родства как праестественный язык 109
7.1. Праречевой акт. Эго, альтер, автор как триада праграмматических лиц..... 109
7.2. Онтологические регистры праречевого акта. 123
7.3. Иденонимы в системе языка и язык в космосе родства. Семиогенетическая инверсия. Рождение и смерть значения 140
Типологические аспекты систем терминов родства 153
8. Праграмматическая типология систем терминов родства..... 153
9. Праморфологическая типология иденонимов..... 160
10. Прасемантическая типология систем терминов родства: Историко-типологический анализ категорий поколения, возраста и пола..... 166
10.1. Принципы реконструкции протосистем терминов родства..... 166
10.2. Взаимная терминология родства: общая характеристика, типология..... 173
10.3. Взаимная терминология родства и филиация общества 183

10.4. Историческая первичность кроссреципрокности. Семантическое разложение и трансформация взаимной терминологии родства 184
10.5. Типология генерационно-скошенных моделей. Модель помо. Модель с сочлененным поколением 194
10.6. Типология генерационно-скользящих номенклатур..... 205
10.7. Кумулятивная терминология родства: типология и дистрибуция ... 213
10.8. Редупликативная и рекомбинативная терминологии родства..... 219
10.9. Типология реляционной парадигмы. Соотношение сильнодиффе-ренцированной модели с суперреципрокностью 222
10.10. Согласование иденологической и генеалогической типологий систем терминов родства (бифуркативно-линейный тип → бифуркативный тип /+1 поколение/, инкорпорирующий тип → бифуркативный тип /0 поколение/, бифуркативно-линейный тип → линейно-гендерный тип /+1 поколение/, бифуркативно-линейный тип → линейно-степенной тип /+1 поколение, инкорпорирующий тип → линейно-степенной тип /0 поколение/).. 230
10.11. Оценка адекватности господствуюшей генеалогической типологии терминологий родства эмпирическим фактам……..249
10.12. Протосистема терминов родства *Homo sapiens*..... 261
Этнокультурный контекст прасемантической типологии систем терминов родства 276
11. Этногенетический субстрат прасемантической типологии..... 276
11.1. Современное состояние этногенетических реконструкций..... 276
11.2. Неоднородность генетического аспекта языковой системы. Субстратно-генетическое, адстратно-генетическое и суперстратно-генетическое родство языковых форм..... 281
11.3. К вопросу об определении феномена этноса 291
11.4. Системы терминов родства как этногенетический источник 298
12. Общие параллели между прасемантической типологией и другими знаковыми структурами. Этнокультурное значение принципа киральности. Сюжетность космоса родства..... 315
12.1. Реинкарнационный и адопционный комплексы..... 316
12.2. Американо-евразийские трансформации мифологических мотивов («разоритель орлиных гнезд», «творение из яйца», «ныряльщик за землей»)..... 337
Заключение альтера 348
Приложение I. Дистрибуция взаимной терминологии родства, генерационно-скошенных терминологий, кумулятивной терминологии родства, линейно-степенной терминологии родства 360
Приложение II. Дистрибуция неотеронимии..... 367
Приложение III. Дистрибуция реинкарнационного комплекса 368
Примечания..... 369
Список литературы 402
Список сокращений 467

Дзибель Герман Валентинович

Феномен родства
Пролегомены к иденетической теории

(Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. Вып. 6)

ϖ

Утверждено к печати
Ученым советом
Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)
Российской Академии наук

ϖ

Редактор *В.А.Попов*
Художник *А.Ю.Харитонова*
Технический редактор *Т.Г.Мянд*
Компьютерная верстка *Г.В.Дзибеля и Т.Г.Мянд*

Подписано к печати 10.02.2001. Формат 60x90 1/16
Объем 29,5 п.л. Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № 1092

Лицензия ЛР № 000125 от 01.04.99
http://www:/kunstkamera.lanck.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, С.-Петербург, 9 линия, 12